ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2011 Том 17

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 5-6

ноябрь - декабрь

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

СИСТЕМОТЕХНИКА

4 **Сухарев М.С., Монахов Ю.М.**
Модель оценки функциональной устойчивости бизнес-процессов

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

7 **Зайцева И.П., Беляков Р.А., Аршинов Н.П, Козниенко И.В.**
Баланс железа, меди и марганца у спортсменов различной специализации под воздействием мышечной нагрузки и в последующий день отдыха в разное время года

12 **Зонтиков Д.Н., Зонтикова С.А.**
Особенности клонального микроразмножения некоторых декоративных сортов Rosa hybrida

15 **Сиротина М.В.**
Анализ морфо-экологических показателей популяций Rana temporaria окрестностей города Костромы и заповедника «Кологривский лес»

19 **Соколов Н.В.**
Лосиные биотопы антропогенного характера

23 **Петухов И.Н., Немчинова А.В., Грозовский С.А., Иванова Н.В.**
Характер и степень повреждения лесных фитохор на участке массового ветровала Костромской области

32 **Грозовская И.С., Иванова Н.В., Грозовский С.А., Шашков М.П.**
Материалы к флоре редких видов Поветлужья (Костромская область)

36 **Горкин О.Г., Позднякова В.Ф.**
Морфологический и биохимический состав крови скота лимузинской породы французской селекции

ФИЛОСОФИЯ

39 **Погодина О.А.**
Прагматический натурализм Пола Куртца

43 **Севелова М.А.**
Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории

47 **Белоусова Т.В.**
Диалог культур как философская проблема

52 **Заякина Р.А.**
Нормативно-интерпретативный подход к изучению социальной адаптации студентов

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

56 Ахмыловская Л.А., Барыш А.Ю.
Координация кросскультурного проекта: методология формирования переводческой партитуры

58 Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю.
М.М. Ипполитов-Иванов как представитель яркого созвездия композиторов конца XIX – начала XX веков

64 Булдаков С.К.
Культурологические и психолого-педагогические аспекты философии образования

69 Витель Е.Б.
Мифически-реальное в пространстве художественной культуры XX века

74 Головань Е.В.
К.Н. Дерунов: послесловие к юбилею

80 Дзюбан В.В.
Взаимоотношение русского государства и казачества: культурно-исторический аспект

85 Ёлшина Т.А.
В. Соловьев и Ф. Ницше в русской литературе конца XIX века

93 Кашина Н.К.
Молитва В. Розанова

98 Корсакова И.А.
Эволюция музыкальной коммуникации

102 Стогниенко А.Ю.
Апокалиптический мотивы в художественной репрезентации фильма А.А. Тарковского «Жертвоприношение»

106 Шемякина М.К.
Концепт «возрождение» в логике развития русской культуры

110 Ёлшина Т.А.
Риторическая поэтика текстов В. Розанова

ЛИНГВИСТИКА

116 Богатырева Е.Н.
Сопоставительный структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентами-наименованиями водоемов в русском и английском языках

120 Карицкая Л.Ю.
Политическая метафора в Мурманской прессе

124 Киселев Д.А.
Антиципация анафорических глаголов во французском языке (синтаксический аспект)

128 Кунавина Н.П.
Жанрообразующая роль фразеологизмов в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»

132 Машкина Ю.В., Александров К.В.
Реализация принципа концептуального понимания иноязычной грамматики при разработке компьютерной обучающей программы

135 Мелерович А.М.
Опыт фразеографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии (задачи и принципы построения словаря «Фразеологизмы в русской поэзии»)

139 Приходько О.Е.
Особенности репрезентации концепта «смерть» в песенном дискурсе музыкального направления «метал»

142 Ухова Л.В.
Гендерная маркированность рекламных текстов: к вопросу об эффективности коммуникации

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

146 Баталова Т.П.
Заглавие поэмы Н.П. Огарёва «Юмор» как выражение её лейтмотива

150 Грязнова А.Ю.
Образ отца в повести А. Платонова «Джан»

153 Гулиева З.Х.
Гендерный аспект карачаево-балкарского нартского эпоса

156 Кушхова А.Л.
Образный мир дилогии А. Кешокова «Вершины не спят»

159 Маслова А.Г.
Преобразование художественного пространства русской торжественной оды в последней трети XVIII века

163 Орехова Е.Н.
«Русский роман» Е.М. Вогюэ как открытие русской литературы во Франции

167 Снежин А.И.
Поэтический сценарий как новая жанровая форма российской кинодраматургии

170 Тихомиров В.В.
Своеобразие метода литературной критики

173 Якубов И.А.
Выражение человеческого духа в экстремальных ситуациях

181 Ясько Е.С.
Проблема утраты идеалов в романе Германа Мелвилла «Искуситель»

185 Котлов А.К.
Особенности субъектной организации рассказа Олега Павлова «Вор»

ИСТОРИЯ

190 Белов А.М.
Костромская губерния и ее руководители (1778–1929): вопросы социокультурной политики

195 Еремеева В.Л.
Образы провинциальных историков Ярославского губернского статистического комитета (1860–1890-е годы)

198 **Матвиевский И.Н.**
Кадеты в Костромской губернии между февралем и октябрем 1917 года
201 **Тюкачёв Н.А.**
Либеральная историография революционного народничества
205 **Чабиева Т.С.**
Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе
210 **Шипилов А.Д., Флейман Е.А.**
Костромская губернская ученая архивная комиссия (1885–1917): организация и становление

ПСИХОЛОГИЯ
217 **Колосова Т.А.**
Механизмы психологической защиты умственно отсталых подростков в контексте школьной адаптации
221 **Самохвалова А.Г.**
Психология детского затрудненного общения: онтогенетический аспект
228 **Фирсов К.Н.**
Психологический анализ агрессивности в спортивной деятельности

ПЕДАГОГИКА
232 **Кожановская Т.В.**
Социально-психологическая готовность старшеклассников к обучению в вузах с различной рекламной политикой
237 **Пинахина Е.А.**
Культура чувств и её воспитание в образовательном процессе
241 **Ронжина Н.В.**
Предмет профессиональной педагогики
245 **Томилова М.И., Васильева Е.Ю.**
Развитие оценочной деятельности преподавателя в системе постдипломного образования
249 **Трещев А.М.**
Бенчмаркинг как инструмент управления университетом
254 **Кукушкина Л.А.**
Модель процесса социального самоопределения учащихся профильных юридических классов

СОЦИОЛОГИЯ
259 **Бахмарова В.Н.**
Специфика исследований управления в современной французской социологии
263 **Коныгина М.Н.**
Структура социально-помогающей деятельности в России
267 **Попова И.В.**
Репрезентация жизненного опыта в качественном исследовании и его образы в культуре
270 **Попова И.В.**
Автобиографический нарратив «история жизни» в контексте культурно-исторической традиции

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
274 **Лукоянов Д.Н.**
Совершенствование правового регулирования статуса председателя районного суда
278 **Петрова О.Н.**
Факторы, влияющие на исполнение законодательства о местном самоуправлении
281 **Рощин Б.Е.**
Российская законность в условиях военного коммунизма: основные особенности
286 **Сироткин А.Г.**
Пожизненное владение как разновидность узуфрукта в российском дореволюционном праве
291 **Смирнов В.Н.**
Развитие законодательства, регламентирующего избрание и применение меры пресечения в виде заключения под стражу
295 **Султанов И.Р.**
Правовые основы и тенденции развития международной экономической интеграции
301 **Груздев В.В.**
Человек как субъект правоотношений: некоторые аспекты исторического метода
308 **Смирнова Е.В.**
Перспективы совершенствования правового статуса администратора районного суда

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ
312 **Брагина З.В., Махова Е.А.**
Энергоэффективность и стратегия поведения потребителя
316 **Кружкова Т.И., Комарова О.В.**
Деловой мир как социокультурный и социально-экономический феномен
321 **Меньших Н.Г., Цукерман В.А.**
Об опыте подготовки специалистов для инновационного развития экономики в регионах российского Севера

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА
325 **Ваулина Л.Н.**
Культура диалога как основополагающая категория межкультурной коммуникации

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ
329 **Романовская В.Б.**
Новое исследование по теории правового состояния личности

331 **SUMMARY**

343 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 658.511.3

Сухарев Михаил Сергеевич,
Монахов Юрий Михайлович
кандидат технических наук
Владимирский государственный университет

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

В статье предлагается модель оценки функциональной устойчивости подлежащих автоматизации бизнес-процессов на основе выделения определенных групп параметров – структурных, организационных и юридических; рассматривается вопрос оценки параметров с целью мониторинга текущего состояния функциональной устойчивости бизнес-процесса.

Ключевые слова: *бизнес-процесс, автоматизация, функциональная устойчивость.*

Функционирование подлежащих автоматизации бизнес-процессов (БП) высокотехнологичного предприятия происходит в постоянном взаимодействии с внешней средой [1]. При этом обширный класс такого взаимодействия представляют разнообразные конфликты, существенно влияющие на достижение БП своих целей, как следствие – ведущие к срыву выполнения своих функций. Все это предопределяет наличие у современных предприятий механизмов, которые должны обеспечивать новое качество бизнес-процессов – способность сохранения и/или восстановления функций (устойчивость) в условиях различного рода неблагоприятных воздействий. Данное качество назовем функциональной устойчивостью бизнес-процесса (ФУБП).

Чтобы обеспечить ФУБП, нужно оценить текущий уровень функциональной устойчивости.

Авторами предлагается модель оценки ФУБП на основе расчета показателя ФУБП (FS), представляющего собой кортеж:

$$FS = < S, O, L >, \qquad (1)$$

где S – вектор структурных параметров ФУБП, определяющих информационно-структурную открытость БП по отношению к его внешнему окружению; O – вектор организационных параметров ФУБП, определяющих функционирование управленческих структур в условиях нечеткого человеческого поведения и неопределенности внешней среды; L – вектор юридических параметров ФУБП, определяющих стабильность БП с точки зрения законодательства и финансовой отчетности.

Вектор структурных параметров S имеет следующий вид:

$$S = < S_1, S_2, S_3, S_4, S_5 >. \qquad (2)$$

Количество структурных блоков (S_1). Эксперт подсчитывает количество блоков в каждом бизнес-процессе и на этой основе дает оценку.

В пределах одного БП не рекомендуется использовать меньше трех и больше семи блоков с описанием действий. Нижняя граница выбрана по соображениям здравого смысла: нет необходимости детализировать процесс диаграммой, содержащей всего один или два процесса. Верхняя граница соответствует человеческим возможностям одновременного восприятия и понимания структуры сложной системы с множеством внутренних связей. Большее количество блоков приводит к усложнению его структуры и избыточности связей, что ведет к потере документов и потоков данных [2].

Количество входов (S_2). Эксперт считает количество входов в каждый блок и выставляет оценку согласно допустимой области значений. Затем проводит анализ на предмет избыточности входов и выходов методом «уменьшения количества входов и выходов бизнес-процесса» за счет отказа от некоторых входов и выходов и их группировки в пакеты.

Количество потоков информации, входящих в одни блок для обработки, не может быть больше четырех, в противном случае данный блок следует разбить на несколько и пересмотреть его функционирование. Большее количество входов усложняет отслеживание процесса преобразования информации, что может приводить к нарушению целостности информации [2].

© Сухарев М.С., Монахов Ю.М., 2011

Нарушение этапов следования субпроцессов (S_3). Эксперт выявляет несоответствия и дает оценку в пределах от 0 до 1; чем проще и логичнее представлен субпроцесс, тем оценка ближе к 1.

При составлении бизнес-процессов могут возникать логические несоответствия следования блоков, что приводит к нарушению структуры следования субпроцессов.

Общее число уровней в модели (S_4). Усиленное внимание к мелочам может привести к созданию трудной для понимания и использования модели.

Для построения полной функциональной модели современного предприятия любой отрасли достаточно 4–5 уровней декомпозиции.

Вектор организационных параметров О имеет следующий вид:

$$O = < O_1, O_2, O_3, O_4, O_5 > . \qquad (3)$$

Передача документов с участием людей (O1). С помощью диаграммы потоков первоначально подсчитывается количество бумажных потоков. При дальнейшем анализе в случае обнаружения процессов согласования, консультирования, утверждения свыше стандарта документооборота экспертная оценка уменьшается. Оптимальным количеством потоков считается значение в диапазоне от 0 до $\frac{N_{РЕГЛАМ}}{2}$.

Количество потоков не должно превышать регламентированного документооборотом количества ($N_{РЕГЛАМ}$), в противном случае имеет место разрастание бюрократического аппарата и возникает угроза разглашения конфиденциальной информации [2].

Предел элементов контроля (O_2). Устанавливается предел числа бумажных подписей $N_{БУМ.КР.}$ и предел общего числа подписей $N_{ПОДП}$. Если $N_{БУМ}$=0 и $N_Э \leq N_{ПОДП} - N_{БУМ.КР.}$, то предел элементов контроля оптимален, где $N_{БУМ}$ и $N_Э$ – число бумажных и электронных подписей соответственно.

Для нормального функционирования предприятия необходимы элементы контроля, заверения. Множество этих функций не добавляет ценности продукту, но увеличивает его стоимость за счет временных потерь, простоев, задержек и добавляет контролирующих элементов больше необходимого. После выявления контролирующих элементов рекомендуется заменить бумажные подписи электронными.

Горизонтальное и вертикальное сжатие (O_3) Вертикальное сжатие бизнес-процесса – сокращение уровней функциональной иерархии, задействованных в выполнении процедур процесса и принятии решений. Горизонтальное сжатие бизнес-процесса – устранение неэффективных процедур процесса, итерационных согласований на одном уровне иерархии, сокращение времени выполнения процедур процесса, времени простоя.

Чем больше процессов следует реорганизовывать этим методом, тем ближе данная оценка к нулю.

Время восстановления (O_4). Определяется количеством дней (часов), необходимым для возвращения организации к состоянию, в котором она находилась до того момента, как произошел сбой.

Под временем восстановления понимается время, необходимое для восстановления работоспособности отдельного бизнес-процесса [3]. Если время восстановления БП меньше допустимого времени восстановления, то можно говорить о функциональной устойчивости данного БП. Для определения времени восстановления БП необходимо проводить тестирование отказоустойчивости ИТ-систем, связанных с работой данного БП.

Снижение эффективности работы предприятия в результате нарушения рассматриваемого БП (O_5). Критерий показывает снижение показателей экономической эффективности работы предприятия в случае какого-либо инцидента.

Расчет производится по формуле:

$$СЭЭ = \frac{Э_0 - Э_1}{Э_0} \times 100\%, \qquad (4)$$

где СЭР – снижение эффективности работы предприятия, $Э_1$ – значение эффективности предприятия в результате нарушения работы БП, $Э_0$ – значение эффективности предприятия до нарушения работы БП.

Вектор юридических параметров О имеет следующий вид:

$$L = < L_1, L_2 > , \qquad (5)$$

Параметр корректности сделок с недвижимостью (L_1). Юристом-экспертом просматриваются необходимые документы, на основании чего делается заключение о их качестве.

Содержание документов, регламентирующих сделки с недвижимостью, должно быть максимально понятным и четким. Юридическая проверка всех проектов, действий, материалов замедляет скорость принятия решений, однако снижа-

Рис. 1. Диаграмма бизнес-процесса «Разработка концепции продукта»

ет риски возникновения проблем, связанных со сделками с недвижимостью [3].

Вероятность наступления банкротства (L_2). Экономическим отделом предприятия осуществляется расчет вероятности наступления банкротства на основе бухгалтерских документов: отчета о прибылях и убытках, бухгалтерского баланса.

В современной практике финансово-хозяйственной деятельности зарубежных фирм для оценки вероятности банкротства наиболее широкое применение получили модели, разработанные Э. Альтманом и У. Бивером. «Z-счёт» Э. Альтмана представляет собой пятифакторную модель на основе пяти показателей с установленными статистическими методами весами.

Для иллюстрации одного из организационных параметров ФУБП «Нарушение этапов следования субпроцессов» рассмотрим его оценку на примере бизнес-процесса «Разработка концепции продукта».

Исходя из диаграммы данного БП (рис. 1) видно, что блоки 1 «Определение целевых сегментов» и 3 «Выбор целевого сегмента» выполняют дублирующие функции. В этом случае возникает сомнение о целесообразности блока 3, так как целевые сегменты уже выбраны в блоке 1. Уровень нарушения этапов следования субпроцессов отражает однократное дублирование функций двух субпроцессов при отсутствии нарушения последовательности шагов, что соответствует лингвистическому значению «среднее» с экспертной оценкой 0,6.

Функциональная устойчивость бизнес-процесса – это показатель качества его работы в условиях различного рода неблагоприятных воздействий. Предложенная модель оценки функциональной устойчивости бизнес-процессов предприятия включает 12 параметров и состоит из трех групп. Данная модель может быть использована в задачах реинжиниринга бизнес-процессов.

Библиографический список

1. *Монахов М.Ю., Кулаков М.А., Полянский Д.А.* Анализ и пути повышения защищенности корпоративной сети предприятия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2010. – №1. – С. 70–72.

2. *Монахов М.Ю., Полянский Д.А.* Методика определения значимости условий возникновения ошибок при обработке информации в АСУ // Автоматизация в промышленности. – 2008. – №11. – С. 10–12.

3. *Файман О.И.* Математическая модель оценки информационных ресурсов в рамках управления информационными ресурсами // Математические методы в технике и технологиях – ММТТ-22: Сб. трудов XXII междунар. науч. конф. Т. 11. Осенняя школа молодых ученых / под общ. ред. В.С. Балакирева. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2009.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 612.616.766.796:612.015.3

Зайцева Ирина Петровна
Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова
irisha-zip@yandex.ru,
Беляков Роман Александрович,
Аршинов Николай Павлович,
Козниенко Игорь Васильевич
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» (филиал, г. Ярославль)

БАЛАНС ЖЕЛЕЗА, МЕДИ И МАРГАНЦА У СПОРТСМЕНОВ РАЗЛИЧНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МЫШЕЧНОЙ НАГРУЗКИ И В ПОСЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ОТДЫХА В РАЗНОЕ ВРЕМЯ ГОДА

В исследованиях на 24 студентах-спортсменах различной специализации методом эмиссионного спектрального анализа установлено, что под воздействием мышечной нагрузки потери железа, меди и марганца с экскрементами значительно превышали поступление этих микроэлементов (МЭ) с пищевым рационом как осенью, так и летом; их расходы в тренировочный день не компенсировались за один день отдыха, что указывает на возможность проявления дефицита МЭ в организме.

Ключевые слова: *спортсмены, мышечная нагрузка, баланс, микроэлементы, железо, медь, марганец, ретенция, экскреция.*

Микроэлементы (МЭ), в частности железо, медь и марганец, относятся к тем микронутриентам, дефицит или избыток которых ведет к существенным нарушениям обмена веществ в организме и, как следствие этого – к снижению работоспособности [2; 6–8]. Это объясняется связью указанных биоэлементов с гормонами, витаминами, ферментами и их непосредственным участием в важнейших метаболических процессах. В связи с этим для ускорения реабилитации организма после больших мышечных напряжений необходимо обеспечить не только достаточную насыщенность пищевых рационов белками, жирами, углеводами, витаминами и другими компонентами, но и оптимальное соотношение в них минеральных элементов. Совершенно очевидно, что сбалансированное по микроэлементному составу питание требует предварительного изучения потребности в них спортсменов различной специализации, возраста и пола при воздействии мышечных тренировочных и соревновательных нагрузок. Одним из объективных способов изучения потребности организма в МЭ является определение их баланса [5].

Целью настоящего исследования явилось изучение баланса железа, меди и марганца у спортсменов различной специализации под воздействием соответствующей виду спорта физической нагрузки и в последующий день отдыха после нее в осенний и летний периоды тренировки. Всего под наблюдением находилось 24 студента-спортсмена высокой квалификации в возрасте от 18 до 22 лет. Учитывая сложность и трудоемкость балансовых исследований, в каждую группу включили не более 6 человек, близких по возрасту, физическому развитию, спортивной квалификации и нормальной функциональной деятельности желудочно-кишечного тракта. Первую группу составили самбисты, вторую – баскетболисты, третью – спортсмены ориентировщики, и четвертую, контрольную группу, – нетренированные студенты. У всех студентов баланс МЭ изучали в индивидуальных условиях режима домашнего питания с последующим суммированием рационов в каждой исследуемой группе спортсменов. Суточный баланс МЭ определяли дважды: осенью (октябрь) и летом (июнь) – в день выполнения тренировочной физической нагрузки и в последующий день отдыха путем сопоставления количества МЭ, введенных в организм с пищей и выведенных с калом и мочой. Содержание МЭ в биосубстратах определяли методом эмиссионного спектрального анализа на спектрографе

© Зайцева И.П., Беляков Р.А., Аршинов Н.П., Козниенко И.В., 2011

ИСП-30 с дуговым генератором ДГ-2 с последующим измерением интенсивности почернения аналитических линий исследуемых МЭ и элемента сравнения (кобальта) на микрофотометре МФ-2 [3; 4]. Весь полученный материал обработан статистически на компьютере с использованием пакета прикладных статистических программ для «Windows». Достоверность сдвигов оценивали с помощью критерия «t» Стьюдента-Фишера.

Баланс железа. Исследования показали, что содержание железа в рационах питания спортсменов всех специализаций в тренировочный день в осенний период вполне соответствовало рекомендуемым нормам для лиц, не занимающихся спортом (норма для мужчин – 10–15 мг/сутки) [1; 9; 10]. Однако потери железа с экскрементами (даже без учета потерь с потом) во время выполнения мышечной нагрузки существенно превышали поступление железа с пищей у самбистов – на 46, баскетболистов – на 38 и ориентировщиков – на 50% (табл. 1). Дефицит железа в организме составил соответственно по группам специализации – 7; 5 и 7 мг. В летний период тренировки концентрация железа в пищевых рационах у спортсменов всех специализаций оказалась достоверно ниже осеннего уровня. Под воздействием мышечной нагрузки экскреция железа из организма существенно превышала поступление этого минерала с пищей в первой группе – на 90, во второй – на 78 и в третьей – на 75% , в результате проявления отрицательного баланса железа дефицит его в организме составил соответственно по группам 9; 7 и 8% мг/сутки.

У студентов, не занимавшихся спортом, баланс железа в осенний период при относительно нормальном его содержанием в рационе (для

Таблица 1

Суточный баланс железа, меди и марганца в организме спортсменов под воздействием тренировочной мышечной нагрузки в разное время года (M±m)

Микроэлементы	№ п/п	Группы n=6	Количество микроэлементов, мг			
			в суточном рационе	выведено из организма		
				всего	с калом	с мочой
Железо	1	Самбисты	15±1,3⊗	22±1,4*⊗	19,8±1,4*	2,2±0,01*⊗
			10±0,9	19±1,1*	17,1±1,1*	1,9±0,01*
	2	Баскетболисты	13±1,4⊗	18±1,3*	16,2±1,3*	1,8±0,01*⊗
			9±0,8	16±0,9*	14,4±0,9*	1,6±0,09*
	3	Ориентировщики	16±1,5⊗	24±1,9*	21,6±1,9*	2,4±0,02*⊗
			12±1,9	21±1,8*	18,9±1,8*	2,1±0,01*
	4	Нетренированные студенты	13±1,3⊗	11±1,8	9,9±0,8*	1,1±0,01*⊗
			9±1,0	13±0,9*	11,7±0,9*	1,3±0,01*
Медь	1	Самбисты	1,78±0,01⊗	2,32±0,03*⊗	2,09±0,03*⊗	0,23±0,009*⊗
			0,96±0,02	1,69±0,04*	1,52±0,04*	0,17±0,008*
	2	Баскетболисты	1,86±0,02⊗	2,16±0,05*⊗	1,95±0,05*⊗	0,21±0,010*
			0,82±0,01	1,76±0,02*	1,68±0,02*	0,19±0,009*
	3	Ориентировщики	2,10±0,02⊗	2,69±0,04*⊗	2,42±0,04*⊗	0,27±0,010*⊗
			1,09±0,01	2,08±0,06*	1,87±0,06*	0,21±0,008*
	4	Нетренированные студенты	1,22±0,01⊗	0,97±0,03*⊗	0,87±0,03*	0,10±0,007*
			0,68±0,01	0,89±0,02*	0,80±0,02*	0,09±0,006*
Марганец	1	Самбисты	5,2±0,22⊗	7,4±0,35*⊗	7,27±0,35*⊗	0,13±0,003*⊗
			4,3±0,31	6,2±0,27*	6,12±0,27*	0,08±0,004*
	2	Баскетболисты	4,9±0,28⊗	6,4±0,23*⊗	6,31±0,23*⊗	0,09±0,003*⊗
			3,8±0,19	5,3±0,21*	5,23±0,21*	0,07±0,002*
	3	Ориентировщики	5,3±0,26⊗	7,2±0,32*⊗	7,11±0,32*⊗	0,09±0,007*⊗
			4,6±0,17	5,9±0,27*	5,84±0,27*	0,06±0,002*
	4	Нетренированные студенты	4,2±0,23⊗	3,1±0,25*⊗	3,07±0,25*⊗	0,03±0,006*
			3,8±0,18	2,7±0,22*	2,66±0,22*	0,04±0,006*

Примечание: в числителе – показатели осенью; в знаменателе – показатели летом; * – различия по сравнению с величиной в рационе достоверны (P<0,05); ⊗ – различия по сравнению с величиной летом достоверны (P<0,05); n – количество исследуемых в каждой группе.

нетренированных лиц) был положительным при задержке этого биотика в организме, равной 2 мг/сутки. В летнее время года количество железа в рационах питания этой группы исследуемых, так же как и у спортсменов, резко сократилось по сравнению с осенью (на 31%), в результате проявился отрицательный баланс этого биотика, дефицит которого составил 4 мг/сутки.

Баланс меди. Как видно из таблицы 1, концентрация меди в пищевых рационах спортсменов всех специализаций в осеннее время года была относительно близкой к суточным ее потребностям (норма для нетренированных людей – 2 мг/сутки), а летом уровень меди в пище составил всего лишь около 50% от физиологической нормы. Под влиянием физической нагрузки суточный баланс меди в обоих случаях оказался отрицательным. Потери ее с экскрементами значительно превышали поступление биоэлемента с пищевым рационом осенью соответственно по группам на 30; 36 и 28%, а летом – на 76; 91 и 91% (P<0,001). Дефицит меди только за один тренировочный день в осеннее время года составил у самбистов – 0,54; баскетболистов – 0,3 и ориентировщиков – 0,7 мг/сутки, а в летний период соответственно – 0,73; 0,84 и 0,99 мг/сутки. У нетренированных студентов осенью, даже при содержании меди в пище почти в 2 раза ниже нормы, баланс ее в организме был положительным с задержкой равной 0,25 мг/сутки, что свидетельствует о выраженном дефиците меди у исследуемых юношей. В летний период уровень меди в рационах питания лишь на 1/3 удовлетворял физиологическую потребность в этом биотике, вследствие чего баланс меди оказался отрицательным, потери ее с экскрементами превышали поступление

Таблица 2

Суточный баланс железа, меди и марганца в день отдыха после тренировочной мышечной нагрузки в разное время года (M±m)

Микроэлементы	№ п/п	Группы n=6	Количество микроэлементов, мг			
			в суточном рационе	выведено из организма		
				всего	с калом	с мочой
Железо	1	Самбисты	16±1,4⊗	10±1,6*	8,7±1,6*	1,3±0,01*⊗
			12±1,3	7±1,2*	6,2±1,2*	0,8±0,01*
	2	Баскетболисты	15±1,5⊗	11±1,3*⊗	9,9±1,3*⊗	1,1±0,01*⊗
			10±0,9	6±0,9*	5,2±0,9*	0,8±0,009*
	3	Ориентировщики	17±1,5	10±1,5*	8,8±1,5*	1,2±0,02*⊗
			14±1,2	7±1,0*	6,1±1,0*	0,9±0,01*
	4	Нетренированные студенты	13±1,4⊗	12±0,9	11,0±0,9*	1,0±0,01*⊗
			8±0,8	10±1,1*	8,6±1,1	1,4±0,009*
Медь	1	Самбисты	1,93±0,01⊗	1,46±0,03*⊗	1,39±0,03*⊗	0,07±0,009*⊗
			1,2±0,009	0,56±0,02*	0,53±0,02*	0,03±0,007*
	2	Баскетболисты	1,87±0,01⊗	1,62±0,03*⊗	1,54±0,03*⊗	0,08±0,009*⊗
			0,94±0,01	0,47±0,02*	0,45±0,02*	0,02±0,008*
	3	Ориентировщики	2,15±0,02⊗	1,72±0,04*⊗	1,63±0,04*⊗	0,09±0,001*⊗
			1,22±0,01	0,51±0,03*	0,49±0,03*	0,02±0,009*
	4	Нетренированные студенты	1,34±0,01⊗	1,15±0,02*⊗	1,09±0,02*⊗	0,06±0,009*⊗
			0,71±0,009	0,48±0,02*	0,46±0,02*	0,02±0,006*
Марганец	1	Самбисты	6,1±0,32⊗	3,9±0,36*	3,82±0,36*	0,08±0,004*
			4,8±0,28	3,9±0,27*	3,82±0,27*	0,08±0,003*
	2	Баскетболисты	5,6±0,29⊗	4,4±0,31*⊗	4,31±0,31*⊗	0,09±0,003*⊗
			434±0,19	3,1±0,23*	3,04±0,23*	0,06±0,002*
	3	Ориентировщики	6,2±0,33⊗	4,6±0,25*⊗	4,51±0,25*⊗	0,09±0,004*⊗
			4,8±0,22	3,8±0,22*	3,72±0,22*	0,08±0,003*
	4	Нетренированные студенты	4,6±0,31	3,7±0,29*⊗	3,63±0,29*⊗	0,07±0,002*⊗
			3,7±0,24	2,9±0,25*	2,84±0,25*	0,06±0,002*

Примечание: в числителе – показатели осенью; в знаменателе – показатели летом; * – различия по сравнению с величиной в рационе достоверны (P<0,05); ⊗ – различия по сравнению с величиной летом достоверны (P<0,05); n – количество исследуемых в каждой группе.

с пищей на 0,21 мг/сутки. Следует отметить, что не только содержание меди в рационах питания у спортсменов всех специализаций как осенью, так и летом было выше, нежели у студентов контрольной группы, но и экскреция ее с калом и мочой у тренированных лиц превышала таковую относительно нетренированных студентов (P<0,05).

Баланс марганца. Как показали исследования, содержание марганца в рационах осенью у спортсменов всех специализаций находилось на нижней границе рекомендуемых норм для лиц, не занимающихся спортом (норма 5–7 мг/сутки). Под воздействием мышечной нагрузки, соответствующей избранному виду спорта, экскреция марганца из организма достоверно превышала поступление его с пищей: у самбистов – на 2,2, баскетболистов – на 1,4 и ориентировщиков – на 1,9 мг/сутки. В группе нетренированных студентов баланс марганца оказался положительным со среднесуточной задержкой биотика, равной 1,1 мг/сутки (табл. 1). В летний период содержание марганца в рационах у всех исследуемых было достоверно ниже относительно осеннего уровня. В тренировочный день у спортсменов всех специализаций потери марганца с экскрементами, так же как и осенью, оказались значительно выше его уровня в пище и составили: в 1-й группе – 1,9, во 2-й – 1,5 и в 3-й – 1,3 мг/сутки. В контрольной группе студентов, несмотря на очень низкое содержание марганца в рационе питания, суточный баланс его по-прежнему оставался положительным (задержка составила 1,1 мг/сутки), что свидетельствует о повышенной потребности в этом биотике и выраженном дефиците его в организме.

Следующим этапом исследования было определение баланса МЭ в день отдыха после выполнения мышечной нагрузки в разное время года (табл. 2). Исследования показали, что у спортсменов всех специализаций в осенний период наблюдалось резкое снижение экскреции МЭ из организма через желудочно-кишечный тракт и почки, что сопровождалось существенной задержкой железа, меди и марганца, равной соответственно у самбистов 6; 0,47 и 2,2; баскетболистов – 4; 0,25 и 1,2 и ориентировщиков – 7; 0,43 и 1,6 мг/сутки. В летний период ретенция МЭ из пищевого рациона в день отдыха у всех спортсменов, так же как и осенью, оказалась весьма значительной. Суточная задержка железа составила в первой группе – 5, во второй – 4 и в третьей – 7; меди соответственно по группам – 0,64; 0,47 и 0,71; марганца – 1,1; 1,2 и 1,0 мг/сутки. У нетренированных студентов на второй день наблюдения в осенний период баланс всех изучаемых МЭ был положительным, а летом – баланс железа оказался отрицательным вследствие очень низкого уровня этого биотика в пище (дефицит составил 2 мг/сутки). Содержание меди и марганца в рационе хотя и было существенно ниже физиологической нормы потребления, потери их с экскрементами были достоверно меньше поступления меди и марганца с пищей соответственно на 0,23 и 0,8 мг/сутки.

Анализ оценки проведенных нами балансовых исследований в осенний и летний периоды тренировки показал, что повышенные расходы МЭ при выполнении тренировочной мышечной нагрузки на фоне низкого содержания железа, меди и марганца в рационах питания создавали реальные предпосылки для образования дефицита любого из названных элементов в организме спортсменов различных специализаций. Вместе с тем положительный баланс железа, меди и марганца при различной насыщенности ими пищевого рациона свидетельствует о повышенной потребности организма в этих элементах и указывает на наличие латентного дефицита исследуемых МЭ в организме спортсменов. Повышенная задержка в организме спортсменов МЭ пищевого рациона или снижение эндогенного их выделения в период отдыха уже указывает на сокращение резервов эссенциальных биоэлементов в организме.

При сопоставлении результатов двух балансовых исследований можно заметить, что, несмотря на положительный баланс и значительную задержку в организме МЭ пищевого рациона в день отдыха, у спортсменов, подвергавшихся воздействию мышечной нагрузки как осенью, так и летом, их потери с экскрементами в день тренировки не компенсировались за один день отдыха. В связи с этим следует обращать особое внимание на достаточную насыщенность рационов питания МЭ за счет продуктов, наиболее богатых биотиками, или использовать различные витамино-минеральные комплексы в качестве добавок к питанию спортсменов высокой квалификации.

Сравнивая общую экскрецию МЭ из организма спортсменов с концентрацией их в фактических рационах питания в осенний и летний периоды тренировки, можно заключить, что потреб-

ность в железе должна составлять примерно 20–25 мг/сутки, меди – 2,53 мг и марганца 7–10 мг/сутки. Следует учитывать, что при увеличении объема и интенсивности тренировочных и соревновательных нагрузок потребности в МЭ могут существенно возрастать.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Под воздействием мышечной нагрузки потери железа, меди и марганца с экскрементами были примерно одинаковыми у спортсменов всех специализаций и значительно превышали поступление этих МЭ с пищевым рационом как осенью, так и летом, что способствовало проявлению отрицательного баланса биоэлементов в организме.

2. В последующий после тренировки день отдыха отмечалась повышенная ретенция МЭ из рациона питания и резко сокращалась экскреция железа, меди и марганца с калом и мочой у всех спортсменов, однако расходы МЭ в тренировочный день не компенсировались за один день отдыха, что указывает на снижение резервов и возможность проявления латентного дефицита названных элементов в организме со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

3. Насыщенность рационов питания железом, медью и марганцем в летний период тренировки у спортсменов всех специализаций оказалась значительно ниже по сравнению с осенью и в обоих случаях не соответствовала необходимой потребности спортсменов высокой квалификации в этих МЭ.

4. При выполнении больших тренировочных и соревновательных мышечных нагрузок необходимо обогащать пищевые рационы спортсменов МЭ в любое время года за счет правильного подбора продуктов питания или специальных витамино-минеральных комплексов.

Библиографический список

1. ВОЗ. Серия технических докладов № 532. Микроэлементы в питании человека. – Женева, 1975.

2. *Гладких И.П., Насолодин В.В.* Обеспеченность медью тренированных и нетренированных школьников в разное время года // Вопросы питания. – 2007. – № 1. – С. 42–46.

3. *Корегян С.К.* Эмиссионный спектральный анализ нефтепродуктов. – М.: Химия, 1969.

4. *Кудрявцев Н.А.* Применение метода эмиссионного спектрального анализа для определения динамики железа в организме в процессе мышечной деятельности // Вестник Ярославского ун-та. – 1973. – № 2. – С. 111–116.

5. *Насолодин В.В.* Определение баланса микроэлементов у спортсменов // Гигиена и санитария. – 1984. – № 11. – С. 78–80.

6. *Насолодин В.В.* Физическая работоспособность при железодефицитных состояниях // Вопросы питания. – 1989. – № 3. – С. 9–16.

7. *Насолодин В.В., Воронин С.М., Зайцева И.П., Гладких И.П.* Профилактика железодефицитных состояний у спортсменов высокой квалификации // Гигиена и санитария. – 2006. – № 2. – С. 44–47.

8. *Насолодин В.В., Гладких И.П.* Обеспеченность марганцем тренированных и нетренированных школьников и студентов в разное время года // Гигиена и санитария. – 2007. – № 1. – С. 59–61.

9. *Новиков Г.В.* Обеспеченность населения микроэлементами: значение, основные факторы формирования и оценка // Гигиенические аспекты обеспеченности населения микроэлементами. – Л., 1976. – С. 12–20.

10. Руководство по потреблениям человека в пищевых веществах. ВОЗ. – Женева, 1976.

УДК 630.232.328

Зонтиков Дмитрий Николаевич
кандидат сельскохозяйственных наук
zontikovdn@mail.ru
Зонтикова Светлана Анатольевна
кандидат сельскохозяйственных наук
antennaria@mail.ru
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ОСОБЕННОСТИ КЛОНАЛЬНОГО МИКРОРАЗМНОЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ДЕКОРАТИВНЫХ СОРТОВ *ROSA HYBRIDA*

В статье показан процесс клонального микроразмножения некоторых декоративных сортов Rosa hybrida от этапа стерилизации до укоренения. Особое внимание уделено влиянию регуляторов роста на процессы геммо- и ризогенеза.

Ключевые слова: *клональное микроразмножение, регуляторы роста, геммогенез, ризогенез, 6-бензиламинопурин, α-нафтилуксусная кислота.*

Представители рода *Rosa* занимают особое место среди декоративных кустарников. В настоящее время выведено огромное число сортов и форм, различающихся окраской цветка, его формой, высотой цветоноса, наличием шипов и т.д. В цветоводстве декоративных сортов рода *Rosa* большое значение имеет раздел, связанный с размножением ценных сортов и получением необходимого количества посадочного материала, разработкой и внедрением новых, экономически эффективных методов. Многие сорта и формы рода *Rosa* плохо размножаются традиционным методом вегетативного размножения – черенкованием. Наиболее быстрым и экономически выгодным решением данной проблемы является клональное микроразмножение перспективных образцов.

Одним из наиболее важных факторов при клональном микроразмножении является содержание в среде регуляторов роста. В настоящее время к регуляторам роста относят 5 типов веществ, которые условно подразделяют на гормоны стимулирующего и ингибирующего действия. К гормонам стимулирующего действия относят ауксины, гиббереллины и цитокинины, а ингибирующего – абсцизовую кислоту и этилен [3].

Цитокинины участвуют во многих физиологических процессах растений, регулируют деления клеток, морфогенез побега и корня, созревание хлоропластов, линейный рост клетки, образование добавочных почек.

Ауксины стимулируют ростовые процессы, такие как рост корней, растяжение клеток, деление клеток в культуре ткани.

Соотношение ауксинов и цитокининов является ключевым фактором деления клеток и дифференцировки тканей, поэтому при культивировании растений *in vitro* используют различные сочетания и концентрации этих веществ. При этом различным видам и даже тканям одного растения для эффективного морфогенеза необходимы различные комбинации и количества этих регуляторов роста, которые устанавливаются эмпирическим путем.

В мировой практике клонального микроразмножения растений наиболее широко применяется цитокинин 6-бензиламинопурин (БАП) и ауксин α-нафтилуксусная кислота (НУК), что связано со стабильностью промышленного производства этих синтетических соединений, устойчивостью их химической структуры при автоклавировании и эффективным индуцированием морфогенеза [2].

В задачу нашего исследования входило изучение влияния различных сочетаний концентраций БАП и НУК на геммогенез (почкообразование) и ризогенез (корнеобразование) розы гибридной.

В работе использовали перспективные сорта для тепличного выращивания *Rosa hybrida* Престиж и Карина, предоставленные ГУСХП «Высоковский».

Исследования проводились согласно общепринятой методике клонального микроразмножения [1]. Характер образование почек непосредственно в тканях эксплантa рассматривали согласно классификации, предложенной Мурасиге [5].

От донорных растений изолировали сегменты побега с пазушной меристемой длиной 1 см. Метамеры промывали в водном растворе перманганата калия в течение десяти минут. После этого работы вели в стерильных условиях лами-

© Зонтиков Д.Н., Зонтикова С.А, 2011

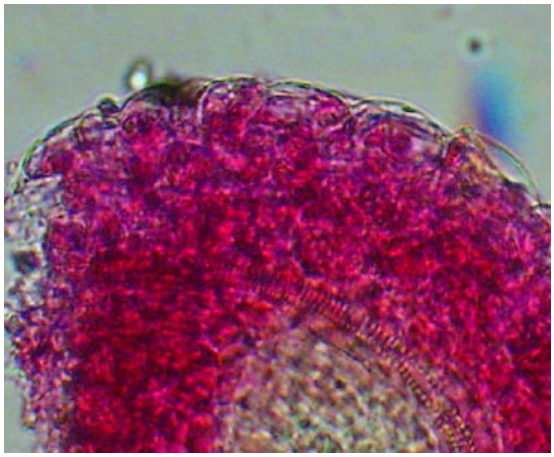


Рис. 1. Апикальная меристема розы сорта Престиж (увеличение 10х40)

Рис. 2. Побегообразование у розы сорта Карина (24-е сутки после введения)

нарного бокса. Метамеры промывали в 70% растворе этанола в течение 20 секунд, далее помещали в 2,0% водный раствор гипохлорита натрия на 10 минут, затем трехкратно промывали в стерильной дистиллированной воде в течение 15 минут [4]. В асептических условиях сегменты помещали в чашку Петри и под бинокулярной лупой с помощью скальпеля и препаровальной иглы выделяли меристему с листовыми примордиями. Выделенную меристему помещали в культуральные сосуды с питательной средой.

Меристему культивировали на питательной среде с минеральной основой MS [5]. В качестве источника углеводов использовали сахарозу в концентрации 20 г/л, для желирования среды использовали агар «Difko» – 5 г/л, pH среды колебался от 5,8 до 5,9. Для стимуляции геммогенеза использовали 0,5; 1,0; 1,5; 2,0 мг/л БАП в сочетании с 0,1; 0,2; 0,3 или 0,4 мг/л НУК соответственно. За контроль был принят вариант сочетания БАП 0,5 мг/л + НУК 0,1мг/л, предложенный в работе Pegah Khosravi (2007) [6]. Культивировали при постоянной температуре +22^{0}С, освещенности 3–4 тыс. люкс и фотопериоде 16 часов день, 8 – ночь [1]. Полученные побеги делили на метамеры и пересаживали на свежую питательную среду аналогичного состава до образования хорошо развитых растений-регенерантов. Для развития и роста корней полученные микропобеги помещали на питательную среду MS, дополненную НУК в концентрации 0,1; 0,2; 0,3 или 0,4 мг/л, а также 20 г/л сахарозы и 5 г/л агара.

Было установлено, что меристемы, помещенные на питательную среду (все варианты), через 7 суток культивирования начинали с разной интенсивностью образовывать каллус, на котором после 10 суток были видны почки, а через 14 суток отмечался активной рост побегов (рис. 2). Наибольшее количество побегов образовалось на питательной среде с содержанием регуляторов

Таблица 1

Влияние регуляторов роста на побегообразование у *Rosa hybrid*

Регуляторы роста, мг/л	Сорт	Общее количество эксплантов, шт.	Количество морфогенных эксплантов		Количество полученных побегов, шт.
			шт.	%±Sp	
БАП 0,5+ НУК 0,1 (контроль)	Престиж	52	21	39,2±0,9	12
	Карина	60	33	55,0±0,8	17
БАП 1,0 + НУК 0,2	Престиж	44	28	62,1±0,9	14
	Карина	45	27	59,3±0,7	22
БАП 1,5 + НУК 0,3	Престиж	52	**37**	**70,4±0,5**	**24**
	Карина	60	**43**	**71,2±0,8**	**29**
БАП 2,0 + НУК 0,4	Престиж	60	17	28,3±0,6	3
	Карина	60	21	35,0±0,7	6

Таблица 2

Влияние α-нафтилуксусной кислоты на корнеобразование у *Rosa hybrid*

Регуляторы роста, мг/л	Сорт	Общее растений-регенерантов, шт.	Количество укоренившихся растений-регенерантов (20 сутки)	
			шт.	%±Sp
НУК 0,1 (контроль)	Престиж	32	30	92,2±0,7
	Карина	30	24	79,0±0,8
НУК 0,2	Престиж	34	32	93,1±0,9
	Карина	30	**29**	**95,3±0,7**
НУК 0,3	Престиж	32	21	64,7±0,5
	Карина	33	19	57,2±0,8
НУК 0,4	Престиж	29	11	37,9±0,6
	Карина	25	13	52,0±0,7

роста БАП 1,5 + НУК 0,3. Для сорта Престиж из 52 введённых меристем 37 (70,4%) были морфогенными и образовали 24 побега, у сорта Карина из 60 введённых меристем морфогенными оказались 43 (71,2 %) и образовали 29 побегов (табл. 1).

На 20–26 сутки культивирования, после того как побеги достигли в длину 4–5 см, проводили их мультипликацию и пересаживали на свежую питательную среду. Через 10 суток наблюдали образование новых микропобегов (рис. 3).

На 40-е сутки культивирования пересаживали хорошо сформированные побеги с 4–6 листьями на питательную среду для укоренения. Лучший результат был получен на питательной среде с содержанием НУК 0,2 мг/л, где процент укоренившихся побегов у сорта Престиж составил 93,1%, сорта Карина 95,3% (табл. 2). На питательных средах с высоким содержанием регулятора роста наблюдалось активное образование каллуса на месте среза и в местах локализации образовательной ткани, кроме того, наблюдалось образование витрифицированных побегов. В контрольном варианте процесс укоренения занял больше времени.

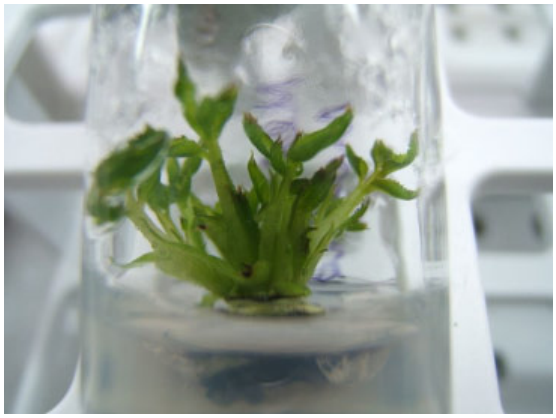


Рис. 3. Побегообразование после мультипликации, 10 сутки

При клональном микроразмножении декоративных сортов роз большое значение имеет использование определённой концентрации регуляторов роста, её увеличение ведёт к витрификации побегов и образованию неморфогенного каллуса, а уменьшение – к приостановке морфогенетической активности. Очень важно своевременно проводить пересадку микрорастений на свежие питательные среды, не допуская пожелтения листьев.

Таким образом, нами было установлено, что наиболее эффективно проводить культивирование меристем *Rosa hybrida* сортов Карина и Престиж на питательной среде MS, содержащей регуляторы роста в концентрации: 6-бензиламинопурин – 1,5 мг/л и α-нафтилуксусную кислоту – 0,3 мг/л, что позволяет получить 70,4% и 71,2% морфогенных эксплантов, образующих по 24 и 29 микропобегов соответственно. Для образования корней их целесообразно пересаживать на среду, содержащую 0,2 мг/л α-нафтилуксусной кислоты.

Библиографический список

1. *Бутенко Р.Г.* Культура изолированных тканей как метод изучения процессов роста и морфогенеза растений. – М.: Наука, 1964. – 256 с.

2. *Кулаева О.Н.* Как регулируется жизнь растений // Соросовский образовательный журнал. – 1995. – № 1. – 134 с.

3. *Муромцев Г.С.* Основы сельскохозяйственной биотехнологии. / Г.С. Муромцев, Р.Г. Бутенко, Т.И. Тихоненко. – М.: Наука, 1990. – 176 с.

4. *Поляков А.В.* Получение регенерантов овощных культур и их размножение *in vitro*. Ме-

тодические рекомендации. – М.: ГНУ ВНИИО Россельхозакадемии, 2005. – 36 с.

5. *Murashige T. A.* Revised Medium for Rapid Growth and Bio Assays with Tobacco Tissue Cultures /T. Murashige, F. Skoog // Physiologia Plantarum. – 1977. – V. 15. – P. 497.

6. *Pegah K.* A protocol for mass production of *Rosa hybrida* cv. Iceberg through *in vitro* propagation. / Pegah Khosravi, Maryam Jafarkhani Kermani, Gorban Ali Nematzadeh1, Mohammad Reza Bihamta // I ranian journal of biotechnology. – 2007. – Vol. 5. – № 2. – P. 192.

УДК 597.82:591.557.2

Сиротина Марина Валерьевна
кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
mvsirotina@gmail.com

АНАЛИЗ МОРФО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОПУЛЯЦИЙ *RANA TEMPORARIA* ОКРЕСТНОСТЕЙ ГОРОДА КОСТРОМЫ И ЗАПОВЕДНИКА «КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕС»

В статье приводятся данные по морфометрическим характеристикам популяций травяной лягушки Костромской области. В целях биоиндикации используется коэффициент асимметрии билатерально расположенных признаков.

Ключевые слова: *травяная лягушка, морфометрические показатели, Костромская область, заповедник «Кологривский лес», коэффициент асимметрии.*

В настоящее время в условиях всё более возрастающего антропогенного пресса на природные экосистемы чрезвычайно актуальными становятся мониторинговые исследования, основанные на биоиндикации. Земноводные являются удобным объектом биомониторинга, так как связывают трофические сети пресноводных водоёмов и суши, могут являться консументами нескольких порядков, их икра и личинки чувствительны к загрязнителям. Земноводные имеют продолжительность жизни от 4 до 7 лет, что позволяет по характеристикам их популяций оценивать эффекты длительного воздействия антропогенных факторов на экосистемы. В Костромской области наиболее распространённым видом среди земноводных является лягушка травяная (*Rana temporaria*), тем не менее, состояние популяций этого вида, их морфометрические характеристики изучены слабо.

В связи с вышеуказанным, целью нашей работы было изучение морфометрических характеристик лягушки травяной и оценка стабильности развития её популяций по показателям флуктуирующей асимметрии билатерально симметричных признаков в условиях пригородных, фоновых экосистем и экосистем государственного природного заповедника «Кологривский лес».

Данные собраны за полевой сезон 2010 года, общий объём выборки составил 91 особь травяной лягушки, в том числе 48 особей было отловлено но территории заповедника (район экспедиционных стоянок на реках Сеха и Понга), 30 особей вблизи деревни Бурдово Кологривского района Костромской области и 13 особей в лесном массиве вблизи посёлка Караваево в окрестностях г. Костромы. Для изучения морфометрических признаков были сделаны следующие промеры:

L. – длина тела от кончика морды до анального отверстия;

L.c. – длина головы, расстояние от кончика морды до края затылочного отверстия (прощупывается через кожу);

F. – длина бедра;

T. – длина голени.

На основании промеров были высчитаны морфометрические индексы L./ L.c., L./T., F./T. (табл. 1).

Стабильность развития популяций оценивалась по коэффициенту асимметрии, выраженной средней частотой асимметричного проявления на признак (ЧАПП), рассчитанной по формуле:

ЧАПП = Σ A/N•M,

A – число асимметричных признаков у отдельных особей;

N – число особей в выборке;

M – число анализируемых признаков.

Нами были проанализированы следующие билатеральные признаки [1]:

© Сиротина М.В., 2011

Таблица 1

Морфометрические характеристики популяций *Rana temporaria*

Показатели	Заповедник «Кологривский лес»	Лес вблизи посёлка Караваево
L. (мм)	76,04±1,51	68,20±2,57
L.c. (мм)	22,95±0,61	21,70±1,52
F. (мм)	32,95±0,76	29,3±0,84
T. (мм)	38,18±0,75	32,6±1,32
L./ L.c.	3,31 (♂ 3,17;♀ 3,35)	3,14 (♂ 3,72;♀ 2,81)
L./T.	1,99 (♂ 1,95;♀ 2,00)	2,09 (♂ 2,19;♀ 2,02)
F./T.	0,86 (♂ 0,92;♀ 0,84)	0,89 (♂ 0,89;♀ 0,88)

– число тёмных полос на дорсальной стороне бедра;

– число тёмных пятен на дорсальной стороне бедра;

– число тёмных полос на дорсальной стороне голени;

– число тёмных пятен на дорсальной стороне голени;

– число тёмных полос на стопе;

– число тёмных пятен на стопе;

– число тёмных пятен на спине;

– число бугорков на λ-образном пятне спины;

– число зубов на межчелюстной кости;

– число зубов на сошнике.

Как видно из таблицы 1, половозрелые особи травяной лягушки заповедника «Кологривский лес» заметно крупнее половозрелых особей окрестностей города Костромы, и по большинству промеров разница является статистически достоверной ($p<0,01$). Это очевидно связано с более богатой кормовой базой и отсутствием антропогенной нагрузки на заповедных территориях.

Травяные лягушки Костромской области в целом превосходят по промерам травяных лягушек Брянской [4] и Калужской областей [2] ($p<0,001$), при этом морфометрические показатели травяных лягушек Калужской области несколько ближе к аналогичным промерам лягушек Костромской области (рис. 1). Возможно, это связано с тем, что на юго-востоке Калужской области исследования проводились на заповедных территориях.

Большинство морфометрических индексов травяной лягушки Костромской области мало отличаются от аналогичных показателей лягушек Брянской и Калужской областей, что говорит о сходных пропорциях тела животных. При этом индекс (L./ L.c.) травяных лягушек Костромской области (в среднем 3,22) заметно ниже этого же индекса лягушек Калужской (♂ 3,76; ♀ 4,03) и Брянской областей (4,25), то есть травяные лягушки Костромской области обладают несколько большим относительным размером головы.

В популяции травяных лягушек заповедника «Кологривский лес» доля самок составляет 72%,

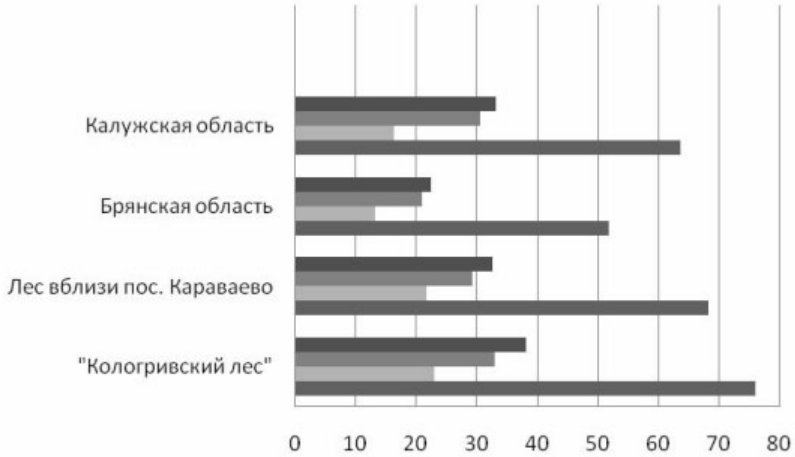


Рис. 1. Сравнительная характеристика морфометрических показателей (мм) *Rana temporaria* Костромской (собственные исследования), Калужской [2] и Брянской [4] областей

Таблица 2

Морфометрические характеристики самцов и самок исследованных популяций

Показатели	Заповедник «Кологривский лес»				Лес вблизи посёлка Караваево			
	♂♂		♀♀		♂♂		♀♀	
	$\overline{X} \pm S_{\overline{x}}$	C_v	$\overline{X} \pm S_{\overline{x}}$	C_v	$\overline{X} \pm S_{\overline{x}}$	C_v	$\overline{X} \pm S_{\overline{x}}$	C_v
L. (мм)	76,00±1,87	4,92	76,06±1,88	9,93	73,50±1,19	2,80	64,66±3,60	12,48
L.c. (мм)	24,00±1,01	8,33	22,64±0,75	13,37	19,75±1,88	16,55	23,00±2,16	21,15
F. (мм)	36,00±1,01	5,55	32,05±0,86	10,76	30,00±1,87	10,60	28,33±0,79	6,24
T. (мм)	39,00±1,87	9,59	37,94±0,86	9,09	33,5±1,44	7,46	32,00±2,05	14,43

в популяции вблизи посёлка Караваево – 62,5%. Это свидетельствует о благополучном в репродуктивном отношении положении популяций, так как самцы остаются на месте нереста более длительное время, чем самки и могут оплодотворить больше одной кладки [3]. Размеры самок и самцов в исследованных популяциях почти одинаковы, и различия по большинству показателей оказались не достоверными, однако в популяции травяных лягушек, отловленных вблизи посёлка Караваево, самцы достоверно превосходили самок по длине тела ($p<0,05$). Есть мнение, что размерная дифференцировка между самцами и самками городских и пригородных популяций обусловлена антропогенным воздействием и не имеет характера полового диморфизма [3].

Нами высчитаны коэффициенты асимметрии билатерально симметричных признаков (фенов) травяных лягушек, принадлежащих к разным популяциям. Самые низкие коэффициенты асимметрии получены для популяций, обитающих на территории заповедника «Кологривский лес» (рис. 2), несколько выше показатель ЧАПП для популяции травяных лягушек в окрестностях деревни Бурдово Кологривского района, но и его величина укладывается в значения коэффициента асимметрии, соответствующие 1 баллу, (условной норме) по балльному распределению коэффициента асимметрии для бурых лягушек [5] (табл. 3).

Значительно более высоким оказался коэффициент асимметрии для популяции травяной лягушки, обитающей в экосистеме, подвергающейся антропогенному воздействию. Лес расположен вблизи посёлка Караваево, в котором находится крупное животноводческое хозяйство, изрезан сетью тропинок, в лесу идёт активный сбор первоцветов, грибов и ягод, по краям лесного массива располагаются несанкционированные свалки.

Таким образом, на основании исследований мы можем сделать следующие выводы:

– половозрелые особи травяной лягушки популяций, не подвергающихся антропогенному прессу, достоверно крупнее особей, обитающих на антропогенно изменённых участках;

– травяные лягушки Костромской области превосходят по размерам травяных лягушек Брянской и Калужской областей;

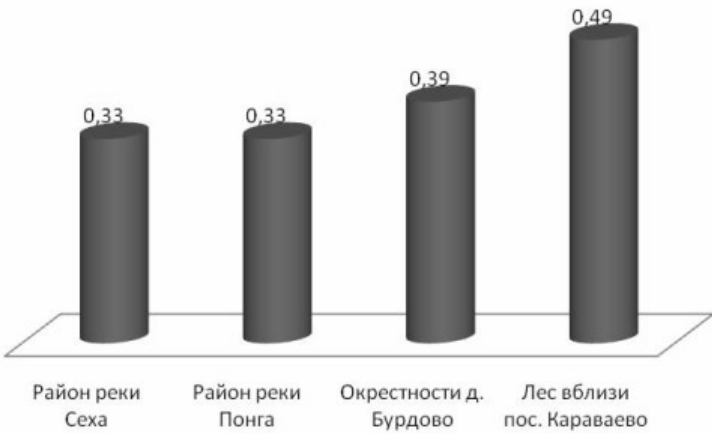


Рис. 2. ЧАПП по показателям флуктуирующей асимметрии *Rana temporaria* в разных экосистемах Костромской области

Таблица 3

Балльное распределение значений коэффициента асимметрии для бурых лягушек *Rana temporaria* (по Устюжаниной О.А., 2002)

Балл	Значение коэффициента асимметрии
1 балл – условная норма	<0,39
2 балла – минимальное воздействие на организм	0,40–0,45
3 балла – удовлетворительное состояние организма	0,46–0,48
4 балла – неблагополучное состояние организма	0,49–0,52
5 баллов – критическое состояние организма	>0,53

– в популяциях травяных лягушек на территории Костромской области преобладают самки;

– на территориях, подвергающихся антропогенному воздействию, самцы крупнее самок по показателю длины тела;

– коэффициент асимметрии билатерально симметричных признаков значительно выше у травяных лягушек в популяции, подвергающейся антропогенному прессу.

Библиографический список

1. *Захаров В.М., Баранов А.С., Борисов В.И. и др.* Здоровье среды: методика оценки. Оценка состояния природных популяций по стабильности развития: методическое руководство для заповедников. – М.: Центр экологической политики России, 2000. – 68 с.

2. *Корзиков В.А., Лобзов А.В.* Морфометрические особенности серой жабы и травяной лягушки на юго-востоке Калужской области // Известия Калужского общества изучения природы. Кн. 9. – Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009. – С. 165–168.

3. *Лебединский А.А., Поморина Е.Н.* Некоторые особенности популяции травяной лягушки в связи с её обитанием на урбанизированной территории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 2. – С. 91–95.

4. *Максимов С.В.* Биоиндикация состояния сред обитания с использованием земноводных рода *Rana* в условиях южного Нечерноземья России (на примере Брянской области): Автореф. дис. … канд. биол. наук. – Брянск, 2010. – 23 с.

5. *Устюжанина О.А.* Биоиндикационная оценка качества окружающей среды по стабильности развития и фенетике бесхвостых амфибий Rana ridibunda, R. lessonae, R. esculenta, R. Temporaria: Дис. … канд. биол. наук. – Калуга, 2002. – 168 с.

УДК 639.111.16

Соколов Н.В.
Костромской НИИ сельского хозяйства РАСХН
knicx@kosnet.ru

ЛОСИНЫЕ БИОТОПЫ АНТРОПОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

Первый шаг к одомашниванию лося человек сделал, когда распростер свою деятельность (но не охоту) на биотопы, занимаемые лосями. Лесосеки, зарастающие лиственными породами вырубки, поля и луга, примыкающие к лесам, лесные культуры – вот тот перечень лосиных биотопов, которые созданы человеком.

Ключевые слова: *лесосека, зарастающая вырубка, поле, озимые, лесные культуры, повреждения.*

Одомашнивание подразумевает приучение животных не только к человеку, но и к результатам человеческой деятельности: средствам производства, передвижения, а также к различным одомашненным ранее животным. Первый шаг к одомашниванию лося человек сделал тогда, когда распростёр свою деятельность (но не охоту) на биотопы, занимаемые лосями.

Имеющиеся в России лесные запасы можно рассматривать как источник стабильности и благосостояния проживающих на лесных территориях народов. Древесина для строительства, пиломатериалы, продукты химической переработки древесины, топливо, побочная продукция леса, в том числе лекарственное сырье, кормовые станции и защитные угодья для различных животных, защитные и рекреационные свойства – вот далеко не полный перечень всего того, что можно получить от леса. По данным В. Брунько [3], лесные угодья могут давать с 1 га до 10 ц сена, малины – до 60 кг, черники – до 150 кг, грибов – до 20 кг, лекарственного сырья – до 16 кг, не считая мясодичной продукции.

В Костромской области, располагающейся в подзоне южной тайги европейской части России, площадь лесов, при лесистости более 70%, составляет около 3 500 тыс. га. В год вырубается 10–12 тыс. га [9]. При этом после вырубки хозяйственно ценных пород, в силу ряда обстоятельств, в том числе уничтожения тяжелой техникой естественного подроста, нарушения почвенного покрова и микрорельефа, а значит, зарастания вырубок травянистой растительностью и малоценными видами, преобладающими насаждениями в структуре современного лесного фонда стали вторичные мягколиственные леса [1; 2]. В том числе, согласно данным В.А. Дудина, С.Н. Багаева [4], в Костромской области на настоящее время в ельниках примесь осины составляет две, а в березниках – три единицы. Поэтому особое внимание лося к лесосекам, видимо, надо рассматривать в первую очередь, так как лесосеки и остающиеся после них зарастающие вырубки могут претендовать в настоящее время на главную роль среди основных источников кормов современного лося европейской части России. Из обследованных в Коми АССР и Костромской области ста семи зимних лесосек двадцать семь, то есть четверть, интенсивно посещались лосями.

Дикие лоси в тех случаях, когда лесосеки оказываются близко от участка постоянного их обитания, а среди вырубаемого древостоя есть предпочитаемые ими в кормовом отношении породы, такие как осина, берёза и сосна, очень быстро привыкают к технике и людям и нередко начинают кормиться в присутствии людей рядом с работающей техникой. Более того, нам известны два достоверных факта, когда лоси, спасаясь от волков, выбегали к людям, работающим на лесосеке. В подавляющем большинстве случаев лоси, обитающие на территории, где осуществляется лесоповал, держатся на том участке леса, куда движется передний край работы, что объясняется нетронутостью массива, то есть его защищённостью и самым коротким путём к порубочным остаткам. Следует заметить, что в снежный период, кроме узкой полосы переднего края, остальная территория лесосеки для лосей не представляет ценности, поскольку работающая техника уминает порубочные остатки, а выпадающие снега быстро засыпают лежащие на земле ветки. Раз в 10–15 дней лоси покидают лесосеку и выходят пастись на зарастающие осиной и малиной вырубки.

На зимних лесосеках лосей можно видеть и весной, в апреле, когда они кормятся вытаивающими порубочными остатками. В это время, по причине таяния дорог, снимается один из факторов беспокойства, а именно, прекращается рубка леса, тогда как кормовая база за зиму вокруг оказывается в значительной степени подъе-

© Соколов Н.В., 2011

дена. В то же время оставление лесорубами лесосек автоматически уменьшает защищённость этих лосей как от браконьеров, так и от хищных зверей, в том числе и от медведей, вышедших из берлог. То есть совсем ещё недавно кормные защищённые угодья лесосеки превращаются в своего рода ловушку, и лоси вскоре покидают их до момента появления листвы.

В основном, в течение лета лоси держатся в сыром крупнолесье около зарастающих вырубок и на оставленные лесосеки почти не заходят, по крайней мере, до тех пор, пока на них не появится молодая поросль осины и малины.

Одомашниваемые лоси, в отличие от диких, в момент работы на лесосеке техники и людей передерживаются в загонах. Если не соблюдать эту меру предосторожности, то появившиеся на лесосеке лоси могут погибнуть от падающего дерева или быть порезанными бензопилой. Подобные случаи на Костромской лосеферме были неоднократно.

Лоси одомашниваемые, не выведенные с лесосеки в период весенней распутицы и не поставленные в стационарные загоны, вместе с таянием снегов начинают увеличивать свои ночные выходы за пределы района зимнего пребывания и с появлением зелени на опушках в конце апреля – начале мая уходят.

Другим, не менее важным биотопом, особенно для лосей, обитающих вокруг городов, можно считать поля и опушки лесов рядом с полями. Опушки у полей, так же как и опушки у вырубок, за счёт интенсивной освещённости быстро превращаются в загущенные насаждения, которые, с одной стороны, представляют доступную и ценную кормовую базу для лосей, с другой – удобную защитную стацию. Возможно, именно с этим связана концентрация лосей в маленьких островках леса, вкраплённых в поля, окружающие города. При этом даже грибники, ягодники, различного рода техника и прочие факторы беспокойства не в состоянии вытеснить лосей из занимаемых ими лесных массивов.

Поля, примыкающие к лесу, тоже служат для лосей источником корма, иногда собирая вместе более полутора десятков особей (табл. 1).

В таблице приведены десять наиболее полных моментов наблюдения за кормящимися на полях лосями. Случаи вспугивания лосей в тёмное время суток или наличие на поле следов их деятельности в таблице не приводятся. На одном поле могут быть одновременно две и, надо полагать, более групп, которые при вспугивании разбегаются по разным направлениям. Это говорит о том, что данный вариант питания хорошо знаком для различных лосиных семей и является серьёзной опорой в кормлении весной, когда ещё нет другой зелени, и осенью, когда листья с деревьев опали, а травы высохли. Выйдя на поля, лоси кормятся, зачастую опускаясь на запястья, и отдыхают. Выходят, в основном, в вечерние и уходят в утренние сумерки, оставаясь ночью на поле. Иног-

Таблица 1

Кормление лосей на полях

№ п/п	Место встречи	Дата наблюдения	Кол-во особей	Время суток	Чем питались	Удаление от леса	Что делали лоси на поле
1	Заказник, Красносельский район	5/11-89	17 (12+5)	сумерки вечерние	озимые	до 50 м	6 лежали, 11 кормились
2	-//-	10/7-72	группа одомашненных лосей	день	недоспелый овёс	–	кормились
3	-//-	8/11-72	-//-	день	прорастающий овёс упавший	–	кормились
4	-//-	1/11-84	?	вечер	озимые	до 40 м	кормились
5	-//-	18/11-85	9 (6+3)	16.30	озимые	до 80 м	5 лежали, 4 кормились
6	-//-	3/10-83	16?	утро	озимые	–	кормились
7	-//-	5/10-86	1?	13.30	рапс	40–50 м	кормились
8	-//-	10/10-95	8	11.00	озимые	30–40 м	кормились, лежали

да кормятся на поле и днём, что бывает, как правило, в пасмурную погоду.

Одомашниваемые лоси на озимых кормятся реже, чем дикие, что можно объяснить, вероятно, постоянным присутствием в их рационе молотого овса. В то же время мы наблюдали факт кормления одомашниваемого лося и диких на полях с рапсом. Во время гона лоси довольно часто выходят на поля, прилегающие к лесным массивам, что обусловлено, вероятно, более широкими сенсорными и визуальными возможностями для осуществления встречи той или иной пары. Наши наблюдения показывают, что на поле вечером голос стонущего лося бывает слышен за 300–400 м, в лесу – за 100–150 м. Находящуюся на поле лосиху самец видит за 300–400 м. Возможно, с этим же связано преимущественное наличие гонных ямок и заломов кустов на опушках леса.

Оставшиеся после лесосечных работ вырубки, независимо от того, зарастают ли они без вмешательства человека или на них находятся культурные посадки, охотно посещаются лосями и являются едва ли не основным источником кормов для лосей, обитающих в крупных таёжных мономассивах.

В период особо высокой численности лосей в России (1975–1990 гг.) дикие лоси вместе с естественной порослью в значительной степени повреждали искусственные посадки. Несмотря на то что в таёжной зоне при оптимальной плотности лосей они практически не повреждают ель обыкновенную (Picea abies), при увеличении плотности, в результате затравливания кормовых ресурсов, ель может начать занимать в рационе лося во второй половине зимы до 40% общей массы потребляемых в это время кормов или более 20% от общего числа учтённых деревьев [1].

Значительно чаще повреждаются сосновые посадки, и, что немаловажно, дикие лоси, наткнувшись на 15-летние посадки сосны сибирской (Pinus sibirica), произрастающие в Сумароковском заказнике, в течение одной осени уничтожили их полностью, съев все ветви без исключения. И это несмотря на то, что это растение было встречено ими впервые.

Культуры ивы серой (Salix cinerea), заложенные в заказнике для улучшения кормовой базы лосей, затравливались полностью лосями в течение 2–3 лет, начиная сразу же после посадки. Рекомендованное некоторыми авторами загущение посадок в данном случае бесполезно, так как лоси съедают культуры до того, как они вырастут выше морды лося. Отстрел лосей, предлагаемый некоторыми авторами для оптимизации плотности лося и сохранения посадок, по тем или иным причинам не всегда бывает возможным и необходимым. По нашему мнению, численность животных на данной территории было бы рациональнее регулировать распределением животных с помощью использования фактора беспокойства в одних местах и снятия его в других. Пара егерей с собаками, работающими по лосю, успешно с этим справятся. Три – четыре прогона с интервалом в неделю способны отвадить лосей от указанных угодий, не требуя экстренных, дорогостоящих и не всегда оправданных мер.

Одним из основных видов растений в качестве корма для лосей является осина обыкновенная (Populus tremula). Она быстро захватывает вырубленные территории, создавая сплошные заросли. Порослевая способность осин огромна. На второй – третий год вокруг одного пня диаметром 70–80 см образуется 1–1,5 тыс. корневых отпрысков, захватывающих площадь вокруг пня до 800 м^2. При этом на четырехлетней вырубке высота этих побегов достигает 2-х метров [5]. По данным В.Т. Ярмишко [11], общая численность отпрысков может достигать к концу первого года после рубки 350 тыс. шт. / га, а через 6 лет в результате естественного изреживания – около 100 тыс. шт. на га. И это на фоне того, что экономический кризис в сельском хозяйстве только в Костромской области за последние 20 лет вынудил вывести из оборота около 250 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Из них более половины заросли древесно-кустарниковыми видами [6].

К сожалению, хорошая возобновляемость и быстрый рост мягколиственных пород производственными структурами воспринимаются как процесс нежелательный, и древесина, по причине наличия сучков, кривизны и гнили, – малоценной. Лесозаготовительные организации осиновые леса принимать в рубку отказываются и рубят осину только вынужденно при произрастании ее в хвойных массивах, отведенных в сплошную рубку. Отсюда особенно ярко высвечивается перспектива использования таких, по большей части, отвергаемых запасов лесного фонда в качестве кормовых ресурсов для интенсификации получения мясодичной продукции.

Всего лишь усиление охранных мероприятий, снятие фактора беспокойства, возникающего при малоконтролируемом и неоправданном прессе охоты, в сочетании с малозатратными биотехническими мероприятиями, позволит на зарастающих осиной вырубках сконцентрировать без ущерба лесу поголовье таких видов животных, как лось, заяц-беляк, а значит, и рысь. На охраняемые территории переместится кабан. С другой стороны, в России уже более 70 лет ведутся работы по одомашниванию лося. Вывод лосеводства в производство, организация на научной основе малых, кочующих вместе с переносными изгородями стад лосей позволят, используя огромный кормовой потенциал малоценных лесов, получать экологически чистую, функциональную, с четко выраженными лечебными свойствами продукцию. И стоимость этой продукции, учитывая отсутствие затрат на капитальные сооружения и на заготовку и хранение кормов, вряд ли превысит стоимость даже самой высокотехнологичной продукции сельского хозяйства.

Следует также отметить, что в последние годы в связи с сокращением легкодоступных мест, пригодных для лесоразработок, взгляд ученых опять упал на осину. Она была признана одной из перспективных лесных быстрорастущих древесных пород. Тем более, оказалось, что полвека назад А.С. Яблоковым [10] были обнаружены в Костромской области триплоидные формы осины, отличающиеся быстрым ростом, качеством древесины и устойчивостью против поражения сердцевинной гнилью. Применение технологии размножения ценных клонов осины методом in vitro позволяет за короткий срок получить неограниченное количество генетически идентичных растений [7]. Далее, после превентивной обработки вредителей инсектицидами, можно создать быстрорастущие плантации, пригодные для получения не только древесины, но и превосходного лосиного корма в виде порубочных остатков или естественных лосиных пастбищ.

Библиографический список

1. *Антонов Е.И.* Влияние густоты посадки ели на положение ее в пологе смешанного насаждения: Сб. науч. статей, посвящ. 50-летию Костромской ЛОС ВНИИЛМ. – Кострома: ВНИИЛМ, 2006. – С. 37–45.

2. *Антонов Е.И., Багаев С.С., Таланов М.Б.* Улучшение развития подроста ели путем изреживания верхнего яруса: Сб. науч. статей, посвящ. 50-летию Костромской ЛОС ВНИИЛМ. – Кострома: ВНИИЛМ, 2006. – С. 45–47.

3. *Брунько В.* Карпатский лесной комплекс // Наука и жизнь. – 1982. – №4. – С. 86–93.

4. *Дудин В.А., Багаев С.Н.* Рубки главного пользования как метод массовой селекции осины на устойчивость к стволовой гнили: Сб. науч. статей, посвящ. 50-летию Костромской ЛОС ВНИИЛМ. – Кострома: ВНИИЛМ, 2006. – С. 78–84.

5. *Кибиш И.В., Захаров А.И., Агафонов Е.Ю., Козинец В.А.* Эффективность глифостата и арсенала для подавления жизнедеятельности деревьев осины и ее поросли в смешанных молодняках: Сб. науч. статей, посвящ. 50-летию Костромской ЛОС ВНИИЛМ. – Кострома: ВНИИЛМ, 2006. – С. 87–93.

6. *Корякин В.А.* Исследование характера возобновления леса на землях, вышедших из-под сельскохозяйственного пользования: Сб. науч. статей, посвящ. 50-летию Костромской ЛОС ВНИИЛМ. – Кострома: ВНИИЛМ, 2006. – С. 104–108.

7. *Смигла Я.Я.* Осина. – Рига: Зинатне, 1986. – 238 с.

8. *Смирнов К.А.* Роль лося в биоценозах южной тайги. – М.: Наука, 1987. – 144 с.

9. *Суворов В.И., Антонов Е.И.* Опытному лесокультурному делу в Костромской области 50 лет: Сб. науч. статей, посвящ. 50-летию Костромской ЛОС ВНИИЛМ. – Кострома: ВНИИЛМ, 2006. – С. 18–29.

10. *Яблоков А.С.* Воспитание и разведение здоровой осины – М.: Гослесбумиздат, 1963. – 441 с.

11. *Ярмишко В.Т.* Роль корневых систем в возобновлении лиственных пород на вырубках // Лесоведение. – 1981. – № 6. – С. 78–83.

УДК 574.474

Петухов Илья Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
xen8787@mail.ru
Немчинова Анна Викторовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nemanvic@rambler.ru
Грозовский Сергей Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sergeygrozovskiy@rambler.ru
Иванова Наталья Владимировна
Пущинский государственный естественно-научный институт
natalya.dryomys@gmail.com

ХАРАКТЕР И СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЛЕСНЫХ ФИТОХОР НА УЧАСТКЕ МАССОВОГО ВЕТРОВАЛА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Работа актуальна для оценки последствий естественных катастрофических нарушений растительного покрова и разработки методов проведения мониторинга за изменением его состояния. Изложены подходы к дешифрированию космических снимков для участков массового ветровала разной степени повреждения. Выявлены некоторые факторы, способствующие ветровалу разных древесных пород в различных условиях местопроизрастания.

Ключевые слова: *ветровал, фитохора, ГИС-технологии, данные дистанционного зондирования земли, таксация.*

Сплошные вырубки, пожары и массовые ветровалы – основные факторы нарушений в таежных лесах европейской части России [1–4]. Если роли сплошных вырубок и пожаров в формирования растительного покрова посвящено довольно много исследований, то массовые ветровалы в этом плане изучены слабо [1–9]. На территории Костромской области в июне 2010 г. был зафиксирован массовый ветровал, повредивший леса Судиславского и Островского районов Костромской области; его площадь составила значительные цифры – около 4900 га [10–12].

Исследование данного катастрофического явления важно для выяснения его роли в формирования растительного покрова и его последствий, в т.ч. для лесного хозяйства региона.

Цель работы – изучить характер и степень повреждения ветром участков разных лесных сообществ в составе фитохор на основе полевых исследований и данных дистанционного зондирования земли (ДЗЗ).

В ходе исследования были сформулированы следующие задачи:

1. Реконструировать состав и структуру древесной растительности до катастрофического (массового) ветровала.

2. Определить проценты повреждения по фрагментам ветровала.

3. Составить на исследуемый участок до ветровальную карту фитохор.

4. В выделенных фитохорах провести анализ состава вываленных и буреломных деревьев по ярусам (подъярусам) древостоя в сравнении с сохранившимися.

Рельеф территории, охваченной ветровалом, представлен моренными холмистыми лессово-суглинистыми равнинами, моренными лессово-суглинистыми плато, моренно-водноледниковыми плоскими песчано-суглинистыми равнинами, слабо расчлененными долинами малых рек [13]. Площадь выбранного для обследования и обработки расчетами участка ветровала составила около 736 га (рис. 5).

Методы. На подготовительном этапе исследования были выделены контуры участков древесной растительности, поврежденных ветром. Контуры выделяли в программе Quantum GIS (QGIS 1.8.0) по космическим снимкам Landsat TM, разрешение 28,5 м/пиксел, 7 спектральных каналов (съемка: август 2007, июнь 2011). Существует множество алгоритмов автоматической обработки космических снимков для выделения интересующих территорий, в основе большинства лежат различия в спектральной яркости объектов исследования в разных зонах спектра [14–16]. В данной работе использовался алгоритм выделения ветровала (объекта) на основе

© Петухов И.Н., Немчинова А.В., Грозовский С.А., Иванова Н.В, 2011

коротковолнового вегетационного индекса SWVI [14, 15]. Значения индекса вычислялись на пострадавшую территорию до и после ветровала. Получившиеся индексированные изображения значений SWVI попиксельно вычитались друг из друга; в результате получили результирующие изображение разницы значений индекса ΔSWVI, по которому, задавшись критическим порогом изменения, выделили контуры фрагментов ветровала разной степени повреждения; на последнем этапе была проведена визуальная корректировка полученных контуров [14].

Подбор участков полевых исследований, осуществлялся в программе QGIS, путем сопоставления полученных контуров фрагментов ветровала с планами лесонасаждений, таксационными описаниями, топографической и ландшафтной [13] картами. При проведении полевых исследований пробные площади (ПП) закладывали в фрагментах ветровала разной степени повреждения. Всего было заложено 17 ПП размером 20 м × 20 м. Геоботанические описания выполнялись на каждой четверти ПП площадью 100 м^2. При выполнении геоботанических описаний оценивались: состав и структура древесного яруса в насаждениях разного состава, возраста, типа лесорастительных условий; в насаждениях в разных ландшафтах; оценивалась демографическая структура сообществ; описывались почвенные шурфы.

Другой тип описаний – на реласкопических площадках. Из центра каждой ПП с помощью реласкопа Биттерлиха измеряли суммы площадей сечений стволов деревьев, устоявших после ветровала. Высоту, диаметр, возраст деревьев определяли соотв.: электронным высотомером, мерной вилкой, возрастным буравом. Для определения объемов поваленной древесины, с последующей реконструкцией состава древостоя, использовали методику М.В. Бобровского [17; 18], адаптировав её для задач данного исследования. На каждой ПП закладывалась трансекта шириной 2 м, длиной 20 м, перпендикулярно направлению поваленных деревьев. У всех стволов, попавших в створ трансекты, измерялись диаметр и длина, определялись порода и тип нарушения: вывал или слом. Диаметр измерялся в местах пересечения линий трансекты, пересекающей стволы деревьев; т.о., определяли диаметр в верхнем и нижнем сечении 2-метрового отрезка лежащего ствола.

Запасы устоявших деревьев определяли по стандартной лесоустроительной методике круговых реласкопических площадок [19].

Запас лежащей на трансекте древесины считали по каждой породе, как сумму 2-метровых отрезков, приняв отрезок ствола за усеченный конус с измеренным верхним и нижним диаметром. Интерполировав данные о запасах с 40 м^2 / га, получили величину запасов древесины и формулу состава лежащих деревьев на гектаре. Сложив сумму запасов лежащих стволов деревьев с запасами устоявших деревьев, получили формулу состава древостоя до ветровала на каждой ПП. Степень повреждения определялась как отношение запаса устоявших деревьев к общему запасу.

Для проведения сравнительного анализа изменений состава и структуры поврежденных и неповрежденных древостоев на основании преобладания тех или иных древесных пород в составе древостоев были выделены фитохоры – участки растительности, выделяемые по одному признаку [20]. В границах каждой фитохоры нами описано несколько сообществ, подвергшихся ветровалу (см. табл. 1).

Фитохоры выделяли на основе июльского космического снимка Landsat TM 2007 г. методом безэталонной классификации (алгоритм ISODATA) в программе ERDAS Image 8.7. Перебором различных вариантов классификации установили оптимальное для выбранного в данной работе масштаба рассмотрения число классов – 8 (7 классов соответствуют лесным фитохорам, 1 класс – фитохоре селитебных территорий). Класс соответствует фитохоре, название которой определяли по совокупности доминирующей на участке растительности, исходя из геоботанических описаний, выполненных во время полевых исследований, с учетом информации из планов лесонасаждений, таксационных описаний, топографических и ландшафтных карт.

Для анализа изменений состава поваленных деревьев по сравнению с устоявшими составили таблицу 1 (данные сгруппированы по фитохорам). По данным таблицы 1 оценивали: степень повреждение древостоя, изменения доли участия видов в формуле состава древостоя и запаса древесных пород на га в разных ярусах древесной растительности.

На основе анализа изученности лесных ландшафтов Костромской области [13], космических снимков фрагментов ветровала, данных полевых

Таблица 1

Установленные таксационные характеристики изученных насаждений до и после массового ветровала

№ точки	Класс на снимке	После ветровала				Процент поврежденной	До ветровала		
		Состав устоявших деревьев	Запас, м³/га	Состав поваленных деревьев	Запас, м³/га		Расчетный		По мат. лесоустройства 1997 г.
							Состав	Запас	Состав
		Фитохора 1. Сосняки вейниковые							
4007	1	7,9С2,1Е	7,7	5,6ОС4,4Е	255	97,5	5,4ОС4,4Е0,2С	299	5ОС4Е1С+Е
4014	1	5,9С3,6Б0,5Е	30,1	3,9Е3,1С3Б	262	90,3	3,5Е3,4С3Б	316	5ОС4Е1С+Е
		Фитохора 2. Березняки неморально-бореальные (+ высокотравные)							
4015	2	5,9Б4,1Е	4,6	6Б2,7Е1,3ОС	258	98,5	6Б2,7Е1,3ОС	284	6Б2ОС2ОЛС
4020	2	4,7Б2,2ОС2,2Е0,9С	92,5	0С0Е0Б0Ос	0	0	4,7Б2,2Е2,2ОС0,9С	93	
4022	2	9,4Е0,6Б	42,7	0С0Е0Б0Ос	0	0	9,3Е0,6Б	43	
		Фитохора 3. Березняки черничные							
4001	4	7,6Б2,4Е	55,6	5,8Б2,8ОС1,4Е	156	75,8	6,3Б2,1ОС1,6Е	231	6Б3ОС1С+Е
4002	4	7.1Б2,9Е	23,7	10Б	156	87,3	9,6Б0,4Е	189	6Б3ОС1С+Е
4006	4	3.7С2.8Б2,2Е1,3ОС	44,6	5,5ОС2,2Е2,1Б0,2С	107	77	4,5ОС2,3Б2,2Е1С	192	7ОС2Б1Е
4010	4	5.2Б3,8Е1ОС	44,1	4,9Б2,9Е2,2ОС	215	84,2	5Б3Е2ОС	281	4Е3ОС3Б+И
4012	4	8,7Б1,3Е	78	5,5Б3,9Е0,6ОС	135	68,3	6,5Б3,1Е0,4ОС	246	6Б2ОС2ОЛС
4013	4	5,7Б4,3Е	59,8	4,9ОС3,4Б1,7Е	160	72,7	4Б3,5ОС2,4Е	220	6Б3ОС1Е
		Фитохора 4. Осинники осоковые							
4008	7	4,1Б3,6Е2,4ОС	12,3	8,3ОС1,7Е	213	95	8ОС1,8Е0,2Б	254	6ОС2Б2Е
		Фитохора 5. Сосняки сфагновые, спелые и перестойные							
4003	3	5,7С3,5Б0,8ОС	74,9	9,5ОС0,5Е	184	71	7ОС1,6С1,3Б	259	4С1Е3Б2ОС
4005	3	7,7Б1,5Е0,7С	70,5	10Б	70	49,6	8,8Б0,8С0,4С	141	10Б+ОС+Е
4009	6	10Б	1,8	6.8ОС2,3Е0,9Б	282	99,5	6,8ОС2,3Е0,9Б	303	4Е3ОС3Б+И
4011	3	5Е5Б	13	7.3ОС2,4Е0,4Б	126	92,2	6,7ОС2,6Б0,7Б	170	4С1Е3Б2ОС

исследований сформулированы следующие гипотезы:

1. Массовому ветровалу подверглись, прежде всего, спелые и перестойные вторичные леса и фрагменты спелых еловых лесов.

2. Степень повреждения древостоев не зависит от доминирования тех или иных пород в них, а обусловлена в основном влиянием силы и скорости ветра.

3. В зоне сплошного ветровала преобладает явление бурелома стволов независимо от породы; в зоне средней степени повреждения вываливанию с корнем подвергаются в первую очередь деревья пород с поверхностной корневой системой (ель), либо (на участках с застойным увлажнением или слабодренированными почвами) – любые породы; в зоне слабой повреждающей силы ветра бурелому подвергаются породы с относительно слабыми механическими свойствами древесины (осина).

4. Открытые пространства на пути ветра способствуют повышению степени повреждения древостоев.

5. В зоне средней степени повреждения вываливание происходит в основном за счет деревьев 1-го подъяруса древостоя (A_1), в зоне сплошного ветровала – также 2-го подъяруса (A_2), в зоне слабой слабой повреждающей силы ветра – за счет частичного выпадения деревьев подъяруса A_1.

Результаты и обсуждение. Проанализировав реконструированные формулы состава древостоя (табл. 1), выяснили, что ветровалу подверглись преимущественно приспевающие и спелые березовые насаждения с доминированием березы (5–10 единиц) и почти равноценным участием осины и ели (0,4–4,5 единиц); а также редко встречающиеся средневозрастные еловые насаждения с участием сосны (0,2–3,4 единиц), осины и березы (3–5 единиц) и старовозрастные осиновые насаждения с участием ели (0,8–2,6 единиц) и березы (0,7–1,3 единиц). Анализ исторических карт и свидетельств освоения изучаемой территории показал, что перечисленные насаждения сформировались преимущественно на местах вырубок и являются производными от еловых лесов. Лишь ельники с участием сосны – результат восстановления на месте гари [21].

Проверяя достоверность рассчитанных по нашей методике формул состава древостоя и сравнивая их с формулами состава из материалов лесоустройства (табл. 1), пришли к выводу, что в большинстве случаев доля преобладающей породы для выдела совпадает с долей доминантных пород на ПП (разница составила лишь 1–2 единицы).

Анализ космического снимка и рекогносцировка обследуемой территории, а также последующие расчеты показали, что фрагменты ветровала имеют разную степень повреждения древесной растительности.

Визуальный анализ снимка исследуемого участка ветровала с целью выявления границ фрагментов ветровала и фрагментов разной степени повреждения проводился по ряду прямых признаков изображения (цвет, тон, форма), полученных при комбинации разных каналов (5-4-3 и 4-3-2, это т.н. «естественные цвета») [22]. В результате сравнения прямых признаков изображения временной пары снимков (до и после ветровала) выделили фрагменты ветровала с неодинаковой степенью повреждения.

Маршрутные обследования анализируемого участка позволили выявить следующую закономерность. По направлению перпендикулярно вектору ветровала полосе сплошного вывала, где практически полностью отсутствуют устоявшие деревья, предшествует «буферная» зона из небольших фрагментов слабой и средней степени повреждения ветром (рис. 5).

При маршрутных исследованиях нами выделены следующие степени повреждения участков древесной растительности ветровалом: сильной (рис. 1, 3), средней (рис. 2, 4 (слева)) и слабой (рис. 4 (справа)). Наблюдения показали, что направление поваленных стволов в основном хаотично и не всегда соответствует главному направ-

Рис. 1. Пример сильной степени повреждения ветром в сосняке

Рис. 2. Пример средней степени повреждения ветром в сосняке

Рис. 3. Пример сильной степени повреждения ветром в березняке

лению ветра. На фрагментах ветровала разной степени повреждения разнится соотношение числа ветровальных и буреломных стволов. В ряде случаев, четко видна «этажность» поваленных стволов (стволы поваленных деревьев сложены друг над другом в несколько ярусов), что, возможно, связано с густотой древостоя.

В результате обработки данных полевых исследований для каждой ПП рассчитаны абсолютные значения процента повреждения (табл. 1). Сопоставив полученные данные с картой ветровала (рис. 5), установили, что процент повреждения меняется в зависимости от удаленности от полосы сплошного вывала. Пример: 49,6% для ПП-4005 (контур Б), 68,3% для ПП-4012 (контур Б), 77% для ПП-4006 (контур А), 84,2% для ПП-4010 (контур А), 99,5% для ПП-4009 (контур А) (рис. 5).

Для исследуемого участка ветровала составлена карта фитохор (рис. 5). Краткий анализ полученной карты (табл. 2), показал, что около 30% территории занимает фитохоры березняков-черничников и березняков неморально-бореальных, 13,5% приходится на сосняки сфагновые и 10% – сосняки вейниковые, наименьшую площадь покрывают осинники осоковые (около 6%).

На карте хорошо видны участки древостоев осиновых и березовых пород, формирующихся на месте вырубок возрастом 10–15 лет и средней высотой 3–5 м. Относительно др. фитохор, в контексте данной работы, такие участки мы можем назвать относительно открытыми пространствами и предполагаем, что именно эти участки способствуют увеличению скорости ветра [23]. Действительно, проследив за чередованием открытых пространств и участков спелых и перестойных лесов, в большинстве случаев, отмечается увеличение числа фрагментов древесной растительности с высокой степенью повреждения (рис. 5).

Рис. 4. Пример средней (слева) и слабой (справа) степени повреждения ветром в березняке

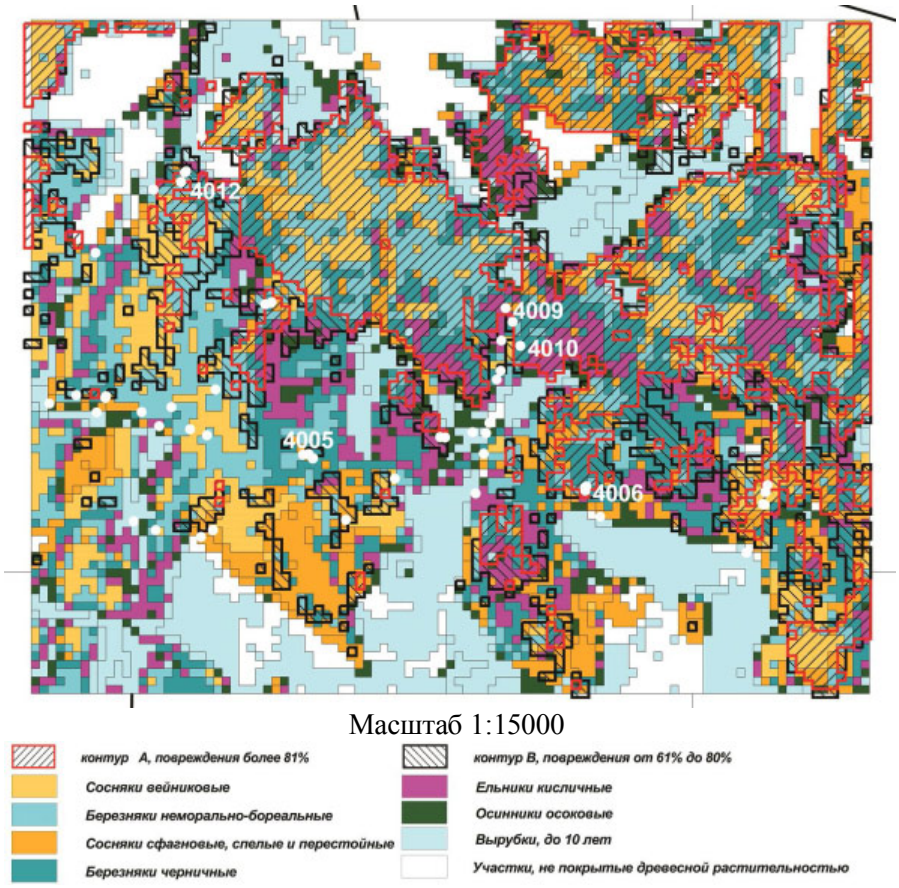


Рис. 5. Карта фитохор на исследуемый участок ветровала

Выявлена различная степень повреждения древостоев внутри зоны сплошного вывала (более 81% повреждения) и зонах средней и слабой степени повреждения (от 61 до 80% и менее 60% соотв., табл. 2). Наложение контуров ветровала разной степени повреждения на карту фитохор (рис. 5) показал, что около половины площадей, поврежденных в сильной степени (50% площади) и в средней степени (45% площади), приходится на березняки неморально-бореальные и березняки-черничники. На сосняки вейниковые и сосняки сфагновые приходится 34% площади сильной и 32% площади средней степени повреждения. Наименьший процент площади сильной и средней степени повреждения приходится на осинники осоковые, ок. 3% и 7% соотв. (табл. 2).

Подсчитано соотношение числа деревьев, подвергшихся вывалу и слому в зонах ветровала разной степени повреждения; установлено, что для зоны сильной степени повреждения характерно равное распределение вываленных и сломанных деревьев ели (соотв. 53% и 47%) и березы (соотв. 45% и 55%). У деревьев сосны и осины преобладает слом стволов – 89% и 67% соотв. В зоне средней степени повреждения для елей и берез характерен вывал – 60% и 59% соотв., а для осин – слом – 57%. Поврежденных деревьев сосны в зоне средней степени повреждения в ходе полевых исследований обнаружено не было.

Проанализирован характер и степень повреждения лесных сообществ в составе каждой фитохоре.

Фитохора: *сосняки вейниковые*. В фитохоре данного типа на участках с повреждением более 90% (табл. 1) наблюдается слом стволов деревьев сосны в ярусе A_1, на высотах 3–5 м, а также слом всех деревьев осины в ярусе A_1, на высотах 3–8 м. Деревья ели в ярусах A_1, A_2 и A_3 и деревьев березы в ярусе A_1 практически полностью вывалены. В ярусе B_1 сохранился подрост ели. В результате вывала большей части деревьев ели и слома всех деревьев осин доля участия сосны в составе дре-

Таблица 2

Распределение участков разной степени повреждения внутри фитохор

Название фитохоры	Площадь, га	Площадь, %	Распределение площади фитохор (%), по проценту повреждения		
			не повреждены, или степень повреждения менее 60%	от 61 до 80%	более 81%
Сосняки вейниковые	76,86	10,4	12,7	12,4	17,5
Березняки неморально-бореальные	111,24	15,1	18,3	19,3	24,9
Сосняки сфагновые, спелые и перестойные	99,27	13,5	20,2	19,5	16,6
Березняки черничные	118,62	16,1	19,2	25,4	24,8
Ельники кисличные	82,08	11,1	16,8	16,4	13,4
Осинники осоковые	42,84	5,8	12,7	7,1	2,9
Вырубки, до 15 лет	136,53	18,5	-	-	-
Участки, не покрытые древесной растительностью (с/х поля, просеки, дороги)	68,85	9,4	-	-	-
Итого	736,29	100	100	100	100

востоя резко возросла. Анализ почв показал, что в поверхностных горизонтах наличествует уголь, что свидетельствует о восстановлении сосняков вейниковых на 80-летней гари. В целом почвы характеризуются благоприятными условия роста и развития древесных растений, поэтому в составе этой фитохоры сохранились сообщества с доминированием не только сосны, но и осины, березы; повсеместно встречается подрост ели. Высокий процент повреждения на отдельных участках фитохоры можно объяснить очень высокой скоростью ветра и пространственным положением этих участков относительно вырубленных или др. обезлесенных территорий (рис. 5).

Фитохора: *сосняки сфагновые.* В данной фитохоре наблюдается слом и вывал деревьев осины в ярусе A_1. Доминирующие деревья сосны в ярусе A_1 не пострадали от действия ветра. Пострадавшие деревья ели и березы из ярусов A_1 и A_2 были вывалены. В результате полного вывала деревьев осины и части деревьев березы и ели увеличились доли участия в составе древостоя сосны и березы. Полное вываливание деревьев осины может быть объяснено повышенной влажностью и низкой дренированностью почв, что могло способствовать ослаблению закреплению корневых систем этой породы в почве [24; 25]. Возраст и онтогенетическое состояние вываленных деревьев соответствует постгенеративному, что, как известно, свидетельствует времени максимального развития сердцевинной гнили стволов и корней, а именно этот фитопатоген способствует вывалу [8; 24; 25].

Фитохора: *березняки неморально-бореальные (+высокотравные).* В данной фитохоре, с повреждением более 98%, наблюдается практически полное вываливание деревьев березы в ярусе A_1 и деревьев ели в ярусе A_2. Деревья осины яруса A_1 преимущественно сломаны на высотах 4–6 м. Также встречаются сломанные деревья ели в ярусе A_3. В фитохоре сохранились единичные деревья ели ярусов A_3, B_1 и B_2, приуроченные к стенам леса, поврежденным в меньшей степени (располагаются по периферии участка сильного повреждения).

Анализ почвенного шурфа показывает, что горизонты сложены супесчаными, алевритистыми почвами (что обеспечивает хороший дренаж), а на глубине ок. 30 см залегает суглинистый горизонт (что может обусловить доступность минеральных солей). Т.о., на данных почвах возможно интенсивное развитие древесной растительности.

Фитохора: *осинники осоковые.* В данной фитохоре, с повреждением более 95%, наблюдается значительное сокращение доли участия осины в составе древостоя. Большая часть деревьев оси-

ны была вывалена, др. часть – сломана на высотах 4–6 м. Также от вывала пострадали деревья ели в ярусах A_1, A_2 и A_3. Деревья осины в данной фитохоре занимали доминирующие положение относительно др. деревьев, отличались большими высотой и диаметром столов, что в совокупности с высокой «парусностью» крон и наличием гнилей, очевидно, способствовало вываливанию или слому данной породы [24; 25]. В результате значительного сокращения деревьев осины произошло увеличение доли участия березы и ели в составе древостоя.

Фитохора: *березняки черничные.* В данной фитохоре, с повреждением 61–80%, наблюдается вывал деревьев березы и слом деревьев осины в ярусах A_1, A_2, а также слом деревьев ели в ярусе A_2. После ветровала сохранились единичные ели из яруса A_3, а также небольшие куртины из ярусов B_1 и B_2. В результате вывала всех деревьев осины и части деревьев березы, в некоторых частях фитохоры возросла доля участия ели, но, т.к. деревья ели тоже пострадали от ветровала, ее доля в составе увеличилась незначительно, а доля участия березы также возросла.

На участках фитохоры с повреждением более 81%, наблюдается вывал берез в ярусе A_1, а также слом осин в ярусе A_1 и елей в ярусе A_2, на высотах 3–6 м. Редко встречающиеся деревья сосны не пострадали. Следует заметить, что большая часть устоявших деревьев березы в ярусе A_1 наклонены вершинами к земле под углами 30–60 град. В результате преимущественного вывала деревьев осины и березы, их доля участия в составе древостоя уменьшилась, зато увеличилась доля сосны в ярусе A_1 и ели – в ярусах A_2 и A_3; сохранился подрост ели в ярусе B_1.

Анализ почв показал, что суглинистый горизонт располагается на небольшой глубине, до 7 см. Мощность торфяного горизонта составляет до 4 см, признаки оглеения горизонтов наблюдаются на глубине 20 см от дневной поверхности земли и ниже. Это свидетельствует о менее благоприятных условиях для роста и развития растительности на данных участках. Береза выдерживает длительное застойное увлажнение и, как показывает исследование (табл. 1), в большей степени подвержена ветровалу.

Выводы:

1. Реконструкция состава древостоев на некоторых участках ветровала показала, что ветровалу подверглись древостои смешанных сообществ, а также сообществ с доминированием березы, осины, редко сосны и ели. Преимущественно это спелые и приспевающие вторичные березовые и осиновые леса, реже сосновые, восстановившиеся на месте вырубок прошлых лет, а также смешанные сообщества с обязательным участием ели.

2. Относительная степень повреждения древостоев внутри зоны сплошного вывала не зависит от доминирования тех или иных пород. В зонах средней и слабой степени повреждения более устойчивыми оказались сосновые насаждения, даже на слабодренированных почвах, а также березовые насаждения.

3. В зоне сплошного ветровала преобладает явление слома деревьев сосны и осины. Деревья ели и березы в равной доле подвержены как вывалу, так и слому. В зоне средней степени повреждения выворачиванию с корнем в большей степени подвержены деревья пород с поверхностной корневой системой (ель) или любые породы на участках с застойным увлажнением или слабодренированными почвами (береза и осина). Бурелому подвергаются породы с относительно слабыми механическими свойствами древесины (осина). Поврежденных деревьев сосны в данной зоне не обнаружено.

4. Высокая степень повреждения древесной растительности наблюдается в большинстве случаев на участках после открытых территорий (вырубок, селитебных территорий), где, вероятнее всего, ветер набирает силу.

5. На участках ветровала с разной степенью повреждения наблюдается вывал и слом деревьев в разных ярусах (подъярусах). Как правило, в зоне средней степени повреждения вываливаются в основном деревья в подъярусе A_1, в зоне сильной поврежденности – в обоих подъярусах (A_1 и A_2). В зоне слабой поврежденности частично выпадают деревья в подъярусе A_1.

Библиографический список

1. *Ханина Л.Г.* Биологическое разнообразие и его динамика: способы и методы оценки // БИОЛОГИЯ – НАУКА XXI ВЕКА: 15-я Международная Пущинская школа-конференция молодых ученых (Пущино, 18–22 апреля 2011 года). Сборник тезисов. – Пущино, 2011.

2. *Уланова Н.Г.* Восстановительная динамика растительности сплошных вырубок и массовых ветровалов в ельниках Южной тайги: Дис. … д-ра биол. наук. – М.: РГБ, 2006. – 434 с.

3. *Уланова Н.Г.* Сравнительный анализ динамики растительности разновозрастного ельника-кисличника, массового ветровала и сплошной вырубки в том же типе леса // Бюл. МОИП. Отд. Биол. – 2004. – Т. 109. – Вып. 6. – С. 64–72.

4. *Уланова Н.Г., Демидова А.Н., Богданова Н.Н., Зотеева Е.А.* Структура и состав растительности на тринадцатый год после катастрофического ветровала сосняка при разных сценариях освоения // Актуальные проблемы геоботаники. III Всероссийская школа конференция. II часть. – Петрозаводск: КарНЦ, РАН, 2007. – С. 245–249.

5. *Скворцова Е.Б., Уланова Г.Н., Басевич В.Ф.* Экологическая роль ветровалов. – М.: Лесная промышленность, 1983. – 192 с.

6. *Васенев И.И., Просвирина А.П.* Влияние ветровальных нарушений на почвенный покров // Коренные темнохвойные леса южной тайги (резерват «Кологривский лес») / под ред. А.В. Письмерова. – М.: Наука, 1988. – С. 184–197.

7. *Исаев А.С.* Аэрокосмический мониторинг лесов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.

8. *Поздеев Е.Г., Алексеенков Ю.М., Зырянов С.Е., Иванчиков С.В.* Динамика восстановления лесной растительности после катастрофических ветровалов // Исследования лесов Урала / отв. ред. Ю.М. Алесенков. – Екатеринбург, 2002. – С. 53–57.

9. *Мочалов С.А.* Глобальное изменение климата и проблемы лесной экологии // Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 12. Экологические проблемы современности. – 2002. – №23.

10. *Петухов И.Н., Немчинова А.В.* Пространственная структура массовых ветровалов на территории Костромской области // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – №1. – С. 19–24.

11. *Петухов И.Н.* Характеристика пространственной структуры растительного покрова на месте массовых ветровалов Костромской области // БИОЛОГИЯ – НАУКА XXI ВЕКА: 15-я Международная Пущинская школа-конференция молодых ученых (Пущино, 18–22 апреля 2011 года). Сборник тезисов. – Пущино, 2011. – С. 227–228.

12. *Дудин В.А.* Леса земли костромской. – Кострома: Линия график Кострома, 2011. – 264 с.

13. *Хорошев А.В., Немчинова А.В., Авданин В.О.* Ландшафты и экологическая сеть Костромской области: ландшафтно-географические основы проектирования сети Костромской области. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.

14. *Рис У.Г.* Основы дистанционного зондирования – М.: Техносфера, 2006. – 336 с.

15. *Барталев С.А., Егоров В.А, Крылов А.М., Стыценко Ф.В., Ховратович Т.С.* Исследование возможностей оценки состояния поврежденных пожарами лесов по данным многоспектральных спутниковых измерений // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. – 2010. – Т. 7. – № 3. – С. 215–225.

16. *Владимирова Н.А., Малахова Е.Г., Крылов А.М., Глушков И.В., Петухов И.Н.* Оценка воздействия катастрофичного ветровала на лесные экосистемы Костромской области по данным космической съемки Landsat // Современные проблемы популяционной биологии, геоботаники и флористики: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию А.А. Уранова. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2011. – Т. 1. – С. 299–302.

17. *Бобровский М.В.* Исследование массового ветровала на территории заповедника «Калужские засеки» // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Принципы и способы сохранения биоразнообразия». – Йошкар-Ола, 2010. – С. 300–302.

18. *Стаменов М.Н., Бобровский М.В.* Динамика древесной растительности после массового ветровала на территории заповедника «Калужские засеки» // БИОЛОГИЯ – НАУКА XXI ВЕКА: 15-я Международная Пущинская школа-конференция молодых ученых (Пущино, 18–22 апреля 2011 года). Сборник тезисов. – Пущино, 2011. – С. 234–235.

19. Лесоустроительная инструкция, утверждена приказом МПР России от 06.02.2008 №31.

20. Методические подходы к экологической оценке лесного покрова в бассейне малой реки / Заугольнова Л.Б., Браславская Т.Ю. (отв. ред.). – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 383 с.

21. *Немчинова А.В.* Леса высокой природоохранной ценности Костромской области // Фундаментальные и прикладные проблемы ботаники в начале XXI века. Материалы всероссийской конференции (Петрозаводск.). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – Ч. 3. – С. 368.

22. *Малахова Е.Г., Владимирова Н.А.* Методика выявлений последствий ветровалов по данным дешифрирования космических снимков высоко разрешения и наземных обследованиям // Болезни и вредители в лесах России: век XXI. Материалы Всероссийской конференции с меж-

дународным участием и V ежегодных чтениях памяти О.А. Катаева (Екатеринбург, 20–25 сентября 2011 г.). – Красноярск: ИЛ СО РАН, 2011. – С. 61–63.

23. *Прох Л.З.* Сердитые и добрые ветры. – Л.: Гидрометеорологическое изд-во, 1961. – 151 с.

24. *Мелехов И.С.* Лесоведение. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 408 с.

25. *Погребняк П.С.* Общее лесоводство. – М.: Колос, 1968. – 440 с.

УДК 502.75

Грозовская Ирина Сергеевна
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук (ИФХиБПП РАН), г. Пущино, Россия
irinagrozovskaya@gmail.com

Иванова Наталья Владимировна
Пущинский государственный естественно-научный институт
natalya.dryomys@gmail.com

Грозовский Сергей Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sergeygrozovskiy@rambler.ru

Шашков Максим Петрович
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук (ИФХиБПП РАН), г. Пущино, Россия
max.carabus@gmail.com

МАТЕРИАЛЫ К ФЛОРЕ РЕДКИХ ВИДОВ ПОВЕТЛУЖЬЯ (КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В статье охарактеризовано состояние изученности флоры Поветлужья. Представлены данные о находках редких видов сосудистых растений в бассейне р. Ветлуги на территории Костромской области (Шарьинский и Октябрьский районы). Приведены новые сведения о местообитаниях лишайника Lobaria pulmonaria *(L.) Hoffm. (Красная книга РФ, категория 2Б), описана находка редкого вида гриба* Hericium coralloides *(Scop. ex Fr.) S.F. Gray, занесенного в Красные книги соседних с Костромской областей.*

Ключевые слова: *сохранение биоразнообразия, Красная книга, редкие виды растений, Поветлужье.*

Исследования флоры Костромского края проводятся уже в течение более чем двухсот лет, тем не менее, до настоящего времени нет полного списка видов региона. Наиболее полной и современной флористической сводкой является монография П.И. Белозёрова «Флора Костромской области», составленная в 1967 году, но изданная только в 2008 году [2]. В этой работе обобщены собственные результаты многолетних исследований автора, а также данные флористов середины XIX – начала XX века.

При этом ботаническими исследованиями охвачена в основном более хозяйственно освоенная западная часть области, а флора северо-восточных районов, относящихся к бассейну р. Ветлуги, изучена слабо и лишь в последние годы стала объектом особого внимания специалистов [16].

Впервые на уникальность флоры Поветлужья указывал А.Н. Островский (1867 г.). Он первым выделил на территории Костромской губернии «западную» и «восточную» флоры, встречающиеся и частично перекрывающие друг друга в восточных уездах, в бассейне р. Ветлуги. В 1920 г. А.Е. Жадовский исследовал Поветлужье и в одном только Ветлужском уезде отметил 324 вида растений (часть этой территории сейчас относится к Нижегородской области) [4].

В изучении растительности и инвентаризации флоры бассейна р. Ветлуги принимали участие нижегородские ботаники (М.И. Назаров и др.) и московские специалисты В.В. Алёхин и А.А. Уранов. Этот крупный научный проект (1925–1935 гг.) завершился изданием карт растительного покрова Горьковского края. Исследованиями была охвачена территория юга современных Вохомского, Поназыревского и Шарьинского, а также Пыщугского районов [15].

Мы проводили полевые исследования летом 2011 г. на территории Октябрьского и Шарьинского районов Костромской области. Районы исследования относятся к подзоне южной тайги и характеризуется высоким уровнем лесистости (около 80%). По лесорастительному районированию А.В. Письмерова исследованные участки отно-

© Грозовская И.С., Иванова Н.В., Грозовский С.А., Шашков М.П., 2011

сят к району пихтово-еловых лесов южных отрогов Северных Увалов. Характерной особенностью таких лесов является примесь в еловых древостоях *Abies sibirica* и *Tilia cordata* [13].

На территории Октябрьского района исследования проводили в Октябрьском лесничестве (Веденьёвское участковое лесничество). Были изучены старовозрастные пихто-ельники близ д. Высокое.

В Шарьинском районе были исследованы два участка в пойме р. Ветлуги. Первый участок находится в 10 км к югу от г. Шарьи. Здесь были исследованы сообщества, приуроченные к пойменным озерам Раковое и Черное (левый берег р. Ветлуги), а также участки лесов близ старичного оз. Поддубного (правый берег р. Ветлуги). Также были исследованы пойменные сообщества в 20 км к северу от г. Шарьи напротив д. Кораблихи (левый берег р. Ветлуги).

В ходе полевых работ были обнаружены места обитания видов сосудистых растений, занесенных в Красную книгу РФ [9], в список Перечня видов, подлежащих занесению в Красную книгу Костромской области [1], а также видов, состояние популяций которых нуждается в изучении и мониторинге.

Латинские названия видов сосудистых растений приведены по сводке С.К. Черепанова [17].

Сосудистые растения

Семейство Ужовниковые – *Ophioglossaceae*

Botrychium multifidum (S.G. Gmel.) Rupr. – гроздовник многораздельный (Красная книга Костромской области (далее Кр. кн. КО) категория 3 – «редкий вид») [1]. Во «Флоре…» П.И. Белозёрова указан для Нерехтского, Костромского и Макарьевского районов [2]. Охраняется в соседних с Костромской областях: Вологодской (категория «редкий вид») [6], Нижегородской (категория «вид, редкий в силу биологических особенностей») [8] и Ярославской [10].

Нами *B. multifidum* обнаружен в Октябрьском районе в 6 км к северо-западу от д. Высокое, на лесной просеке в березняке разнотравном.

Семейство Лилейные – *Liliaceae*

Allium angulosum L. – лук угловатый (Кр. кн. КО категория 3 – «редкий вид») [1]. Во «Флоре…» П.И. Белозёрова отмечен для всех районов области [2]. В соседних с Костромской областях не охраняется.

Вид отмечен на территории Шарьинского района на пойменном лугу у старичного оз. Поддубного (гербарий Н.В. Ивановой), а также на обочине дороги рядом с мостом через р. Ветлугу. Также *A. angulosum* встречен на суходольном лугу близ старичного озера напротив д. Кораблихи.

Семейство Касатиковые – *Iridaceae*

Iris sibirica L. – касатик сибирский (Кр. кн. КО категория 3 – «редкий вид») [1]. Встречается по всей области, редко. Во «Флоре…» П.И. Белозёрова отмечены находки для Костромского (по берегам Волги) и Макарьевского районов [2]. Занесен в Красную книгу Ярославской области [8].

Места обитания вида обнаружены на территории Шарьинского района. *I. sibirica* обнаружен близ оз. Поддубного на разнотравно-злаковых лугах, а также рядом с урезом воды безымянного пойменного озера в осоковых зарослях. Близ д. Кораблиха касатик сибирский широко распространен и встречается по берегу р. Ветлуги в ивовых зарослях, у уреза воды вдоль берегов старичных озер, на пойменных лугах, в зарослях кустарников вдоль проселочных дорог.

Семейство Ятрышниковые – *Orchidaceae*

Goodyera repens (L.) R. Br. – гудайера ползучая (Кр. кн. КО категория 3 – «редкий вид») [1]. Встречается во всех районах области [2]. Занесена в Красную книгу Ярославской области [10].

Нами вид обнаружен на территории Октябрьского района в сосняке с примесью ели и пихты бореально-мелкотравном.

Семейство Лютиковые – *Ranunculaceae*

Atragene sibirica L. – княжик сибирский (Кр. кн. КО категория 3 – «редкий вид») [1]. Ранее на территории области был отмечен в районах: Солигаличском, Шарьинском, Буйском, Вохомском [2]. Для территории Октябрьского района указаны встречи близ пос. Боговарово и с. Луптюг [3]. Охраняется на территории Нижегородской области (категория «уязвимый вид») [8].

Нами подтверждена находка княжика сибирского для Октябрьского района. Вид обнаружен в 49 квартале Веденьёвского участкового лесничества в елово-пихтарнике разнотравном.

Семейство Розоцветные – *Rosaceae*

Rubus humilifolius C. A. Mey. – малина хмелелистная (Кр. кн. КО категория 3 – «редкий вид») [1]. Впервые была найдена в 1884 г. П.П. Орловым в бывшем Ветлужском уезде. В определителе Д.С. Аверкиева указана для северной части Горьковской области, в которую тогда входили современные Шарьинский, Пыщугский, Кологривский, Межевской и Мантуровский районы [2]. Охраня-

ется на территории Вологодской (категория «редкий вид») [6], Нижегородской (категория «вид, находящийся на границе ареала») [8], Ярославской областей [10].

В ходе полевых исследований малина хмелелистная обнаружена на территории Октябрьского р-на (1 км к югу от д. Высокое) в пихто-ельнике приручьевом высокотравном.

Семейство Сложноцветные – *Compositae*

Cacalia hastata L. – недоспелка копьевидная (Кр. кн. КО категория 3 – «редкий вид») [1]. Встречается по всей области изредка. Указана для бывшего Костромского уезда. Отмечена в Буйском и Межевском районах в [2]. В определителе П.Ф. Маевского «Флора средней полосы Европейской части СССР» [11] приводится также для Костромского, Пыщугского и Шарьинского районов. Занесена в Красные книги Вологодской (категория «редкий вид») [6], Нижегородской (категория «находящийся под угрозой исчезновения вид») [8], Ярославской областей [10].

C. hastata впервые встречена нами в Октябрьском р-не. Вид обнаружен в Веденьёвском участковом лесничестве (кв. 49) на правом берегу р. Ветлуги в елово-пихтарнике разнотравном.

Galatella punctata (Waldst. & Kit.) Nees – солонечник точечный (Кр. кн. КО категория 2 – «сокращающийся в численности вид») [1]. Во «Флоре…» П.И. Белозёрова отмечен для всей области с пометкой «изредка», прежде всего в Макарьевском районе по берегам рек Унжи и Белого Луха и в Шарьинском районе по берегам р. Ветлуги близ поселка Ветлужского [2]. Занесен в Красную книгу Ярославской области [10].

Наши исследования показали, что вид широко распространен в Шарьинском районе в пойме р. Ветлуги на обоих исследованных участках. Солонечник в большом обилии отмечен на пойменных лугах, единичные находки зафиксированы на опушках леса и в ивовых зарослях вдоль берега Ветлуги, довольно часто вид встречали по обочинам проселочных дорог.

Лишайники

Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm. – лобария легочная (Красная книга РФ категория 2Б – «уязвимый вид, сокращающийся в численности в результате изменения условий существования, разрушения местообитаний и сбора», Кр. кн. КО категория 3 – «редкий вид») [1, 9]. Вид охраняется в Вологодской (категория «редкий вид») [6], Нижегородской (категория «уязвимый вид») [8], Кировской (категория «вид с сокращающейся численностью») [7]. На территории Костромской области встречается только в северо-восточных районах [5].

Места обитания *L. pulmonaria* обнаружены на территории Шарьинского района, а также впервые в Октябрьском районе. В Октябрьском районе лишайник встречен в 45 квартале Веденьёвского участкового лесничества в 1 км к юго-западу от д. Высокое, в пихто-ельнике бореально-мелкотравно-чернично-крупнопапоротниковом на стволах старых осин. В Шарьинском районе находки лобарии приурочены к елово-пихтовым с липой лесам близ пойменного озера Ракового. Талломы *L. pulmonaria* зафиксированы в основном на стволах старых лип (возраст около 90 лет), одна находка на 150-летнем дубе (гербарий Н.В. Ивановой). Также вид отмечен на стволе старой осины в средневозрастном смешанном сосново-осиновом лесу близ оз. Поддубного.

Грибы

Отдел Базидиомицеты – *Basidiomycota*

Семейство Герициевые – *Hericiaceae*

Грибы не включены в «Перечень видов, подлежащих занесению в Красную книгу Костромской области» [1]. Тем не менее, интерес представляет находка *Hericium coralloides* (Scop.) Pers. – ежевика (ежовика) коралловидного.

Согласно литературным данным ареал этого вида широкий и занимает умеренные леса северного полушария. Обычно встречается на крупном валеже лиственных видов деревьев, преимущественно березы. Ограничивающими факторами распространения вида являются санитарные рубки, очистка леса от валежника и др. [7]. Вид используется как индикатор малонарушенных лесов [12].

H. coralloides охраняется на территории всех соседних с Костромской областей. Ежовик внесен в Красные книги Вологодской, Кировской, Нижегородской и Ярославской областей как редкий вид (категория 3) [6; 7; 8; 10], а также в Красную книгу Ивановской области как вид с неопределенным статусом (категория 4) [12].

Нами вид обнаружен в Октябрьском районе близ д. Высокое в ельнике бореально-мелкотравном на валеже березы. Гриб определен сотрудником Института биологии КНЦ РАН к.б.н. Д.А. Косолаповым.

Библиографический список

1. Постановление №363-а «Об утверждении перечней видов, подлежащих занесению в Красную книгу Костромской области» от 13 октября 2008 г.

2. *Белозёров П.И.* Флора Костромской области: монография / отв. ред. В.В. Шутов, Г.Ю. Макеева. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. – 197 с.

3. *Голубева М.А., Бобров А.А., Чемерис Е.В.* О находках некоторых видов сосудистых растений, включенных в Красную книгу Костромской области // Регионы в условиях неустойчивого развития: материалы международной научно-практической конференции «Вопросы дальнейшего развития регионов России в условиях мирового финансового кризиса» (г. Шарья, 23–25 апреля 2009 г.): В 2 т. Т. 2 / сост. А.М. Базанков, И.Г. Криницын, А.П. Липаев. – Шарья: Шарьинский филиал КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 46–48.

4. *Жадовский А.Е.* Обзор литературы по флоре Костромской губернии // Тр. Костромск. науч. о-ва по изуч. местного края. Вып. 4. – Кострома, 1915. – С. 65–92.

5. *Иванова Н.В.* Особенности распространения лобарии легочной в Костромском Заволжье // Актуальные проблемы биологии и экологии: Материалы докладов XVIII Всероссийской молодежной научной конференции (Сыктывкар, Республика Коми, Россия, 6–8 апреля 2011 г.). – Сыктывкар, 2011. – С. 24–25

6. Красная книга Вологодской области / отв. ред. Г.Ю. Конечная, Т.А. Суслова. Т. 2: Растения и грибы. – Вологда: ВГПУ; изд-во «Русь», 2004. – 360 с.

7. Красная книга Кировской области. Животные, растения, грибы. – Екатеринбург, 2001. – 288 с.

8. Красная книга Нижегородской области. Т. 2: Сосудистые растения, водоросли, лишайники, грибы. – Нижний Новгород, 2005. – 328 с.

9. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы) / Министерство природных ресурсов и экологии РФ; Федеральная служба по надзору в сфере природопользования; РАН; Российское ботаническое общество; МГУ им. М.В. Ломоносова; гл. редколл.: Ю.П. Трутнев и др.; сост. Р.В. Камелин и др. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 855 с.

10. Красная книга Ярославской области / под ред. Л.В. Воронина. – Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2004. – 384 с.

11. *Маевский П.Ф.* Флора средней полосы европейской части России. 10-е изд. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 600 с.

12. *Минеева Л.Ю.* Редкие грибы в Красной книге Ивановской области // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Биология. Химия. Физика. Математика. – 2009. – Вып. 2. – С. 7–10.

13. *Письмеров А.В.* Методические указания по лесорастительному районированию Костромской области (с применением математических методов) – М.: ВНИИЛМ, 1977.

14. *Прилепский Н.Г.* К истории ботанического изучения Костромской области (губернии): XVIII век – 20-е годы XX века // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1992. – Т. 97. – Вып. 5. – С. 118–128.

15. *Прилепский Н.Г.* К истории ботанического изучения Костромской области (с 20-х годов XX века до наших дней) // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1992. – Т. 97. – Вып. 6. – С. 125–135.

16. *Прилепский Н.Г., Карпухина Е.А.* Флора северо-востока Костромской области (бассейн р. Вохмы) // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1994. – Т. 99. – Вып. 5. – С. 77–95.

17. *Черепанов С.К.* Сосудистые растения России и сопредельных государств. – СПб.: Мир и семья, 1995. – 990 с.

УДК 619:616-07

Горкин Олег Геннадьевич
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
gorkin@apk.region.kostroma.net
Позднякова Вера Филипповна
доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Костромская государственная сельскохозяйственная академия

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И БИОХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ КРОВИ СКОТА ЛИМУЗИНСКОЙ ПОРОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ СЕЛЕКЦИИ

В статье представлены результаты исследования крови скота лимузинской породы при адаптации их в условиях костромской области. Установлено, что основные морфологические и биохимические показатели находятся в пределах физиологической нормы.

Ключевые слова: *крупный рогатый скот, лимузинская порода, кровь, адаптация.*

В настоящее время одна из важнейших проблем скотоводства – сохранение здоровья высокопродуктивных животных. Многие ученые отмечают, что у чистопородных животных возрастает интенсивность и лабильность обменных процессов, изменяется иммунобиологическая резистентность организма. При этом существенно возрастает риск возникновения заболеваний, связанных с нарушениями обмена веществ [3; 4].

Многие хозяйства России, работающие в рамках Национального проекта «Развитие АПК» закупают импортный крупный рогатый скот из Германии, Дании, Австралии, Голландии и даже Америки. При этом, изучение адаптации животных в новых природно-климатических и хозяйственных условиях является необходимым процессом. Летом 2011 года в Костромскую область из Франции было завезено 700 нетелей лимузинской породы мясного направления продуктивности.

Перед нами была поставлена задача – изучить морфологический состав и биохимические свойства крови у нетелей после транспортировки, и в динамике, в новых условиях содержания и кормления. Кровь животных благодаря своей связи со всеми тканями и системами органов, объективно отражает все изменения, происходящие в организме, что позволяет следить за состоянием здоровья, обменом веществ и корректировать, при необходимости, рацион и условия содержания.

Целью исследований явилось изучение процессов адаптации нетелей лимузинской породы к новым эколого-хозяйственным условиям, исходя из морфологических и биохимических показателей крови. Исследования крови проводили в испытательном центре ОГБУ «Костромская областная ветеринарная лаборатория» по общепринятым методикам [1; 2]. У животных утром, до кормления проводили взятие крови и определяли глюкозу – энзиматическим колориметрическим методом, общий белок – биуретовым методом, кальций, магний – унифицированным колориметрическим методом, калий – турбидиметрическим методом, фосфор – молибдатным методом, альбумин – унифицированным колориметрическим методом, мочевину – уреазным /

Таблица 1

Морфологический состав крови

Показатель	Месяц			Норма
	Июль	Август	Сентябрь	
Эритроциты, 10^{12}/л	6,01±0,09	6,08±0,14	6,55±0,12	5,0-7,0
Лейкоциты 10^{9}/л	4,83±0,73	6,97±0,57	7,01±0,51	6,0-10,0
Эозинофилы(%)	1,7±0,26	4,3±0,20	4,4±0,20	3,0-10,0
Нейтрофилы, (%), в т.ч.				
- палочкоядерные	2,2±0,13	2,8±0,21	4,0±0,15	3,0-10,0
- сегментоядерные	20,6±1,30	18,2±1,10	22,8±1,8	18,0-30,0
Лимфоциты (%)	73,0±1,40	71,2±1,90	70,8±2,0	47,0-66,0
Моноциты (%)	2,5±0,17	3,5±0,30	3,4±0,21	2,0-7,0
СОЭ, (мм/ч)	0,9±0,12	0,95±0,11	1,1±0,09	0,5-1,5
Гемоглобин (г/л)	128,61±4,41	114,5±4,21	120,4±3,80	99-129

© Горкин О.Г., Позднякова В.Ф., 2011

Таблица 2

Биохимические показатели крови

Показатель	Месяц			Норма
	Июль	Август	Сентябрь	
Общий белок, г/л	74,55±1,72	75,6±1,8	76,0±2,5	61,2-82,2
Альбумины, г/л	48,64±0,67	40,3±1,4	42,1±1,4	27,5-39,4
Мочевина, ммоль/л	2,4±0,24	2,44±0,18	2,09±0,5	2,8-8,8
Каротин, мг%	0,250±0,03	0,239±0,02	0,254±0,02	0,9-2,8
Глюкоза, ммоль/л	2,78±0,28	2,52±0,27	2,32±0,21	2,3-4,1
Общий билирубин, мкмоль/л	6,4±0,8	1,61±0,55	2,03±0,7	0,7-1,4
АлАТ, ед/л	24,84±2,74	27,1±2,9	29,4±2,3	6,9-35,3
АсАТ, ед/л	173,25±11,97	187,8±16,0	152,0±10,0	45,3-110,2
α-амилаза, ед/л	20,01±1,41	21,5±3,6	23,7±3,2	41,3-98,3
Щелочная фосфатаза, ед/л	70,39±7,28	83,7±12,6	88,4±6,3	17,5-152,7
Кальций, ммоль/л	2,77±0,07	2,23±0,05	2,65±0,1	2,1-3,8
Фосфор, ммоль/л	1,96±0,1	1,48±0,12	1,93±0,13	1,4-2,5
Калий, ммоль/л	2,77±0,07	5,33±0,07	5,27±0,9	4,0-5,8
Магний, ммоль/л	5,11±0,23	1,34±0,15	2,06±0,16	0,7-1,2
Цинк, мкг/л	93,71±2,92	51,87±1,3	121±2,7	130,0-170,0
Железо, мкмоль/л	23,07±1,72	25,87±1,3	22,0±1,6	16,1-19,7
Хлориды, ммоль/л	98,15±1,0	98,16±1,3	105,4±2,6	95,7-108,6

глутаматдегидрогеназным методом, билирубин – унифицированным методом Ендрассика-Грофа, активность альфа – амилазы, АлАТ/АсАТ – оптмизированным энзиматическим кинетическим методом, щелочную фосфатазу – оптимизированным кинетическим методом, хлориды, железо, цинк, каротин – колориметрическим методом, кетоновые тела – реакция с реактивом Лестраде [2]. Для контроля за состоянием здоровья животных была изучена лейкоцитарная формула крови, которая показывает процентное соотношение различных форм лейкоцитов. Это имеет большое диагностическое значение, так как даже у внешне здоровых животных изменение ее может служить признаком заболевания. У животных выборочно проводили взятие крови в количестве 10 проб через две недели после постановки на карантин, а затем с интервалом в один месяц. Результаты исследований отражены в таблицах 1 и 2.

Анализ полученных данных показывает, что основные морфологические показатели крови нетелей (количество эритроцитов, лейкоцитов, моноцитов), в период адаптации (после транспортного стресса, июль), находились в физиологических пределах [2]. При изучении лейкограммы, можно отметить сдвиг ядра вправо у нейтрофилов в пробах крови первой партии и восстановление этого показателя через месяц. Выявлено низкое содержание количества эозинофилов и увеличение этого показателя в августе и сентябре, что свидетельствует об иммунологической перестройке организма. Отмечается рост количества лимфоцитов в июле (на 7% выше нормы) и тенденция к снижению при дальнейшем исследовании. Такие показатели, как скорость оседания эритроцитов и количество гемоглобина находились в физиологических пределах (при $P<0,01$).

Полученные данные свидетельствуют, что основные биохимические показатели крови находятся в пределах физиологической нормы. Но отмечается низкое содержание мочевины, каротина, α-амилазы, хотя наблюдается тенденция к её увеличению. Повышение калия до физиологической нормы указывает на оптимизацию обменных процессов в организме, повышенная концентрация железа отражает избыточное поступление его с водой, повышение АсАТ – снижение функции печени. Снижение хлоридов, натрия и цинка указывает на недостаточное поступление соли в организм, нарушение метаболических процессов. Низкое содержание каротина – о недостаточном поступлении его в организм с кормом.

Таким образом, результаты исследований показывают, что после транспортного стресса большинство морфологических и биохимических

показателей крови восстановились или находятся на стадии оптимизации. Однако низкий уровень каротина, а также несбалансированность рациона по некоторым минеральным веществам свидетельствует о погрешностях в кормлении, которые необходимо устранить.

Библиографический список

1. *Волкова Е.С., Байматов В.Н.* Методы научных исследований в ветеринарии. – М.: КолосС, 2010. – 183 с.

2. Методы ветеринарной клинической лабораторной диагностики: Справочник / под ред. И.П. Кондрахина. – М.: КолосС, 2004. – 520 с.

3. Физиологические показатели нормы животных. Справочник. (Автор-составитель А. Линева.) – М.: «Аквариум ЛТД», К.: ФГУИППВ, 2003. – 256 с.

4. *Хаирова К.А., Хайрулина З.К.* Адаптация импортной ситмментальской породы крупного рогатого скота в эколого-хозяйственных условиях южного Урала // Аграрный вестник. – 2003. – №6. – С. 55–56.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.74

Погодина Ольга Александровна
Московский областной социально-гуманитарный институт (г. Коломна)
olakolomna@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ НАТУРАЛИЗМ ПОЛА КУРТЦА

Работа посвящена философии прагматического натурализма одного из лидеров современной американской мысли П. Куртца. В ней кратко освещены гносеологические изыскания ученого и мыслителя, его философия науки, концепция критического мышления, этика гуманизма и парадигма Нового Просвещения.

Ключевые слова: *прагматизм, гуманизм, натурализм, антиредукционизм, критическое мышление, скептицизм, объективный релятивизм.*

Анализируя американскую философию XX – начала XXI века, мы встречаем термин «прагматический натурализм». Прагматический натурализм как синтез двух философских школ представляет собой продолжение и, возможно, кульминацию «золотого века» американской философии [8, с. 15].

Как известно, основы концептуального аппарата и методологические подходы философии прагматизма были сформулированы американскими мыслителями Джоном Дьюи, Чарльзом Пирсом, Уильямом Джеймсом и Джорджем Мидом в конце XIX – начале XX века. Ключевую роль среди них сыграл Джон Дьюи, когда применительно к холистскому, процессуальному, организмическому пониманию опыта он разработал и ввел в философию новые исследовательские методы – контекстуальный, инструментальный, функциональный и прагматистский. Сегодня, говоря о прагматическом этосе, подразумевают пять основных взаимосвязанных тем: антифундаментализм, фаллибилизм, социальный характер личности и общностей, случайность, плюрализм [8, с. 25].

В 1920-е – 1940-е гг. под влиянием идей прагматизма, эволюционизма, реализма в американской мысли возникли разнообразные версии философского натурализма. Натуралистические философы ассоциируют название своей философской школы, прежде всего, с понятиями «природа», «естественное», «научное» (естественнонаучное), а философский натурализм – с позицией, согласно которой научная картина мира является достаточно полной и наиболее адекватно описывающей универсум. Натурализм опирается на следующие принципы: высокую оценку науки и убежденность в надежности (но не абсолютности) её методов исследования, антиредукционизм, контекстуализм, защита гуманизма, фаллибилизм [1].

До конца 60-х гг. XX века классический прагматизм оставался вытесненным с авансцены академической жизни. В начале 70-х внимание к прагматизму возрождается и усиливается. При этом, как отмечает Н.С. Юлина, многие характерные для прагматической традиции подходы сохранились и получили дальнейшее развитие в виде реинтерпретаций [10]. С 1980-х годов наметилась заметная активизация натурализма, связанная с ростом внимания к проблеме человека и натуралистическому гуманизму, с доминированием материализма в современной англоязычной философии сознания, со стремлением разработать натуралистическую эпистемологию, соответствующую уровню нынешнего естествознания и когнитивных наук.

Основную роль в пропаганде американского натурализма, соединенного с прагматизмом, сыграли Джон Дьюи и Сидней Хук, оказав наибольшее влияние на формирование концептуального аппарата. В настоящее время наиболее ярким представителем современной прагматико-натуралистической традиции является Пол Куртц – крупный этик и философ, историк американской национальной философской традиции, «отец светского гуманизма в США». Он считает, что сейчас прагматический натурализм переживает свое второе рождение, так как социальная и моральная философия Джона Дьюи представляет сегодня реальную альтернативу как реакционному авторитаризму религиозного консерватизма, так и крайнему субъективизму и нигилизму постмодернизма [8, с. 20].

В своих работах [9] П. Куртц дает следующую характеристику своих идей.

© Погодина О.А., 2011

С точки зрения автора, прагматический натурализм определяется им как философское обобщение методов и выводов науки [8, с. 21]. Это – метод исследования, предписывающий неотступно, всегда и всюду искать натуралистические, естественные объяснения фактам, опыту, заявлениям, претендующим на истину. По его мнению, прагматический натурализм предполагает эпистемологическую концепцию, утверждающую, что самые эффективные методы получения знания связаны с использованием науки и способны быть примененными к анализу тех областей общественной жизни, которые все еще претендуют на особый эпистемологический, точнее «внеэпистемологический» статус. Это прежде всего этика, политика и религия.

Наука, считает П. Куртц, является самым эффективным методом проверки и оценки того, что мы знаем о мире. Она погрешима, способна к самокоррекции и является продолжением критичного здравого смысла, который используется в повседневной жизни. Приверженность натурализма науке, и, в частности, принципу преемственности, всеобщей взаимосвязи и единству Вселенной (the principle of continuity), означает, что все явления могут быть описаны и объяснены в терминах естественных причин и следствий, и нет оснований, запрещающих рассматривать их таким образом.

Свой подход к изучению всего сущего он называет научным, или методологическим натурализмом [2, с. 16–18], исключающим трансценденталистское видение вселенной и не оставляющим места спиритуалистическим или мистическим объяснениям. Как натуралист, П. Куртц отрицает существование каких-либо сверхъестественных, ментальных субстанций или потусторонних, духовных реальностей.

Концепцию П. Куртца, согласно которой существует исходный тип реальности – физический, можно назвать разновидностью физикализма или материализма, но вместе с тем это не метафизический или вульгарный материализм, а скорее научный натурализм или нередукционистский материализм.

Особый интерес для настоящего исследования представляет точка зрения П. Куртца относительно религиозных верований. Он выделяет три наиболее интересных для него типа неверующих: игтеистов, атеистов и агностиков.

Обсуждая необоснованность концепции Бога теологами и философами, П. Куртц вводит новое понятие – «игтеизм». «Здесь частица “иг-” (ig-) происходит от слова “не ведающий” (ignorant), т.к. мы никоим образом не можем знать, что понимается под словом “теизм”, когда мы используем понятие “Бог”, чтобы обозначить с его помощью трансцендентное существо или “основу” бытия» [3, с. 191–195]. Согласно атеизму, считает П. Куртц, мы не обязаны верить в утверждение, что «Бог существует», если у нас нет для этого достаточных оснований. Согласно агностицизму, если теистические утверждения не удовлетворяют требованиям объективности, то мы вправе подвергать сомнению существование Бога. Согласно игтеизму, верование в метафизическое трансцендентное существо – логически несостоятельно и неудобопонятно [3, с. 219].

Как представитель светского (секулярного или гражданского) гуманизма, П. Куртц разделяет взгляды нон-теистов (non-theism), подчеркивая, что атеисты обычно определяют свои взгляды через то, против чего они выступают, в то время как нон-теисты рассматривают свое неверие как часть научно-философского и этического мировоззрения [2, с. 20]. Согласно П. Куртцу, центральной идеей нон-теизма является стремление создать позитивную альтернативную концепцию бытия, вселенной, с опорой на натуралистическую (материалистическую) точку зрения природы, которая вытекает из современной науки и согласуется с ее данными [3, с. 215].

Говоря о приверженности прагматического натурализма науке [8, с. 23], необходимо особо отметить два факта. Во-первых, научный натурализм, являющийся в широком смысле прагматизмом, не является сциентистским [8, с. 85]. Во-вторых, П. Куртц признает необходимость использования более широкого термина, чем просто «научный метод», поскольку «мы нуждаемся в более универсальной модели рациональности, которая признавала бы известное разнообразие и плюрализм научных методов и оставляла бы место для их определенной преемственности» [4, с. 66]. На роль общей модели, по его мнению, подходит термин «критическое мышление», демонстрируя преемственность методов от обыденного здравого смысла до научного исследования. «Критическое мышление включает научное исследование, прикладные технологии и технические навыки и находит применение в обычной жизни, т.е. реализуется там, где мы формулируем практические суждения. Используется оно

и в этике, политике, экономике и других областях». Тем самым автор предполагает, что критическое мышление имеет право и должно быть распространено и на него, и на всех других.

Важной частью научного исследования, по мнению П. Куртца, является скептическое исследование – существенная часть человеческого познания, роста и прогресса человеческого знания [4, с. 25]. В отличие от классического скептицизма, автор представляет новую форму скептицизма – новый скептицизм (селективный, методологический), который включает себя в общий позитивный и конструктивный процесс исследования, признание социального плюрализма и многообразия стилей жизни, мышления и моральных кодексов, а также рациональный анализ [3; 5]. Скептицизм, как необходимая часть научного исследования, продолжает П. Куртц, следует распространять на все сферы человеческой деятельности: на науку, повседневную жизнь, право, религию, на паранормальные верования, на экономику, политику, этику и общество.

П. Куртц определяет задачу, поставленную натуралистами, достаточно четко: «…Необходимо, насколько это возможно, способствовать развитию междисциплинарных исследований». И тут же он вводит новое понятие – «кодукция» (coduction) [12; 3, с. 85], противопоставляя ее индукции и дедукции, в отличие от которых «с целью получения всесторонней картины мира мы кодуцируем, совмещаем объяснения, которые пересекают предметные области различных наук». Здесь П. Куртц говорит о попытке «построения так называемой “синоптической перспективы”, т.е. панорамной картины мира, суммируя, обобщая, сводя воедино идеи многих наук» [2, с. 17]. Предлагаемая им натуралистическая концепция базируется на принципах антиредукционизма. Она включает в себя как принципы согласования (консилия), так и общей теории систем, и таким образом позволяет трактовать человеческие намерения телеономически, как проявления целостного комплекса психологического поведения, в котором есть «место как для биохимических объяснений, так и для психологических, бихевиористских и социокультурных интерпретаций на уровне человеческого поведения» [3, с. 332]. В рамках такого понимания П. Куртц выделяет два пути прохождения кодукции: горизонтальный и вертикальный [2, с. 18], при этом логика кодуктивного объяснения допускает как редукционистские, так и холистические теории. Далее автор делает вывод: согласованное действие, кодукция – «наиболее подходящая стратегия на современной стадии исследования, …поскольку она дает возможность выработки как физикалистских, так и интенциональных объяснений человеческого и социального поведения» [3, с. 332].

Такова самая общая философская позиция П. Куртца, в которой центральное место занимает, по сути, своеобразная спецификация для его прагматического натурализма – идея космического мировоззрения. Автор указывает, что космическое мировоззрение, представляя собой комплекс методологических установок:

– защищает научную теорию эволюции и отвергает обращение к метафизическим учениям, допускающим бытие трансцендентного как источник какого-либо достоверного знания;

– указывает на то, что методы науки не остаются неизменными, они не фиксированы и не окончательны и открыты для совершенствования;

– базируется на верифицируемых гипотезах и теориях;

– основывается на целостной картине мира, которая формируется прежде всего в процессе непрекращающихся научных достижений, а также политического, этического, эстетического и иного опыта человечества, подлежащего научному исследованию и пониманию;

– представляет собой определенную форму нередуктивистского материализма, согласно которому естественные процессы и события адекватнее всего описываются посредством указания на их материальные причины;

– оставляет место идее многообразия вселенной и, как следствие, утверждает мысль о возможности существования соответствующих несхожих картин мира, в зависимости от области исследования.

Что касается этики и аксиологии, П. Куртц стоит на позициях объективного релятивизма, подчеркивая, что «хотя этические ценности вырастают из человеческих интересов и желаний, …они не обязательно являются или должны быть субъективными, т.к. открыты рациональной критике» [4, с. 72]. Здесь, П. Куртц выделяет ряд принципов, укладывающихся в его концепцию объективного релятивизма и прагматического натурализма. Первый среди них связан с принятием базового гуманистического тезиса о том, что человеческие ценности являются в высшем смысле

человеческими и проистекают только из человеческого опыта. Любая попытка обосновать ценности или вывести их из трансцендентальных источников является ошибочной. Он подчеркивает, что для гуманистической этики человечности изначальным должен стать императив «мужество стать», то есть решимость преодолевать трудности, творить и гуманистически совершенствоваться [4, с. 26]. Продолжая идеи Д. Дьюи и С. Хука, П. Куртц считает необходимым создание «науки о ценностях и ценностных суждениях», с помощью которой можно развивать и изменять наши ценностные суждения.

Прагматический натурализм в настоящее время связан со светским (секулярным или гражданским) гуманизмом. Согласно П. Куртцу, гуманизм – это всеобъемлющее, планетарное мировоззрение, опирающееся на науку, философию и практический подход к пониманию добродетельной жизни, с определенно выраженной нерелигиозной позицией. Светский гуманизм, подчеркивает он, опирается на три стержневых моральных добродетели: на мужество, нужное, чтобы достойно жить и бороться за лучшую жизнь, преодолевая трудности и добиваясь поставленных целей; на познание, интегрирующее в себе критическое мышление и этическую рациональность; на заботу, проявляющуюся в таких качествах, как сострадание и человеколюбие [4, с. 9].

Анализируя современную философию, П. Куртц говорит о необходимости нового всеобщего взгляда, о необходимости рефлексивной мудрости. И здесь, считает автор, философия способна выполнять важную функцию – функцию образования и просвещения на уровне общих методов и картин мира [6], то есть призвана играть активную социальную роль. П. Куртц обосновывает необходимость обретения евпраксофии (eupraxsofia; от лат. eu – блаженство, praxis – практика и sofia – мудрость) [7] – единства добра, практики и мудрости, позиции, в которой гармонично сочетались бы моральные добродетели, практичность и умудренность. В будущем, надеется П. Куртц, евпраксофия должна стать отличительным качеством каждого образованного человека.

В заключение П. Куртц приходит к выводу, что светский гуманизм – это последовательное и полное выражение программы модернизма, его кульминация, а светское гуманистическое мировоззрение – это новая, грядущая пост-постмодернистская парадигма (Новое Просвещение) [13], это часть процесса глобальной культурной реформации.

Эта позиция находит отражение в многосторонней общественной деятельности П. Куртца. Так, например, подготовленные им документы международного масштаба, среди которых «Декларация светского гуманизма» (A Secular Humanist Declaration. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1980), «Гуманистический манифест 2000: Призыв к новому планетарному гуманизму» («Humanist Manifesto 2000: A call for a new planetary humanism», 2000) и «Неогуманизм» (“Neo-Humanist Statement of Secular Principles and Values: Personal, Progressive, and Planetary”) [11], – яркий пример постановки вопроса о воплощении в мировой культуре фундаментальных человеческих ценностей.

Итак, философия прагматического натурализма П. Куртца связана не столько с некоторой абстрактной, чисто философской теорией познании, сколько с методами, процедурами и практикой получения надежного знания. П. Куртц полагает, что секуляризм, натурализм, скептицизм, прагматизм, рационализм, атеизм могут образовать внутренне согласованный комплекс идей. Философия, настаивает он, как и наука, является динамичной, стремящейся к совершенствованию. Как следствие, автор предлагает своего рода рефлексивную философию, то есть такую, в которой он допускает ревизию этой, его собственной философии и ее модификацию в ходе развития знаний и нового опыта.

Основные задачи прагматического натурализма, определяемые П. Куртцем, таковы: 1) формирование интегрального космического мировоззрения и 2) поиск всеобъемлющей и всё объясняющей теории, воплощающей в себе научные методы [3, с. 328–329].

Библиографический список

1. Более подробно см.: *Юлина Н.С.* Образы науки и американский натурализм // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. – 1991. – № 1. – С. 82.; *Каримский А.М.* Американский натурализм: история и перспективы // Там же. – С. 76; *Райдер Дж.* Натурализм, диалектический материализм и объективность // Там же. – С. 86.

2. *Куртц Пол.* Что такое светский гуманизм? / под ред. В.А. Кувакина и А.Г. Круглова. – М.: Рос. гуманист. о-во, 2008.

3. *Куртц Пол.* Новый скептицизм: Исследование и надежное знание. – М.: Рос. гуманист. о-во, 2007. – С. 192.

4. *Куртц Пол.* Мужество стать: Добродетели гуманизма / пер. с англ. // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. Спец. выпуск. – М., 2000.

5. *Куртц Пол.* Утверждения: Жизнь, полная радости и творчества. – М.: Рос. гуманист. о-во, 2005. – С. 25–29.

6. *Куртц Пол.* Искушение потусторонним. – М.: Академический проект, 1999. – С. 22.

7. См.: *Куртц П.* Евпраксофия: жизнь без религии («Eupraxofy: living without religion», 1989); *Куртц П.* Утверждения. Жизнь, полная радости и творчества / пер. с англ. – М., 2005. – С. 39–44.

8. Прагматический натурализм в американской философии. – М.: РГО, 2003.

9. См: «The courage to become: the virtues of humanism», 1997 (*Куртц П.* Мужество стать: Добродетели гуманизма. – М.: РГО, 2000); «Affirmations: Joyful And Creative Exuberance», 2004 (Утверждения: Жизнь, полная радости и творчества. – М.: РГО, 2005); «Philosophical essays in pragmatic naturalism», 1990 (Что такое прагматический натурализм? / Прагматический натурализм в американской философии. – М.: РГО, 2003); «What Is Secular Humanism?», 2006 (Что такое светский гуманизм? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.humanism.ru/secular-humanism.htm) и т.д.

10. *Юлина Н.С.* Американская философия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.roman.by/r-72586.html.

11. http://paulkurtz.net/

12. *Paul Kurtz.* Decision and the Condition of Man. – Seattle, Wash.: University of Washington Press, 1968; New York: Dell Paperbacks, 1969.

13. Toward a New Enlightenment: The Philosophy of Paul Kurtz (Transaction, 1994).

УДК 316.346.2

Севелова Мария Александровна
Череповецкий государственный университет
vetroffs@list.ru

МАСКУЛИННОСТЬ И ФЕМИНИННОСТЬ КАК КЛЮЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

В данной статье рассматриваются различные подходы к пониманию категорий «маскулинность» и «фемининность», раскрывается социокультурная природа данных категорий, их основные свойства. Проанализированы современные парадигмы маскулинности и фемининности, характеризующие их как динамические, комплексные и множественные конструкты, формирующие социальные практики пола.

Ключевые слова: *маскулинность, фемининность, гендерная идентичность, социальные функции, практики пола.*

Гендерная теория обратилась к проблеме половой дифференциации в обществе с принципиально новой стороны: она раскрывает сущность социальных ролей и статусов мужчин и женщин, их общественных отношений с позиции восприятия обществом их пола, с позиции тех социальных и культурных норм, которые общественная система предписывает им выполнять. На основании того, что в разных культурах эти нормы существенно отличаются и зачастую прямо не связаны с определенными физиологическими характеристиками мужчины и женщины, сторонниками гендерной теории была выдвинута идея о различиях между биологическим и культурным пониманием пола. В связи с этим в гендерных концепциях появились и новые категории, характеризующие черты личности, связанные с полом, с социокультурной, а не биологической стороны. Так, наряду с общепринятым понятием «пол» возникли понятия «социокультурный пол», «гендер», «гендерная идентичность»; категории «мужское» и «женское» дополнились соответственно представлениями о «маскулинности» и «фемининности».

Для понимания природы различий между биологическими и культурными аспектами пола категории «маскулинность» и «фемининность» имеют особое значение. Они включают в себя социальные представления и стереотипы о мужском и женском, нормы и модели поведения, предписываемые мужчинам и женщинам, то есть характеризуют половые различия с социокультур-

© Севелова М.А., 2011

ной стороны. Именно это доказывает необходимость выделения и анализа терминов «маскулинность» и «фемининность» как самостоятельных категорий социогуманитарного знания.

Этимологически термины «маскулинность/фемининность» и «мужественность/женственность» очень близки между собой: первые происходят соответственно от латинского masculinus – «мужской» и femininus – «женский». В связи с этим некоторые исследователи оспаривают правомочность выделения маскулинности и фемининности как самостоятельных категорий социогуманитарных наук, считая их лишь необоснованной заменой привычных терминов «мужественность» и «женственность» иноязычными словами. И.В. Костерина по этому поводу замечает: «В отечественном научном дискурсе существует терминологическая путаница, связанная с параллельным употреблением понятий “мужественность” и “маскулинность”. Одни исследователи используют их как синонимы, другие употребляют слово “мужественность” для обозначения неких объективно существующих “качеств”, присущих индивидам мужского пола, а слово “маскулинность” – для обозначения различных типов поведения и идентичности» [5, с. 117].

На наш взгляд, введение в оборот социогуманитарных наук терминов «маскулинность/фемининность» вполне оправданно, так как оно позволяет избежать оценочных коннотаций, характерных для терминов «мужественность/женственность». Как справедливо отмечает И.С. Кон, «понятие мужественности является не только и не столько описательным (дескриптивным), подразумевая совокупность черт, предположительно отличающих мужчин от женщин, сколько предписательно-нормативным, подразумевая систему представлений о том, каким должен быть “настоящий мужчина”» [4, с. 29]. То есть, как и всякая бинарная оппозиция, пара «мужественность – женственность» содержит в себе оценочный момент, не позволяющий использовать эти категории для объективной характеристики личности и общественных отношений. Причем, что характерно для восприятия биполярных оппозиций человеческим сознанием в целом, один из полюсов данной пары (мужественность) традиционно оценивается положительно, а второй (женственность), – соответственно, негативно. И.С. Кон по этому поводу замечает: «Русские слова “мужество” и “мужественность” обозначают не просто совокупность специфически “мужских” (не важно, реальных или воображаемых) качеств, но и морально-психологическое свойство, одинаково желательное для обоих полов… Выражение “мужественная женщина” звучит очень хорошо, а “женственный мужчина” – очень плохо» [4, с. 42].

Сущность категорий «маскулинность» и «фемининность» заключается, прежде всего, в их соотнесенности с социумом: с моделями поведения человека в обществе, с общественными оценками, представлениями о чертах мужчины и женщины, со стереотипами о «типично мужских и женских» ролях. По словам И.В. Костериной, термин «маскулинность» обозначает «набор определенных качеств и практик, позволяющих человеку репрезентировать себя как мужчину. Причем качества и практики будут изменяться в зависимости от сценария маскулинности, которому отдает предпочтение мужчина в конкретных ситуациях» [5, с. 117].

В различных методологических направлениях социогуманитарных наук категории «маскулинность» и «фемининность» понимаются неоднозначно, в связи с чем И.С. Кон выделяет как минимум три группы дефиниций данных терминов [3, ч. 1, с. 573–576]:

1. Маскулинность/фемининность как дескриптивные, описательные категории, обозначающие совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам и женщинам.

2. Маскулинность/фемининность как нормативные (прескриптивные) категории, обозначающие совокупности идеальных, желательных образов того, какими должны быть мужчины и женщины.

3. Маскулинность/фемининность как аскриптивные категории, обозначающие один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и стереотипов о том, какими являются мужчины и женщины в действительности. Так, Ш. Берд определяет маскулинность как «социально-сконструированные ожидания, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующего мужчинам, представленные в определенной культуре в определенное время» [2, с. 6]. Подобных взглядов придерживался и американский исследователь Р. Коннелл, который понимал маскулинность

как культурный образец, который лежит в основе практик пола [1, с. 71].

Исходя из данных различий в понимании маскулинности и фемининности, сформировались различные их каноны, в зависимости от того, в какой научной парадигме они рассматриваются. В современной науке существует четыре главные парадигмы маскулинности/фемининности: биологическая, психоаналитическая, социально-конструктивистская и постмодернистская. При этом первые две парадигмы можно условно отнести к эссенциалистским, так как они рассматривают маскулинность и фемининность как производные от биологической разницы между мужчиной и женщиной. Последние две парадигмы условно называют конструктивистскими, так как они рассматривают маскулинность и фемининность как общественный конструкт, который происходит из гендерной идеологии общества и сформирован под влиянием традиционных взглядов на мужскую роль и конкретной социокультурной ситуации.

Биолого-эволюционный подход, рассматривающий маскулинность и фемининность как совокупность природных качеств, отличающих мужчин от женщин, исторически возник раньше остальных. Длительное господство биологических интерпретаций маскулинности и фемининности основывалось на трудах Чарльза Дарвина, обосновывавшего большую агрессивность и интеллектуальность мужчин физиологическими особенностями их организма. В дальнейшем маскулинность и фемининность рассматривались как «биограммы», то есть врожденные, генетически предопределенные, устойчивые поведенческие стратегии и образцы поведения мужчин и женщин. Согласно биологическим концепциям, маскулинность понимается как доминантная стратегия поведения, включающая агрессивность, стремление к господству и направленность деятельности вовне (в социум), тогда как фемининность описывается как подчиненная стратегия, включающая пассивность, более высокую адаптивность, заботу о других.

Психоаналитическая парадигма маскулинности/фемининности утверждает, что мужские и женские свойства, хотя и универсальны, но заданы не биологически, а предопределены процессом индивидуального развития человека под воздействием социальных отношений. Как полагают сторонники этого подхода, к которым можно отнести З. Фрейда, К.Г. Юнга, Ж. Лакана, Г.С. Салливэна, маскулинность и фемининность на психологическом уровне формируются с помощью механизмов идентификации: девочки вырабатывают гибкую личную идентификацию со своими матерями, тогда как мальчики, постепенно осознавая свой отличный от женщин природный и социальный статус, следуют негативной позиционной идентификации, усваивая разрозненные аспекты обобщенной мужской роли. Именно поэтому, с точки зрения сторонников психоанализа, у мужчин чаще встречаются отклонения от природного стандарта маскулинности, которые вызываются неподобающим воспитанием или слишком интенсивным общением с носителями фемининных черт. Также в психоаналитическом подходе сформировалось представление о том, что на самом деле маскулинность не монолитна, а внутренне противоречива, так как обязательно включает в себя отдельные заведомо фемининные характеристики.

Социально-конструктивистский подход, в отличие от эссенциалистского, рассматривает маскулинность и фемининность в контексте функционального разделения, существующего в обществе. Основы такого понимания феноменов маскулинности/фемининности были заложены в работах Э. Дюркгейма и Р. Линтона, рассматривавших маскулинность и фемининность как универсальные взаимодополнительные социальные функции, на которых строится естественная дифференциация в обществе. Эта теория впоследствии получила свое развитие в трудах Т. Парсонса и Р. Бейлза, которые соотносили маскулинность и фемининность с инструментальными и экспрессивными социальными функциями соответственно. Маскулинность в данной парадигме характеризуется как ориентация на поддержание связей между семьей и внешним миром, выполнение предметной деятельности, руководство, поддержание дисциплины, поиск ресурсов; фемининность – как ориентация на регулирование взаимоотношений в семье, выполнение эмоциональных функций, воспитание детей, поддержку и заботу о других.

Появление нового канона маскулинности/фемининности связано с развитием в современном социогуманитарном знании направлений постструктурализма и постмодернизма. Постмодернистская трактовка маскулинности/фемининности отличается деконструкцией идеи единой, твердой, универсальной маскулинности. Как пи-

шет Р. Коннелл, «не существует единого образа маскулинности, который обнаруживается всюду. Мы должны говорить не о маскулинности, а о “маскулинностях”. Разные культуры и разные периоды истории конструируют гендер по-разному… Внутри одной и той же школы, места работы или микрорайона будут разные пути разыгрывания маскулинности, разные способы усвоения того, как стать мужчиной, разные образы Я и разные пути использования мужского тела» [1, с. 83].

Ключевым в понимании маскулинности/фемининности, как и многих других категорий, для постмодернистского подхода становится понятие «дискурс». Маскулинность и фемининность рассматриваются в постмодернизме не как застывшие схемы и образцы поведения, не как результат какого-то процесса, а как собственно процесс постоянного возникновения и развития феноменов в процессе межличностного взаимодействия. Все социальные практики являются гендерно структурированными и сконструированными, то есть наделенными гендерными различиями. Маскулинность и фемининность понимаются как конструкты – социальные, идеологические, событийные, которые представлены в форме гендерных идентичностей – зафиксированных паттернов взаимодействия людей. Другими словами, маскулинностей и фемининностей всегда много, и они есть всего лишь отдельные версии возможной социальной реальности, социального порядка, социального взаимодействия. В связи с этим в постмодернистском подходе появляются такие понятия, как «гендерный дисплей», «гендерный перформанс», «делание гендера», которые свидетельствуют о том, что маскулинность и фемининность неоднородны, многомерны, множественны, и в зависимости от конкретной речевой ситуации, или, иначе говоря, дискурса, человек «разыгрывает» ту или иную модель маскулинности/фемининности. Следовательно, интерпретация и выступает в качестве механизма, обеспечивающего создание и поддержание социальных конструктов маскулинности и фемининности. Постмодернизм предлагает анализировать маскулинность и фемининность не как различия между мужчинами и женщинами, а как различия между конструктами, между типами гендерной идентичности мужчин и женщин. Маскулинность и фемининность – это то, что организует содержательно-смысловое пространство, в котором личность приобретает гендерную определенность.

Современные представления о маскулинности и фемининности свидетельствуют о комплексности и неоднозначности данных категорий. Исходя из этого, можно выделить такие основные свойства маскулинности/фемининности, как множественность, историчность и ситуационность. Множественность маскулинности и фемининности заключается в том, что они включают в себя несколько моделей – от доминантных (или «гегемонных», по выражению Р. Коннелла), до маргинализированных. Историчность маскулинности и фемининности проявляется в том, что их нормативные каноны претерпевают существенные изменения от одной исторической эпохи к другой. Под влиянием экономических, политических, социальных, культурных изменений в обществе трансформируются и традиционные гендерные ролевые модели, представления об идеальных свойствах мужчины и женщины, устоявшиеся паттерны их поведения в обществе. Ситуационность маскулинности и фемининности выражается в интенсификации или, напротив, уменьшении некоторых их характеристик в зависимости от конкретной общественной ситуации. Так, например, в период социальных, политических и особенно военных конфликтов более ценными становятся маскулинные свойства, такие как агрессивность, соревновательность.

Таким образом, трансформация понимания маскулинности и фемининности от эссенциалистских парадигм к социально-конструктивистским и постконструктивистским свидетельствует об изменении подходов к интерпретации пола в целом. Гендерная теория делает вывод о том, что более важную роль в общественной системе играет не собственно биологический пол индивида, а совокупность социальных функций и ролей, предписываемых представителям этого пола, и те гендерные модели поведения, которые «разыгрывает» сам индивид. При этом современное понимание маскулинности и фемининности отрывается от прямой соотнесенности с биологически «мужским» и «женским» соответственно, представляя их скорее как определенную социокультурную модель, набор поведенческих паттернов, которые могут реализовываться как мужчинами, так и женщинами в различных дискурсах. Это еще раз доказывает обоснованность выделения маскулинности/фемининности как самостоятельных категорий гендерной теории, имеющих большое значение для понимания современных практик пола.

Библиографический список

1. *Connel R.W.* Masculinities. 2nd ed. – University of California Press, 2005. – 324 p.

2. *Берд Ш.* Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендерные исследования. – 2000. – № 14. – С. 5–33.

3. *Кон И.С.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования: В 2 ч. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1. – С. 562–605.

4. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.

5. *Костерина И.В.* Практики маскулинности в молодежных группах // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 116–126.

УДК 316

Белоусова Татьяна Викторовна
Курский государственный университет
tatyanawbd@mail.ru

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Автор статьи исследует идею диалогичности как философский принцип осмысления окружающего мира в трудах российских и зарубежных философов. Более подробно останавливается на идее диалога в рамках литературного произведения, рассматривает вопрос диалога культур как феномена XX века, когда каждая культура в общении с иными культурными образами обнаруживает и впервые формирует новые свои смыслы и формы.

Ключевые слова: *диалог, культура, художественное слово, искусство, Библер, Бахтин, Бубер.*

В настоящее время диалогичность является философским принципом осмысления окружающего мира в трудах российских и зарубежных философов. С позиций диалога как метода познания исследуются человеческое мышление (Мартин Бубер «Я и Ты»), законы логики (И. Лакатос «Доказательства и опровержения», В.С. Библер «Мышление как творчество»), диалогично даже слово, а тем более художественное слово (М.М. Бахтин «Вопросы литературы и эстетики»).

Идея диалогичности самой природы человека, его мышления и сознания получила широкий резонанс в философских кругах. В книге «Два образа веры» Мартин Бубер, размышляя о мышлении, приходит к выводу о диалогичности этого процесса. «Каждый, кто действительно мыслил, знает, что в этом удивительном процессе есть стадия, на которой задается вопрос некой “внутренней” инстанции и она отвечает. Но это не возникновение мысли, а первая проверка и испытание уже возникшей мысли. Возникновение мысли происходит не в монологе. …Скорее здесь можно обнаружить диалогические элементы: не к себе обращается мыслитель на стадиях становления мысли, в ее ответственности, а к основному отношению, перед лицом которого он несет ответственность за свое понимание, или к порядку, перед которым он отвечает за новый сложившийся понятийный образ» [7, с. 114].

Эту же мысль выражает и В.С. Библер в работе «Диалог и культура»: «В исходном определении, в своем наличном бытии (в сфере вседневного сознания) идея живет на грани, на линии… двух сознаний, – Я и Ты, – идея есть форма диалогического сопряжения и вопросительности друг для друга этих “двух” (как минимум) сознаний в жизни *одного*, моего сознания» [4, с. 38].

В.С. Библер считает диалог основой творческого мышления. В 1975 году выходит его книга «Мышление как творчество», где автор, пытаясь постичь тайну творческого мышления, выводит основные предпосылки логического анализа творческого мышления как мысленного диалога. По его мнению, в процессе творческого мышления каждый субъект деятельности интериоризирует («овнутряет») свои внешние напряжения, напряжения социально разделенного труда, в форме антиномического диалога мыслителя с самим собой. Внутренний диалог, по Библеру, является основой творческого процесса: «Где господствует монологика, там нет возможности для обоснования логического скачка, там нет логики творчества» [5, с. 69]. Для того чтобы понять интуитивный процесс изобретения теорий, обоснования самых начал теоретического знания, необходимо, как утверждает Библер, освоить логически внутреннюю диалогику теоретического интеллекта, понять теоретика как «логическое многообразие» (многообразие внутренних собеседников).

© Белоусова Т.В., 2011

Из идеи о диалогической сущности природы человека развивается мысль о диалоге как принципе построения общества, о диалоге как способе общения людей: «Во-первых, смысл моего бытия как субъекта – есть обращенность, адресованность к другому, к Ты. Во-вторых …смысл моего бытия – внимать другому, воспринимать в себе его "другость" (его бытие вне меня, то есть его бытие как Ты, – мне насущего, но никогда мне не тождественного, – именно в этой нетождественности мне насущного)» [4, с. 19].

Диалог – основа основ человеческого общения, без него общение вообще теряет смысл, ведь диалог – это не просто разговор двух людей, это слушание и слышание друг друга. Исходя из внутренней двойственности человеческой сущности жизнь людей, как считает Бубер, тоже должна строиться по тем же принципам диалогичности. Ни одиночка, ни группа одиночек не могут являться фундаментальными фактами человеческой экзистенции лишь постольку, поскольку человек вступает в жизненное отношение с другим человеком; совокупность есть факт экзистенции лишь потому, что она слагается из жизненных отношений человеческих единиц. Центральной у Бубера является мысль, что фактом человеческой экзистенции будет только «человек с человеком», и если что и составляет характерную особенность человеческого мира, это прежде всего то, что возникает лишь между существом и существом и подобного чему нет более нигде в природе. «Настоящий диалог (т. е. не обусловленный заранее во всех своих частях, но вполне спонтанный, где каждый обращается непосредственно к своему партнеру, и вызывает его на непредсказуемый ответ), настоящий урок (а не автоматически повторяемый, и не тот, результаты которого наперед известны преподавателю, но сулящий обоюдные сюрпризы), настоящее, а не обратившееся в привычку объятие, настоящий, а не игрушечный поединок – вот примеры истинного "между", суть которого реализуется не в том или в другом участнике и не в том реальном мире, в котором те пребывают наряду с вещами, но в самом буквальном смысле – между ними обоими, словно в некоем, им доступном измерении» [8, с. 153–154].

Начало исследованию диалогичности творческого мышления в области художественной литературы положили работы М.М. Бахтина, использовавшего принцип диалогичности культур в плане литературоведческом.

Библер выделяет два полюса диалога в понимании Бахтина.

Один полюс – «микродиалог», происходящий внутри сознания каждого индивида: «Диалог уходит внутрь, в каждое слово… делая его двуголосым, в каждый жест, в каждое мимическое движение лица… это уже "микродиалог", определяющий особенности словесного стиля Достоевского» [2, с. 72], определяющий, согласно Бахтину, всю жизнь человеческого сознания. Микродиалог существует и тогда, когда нет реального собеседника.

Второй полюс – «макродиалог», «диалог в Большом времени», или, как мы сейчас его называем, – диалог культур. Это диалог монолитных культурных блоков, способных постоянно актуализировать свой смысл и формировать свои новые смысловые пласты, понимание культуры как диалогического самосознания каждой цивилизации. Согласно Бахтину, культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, а самосознание культуры – это форма ее бытия рядом с иной культурой. И еще очень важно отметить – «макродиалог» всегда осуществляется в «микродиалоге», в сознании человека.

Чтобы говорить дальше о бахтинском диалогизме, обратимся к истокам возникновения этой идеи у Бахтина. Библер в своих исследованиях работ М.М. Бахтина (очерк «Диалог и культура») приходит к выводу, что бахтинская идея диалога возникла в точке скрещения четырех исследовательских установок.

Во-первых, это установка на диалогизм поэтики (романов) Достоевского. Здесь впервые возник ключевой бахтинский смысл идей диалога (даже сам термин «диалог» стал здесь основой всей терминологии). Достоевский, по мнению Бахтина, смог понять и выразить диалог людей в хронотопе романа, как внутренний диалог моего Я с моим «другим Я», не как с двойником, но как с собеседником. «Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить форму тождества А=А. …Подлинная жизнь личности совершается в точке этого несовпадения человека с самим собой» [2, с. 100]. Такое общение индивида с самим собой (и одновременно общение с Другим, с Собеседником, с миром) постигается Достоевским благодаря тому, что он всегда изображает человека на пороге последнего решения, в момент кризиса и незавершенного – и непредопределимого – поворота его души.

Исходя из работ Достоевского, Бахтин приходит к выводу, что в человеке есть нечто внутренне незавершенное, что не поддается овнешняющему заочному определению, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания, во внутреннем диалоге.

Во-вторых, это установка на исходный и неискоренимый диалогизм «текста вообще». Ведь любая речь, по Бахтину, истинно может быть понята лишь в контексте диалога. Каждая реплика ориентирована на новый вопрос, это начало ответа собеседника или другого Я, возможность и предвосхищение таких ответов, вопросов, сомнений.

В этом плане ключевой работой Бахтина является «Проблема речевых жанров» (1934–1935). Текст в узком понимании слова – это речь, запечатленная на бумаге. С другой стороны, это просто живая речь человека в процессе общения, понятая по аналогии с отстраненным, запечатленным текстом, отделяющим человека от человека, воспринимаемым и тогда, когда человек ушел. Но для Бахтина свойственно понимание как текста (в качестве текста) любых знаковых систем: иконографических, непосредственно вещных, деятельностных и т.д., причем эти три измерения, три понимания текста вступают между собой в отношение общения. «Начинать свое исследование гуманитарий может с орудия, с поступка, с жилья, с социальной связи. Однако чтобы продолжить это исследование и довести его до человека, сделавшего орудие, живущего в здании, общающегося с другими людьми, необходимо отнести все это к человеческой внутренней жизни, к сфере замыслов, к тому, что было *накануне* действий. Понять и орудие, и жилье, и поступок – *как текст*. И – в контексте реальных речевых текстов, сохраняющих *канун* поступка. Поступок понимается (…понимает себя…), а не просто фиксируется, только вместе с его мотивами, основаниями, целями, замыслами. То есть, снова повторяю, – понимается как текст. (Все сказанное относится, конечно, не только к исследователю-гуманитарию, но и просто к общению людей)» [4, с. 14–15].

В-третьих, это диалог, как он выступает в «романном слове»; в его (романного слова) хронотопе, то есть в неделимом атомарном единстве времени и пространства, характерном для романа. Это не просто диалогизм романных произведений разных времен и культур, не просто фрагментарных текстов, это диалог разноречивых диалектов, объединенных в рамках романа, в жестких границах его хронотопа. «В романе один “диалект”, одна интонация и синтаксис (одного действующего лица) – оговаривает и освещает, и предупреждает голос, интонацию и диалект другого “действующего” (или – говорящего) лица. В их взаимоосвещении и взаимооговорочности – в контексте романа – создается диалог реальных, разрозненных, встречных диалектов и речений. Именно такой диалог (по принципу: все люди накопили в веках разные речевые блоки; в микрокосме романа эти различные многовековые языковые блоки по особому освещают и освящают друг друга) и лежит в основе всех бахтинских осмыслений идеи диалога, диалога идей» [4, с. 4].

Так, художественное слово, осмысленно возникшее в определенный исторический момент в социально определенной среде, не может не задеть тысячи живых диалогических нитей, сплетенных социально-идеологическим сознанием вокруг данного предмета высказывания, не может не стать активным участником социального диалога. Оно и возникает из этого диалога, как его продолжение, как реплика этого самого диалога. Писатель-художник возводит эту разноречивость вокруг предмета до завершенного образа, проникнутого полнотою диалогических отзвучий.

Но этим не исчерпывается внутренняя диалогичность слова. Не только в предмете встречается оно с чужим словом. Всякое слово направлено на ответ и не может избежать глубокого влияния предвосхищаемого ответного слова. «Живое разговорное слово непосредственно и грубо установлено на будущее слово-ответ: оно провоцирует ответ, предвосхищает его и строится в направлении к нему. Слагаясь в атмосфере уже сказанного, слово в то же время определяется еще не сказанным, но вынуждаемым и уже предвосхищаемым ответным словом. Так – во всяком живом диалоге» [1, с. 93–95].

В реальной речевой жизни всякое конкретное понимание активно: оно приобщает понимаемое своему предметно-экспрессивному кругозору и неразрывно слито с ответом. Понимание созревает лишь в ответе. Понимание и ответ диалектически слиты и взаимообуславливают друг друга, одно без другого невозможно. Говорящий стремится донести свое слово со своим определяющим его кругозором до чужого кругозора понимающего и вступает в диалогические отношения с этим кругозором. Говорящий пробивается в чужой кругозор слушателя, строит свое высказы-

вание на чужой территории, на его, слушателя, апперцептивном фоне.

Это другой вид внутренней диалогичности слова, он отличается от того, который определился встречею с чужим словом в самом предмете: здесь не предмет служит ареною встречи, а субъективный кругозор слушателя. Поэтому эта диалогичность носит более субъективно-психологический характер, иногда грубо приспособленческий, иногда же вызывающе полемический.

Диалогическое отношение к чужому слову в предмете и к чужому слову в предвосхищаемом ответе слушателя, будучи по существу различными и порождая в слове различные стилистические эффекты, могут, тем не менее, очень тесно сплетаться, становясь почти неразличимыми для стилистического анализа.

Бахтин, анализируя слово Толстого, отмечает, что оно отличается резкой внутренней диалогичностью, причем оно диалогизировано как в предмете, так и в кругозоре читателя, смысловые и экспрессивные особенности которого Толстой остро ощущает. «Эти две линии диалогизации (в большинстве случаев полемически окрашенной) очень тесно сплетены в его стиле: слово у Толстого даже в самых “лирических” выражениях и в самых “эпических” описаниях созвучит и диссонирует с различными моментами разноречивого социально-словесного сознания, опутывающего предмет, и в то же время полемически вторгается в предметный и ценностный кругозор читателя, стремясь поразить и разрушить апперцептивный фон его активного понимания» [1, с. 96].

Таким образом, явление внутренней диалогичности в большей или меньшей степени присутствует во всех областях жизни слова. Но если в нехудожественной прозе (бытовой, риторической, научной) диалогичность обычно обособляется в особый самостоятельный акт и развертывается в прямой диалог или в иные композиционно выраженные отчетливые формы полемики с чужим словом, то в художественной прозе она пронизывает изнутри самое слово и его экспрессию, преобразуя семантику и синтаксическую структуру слова.

Характеризуя слово в художественной литературе, М.М. Бахтин вводит такое понятие, как *двуголосое* слово: «Оно служит сразу двум говорящим и выражает одновременно две различных интенции: прямую интенцию говорящего персонажа и преломленную авторскую. В таком слове два голоса, две мысли и две экспрессии. Притом эти два голоса диалогически соотнесены, они как бы знают друг о друге, как бы друг с другом беседуют. Двуголосое слово всегда внутренне диалогизированно» [1, с. 137–38].

В-четвертых, истоком диалогизма Бахтина выступает непосредственно понимание культуры в ее Большом времени. «Малое время (современность, ближайшее прошлое и предвидимое (желаемое) будущее) и Большое время – бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает» [3, с. 372].

Идея диалога культур, по мнению Библера, могла появиться только в XX веке, тогда, когда феномен одновременности культур, общения между ними стал важнейшим социальным и личностным определением человеческих отношений, только в это время все остальные предпосылки диалогизма могли соединиться, «забродить» и – сформировать идею диалога как всеобщую характеристику гуманитарного мышления с основной установкой не на познание «объекта», «вещи», но на общение и взаимопонимание.

Если в науке существует принцип восхождения (знания уплотняются, систематизируются, последующие открытия «снимают» предыдущие), то искусство рассматривается в философии с позиций диалогизма: «…Здесь не только Шекспир невозможен без Софокла или Брехт – без Шекспира, без внутренней переклички, отталкивания, переосмысления, но и – обязательно – обратно: Софокл невозможен без Шекспира; Софокл иначе – но и более уникально – понимается и иначе формируется в сопряжении с Шекспиром. В искусстве “раньше” и “позже” соотносительны, одновременны, предшествуют друг другу, наконец, это есть корни друг друга. Не только в нашем понимании, но именно во все большей уникальности, “уплотненности”, всеобщности собственного, особенного, неповторимого бытия. В искусстве явно действует не схематизм “восходящей лестницы с преодоленными ступенями”, но схематизм драматического произведения. “Явление четвертое. Те же и … Софья…”» [6, с. 282].

Именно такое понимание каждой культуры (античной, средневековой, нового времени, восточной и т. д.) как одного из участников диалога по вопросам человеческого бытия, такого диалога, где каждая культура в общении с иными культурными образами обнаруживает и впервые формирует новые свои смыслы, формы, устрем-

ленные к этому новому иному образу, – такое понимание и сводит воедино все определения диалога как всеобщей сути мышления.

Только в диалоге культур, по Бахтину, возможно дойти до предела данной культуры, то есть выйти к исходным, первоначальным, вечным вопросам и ответам. Так, по Бахтину, только в исходном культурном мифологосе, сосредоточенном в греческой трагедии, возможно понять идею античной личности в точке «акме», в том срединном моменте жизни, где сходятся линии самого отдаленного прошлого и наиболее отдаленно предстоящего будущего. Возможно понять и идею личности в истинности ее (личности, вобравшей полис и космос) свободы, в перипетии личной ответственности за свою (завязанную в веках, в сплетении рока) судьбу. Это – смысл Эдипа и Прометея, как образов культуры, а не просто персонажей некоей авторской «пьесы»… Только в идее жития, исповеди, культуроформирующей идее Средневековья, жизнь индивида сосредотачивает истинно культурный, личный смысл – смысл вечной ответственности в момент смерти за всю свою земную жизнь, за каждый свой поступок и помысел, обретается равнозначимость краткого земного времени и вечностного абсолюта. То есть в житийной возможности мысленно оглянуться на всю свою жизнь, проанализировав каждую свою мысль и каждое действие в связи с предвосхищаемым моментом кончины, индивид оказывается способным предрешить навечно свою судьбу – заслужить смерть или обрести бессмертие. Или только в перипетиях Гамлета или Дон Кихота, этих исходных романных перипетиях, раскрывается возможность вместить бесконечную открытость истории в образ индивидуальной жизни, то есть – в свою личную судьбу. Но уже не в каких-то привилегированных точках (типа «акме», или – «исповеди»), а в отстранении от всего течения своей жизни, – от рождения – до смерти, от исходного гамлетовского «быть или не быть» – до завершающего – «будь, что будет».

Библеру такое бытие культур в Большом времени представляется всегда персонифицированным: «Общаются и диалогизируют (в сознании индивида, в его бытии) не абстрактные культуры как таковые, но – Прометей и Дон Кихот, Эдип и Гамлет, Августин и Паскаль… общаются в нашем бытии, судьбе, выборе, сознании, – даже и тогда, когда мы об этом ничегошеньки не знаем. Ведь все эти Образы – есть накопленные в веках альтернативы (и – катарсисы) наших нравственных и творческих решений» [4, с. 7].

Библер расширяет идею диалога культур Бахтина, вводя понятие «амбивалентности» каждой культуры, под которой он подразумевает общую способность каждой культуры отстраняться от самой себя, не совпадать с собой, быть диалогичной по отношению к себе самой, и – именно потому – быть диалогичной по отношению к иным культурам. Как справедливо отметил Г. Федотов, национальный характер следует определять в полярных доминантах, любая однозначная характеристика чревата вульгарностью, «формула нации должна быть дуалистична» [9, с. 70], он призывал к отказу «от ложного монизма и в изображении коллективной души как единства противоположностей. Чтобы не утонуть в многообразии, можно свести его к полярности двух несводимых далее типов. Схемой личности будет тогда не круг, а эллипс. Его двоецентрие образует то напряжение, которое только и делает возможным жизнь и движение непрерывно изменяющегося соборного организма» [там же]. Выход на грань своей культуры есть в то же время и вопрос, обращенный к иной культуре, возможность осмыслить иные смыслы жизни, иные смысловые спектры.

«Для участия в культуре надо … *выскочить из матрицы цивилизации*» [4, с. 11]. По идее Библера, для того чтобы получился диалог между культурами, необходимо уметь отстраниться от собственной культуры и понять чужую культуру как свою. То есть, только лишь выйдя за пределы того сгустка жизненных смыслов и целей, что присущи одной культуре, и оказавшись на грани различных культур, возможно войти в иные ценностные и смысловые спектры, в то межкультурное пространство, в котором и смысл бытия, и определенная направленность разумения изначальны. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [3, с. 333]. И скажем больше, анализируя Бахтина, Библер приходит к выводу, что культура – «феномен, собствен-

ного объема не имеющий, существующий только *на грани*, – то есть только в контексте межкультурного диалога» [4, с. 39].

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. литература, 1975. – 502с.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
4. *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму). Очерк третий. Диалог и культура (Общаясь с Бахтиным) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bibler_dial.htm
5. *Библер В.С.* Мышление как творчество. – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
6. *Библер В.С.* От науконаучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М.: Политиздат, 1991. – 412 с.
7. *Бубер М.* Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – 462с.
8. *Бубер М.* Я и Ты. – М.: Высш. шк., 1993.
9. *Федотов Г.* Новый град. – Нью-Йорк, 1952.

УДК 101.1:316.4

Заякина Раиса Александровна
Новосибирский государственный технический университет
raisa_varygina@mail.ru

НОРМАТИВНО-ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ

В статье анализируются существующие подходы к изучению социальной адаптации студентов. Для эффективного изучения заявленного феномена предлагается использовать комплексный нормативно-интерпретативный подход, основанный на принципе дополнительности.

Ключевые слова: *социальная адаптация студентов, теоретико-методологический подход, социальное взаимодействие, образовательное пространство.*

В связи с транзитивными процессами, происходящими в российском обществе, и в частности в образовательном пространстве, изучение социальной адаптации студентов приобретает особую актуальность. Сегодня накоплен значительный объем информации в таких областях научного знания как социология (проблемы социальной адаптации студентов изучают И.А. Андреева, А.М. Анохин, В.В. Емельянов, Ю.В. Мордвинов, Е.В. Недосека, Р.Я. Цибриенко и др.), педагогика (адаптивной проблематикой занимаются Р.В. Бисалиев, И.А. Бочарская, О.А. Воскрекасенко, И.Ф. Деманова, А.С. Еремин, Ю.И. Зотов, М.А. Копытов, И.А. Кузнецов, О.А. Куц, Е.А. Лебедева, Р.И. Платонова, В.В. Становов, Т.Е. Чикина, С.Н. Ягуфарова и др.) и психология (вопросы социальной адаптации студентов рассматривают О.А. Андриенко, Т.Ю. Артюхова, Е.С. Глухова, О.В. Макаренко, В.В. Романов, В.И. Седин, И.В. Щелин и др.). Отметим, что в силу прикладной направленности данных наук произошел очевидный перевес в эмпирическую сторону. Это ограничивает изучаемый объект практическим интересом того или иного исследователя, диктуя выбор методологического подхода.

В результате детального анализа существующей литературы нами выяснено, что конструкт «социальная адаптация студентов» представлен двумя основными парадигмами: нормативной и интерпретативной. Приверженцы интерпретативной парадигмы, восходящей к «понимающей социологии» М. Вебера и «философии жизни» В. Дильтея находятся в значительном меньшинстве, подавляющее же большинство исследователей склоняется к объективистской структурно-функциональной нормативной парадигме, берущей начало из трудов Г. Спенсера.

В случае использования исследователями нормативного подхода социальная адаптация оценивается «в качестве предметно-деятельностного преобразования внешних условий жизнедеятельности сообразно потребностям «личности» и «социума» или же стратегий преодоления разнообразных барьеров на пути адаптации к различным социальным ситуациям; способов и механизмов оптимизации процесса социально-психологических взаимодействий в системе лич-

 © Заякина Р.А., 2011

ность – социум» [4, с. 256]. Нормативная парадигма, таким образом, опирается на идею взаимодействия человека с миром посредством его активной деятельности, и именно деятельность человека представляется и исследуется как единственный выразитель всего многообразия проявлений социальной адаптации.

В контексте интерпретативного подхода социальная адаптация изучается с позиций «непрерывной интерпретации адаптирующимся субъектом объективного социального мира, себя в объективном мире и субъективного образа этого мира в себе и формирования на этой основе субъективно приемлемого индивидуального адаптивного пространства и персональной идентичности» [4, с. 257]. Многообразие интерпретаций условий, заданных социальным пространством, неизбежно порождает многообразие значений социальных взаимодействий, опираясь на которые индивид и выстраивает свое мировоззрение и, в конечном счете, свою жизнь. Интерпретативная парадигма, таким образом, опирается на свойства психологической и социальной природы человека, а также на опосредующие социальную адаптацию социальные феномены (язык, различные формы общественного сознания, нормы, стереотипы и установки, социальные институты, роли и пр.).

Следует отметить имеющую место в рассуждениях некоторых исследователей тенденцию приписывать студенчеству некую «квазимаргинальность», наделяя социальную адаптацию деструктивными характеристиками. Так, к процессам и явлениям, сопровождающим социальную адаптацию студентов, относят девиацию и даже делинквентность. По мнению авторов И.А. Андреевой и А.М. Анохина взамен нереализованного потенциала в любой социально востребованной сфере студенчеству сегодня предлагаются «нейтральные социальные активности» (к которым, кроме прочего, отнесены также музыка и секс). Итогом данного исследования признается необходимость целенаправленного осуществления «политики усиления групп риска» (студенты, очевидно, отнесены к данным группам), что, по мнению авторов, приведет «к минимизации патологических последствий их воздействия на социальную реальность», и, в конечном итоге «предотвращению преобразования действительности» [1, с. 367]. Подобные рассуждения не выдерживают критики, ибо, во-первых, социальная адаптация есть ни экстраординарное явление, и тем более ни отклонение от нормы, а естественный путь взаимодействия личности с социальной реальностью. Во-вторых, адаптация неизбежно трансформирует не только внутренний, индивидуальный мир студента, но и социальную реальность, чтобы впоследствии, обретя устойчивую гармонию с окружающей действительностью, способствовать саморазвитию, раскрытию творческого потенциала личности.

Образчиками теоретического воплощения нормативного подхода к изучению социальной адаптации студентов можно считать формирование стратегий управления процессом обучения, моделирование адаптационных стратегий студентов, разработку прогностических моделей адаптационного поведения [2]. Практическая же деятельность этого направления воплощается в сценарной и календарной проработанности мероприятий, имеющих целью «вхождение», «формирование», «усвоение», «активное включение» и прочее. Пожалуй, верным будет утверждение, что любой крупный российский вуз сегодня может «удивить» подобной программой. Не станем спорить с тем, что политика вузов по адаптации студентов ускоряет адаптивные процессы и способствует повышению их успешности. Однако необходимо также понимать важность смысла и значения для студента той адаптивной ситуации, с которой он сталкивается, индивидуальных трактовок личных возможностей и субъективных ожиданий, которые сказываются как на уровне формирования цели адаптации, мотивированности на достижение удовлетворяющего результата, так и на характере социального взаимодействия в целом.

Сторонники интерпретативного подхода исходят их того, что интерпретация студентом возникшей ситуации как адаптивной, с последующей индивидуальной интерпретацией условий и характеристик, описывающих данную ситуацию, суть доминантная стратегия социальной адаптации студента. Отметим, что содержание и итог интерпретативного процесса хотя и выдвигают на первый план интернальные факторы адаптации, однако не могут быть полностью оторваны от экстернальных факторов, таких как явная или скрытая оценка (влияние) социального окружения студента, а также социальные нормы и ценности, объективно существующие в образовательном пространстве. Между тем, анализируя социальную адаптацию студентов с позиции интерпретативного подхода,

исследователи гипотетически отстраняются от указанных экстернальных факторов. Отметим, что интерпретативный подход вынуждает учитывать возможность вольной трактовки информации об адаптивной ситуации, что привносит в адаптацию элемент уникальности, неповторимости, свободы творчества. Нельзя забывать, что человек наделен первичной идентичностью, которая способна самостоятельно поддерживать свое существование в пространстве и времени и организовывать вспомогательные идентичности и социальные роли в соответствии с критерием смысла. Именно смысл, вкладываемый студентом в свои поступки, саму сложившуюся ситуацию позволяет ему принимать решения в пользу тех или иных адаптивных действий.

Смысл социальной адаптации генетически связан с процессом индивидуального целеполагания. Именно индивидуально оформленная и четко сформулированная цель есть «родитель» заложенного смысла. Зачастую анализ сходных по внешним признакам (объективным и субъективным) случаев социальной адаптации студентов демонстрирует расхождение как на уровне выбора адаптивных действий, так и на уровне интенсивности протекания процессов, динамики и активности ресурсного привлечения именно по фактору различного целеполагания. В таком случае на авансцену выходит ценностно-мировоззренческий компонент, работая с поступающей информацией как интерпретатор, отделяя «зерна от плевел». Цель социальной адаптации есть «транскрипция», «прочтение» студентом сущности адаптивной ситуации, что погружает исследователя в изобилие смысловых нюансов. Именно цель формирует, в конечном счете, всю магистральную линию адаптации.

Сложившаяся методологическая двойственность обусловлена и отчасти оправдана объективной дуальностью изучаемого феномена: с одной стороны, социальная адаптация студентов выступает как процесс, с другой же – как состояние, с одной стороны, она объективно несет в себе структурно-функциональные, с другой – интерпретативные сущностные свойства и характеристики. Таким образом, социальная адаптация студента может быть охарактеризована как сложный, индетерминистский, дискретно-инкретный социальный феномен, имеющий вероятностно-статистический характер. Подобная онтология приспособления студента в образовательном пространстве аргументируется тем, что в каждом реальном примере адаптации наблюдается 1) диффузия процесса и результата социального приспособления; 2) нераздельность индивидуальной трактовки студентом условий в образовательном пространстве и собственного места в нем; 3) влияние на студента социальных ожиданий и установок и его интерпретация объективной реальности в контексте степени осознанности реагирования на обозначенное влияние.

Очевидно, что рассмотренные выше парадигмы изучают объект с разных сторон и для формирования объективной картины должны дополнять друг друга. Именно такой, комплексной исследовательской методологией и стал избранный нами нормативно-интерпретативный подход, разработанный М.В. Роммом применительно к конструкции «социальная адаптация личности» и основанный на общенаучном принципе дополнительности. Он учитывает следующие условия: глобальный процесс социальной адаптации онтологически объективен; он является объективно дуальным [4, с. 255]; социальная адаптация эпистемологически субъективна. Опираясь на постнеклассическую концепцию наблюдения, мы утверждаем, что исследователь «первого порядка» не способен полностью воссоздать объективную картину адаптации студента, поскольку при обработке полученных данных и их анализе будет склонен вносить в результаты субъективные смыслы, использовать индивидуальные трактовки, соответствующие прежде всего традициям научной школы, к которой он принадлежит [5].

В многообразных экспликациях социальной адаптации личности подчеркивается динамическая характеристика изучаемого феномена, иными словами, внимание исследователя концентрируется на особенности адаптации быть процессом. Очевидно, что подобный подход продиктован деятельностным нормативным пониманием, рассматривающим адаптацию как детерминистский феномен и опирающимся на ее динамические характеристики. Между тем, в поисках сущности изучаемого феномена мы не будем опираться только на свойство адаптации «быть процессом». При анализе социальной адаптации студентов как процесса/состояния/итога нам открывается гораздо более объемная картина, органично вбирающая в себя также всю палитру индивидуальных интерпретаций студентом объективного образовательного пространства, субъективных

образов этого пространства, актуализирующихся при столкновении с конкретной адаптивной ситуацией и влияющих не только на адаптивное поведение, но и на ощущения человека, его самосознание. В дальнейшем это дает нам возможность раскрыть гносеологические, аксиологические, телеологические грани социальной адаптации студентов.

Что же такое социальная адаптация студента? С ее определением сегодня нет удовлетворяющей нас ясности. Сложившееся в современной науке понимание этого феномена может быть выражено следующей экспликацией: «адаптация студента – это сложный, динамический, многоуровневый и многосторонний процесс перестройки потребностно-мотивационной сферы, комплекса имеющихся навыков, умений и привычек в соответствии с новыми задачами, целями, перспективами и условиями их реализации» [3, с. 162]. Безусловно, студент должен соответствовать новым, и прежде всего учебным задачам. Однако только ли в трансформации приобретенных до поступления в вуз навыков, умений и привычек кроется успешность социальной адаптации студента, и всегда ли для достижения успешности подобная трансформация необходима? Помимо нагруженности приведенного определения исключительно процессуальными характеристиками, его недостатком является инструментальное отношение к потребностно-мотивационной сфере, выраженное в непременном «подстраивании» студента под задачи, цели и перспективы (очевидно, имеются в виду цели образовательного процесса). Между тем, нельзя отрицать наличие ресурсной адаптации, которая характеризуется максимальной активностью личности, самостоятельно устанавливающей цель, сообразуясь только с желаемыми для нее результатами, при относительной пассивности среды [4, с. 68]. Специфика образовательного пространства допускает реализацию ресурсной адаптации. Так, для достижения поставленной цели адаптации студент может актуализировать множество ресурсов: социальную и психологическую поддержку семьи и близкого окружения, иные социальные связи (в том числе основанные на убеждениях), поддержку государственных институтов. Важны и личностные ресурсы, такие как «сила эго», включающая способность к рациональным действиям, критичности, саморефлексии, предыдущий опыт прохождения через стрессовые ситуации, в ходе чего вырабатываются психологическая гибкость и адаптивные способности личности. Все эти факторы определяют широкий спектр способов разрешения конфликтов и проблемных ситуаций, в которых оказывается студент, что одновременно приводит к дальнейшему формированию личности. Отсутствие в фокусе исследователя факта интерпретации студентом окружающего образовательного пространства, определения внутри него статусных позиций и обретения обновленной идентичности – вот тот пробел, который разрушает объективность картины социальной адаптации студента.

Учитывая объективную онтологическую дуальность изучаемого феномена под социальной адаптацией студента мы понимаем: *процесс/состояние преобразования и/или интерпретации студентом объективного образовательного пространства, себя в нем и его субъективного образа в себе и формирования на этой основе индивидуальной траектории личностного развития, обучения, форм коммуникативного взаимодействия и направленности деятельности студента в образовательном пространстве.*

Комплексное изучение социальной адаптации студентов, таким образом, раскрывает диалектическое единство двух ее планов, позволяя исследователю конструировать релевантный изучаемому феномену теоретический образ, выявлять существенные характеристики с учетом релятивности, присутствующей в нем.

Библиографический список

1. *Андреева И.А., Анохин А.М.* Особенности социальной адаптации студенческой молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 4 (32). – С. 366–367.

2. *Берестнева О.Г., Шаропин К.А.* Построение моделей адаптации студентов к обучению в вузе // Известия Томского политехнического государственного университета. – 2004. – Т. 307. – № 5. – С. 131–135.

3. *Елгина Л.С.* Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 5. – С. 162–166.

4. *Ромм М.В.* Философия и психология адаптивных процессов. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2006. – 296 с.

5. *Fuchs Stephan*. Against Essentialism: A Theory of Culture and Society – Harvard Univ. Press, 2001.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 792.01

Ахмыловская Лариса Алексеевна
кандидат искусствоведения
Дальневосточный государственный технический университет (г. Владивосток)
akhmilovski@gmail.com
Барыш Андриана Юрьевна
Международная школа японского языка (г. Канагава, Япония)
lanaveva@rambler.ru

КООРДИНАЦИЯ КРОССКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА: МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПАРТИТУРЫ

В статье представлены результаты исследования деятельности переводчика в кросскультурном театральном процессе. Авторы воспроизводят логику и последовательность формирования переводческой партитуры пьесы в ходе ее постановки на языке перевода; выделяют основные этапы переводческой деятельности, уточняют функции переводчика-координатора кросскультурного театрального проекта.

Ключевые слова: *функции переводчика, оптимизация кросскультурного процесса постановки пьесы, метаязык кросскультурного проекта, элементы и критерии сформированности переводческой партитуры.*

Драма как произведение литературы в контексте постановки трансформируется в произведение сценического искусства. Многолетний опыт практического перевода и координации кросскультурных проектов показывает, что международная постановка не только предполагает наличие и использование опубликованных переводов пьесы, но всегда означает работу театрального переводчика над текстом в течение всего проекта со дня первых переговоров до пресс-конференций после премьеры, что в среднем занимает не менее двух лет.

Исходя из функций переводчика в указанных границах проекта, нами предлагается методология формирования переводческой партитуры. Цель применения разработанной методологии – оптимизация кросскультурного процесса постановки, с одной стороны, и приближение к оптимальному переводу, с другой стороны.

Методологической базой исследования являются герменевтический, семиотический и деятельностный подходы с учетом опыта в области этносценологии и антропологии актера. Материал исследования составили постановки произведений Шекспира (1992, 2009), Уильямса (1994), Беккета (1997–1998), Тургенева (1997), Чехова (1992–2009), Горького (1993–2003), О'Нила (1999), Блюма (2006–2008), Симидзу (2003, 2006, 2008), Дженкинса (2006–2008), Джексона (2008), Катер (2008), Кадио (2009), Ариеси (2010) и других (более 40 кросскультурных проектов с 1992 г. по настоящее время) [1].

В процессе исследования применялись методы: стилистического анализа, сравнительного анализа, включенного наблюдения, действенного анализа пьесы и роли по системе Станиславского, мозгового штурма, аналогий (основанный на личных ассоциациях коммуникантов), эвристический метод (основанный на личном опыте участников).

Процесс формирования переводческой партитуры пьесы включает четыре этапа: подготовительный, аналитический, постановочный, постпостановочный. Мы выделяем следующие компоненты данного процесса: организационно-технологический, творческий, коррекционный, когнитивный.

Каждый этап проекта предполагает работу над соответствующими элементами переводческой партитуры (оригинальный текст, биография автора, история постановок, рецензии и статьи, видео- и аудиоархивы, комментарии участников мультиэтнического проекта, переводческий комментарий).

Такая структура проекта определяет его приоритетные условия:

– система Станиславского как метаязык кросскультурного проекта;

– конструктивный диалог переводчика с каждым участником постановки.

Владение терминологией К.С. Станиславского как универсальным языком экстралингвистического пространства позволяет переводчику точно отразить объем переживания, проявляемого

 © Ахмыловская Л.А., Барыш А.Ю., 2011

актерами – представителями разных этносов, работающими над одним образом, что ведет к инвариантному размыканию герменевтического круга (познающий субъект познает себя через других, других через себя; целое через частное, частное через целое), благодаря чему эффективность постановки значительно возрастает, процесс перевода оптимизируется (подробнее в статьях, докладах, текстах учебных пособий и монографии авторов) [1–9].

Условия кросскультурной постановки предполагают расширение диапазона функций переводчика в соответствии с задачами каждого этапа: менеджер, продюсер, аналитик, архивист, сорежиссёр, консультант, критик, импресарио.

Мы выделяем следующие критерии сформированности переводческой партитуры пьесы: исторический (этнопсихологический); рецепционно-группо- вой (этносценологический); личностный (био-психо-логический). Актеры, вне зависимости от их этнической принадлежности и творческого метода, используя весь свой психофизический аппарат, свою одухотворенную телесность (голос, его тембральные характеристики и модуляции, интонации, паузацию, темпоритм, пластику, жест, мимику), наделяют текст пьесы гештальтом, воссоздают его в том живом звучании, в котором услышал, увидел, почувствовал и записал его драматург, что а) поднимает актерское проживание и озвучание до уровня приоритетного условия перевода драматургического текста и подготовки его письменной версии к публикации; б) предполагает дальнейшее изучение театральным переводчиком опыта в области антропологии актера.

Кросскультурный проект постановки переводной пьесы всегда имеет следующие результаты: академический, художественный, социокультурный, экономический. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты являются базой для мультикультурных драматических, оперных, кукольных, балетных спектаклей; музейных, выставочных, фестивальных и образовательных проектов.

Выводы данного исследования подтверждены деятельностью других переводчиков, чья широкая эрудиция и «страстное соучастие» (У. Эко) позволяют им интуитивно демонстрировать собственные варианты элементов представленной методологии (Нобуюки Накамото, Вэс Херли, Елена Иванова, Юлия Польшина, Йоко Осака, Хирочико Камидзе, Елена Наумова, Содзо Тосака, Магдалена Маликовска, Кейко Накамура, Норико Адачи, Мичико Анзаи, Франсуаз Уильмар, Андреа Лозерис, Флавия Вендителли, Тайлер Полумски и др.) [10–14].

Переводчик, полагающий своей целью достижение максимально возможной объективности, призван учесть толкование пьесы каждым членом многонационального творческого коллектива. Восприятие и передача полифонического звучания пьесы в процессе его преобразования в произведение сценического искусства на языке перевода приближает к адекватной трансляции смыслов; отражает надъязыковое, универсальное пространство оригинального текста.

Библиографический список

1. *Ахмыловская Л.А.* Формирование переводческой партитуры пьесы в кросскультурном театральном проекте. – Владивосток: ДВГТУ, 2010. – 234 с.

2. *Ахмыловская Л.А., Барыш А.Ю.* Novel Approach: электр. уч. пособие для студентов гуманитарных институтов. – Владивосток: ДВГТУ, 2011. – 135 с.

3. *Ахмыловская Л.А.* Art in progress: сб. текстов и упражнений для самостоятельной работы студентов. – Владивосток: ДВГТУ, 2009. – 111 с.

4. *Ахмыловская Л.А.* Американская драматургия на рубеже XX–XXI вв.: уч. пособие по аналитическому чтению. – Владивосток: ДВГТУ, 2008. – 126 с.

5. *Ахмыловская Л.А.* Письменная английская речь: уч. пособие для студентов гуманитарных институтов. – Владивосток: ДВГТУ, 2007. – 131 с.

6. *Ахмыловская Л.А.* Язык театра: уч. пособие для студентов факультетов искусствоведения. – Владивосток: ДВГТУ, 2007. – 398 с.

7. *Akhmilovski L., Barysh A.* The Methodology and methods of Translation Score Developing in the Cross-Cultural Educational and Creative Projects // Role of Translation in Nation Building, Nationalism and Supra-nationalism. A Publication of Cervantes Center, New Delhi, India 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itaindia.org/itaindia_conference_2010.

8. *Akhmilovski L., Blume S.* The intertextual translation for the Art Schools Education Practice // Pacific Science Review. – 2009. – V. 11 (1). – P. 53–55.

9. *Akhmilovski L., Barysh A., Jenkins M.* The Stanislavski System in America: Impact on the Art,

Culture and Theatre Education // Pacific Science Review. – 2009. – V. 11 (1). – P. 56–60.

10. *Doubine V.* Comparison of two telephone interpreting providers: TIS National and language line Services // Role of Translation in Nation Building, Nationalism and Supra-nationalism. A Publication of Cervantes Center, New Delhi, India 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itaindia.org/itaindia_conference_2010.

11. *Kumar R.* Project Management and Technology Integration in Translation. // Role of Translation in Nation Building, Nationalism and Supra-nationalism. A Publication of Cervantes Center, New Delhi, India 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itaindia.org/ itaindia_conference_2010.

12. *Loseries A.* Mouthpiece of the Lamas Challenging of Translating for Tibetan Masters // Role of Translation in Nation Building, Nationalism and Supra-nationalism. A Publication of Cervantes Center, New Delhi, India 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itaindia.org/ itaindia_conference_2010.

13. *Oustinoff M.* Translation Matters: India as a Model for Europe // Role of Translation in Nation Building, Nationalism and Supra-nationalism. A Publication of Cervantes Center, New Delhi, India 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itaindia.org/ itaindia_conference_2010.

14. *Stephanis R.* A Picture is Worth a Thousand Words: Nation-Building in the Contemporary Photobooks of Argentina // Role of Translation in Nation Building, Nationalism and Supra-nationalism. A Publication of Cervantes Center, New Delhi, India 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.itaindia.org/itaindia_conference_2010.

УДК 78
Б 825

Борисова Елена Юрьевна,
Погорелова Наталья Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

М.М. ИППОЛИТОВ-ИВАНОВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЯРКОГО СОЗВЕЗДИЯ КОМПОЗИТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В данной статье ставится задача осветить жизненный путь М.М. Ипполитова-Иванова, специфику его композиторского творчества, раскрыть дирижёрское и педагогическое дарование музыканта, а также его выдающийся вклад как музыкально-общественного деятеля в развитие культуры России. Более подробно рассматривается духовно-музыкальное наследие Ипполитова-Иванова, которое менее всего изучено.

Ключевые слова: *русская классическая музыка, циклы детских песен, обработки народных песен, русская духовная музыка, новый тип концертной духовной музыки.*

Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов родился 7/19 ноября 1859 года недалеко от Санкт-Петербурга в городе Гатчина. Трудолюбие, целеустремлённость, неустанное стремление к совершенствованию, унаследованные им от своих предков, были спутниками всей его жизни. Дед будущего композитора работал литейщиком в Гатчинских придворных мастерских и славился как тонкий мастер отливки художественных изделий из бронзы. Здесь же слесарем, а затем главным мастером работал и отец Михаила Михайловича. В семье Ивановых приветствовалось увлечение музыкой, поэтому мальчик получил хорошее базовое домашнее музыкальное образование. Восьми лет он начал петь в церковном хоре и учиться у дьякона гатчинской церкви играть на скрипке.

С 1872 по 1875 год Михаил стал заниматься в Музыкальных классах для малолетних певчих при Исаакиевском соборе. Там он усердно изучал элементарную теорию и сольфеджио в классе И.С. Любомудрова и продолжил занятия по скрипке у В.Г. Мансветова. Однако виртуозная карьера скрипача и композитора не привлекали юношу так, как занятия по дирижированию. Он пытливо присматривается к работе хормейстеров певческой школы. В Музыкальных классах под руководством мастеров русской вокально-хоровой школы А.И. Рожнова и Г.Ф. Львовского Михаил практически осваивал традиции богослужеб-

 © Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю., 2011

ного пения. «На этих уроках я впервые понял, что такое музыкальный вкус, музыкальная фраза и что может дать хоровая масса, с её органной звучностью, в талантливых руках» [4, с. 145]. Уже в годы обучения в Музыкальных классах проявилось его тяготение не к пышным и эффектным спектаклям, а к оперным произведениям большой социальной силы и идейной насыщенности. Стремясь вникнуть во все детали оперы, он поступил в Мариинский театр статистом и стал участвовать в народных сценах оперных спектаклей. К этому времени у него окончательно созрело решение поступить в Петербургскую консерваторию и стать музыкантом-профессионалом. В осуществлении этой мечты ему помогла сестра будущего композитора и её супруг Ипполитов. В благодарность за проявленную к нему заботу Михаил Михайлович присоединил к своей фамилии Иванов и фамилию Ипполитов, став Ипполитовым-Ивановым.

В 1875 году, блистательно выдержав экзамены, он поступил в Петербургскую консерваторию по классу специальной теории музыки (педагог Ю.И. Иогансен – гармония и полифония). В консерватории Ипполитов-Иванов проявил исключительную работоспособность и широту интересов. Он занимался по классу специальной композиции и одновременно участвовал как скрипач в студенческом оркестре. Когда для оркестрового класса понадобился контрабасист, Ипполитов-Иванов стал заниматься и на этом инструменте (педагог И.О. Ферреро). С особой любовью и увлечением занимался молодой музыкант в дирижёрском классе (педагог К.Ю. Давыдов) и в классе композиции у выдающегося композитора и педагога Н.А. Римского-Корсакова. Через Н.А. Римского-Корсакова Ипполитов-Иванов познакомился и сблизился с представителями «Могучей кучки»: М.А. Балакиревым, А.П. Бородиным, М.П. Мусоргским, Ц.А. Кюи. В консерватории, выполняя задания своего педагога, Ипполитов-Иванов сочинял произведения в различных жанрах: несколько сцен из оперы «Царская невеста», две части «Симфонии», «Вариации для фортепиано», детские песни, детскую оперу «На венок Пушкину», программную оркестровую увертюру «Яр-хмель». Выпускными экзаменационными работами Михаила Михайловича стали кантата «Лесной царь» и симфоническое скерцо.

В консерватории Ипполитов-Иванов познакомился с вокалисткой Варварой Михайловной Зарудной – представительницей известного рода Зарудных, давшего России немало талантливых и знаменитых людей. Зародившаяся симпатия между молодыми людьми переросла в глубокое чувство, которое они пронесли через всю жизнь. В 1882 году Ипполитов-Иванов и Зарудная заканчивают консерваторию: он – по классу композиции (педагог Н.А. Римский-Корсаков), она – по классу вокала (педагог Камилло Эверарди). В 1883 году Михаил Михайлович и Варвара Михайловна обвенчались.

Молодой выпускник консерватории сразу получил место директора Музыкального училища в Тифлисе и дирижёра симфонических собраний Тифлисского отделения Императорского русского музыкального общества. В Музыкальном училище М.М. Ипполитов-Иванов преподавал музыкально-теоретические дисциплины, историю музыки, хоровое пение и класс ансамбля. Он с большой тщательностью разрабатывал программу училища. По его инициативе в учебный план были введены курсы истории музыки, инструментовки, контрапункта и музыкальной формы, которые Ипполитов-Иванов с 1887 года сам преподавал в училище. Крепкая профессиональная основа, широкий кругозор и прогрессивная устремлённость характеризовали деятельность Ипполитова-Иванова как педагога и директора Тифлисского музыкального училища. Рука об руку с Ипполитовым-Ивановым занималась развитием музыкального образования и культуры в Тифлисе его жена Варвара Михайловна Зарудная. По приезде в Тифлис она включилась в педагогическую работу музыкального училища, будучи одновременно одной из ведущих солисток Тифлисского оперного театра. В 1884 году Ипполитов-Иванов стал дирижёром Тифлисского оперного театра. В театре он пропагандировал такие оперные произведения, которые захватывали сердца и умы слушателей демократическими идеями и образами, народностью музыкального языка.

Культурно-просветительские мероприятия, проводимые М.М. Ипполитовым-Ивановым в музыкальной жизни Грузии, охватывали различные стороны: концертную, учебно-педагогическую, оперно-театральную, фольклористскую. В Тифлисе он начал серьёзно изучать грузинский музыкальный фольклор. Обобщив собранный материал, Михаил Михайлович в 1895 году поместил в журнале «Артист» развёрнутую статью «Грузинская народная песня и её современное

состояние» с приложением обработанных им для голоса с фортепиано двенадцати грузинских мелодий. В том же году эта статья была выпущена отдельной книгой. Интерес Ипполитова-Иванова к народному творчеству не ограничивался изучением только грузинской музыки. Композитор также уделял должное внимание азербайджанской, узбекской и армянской народной музыке. Поэтому, когда в 1923 году в Российском институте музыкальной науки встал вопрос об образовании комиссии по собиранию и изучению образцов белорусской народной музыки, в состав комиссии первым был избран Ипполитов-Иванов; к нему же обратились с просьбой принять на себя председательствование в этой комиссии. Изучение неисчислимых богатств народного музыкального творчества национальных республик было в центре внимания всей творческой жизни Ипполитова-Иванова.

Таким образом, ключевой чертой тбилисского периода творчества Ипполитова-Иванова следует считать восточный колорит, последовательно проходящий через большинство его произведений. В то же время в творчестве композитора начинает отчётливо ощущаться влияние музыкальных идей Петра Ильича Чайковского, которое позднее станет определяющим.

В 1893 году, по рекомендации Чайковского, Ипполитова-Иванова пригласили в Московскую консерваторию на должность профессора музыкально-теоретических дисциплин и композиции. В консерватории Михаил Михайлович вёл курс гармонии, а в дальнейшем – курс специального инструментоведения, практического сочинения и оперный класс. Под его руководством учились такие выдающиеся деятели русской музыки, как Р.М. Глиэр, С.Н. Василенко, А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов, Л.В. Николаев, П.Г. Чесноков, Ю.С. Сахновский, Н.С. Голованов и другие. В Москве Ипполитов-Иванов совмещал собственно творчество, преподавание в консерватории и работу в должности дирижёра капеллы Русского хорового общества, которую он занимал в период 1895–1901 гг., а также дирижировал концертами московского отделения Императорского русского музыкального общества и преподавал в Синодальном училище церковного пения. В 1889 году Ипполитов-Иванов был приглашён на должность дирижёра московского частного оперного театра С.И. Мамонтова. Введение в репертуар театра русской оперной классики является огромной заслугой Михаила Михайловича.

Революция 1905 года многое перевернула в российском укладе, вихри перемен не обошли стороной и Московскую консерваторию. На волне демократических веяний состоялись первые выборы ректора консерватории. Вместо прежнего – В.И. Сафонова, человека эффективного, но властного, жёсткого и конфликтного, был единогласно избран в марте 1906 года Ипполитов-Иванов. На этом посту, проявив неординарные организаторские и административные способности, Михаил Михайлович проработал более полутора десятка лет. Несмотря на события октября 1917 года, Ипполитов-Иванов остался ректором Московской консерватории, и в этой должности он прослужил до 1922 года. Михаил Михайлович также деятельно участвовал и в работе музыкально-этнографической комиссии при Московском университете.

После революции Ипполитов-Иванов, за исключением небольшого числа оркестровых и вокально-хоровых произведений, больше ничего не сочинял, окончательно сосредоточившись на административной и педагогической деятельности. Послужила ли тому причиной огромная занятость как руководителя, возраст, а может, неосознанное внутреннее психологическое сопротивление, нежелание перестраиваться на новые идеологические рельсы, – сейчас уже трудно судить. Но, тем не менее, к сочинению музыки Ипполитов-Иванов заметно остыл.

В 1922 году Ипполитова-Иванова был назначен председателем Всероссийского общества писателей и композиторов, был избран почётным председателем Художественного совета штаба военных оркестров Рабоче-крестьянской Красной Армии и флота и почётным членом Петроградского общества пропаганды современной русской музыки. В том же году музыкальная общественность нашей страны отметила 40-летний юбилей его творческой деятельности, тогда же Ипполитову-Иванову было присвоено звание Народного артиста России.

В декабре 1924 года М.М. Ипполитов-Иванов и В.М. Зарудная переехали в Тбилиси. Их пребывание в Грузии было кратковременным, однако и в этот раз Ипполитов-Иванов сумел провести ряд важных мероприятий, сыгравших значительную роль в совершенствовании учебно-воспитательной работы молодой Тбилисской консерва-

тории. Преподавание композиции, специальной инструментовки М.М. Ипполитов-Иванов взял на себя, В.М. Зарудная вела в этот период работу на вокальном факультете Тбилисской консерватории.

В 1926 году Ипполитов-Иванов с семьёй возвратились в Москву. В этом году он реализовал свою давнюю мечту – встал за дирижёрский пульт Большого театра, ставшего к тому времени главной столичной музыкальной сценой. Для Большого театра Михаил Михайлович сделал множество фундаментально значимых вещей. В частности, в инструментовке Ипполитова-Иванова впервые в Москве была возобновлена постановка оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов». В оперу были включены ранее выбрасываемые сцены у собора Василия Блаженного, а также сцены с попугаем (в тереме Бориса). К концу жизни композитор открыл для себя радио как канал популяризации академической музыки, и это дало последний импульс его композиторскому творчеству. Именно для радиозаписи в 1931 году Ипполитов-Иванов завершил и инструментовал неоконченную оперу М.П. Мусоргского «Женитьба».

Помимо музыкального наследия, Ипполитов-Иванов оставил и серию опубликованных научных трудов: «Грузинская народная песня и её современное состояние» (М., 1895), «Учение об аккордах, их построении и разрешении» (М., 1897), «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях» (М., 1934), ряд статей по музыкальной теории и педагогике.

Умер композитор 28 января 1935 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

М.М. Ипполитов-Иванов внёс значительный вклад в развитие русской музыкальной культуры. В своём творчестве он опирался на традиции отечественной музыкальной классики, главным образом, Н.А. Римского-Корсакова и П.И. Чайковского. Произведения Ипполитова-Иванова жанрово многообразны, просты, мелодически распевны, эмоционально уравновешенны, для них характерны светлые лирические и эпически-повествовательные образы. Музыка композитора доходчива, в ней он часто использует темы русских народных песен и многих других народов, в первую очередь песни и танцы народов Кавказа и Средней Азии.

Творческое наследие М.М. Ипполитова-Иванова охватывает почти все основные музыкальные жанры. Им были написаны: 7 опер, в том числе «Руфь», «Ася», «Азра», «Измена», «Оле из Нордланда» и др.; 5 кантат, в том числе «Памяти А.С. Пушкина» для детского хора в сопровождении фортепиано (1899), «Памяти В.А. Жуковского» для смешанного хора с фортепиано (1902), «Памяти Н.В. Гоголя» для детского хора и партии фортепиано (1909) и др.; симфонические произведения: одна симфония, программные симфонические сюиты, поэмы; камерно-инструментальные пьесы; свыше 100 романсов и песен для голоса с фортепиано; хоровые произведения для разных составов исполнителей, в том числе и для детей; духовно-музыкальные произведения.

В творческом наследии Ипполитова-Иванова одно из центральных мест занимает оркестровая музыка. Композитор написал для оркестра свыше тридцати произведений. Не преследуя цели раскрыть в своих оркестровых композициях большие драматические коллизии, Михаил Михайлович преимущественно использовал не сонатно-симфонические циклы, а форму сюиты, которая давала возможность, используя приёмы профессионального музыкального искусства, обогатить народную песенно-танцевальную тематику. Выступая поборником традиций русской классической музыки и, прежде всего, заветов своего учителя Римского-Корсакова, Ипполитов-Иванов стремился в оркестровых сюитах к зарисовке жанрово-характеристических и пейзажных картин, а также к созданию произведений на конкретной сюжетной основе.

М.М. Ипполитов-Иванов уделял большое внимание хоровому творчеству. Им написано много светских хоров, рассчитанных на разные составы исполнителей, несколько кантат, картинки для хора с оркестром. В хоровых произведениях Ипполитова-Иванова присутствуют черты, роднящие их с сочинениями П.И. Чайковского, – большая искренность, глубокая проникновенность музыкального языка, лиризм, ясность гармонического письма. С «кучкистами» его сближает серьёзный подход к фольклору, широкое использование народно-песенной тематики. Большинство хоров Михаила Михайловича – это сочинения лирического плана. Художника привлекали образы тихой природы, мечты о счастье, повествовательные темы. Мелодика его хоров отличается напевностью, задушевностью, глубокой внутренней эмоциональностью, идущей от тесной связи с литературным текстом. Для примера можно привести хоры: «Сосна» (сл. Г. Гейне, перевод М. Лермонтова), «Острою секирой»

(сл. А.К. Толстова), «Лес» (перевод с нем. М. Михайлова), «Ночь» (перевод с нем. М. Михайлова) и т.д. Во всех хорах композитора чувствуется отличное знание вокальных возможностей хоровых партий. Они написаны в удобной тесситуре, вокально выразительны и представляют собой яркие художественные миниатюры. Структура частей в них симметрична, склад строго гармонический. Будучи сторонником понятного, правдивого и выразительного музыкального языка, Ипполитов-Иванов всегда считал, что «в произведении художника должна быть жизнь, чувственная правда. Оно будет тогда понятно и получит право на существование и уважение» [4, с. 145].

М.М. Ипполитов-Иванов написал ряд духовно-музыкальных сочинений. С одной стороны, в своих духовных произведениях Ипполитов-Иванов руководствовался принципами, характерными для всей традиционной русской хоровой композиторской школы, особенно «старой петербургской школы», и творчеством наиболее яркого её представителя – Д.С. Бортнянского. Ясная тоникальность, TSDT-функциональность, рельефное гармоническое кадансирование, помноженные не на инструментальность, а на специфику вокально-хорового звучания, – таковы приметы «старого» времени, обусловившие индивидуальное развитие стиля в творчестве Ипполитова-Иванова. С другой стороны, многие музыковеды совершенно справедливо считают его представителем Новой московской школы церковной музыки. Вдохновлённое Смоленским, это направление было поддержано и продолжено многими блестящими музыкантами, среди которых: А.В. Никольский, А.Д. Кастальский, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чесноков, Вик. С. Калинников, Н.С. Голованов, С.В. Рахманинов и др.

Основные черты этого направления можно охарактеризовать следующим образом:

а) приложение к церковно-музыкальной композиции приёмов народного музыкального мышления и опыта национальной композиторской школы. Часто «народное» в преломлении «профессионального» переосмысляется с позиций композиторов-классиков, но также и непосредственно многое заимствуется из фольклора;

б) трактовка древнего роспева не как материала для обработки (точнее – просто гармонизации, что было характерно для предшествующей эпохи), а как музыкальной темы, являющейся основой свободной композиции;

в) раскрепощение фактуры, гармонии, ритма, высвобождение этих компонентов музыкального языка из-под диктата «школьных» норм, поиск новых средств, соответствующих истинному характеру и подлинным формам древнерусского церковного пения;

г) в ряде случаев – возвращение к церковному уставу и предписываемому им соблюдению певческих традиций, вызвавшее, в частности, привнесение в хоровую ткань оригинальных приёмов, например антифонное пение, пение с канонархом, с головщиком и т.д.;

д) возникновение блестящей хоровой инструментовки – нового, самобытного национального стиля хорового письма.

Духовно-музыкальным произведениям Ипполитова-Иванова свойственна чёткость линий, простота, плавность голосоведения. Не были чужды композитору и определённые новации, свежие и не шаблонные гармонии, отводящие духовные сочинения от чисто церковной музыки и придающие им высокохудожественное, слишком светское, по тогдашним меркам, звучание. Светлая, лёгкая, чаще мажорная музыка резко отличает сочинения Ипполитова-Иванова от тоскливо-депрессивных духовных произведений некоторых его современников, что не всегда поддерживалось церковными деятелями, зато, безусловно, и по сей день находит отклик в душах слушателей, в том числе и при их концертном исполнении. Одухотворённо и величественно звучат его крупные формы – «Литургия» и «Всенощная»; молитвенно и красиво – малые формы, отдельные песнопения. С одной стороны, композитор продолжает традиции, сложившиеся у его предшественников, а с другой – намечает и развивает современный подход, утверждающий дело возрождения духовно-национальной культуры.

Для стилистики «Литургии св. Иоанна Златоуста» (ор. 37, 1903 год) характерно музыкальное единство цикла, достигаемое средствами тональной и интонационной драматургии. Развитая система тематических связей, сюжетно-смысловые и поэтические закономерности, возникающие в звучании лейтмотивов «спасительного Боговоплощения», «распятия», «второго пришествия», «Царства Божия» и других, способствуют созданию цельного музыкально-литургического действа. Тональная структура «Литургии» организована в соответствии с концепцией четырёхчастного музыкального цикла (начальный, интерме-

дийный, центральный и заключительный разделы). Своеобразие циклической формы «Литургии» в наличии стилистической двойственности. С одной стороны, отчётливо проявилось тяготение автора к традиционным музыкальным приёмам: строчному формообразованию, диатонической гармонии, обиходной фактуре и т.п. С другой – нетрадиционный образ текста, передаваемый мелодико-гармоническими, полифоническими, темброво-фактурными средствами выразительности. Своеобразным итогом этого является концепция циклического синтеза, которая сформировалась ещё на начальном этапе развития композиторского стиля Ипполитова-Иванова.

Второе произведение из серии музыкально-литургических циклов – «Избранные молитвословия из всенощного бдения» (ор. 43, 1905) –свидетельствует о новом этапе в творчестве Ипполитова-Иванова. В отличие от «Литургии», демонстрирующей в целом более традиционный, нежели оригинальный подход, песнопения «Избранных песнопений из всенощного бдения», в силу особенностей исторического развития цикла, гораздо ближе примыкают к стилистической концепции Нового направления русской духовной музыки, в частности, стиля А.Д. Кастальского, впервые по-новому осмыслившего этот жанр. В этом цикле драматургически ярко и убедительно представляется звучание традиций партесного пения, хоровых концертов и западноевропейской литургической музыки. В двух циклах «Литургии» и «Избранных молитвословий из всенощного бдения» ясно обозначается стиль композитора, смысл которого не в цитировании или обработке древних песнопений, а в создании музыкально-интонационного образа, близкого русской традиции и характерному звучанию лучших образцов церковной музыки.

Дальнейшее духовно-музыкальное творчество композитора можно охарактеризовать как явление стилистического синтеза разных тенденций, осуществляемого в рамках малых форм, главным образом запричастного пения. Эволюция этого жанра проходила в направлении «диатонизации» стиля, связанной с избранием определённого типа кратких, выразительных литературных текстов, в поэтически-сжатой форме передающих богословское содержание песнопений (степенные псалмы, ирмос, кондак, тропари). Впервые обозначенная в «Двух запричастных стихах» (ор. 29, 1899) ключевой идеей выступает идея контраста и синтеза структур. Главными элементами музыкального языка, отображающими поэтическое содержание, выступают гармония и фактура, контрастно разделяющие композицию цикла на «старое» и «новое», «древнерусское» (псалом 133 «Се ныне благословите Господа») и «современное» (псалом 132 «Се что добро»). Таким образом, разделение двух музыкальных структур явилось и началом их синтеза, творчески искомого и непрерывно осуществляемого композитором в сочинениях на церковные тексты.

Тяготея к цикличности, со свойственной ей общности содержания и композиционно-структурных принципов, Ипполитов-Иванов в 1905 году обратился к сочинению серии псалмов. Он создал «Семь псалмов царя Давида» ор. 41 (псалмы: 45, 61, 63, 86, 99, 124, 147) для хора с аккомпанементом фортепиано или арфы, которые представляют собой неканоническое пение, то есть свободные композиции на богослужебные тексты, которые не мыслятся для исполнения в храме. Романсовая мелодия, арпеджированная фактура, классико-романтическая гармония, метризованная, местами даже пунктирная ритмика – вся эта стилистика ориентирована на исполнение в домашних или концертных условиях. Этот новый тип концертной духовной музыки получил широкое развитие в наше время. Единственным в истории создания русской церковной музыки является «Юбилейный сборник» (ор. 54), который приближается к хоровой сюите. Индивидуальностью этого цикла является концепция исторического, духовного и героического прошлого России (произведение написано к 300-летию Дома Романовых). Своеобразие драматургии «Юбилейного сборника» заключается в «персонифицированности» изображений, расположенных в порядке исторической хроники описываемых событий (1612–1613 годы, 1812 год): преподобный Дионисий Радонежский, Богородица, святитель Гермоген, Минин и Пожарский, династия Романовых, народные образы 1812 года. В соответствии с поэтической программой цикла выстроен музыкальный ряд – от песнопений церковных (тропари), через пограничный блок промежуточных жанров (духовный стих и величание), к сочинениям светской хоровой традиции (кантата и гимн-марш).

Таким образом, М.М. Ипполитов-Иванов интерпретировал церковные тексты в разных жанровых «наклонениях»:

1) в богослужебном, предназначенном для исполнения в храме;

2) в небогослужебном, предназначенном для исполнения в духовных концертах.

Выдающийся педагог, дирижёр, этнограф, мудрый управленец, высокообразованный музыкант, всесторонне владеющий техникой композиции, в том числе и вокально-хоровой, он, несомненно, внёс свой значительный вклад в развитие русской классической музыки.

Библиографический список

1. *Гуляницая Н.С.* М.М. Ипполитов-Иванов – представитель Нового направления // М.М. Ипполитов-Иванов. Духовные произведения для хора (нотное издание). – М., 1999. – С. 5–8.

2. *Гущина Е.Э.* Духовная музыка М.М. Ипполитова-Иванова и русская певческая традиция: Дис. … канд. искусствоведения. – М., 2008. – С. 282.

3. *Гущина Е.Э.* Духовная музыка М.М. Ипполитова-Иванова: «на рубеже… музыкальных миров // Музыковедение. – 2008. – № 6. – С. 22–27.

4. *Ипполитов-Иванов М.М.* 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М., 1934. – С. 145.

5. М.М. Ипполитов-Иванов. Композитор, педагог, дирижёр, общественный деятель / сост. М.А. Каламзина. – М.: ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова, 1999.

6. *Левашёв Е.М.* Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825–1917. – М.: Независимый издательский центр ТехноИнфо, 1994. – С. 105.

7. *Полякова Н.* Мелодии православной старины // Встреча. – 2003. – № 1. – С. 21–23.

8. *Подземская Л.П.* Ипполитов-Иванов и грузинская музыкальная культура. – Тбилиси, 1963. – С. 150.

9. *Сергеев Ю.* Духовно-музыкальные сочинения Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова. Дипломная аннотация / Московская регентско-певческая семинария: сб. материалов. – М., 2000. – С. 310–319.

УДК 371

Булдаков Сергей Константинович
доктор философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается социокультурная природа образования, анализируются подходы философии образования к выявлению в содержании образования культурологического и психолого-педагогического дискурсов.

***Ключевые слова**: образование, воспитание, культура, психическое развитие, педагогическая парадигма, культурная коммуникация.*

Сравнительный анализ содержания социально-гуманитарных дисциплин, их стандартов и программ как в России, так и в других странах показывает, что с точки зрения культурно-цивилизационной концепции их состояние можно уподобить докоперниковым представлениям человечества о Вселенной. В начале третьего тысячелетия человечеству предстоит совершить коренной переворот во взглядах на собственную историю и способы межцивилизованного взаимодействия различных культурных систем.

Следует согласиться с утверждениями, что философский анализ образования невозможен без рассмотрения того, что подразумевается под «философией образования», в соотнесении с такими социальными феноменами, как скажем, «культура», «наука»; «общество» [1, с. 3, 4].

Бесспорно, что философия представляет собой особую форму знания. В ее рамках человек осуществляет аксиологическую рефлексию над самим собой и своим местом в том или ином сообществе и в мире в целом. Духовное освоение мира и его философская интерпретация порождают не только те или иные формы и типы культуры, но и самосознание современной культуры. Образование, органически связанное с культурой, не только воспроизводит те или иные ее элементы, обеспечивая передачу основных ценностей одного поколения к другому, но и обеспе-

 © Булдаков С.К., 2011

чивает научный, а следовательно, и производственно-технический, а также духовно-нравственный прогресс общества, его поступательное развитие. Таким образом, философия образования просто немыслима без взаимодействия с такой научной дисциплиной, как культурология.

Философия должна осмыслить главную особенность сегодняшнего общества – его информационный характер, и в этой связи проблему образования как ключевую в понимании путей дальнейшего развития современной цивилизации.

Философская наука должна не только удовлетворять потребности в систематизации знаний, но и давать возможность человеку оценить себя в качестве их носителя.

В образовании современного общества меняются программы и содержание образования, внедряются новые методы преподавания. При этом ощущается недостаток как общефилософских, так и культурологических знаний.

Путь реформы современной школы должен позволить, не отказываясь от традиций российского образования, идти вперед, реагировать на новые требования жизни. «Если мы действительно хотим установить новый справедливый порядок, – пишет Ф. Майор, – надо сконцентрировать свои усилия на образовании, потому что именно оно является средством устранения несправедливости и неравенства. В ходе процесса демократизации культура не должна отставать от политики и экономики. В таком контексте учеба и обучение становятся наиболее масштабными и значимыми видами деятельности на протяжении всей жизни» [2, с. 135].

Замечательный немецкий педагог и теоретик образования Фридрих Фребель отмечал, что существуют эпохи, когда образование становится в центр общественного интереса [4]. Безусловно, мы живем в одну из таких эпох и возлагаем на образование большие надежды. Причем каждое время предъявляет к образованию свои требования, которые можно назвать социальными вызовами времени.

Из них первый по значению вызов – это «требования со стороны будущего». Будущее часто понимают онтологически: как остров во времени, существующий впереди. Но будущее – это последствия наших сегодняшних действий и поступков, нашей современной жизни. К сожалению, характер этих действий и поступков не сулит нам ничего хорошего: в сфере образования мы формируем эгоцентрическую и гедонистическую личность, не отвечающую требованиям цивилизации XXI века.

Перед наукой и образованием встает задача уяснения характера и масштабов человеческих действий в мире культуры, законы которой мы не можем произвольно отменять. Требуется также понимание природы нашей включенности в собственную социальную (и культурную) активность, включенности, с которой человек не всегда согласен и которую он хотел бы изменить, но не знает, как это сделать. Вызов со стороны будущего заставляет пересматривать цели и идеалы образования.

Сегодня мы все больше осознаем то, что техническая деятельность не безразлична для общества, природы или человека, что она не только создает культуру и несет прогресс, но и разрушает природу, машинизирует общество, извращает духовные ценности. Поэтому техническое образование предполагает разбор кризисных ситуаций, создаваемых технической цивилизацией, анализ отрицательных последствий (для природы, общества или человека) технической деятельности, начиная с научного изучения, кончая промышленным производством, предполагает анализ ценностей, картин мира, представлений, которые предопределяют эту деятельность. Здесь образованию придется обращать внимание на различные гуманитарные и культурологические дисциплины, но не вообще, как это происходит сейчас, а именно для целей уяснения отрицательных последствий для человека или природы его деятельности.

Основной вопрос в связи с этим и для философии, и для образования следующий: как реализовать силы природы (и первой, и второй), как использовать их для человека и общества, согласуя это использование с целями и идеалами человечества? Последнее, например, предполагает снижение деструктивных процессов, безопасное развитие цивилизации, высвобождение человека из-под власти техники и другое. Возникает, однако, проблема: совместимо ли это с необходимостью обеспечивать приемлемый и достойный уровень существования миллиардов людей на планете и восстанавливать природу планеты?

Вероятно, нужно отказаться от технических действий (проектов), эффект и последствия которых невозможно точно определить, но которые могут вести к экономическим или культурным

катастрофам. И здесь инициаторами должны выступить теоретики образования, заменив традиционную научно-инженерную картину мира новыми представлениями о мире культуры, достойном существовании человека.

Второй вызов времени, во всяком случае, для нашей страны, «выбор пути оптимального развития». Здесь мы сталкиваемся с дилеммой: или вестернизация и превращение страны в придаток западной цивилизации (например, в качестве сырьевого ресурса и рынка сбыта), или свой, автономный, закрытый путь развития.

Обсуждая эту дилемму, А.И. Уткин и В.Т. Федотова пишут: «Идеальной модели нет, развитие сегодня осуществляется не на основе моделей, а на основе правильно выбранной политики и менеджмента социальных трансформаций» [3, с. 29]. «Все это важно для России, где по всем отмеченным пунктам движение идет в противоположном направлении, чему мы обязаны избранной модели догоняющей цивилизации: доминируют макросхемы; существует давняя склонность к радикальному разрыву с прошлым: предпосылкой реформ считается смена идентичности, ведущая на деле к потере достоинства, неуверенности в себе и люмпенизации; действуют предзаданные модели, весьма опасные при нашей склонности к радикализму (из всех вариантов социализма мы выбрали самую леворадикальную версию, а из всех вариантов капитализма – самую праворадикальную модель, своего рода вариант западного фундаментализма); актуален отказ от менеджмента и управления социальными трансформациями в связи с избранным вариантом либерального развития, согласно которому все социальные и политические структуры стихийно и наилучшим образом сами по себе рождаются в ходе рыночной конкуренции» [3, с. 22]. «Развитие без предварительной смены идентификации позволяет людям сохранить достоинство. Достоинство состоит в готовности к жертвам и трудовой аскезе (а не только к гедонизму)... Люди же, сохранившие свою идентичность и свое достоинство, уверены в себе настолько, что способны успешно и целенаправленно действовать» [3, с. 21].

Вероятно, существует другой подход, предполагающий, правда, осторожную, умную и взвешенную политику и стратегию, к чему мы пока не готовы. С одной стороны, необходимо учитывать российские культурные традиции и ограничения (к ним относятся и процессы идентификации), с другой – творческий человеческий и духовный потенциал россиян, с третьей – требования будущего, о которых мы только что говорили. Не отказываясь участвовать на равных в мировом культурном и экономическом процессе, не должны ли мы, исходя из указанных трех моментов, строить осмысленный путь развития страны? Например, не тиражировать бездумно западные технологии, а видоизменять их (адаптировать) с учетом требований будущего, собственного технического потенциала, особенностей российского отношения к технике. Конечно, мы пока не готовы на равных войти в цивилизованный мир. Но мы будем учиться, будем создавать культуру, в которой образование станет сутью жизни. Такая культура уже была в средние века. Она напоминала собой «Школу». Идея страшного суда заставляла людей средних веков учиться, преодолевать в себе «ветхого» человека и создавать «новозаветного» – христианина. Перед нами альтернатива не менее серьезная: или мы растворимся в цивилизованной среде других народов и культур, или выживем, возродимся, и нас будет за что уважать.

В плане целей образования возможны альтернативы. Например, не только подготовка специалистов и формирование интеллектуального потенциала общества, но и воспитание поколения, способного к полноценной духовной жизни. Один из способов достижения этих целей – культурная и гуманитарно-антропологическая перспектива, в рамках которой содержанием образования является процесс антропогенеза и способ извлечения знаний о человеке – не философская рефлексия и конструирование, а тот психопрактический опыт, который существует в разных культурных традициях.

Третий вызов связан с исчерпываемостью основной педагогической парадигмы (классической системы образования) и форм ее теоретического осмысления – «исчерпанность педагогической парадигмы». Современный тип школы и образования кажется нам естественным и существовавшим всегда, но это не так: школа и образование в современном понимании сложились относительно недавно – только в XIX столетии. Это не относится к обучению, сложившемуся еще в архаической культуре. Только в XVII–XVIII столетиях формируется идея (замысел) образования и начинается реализация этой идеи, завершившаяся формированием привычного нам

института образования (школы). Эта идея включала представление об образовании как системе подготовки человека в школе, ориентированной на природу (идея «природосообразности» образования, позднее – «психического развития»), специальные цели (формирование человека разумного, религиозного, подготовленного к зрелости) и специальные содержания (учебные знания и предметы). При этом школа понималась как организация, напоминающая государственное учреждение (идеи дисциплины и школьной организации).

Идея образования, сформулированная в трудах Ратихиуса, Коменского, Руссо, Песталоцци, Фребеля, Гербарта, определила и тип культурной коммуникации, в рамках которой развивалось европейское образование. Школьная дисциплина, класс, преподавание наук, точнее предметов, разделение труда (учитель учит и воспитывает, а ученик учится и воспитывается).

Реализация идеи образования в организационном и других аспектах (создание единых программ, учебников, методического обеспечения, финансовая поддержка и т.д.) и приводит к формированию социального института образования. Его функционирование и развитие поддерживается системой норм, органами управления, системой воспроизводства функциональных ролей (подготовка и переподготовка кадров), средствами коммуникации (педагогические журналы, газеты, симпозиумы, семинары и т.п.). В передовых в культурном отношении странах (Германии, России, Англии, Франции, США) социальный институт образования складывается уже во второй половине XIX столетия. В рамках этого института идея образования не только была полностью реализована, но и получила свое дальнейшее развитие. В частности, педагогика все больше начинает ориентироваться не на философию, как на первых этапах, а на психологию, откуда педагоги рассчитывали взять научные знания о человеке, его развитии и обучении, особенностях усвоения учащимися учебного материала.

В целом указанный здесь круг педагогических идей и педагогическая наука сложились в первой половине XX столетия и успешно функционировали, но, особенно после Второй мировой войны, стали возникать различные проблемы. Действительно, трактовка целей и содержания образования через знание и познание ставит школу в сложную ситуацию: объем знаний и количество дисциплин растут на несколько порядков быстрее, чем совершенствуются методы и содержание образования. В результате школа оказывается перед дилеммой: или учить небольшой части знаний и предметов из тех, которые реально созданы в культуре, или набирать отдельные знания из разных предметов и дисциплин (и то, и другое не решает проблему современного образования). Попытки выделить так называемые основы наук или базисные знания пока также не удавались. Кроме того, «знающий человек», не всегда способный и понимающий, а хороший специалист, часто ограничен в личностном плане.

Итак, исчерпанность классической педагогической парадигмы проявляется в том, что становятся неэффективными традиционные цели, содержания и формы образования (школы): обучение знаниям и учебным предметам, школьно-урочные или лекционно-семинарские формы преподавания, сведение обучения к усвоению, а форм школьной жизни к дисциплине и т.п. Об этом свидетельствует и кризис основного «педагогического органона знания», включающего в себя общую педагогику, дидактику, методические предметы и различные обосновывающие дисциплины, например, педагогическую и возрастную психологию. Можно сказать, что образ традиционного педагогического знания и его организации всегда задавала наука (часто естественная), поэтому учебный предмет, как правило, основывался на научном знании, а две основные функции научного знания – теоретическая и прикладная – задавали один из принципов организации педагогического знания (разделение учебных дисциплин на фундаментальные и прикладные).

Однако в образовании возникла проблема «ножниц» между объемом постоянно возраставших научных знаний и дисциплин и ограниченными возможностями обучения, позволявшими усвоить в школе лишь незначительную часть этих новых знаний. К тому же педагогическая практика и теория показывали, что эффективная организация педагогических содержаний существенно отличается от организации знаний в научных предметах.

В XX столетии кризис педагогики усугубляется еще одним обстоятельством: выходом на «сцену» множества педагогических практик. В XIX веке в целом удалось сформулировать единую систему требований к образованию, а затем создать и единую систему образования. Но с кон-

ца XIX по первую половину XX столетия культура была относительно единой. Сегодня же ситуация иная: налицо плюрализм и неоднородность культур. Как следствие – множество и разнородных требований к образованию. В настоящее время мы не имеем дело с единой педагогической практикой, напротив, как ответ на поликультурную цивилизованную ситуацию и свободу образовательного выбора, формируются существенно различающиеся виды педагогических практик (развивающее, новое гуманитарное образование, религиозное, эзотерическое и др.). Естественно, что в этих практиках образование понимается, поразному.

Сегодня большинство из указанных выше проблем рассматривается новой дисциплиной, получившей название «философия образования». Интерес к философии образования постоянно растет за рубежом и, начиная с 80-х годов XX века, в нашей стране. Не в последнюю очередь это определяется кризисом педагогической практики, с одной стороны, и педагогической науки – с другой. Дидактика и психологическая педагогика быстро сдают свои позиции, возникает принципиальное сомнение в действенности педагогической науки. Наконец, в нашей стране интерес к философии образования связан с реформой школы, отсутствием ясных целей и концепции такой реформы. Опыт истории педагогики показывает, что и глобальные, иначе говоря, революционные изменения образования, и отдельные реформы образования (школы) начиняются в философии. Именно там осмысливается кризис школы и образования, формулируются новые идеалы образованности человека, новые представления о школе, образовании, обучении, воспитании, о характере содержания и целей образования и ряд других. Сегодня вся эта философская работа относится к предмету (дисциплине) «философия образования».

Второе обстоятельство не менее важное. Сегодня почти все согласны, что мы живем в условиях глобального кризиса культуры (нас один за другим охватывают кризисы – экономический, экологический, антропологический, эсхатологический, кризис нравственности, кризисы власти и доверия к ней и т.д.). Все это происходит в условиях поиска и выращивания новых альтернативных форм жизни и развития общества. Естественно, что образование должно адекватно и мобильно реагировать на подобную ситуацию, тем более что именно образование создает почву и условия для будущего, для иной культуры. На этой основе возникает потребность в философском осмыслении проблем образования.

Нужно учесть и следующее обстоятельство: быстрое изменение в наше время характера научного мышления, отношений между естественными и гуманитарными науками, между знанием и практическим действием (то есть создание новых технологий, в том числе и социальных). Ясно, что педагогика не может оставаться в стороне от этих процессов и, вероятно, именно философия образования, скорее всего, способна обеспечить связь педагогической мысли с другими областями мышления, знания и практического действия.

Библиографический список

1. *Александров Г.Ф., Быховский Б.Э., Митин М.Б., Юдин П.Ф.* История философии: В 3 т. – М.: Политиздат, 1940. – Т. 1. – 482 с.

2. *Майор Ф.С.* Завтра всегда поздно. – М.: Прогресс, 1989. – 318 с.

3. *Уткин А.И., Федотова В.Г.* Вызов Азии // Философские науки. – 1996. – № 1–4.

4. *Фребель Ф.* Воспитание человека // Фребель Ф. Избр. соч.: В 2 т. – М.: Изд. Тихомирова, 1913. – Т. 1. – 359 с.

УДК 008

Витель Елена Борисовна
доктор культурологи
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
dacapo2008@yandex.ru

МИФИЧЕСКИ-РЕАЛЬНОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Стилевая множественность в современной художественной культуре, ведущей свое начало с рубежного (XIX–XX вв.) периода, хаотичность, присутствие абсурдного, брутального, безобразного, ироничного связывается с наступлением нового сверхкрупного периода в истории европейской художественной культуры и сменой смысловых ориентиров. Соединение мифического и реального объясняется как закономерное явление переходного состояния культуры.

***Ключевые слова**: художественная культура XX века, антропоцентризм, модернизм, переходный период, смысл, саморазвитие.*

XX век в истории художественной культуры в умах наблюдателей обозначился как «эпоха великого брожения», «искусство восточного базара, мешанины различных стилей, форм, идей» и вместе с тем «поворотный момент человеческой истории» (П. Сорокин). «Век вывихнутого времени, … воплощенных небылиц, которые и не снились никакому утописту, решительно невообразимых экспериментов, равно возможных в лабораториях и в жизни» (К.А. Свасьян); «историческая катастрофа, совпадающая с катастрофой самого искусства» (В. Вейдле). Как «стремительное продвижение в головокружительную новизну» характеризует эволюцию музыкального мышления в XX веке Ю.Н. Холопов: вся музыка XX века представляется автору грандиозным катаклизмом, потрясающим сами основы традиционного музыкального мышления. Наступление эры нового искусства для самих творцов казалось настолько резким, что Кандинский сравнивал беспредметную живопись с появлением Нового Завета Христа [4, с. 145].

Реалистичность, красота, правильность формы, логика, законы творчества – эти, как раньше казалось, характеристики, имманентные самому художественному творчеству, обнаружили свою временность.

Н.А. Хренов, исследуя искусство XX века в ситуации смены циклов, пишет, что «на этот раз переходный процесс принимает глобальные и даже планетарные формы, резко отличаясь от переходных процессов предшествующих столетий… Такие переходы случаются раз в несколько столетий» [4, с. 24]. Сравнение «крупных планов» антропоцентрического типа культуры, с одной стороны, и модернизма и постмодернизма – с другой становится уже характерным для философии культуры и культурологии рубежа XX–XXI веков, при этом в авангард выдвигается проблема переходности (кризисности) культуры.

Сознание наступившего кризиса в рубежное время XIX–XX вв. было отмечено неприятием действительности, когда стало ясно, что наука, считавшаяся оплотом цивилизации, не может предоставить целостную картину мира. Разочарование в результатах прогрессивного (научно-технического) пути развития человеческого общества, неверие в возможность познания реальности научным способом, нравственное падение общества и «разрушение» личности, понимание исчерпанности смысла художественного творчества, основанного на миметически-реалистическом способе восприятия и отражения реального мира, – те причины, которые способствовали вызреванию нового типа творческого сознания в художественной культуре XX века, характеризующегося стремлением к миру иному, несуществующему, в котором сама реальность, включая и художественную, становится не образцом, а всего лишь возможной темой, мотивом или причиной для творения новой, теперь уже чисто художественной реальности. Если раньше реальный мир отражался, то теперь он творился, хотя становился при этом миром ирреальным (что само по себе не исключает возможности трактовки его как мира истинного).

Кризис культуры выразился не только в неприятии объективной действительности, грозящей экологической катастрофой и ставшей опасной средой для человека. Он выразился в отказе от глубинных принципов, лежащих в основании европейской культуры, в отторжении самой идеи

© Витель Е.Б., 2011

подражания. Уже для поэтов-символистов становится важным не адекватность создаваемого образа реальному, а возможность «увести» читателя в мир иных сущностей. Неактуальность и даже ненужность художественного подражания становится у дадаистов основой бунтарского стиля творчества: еще не зная о том, как можно создавать произведения искусства не подражая, они точно знают, что подражание невозможно.

За отрицанием антропоцентрической доктрины искусства последовал отказ и от всего того, *с чем* эта доктрина была связана и через *что* она осуществлялась, – поиска в реальной действительности прекрасного как общечеловеческой ценности. Если прекрасное (понимаемое широко как комплекс позитивных аксиологических характеристик) выражалось через свою противоположность – безобразное, то в новом типе культуры эта оппозиция, а также все другие, на которых основывалась антропоцентрическая художественная система, ликвидируются, точнее – разбираются на элементарные компоненты. Традиционные бинарные оппозиции, сформировавшиеся в антропоцентрической культуре, такие как «прекрасное – безобразное», «добро – зло», «пространство – время», «фон – фигура», «причина – следствие» и другие, лежащие в основе восприятия и понимания произведения искусства, в новой художественной культуре уравниваются, становятся равнозначными и могут между собой причудливо перемешиваться. Внешне это привело к ощущению хаотичности, нарушения порядка, игры разных планов: автора и зрителя, автора и героя, автора и исполнителя, читателя (слушателя) и произведения, автора и элементов текста. Однако эта игра явилась следствием освобождения художника от необходимости подражать, когда поиск предмета подражания теряет всякий смысл. Не подражание реальному миру, а его создание – таким видится цель строителям новой художественной культуры.

Отсюда становится возможным показать жизнь того, из чего раньше сооружалось здание произведения искусства: линии, цвета, звука, фонемы, геометрической фигуры, которые становятся новыми онтологиями бытия языка искусства, или новой художественной реальностью. Так, художник отстаивает право отдельного (и даже одного) звука быть элементом музыкального текста. Отныне звук вовсе не обязан взаимодействовать с ладом, ритмом и гармонией, он существует не для того, чтобы передавать определенное эмоционально-психическое состояние человека, он самоценен и развивается по закону, имманентному самому звуку. Если это остается непонятым слушателем и ищет и не находит в саморазвивающемся звуковом потоке знакомых мелодических контуров (так же как беспредметной живописи предмет), в этом «виноват только сам реципиент, не подготовленный к восприятию, к интеллектуальному типу восприятия.

В. Кандинский утверждает право отдельной линии на свою собственную жизнь: линия может родиться из точки, утолщаться в процессе своего развития, пересекаться, как всякое живое существо, с другими линиями, растворяться, скрываться в цветовых пятнах, иссякать, усыхать, умирать и возрождаться. При этом линия абсолютно свободна от необходимости отражать видимый мир, она сама является частью мира, только иного – мира художественной реальности, и художественный авангард отстаивает право на создание этой новой реальности, духовной по сути, поскольку художник в таком искусстве созидает, а не копирует.

В музыке начала XX века близким к Кандинскому в поисках смысла искусства оказался А. Шёнберг. Он всецело принимал идею Кандинского о том, что истинно духовное и возвышенное содержание заложено в самой музыке, а не в том, что она миметизирует. Поэтому композитор предлагает и даже настаивает на том, чтобы развитие музыки было имманентно не действительности, а самой музыке, а именно додекафонному ряду (серии). Имманентность как принцип и как одну из главных проблем додекафонного письма Шёнберг рассматривает как средство или «машину» удержания содержания, которое только тогда и становится возвышенным. Кети Чухров пишет: «Как стало ясно из сочинений Шёнберга и Берга (отчасти и Веберна), посредством контроля над развитием темы-серии, действительно удалось избежать ложных апелляций к внешнему содержанию. Но если раньше материал апеллировал к “духу”, то в додекафонии произошло становление материала в дух» [1, с. 26]. Додекафония как новая техника музыкальной композиции оказалась способной обеспечить рождение содержания не извне, а изнутри самой музыкальной ткани. Это новое содержание, очищенное от наносного и внешнего (то есть реально жизненного), и есть содержание новой художественной реальности, духовного искусства.

У Кандинского и Шёнберга путь к духовному в искусстве пролегает через новую *форму* организации художественного материала, которой является в одном случае абстрактность (беспредметность), в другом – теоретическая гомогенность звуковой среды (додекафония). Именно эта новая форма (в широком смысле), вышедшая за рамки абстракционизма и додекафонии разрушила традиционное представление о смысле искусства, актуализировав тезис о его гибели.

В значительной степени благодаря беспредметной живописи и додекафонии пространство художественной культуры XX века стало оцениваться как мифическое, ирреальное, в противоположность реалистическому (классико-романтическому). Однако при всем метаэпохальном контрасте антропоцентрической и современной (концептуальной эпохи) можно вести речь не о противопоставлении «реальное – мифическое», а о разном соотношении мифического и реального, точнее о мифическом в современной художественной реальности.

Задумаемся над тем, чем создается «миф» о нереальности в искусстве XX века. В том, что в нем нарушается логика, плохо понимается содержание, отсутствуют или плохо узнаются знакомые образы, стираются границы между пространством и временем, жанрами и стилями и пр. Если задать вопрос, чья логика, чье восприятие и мышление оказываются в этом искусстве нарушенными, то понятно, что человек, как «мера всех вещей», довлеет над оценкой этого пространства как неправильного, нереального, а значит, ирреального и мифического. С этой антропоцентрической точки зрения, которую сформировала на протяжении долгих веков своего существования антропоцентрическая культура, художественная картина XX века совершенно справедливо выглядит как хаос, кризис, катастрофа, конец культуры и смерть искусства.

Содержание современного искусства, оторванное от реалий жизни, есть не что иное как чистый вымысел, потому как миф понимается традиционно как плод фантазии, как вольный пересказ некоторых событий, «имевших место у определенных народов в определенное время, на заре их истории»[1]. Однако современный художник и не претендует на достоверность, не ставит задачу отразить действительность, он не копирует, а создает заново другой мир художественными средствами. Если реальность – атрибут *данного* мира, то можно ли искать ее там, где этой данности вообще нет и мир создается интеллектом художника часто вопреки существующему? То, что этот мир «сочинен», еще не означает его вторичность, он просто иной, художественный, в котором отработанные в художественной практике элементы (языки, формы, жанры, стили) имеют свое собственное бытие, и в этом смысле это бытие художественного мира реально. Это вытекает из его самодостаточности, безотносительности и принципиальной несравнимости с бытием обычным, наличием собственной материальной основы. Если мы не верим в то, что, например, звуковое тело есть онтология художественного бытия, это, скорее всего, означает, что мы не можем сойти с антропоцентрической плоскости и проникнуть в это самое бытие для его наблюдения.

Новая художественная реальность создается «по мотивам» объективно существующей реальности как настоящей, так и прошлой, и весь творческий опыт человечества, включая произведения художественной культуры, становятся материалом для ее построения. Причем безразлично, является ли этот материал художественным или внехудожественным. Если раньше этими средствами, например в музыке, являлись мелодия (в опоре на лад), ритм, гармония, тембр и др., то теперь ими могут являться музыка эпохи барокко, бытовой шум, аллюзивные элементы стиля композитора, джаз, автомобильные гудки, случайно возникшие звуки, музыкальные и шумовые, и т.д. Если раньше физические параметры звука: энергия, высота, динамика, плотность, масса – имели значение вспомогательного средства для чего-то, что, при условии взаимодействия с другими элементами, создавало знакомый образ, то теперь автор показывает движение звуковой ткани, ее «жизнь», когда она может перемещаться из григорианского хорала в симфонию Гайдна, быть одновременно в джазе и народном плаче. Будучи уже не средством выразительности, а автономной единицей художественной реальности, музыкальная ткань освобождается от необходимой связи с другими элементами. Эту реальную жизнь мысли, звука, цвета, линии, формы, слова, фонемы и прочего в художественном материале и презентирует современное искусство; другой реальности у художественной культуры XX века (кроме соцреализма) нет.

В «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев показал, что миф (для мифического сознания) «есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность». Миф внеисторичен, реален, жизнен, истинен. Как интерпретация явлений действительности живым конкретным историческим человеком изнутри той эпохи, в которую он мыслил о мире, миф всегда реален [2, с. 36]. С точки зрения Лосева, содержание современного творчества можно интерпретировать как миф, но тогда и предшествующая история художественной культуры – тоже миф.

Разве не мифом являлись произведения искусства классической эпохи (понимаемой здесь очень широко, до XX века), отражающие прекрасную действительность, когда из жизненной реальности «вынимался» слой приятного для восприятия. При этом подражание в искусстве рассматривалось как истинное и реальное, поскольку оно было «списком» с объективной действительности (неважно, что не всей, а только ее части). Поначалу изображаемое буквально «прилеплялось» к прекрасному (Лессинг в «Лаокооне» упоминает о законе древних фивян, повелевавшем при подражании облагораживать натуру и запрещавшем под страхом наказания уродовать ее).

То, что изображаемый должный мир оказывался намного уже сущего, обратили внимание еще теоретики средневековья, в Новое время античная культура подверглась критике за то, что отражаемые объекты и явления «древних» противоречили истине. Лессинг критиковал греков за неправдоподобие, в то время как сами теоретики Просвещения задавали новые, но почти такие же узкие рамки художественной реальности, за что позже классицистов критиковали романтики. Так, каждая ведущая эпохальная идея о сущности должного (достойного для отражения) мира со временем превращалась в миф.

Опытом построения отечественной «культурной мифологии» явился Пролеткульт с его сменой представлений о пролетарской культуре: от лозунгов «Долой искусство – сон», «Искусство – опиум для народа» к ревизии классического наследия и составлению списков предшественников социализма. Создание культуры по заказу, «на злобу дня» показало, что там, где есть отбор «лучшего» из действительности, есть, вместе с тем, и миф, поскольку понимание «лучшего» оказывается преходящим.

С лосевской точки зрения, противопоставление реальное (классика) – мифическое (современность) лишено оснований, и речь может пойти о сопоставлении двух метаэпохальных мифических художественных картин в истории человеческой культуры, или о разной степени «напряженности бытия». В XX веке мифическое (в лосевском смысле) есть истинная реальность, в понимании Малевича – это высшая реальность (супрематизм), Кандинского – духовная реальность. Искусство это духовно потому, что оно искренне и в лучшем варианте есть результат интеллектуального напряжения автора и реципиента восприятия. «Все вдруг стало возможным в мире, где младенческий лепет дадаиста точнее копировал действительность, чем толстенные романы иных патриархов реализма», – писал К.А. Свасьян [3, с. 11–12].

По Лосеву, художественная культура XX века презентирует новую художественную *реальность*, внутри которой мифическое присутствует в качестве фона ее разворачивания или материала, питательной среды для новой мифической реальности. В этом смысле можно говорит о мифе внутри мифа. «В мифе есть своя мифическая истинность, мифическая достоверность. Миф различает или может различать истинное от кажущегося и представляемое от действительного. Но все это происходит не научным, но чисто мифическим же путем», – писал А.Ф. Лосев [2, с. 54–55].

Миф в мифе в художественной культуре XX века становится не только возможным, но и необходимым, поскольку этим обеспечивается взаимосвязь художественных метасистем, когда «старое» не исчезает бесследно, а растворяется в «новом». То, что новая художественная реальность является «мотивной разработкой» известных художественных произведений, эпохальных и индивидуальных стилей, свидетельствует о сочленении эпох: старый миф является «сосудом», в которое вливается новое содержание. Изнутри создающего творческого художественного сознания это самое истинное и жизненное, а потому реальное содержание.

В понимании мифа как реальности и реальности как мифа реализуется специфический для современного типа мышления подход к анализу явления одновременно с нескольких точек зрения, результатом чего является наличие двух (и, может быть, большего количества) истин. Подобно тому, как во фрактальной геометрии мож-

но получить множество вариантов размерностей, то есть числа измерений геометрической фигуры[2], художник, меняя масштаб наблюдения, также волен создавать несколько вариантов художественной интерпретации одного и того же явления, что от воспринимающего сознания требует выхода за рамки одномерного восприятия.

Стремление авторов создать концепцию «другого» мира своими, чисто художественными средствами вполне объяснимо. Главной причиной перестройки и перехода на новые рельсы, к иной парадигме саморазвития явилось иное отношение человека к объективной реальности, к миру, превратившемуся из области трансцендентного Космоса в опасную среду обитания. Очевидно, что художественное сознание не могло больше отражать такой мир. Искусство как воспроизведение реальности погибло, но возникла новая искусственная реальность. Если модернизм и постмодернизм «смерть» и «конец», то только определенному этапу развития, точнее, саморазвития художественной системы, тогда как сам по себе художественный процесс неостановим и бесконечен, пока существует человек как его причина. С.П. Дягилев, один из многих свидетелей «величайшего исторического момента итогов и концов», писал: «…Мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей усталой мудрости…»[3].

Примечания

[1] Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 272.

[2] В книге «Фрактальная геометрия природы» Мандельброт вводит представление об эффективной размерности, которая меняется в зависимости от положения наблюдателя и характеризует предмет измерения. В трудах А. Эйзенштейна, М. Борна, Н. Бора содержится понимание зависимости наших представлений о физическом мире от положения познающего субъекта во Вселенной и от специфики его познавательных средств, благодаря которым он выделяет в природе те или иные объекты и связи. Этот новый способ мышления выступал как условие построения новой адекватной природе картины физической реальности.

[3] Цит. по: *Басинский П.В., Федякин С.Р.* Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции: пособие для учителя. – 2-е изд., исправ. – М.: Академия, 2000. – С. 9.

Библиографический список

1. *Булез П.* Ориентиры. – 1. Воображать. Избранные статьи / пер. с франц. Б. Скуратова; ред. и предисл. К. Чухров. – М.: Логос-Альтера, Ecce homo, 2004. – 200 с.

2. *Лосев А.А.* Диалектика мифа /сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.

3. *Свасьян К.А.* Освальд Шпенглер и его реквием по западу // О. Шпенглер. Закат Европы. – С. 5–122.

4. *Чучин-Русов А.Е.* Конвергенция культур.– М.: Магистр, 1977. – 40 с.

5. Эстетика и теория искусства XX века: учеб. пособие / Н.А. Хренов, А.С. Мигунов. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.– 520с.

УДК 01+02

Головань Е.В.
Костромской областной институт развития образования

К.Н. ДЕРУНОВ: ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЮБИЛЕЮ

Статья посвящена выдающемуся русскому библиотековеду и библиографу К.Н. Дерунову (1866–1929) – автору «Примерного библиотечного каталога» (1906), одному из учредителей Общества библиотековедения (1908), первым выдвинувшему проблему создания общей научной теории библиографии. В статье рассмотрены доклады «Жизненные задачи библиографии (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет)» (1913) и «Типичные черты в эволюции русской "общественной" библиотеки» (1919), получившие большой резонанс в профессиональной среде.

***Ключевые слова**: библиотековедение, библиотечная деятельность, библиография, история библиографии, теория библиографии, библиографическая деятельность, каталог.*

В июне 2011 г. библиотечно-библиографическая общественность отметила 145-летие со дня рождения Константина Николаевича Дерунова (1866–1929), выдающегося русского библиотековеда и библиографа.

К.Н. Дерунов родился 1 июня 1866 г. в Петербурге. В 10 лет, выдержав экзаменационные испытания, поступил во Вторую Санкт-Петербургскую гимназию, где проучился шесть с половиной классов. В этой старейшей гимназии в разное время учились П.А. Вяземский (1792–1878), А.М. Горчаков (1798–1883), сыновья А.С. Пушкина – А.А. Пушкин (1833–1914) и Г.А. Пушкин (1835–1905), А.Ф. Кони (1844–1927), Н.Н. Миклухо-Маклай (1846–1888), Е.А. Лансере (1848–1887), А.Н. Бенуа (1870–1960), Е.А. Мравинский (1903–1988).

Согласно «Высочайше утверждённому Уставу учебных заведений, подведомых Университетам» от 5 ноября 1804 года, учреждение гимназий имело «двоякую цель: 1. приготовление к Университетским наукам юношества…; 2. преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в Университетах, пожелают приобресть сведения, необходимые для благовоспитанного человека».

В гимназию принимались «всякого звания ученики, окончившие науки в уездных училищах, или в других училищных заведениях, либо дома, если только имеют достаточные сведения к продолжению наук, преподаваемых в Гимназиях». Преподавали в гимназии видные учёные, профессора Петербургского, Берлинского, Венского, и Кёнигсбергского университетов.

Приобретя основательные «сведения, необходимые для благовоспитанного человека», К.Н. Дерунов получил среднее образование в классической гимназии г. Рыбинска, куда к тому времени переехала его семья.

В Рыбинске К.Н. Дерунов сблизился с народовольцем и организатором революционного кружка Ф.С. Смирновым, изучал нелегальную литературу, был арестован и заключён в тюрьму вместе с другими членами кружка. «По высочайшему повелению» «дело» К.Н. Дерунова закончилось «строгим внушением».

Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, посещал «кружки саморазвития» и собрания Студенческого союза. Снова был арестован и выслан в Ярославскую губернию под гласный надзор полиции на три года.

В течение пятнадцати лет К.Н. Дерунову запрещалось проживать в столичных и университетских городах. Он «скитался» по губернским городам Поволжья, зарабатывая на жизнь уроками. В эти годы временным пристанищем для него были Астрахань, Саратов, Нижний Новгород. «Уже к концу саратовского периода …выработались лучшие черты характера К.Н. Дерунова – глубокая принципиальность, строгий критический подход ко всем явлениям жизни, непримиримость к недостаткам, страстность, порой переходящая в резкость. Все эти качества …очень помогли К.Н. Дерунову во всей последующей научной и практической деятельности» [4, с. 9].

В Нижнем Новгороде определилась настоящая профессиональная принадлежность К.Н. Дерунова: в 1897 г. он стал работать помощником библиотекаря городской библиотеки, затем заведующим библиотекой Нижегородского всесословного клуба, основанной по инициативе В.Г. Короленко. Здесь же он начал собирать материал для «примерного библиотечного каталога». Средой обитания К.Н. Дерунова являлась оп-

© Головань Е.В., 2011

позиционно настроенная интеллигенция – А.М. Горький, Н.А. Грацианов, А.К. Лемке.

По определению профессора А.В. Соколова, К.Н. Дерунов – «выходец из этико-политической субкультуры народнического толка. Ему присущи черты интеллигента-народника: фанатичность, состоящая в безусловной преданности делу служения народу, в принципиальности, доходящей до догматизма; оппозиционность по отношению к государству, православию, культурным традициям; деспотичность и насилие по принципу "цель оправдывает средства"; альтруистическая этика, когда человек руководствуется во всех делах "сердцем и совестью", а не корыстным расчётом; мужество и сила духа, позволяющие противостоять репрессиям властей и соблазнам мещанства» [10, с. 33].

В 1901–1902 гг. (после получения права жительства в столицах) К.Н. Дерунов заведовал частной Петровской библиотекой в Москве и Библиотекой Главного управления неокладных сборов Министерства финансов в Петербурге.

В 1903 г. вышли в свет две его статьи «К вопросу о наших частных библиотеках для чтения» и «Библиотеки-читальни попечительств о народной трезвости в 1900 году», в которых была подчёркнута необходимость систематической чистки фондов библиотек, критиковалась случайность в отборе изданий и неравномерность в пополнении отделов, отмечен опыт формирования передвижных библиотек, проанализирован читательский состав и причины отсутствия интереса к чтению в крестьянской среде. К.Н. Дерунов пропагандировал знание, библиотеку и образование как действенные и широко применимые средства «в борьбе с народными бедствиями» [4, с. 13]. «Подобно многим интеллигентам, он считал главной культурную работу в народе, просветительство, основанное на подлинной науке и полноценной в научном плане книге» [2, с. 64]. Этой цели он посвятил *«живое, общественное дело»* – «Примерный библиотечный каталог. Свод лучших книг на русском языке с 60-х гг. по 1905 г.», впервые опубликованный в 1906 г.: «"Проницательный" читатель сознаёт, конечно, как велик и сложен труд, нами предпринятый: он знает отлично, что осуществить идею *"подбора целых серий избранных книг, наилучших в каждом отделе"*, при отсутствии какой-либо "теории выбора" книг, едва ли возможно. "Примерный библиотечный *каталог"* даёт "необходимый" максимум книг, лишь по возможности "лучших", избегая решительно и по принципу только одного – той пресловутой "литературы низшего сорта", распространять которую столь неожиданно и с усердием, достойным лучшего применения, взялись (и вменили даже в обязанность себе!) наши "образцовые" библиотеки...» [3, с. 143].

Анализируя идеологическую позицию автора, его «партийность» в отношении принципов отбора рекомендуемых произведений, А.В. Соколов пишет: «Библиограф Дерунов формулирует свои принципы достаточно откровенно: демократичность, классовость, научное и литературное качество. Хорошо укомплектованные народные библиотеки должны помочь пролетарию выйти из "беспросветного невежества" и "накопить в себе достаточно энергии, чтобы вырвать из рук врага меч духовной силы и научиться им владеть, как самым верным оружием в борьбе за лучшее будущее". Конечно, эти принципы далеки от либерально-аристократической ориентации на "общечеловеческие ценности", они типичны для квазигуманистического этоса радикальных субкультур» [10, с. 33].

«Материал в каталоге Дерунова был систематизирован в соответствии с классификацией основных отраслей знания английского философа и социолога Г. Спенсера и идеями самого автора» [2, с. 65]. Так, Дерунов считал, что для облегчения пользования каталогом «самообразующихся» «имеется большой запас приёмов и средств, – начиная с дополнения каталога всевозможными указателями и кончая приложением к нему особого, объяснительного и руководящего чтением, текста».

Каталог состоял из 27 отделов и шести тысяч названий. «Эту цифру мы …считаем более чем достаточною для того, чтобы лечь в основу *первой русской "действительно хорошей"* библиотеки – с её девизом: *"В малом многое"…*» [3, с. 144]. Каталог «открывал для читателя, уже получившего минимум знаний, перспективу дальнейшего пути, дальнейшего самообразовательного чтения» [7, с. 211].

Поистине колоссальный труд К.Н. Дерунова вызвал значительный общественный резонанс: в печати были опубликованы положительные рецензии. Одобрительные отзывы пришли и от зарубежных корреспондентов автора. Однако отечественные критики отмечали некоторую неясность в отборе «избранных книг», существенные

пропуски, ошибочную систематизацию, отсутствие аннотаций, формальное расположение материала в отделах. Учитывая замечания, К.Н. Дерунов стал готовить второе издание каталога, консультируясь с большим количеством русских и зарубежных учёных и специалистов и выявляя и расписывая рецензии из периодических изданий, нужных ему в качестве оценочного материала.

Второе издание «Примерного библиотечного каталога» вышло в 1908–1911 гг. Каталог включал семь с половиной тысяч названий, более двух с половиной тысяч из которых были новыми по содержанию. Отделы «детские книги» (около 1400 названий), «периодические издания» (около 100) и почти 800 книг из других отделов были исключены [7, с. 213].

Одновременно с усовершенствованием каталога К.Н. Дерунов занимался разработкой проблем детского чтения, ведя тематическую переписку с коллегами из Германии, Англии, Дании. В 1910 г. Константин Николаевич перевёл на русский язык две работы немецкого педагога Г. Вольгаста, взгляды которого ему импонировали, – «О детской книге» и «Нищета нашей детской литературы» [12, с. 62].

Ценным приложением ко второму изданию каталога являлся «Сводный указатель журнальных рецензий на книги за период 1847–1907 гг.», в котором частично были использованы материалы составленной К.Н. Деруновым картотеки «Библиография русских рецензий».

Около 300 тысяч рецензий из напечатанных в 332 русских периодических изданиях за 1850–1927 гг., почти тысяча страниц текста – главный (почти тридцатилетний) труд К.Н. Дерунова. «Этот труд остался в рукописи, и хочется верить, что его не постигнет судьба многих наших библиографических работ, исчезнувших бесследно после смерти авторов», – писал Н.Н. Орлов в статье-некрологе [8, с. 108]. К сожалению, до настоящего времени с полной версией «Библиографии русских рецензий» можно познакомиться только в рукописном архиве семьи автора.

К.Н. Дерунов много и основательно занимался исследованиями в области истории русской библиографии. «Хлеб насущный» ему давала служба в библиотеках, а все свои досуги он отдавал на служение любимой им библиографии.

В 1913 г. бюллетень «Библиографические известия» опубликовал статью К.Н. Дерунова «Жизненные задачи библиографии (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет)», имеющую непреходящее историко-теоретическое значение до настоящего времени [3, с. 67]. Сравнивая библиографию с «тёмным, заброшенным и безрадостным» углом, автор видел причины такого положения в отсутствии «общетеоретического обоснования и построения библиографии в самой себе как *науки* и установлении тесной связи её с *жизнью* своего века и своего народа» [3, с. 11].

В книге М.В. Машковой «История русской библиографии начала XX века» приведены внушительные цифры, отражающие стремительное развитие книжного рынка: «По изданию книг и брошюр Россия начала века опередила крупнейшие страны Европы (Англию, Францию, Германию) и вышла к 1913 году на первое место, выпустив в 1912 году 34630 названий тиражом 133,5 миллиона экземпляров» [7, с. 18].

«Движущие силы» библиографии, призванные упорядочить «русское книгоиздательство и книготорговлю», не отвечали жизненным запросам широких читательских кругов из-за отсутствия последовательности, плановости, скоординированности в совместной работе, а следовательно, «несли» небрежность, «неполноту и беспорядок в описании» и рецензировании книг.

К.Н. Дерунов первым выдвинул проблему создания общей научной теории библиографии.

К.Н. Дерунов был активным пропагандистом идеи создания библиотечных и библиографических обществ и одним из фактических учредителей Общества библиотековедения в Санкт-Петербурге (1908 г.) и разработчиком проекта устава.

В статье «Об очередных задачах общества библиотековедения», опубликованной в 1909 г. в журнале «Русская школа», К.Н. Дерунов затронул тему «о постановке дела» в общественных, общеобразовательных и академических библиотеках. Академические библиотеки – эти, по определению Дерунова, «книжные кладбища», «с *живым оборотом* книг, *с непосредственным и активным общественно полезным* воздействием на *массы* с их современными духовными запросами …дела не имеют». Выступая в облике бездушного и мёртвого печатного материала, «большие научные» библиотеки мешают массам «обобществить содержимое книгохранилищ: оно им недоступно» [3, с. 176].

Приоритетные функции «расчищать мировую дорогу от книжных залежей», «капитализи-

ровать, демократизировать, и социализировать духовное наследие» по принципу «*возможно лучшие книги возможно большему числу людей*», закрепились за общественными, общедоступными, общеобразовательными, народными библиотеками как «естественное право».

Размышляя о задачах «Общества», К.Н. Дерунов был решительно против формального объединения: «Новое Общество должно прежде всего *сорганизоваться*, и лучшим организующим фактором явилось бы *сознательное объединение* на такой программе, в разработке которой принимал активное участие каждый член» [3, с. 180].

Второй основной задачей «Общества» Константин Николаевич считал практическую работу по усовершенствованию библиотечного дела и, прежде всего, по систематическому изучению современного положения и истории библиотечного дела в России и за границей.

Развивая тему общественных библиотек, на одном из заседаний «Общества» К.Н. Дерунов выступил с докладом «Типичные черты в эволюции русской “общественной” библиотеки», опубликованной затем «Библиографическими известиями» (1919).

«Смею ...думать, что эта самая тема как раз и является единственно ближайшей у нас в очереди. Когда историческое прошлое наших библиотек, из которого вытекает и выясняется их настоящее, так беспроглядно-темно, то наилучшим подходом к осознанию его будет именно выявление типичных черт, характеризующих историческую действительность во всём подлинном её многообразии и многосложности» [3, с. 63].

Полная научная история русских общественных библиотек могла сложиться только при наличии «научно обработанных библиотечных отчётов». Ясно представляя «громадное значение» подобной отчётности, К.Н. Дерунов подверг критике существующую библиотечную статистику, «переполненную до краёв заурядной словесностью» и дающую «случайные, немые цифры».

Несмотря на «скудость литературы» ежегодных и юбилейных отчётов, К.Н. Дерунову удалось исследовать фактические данные полутора десятка библиотек «изжитого типа» – «губернской публичной» и «единой народной». Автор проанализировал общую деятельность, книжный и читательский состав библиотек, дал характеристику губернской и городской публичных библиотек.

Появление на свет Иркутской городской публичной библиотеки в 1782 г. К.Н. Дерунов назвал «великим делом внешкольного образования в провинции». Библиотека располагалась в красивом особняке и имела более 1 300 «сочинений», в том числе книги на русском, французском и немецком языках, присланные из столицы на отпущенные Академией наук 3 тыс. рублей. Библиотеку патронировал сам иркутский губернатор, который ввёл в практику принцип «широкой общедоступности библиотеки» и «раздвинул сферу влияния просветительного учреждения», разрешив выдавать книги не только жителям Иркутска, но и ближайших уездных городов и селений. В Иркутской библиотеке К.Н. Дерунов видел прообраз современной областной центральной библиотеки.

В докладе приведены два исторических документа – циркуляр министра внутренних дел гражданским губернаторам, объясняющий назначение «губернских публичных библиотек для чтения», и заявление «Общества любителей Словесности и Литературы» городничему г. Осташкова.

Оба документа направлены «к заведению по Губерниям публичных библиотек для чтения». Но, если первый документ Дерунов рассматривал как непримиримый противник «материалистического утилитаризма», сводящего грядущую библиотеку в «роковой урон общеобразовательным, гуманитарным и гуманизирующим её функциям», «ложного пути узкого практицизма – подготовки профессиональных строителей-техников материальной культуры», то второй – как союзник в «возрождении духа общественности».

«Два документа – и в них два миросозерцания... Во втором не менее, если угодно, чем в первом, речь идёт о возрождении духа общественности. Но какая разница в подходе к социальной проблеме! Там отправной точкой служит политическая экономия, здесь политическая этика (обязанности гражданина); оттуда, из Северной Пальмиры, разносятся по провинциальным канцеляриям трезвенные “виды” здравого разума, взирающего на просвещение как на средство; отсюда, из медвежьих углов, затерявшегося в уезде городка с его простодушными гражданами, …излучается в столицу незримый свет патриотического сердца, потрясаемого “сладостным чувством народной гордости” при *одном* “взгляде на созревающее просвещение”» [3, с. 70].

К.Н. Дерунов охарактеризовал культурно-бытовые условия, предварявшие открытие публич-

ных библиотек, в частности, отношение к ним со стороны общества – «в особенности же, “первенствующего” в губернии и в империи сословия».

Не нашла поддержки в обществе Харьковская губернская публичная библиотека и «по этой причине оказалась мертворождённой». «...К этой стереотипно-официальной аттестации выдвигаются эффективные бытовые картинки, вроде сумской». В Сумах против открытия библиотеки «составилась очень сильная плотная оппозиция, причём один из *предводителей* дворянства *открыто* заявил... что *библиотеку он разорит, а читателей прибьёт*» [3, с. 72]. Также «новое дело» продвигалось в Симбирске, Туле, Архангельске...

Из-за бездарного руководства людей, далёких от книги, – наблюдательного комитета или единоличного попечителя, в качестве которого, чаше всего, выступал губернатор, «существование самой библиотеки обращалось в фикцию» [3, с. 75]. На должность библиотекаря назначался чиновник – «находившийся не у дел титулярный советник» или «отставной капитан», в некоторых случаях работавший даже без назначения жалованья. Посетители находили библиотеки постоянно запертыми или закрытыми на ревизию.

Правовое и общественное положение библиотекаря было далёким от идеала и отрицательно отражалось и на деятельности губернской публичной библиотеки, и на развитии библиотечного дела.

К.Н. Дерунов писал: «Даже и не оставаясь запертой, губернская библиотека была для публики мало доступной и мало известной… Мешали …неудобства помещения (теснота, холод и пр.) и неурочных часов открытия» [3, с. 79].

Читателей-подписчиков было мало, количество их сокращалось год от года. Этому способствовали высокая подписная плата и плачевное состояние книжного инвентаря, комплектующегося, в основном, официальными (министерскими) изданиями, литературой на иностранных языках, «*без всякой системы* и без соблюдения равномерности в полноте отделов».

Пореформенная общественная библиотека 60–70-х годов XIX в., как результат эволюции губернской публичной библиотеки 30–50-х годов, была средством культурно-социального самоопределения, которое «должно было вылиться в конкретную форму …всеобщего устремления к образованию» [3, с. 93]. К.Н. Дерунов считал такую библиотеку соответствующей духу времени, основой в «интенсивной работе по построению общего мировоззрения и гражданского самовоспитания».

Многое в положении библиотек оставалось зависимым от её руководителей. Сохранялось устойчивое и «полное игнорирование библиотекаря, его приниженное и вообще двусмысленное положение – это общее почти явление для библиотек…» [3, с. 102]. «Читательская масса увеличилась в объёме… и в содержании, по составу ныне более разнообразному и демократическому» [3, с. 104].

К.Н. Дерунов был категорическим противником теории А.А. Покровского, допускавшего возможность комплектования библиотек лубочной литературой ради привлечения читателей: *«Заведомая литературная дрянь опоэтизирована потому, что в прозе библиотечной практики господствует засилие этой дряни»* [3, с. 117]. В эту категорию литературы «сомнительной» ценности попали развлекательные романы, в том числе «Тайны Мадридского двора» и «Рокамболи».

К.Н. Дерунов справедливо полагал, что общественная библиотека является связующим звеном в системе единой национальной библиотеки – народной библиотеки-читальни и библиотеки академической, каждая из которых выполняет свои задачи и функциональные обязанности, имея «собственные задания».

Основным из «заданий» К.Н. Дерунов считал «планомерное любовное» оборудование «ядра» библиотеки. «Осветить для читателя всесторонне, дать ему возможность с наименьшей затратой труда наилучшим образом охватить это ядро и всё это реализовать соответственно рациональной постановкой библиографической, лекционной и т.п. информацией» [3, с. 126]. Автор подчеркнул сложность и ответственность процесса дифференцирования библиотеки на фундаментальную часть и специальные отделы. «*Только после* …работ над отделкой (рациональной организацией и эксплуатацией) ядра библиотека вправе ставить вопрос второочередных работ над развитием вширь или ввысь» [3, с. 127].

К.Н. Дерунов обоснованно возражал против тенденции превращать местные (краеведческие) отделы библиотек в своеобразные музеи и «патологического тяготения к организации рукописных отделов», объясняя хранение подобных ма-

териалов существованием учёных архивных губернских Комиссий.

Основные положения доклада, сделанного на заре нового библиотечного строительства, остаются актуальными и ныне, как и заключительные слова автора: «Да здравствует новая библиотека «с рациональным комплектованием» и «общением с читателем».

В 1920 г. К.Н. Дерунов переехал в Москву, работал в должности учёного-библиографа в Коммунистической академии, консультанта в Главлите, заведующего библиотекой Центрального союза металлистов. В 1925–1929 гг. заведовал библиотекой Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

Современники К.Н. Дерунова отмечали его яркий талант оратора, полемиста. «Его речи на съездах, конференциях в обществах будили мысль, к ним прислушивались, с ними считались» [8, с. 108]. «Гражданский и профессиональный темперамент К.Н. Дерунова ярче всего проявлялся в его многочисленных публичных выступлениях. Будучи членом библиографических обществ в Петербурге и Москве, он прочитал большое количество докладов. Ни одно выступление на заседаниях обществ, на съездах и конференциях 1911, 1924, 1926 гг. он не оставил без внимания, оценки или хотя бы без реплики» [2, с. 69].

К.Н. Дерунов – автор двадцати семи прижизненных публикаций и 16 неопубликованных работ, среди которых «Мазероль – библиотека будущего», «У истоков мировой библиографии», «Новейшая избранная литература по всем отраслям знания. 1912–1928. (Продолжение «Примерного библиотечного каталога»), «Оглавление книг…» Сильвестра Медведева».

В 1972 г. в серии «Труды отечественных книговедов» тиражом 3 тыс. экземпляров вышла книга избранных трудов К.Н. Дерунова, которая сразу же стала библиографической редкостью. До настоящего времени названные и многие другие научно-исследовательские работы К.Н. Дерунова, исполненные историко-культурного смысла и значения, имеют хождение «в узких кружках и интересах специалистов», не имея возможности для широкого использования и применения.

Всё «эволюционирует, диалектически развивается – от заблуждений к истине, чтобы истиной углубить сознание заблуждений и тем уточнить понимание истины. И этот процесс прогрессивного выявления истины – в социальных условиях всякой научной работы может быть плодотворен только при одном необходимом условии: чтобы частично добываемая из тёмной шахты руда знания выносилась каждый раз на поверхность – на общественный суд – правый и милосердный в самых суровых своих приговорах» [4, с. 118].

Библиографический список

1. *Ажеева Е.Ю.* Философские основы библиотечной науки в наследии К.Н. Дерунова (к 140-летию со дня рождения) // Библиотековедение. – 2006. – № 4. – С. 74–81.

2. *Беспалова Э.К.* «Самый честный русский библиограф» (к 135-летию со дня рождения К.Н. Дерунова) // Библиотековедение. – 2001. – № 5. – С. 63–70.

3. *Дерунов К.Н.* Избранное: Труды по библиотековедению и библиографии / под общ. ред. Ю.В. Григорьева. – М.: Книга, 1972. – 235 с.

4. *Кирпичёва И.К.* К.Н. Дерунов (1866–1929): Очерк жизни и деятельности / под ред. Ю.Ф. Григорьева. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1963. – 123 с.

5. Константин Николаевич Дерунов (1866–1929) // Мир библиографии. – 2011. – № 2. – 2-я с. обл.

6. *Леликова Н.К.* Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века; Рос. нац. б-ка. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2004. – 415 с.

7. *Машкова М.В.* История русской библиографии начала XX века: до октября 1917 г.; Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. – М.: Книга, 1969. – 492 с.

8. *Орлов Н.Н.* К.Н. Дерунов // На книжном фронте. – 1929. – № 32–33. – С. 107–108.

9. *Соколов А.В.* Задачи русского библиографоведения в XXI веке // Мир библиографии. – 2005. – № 5. – С. 7–15.

10. *Соколов А.В.* Напоминание о собственном достоинстве: очерки по истории библиотечно-библиографической интеллигенции XX века // Библиотека. – 2007. – № 11. – С. 25–33.

11. *Хомякова И.Г.* Зарубежные контакты К.Н. Дерунова (1866–1929) // Мир библиографии. – 2006. – № 6. – С. 60–65.

12.http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.ncknigaran.ru%2Findex.php%3Foption%3Dcom_content%26view%3Darticle%26id%3D145%253Aderunov%26catid%3D3%26Itemid%3D26&text=%D0%9A.%D0%9D.%20%D0%94%D0%B5%D1%

80%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2&l10n=ru&mime=html&sign=876f083dcb9e5991e02e8ecafcc95801&keyno=0

13. http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.hi-edu.ru%2Febooks%2FCB%2F033.htm&text=%D0%9A.%D0%9D.%20%D0%94%D0%B5%D1%80%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2&l10n=ru&mime=html&sign=b5d1e6e4ba4ae8e2bb63e0422c364020&keyno=0

УДК 008

Дзюбан Валерий Валерьевич
кандидат педагогических наук
Брянский государственный технический университет
bryanskstudzuban@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И КАЗАЧЕСТВА: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Казаки всегда были преданы своей родной земле и тому, кому клялись в верности. Куда бы военная судьба ни забрасывала казака, он всегда возвращался на свою родную землю. С XVIII в. казаки связали свою судьбу с Россией и всегда преданно служили ей.

***Ключевые слова**: казачество, сословие, государство, православие, военные походы, эмиграция, Великая Отечественная война.*

Появлению и утверждению казачества как сословия предшествовали долгие времена взаимного непонимания и неприятия во взаимоотношениях «казачество – власть». Были и восстания казаков, и их подавления властью, были и другие репрессивные меры со стороны власти. Все это продолжалось до тех пор, пока власть (царская) не оценила наконец достоинства казачьего движения и сумела это, по началу сверхвольное и неуправляемое течение, привлечь на свою сторону. Ни в одной стране мира казаки, в том качестве, в котором они были в России, не появлялись именно из-за особенностей российского государства, даже чисто географически-территориально. Именно казачьи поселения, практически по всей южной границе, надежно прикрыли государство от внешних набегов и нашествий. Мало того что казаки несли службу на границе – они всегда были готовы, по военным меркам – мгновенно, выставить заранее определенное количество строевых, обученных, снаряженных казаков.

Казачество зародилось в XIV веке на степных незаселенных просторах между Московской Русью, Литвой, Польшей и татарскими ханствами. Его формирование, начавшееся после распада Золотой Орды, проходило в постоянной борьбе с многочисленными врагами вдали от развитых культурных центров. О первых страницах казачьей истории не сохранилось достоверных письменных источников. Истоки происхождения казачества многие исследователи пытались обнаружить в национальных корнях предков казаков среди самых разных народов (скифов, половцев, хазар, алан, киргизов, татар, горских черкесов, касогов, бродников, черных клобуков, торков и др.) или рассматривали оригинальную казачью воинскую общность как результат генетических связей нескольких племен с пришедшими в Причерноморье славянами, причем отсчет этого процесса велся с начала новой эры. Другие историки, напротив, доказывали русскость казачества, делая упор на постоянность нахождения славян в областях, ставших колыбелью казачества.

Дипломатические отношения с русским государством поддерживались отправкой в Москву посольств с назначенным атаманом. С момента выхода казачества на историческую арену его взаимоотношения с Россией отличались двойственностью. Первоначально они строились по принципу независимых государств, имевших одного противника.

С русскими казаков связывало Православие. А по понятиям той эпохи «православный» было тождественно слову «русский». Православные украинцы тогда называли себя «русскими». И человек любой нации, принимая православное крещение, становился «русским», с ним обращались как с полноправным русским. То есть казачество стало субэтносом, «народом внутри народа». Таким образом, формирование великорусского этноса и казачества шло одновременно, было «двуединым» процессом.

 © Дзюбан В.В., 2011

В начале XVI в., когда великий князь Василий III решил перевести дипломатические отношения с Турцией на постоянную основу, он пригласил для консультаций донских атаманов (откуда видно, что контакты с ними уже существовали). Атаманы пояснили, что обмениваться посольствами на Переволоке нельзя из-за угрозы со стороны Астрахани, и был выработан механизм, что охрана и сопровождение посольств на Дону будет осуществляться казаками, а встреча и передача дипломатов будет происходить в низовьях Дона и на Медведице. Казакам за такую службу стало выплачиваться жалованье.

В 1555 г. к Ивану Грозному прибыло посольство от кабардинцев, «дало правду на всю землю». В состав посольства входили и гребенские казаки. Царь согласился принять Кабарду в подданство, послы принесли присягу, «что им со всею землею Черкасскою служити государю» [5, с. 20].

Часто русским властям было выгодно представлять вольные казачьи общины как абсолютно независимые от Москвы. С другой стороны, московское государство было недовольно казачьими сообществами, постоянно нападавшими на турецкие владения, что часто шло вразрез с русскими внешнеполитическими интересами. Нередко между союзниками наступали периоды охлаждения, и Россия прекращала всякую помощь казакам. Недовольство Москвы вызывал и постоянный уход подданных в казачьи области. Демократические порядки (все равны, ни властей, ни налогов) стали магнитом, притягивавшим к себе все новых предприимчивых и смелых людей из русских земель.

Опасения России оказались отнюдь не беспочвенны – на протяжении XVII–XVIII веков казачество шло в авангарде мощных антиправительственных выступлений, из его рядов вышли предводители казацко-крестьянских восстаний – Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев. Велика была роль казаков во время событий Смутного времени в начале XVII века. Активное участие казаки принимали в первом и втором ополчениях и 27 октября в составе второго ополчения вошли в Москву.

В 1613 году на Земском Соборе казаки активно поддерживали кандидатуру Михаила Романова, несмотря на то что бояре в целом были против него.

Казачество, даже ослабленное, являлось в это время основной боевой силой государства: прежней армии не существовало. И власть всячески укрепляла отношения с казаками. Один из первых указов нового царя был направлен на то, чтобы утвердить доброе имя казаков, замаранное всякими бандитами. Михаил Федорович требовал «впредь тех воров казаками не называть, дабы прямым казакам, которые служат, бесчестья не было» [5, с. 43].

Российский трон, учитывая важнейшие функции казачества как военной силы в пограничных районах, проявляло долготерпение и стремилось подчинить его своей власти. Чтобы закрепить верность российскому престолу, цари, используя все рычаги, сумели добиться к концу XVII века принятия присяги всеми Войсками (последнее Войско Донское – в 1671). Из добровольных союзников казаки превратились в российских подданных. С включением юго-восточных территорий в состав России казачество осталось лишь особой частью российского населения, постепенно потеряв многие свои демократические права и завоевания. С XVIII века государство постоянно регламентировало жизнь казачьих областей, модернизировало в нужном для себя русле традиционные казачьи структуры управления, превратив их в составную часть административной системы российской империи.

С 1721 казачьи части находились в ведении казачьей экспедиции Военной коллегии. В том же году Петр I упразднил выборность войсковых атаманов и ввел институт наказных атаманов, назначаемых верховной властью.

В 1798 по указу Павла I все казачьи офицерские чины были приравнены к общеармейским, а их обладатели получили права на дворянство. В 1802 было разработано первое Положение для казачьих войск. С 1811 года особым царским указом было запрещено выходить из казачества и записываться в казаки. Станичные и окружные Круги и Атаманы пользовались значительной самостоятельностью в расходовании средств: строили школы, гимназии, военные училища, назначали пенсии инвалидам войн и семьям погибших, строили мосты, чинили дороги и т.д. Каждый казак обязан был служить 20 лет, из них 4 года в кадровых частях, 7 лет – в запасе 1-й очереди. После этого он мог привлекаться в строй лишь в случае большой войны. Это значит, что, начиная службу в 21 год, он уже с 32 лет мог спокойно заниматься семьёй и хозяйством (см.: С. Иванов «Трагедия Казачества»). С 1827 августейшим атаманом всех казачьих войск стал назначаться наследник пре-

стола. В 1838 был утвержден первый строевой устав для казачьих частей, а в 1857 казачество перешло в ведение Управления (с 1867 – Главного Управления) иррегулярных (с 1879 – казачьих) войск Военного министерства.

Сами слова «казачество», «казаковать» появились только тогда, когда казаков стали превращать в служивое сословие русского государства, что делалось стараниями русского правительства. Русские и казаки всегда были близки друг другу по духу, основу чего составляло православие. Именно на этой основе казаки – этнически иной народ – превратились в субэтнос русского народа. Этническую основу казаков составляли тюркские племена, которые испокон веков жили на этой территории. Но в те далекие времена, когда наши предки приняли монотеистические религии – христианство и ислам, для них духовная близость была важнее, чем кровное родство, и черкесы стали русскими казаками. Скифы, сарматы, готы, гунны, авары, аланы, булгары, хазары, печенеги, половцы (кипчаки, куманы) – вот перечень только крупных этносов, которые жили на территории, занимаемой в последствии донскими, кубанскими и запорожскими черкесами (казаками).

В целом казачество процветало и оставалось вполне жизнеспособным организмом. Об этом свидетельствует красноречивый факт. За последние 30 лет существования Российской империи численность казаков увеличилась (за счет естественного прироста!) почти вдвое. В 1887 г. она составляла 2 млн. 726 тыс., а к 1916 г. достигла 4 млн. 424 тыс. В Войске Донском было 1 млн. 495 тыс. казаков и казачек, в Кубанском – 1,367 млн., в Оренбургском – 633 тыс., в Забайкальском – 265 тыс., в Терском – 255 тыс., в Сибирском – 177 тыс., в Уральском – 166 тыс., в Амурском – 49 тыс., в Семиреченском – 45 тыс., в Астраханском – 40 тыс., в Уссурийском – 34 тыс., в Красноярском и Иркутском полках – 10 тыс., в Якутском полку – 3 тыс. [3, с. 57–63].

За обязанность нести военную службу государство наделяло казаков землей, и за казачьими войсками были закреплены земли в больших размерах. За войсками Донским и Уральским были закреплены те земли, которые были заняты ими самими, другие казачьи войска получили земли по распоряжению правительства при своем образовании. Площадь казачьих земель с точностью не определена. По сведениям на 1892 г., она равнялась приблизительно 543557 тыс. десятин. Казачьи земли до начала 70-х гг. юридически находились во владении всего войска, без распределения между станицами, но фактически каждая станица имела в своем распоряжении земельные участки («История Казачества России»).

В 1910 г. казакам пришлось участвовать и в необъявленной «локальной» войне. В Иране углублялся распад, власть шаха, настроенного пророссийски, совсем ослабла. И эмиссары Турции, которой покровительствовали немцы, взбунтовали Северную Персию. Беснующиеся толпы осаждали русские представительства, восстали племена шахсевен, нарушали границу, угоняли скот. Царь решил ввести в Северный Иран войска. Главную роль сыграли казаки. В городах волнения усмирили быстро, порой оказывалось достаточно, чтобы сотня казаков разогнала толпу и выпорола зачинщиков. А вот с шахсевенами пришлось драться. Но казаки во главе с генералом Фидаровым справились, и в 1912 г. вынудили мятежников принести присягу никогда впредь не поднимать оружия против России и не вторгаться в ее пределы. Для службы в Иране было оставлено 24 сотни кубанцев и терцев [1, с. 157].

В годы Первой мировой войны казачество выставило на фронт 162 конных полка, 171 отдельную сотню и 24 пластунских батальона – 450 тыс. воинов. Как пишет протоиерей о. Георгий (Поляков), «являясь исключительно православным воинством, случаев дезертирства казачество не знало».

Невозможно упомянуть и все подвиги казаков – их совершалось множество. В первой зафиксированной стычке 12 августа у литовского местечка Торжок пост из 5 казаков 3-го Донского им. Ермака Тимофеевича полка схватился с разъездом из 27 немецких драгун. Особенно отличился приказной Кузьма Крючков. Отстреливался, рубился, а когда враги насели и выбили шашку, желая взять в плен, выхватил у немца пику и стал отмахиваться, как оглоблей. Сразил 11 неприятелей, получив 16 ран. Уцелевшие неприятели удрали. Крючков первым в этой войне был награжден Георгиевским крестом.

В ходе Ивангородско-Варшавской операции хорунжий 1-го Нерчинского полка Григорий Семенов, возвращаясь с 10 казаками из разведки, узнал вдруг, что на наши тылы напала германская кавалерийская бригада, захватила обозы, артиллерийский парк, знамя полка и уходит, уводя пленных. 11 всадников налетели на арьергардную

заставу врага, порубили и обратили в бегство. Паника покатилась, нарастая, от хвоста к голове колонны, и неприятель обратился прочь, бросив добычу. Было освобождено 400 пленных, отбито знамя и все трофеи [2, с. 198].

Во время Гражданской войны большинство казаков выступило против советской власти. Казачьи области стали опорой Белого движения. Крупнейшими антибольшевистскими вооружёнными формированиями казаков были Донская армия на юге России, Оренбургская и Уральская армии – на востоке. В то же время часть казаков служила в Красной армии.

Отношения казачества и советской власти в 20–30-е гг. были сложными. После окончания Гражданской войны большинство советских руководителей в центре и на местах по-прежнему смотрело на казаков как на враждебную силу. В свою очередь основная масса казачества относилась к новой власти с недоверием.

После окончания Гражданской войны страну покинуло около 2 млн человек. Среди эмигрантов были идейные непримиримые противники советской власти, но много было и простого гражданского населения, в том числе более 100 тыс. казаков всех казачьих войск. Особенно массовым был исход донцов (34 тыс.), кубанцев (более 20 тыс.) и забайкальцев (20–30 тыс.). К концу 20-х гг. они проживали в 18 странах Европы, Азии, Америки. Многие переселились в США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Перу. Некоторые не выдержали разлуки с родиной. Особенно много казаков вернулось в Россию в 1922 г. Всего реэмигрантов было около 30 тыс. В 1921 г. Врангелю удалось договориться со славянскими странами, белогвардейцев стали перевозить на Балканы. В Югославии их приняли тепло и сердечно. Часть казаков зачислили в пограничную стражу, других направили на строительство дорог. Работали, сохраняя воинские части – все еще надеясь на изменение обстановки. А в 1922 г. на Генуэзской конференции советская делегация добилась решения о роспуске белых формирований. Югославии и Болгарии осталось подчиниться. И Врангель перешел к новой форме организации – создал Русский общевоинский союз (РОВС), в котором воинские чины состояли на учете, как бы в запасе. Но фактически армия распалась. Эмигранты стали распространяться по тем же Балканам. Многие перебрались во Францию и Бельгию.

Большие колонии казаков возникли и в Иране. В Китае дутовцы обосновались в г. Суйдун, семиреченцы в Кульдже, анненковцы в Ланьчжоу. Многие поселились в Харбине – он до революции был по сути «русским» городом. Несколько сот казаков генерала Глебова осели в Шанхае.

Везде казаки старались держаться друг друга, организовывались в станицы, хутора – подобие землячеств с выборными атаманами, кассами взаимопомощи. Большим успехом пользовались самодеятельные казачьи хоры, их приглашали выступать в ресторанах, лучшие коллективы подхватывались западными продюсерами, становились профессиональными. Возникали и цирковые казачьи труппы, поражали публику искусством джигитовки. Но это было труднее: требовалось приобрести и содержать хороших лошадей.

Настоящие станицы возникли только в Маньчжурии. После образования ДВР сюда ушли тысячи забайкальцев, многие сумели перегнать стада скота. И устроились довольно неплохо. Китайские чиновники разрешили селиться, налог брали маленький (а то и не брали за взятки). Никакой казачьей службы тут, конечно, не было, просто жили, вели хозяйство, богатели. Но в 1929 г. во время конфликта на КВЖД отряды ОГПУ совершили ряд нападений на станицы, сотни казаков были убиты, 600 человек угнали в СССР. А в 1931 г. Маньчжурия была оккупирована Японией, и процветание кончилось. У казаков, как и у китайцев, переписали все имущество, стали взимать огромные налоги, принудительные поставки, оставляя хозяевам лишь необходимое для пропитания [4, с. 114].

К концу 30-х гг. в разных странах проживало до 60 тыс. казаков-эмигрантов.

В 1924 г. в Париже создается Казачий союз, в который вошли станицы всех казачьих войск. Возглавил его бывший председатель донского правительства Н.М. Мельников. Казачий союз занимался в основном решением организационно-хозяйственных проблем, бытового обустройства казачьих станиц, способствовал сохранению и развитию культуры.

В самом начале 20-х гг. советскими органами власти все казачьи войска как административно-территориальные образования были упразднены; казачьи земли вошли в состав краев и областей. С целью «распыления» казачества производилось дробление территорий бывших казачьих войск.

Существовали ограничения по службе казаков в армии, их представительству в местных органах власти. Было запрещено ношение традици-

онной казачьей одежды (шаровар с лампасами). Традиционное казачье землевладение и землепользование ликвидировались.

С началом Великой Отечественной войны казачьи части, как регулярные, в составе Красной армии, так и добровольческие, приняли активное участие в боевых действия против немецко-фашистских захватчиков. 2 августа 1942 года близ станицы Кущевской 17-кавалерийский корпус генерала Н.Я. Кириченко в составе 12-й и 13-й Кубанских, 15-й и 116-й Донской казачьих дивизий остановил наступление крупных сил вермахта, продвигавшхся от Ростова на Краснодар.

Также большое количество казаков вливалось добровольцами в национальные части Северного Кавказа. Такие части создавались осенью 1941 г. по примеру опыта Первой мировой войны. Эти кавалерийские части в народе также назывались «Дикими дивизиями». Например, осенью 1941 г. в Грозном формировался 255 отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк. В его составе было несколько сотен казаков-добровольцев из числа выходцев из сунженских и терских станиц.

С 1943 года происходило объединение казачьих кавалерийских дивизий и танковых частей, в связи с чем образовывались конно-механизированные группы. Лошади использовались в большей степени для организации быстрого перемещения, в бою казаки были задействованы в качестве пехоты. Из кубанских и терских казаков также были сформированы пластунские дивизии. Из числа казаков 262 кавалериста получили звание Героя Советского Союза, 7 кавкорпусов и 17 кавдивизий получили гвардейские звания. Кроме казачьих частей, воссозданных при Сталине, во время Великой Отечественной войны было множество казаков среди известных людей, которые воевали не в «фирменных» казачьих кавалерийских или пластунских частях, а во всей советской армии или отличились в военном производстве. Например: танковый ас № 1, Герой Советского Союза Д.Ф. Лавриненко – кубанский казак, уроженец станицы Бесстрашной; генерал-лейтенант инженерных войск, Герой Советского Союза Д.М. Карбышев – родовой уральский казак-кряшен, уроженец Омска; командующий Северным флотом адмирал А.А. Головко – терский казак, уроженец станицы Прохладной; конструктор-оружейник Ф.В. Токарев – донской казак, уроженец станицы Егорлыкской Области Войска Донского; командующий Брянским и 2-м Прибалтийским фронтом, генерал армии, Герой Советского Союза М.М. Попов – донской казак, уроженец станицы Усть-Медведицкой Области Войска Донского, и т.д.

После войны в Советском Союзе казачество котировалось очень высоко. И пропагандировалось: ставились фильмы, выходили книги по казачьей тематике, создавались казачьи ансамбли. Этот процесс, вроде бы, продолжился и после смерти Сталина. Например, была осуществлена вторая, самая известная экранизация «Тихого Дона». Консультировал постановку сам Шолохов, и любопытно, что на главную роль вдруг был выбран малоизвестный актер Петр Глебов. Шолохов, когда ему показали кинопробы разных артистов, сказал: «А я только одного казака видел». Прозорливости писателя можно только подивиться – Глебов действительно был казаком, прямым потомком героя 1812 г. Орлова-Денисова.

Но подобные фильмы снимались уже «по инерции». На самом же деле в жизни казачества в 1950-х наступил резкий перелом. Слово «казак» снова изъялось из обихода.

Что же представляет собой казачество в начале XXI века? Оно остается разобщенным. Но после всех обманов и самообманов размежевание между «красными» и «белыми», реестровыми и «общественными» сглаживается. И более актуальным стало другое разделение: на тех, кто сохранил иждивенческие настроения, и тех, кто от них избавился. Некоторые все еще ждут, когда же кто-нибудь начнет их «возрождать».

Но казачество было всегда сильно традициями самоорганизации и развивается, воссоздает себя само. Процесс это трудный, во многом стихийный. Но отнюдь не хаотичный.

Примерно с 2005 г. молодежь снова потянулась в казачьи ряды. Это наблюдается повсеместно. И если такие молодые люди, даже и совершенно не казачьего происхождения, обращаются с вопросом: «А можно ли стать казаками?» – настоящие казаки их не оттолкнут и не прогонят. Примут в организацию, будут обучать вместе со своими казачатами и малолетками – ведь в наше время казачьи дети и внуки тоже очень редко получают достаточную подготовку от отцов и дедов. Словом, выработалась та же самая система, которая существовала у казаков до XVIII в., а у запорожцев, кубанцев и терцев до XIX-го: родовое казачество является костяком, носителем духа и традиций, а обрастать этот костяк может как за счет потомственных казаков, так и внеш-

него притока [5, с. 255].

Таким образом, казачество – часть русского народа: оставаясь в первую очередь военным сословием, защитниками границ России, казаки являлись хранителями русских традиций и культуры, стали примером верности родной земле и любви к Родине.

Библиографический список

1. *Елисеев Ф.* Казаки на Кавказском фронте 1914–1917. – М.: Воениздат, 2001. – 292с.

2. *Шумов В.В.* История казачества в вопросах и ответах. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2003. – 198 с.

3. *Левченко В.Г.* Россия воскреснет. – М.: Парад, 2000. – С. 57–63.

4. *Сибиряков Н.С.* Конец Забайкальского казачьего войска / примеч. Б. Трофимова // Минувшее. – М.: Прогресс, 1990. – 254 с.

5. *Шамбаров В.Е.* Казачество: Путь воинов Христовых. – М.: Алгоритм, 2008. – 257 с.

УДК 13.130.3

Ёлшина Татьяна Алексеевна

Костромской государственный технологический университет

В. СОЛОВЬЕВ И Ф. НИЦШЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА

В статье исследуются причины актуальности философских идей В. Соловьева и Ф. Ницше для художественного сознания Серебряного века: неортодоксальность философского дискурса, христологическая и антропологическая проблематика, использование в качестве инструментария мифологем и архетипов, – а также наличие у философов собственной поэтической одаренности.

***Ключевые слова**: эстетизм, художественное сознание, антропология, христология, мифологема, архетип.*

Дух русского культурного ренессанса (Серебряного века) – это дух эстетизма; очевидно, поэтому необычайно высок был статус художника, которого, в традиции философии В. Соловьева, именовали теургом. Весь мир воспринимался как эстетический феномен, при этом искусству в целом надлежало стать устроителем жизни – в этом постулате видна роль другого философа и властителя дум, Фридриха Ницше. И не важно, что один из них – Владимир Соловьев – видел высокую миссию христианства, а другой – Фридрих Ницше – считал сам дух христианства унизительно лживым, ибо культура Серебряного века включала в себя спектр разнообразных суждений о Боге и мире.

Не случайно о Вл. Соловьеве говорят как о «глубоком и ярком символисте»[1], а Ницше называют «великим катализатором» русского символизма[2]. Их философия сыграла существенную роль в раскрепощении индивидуальности, работы этих столь несхожих мыслителей пронизывает единый пафос веры в возможность безграничного развития человечества, вплоть до победы над смертью путем возвращения к андрогинной природе – у Соловьева, или создания нового, более высокого типа человека – у Ницше. Никакого вдохновения у представителей Серебряного века русской культуры не вызывала материалистическая идеология «шестидесятников», кому природа казалась некой непроницаемой структурой, которую, чтобы понять, надобно разъять, «распластать». Базаров, пытливо пластающий лягушек, рассуждающий об идентичности лягушачьих и человеческих внутренностей, вызывал усмешку. В XIX веке люди века Серебряного находили начало, обезбожившее мир и обессмыслившее существование человека на земле. Не случайно А. Блок в поэме «Возмездие» писал:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

Русские «шестидесятники» заповедали XX - веку человека активного, освобожденного от власти природной, но не от власти разума, которого достало-таки, чтобы выйти на пути нового, духовного познания, наладить связь, воссоздать утраченную гармонию. Люди рубежа столетия чувствовали не только тайную связь человека с природой-лягушкой, но, выражаясь опять-таки фигурально, умели увидеть и в лягушке – царевну. Они, заблудшие дети конца XIX века, обращались к живой душе мироздания; отвечая на зов далеких высот, в минуты творческого озарения в своих одиноких восторгах наедине с листом бумаги и пером, с кистью или глиной в руках они чув-

© Ёлшина Т.А., 2011

ствовали себя двойниками Бога-Творца; миг экстаза позволял им увидеть Бога за работой, а весь мир осознать как произведение Богова искусства.

В общественное сознание русской интеллигенции ***Владимир Сергеевич Соловьев*** (1853–1900) вошел традиционным для мировой культуры путем – в венце мученика и героя. Защитив в 1880 году диссертацию «Критика отвлеченных начал» и получив степень доктора философских наук, он преподавал в Московском и Петербургском университетах. В марте 1881 года, после убийства Александра II, Соловьев прочитал в Петербурге публичную лекцию, закончившуюся смелым призывом к Александру III простить убийц его отца, не совершать смертной казни и этим уйти с путей зла во имя высшей правды.

После этого заявления Вл. Соловьев был вынужден покинуть профессорскую кафедру[3], а университетская наука потеряла в нем одного из своих светил, потеряла возможность огромного влияния на студентов, влияния идеалистического, философского. Вот как прокомментировал это событие В. Розанов: «Тут уж приходится посетовать на “неблагоприятное расположение созвездий”, где было решено, что пусть уж лучше читает хоть вахмистр, а только не возбудительный ум». Подводя итог деятельности Вл. Соловьева, он писал: «Сын профессора, с большими правами на кафедру, он не получил “по независящим обстоятельствам” кафедры; внук священника, посвятивший памяти деда “Оправдание добра”, он был крайне стеснен в своих желаниях печататься в академических духовных журналах; журналист, он нес религиозные и церковные идеи, едва ли встречая для них распахнутые двери в редакциях»[4].

Основным делом жизни для Вл. Соловьева стало создание христианской философии, так как он мечтал преодолеть отчуждение современного ума от христианства. Он шел к этому разными путями: и путем христианской философии, через познание Бога («Чтение о Богочеловечестве»); и путем теократии, ища справедливости, основанной на христианских идеях общественного порядка («История и будущность теократии», «Россия и Вселенская Церковь»); и путем теургии, мечтая о пересоздании духовной жизни, согласно божественной истине («Оправдание добра», «Смысл любви»). Философия Соловьева по своему характеру является антропоцентричной, так как он признает в человеке вершину Божественного творения, а рождение мира в его учении совершается Богом совместно с человеком, который также выразил божественную идею гуманности. В IX главе «Чтения о Богочеловечестве» Соловьев писал: «Чтобы способствовать совершенствованию человека, Бог вступил в земной исторический процесс как Богочеловек Иисус Христос. Своим словом и подвигом Своей жизни, начиная с победы над всеми искушениями нравственного зла и кончая воскресением, то есть победой над злом физическим – над законом смерти и тления, – действительный Богочеловек открыл людям Царствие Божие»[5]. Говоря о нравственной роли христианства в духовном единении человечества, Владимир Соловьев искал слова и аргументы по-журналистски хлесткие. Вслушайтесь в его речь: «С тех пор как люди разных народностей и общественных классов соединились духовно в поклонении чужому нищему галилеянину, которого как преступника казнили во имя национальных и кастовых интересов, внутренне подорваны международные войны, бесправность общественных классов и казни преступников»[6].

Соловьев убежден, что христианство способно преодолеть нецельность мира, примирить в великом синтезе небо и землю, тело и дух. В процессе совершенствования поддерживают человека, кроме милости и сверхъестественной Божественной помощи, три первичных атрибута человеческой природы: стыд, жалость и благоговение. Человек стыдится своей животности и проявляет половой стыд. Жалость и сочувствие проявляются человеком ко всем живым существам, обнаруживая его солидарность с ними. Солидарность является непременным условием общественной жизни. Чувство благоговения выражает специфическое отношение человека к высшим началам и является индивидуально-психическим корнем религии[6]. Эти три чувства и составляют гуманистическую систему координат, ибо они выражают специфическое отношение человека к тому, что он считает ниже себя, равным себе и выше себя. В основе этих трех чувств лежит стремление человека к цельности собственного бытия[7]. Соловьев рассматривал христианство как религию жизни и абсолютной полноты духовного и телесного бытия, поэтому большое внимание уделял учению о преображении плоти, то есть одухотворению материи, воскрешению тела.

Неортодоксальность мысли Вл.Соловьева вызывала внутреннее сопротивление в кругах

современных ему христианских мыслителей. Человек действия, он не просто мечтал о союзе православной и католической церквей, но предпринимал в этом направлении решительные шаги, чем тоже вызвал общее неудовольствие. Соловьев стоял вне рамок конфессиональных вероисповеданий и стремился быть универсальным христианином. Он был уверен и говорил открыто, что пока утверждают в первую голову религию в ее сектантской обособленности и только после этого как вселенское христианство, – этим самым у религии отнимают не только здравый смысл, но и нравственное значение. Он начал писать в семидесятых годах XIX века, а настоящих читателей и почитателей получил только в первые годы следующего столетия, будучи уже за пределами земного бытия.

Вслед за Кантом и вопреки Чернышевскому, Вл. Соловьев утверждал самоценность красоты. Для Канта красота – «бесцельная целесообразность», для Соловьева красота есть «переставшая действовать полезность», «воспоминание о прежней пользе»[8]. В отличие от Канта, в эстетических воззрениях Соловьева нравственный порядок (то есть добро и истина) для прочности должен опираться на материальную природу, но это вещественное бытие может быть введено в нравственный порядок только через одухотворение, то есть в форме красоты. «Красота нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира»[8]. Иными словами, красота, будучи телесным воплощением истины и добра, «полезна» в высшем, «спасительном» для мира смысле, как идеальное состояние, к которому человечество должно стремиться. Конечно, Соловьев прошел школу Канта, непрерывный диалог с немецкой философской культурой помогал осознанию собственной философской проблематики. Принцип Соловьева: «Правда, что существа другие подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним так же, как к себе» – двойник категорического императива Канта. Но не потому он действует в общественных связях, что люди равны перед законом, а потому, что они одинаково любимы Богом. Разница в основаниях западной и русской трактовки категорического императива очевидна.

Не случайно В. Розанов, относившийся к Вл. Соловьеву «разнообразно», как одну «особенную» его заслугу отметил, что Соловьев первый в России стал заниматься темами и предметами самой философии, не коллекционируя мнений об этих темах западных философов. «Все они, русские философы до Соловьева, были как бы отделами энциклопедического словаря по предмету философии, без всякого интереса и без всякого решительного взгляда на что бы то ни было. Соловьев, можно сказать, разбил эту собирательную и бездушную энциклопедию и заменил ее правильною и единичною книгою, местами даже книгою страстною»[4].

Согласно эстетике Вл. Соловьева, художник призван одухотворить косный материал и, придав ему совершенную форму, освободить красоту от порабощения силами хаоса и зла. Таким образом, человек предстает в роли теурга, наделенного умением изменять картину мироздания, ибо для Соловьева мироздание еще не завершено: пройдя стадию космического творчества Мирового Зодчего, оно продолжает твориться в человеческой истории. Из сказанного следует, что не только человек нуждается в Боге, но и Бог – в человеке, что они встречаются друг с другом в процессе творчества, как ремесленник и Создатель.

Русский философ отводил человеку творческую роль. Человек у Соловьева не пассивный объект приложения созидательных божественных сил, а, в известном смысле, субъект созидания. Поскольку в своей жизни человек сталкивается не с законченным результатом творения, а с разворачивающимся процессом, постольку его задача заключается в претворении абсолютной, то есть божественной красоты. А это есть не что иное как искусство. Такое искусство В. Соловьев и назвал теургией, такого художника он именовал теургом.

Соловьев считал, что всеединство осуществляется в действительной красоте[9]. Именно осуществляется, но еще не есть. Красота природы – только «покрывало, наброшенное на злую жизнь». Преобразить ее, сделать так, чтобы действительность облеклась в телесный идеал истины и красоты – дело человека.

Русская философия XX века вела бесконечный диалог с Вл. Соловьевым. Николай Бердяев в «Смысле творчества» как бы продолжил мысли Вл. Соловьева, но продолжил, парадоксально заострив их. Бог, по мысли Бердяева, «отработал свою творческую неделю, и теперь дело за человеком», получившим «в наследство» от Бога этот мир. Согласно теории Бердяева, в XX веке наступил «восьмой день творения»[10].

Второй волне символистов – младосимволистам – суждено было открыть для себя софиологию Вл. Соловьева. С особым благоговением совсем юные Андрей Белый, Сергей Соловьев, Александр Блок читали его стихи, которые стали для них источником миросозерцания. Все, что было связано с учением о Вечной Женственности, имело для будущих поэтов роковое значение.

Совершенно особую роль играла софиология в творчестве Владимира Соловьева; София предстала в качестве наиболее мистического элемента созданной им системы «положительного всеединства». Соловьев полагал, что в России идея Софии глубоко укоренена, она присутствует в национальной культуре как «социальное воплощение божества в Церкви Вселенской»; это позволило ему говорить об особой роли русской культуры в становлении вселенского человечества, в его, человечества, единстве.

София – значит мудрость, «жизненно оформленный ум»; она выступает посредником между абсолютным Единством и тварным миром[11]. Таким образом, история становится восхождением человечества из состояния тварной несвободы к стадии Богочеловечества. София при этом проходит цикл от предвечной божественности, через воплощение в конкретной индивидуальности до самораскрытия в универсальном Богочеловечестве.

Для Соловьева важен момент воплощенности Софии, ее осуществления в материи, в конкретности. И русских символистов-соловьевцев больше всего пленил интимно-романтический аспект соловьевского восприятия Софии, который выражен в эмоциональном переживании, в ряде видений, когда София являлась то в облике женщины, то как чистая красота природы, мироздания. В поэтических опытах Соловьева (в поэме «Три свидания») София выступала как эстетический феномен: как Вечная Женственность, как носительница Истины, Добра и Красоты. Символисты были внимательными читателями Соловьева. Слова его воспринимались как Священное Писание. «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то спрашивается: кто установил эти пределы?»[8] На художника возлагалась задача Господа Бога – творить жизнь. Искусство становилось жизнетворческой миссией. Художник – теург, его творчество – теургия, его цель – сотворить мир по законам красоты.

Есть основание полагать, что русская философия XX века развивалась, постоянно оглядываясь на открытия, совершенные Владимиром Соловьевым. Он стоял у истоков русской религиозной мысли, которая после 1922 года, когда на просторах нашей великой родины установилась безрелигиозная действительность, поражала западные умы тем, что на излете второго тысячелетия вся была обращена к проблематике первых веков от Рождества Христова. Безрелигиозный быт советской России и религиозное философствование эмигрантов были разделены не только в пространстве, но и во времени. Оказалось: России было что хранить, она обладала потенцией к дальнейшему развитию, к сожалению, насильственно прерванному. Это предрекла «русская Кассандра» А. Ахматова еще в 1915 году:

Думали: нищие мы. Нету у нас ничего.
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

Владимир Соловьев являл собой воистину ренессансную фигуру: философ, поэт, журналист, проповедник, религиозный деятель, человек поступка. В русском духовном пространстве он значил так много, что не найдешь деятеля культуры, который промолчал бы о роли Соловьева[12]. Даже Валерий Брюсов, чьи первые стихи были публично осмеяны Вл. Соловьевым в цикле статей, – и тот скажет слово благодарности. Даже Мережковские, мимоходом получившие от Соловьева хлесткие клички, – и те отзовутся. А Розанов, при жизни не ладивший с Соловьевым, называвший его «танцором из кордебалета», «блудницей, бесстыдно потрясающей богословием», «татем, прокравшимся в церковь», – и он после смерти Соловьева склонит свою непокорную главу и признает заслуги философа. Что говорить о Блоке, Белом, Сергее Соловьеве, которые именовали себя сектой соловьевцев!

И дело не в формальных словах и похоронных повязках!.. Какую тему русского Серебряного века ни начнешь изучать, везде в изголовье – Вл. Соловьев. Русская религиозная философия, положительная эстетика, учение о Богочеловечестве, оправдание добра, русский символизм, русское софианство, русский эрос – везде луч-

шие, фундаментальные работы принадлежат перу Вл. Соловьева. К этому стоит добавить мнение, когда-то высказанное К. Мочульским, а теперь ставшее общепризнанным, что Соловьев создал законченное и цельное эстетическое учение, оно легло в основание новой школы – символизма, теоретики которого – Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Дмитрий Мережковский – были его, Соловьева, учениками[13].

Художественная критика Соловьева способствовала пробуждению нового поэтического сознания в русском обществе и подготовила русский культурный ренессанс начала XX века. Владимир Соловьев, равно боровшийся с утилитаризмом в литературе и с теорией «искусства для искусства», учил о высоком призвании художника, писал о пророческом значении поэзии и предсказывал, что новое искусство будет реальным преображением жизни.

Когда шли споры о восстановлении в Москве храма Христа Спасителя, художник-график Ю. Селиверстов предложил такую идею: не восстанавливая храм, восстановить его очертания при помощи неких светящихся конструкций, чтобы, побеждая мрак, светился этот храм, как костер в ночи, как живая память истории. Наверное, такова роль Вл.Соловьева в нашей культуре – огненными контурами обозначил он на горизонте спектр русского философствования и высоту его мысли; и люди, занимающиеся философией в России, всегда будут его видеть.

Фридрих Ницше (1844–1900) в общественное сознание русских читателей вошел в 90-х годах XIX века; вначале, как водится, донеслись злобные замечания из переводных западных изданий типа «Вырождения» Макса Нордау (1894). Этот расторопный ваятель поверхностных характеристик и односторонних оценок назвал Ницше сумасшедшим, а его читателей – кучкой «прирожденных преступников, отличающихся слабостью воли, и наивных дураков, опьяняющихся созвучием слов»[14]. Нордау не столько повредил Ницше, сколько привлек к нему интерес: русский читатель, сформировавшийся в подцензурной обстановке, научился понимать, кого могут «тупо ругать» или «умно хвалить». В похвалах тоже не было недостатка. Были опубликованы переводные исследования о Ницше Лу Андреас-Саломе (1896), Ф. Риля (1897), А. Лихтенберже (1899).

В 90-х годах появились русские журнальные публикации о Ницше; в них обращалось внимание на сокрушительную «критику морали альтруизма» (В. Преображенский), на «разрушение христианства во имя язычества» (Н. Грот), на «человеконенавистнические до цинизма» взгляды Ницше (Л. Лопатин). В последние годы уходящего века был создан завершенный портрет Ницше, возможно лишенный полета, но не лишенный сходства. Так писали крепостные художники: «Безграмотно, но похоже!» Похоже не столько даже на Ницше, сколько на воспроизводимый из статьи в статью клишированный образец. На нас со страниц изданий смотрит декадент, имморалист, сторонник рабства, безбожник и проповедник зла. Появилась и кличка – у нас за этим дело не станет: «лишний человек», «умная ненужность», «обломовец», ну а здесь, конечно, – «ницшеанец»!

В 900-х годах все изменилось. Пиком популярности Ницше все признают рубеж столетий – тогда вышло первое восьмитомное собрание сочинений Ницше на русском языке под редакцией А. Введенского[15], которое через два года было повторено и расширено[16]. А в 1909 году было начато издание полного собрания сочинений Ницше под редакцией Ф. Зелинского, С. Франка, Г. Рачинского, Я. Бермана и при сотрудничестве А. Белого, В. Брюсова, М. Гершензона[17], которое осталось незавершенным.

Учение Ницше победно шествовало по России, и, наверное, самое убедительное свидетельство популярности немецкого философа – приверженность к нему писателей не только даровитых и прославленных, но и средней руки: П. Боборыкина («Перевал»), М. Арцыбашева («Санин»), А. Вербицкой («Вавочка»), Г. Чулкова («Сатана»). Как заметила М. Коренева, современный исследователь Ницше, в том, с какой стремительностью идеи Ницше «вышли на улицу», скрывался какой-то чудовищный парадокс – именно Ницше, с его ярко выраженным презрением к «толпе», «массе», оказался жертвой этой самой толпы[18]. Впрочем, не будем пренебрежительны к писателям средним, ведь время давит на них с той же неумолимостью, только выразить свою муку им не дано. Такой человек, как Ницше, выстрадал их беду на целое поколение раньше других: то, что он вынес в одиночестве, никем не понятый, на рубеже двух веков испытывали тысячи.

Необычайно интересно было выяснить, не существовало ли в русской культуре талантов, в чьем творчестве выявилась проблематика Ниц-

ше; стали анализировать философское наследие прошлого и современности в поисках русского Ницше. И нашли. Л. Шестов – в Федоре Достоевском, В. Розанов – в Константине Леонтьеве, Д. Мережковский – в Василии Розанове, а Вл. Соловьев – в Михаиле Лермонтове. В Ницше открывали каждый свое: Вл. Соловьев – сверхфилолога, Брюсов – эстета, Вяч. Иванов – культуролога, Михайловский – социал-демократа, Ясинский – большевика.

В силу огромной популярности философии Ницше его идеи использовались в превращенной, а отнюдь не в адекватной форме. Н. Михайловский, например, увидел в Ницше борца с социальной несправедливостью, какого-то немецкого революционера-демократа, пламенного атеиста с базаровской нигилистической кровью. М. Протопопов, словно продолжая мысль Михайловского, говорил: «Без дерзкого ницшеанства не было бы и самоуверенного марксизма»[19]. В таком же духе писал о Ницше будущий нарком просвещения А. Луначарский, для которого имя немецкого философа было символом разрушения старого общества, а его «сверхчеловек» – идеалом нового человека-борца, готового сражаться за светлое будущее человечества, в котором воцарится равноправие и справедливость.

Как согласовать столь разноречивые суждения и почему Ницше считали своим и будущие религиозные философы, и будущие большевики, и символисты, и реалисты? И даже тот, кого впоследствии поименуют «классиком социалистического реализма», «великим пролетарским писателем», – Максим Горький в начале столетия откровенно признавался (когда за откровенность не нужно было платить жизнью), что читает Ницше с удовольствием, а многие современники Горького, от Н. Минского до Т. Манна, называли горьковских героев «ницшеанцами» или «сверхбосяками»[20]. Наверное, в самой манере философствования Ницше было нечто, глубоко задевающее, больно ранящее, надолго остающееся в памяти. Иногда кажется, что его мысли и афоризмы напоминали, если выражаться образно, не хлеб, который можно съесть, а зерно, которое нужно вырастить, собрать, перемолоть в муку, замесить хлеб, и только после этого можно получить желаемую пищу. Но в ней уже будет частица собственного усилия.

Фридрих Ницше предложил своим читателям совершенно новый тип философствования. После сложных философских построений, после гегелевских триад, кантовских «вещей в себе» и категорических императивов – полет фантазии в мир Аполлона и Диониса, Ариадны и Минотавра. Читатель слышит голос иранского пророка Заратустры и понимает, что мудрость может быть злой и веселой. На рубеже веков Ницше воспринимали не как философа-догматика, а как поэта. Благодаря Ницше в поэзии и литературной критике воскрес дух античного философствования. Мифологизированные поэтические образы Аполлона и Диониса, Орфея и Эвридики, Ариадны и Минотавра, Зевса и Европы, Одиссея, Навзикаи и Пенелопы вновь стали предметами литературоведческих штудий и феноменами поэтического творчества.

Познавая Ницше, открыл в себе философа 25-летний С.Л. Франк: «Я был потрясен – не учением Ницше, – а атмосферой глубины духовной жизни, духовного борения, которой веяло от этой книги (“Так говорил Заратустра”. – *Т.Ё.*). С этого момента я почувствовал *реальность духа,* реальность глубины в собственной душе – и без каких-либо особых решений моя внутренняя судьба определилась»[21]. Бердяев, работая над «Смыслом творчества», взял себе Ницше в союзники, увидев в нем собственного предтечу: «Заратустра проповедует творчество, а не счастье, он зовет к подъему на горы, а не к блаженству на равнине»[10]. С интересом вглядывался в личность немецкого философа Л.Шестов. В драме Ницше, по мысли Шестова, была заключена некая тайна, некое предчувствие и предвестие русских судеб[22].

Но больше всех интересовался Ницше и хотел писать о Ницше Вл. Соловьев. Поначалу он отнесся пренебрежительно-недоверчиво к творчеству базельского счастливца (тогда он почему-то счел Ницше очень благополучным человеком). В последние годы жизни Вл. Соловьев неоднократно упоминал о Ницше в разных статьях: «Словесность или истина» (1897), «Идея сверхчеловека» (1899), «Особое чествование Пушкина» (1899), «Против исполнительного листа» (1899). Чувствовалось, что Ницше не дает ему покоя. Соловьев критиковал Ницше с позиции религии, говоря, что красоту нельзя вычленять из религиозного контекста. Центральным, а потому и наиболее важным для полемики, Соловьев считал у Ницше образ сверхчеловека. Русский философ внутренне полемизировал с немецким, искал аргументы, «отмахивался» от него, как от назойливой мухи,

давая смешные прозвища («сверхфилолог», например). Ницше не сходил у Соловьева с языка, он превратился в «единицу измерения», которой «измерялась» русская классика: например, М.Ю. Лермонтов стал именоваться ницшеанцем.

За всем этим стояла серьезнейшая проблема, при решении которой не помогали ни смех, ни колкости, ни наскоро написанные статейки, в которых Соловьев противопоставлял «сверхчеловеку» Ницше Богочеловека Иисуса Христа, победившего смерть. Он видел в сверхчеловеке Ницше величайшую опасность, грозящую христианской культуре, хотел дать критический анализ философии Ницше, спорил с его защитниками…

Кончина двух гениев, оказавших существенное влияние на развитие философской мысли XX столетия, пришлась на 1900 год – год смены веков и вех. Оба они – Владимир Соловьев и Фридрих Ницше – определили круг проблем надвигающегося века. Один называл себя христианином, оправдывал добро, мечтал о Богочеловечестве. Другой называл себя антихристианином, сокрушал моральные заповеди, мечтал о сверхчеловеке и сверхчеловечестве. Так ли уж они далеки друг от друга, как казалось век назад? Ницше и Соловьев, а вслед за ними другие мыслители Серебряного века выступали против обожествления человека, только Ницше придал этому протесту беспримерную силу и страсть. С. Франк весьма проницательно высказался по этому поводу: «Несмотря на весь антирелигиозный и антихристианский пафос Ницше, его отказ от поклонения человеку в его эмпирическом, ординарном, природном – или, как он сам выражается, “человеческом, слишком человеческом” – существе обнаруживает некоторое подлинно религиозное устремление его духа и содержит напоминание о некой фундаментальной забытой правде»[23]. В мечтаниях Ницше о сверхчеловеке содержится также некое прозрение: что человек в его чисто природном существе есть уклонение от высшей идеи человека, что истинно человечно в человеке его высшее, сверхчеловеческое – богочеловеческое существо, а природно-животное начало должно быть преодолено и просветлено.

Вторит С. Франку Н. Бердяев, который уверен, что ненависть Ницше к последнему человеку, изобретшему счастье, есть священная ненависть: «Он проклял добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих. Муку Ницше мы должны разделить, она насквозь религиозна»[10].

Символисты первые в России прочитали Ницше по-особому, их внимание было сосредоточено на его ранних сочинениях – «Рождение трагедии из духа музыки» и «Так говорил Заратустра». В мире этих творений символисты чувствовали себя свободно: здесь можно было давать волю воображению, давать собственную трактовку предложенным Ницше героям и сюжетам, вовлекать в круговорот философской мысли другие мифологические образы.

«Рождение трагедии из духа музыки» – первенец Ницше, это необычайное произведение, в каком-то смысле это идеальный культурологический трактат, где, по точному замечанию А. Аствацатурова, «частная филологическая проблема превращается у Ницше в проблему судьбы культуры»[18], ее генезиса; ему удалось увидеть, как отдельные элементы архаических культур создают феномен греческой трагедии, как участвуют в этом создании «дионисийское» и «аполлоническое» начала, и спроецировать это на современность.

«Развитие искусства, – писал Ницше, – связано с двуединством *аполлоновского* и *дионисийского* начал, подобно тому, как продолжение рода человеческого зависит от двойственности полов»[18]. Аполлон – бог всякого пластического творчества, он создает чудесные иллюзии мира сновидений и мира поэзии. Дионис – бог поющих и танцующих людей, его стихия не сновидение, но опьянение; чары Диониса не только обновляют союз человека с человеком, но зовут людей в мир природы. В колесницу Диониса, победно шествующего по земле, запряжены пантера и тигр. Отныне звери получили дар речи, а в человеке зазвучало нечто сверхъестественное – он чувствует себя богом, он больше не художник, он стал произведением искусства. В Аполлоне живет этическое начало культуры, он требует от своих приверженцев: «Познай самого себя!» и «Знай меру!» Всякая чрезмерность, всякое высокомерие – главные злые духи для аполлоновской сферы.

Однако и Аполлон не мог жить без Диониса! Дионисийское и аполлоновское начала синтезировались в греческой трагедии и в европейской культуре. Человеческая культура всегда антиномична, в ней видны попытки дионисийского стихийного бунтарства и аполлоновская жажда обуздания стихии. Дионисийский тип культуры связан с творческим отношением к миру, в основе этого типа лежит трагическое мировосприятие,

мистическое «схватывание» целостности и гармонии вселенной. Однако предельное развитие дионисийского начала ведет к «размыванию» границ искусства, к «хаосу аффектов», равно как и предельное развитие аполлоновского начала чревато для искусства, так как ведет к его стереотипизации, к рационализму и культу посредственностей.

Художники Серебряного века «припали» к Ницше, потому что, как и он, видели в культуре участие божественных стихий, ремесло Бога, потому что вкладывали в искусство абсолютный смысл. Зачарованные Дионисом, они хотели не только создавать художественные произведения, но творить искусство из собственной жизни, собственная жизнь воспринималась как материал для искусства и даже как произведение искусства.

Примечания

[1] *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. – М.: Мол. гвардия, 2000. – С. 576.

[2] *Синеокая Ю.В.* Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 9.

[3] *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. – М.: Республика, 1997. – С. 173.

[4] *Розанов В.В.* Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 133; 433.

[5] *Соловьев В.С.* Собр. соч.: В 10 т. – СПб.: Просвещение, 1911. – Т. 3. – С. 204.

[6] *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 365; 130.

[7] *Петер Э.* Идея Богочеловечества в философии Владимира Соловьева // В.С. Соловьев и его философское наследие: материалы междунар. конф. – М., 2000. – С. 302.

[8] *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 354; 392; 404.

[9] *Бойков В.Ф.* Соловьиная песнь русской философии // Вл.С. Соловьев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 28.

[10] *Бердяев Н. А.* Философия творчества, культуры искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. – С. 117; 105; 106.

[11] *Хоружий С.С.* О старом и новом. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 155.

[12] О Владимире Соловьеве. – Томск: Водолей, 1997.

[13] *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – С. 64.

[14] *Нордау М.* Вырождение. – М.: Республика, 1995. – С. 259.

[15] *Ницше Ф.* Собр. соч.: В 8 т. – М., 1900.

[16] *Ницше Ф.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1902–1909.

[17] *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. – М.: Московское книжное издательство, 1909–1912.

[18] *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза. – СПб.: Художественная литература, 1993. – С. 9; 24; 136.

[19] *Протопопов М.* Критические статьи. – М., 1902. – С. 45.

[20] Максим Горький: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 381.

[21] *Франк С.Л.* Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 561.

[22] *Шестов Л.* Избранные сочинения. – М.: Ренессанс, 1993. – С. 57.

[23] *Франк С.Л.* Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. – М.: Факториал, 1998. – С. 45.

Кашина Наталия Константиновна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

МОЛИТВА В. РОЗАНОВА

Споры о том, был ли В. Розанов верующим человеком, христианином, вряд ли могут прийти к однозначному решению. В предлагаемой статье поставлен другой вопрос: как наполняется смыслом слово, обращённое к Богу? Высказываниям мыслителя о подлинности веры Розанов-писатель придаёт особую выразительность, используя новые для того времени приёмы. Вхождение в молитвенное «молчание» было пережито в русской поэзии Ф. Тютчевым и А. Фетом. Обращение к их стихотворениям помогает понять своеобразие розановских текстов.

***Ключевые слова**: молитва, акафист, онтологизм, семантическая напряжённость текста, графическая форма, многоуровневая реальность текста.*

А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;
Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.
(Матфей 6: 7–9)

«Насколько иссякает в нас сокровище веры, настолько мы начинаем тревожиться идеалами, которыми живут другие Церкви – безбрежным развитием внутреннего чувства и субъективного мышления, или заботами о судьбах человечества и его внешнем устроении. Этими заботами мы силимся наполнить пустоту, которая образуется в нашей душе с утратой веры…», – писал В. Розанов в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» [4, с. 154]. Для самого же В. Розанова, как истинного сына своего времени, вопрос о подлинной вере был далеко не праздным. Несмотря на все перипетии пути к истинной вере, он целеустремлённо и неотступно двигался к ней.

Сменив философию «понимания» на философию «жизни», В. Розанов и в вере ищет не рациональной убедительности, а непосредственного чувства. Единение с Богом наступает, по его мнению, в непосредственном обращении к Нему, в молитве. Если и раньше писатель не раз убеждал и себя, и своих читателей в том, как необходима человеку вера, то после болезни «любимого Друга», Варвары Дмитриевны, вера стала единственным его пристанищем. В этом смысле «Уединённое» есть не что иное, как погружение в религиозность.

«И вовсе я не был постоянно с Б., а она; а я – видя постоянно её с Б. – тоже угвоздился к Богу.

Впрочем, с университета (1-й же курс) я постоянно любил Его…», – пишет В. Розанов в «Опавших листьях» [5, с. 280].

Однако именно в связи с болезнью жены смерть впервые открылась как реальность, страх потерять единственно близкого человека стал доминантой в отношениях с реальностью. Именно через молитву приходит к нему понимание значения близких людей: матери, «друга», а сама молитва становится подлинным откровением.

В письме Э. Голлербаху от 26 октября 1918 г. В. Розанов и своё литературное творчество явно соотносит с молитвой, определяя его сущность следующим образом: «“После Гоголя и Щедрина – Розанов с *его молитвою*”.

Ах, так вот где суть… Когда зерно сгнило, уже сгнило: тогда, на этом ужасающем “уже”, горестном “уже”, слёзном “уже”, что оплакано и представляет один *ужас небытия и пустоты*, полного – становится безматериальная *молитва*…

Ведь в молитве нет никакой *материи*
Никакого нет *строения*
Построения
Нет даже *черты*, *точки*…
Именно –
Тайна –
в его *тайне*
Чудовищной, *неисповедимой*.
Рыло. Дьявол.
Гоголь. Леший.
Щедрин. Ведьма.
Тьма истории.
Всему конец.
Безмолвие. Вздох.
Молитва. Рост.
“*Из отрицания – Аврора, Аврора с золотыми перстами*”.

Ах! так вот откуда в Библии так странно, “концом наперёд”, изречено: “и бысть *вечер* (тьма,

© Кашина Н.К., 2011

мгла, смерть) и бысть *утро – День первый*". Разгадывается *Религия*, разгадываются построения и *История*.

Строение *Дня*…

и вместе устройство *Мира*.

Боже, Боже… Какие тайны. Какая судьба.

Какое *утешение*.

А я то скорблю, как *в могиле*. А эта могила и есть *моё Воскресение*…» [4, с. 526].

Обратим внимание: приведённый текст поместил В. Розанов в частном письме, хотя он явно предназначен для публикации. Строфика, курсивы, своеобразная пунктуация – всё говорит об особой выразительности и значимости этого текста. Графическая форма приобретает подчёркнутый семантический статус; так, отсутствие пунктуационных знаков сигнализирует об особенной семиотической напряженности.

Уже в самом начале текста (стихотворения) обращает на себя особое внимание пунктуация, а точнее – её отсутствие. В первых четырёх строках отсутствует разделение/соединение через запятую, при этом подчёркивается «безматериальность» его индивидуальной, розановской, молитвы. Смысл отсутствия знаков препинания, вероятно, в том, чтобы создать эффект ненаписанности: «Нет даже *черты, точки*». Отсутствие пунктуационных знаков в поэтическом тексте будет актуально у футуристов; интересно замечание С. Друговейко, из наблюдений которого над языковым знаком в поэзии постмодернизма следует, что отсутствие знаков препинания в тексте служит, в конечном итоге, возможности словоформам включаться во множество сочетаний [1]. В приведённом розановском тексте реализуется также и полная свобода молитвенного слова, никак не упорядоченного человеком, слова, которое «было у Бога». В отличие от этого тайного слова, литература, обозначенная через знаковые для Розанова имена Гоголя и Салтыкова-Щедрина, ведёт в «тьму истории», к концу самой литературы.

О высокой семиотической насыщенности творчества В. Розанова можно судить по виртуозному владению графическими и пунктуационными возможностями написанного текста:

ЕГИПЕТ

…мерцания, мерцания, мерцания…
…не вижу и вижу, не вижу…
…туман, небо, облако…
…если начало жизни…
…les origins de la vie…
…initia vitarum …
…сокровища жития…

Текст этот является сложным семантическим единством. В приведённом фрагменте строки объединены одним формальным приёмом: многоточие в начале и в конце каждой из них. Следует отметить также присутствие в нём французской фразы (происхождение жизни «les origins de la vie») и латинской (начало жизни «initia vitarum»). Отсутствие привычной упорядоченности и последовательности синтаксиса необходимо для того, чтобы передать изначальное состояние мира, а слова «мерцание», «туман», «небо», «облако» делают совершенно оправданной строчку «…не вижу и вижу, не вижу и вижу…», но именно в этом первоначальном хаосе и мерцают «…сокровища жития…».

Затем идёт чёткая, и даже жёсткая, синтаксическая структура, подчёркнуто-графичная:

Всё это если
БОЖЕСКОЕ,
– то и
ОН БОГ НАШ
Вечно ЖИВ, вечно СУЩ…
……..
……..
……
…… [7, с. 291–292].

Графическая семантика выражает невербальную многоуровневую реальность текста. *Первый уровень*: мерцающий хаос с чужим, иноязычным, обозначением идеи начала и происхождения жизни; *второй уровень*: признание Вечносущего Бога, где графически закрепляется ритм и интонация фрагмента (переносы строки – паузы, заглавные буквы – утверждающая интонация); *третий уровень*: отточие, обозначающее отсутствующие четыре строки, – пауза, преобразование внешней речи во внутренний жест.

Парадокс В. Розанова, его восприятия, заключается в том, что он ничего не скрывает от своего читателя, а наоборот: предельно откровенен, до обнажённости откровенен, творчество его – это бесконечное «минус-художественность» с декларацией отсутствия каких-либо *скрытых* приёмов в текстах. Он, действительно, уходит от привычного материала, воплощения в *материале литературы* своего *сокровенного, тайного* слова. При этом логично предположить, что сама *обнажённость* стала в его творчестве особым стилевым приёмом.

В анализируемом фрагменте из письма Голлербаху развёрнут отчётливый внутренний сюжет – *движение к молитве*: умирание слова (Гоголь, Щедрин) – безмолвие – вдох-молитва. За молитвой приходит созидание Мира: «Рост», «Строение Дня… и вместе устройство Мира». Так, очевидно, происходит и *рождение новой формы*: умирание литературы – безмолвие – обретение сакрального слова, а уже потом – рождение новой литературы. В Молитве живёт изначальное Слово, которое обретается через Безмолвие. Есть только онтологическое слово – оно и составляет тайну В. Розанова. Предчувствие этой тайны читаем у Тютчева в «Silentium»:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, -
Любуйся ими – и молчи [9, с. 61].

В поэзии А. Фета условно выделяется небольшой цикл стихотворений, микроцикл, посвящённый молитве [10, с. 230–231]. В первом стихотворении «Владычица Сиона, пред тобой…» произносится молитва, а сам акт молитвы указан в точных обстоятельствах: икона с изображением Владычицы Сиона, перед ней зажжена лампада. Но слова «Всё спит кругом, – душа моя полна Молитвою и сладкой тишиною» излишне декларативны. «Ты мне близка…» – пытается убедить поэт читателя, да и самого себя в интимной возвышенности своей молитвы, но истинным содержанием стихотворения является драматизм отношений героя и его избранницы. В следующем стихотворении точно означен предмет обращений – «Мадонна». В нём предпринята попытка постичь духовную суть образа Марии через произведения Рафаэля, повторяющая опыт А. Пушкина:

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлёшь, мой бог с пречистою Мадоной!

По свидетельству Г. Чулкова о Фете, «в идее Бога он всегда исходит от себя, от человека. Субъективно-идеалистическое представление о Боге определяет его веру и внутренний опыт» [11, л. 7]. Именно этот опыт и представлен поэтом в стихах, опыт прозревающей души.

И, наконец, сама молитва «Ave Maria». На первый взгляд, поэт повторяется, вновь обращаясь к Святой Марии. Но повторение это кажущееся. Начало и финал пути различны: напыщенности, внешней торжественности первого стихотворения противопоставлены искренность и естественность последнего. Оба стихотворения начинаются обращением, но если в первом – это помпезное «Владычица Сиона», то во втором – более мягкое «Ave Maria». Отличаются стихотворения и по интонации: первое достаточно энергично, строки неровны: «О нет! Прости влиянию недуга!», они звучат довольно жёстко (много односложных слов, часты стыки согласных: *пр*ед, по*кор*ною, сча*ст*лива, с *др*угим, из*бр*анным). Второе стихотворение – уединенная молитва, его действительно достаточно только прошептать. Это стихи, способные стать молитвой, обращенной к Богоматери, а слова «душу проникла твоя благодать» воспринимаются как истинное откровение, к которому стремился автор.

В розановской молитве оживает изначальное СЛОВО, которое проходит очищение через безмолвие. В данном случае пунктуация помешала бы ритмической организации текста, навязав ему интонацию перечисления, значительно упрощающую текст. Авторское «невмешательство» в данном случае не упорядочивает в иерархическом подчинении, а сохраняет *однорановую* независимость обретаемых слов.

Молитва В. Розанова, безусловно, прежде всего, является духовным подвижничеством, о чём он не раз заявлял: «Без молитвы совершенно нельзя жить… Без молитвы – “безумие и ужас”» [6, с. 280].

Заметим, с понятными оговорками, что молитва его живёт не в храме, а в комнате-келье, в доме. Она совершается по-домашнему. «Она никогда не читала перед образом, на коленях, – пишет автор о своей глубоко верующей жене. – Всегда сидя, – почему-то даже не на кушетке, а на кровати. Не помню положения ног, но – не лёжа. Скорей сжалась – и молится, молится “Всех скорбящих радости”.

В Луге уже не могла, и я читал ей. Она лежит на кровати, я стоял на коленях на полу, но оборотившись так, что она видела, – и я, “ещё подвернувшись”, тоже мог видеть – образ и перед ним зажжённую лампадку» [5, с. 473].

Давняя молитва матери стала едва ли не самым тёплым воспоминанием о детстве: «Только потом (из писем к Коле) я увидел или, лучше сказать, узнал, что она постоянно о нас думала и заботилась, а только “не разговаривала с дураками”, потому что они “ничего не понимали”. И мы, конечно, “ничего не понимали’ <…> И потом эта

память её молитвы ночью (без огня), и толстый "акафистник" с буро-жёлтыми пятнами (деревянное пролившееся масло), и как я ей читал (лет 7-ми – 8-ми, даже 5-ти?)…» [5, с. 241].

Не случайно в приведённых фрагментах упоминается именно акафист. Рассуждая о богослужении, Розанов заметил: «Народ не очень любит проповедь», а несколькими строками раньше читаем: «Православное богослужение есть уже проповедь: ведь проповедь есть научение, но литургия есть полный круг научения. Сверх коего не нужно ещё ничего человеку. О чём – в прекрасных эктениях – не молится диакон и с ним народ? – ничто не забыто: ни гроб, ни плавающие, ни победы Государевы, ни мир всего мира, ни благорастворение воздухов. "Иже херувимы" – разве не научение? <…> Каждение перед иконами, возгласы священника – до того проникнуто всё это смыслом и красотою <…> Но вот что церковь сбивает в кучу: это – акафист. Акафист – только молитва, и никакая часть литургии не вызывает такого умиления, жара, у многих – слёз, как акафист Иисусу или Божией Матери <…> Можно сказать – акафисты воспитали Русь» [8, с. 254–255].

Акафист, получивший особенно широкое распространение в российской Церкви в XIX и начале XX веков, являлся частью келейного правила и более располагал к личностному восприятию: священники должны были разъяснять, что его следует читать дома, в семейном кругу. Именно поэтому для Розанова домашняя молитва тождественна чтению акафиста. Вполне уместно в данном случае уподобление дома келье или церкви: «А по воскресеньям и накануне праздников – так это было хорошо. На старом (без употребления) подносе стоит ряд лампадок. Во все наливается масло. Это – в столовой, и стоят они с огоньками, как свечи "на кануне" в церкви…» [5, 473].

«Канун в церкви» для Розанова – едва ли не самое значимое место: именно через него ощущалась не только близость с душами родными, но и единство всей истории: «Первый раз *за усопшего* ставлю свечку "*на канун*". Всегда любил его, но издали, не подходя. Теперь я увидел дырочки для свеч в мраморной доске и вставил свою. Поклонился и иду ставить "к Спасителю' о болящей.

Продираюсь. Потно, душно. Какая-то курсистка подпевает "Господи, помилуй" певчим. "Буду ставить Спасителю свечки", – подумал. "Поможет". А задним умом всё думаю о "кануне" и что написал **"О упокоении души"**…

Как о "упокоении души?" Значит, она *есть… живёт…. Видит* меня, увы такого дурного и грешного… да **кто** всему этому научил?

– **Церковь**…» [5, с. 471–472].

В «Уединённом» есть ещё один важный фрагмент:

«Молитва – и ничего.

Или:

Молитва и игра.

Молитва – и пиры.

Молитва – и танцы.

Но в сердцевине всего – молитва.

Есть "молящийся человек" – и можно всё.

Нет "его" – и ничего нельзя.

Это моё "credo", – и да сойду я с ним в гроб.

Я начну великий танец молитвы. С длинными трубами, с музыкой, со всем: И *всё будет дозволено,* потому что *всё будет замолено*. Мы *всё сделаем*, потому что после всего *поклонимся Богу*. Но не сделаем лишнего, сдержимся, никакого "карамазовского": ибо и "в танцах" мы будем помнить Бога и не захотим огорчить Его.

"С нами Бог" – это вечно» [5, с. 122–123].

Повторенное неоднократно в столь малом объёме текста слово «танец» требует комментирования. Конечно же, в первую очередь напрашивается сравнение с эстетикой символистов, в частности – А. Белого, который буквально *вытанцовывал* свои стихи. Однако для В. Розанова танец – не просто часть мистико-эстетического ритуала, он КОСМИЧЕН. В «Апокалипсисе нашего времени» есть парадоксальные слова из фрагмента «PRIMUM MOVENS» (лат. «первая причина»).

«Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы…

Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы…

О пойте песни народы…

Знаете ли вы, люди, что настоящий восторг всегда нем.

……

Ах, так вот отчего эта безумная быстрота в обращении светил небесных… Оттого, что *немы* они и движутся…

"Тихо, беззвучно несутся миры".

……

Разве танец бывает криклив?

Танец. Волшебство. Всё тело движется, несётся.

Восторг теснит грудь. …» [6, с. 145].

И. Кребель, рассматривая философию, искусство, литературу Серебряного века как единый

опыт мысли, отмечает и качественные изменения в понимании веры: «Из эстетического опыта мысли вера приобретает статус *не верования в спекулятивный Абсолютный объект,* но *удостоверенности* в наличие Абсолютной инстанции, обоснованной живым экзистенциальным опытом. Вера как живой опыт снимает приоритет в выборе Абсолютного места, устраняя спекулятивную оппозицию трансцендентного/имманентного, переходит в режим жеста, действия, поступка. Посредством возвращения опытного, действенного элемента в аутентичное восприятие феномена веры, получают смысловое перезагружение ритуалы, культы, символы, знаки, а вместе с ними – пространство самой религии» [2, с. 71].

Нетрудно заметить, как легко проецируется розановское *вчувствование* в веру на обозначенную философом ситуацию. Он абсолютизирует непосредственный опыт настолько, что погружённость в *аутентичное восприятие* заменяет путь к личному преображению, подвигу, которые и есть смысл христианства. При этом, временами, осознание собственной *без*нравственности рождает в писателе и мыслителе сочувственное приятие христианства: «Зависимость моя от мамочки – как зависимость безнравственного или слабонравственного от нравственного.

Она всё ползёт куда-то, шатается, склоняется: а всё назад оглядывается.

И эта всегдашняя забота обо мне – как Провидение. От того мне страшно остаться одному, потому что я останусь без Провидения.

Ни – куда пойти.

Ни – где отдохнуть.

Я затеряюсь, как собака на чужой улице» [5, с. 504].

Текст этот сопровождается авторским примечанием, где В. Розанов поясняет слова «останусь без Провидения»: «Т.е. без некоторой тени его, осуществления его на земле, “осязательного” его» [5, с. 504]. «Друг», «мамочка» – слова, которыми называет автор свою вторую жену, порождены именно той «нравственной» любовью, которая делает его *со*участником веры: «И за годы, когда я постоянно видел возле себя молящегося человека, – мог ли я не привыкнуть, не воспитаться, не убедиться, не почувствовать со всей силой умиления, что молитва есть лучшее, главное» [5, с. 505].

И всё же для мыслителя, живущего архаическими формами бытия, действительно, как не однажды он сам признавался, не существует самого понятия «нравственность»; её заменяет подлинность переживания, покорность и абсолютное доверие Воле Божией. Он горячо надеется, что в своём молитвенном состоянии сможет пережить момент эпифании, богоявления, проникнуться Волей Творца. В таком случае свидетельством (признаком) аутентичности становится полнота и искренность ощущения причастности Высшей Воле, которая и осуществляется, по В. Розанову, в молитве.

В XIX веке вышло несколько изданий любопытной книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» [3], широко распространены были и рукописные копии этого произведения. Предание говорит о том, что авторство установить невозможно, текст рассказов был переписан на Афоне настоятелем Черемисского монастыря Казанской епархии игуменом Паисием. В 1911 г. было издано дополнение к этим рассказам из рукописей известного Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия «Три ключа ко внутренней молитвенной сокровищнице», в котором описывается путь к обретению духовных богатств. Предлагаются три ступени (способа) к внутренней молитве:

1) *частость* призывания имени Иисуса Христа;

2) *внимательность* к призыванию;

3) *вхождение внутрь* себя, или вхождение ума в сердце [3].

Описаны и благодатные воздействия молитвы: «Капсо Каливит однажды приложась к иконе Божией Матери, после двухгодичных докучаний Ей в молитве, вдруг ощутил сладость и теплоту, впавшую в сердце» [3]. Декларативный и истинный уход В. Розанова из литературы можно интерпретировать в данном аспекте как уход от внешнего слова к СЛОВУ внутреннему, в основе которого – глубочайшее стремление обрести единение с Господом. Но это путь не молитвенника-странника, отшельника, а человека своего времени. Он ищет свои способы добиться глубокой молитвы, обращаясь к непосредственно переживаемому опыту и создавая новую литературу.

К молчанию призывал Ф. Тютчев:

Лишь жить в себе самой умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум…;

к тихой молитве – Фет, В. Розанов же объединил обе интенции: его текст позволил вывести экзистенциальное состояние в эпифанию. Его молит-

ва сосредоточена на глубоком постижении высшей духовной сущности в непосредственном опыте переживания. Однажды высказав опасения о безбрежности развития внутреннего чувства и субъективного мышления, он в своей молитве не просто избежал многословия, а сделался поразительно скуп на слова, но при этом каждое появившееся в тексте слово стремится реализовать своё онтологическое значение.

Библиографический список

1. *Друговейко С.В.* Синкретизм языкового знака в поэзии постмодернизма // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2000. – Вып. 2 (№3). – С. 58–61.

2. *Кребель И.А.* Мифопоэтика Серебряного века: Опыт топологической рефлексии. – СПб.: Алетейя, 2010.

3. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wco.ru/biblio/books/strannik/HO2-T.htm (дата обращения 10.11.2010).

4. *Розанов В.В.* Мысли о литературе / вступ. статья, сост., комментарии А. Николюкина. – М.: Современник, 1989.

5. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. – М., 1990.

6. *Розанов В.В.* Собр. соч. Апокалипсис нашего времени. – М., 2000.

7. *Розанов В.В.* Собр. соч. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2002.

8. *Розанов В.В.* Сочинения / сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской; вступ. ст. А.Л. Налепина. – М.: Сов. Россия, 1990.

9. *Тютчев Ф.И.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. Стихотворения / подгот. текста и коммент. К. Пигарева; вступит. статья Л. Кузиной и К. Пигарева. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 61.

10. *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба. – Л.: Сов. писатель, 1986. – С. 230–231.

11. *Чулков Г.И.* Судьба Фета. – РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, д. 212, л. 7.

УДК 304.2

Корсакова Ирина Анатольевна
Российский государственный социальный университет (г. Москва)
korsak.rgsu@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается история музыки с точки зрения смены культурно-коммуникативного формата, прослеживаются закономерности эволюции музыкального искусства от истоков до настоящего времени. В центре внимания – проблема возникновения и ухода «опус-музыки» как важнейшего феномена классической музыкальной традиции.

***Ключевые слова**: музыка, коммуникация, история культуры, художественное произведение, пространство искусства, виртуальная реальность.*

Современное искусство многогранно. Для музыки XXI века характерно множество музыкальных стилей и жанров. Сегодня можно говорить о возвращении классики, о возрождении старинной европейской музыки в аутентичном исполнении; возрастает интерес к неевропейской музыке (восточной, африканской, южно-американской и североамериканской); большую популярность приобретает жанр мюзикла как выражение идеи синтеза искусств.

Несмотря на пестроту и многообразие европейской музыки, прослеживаются общие тенденции. В XX веке закончилась эпоха того, что музыковеды называют «опус-музыкой», и сегодня можно говорить об исчерпанности композиторской музыки как таковой. Сами композиторы говорят о «фундаментальных переменах не только в области музыкального искусства, но, может быть, и основах всего нашего жизнеустройства» [5, с. 6].

В формировании и развитии культурных процессов важнейшую роль играют способы и средства коммуникации, получившие научное определение «коммуникативный формат» [8]. На каждом уровне эволюционного развития возникает обеспечивающая его и соответствующая ему коммуникационная система. Таким образом, каждый этап развития человеческого общества создает средства коммуникации, обслуживающие его потребности. Социокультурная коммуникация является определяющим фактором измене-

 © Корсакова И.А., 2011

ний в культуре. Смена культурно-коммуникативного формата влияет не только на способы и средства музыкальной коммуникации, но и систему ценностей, художественно-эстетических ориентиров той или иной эпохи.

Рассмотрим эволюцию музыкального искусства с точки зрения смены культурно-коммуникативных форматов.

Для ранней эпохи характерен миметический коммуникативный формат. С возникновением речи возникает двухуровневая коммуникативная модель (опосредующим звеном которой является знак, символ). Этот период охватывает смену трех коммуникативных форматов: устного, письменного, печатного.

Опус-музыка не могла появиться в дописьменную эпоху, поэтому началом западноевропейской традиции можно считать эпоху античности, когда музыка стала фиксироваться в виде знаков-символов. Этот рубеж является началом «осевого времени». Ось мировой истории – в определении Ясперса, – факт, значимый для появления человека современного типа. Происходит большой прорыв – посвящение человечества в тайну неизвестных до сих пор возможностей. Начинается осмысление бытия в целом, самого человека и его границ.

Основной характеристикой «осевой эпохи», по Ясперсу, можно считать прорыв мифологического миросозерцания, которое составляло основу доосевых культур. Человек, будто впервые, пробуждается к ясному мышлению, возникает недоверие к непосредственному эмпирическому опыту, а также рационализация отношения к миру и к себе подобным. Именно в этот период появляются философы, впервые возникает проблема соотношения человека и мира.

Для человека доосевого времени существует только один пласт бытия. Восприятие сохраняет недифференцированное единство, явления (факты) не предстают отдельно от интерпретаций, нет восприятие формы как таковой: изображение какого-нибудь божества и само божество – одно и то же. Мы можем верить в иную реальность (религия или суеверия), но при этом оставаясь на земле (четкая граница: этот мир – иной мир). Для первобытного человека этой границы нет. Есть только одна реальность, причем не эта, а та.

Именно эпоха античности является началом искусства как реальности, созданной человеком в отличие от природных или космических явлений. По отношению к искусству музыки В.Мартынов пишет: «Музыка перестает быть некой неположной человеку данностью. Она уже больше не является ни потоком божественной благодати, ни потоком космической энергии, а в качестве причины и источника ее звучания мыслятся уже не некие ангельские хоры или небесные сферы, но свободное волеизъявление субъекта» [5, с. 221]. Это искусство приобретает эстетические свойства (выразительная форма, за пределами которой – трансцендентная область, доступная духовному прозрению). О возможности трансцендента за пределами художественной реальности размышлял Д. Андреев в своем произведении «Роза мира». Писатель называет это пространство Орлионтаной. Воспринимается она «духовным зрением» каждым, кто «хоть немного способен принимать инспирацию сил трансфизического мира через красоту» [1, с. 91]. В.Мартынов определяет эту область термином «сакральное пространство».

Вся музыка, созданная с античности до времени Палестрины и Орландо Лассо, существует в двух пространствах: в сакральном мире и в пространстве искусства одновременно. Это обстоятельство порождает удивительную ситуацию, при которой принцип онтологического присутствия сочетается с принципом переживания.

Аналогичная ситуация существует в отношении иконы. Ее можно воспринимать как произведение искусства, получать эстетическое наслаждение. Икона существует в двух пространствах: сакральном и художественном. В зависимости от коммуникативной направленности возможно различное отношение: онтологическое пребывание или эстетическое переживание.

До появления опус-музыки существовала григорианская певческая традиция. В отличие от композиторской музыки эта традиция представляет собой область не искусства, а «нерукотворную область священного, существующую помимо человека и его усилий» [5, с. 10]. В сакральном пространстве нет произведений как таковых: человек, участвующий в григорианском песнопении, становится «здесь и сейчас» причастным всей полноте этого пространства. Человек оказывается в месте присутствия сакрального и сам становится реально присутствующим в сакральном.

Искусство, считает В. Мартынов, начинается с появлением «вещи» (то есть музыкального произведения, опус-музыки), которая, не обладая сакральной реальностью, указывает на нее. По-

является новая реальность – реальность передачи и выражения. Таким образом, появляется выразительная форма, эстетическая сущность которой описана в работах А.Ф. Лосева.

Эстетика, согласно определению Лосева, есть наука о выразительных формах: «Эстетическое как нечто выразительное представляет собой диалектическое единство внутреннего и внешнего, выражающего и выражаемого и притом такое единство, которое переживается как некоторая самостоятельная данность, как объект бескорыстного созерцания» [4].

И вот здесь уже проходит граница между классической и неклассической культурой. Выразительная форма – двухуровневая модель: через анализ формы мы проникаем в замысел (философскую идею произведения или духовный мир композитора, художника). Другой вопрос, что важнее: сама форма или то, что она выражает? Но важно, что за формой стоит содержание – вторая реальность.

Классическая традиция породила новый коммуникативный формат, основой которого явился «семантический треугольник» (вначале в его простейшей форме (Г. Фреге), а затем «текстовый семантический треугольник» (А. Соколов)), состоящий из следующих элементов: 1) коды; 2) их материальные носители; 3) поверхностный смысл текста; 4) глубинный смысл, исходный замысел автора, определивший выбор знаков и способов кодирования [9, с. 229]. В модели А.В. Соколова «отчетливо разграничены глубинные смыслы (мораль) и поверхностные смыслы (повествование), которые наиболее ярко проявляются в баснях, притчах, загадках, поговорках. Любое художественное произведение (в том числе музыкальное) обладает идейно-эстетическим замыслом, не сводимым к сумме значений используемых знаков. Поверхностный смысл доступен всякому человеку, владеющему семантикой языка текста. Замысел зависит от намерений и целей, поэтому глубинный смысл можно постичь, только учитывая постоянно ситуативно изменяющееся отношений человек – знак» [9, с. 228].

Искусство предшествующего – классического в широком смысле слова – периода можно назвать музейным. Во-первых, это искусство – результат целенаправленных усилий художника (композитора, писателя, скульптора). Работа с материалом лежит в основе искусства. Во-вторых, это искусство создается для зрителей (читателей, слушателей). Триада «автор – опус – реципиент» лежит в основе классической коммуникативной цепи. В-третьих, это искусство глубоко символично. Семантический треугольник иллюстрирует эту особенность: за звуковой тканью скрывается художественная идея, которую композитор закладывает в свое произведение, а слушатель расшифровывает.

Перечисленные черты вскрывают сущность западноевропейской художественной традиции.

В XV веке был изобретен печатный станок. Открылась новая эра в истории культуры. Появился новый коммуникативный формат – печатное тиражирование. Произведение искусства получает новый статус – приобретает социальную ценность в системе опус-музыки. Искусство осваивает новую реальность – социальное пространство.

Предметом искусства становится не только человек и его внутренний мир, но и социум, влияние которого осознается все в большей мере. Содержание понятия «пространство искусства» не исчерпывается такими явлениями, как концертный зал, публика, артист, произведение, а включает в себя также и то, что обеспечивает существование этих явлений: музыкальные издательства, критику, филармонические общества, менеджеров, антрепренеров, министерства культуры и др. Все эти явления рассматриваются как составные части опус-музыки. В.И. Мартынов называет его «пространством производства и потребления», в нем создается «иллюзия существования искусства в сознании человека манипулирующего» [5, с. 16–17].

Пространство производства и потребления может существовать только потому, что симулирует собой пространство искусства и создает иллюзию существования искусства в сознании человека манипулирующего. Таким образом, уже на этом этапе произведения искусства перестают быть таковыми в полном смысле слова и превращаются в симулякры, берущие на себя функцию, которую раньше выполняли произведения искусства.

С изобретением компьютеров и сетевых коммуникационных технологий человечество вступило в новую, информационную эпоху. Изменилось отношение человека к миру. Изменилось искусство, точнее, мы наблюдаем уход опус-музыки из реальности XXI века.

В XX веке искусством становятся симулякры искусства. «Симулякр» – симуляция реальности.

Мы видим, слышим, чувствуем то, чего нет. Нам предъявляются псевдовещи, в которых мы пытаемся искать смысл (по аналогии с двухуровневой моделью), но его нет. И здесь скрывается главное отличие музыки XXI века от академической традиции – она не предназначена для исполнения ради эстетического удовольствия. Многие произведения современного искусства не являются опусами в точном смысле этого слова. М. Дюшан дает, например, такое определение: искусство – это то, на что я указываю пальцем и что вырвано из своих прежних утилитарных связей [6]. Искусство в новом понимании – лишь указатель на другую реальность, при этом само реальностью не является.

Интересно, что такая установка была характерна для первобытного мышления: «…Форма, рост, размер тела, цвет глаз – для первобытного человека, восприятие которого иначе направлено, такие черты – только знаки, проводники таинственных сил, мистических свойств, которые присущи всякому существу» [3]. В первобытном искусстве нет ассоциирования, нет и «вещей» как таковых, поскольку они – лишь указатели на единственную реальность, в которой живет первобытный человек, – мистическую реальность.

В новом искусстве с исчезновением выразительного слоя исчезает сама художественная реальность. В качестве трансцендента выступает виртуальное пространство. Оно существует вне и помимо человека. В нем нет и не может быть композитора и слушателя, автора и реципиента. О музыке доклассической традиции В. Мартынов пишет: «…Перерождение сакрального пространства в пространство искусства совершается тогда, когда реальное, онтологическое пребывание в сакральном подменяется переживанием сакрального, а это происходит тогда, когда на исторической сцене появляется человек переживающий». Эстетическое переживание (катарсис) – продукт европейской традиции. Сейчас наблюдается обратная ситуация – уход субъекта (автора и реципиента), а вместе с ним и выразительной формы из пространства искусства.

Искусство XX века ищет новые формы и создает новые художественные пространства: театр-школа, хэппенинг, перфоманс и др. Идея театра как совместного действия «здесь и сейчас» переходит в другие виды искусства. Примером может служить творчество студии «Гептахор», являющейся альтернативой балету (искусству в классическом понимании). Музыка в работе Гептахора – первопричина, из которой вытекает композиция. Музыкально-двигательная импровизация понимается как способность «здесь и теперь» ответить, откликнуться в движении на музыку [10]. Принципиальное отличие этого искусства в том, что от самовыражения в музыке человек переходит к выражению музыки через себя: от «я – в музыке» к «музыка – через меня». Новая художественная практика ориентирована не на зрелище, а на участие, совместное действие.

Для виртуального пространства характерно подлинное присутствие, динамическая непрерывность настоящего. Виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней. Н.А. Носовым введен термин «порожденность» [7]. Человек, погружаясь в виртуальный мир, легко в нем ориентируется и действует, для субъекта он объективен, «осязаем», существует. Парадоксальность такого бытия состоит в том, что «существует» то, чего, по сути, нет. Бытие такого рода не обладает сущностью, оно неэссенциально.

В. Мартынов совершенно верно обозначил современную ситуацию в музыке: «Дело совсем не в том, что все уже сказано – быть может, “в принципе”, можно сказать еще очень и очень много, но дело в том, что дискредитированным оказался сам акт высказывания, в результате чего любая попытка высказывания становится фактически лишенной смысла» [5, с. 235]. Современное искусство порождает как «мертвое пространство симулякров», так и «живое пространство

Таблица 1

Эпоха	Культурно-коммуникативный формат	Пространство искусства	Предмет искусства
доосевое время	миметический, устный	сакральное	трансцендент
классическая культура	письменный	художественное	человек
индустриальное общество	печатный	социальное	социум
постмодернизм	электронно-сетевой	виртуальное	симулякр

невозможностей искусства, или пространство постискусства» [5, с. 236.]. В любом случае музыкально-коммуникативная реальность может рассматриваться как виртуальная. Все признаки виртуальной реальности присущи ей в полной мере.

С появлением нового типа коммуникации исчезает двухуровневая семиотическая модель передачи музыкальной информации. Звуки, мотивы, фразы перестают быть «кодами» для шифрования и дешифрования музыкальных значений, смыслов, ценностей.

Таким образом, историю эволюции музыкальной коммуникации можно представить в виде таблицы 1.

Библиографический список

1. *Андреев Д.* Роза мира. – М., 1992.

2. *Костриков К.Н., Щербакова А.И.* Музыка в художественном пространстве отечественной культуры: истоки, становление, развитие, перспективы. Монография. Ч. 1: Истоки. – М.: Изд-во «Перспектива», 2009.

3. *Леви-Брюль Л.* Сверхестественное в первобытном мышлении. – М., 1994.

4. *Лосев А.Ф.* Эстетика // Философская энциклопедия. Т. 5. – М., 1970. – С. 570–577.

5. *Мартынов В.И.* Зона Opus Posth, или Рождение новой реальности. – М.: Классика-XXI, 2005.

6. *Мигунов А.С.* Vulgar. Эстетика и искусство во второй половине XX века. Вып. 9. – М., 1991.

7. *Носов Н.А.* Виртуальная реальность // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 152–164.

8. *Перцовская Р.Ф.* Динамика художественной коммуникации в современной культуре (на примере музыки): Дис. ... канд. культурологии. – М., 2003.

9. *Соколов А.В.* Метатеория социальной коммуникации. – СПб., 2001.

10. Центр музыкально-пластического развития «Гептахор» им. С.Д. Рудневой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.heptachor.ru/ (дата обращения: 10.12.2011).

11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

УДК 791.43

Стогниенко Александр Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
le_shevalier@mail.ru

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФИЛЬМА А.А. ТАРКОВСКОГО «ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ»

В данной статье рассматривается история создания фильма, начиная с идеи в дневнике Тарковского и заканчивая выходом фильма в свет. В ходе исследования было установлено, что первоначальная идея о судьбе одного человека, больного смертельной болезнью, трансформировалась в фильм, в котором на героя, переживающего апокалипсис, выпадает возможность спасти весь мир, все человечество, пожертвовав всем, что он имеет.

***Ключевые слова**: Апокалипсис, жертвоприношение, человек, ответственность, ведьма, аутодафе, слово, договор, Бог.*

Последний фильм Андрея Арсеньевича Тарковского «Жертвоприношение» начинается с созерцания фрагмента полотна Леонардо да Винчи, где художник изображает чашу, которую преподносит только что родившемуся Спасителю один из волхвов; «для последнего фильма режиссер выбирает темную и незавершенную картину» [3, с. 180]. Как и принято было в эпоху Возрождения, когда главное помещалось в центре произведения, логический центр здесь Дева Мария, Спаситель и один из волхвов. Центральные фигуры окружены незавершенными, лишь слегка прорисованными фигурами, смотрящими на происходящее с тревогой и отрешенностью от основного действия. Картина скорее представляет игру света и тени: создается ощущение, что вера и любовь переплетаются с тревогой и страхом.

Картина Леонардо да Винчи во многом является прологом фильма, предвосхищая события, которые произойдут непосредственно в нем, и служит предсказанием катастрофы-Апокалипсиса, молитвой о прощении своих грехов, грехов всего мира, готовности принести себя и всё, что

 © Стогниенко А.Ю., 2011

дорого и близко, в жертву. «Поклонение волхвов» очерчивает небольшой круг действующих лиц, акцентирует внимание зрителя на цикличности действия и почти что камерной обстановке фильма. Действие фильма происходит, казалось бы, на ограниченном пространстве, чуть ли не на острове (море, уединенность жилища, малое количество героев), и мир, на первый взгляд, всецело огражденный от всяческих потрясений, переживает Апокалипсис, переворачивающий сознание и мироощущение главного героя. В дальнейшем режиссер несколько раз обратится к работе да Винчи, превращая эту картину из вспомогательной в один из основных смысловых образов всего фильма, о чем будет сказано ниже.

«Жертвоприношение» является последним и, возможно, самым глубоко проработанным фильмом Тарковского. Майя Иосифовна Туровская отмечает, что «режиссер (А.А. Тарковский. – *А.С.*) был уже тяжело болен: работа была прервана клиникой. Фильм читается как завещание. И, однако, по своей внутренней стройности, изобразительной силе, по повелительности мысли и виртуозному владению всеми средствами для ее выражения – картина может быть названа “поздней” в лучшем смысле этого слова. Никаких следов слабости она не несет» [7, с. 174]. Определение, подобранное Туровской, как нельзя лучше характеризует «Жертвоприношение». Режиссер во многом уже реализовал свои творческие замыслы, стал всемирно известным, выработал свой собственный кинематографический язык и полностью освоил все приемы и средства производства кино. «Жертвоприношение» предстает фильмом режиссера, который, несмотря на тяжелую болезнь и работу в чужой стране, с условиями, отличными от условий советской России, все же сумел создать такой сценарий, из которого, исключив лишние эпизоды, создал очень стройный, даже аскетичный, фильм, показавший оформившийся окончательно и органично мир «позднего» (по М.А. Туровской) Тарковского, в котором он противопоставил человека с его эмоциями, чувствами и страданиями всему остальному миру и возложил на него личную ответственность как за себя и своих близких, так и за все человечество. В своей книге «Запечатленное время» А. Тарковский указывает, что «находятся тысячи оправданий своей позиции неучастия, нежелания поступиться своими корыстными интересами ради более общих и благородных, внутренне значимых задач, – никто не решается и не желает взглянуть трезво на самого себя и взять на себя ответственность за собственную жизнь; мы живем в мире идей, заготовленных для нас другими людьми; это невероятная и дикая ситуация» [4, с. 338–339]. По воспоминаниям Лейлы Александер-Гарретт, Тарковский развивает мысль, озвученную в им в книге «Запечатленное время», на пресс-конференции в Стокгольме 23 апреля 1983 года: «Новый фильм будет затрагивать проблему ответственности человека перед миром в целом и каждого в отдельности. Люди устали быть зависимыми от псевдоморали общества, от абстрактных проблем, целиком и полностью контролирующих их жизнь. Герой картины предпочитает не тратить время на разговоры о жизни, в надежде тем самым повлиять на нее, он хочет сделать что-то конкретное. Его ответ на бездействие – активное творческое участие в жизни, протест против пустой говорильни и пассивного поглощения называемых истин. Таким образом герой отстаивает право на участие в жизни общества и берет на себя ответственность за судьбу мира в противовес царящим вокруг безответственности и безразличию» [1, с. 180].

Необходимо отметить и то, что «Жертвоприношение» – результат многолетней работы А.А. Тарковского с несколькими идеями, нашедшими свое отражение в постановке различных фильмов. Со временем концепция фильма менялась, и представляется немаловажным отследить путь от появления замысла до его воплощения.

В своем дневнике режиссер в записи от 7 сентября 1970 года указывает в списке возможных его постановок под № 13 – «Двое видели лису» [5, с. 30]. В дальнейшем указание на этот замысел появляется в дневнике Тарковского, записано под №8 от 14 апреля 1978 года в списке замыслов, которые он может реализовать «за границей». Запись от 20 апреля 1980 года, в которой режиссер указывает, что «почему-то вспомнил идею – “Двое (оба) видели лису”: может быть, в конце, после того, как они смотрят телевизор и видят выступление какого-то Саро [начальник, итал. – *прим. Ред.*], который говорит о начале войны, один из них убивает себя ночью, после чего выясняется, что это был художественный фильм, а не настоящая война» [5, с. 171]. Мысль о начале войны (в фильме «Жертвоприношение» глава государства призывает по телевизору: «Сохранять только порядок, вопреки хаосу»), которая кардиналь-

но меняет жизнь героя (в первоначальном варианте режиссер приводит своего героя к мысли о самоубийстве), связывает замысел под названием «Двое видели лису» и последний фильм Тарковского «Жертвоприношение». Идея, воплотившаяся в «Жертвоприношении», вынашивалась Тарковским с 1970 года. Изначально мы видим ее в дневниковой записи «Двое видели лису», а затем в сценарии под названием «Ведьма». В то же время сценарий «Ведьма» основной идеей обозначал спасение от болезни, а не спасение души и всего мира. В нем смертельно больной человек по совету незнакомца отправляется к ведьме и после проведенной с ней ночи исцеляется, а затем покидает свой благоустроенный дом и постылую жизнь. Таким образом, концепция фильма постепенно менялась. Лейла Александер-Гарретт отмечает, что «первоначально это была история физического спасения человека; задачей героя станет не собственное спасение, а спасение всего мира» [1, с. 169].

Несмотря на значительную схожесть двух замыслов, а возможно, и преемственность «Ведьмой» идеи записи «Двое видели лису», реализованы они должны были быть в разных условиях, о чем свидетельствуют записи в дневнике Тарковского: «Двое видели лису» за границей, а «Ведьма» в России. На это указывает предполагаемый актерский состав, содержащийся в записи в дневнике от 12 января 1981 года относительно сценария «Ведьма»: «Уже намечаются персонажи: Герой – писатель – Солоницин. Ведьма – Фрейндлих. Персонаж, воплощающий для героя страх, – Калягин» [5, с. 310].

Лейла Александер-Гарретт отмечает, что «в записи от 2 марта 1983 года Тарковский вновь повторяет план сценария “Двое видели лису”, разработанный 5 сентября. Насколько мне известно, это последнее упоминание о сценарии “Двое видели лису”» [1, с. 174].

В сценарии «Ведьма» главный герой встречается с физически реальной, а не абстрактной лисой. Следуя за ведьмой, он видит у развалившегося дома «великолепную лисицу», и после того как они посмотрели друг на друга, она скрывается в кустах. На ее хвосте герой замечает несколько сухих шишек репейника, которые он впоследствии обнаружит в волосах ведьмы.

Следует сказать несколько слов и о лисе-символе в мировоззрении Тарковского. Режиссер очень увлекался китайским новеллистом XVIII века Пу Сун Лином, писавшим о лисах-оборотнях и способах лисьих наваждений. В китайской и японской мифологиях лиса олицетворяет женское начало – инь, холодное и темное. Этот образ радикально отличается от европейского образа женщины. Лиса у Тарковского – это оборотень, обворожительница, холод, кротость и вероломство. Само указание на оборотня говорит о двоякой природе существа. В «Жертвоприношении» лиса-оборотень физически отсутствует, но при этом сосредоточивает в себе двух женщин: истеричную, властную и лживую Аделаиду, жену господина Александера, и тихую, неприметную ведьму Марию.

В записи от 14 августа 1983 года, приведенной Лейлой Александер-Гарретт, заимствованной ей из английского варианта дневника Тарковского, представлен «новый план “Ведьмы”: Дурной сон; День рождение и кассета с речью; Отец и сын; Прогулка; Начало войны; Ночь. Молитва. (Обещание: никогда не лгать) Телефонный звонок (кто звонит?); Ведьма. Обещание быть честным; Утро без войны. (Философ приходит домой); Философ убегает из дома к ведьме; Ведьма лжет; Аутодафе; Финал. Отец рассказывает обо всем сыну, и он его понимает. Прощение» [1, с. 178].

Еще в 1983 году первоначальный сценарий фильма в значительной мере отличался от снятого впоследствии «Жертвоприношения». Из него исключен ряд эпизодов, предусмотренных сценарием «Ведьма», а сам фильм в сравнении с этим сценарием стал более аскетичным, лишенным всего «внешнего». Автор акцентировал внимание на сущностных проблемах главного героя. А. Тарковский отмечал, что дом – фактически единственное место действия фильма – вписан в «безвременный, открытый ландшафт, который мог бы встретиться в любой точке земли до и после катастрофы» [1, с. 189]. А сам фильм теряет всякую привязанность к определенному месту. Место и время нивелируются и теряют всякую значимость в отношении к происходящему, подчиняясь внутренним глубинным противоречиям главного героя.

По замечанию М.И. Туровской в книге «Семь с половиной», душевные противоречия главного героя, «который испытал свою душу абсолютным злом (Ричард III) и абсолютным добром (Князь Мышкин), и эти два образа, им воплощенные, стоят в преддверии его судьбы» [7, с. 177].

Фильм открывается монологом главного героя, повествующего о православном монахе, ко-

торый по наставлению своего учителя в течение трех лет поливал засохшее дерево, поднимаясь с ведром воды в гору. Так «от образа света маленькой свечи, освещавшей “Ностальгию”, в «Жертвоприношении» режиссер переходит к образу засохшего ствола, которым открывается и завершается фильм» [3, с. 181]. И далее «дерево, под которым сидит мальчик, – сначала мертвое, потом расцветшее – является символом веры и обновления» [1, с. 90–91]. Именно обновления желает главный герой фильма, который, в попытке создать свой внутренний мир, отделенный от внешнего «большого» мира, так не достигает покоя и удовлетворения. Жажда гармонии и отстраненности от жесткого и несправедливого мира отражает позицию самого Тарковского: «Всем ясно, что прогресс материальный не дает людям счастье, и, тем не менее, мы приумножаем его “достижения”. Твоя совесть не может быть спокойна, если ты осознаешь, что все идет вопреки тому, что ты сам об этом думаешь. Я убежден, что попытка восстановить гармонию жизни лежит на пути реставрации проблемы личной ответственности» [4, с. 341–342].

Но герой фильма слишком слаб, возможно, даже инфантилен, для того чтобы поменять свою судьбу. Он смог лишь отгородиться (возможно, просто сбежать) от мира, создать отдельный мир, который предстает в подарке его сына – домике, окруженном водой и скалами, хрупком, деревянном снаружи и крепком, каменном изнутри. И поэтому, для того чтобы поменять свою жизнь, герою необходимо некое испытание – Апокалипсис. Но Апокалипсис – это отнюдь не только ядерная война или иной катаклизм планетарного масштаба. Тарковский в своей лондонской лекции говорит: «Что такое Апокалипсис? Мы живем в очень тяжелое время; тем не менее мы не можем точно определить, когда настанет то, о чем пишет Иоанн. Это может случиться завтра, это может случиться через тысячелетие. Апокалипсис – образ человеческой души с ее ответственностью и обязанностями. Каждый человек переживает то, что явилось темой откровений св. Иоанна; смерть и страдания равнозначны, если страдает и умирает личность или заканчивается цикл истории и умирают и страдают миллионы. Потому что человек способен перенести только тот болевой барьер, который ему доступен. Неверно было бы думать, что Апокалипсис несет в себе только концепцию наказания. Может быть, главное, что он несет, – это надежда. Что я должен делать, если прочел Откровение? Совершенно ясно, что я уже не могу быть прежним не просто потому, что изменился, а потому что мне было сказано: зная то, что я узнал, я должен измениться» [6, с. 97–100].

Главный герой, по его же словам, знал, что когда-нибудь Апокалипсис настанет и будет реальным, хотя бы и лично для него. И он произойдет именно из-за необходимости изменения его сущности. Но это изменение должно было произойти не только на рациональном уровне, но и на чувственном. Мир может быть спасен, если человек осознает свою природу и сущность, обратит внимание на связанность и хрупкость всего происходящего в мире и осознает свою ответственность за этот мир, поэтому жертвоприношением стала не только молитва и обет Богу (иначе поездка главного героя к ведьме была бы бессмысленной), но и связь с ведьмой Марией. В книге «Слово в мире Андрея Тарковского» М.А. Перепелкин, замечает: «“Договор” Александра, продолжающий его молитву, при всей его искренности и отчаянии не выходит за пределы здравого смысла, остается “умным” и умозрительным. Александр готов отказаться от необходимого, пожертвовать кровным, но только в том случае, если Всевышний исполнит то, о чем он его просит» [2, с. 448]. Но «договор» есть сделка равноправных сторон и чаще всего со взаимной выгодой для себя. Поэтому, насколько бы искренней ни была молитва главного героя, она отражает, если говорить словами Тарковского, только «концепцию наказания», в которой Всевышний спасает мир, а главный герой жертвует всем, что имеет. Но, по Тарковскому, идея Апокалипсиса не в этом: «надежда» – луч света – является ответом на страдания человека. Поэтому «Александр должен пойти на явное безумие, склониться в уничижительном поклоне без всякой “умной” надежды на милость Всевышнего. Это он и делает, вставая на колени перед служанкой Марией, прося ее “спасти их”. Таково, между прочим, и жертвоприношение на ужасающей почтальона картине Леонардо: старцы приносят дары младенцу, не надеясь убедиться в его божественности, а единственно руководствуясь верой в то, что иначе быть не может» [2, с. 448–449].

А. Тарковский определял свой последний фильм, как «фильм-притчу, где встречаются события, смысл которых нужно толковать» [3, с. 312].

И в то же время нельзя забывать о том, что фильм во многом является завещанием режиссера. Тарковский рассматривает в своем последнем фильме тему смертности человека и бессмертия мира и тех вечных законов, которыми этот мир управляется. В «Жертвоприношении» судьба человечества ложится на плечи человека, окруженного людьми, совершенно не способными видеть дальше своих материальных эгоистических потребностей. Герой способен пожертвовать, пойти на безумство ради надежды и собственного спасения (спасения души). Таким образом, события, происходящие в маленьком замкнутом мире, расширяются до вселенских размеров и проецируются на весь современный мир, выявляя его проблемы и указывая на его несовершенство. Но режиссер все-таки оставляет надежду на перерождение мира, надежду хрупкую, почти эфемерную. Последний эпизод, содержащийся в сценарии «Ведьма», говорит о разговоре отца с сыном и о прощении. В «Жертвоприношении» никакого разговора нет и быть не может (сын главного героя обречен на молчание после операции), но уже после того, как главного героя увезла машина, молчание ребенка прекращается, он говорит: «В начале было Слово. Почему, папа?». Таким образом, пространственный круг замыкается, начинается «новый день», появляется надежда, которая показывает, что страдания главного героя и его жертвоприношение были не напрасны.

Библиографический список

1. *Александер-Гарретт Л.* Андрей Тарковский: собиратель снов. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 509 с.

2. *Перепелкин М.А.* Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания: монография. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – 480 с.

3. *Сильвестрони С.* Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура / пер. с итал. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. – 237 с.

4. *Тарковский А.А.* Запечатленное время. – М.: ЭКСМО, 2002. – 256 с.

5. *Тарковский А.А.* Мартиролог. – [Флоренция:] Издательство Международный Институт имени Андрея Тарковского, 2008. – 622 с.

6. *Тарковский А.А.* Слово об Апокалипсисе // Искусство кино. – 1989. – № 2. – С. 97–100.

7. *Туровская М.И.* Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. – М.: Искусство, 1991. – 256 с.

УДК 008

Шемякина Мария Константиновна
Белгородский государственный институт культуры и искусств
mary-ru2004@mail.ru

КОНЦЕПТ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В ЛОГИКЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Возрождение рассматривается в качестве исторической эпохи или особого мироощущения, тенденции развития культуры в ее повторяемости или опоре на прошлые ориентиры. Русская культура покажет примеры подобного возобновления, возврата к прошлым пиететам и ценностям, когда «возрождение» в его концептуальном смысле будет мыслиться как восстановление целостного единства русской нации.

***Ключевые слова**: концепт «возрождение», русская культура, восстановление утвержденных ценностей и установок.*

Возрождение, рассматриваемое в качестве исторической эпохи или особого мироощущения, тенденции развития культуры в ее повторяемости или опоре на прошлые ориентиры, всегда есть придание человеческой жизни «вихревого движения» (А. Блок), попытка постижения нового и поиск иных, нежели утверждены, способов и форм этого постижения.

Следует помнить, вслед за размышлениями И.Г. Гердера, что «история свидетельствует о том, что развитие культуры – вовсе не прямая линия, в ней имеются повороты, обрывы и уступы. Человеческие страсти превращают ее спокойное течение в водопад, уносящий жизни людей…Но она обладает необычайным запасом прочности и устойчивости. Под каким бы углом ни поворачивал поток, культура не “уйдет в песок”, не истощится и не исчезнет» [4, с. 78].

Сама история в таком контексте будет мыслиться как «осуществляемая в виде (в форме) сменяющих друг друга культур». При этом культура будет пониматься в качестве своеобразных

 © Шемякина М.К., 2011

узлов и форм, «в которых процессы эволюции и истории приобретают константный однородный характер» [8, с. 222].

Концепт «возрождения» в культуре во всех вариациях своего воплощения будет определяться основными чертами:

– избранием главным объектом размышлений человеческое естество, признанием рефлексирующего субъекта культуры центральным действующим культурным типом, личностью культуры и истории, как и утверждением главенствующим принципа реализации нравственных потенций человека;

– особой глубиной размышлений на центральные бытийные темы (о смысле и ценности человеческой жизни, о свободе и рабстве как духовных составляющих человека, о религии и ее важности не с теологических высот познания, но с практических действенных предпочтений); поворот к внутреннему миру человеческой индивидуальности, «чувство особи, чутье к человеческому, реальному, в его соответствии с миром психики, и знакомое нам свойство глаза схватывать в предмете не общее, а массу подробностей, которые художник заносит на полотно, одну за другой, в расчете, что их совокупность произведет впечатление в целом» [3, с. 520];

– возобновлением теологического спора о природе божественного и категориях его проявления, когда постижение Света противопоставлялось «схоластическому» изучению божественного, гедонистическое восприятие – христианской аскезе;

– определением культурных универсалий – истины, рациональности, веры.

При этом выведение ценности культуры основывалось на культуре античности, воссоздаваемой «в возрождении античности как высшей человеческой ценности» [1, с. 302], соединявшей в своем основании как аполлонийское, так и дионисийское начало – центральные категории культуры.

Доминирующие же черты изящных искусств и науки такой единой культуры, ее «философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) – все они по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность» [10, с. 305];

– выдвижением в качестве центральной идеи антропоцентризма (новой системы ценностей), где человек становится мерой всех вещей. При этом параллельно основной гуманистической идее будет дано обоснование «проклятых вопросов» (Г. Шпет): «зачем я живу, зачем я так нелепо и безнадежно живу, что мне делать в этой жизни, если смысл ее мне непонятен, если страшно даже подумать, каким он мог бы оказаться для меня лично, в моем единственном и неповторимом существовании?». И определение культуры как полагания «человеческой аксиологии» («жизни» и «смерти», «начала» и «конца», «апокалипсиса» и «возрождения») [13, с. 173];

– гуманистическим обращением к культурному наследию прошлого (к классическим образцам старины, не только античной), когда, как писал Н.Д. Святополк-Мирский, «старые, или вернее, родные порядки, старые навыки и обычаи, даже старые предрассудки в том отношении ценны, что они показывают, что присуще именно данному народу, что именно ему свойственно, а, следовательно, именно для него и пригодно, и потому и нужно уметь относиться к ним бережно …в этом отношении консерватизм, традиционность, привязанность к старому – великая страховка и гарантия от пагубных непоправимых в связи с новшествами ошибок, ошибок часто потрясающих и колеблющих самые основы, ценные и характерные особенности народного духа» [9, с. 171];

– крайним демократизмом, выражаемым, с социальной точки зрения, в виде полисоциальности и полярности культурологических воззрений на суть культуры и человека, с культурологической – определяемыми чертами универсализма, оперированием вселенскими категориями Красоты, Добра, Истины в реализуемом всечеловеческом понимании Свободы, Страдания, Света (носитель мировоззрения возрождения – просветленный духовный учитель, мэтр – поэт, философ, художники, творец).

Концепт «возрождение» в такой реализации закономерно соединит как прогрессивные элементы гуманизма и антропоцентризма, так и теологическую предрасположенность в решении сакраментального вопроса культуры: кто есть человек как со-творец Мира-Вселенной-Социума.

Показателен, отметит В. Розин, тот факт, что такая смена культур будет сопровождаться «обычно резким повышением семиотичности поведения (что может выражаться даже в изменении имен и названий), причем и борьба со старыми ритуалами может принимать сугубо ритуализированный характер» [8, с. 105]. И только вве-

дение новых форм поведения и усиление знаковости (символичности) старых форм может свидетельствовать об определенном изменении типа культуры» [8, с. 105]. Правда, и в постоянстве символического начала, и в изменении семиотической знаковости в архетипе «человека возрождения» укрепятся две жизненные установки: «постоянное учительство как проповедь нравственного обновления с готовым на все случаи жизни социальными рецептами, и перманентные сомнения, искания, постоянная постановка вопросов без ответов в вечном поиске идеала» [5, с. 397–398].

Аналогичное положение извечно угадывалось в сфере искусства той формы культуры (и трагического сопряжения) уникальных и неповторимых личностных феноменов. Особое сопряжение культурных парадигм, считает В.С. Библер, относимо к XX веку, когда «даже ценностные и духовные спектры разных форм культуры …стягиваются в одном культурном пространстве, в одном сознании и мышлении, требуют от человека не однозначного выбора, но постоянного духовного сопряжения, взаимоперехода, глубинного спора в средоточии неких непреходящих точек удивления и “вечных споров бытия”» [2, с. 6–7]. И в этом диалоге разных культурных смыслов бытия будет заложена суть и понятия «возрождение», и сама логика его мышления.

Основные достижения концепта «возрождение» будут построены на центральной антиномии: деструктивности и конструктивности. С одной стороны, концепт «возрождение» действительно разрушает предшествующую ему событийную модель мира, отказывается от очевидной гармонии ради попыток достижения невозможных идеалов и в устремленности к ним, утверждении гуманистических идеалов и признании культа человека как основного субъекта деятельности и творчества. С другой – он являет собой своеобразный диалектический виток, знаменующий возвращение к духовным истокам, античным или христианским, но выводящим культуру на новый уровень ее развития.

Русская культура покажет примеры подобного возобновления, возврата к прошлым пиететам и ценностям. Наиболее показательным станет рубеж XIX–XX вв., главным событием которого явилось возникновение новой, иной, русской культуры, ознаменованной овладением большей части русской интеллигенции религиозной философией, поворотом к человеческому естеству с мыслью о нем как субъекте творческой деятельности. Центральным пунктом философского творчества ряда оказавшихся в эмиграции русских философов станет понятие «русская идея», выдвинутое еще В. Соловьевым.

Содержание этого многопланового понятия было глубоко рассмотрено Н.А. Бердяевым. Оно включало в себя особенности русского средневекового сознания, вопрос о месте русского народа в мировой истории, споры западников и славянофилов, проблемы зарождения и развития русского социализма, нравственные искания русской классической литературы, русский религиозный Ренессанс начала XX века, культурно-этнические особенности русской нации и многое другое.

В таком контексте концепт «возрождение» в парадигме русской культуры совпадет с пониманием возрождения национальной идеи, консолидации нации, возрождения и возвращения к культурным универсалиям, закрепленным русской культурной традицией.

При этом обозначится один из центральных парадоксов русской культуры, когда субъективность, выражаемая в подлинном человеческом способе существования, способна стать выраженной в естественной и гармоничной надындивидуальной целостности «мы». Последнее явится исходным толчком для появления и понимания и самой русской идеи, и мессианства, и соборности. Так выразится не только духовное единство общества, но и подлинный смысл человеческого бытия: личное самоотречение не будет воспринято как отречение от личности. Оно станет, по словам К. Ясперса, отречением «лица от своего эгоизма… Принимая решение, человек берет на себя тем самым несвободу. Отказавшись от различных возможностей, он свободно осуществляет свое решение, но при этом ограничивает себя. Посредством этого ограничения свобода получает содержание, но получает его на пути к несвободе» [14, с. 196].

«Западная Европа не знает нас потому, – отметил в свое время И.А Ильин, – что ей чужда русская (православная) религиозность <…> Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением и лишь потом волею и умом <…> Русский человек… всегда “удивлялся” другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел вторгающихся поработителей, он ценил свободу духа выше формальной свободы. Из всего этого выросло формальное различие между

западной и восточно-русской культурой. У нас вся культура – иная, своя, и притом потому, что у нас иной, особый духовный склад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и, если есть, чему-то учимся у нее… у нас дар чувствований и перевоплощения» [6, с. 58–60].

Не в этом ли закладывается суть национальной идеи как формы самоидентификации себя в мире, понимания и осознания своего отличия от других подобных человеческих образований?

Именно с этой категорией концепта «возрождение» связывают свое рассуждение современные социологи и политологи, ссылаясь на изначальное предопределение понятий в утверждении самой русской идеи, когда «возрождение» мыслится как восстановление целостного единства русской нации.

Культура, если можно так выразиться, и сегодня стоит на распутье. Два противоположных пути видятся наиболее очевидными многим. Так, подчеркивает В.М. Розин, разрешение этой дилеммы предполагает культурное развитие либо по пути расширения кризисных явлений русской культуры «на основе разума науки, образования, сознательного подхода ко всему, изменение ориентиров развития науки и технологии», либо по альтернативному, «эзотерическому» пути за счет возвращения «рода человеческого или к различным модификациям религиозно культуры, или к формам жизни… “естественным” для человека … с … ощущением единства с природой и космосом» [8, с. 61].

Особенность современной русской культуры, считает ученый, – это «формирование наряду с традиционным ее образом нового». И если традиционный образ культуры, по мнению ученого, был связан с «идеями исторической и органической целостности, представлениях о традиции и научении. Новый образ культуры все более ассоциируется с космическими и экологическими идеями, с эстетическими идеями единства человечества и его судьбы» [8, с. 61]. Отсюда как берут истоки рассуждения о самодостаточности и состоятельности русского народа, так и формируются основы понимания «свободы» не столько как этической категории, но и как субстантивной, отличительной особенности личности культуры и идентификатора ее выражения в подчиненности или отстраненности от мира вещей, переживаемого им (человеком) отчаяния от утраты своей субстантивности и радости обретения творческого импульса преображения окружающего мира.

«Созданный человеком мир объектов, – отметит П. Тиллих, – подчинил себе того, кто сам его создал, и кто, находясь внутри него, утратил свою субъективность. Человек принес себя в жертву собственному созданию. Однако он все еще сознает, “что” именно он утратил или продолжает утрачивать. Он еще достаточно человек для того, чтобы переживать свою дегуманизацию как отчаяние. Он не знает, где выход, но старается спасти в себе человека… Его реакция – это мужество отчаяния, мужество принять на себя свое отчаянье и сопротивляться радикальной угрозе небытия, проявляя мужество быть собой» [11, с. 99].

Именно поэтому «фундаментальным условием трансляции и возвышения субъективности современного человека, – отметит А.И. Чернокозов, – является его способность увидеть, восхититься и приобщиться к субъективности великих культур прошлого» [12, с. 344].

Модель современной русской культуры отличается своеобразным типом культурного взаимодействия. Действующий тип культурного взаимодействия, с точки зрения современных исследователей, характеризуется постепенным отказом от «упрощенных рациональных схем решения культурных проблем», возрастанием «веса понимающей рефлексии», выработкой «новых способов разрешения культурных проблем» [8, с. 62]. Культурная рефлексия открывает перед думающим субъектом, человеком, целый мир, полный таких же субъективных значений, «бесконечный в ширину… бесконечный в глубину, бесконечный по количеству наблюдений, которые можно сделать в ограниченном пространстве» [7, с. 97–98].

При этом очевидным видится попытка реализации в современности механизма концепта «возрождение» в связи современной русской культуры с культурами прошлого. Как отмечал В.С. Библер, «современное мышление строится по схематизму культуры, когда “высшие” достижения человеческого мышления, сознания, бытия вступают в диалогическое общение с предыдущими формами культуры (античности, средних веков, Нового времени)» [2, с. 6–7].

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. – М., 1989. – С. 293–323.
2. *Библер В.С.* Школа диалога культур. – М., 1992. – 154 с.
3. *Веселовский А.Н.* Боккаччьо // Веселовский А.Н. Собр. соч. Т. 5. – Л., 1956. – 425 с.
4. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – 224 с.
5. *Драч Г.В.* Культурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2000 – 478 с.
6. *Ильин И.А.* Против России (1950) // Ильин И.А. Наши задачи. – М., 1992. – С. 58–60.
7. *Острягин Д.Х.* Философское значение научного наследия Потебни. – Киев, 1962. – 168 с.
8. *Розин В.М.* Культурология: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гердарики, 2004. – 462 с.
9. *Святополк-Мирский Д.Н.* Из книги «Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего»// Антология. Зачем мы верим в Россию / авт.-сост. Любовь Орлова. – Минск: Харвест, 2010. – 448 с.
10. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
11. *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. – М., 1996. – 342 с.
12. *Чернокозов А.И.* История мировой культуры (Краткий курс). – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 480 с.
13. *Шпет Г.Г.* Мудрость или разум? – М., 1917 // Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.
14. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М., 1994. – 328 с.

УДК 82.085

Ёлшина Татьяна Алексеевна
Костромской государственный технологический университет
cultural@kstu.edu.ru

РИТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ТЕКСТОВ В. РОЗАНОВА

В статье исследуется риторическая самопрезентация Василия Розанова, ориентированная на античный идеал Сократа, дается характеристика риторических фигур, формирующих поэтику текстов В.Розанова

Ключевые слова: *самопознание, репрезентативность, майевтика, опровержение, провокация, адресность речи, стихия игры.*

Путь Розанова из провинции в Санкт-Петербург кажется воплощением в жизнь какого-то грандиозного и хорошо продуманного проекта или моделью для поведения провинциала, мечтающего о столице. Учитель русской провинциальной гимназии пишет философский трактат «О понимании» [10], все 737 страниц которого взывали к пониманию. Он вложил в этот труд усилия своего духа; пять долгих лет, из ночи в ночь, он обращался к небесам, но они не вняли его призыву. Неудача заставила его искать иные пути к пониманию. Розанов избирает теперь не философский безадресный посыл, а интимную переписку с теми людьми, к чьему мнению он давно и настороженно прислушивался; это были К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов и С.А. Рачинский. Это были действительно заметные, интересные люди: Страхов тесно сотрудничал с Достоевским, дружил с Толстым; Леонтьев писал Розанову из Оптиной пустыни, где находился под духовным водительством знаменитого старца Амвросия; Рачинский хотя и жил в деревне, преподавая крестьянским детям в собственной церковной школе, но эта школа бывшего университетского профессора была известна всей России. «Само это сближение Розанова с известными людьми достаточно поразительно, – замечает исследователь творчества Розанова В.А. Фатеев, – ведь, кроме книги «О понимании», которой никто не читал, никаких особых заслуг или приметных достоинств, способных привлечь внимание именитых «собеседников», за Розановым не числилось» [13, с. 18].

И это так. В лице молодого, пылкого и впечатлительного провинциала его маститые корреспонденты увидели приверженца православно-славянофильских идей, который горячо поддерживал дорогой их сердцу консерватизм. Оказалось, что не только безвестный провинциал, но и столичные знаменитости страшно одиноки

 © Ёлшина Т.А., 2011

и нуждаются в единомышленниках. В переписке Розанова с Леонтьевым и Рачинским, в дружбе со Страховым видны не столько Божий промысел или перст судьбы, сколько человеческая и интеллектуальная одаренность молодого корреспондента, в котором его адресаты, со своей стороны, сумели увидеть «гениальное порождение русской провинции», и они нашли возможность помочь Розанову переехать в столицу, о чем впоследствии не пожалели.

Однако вернемся к феномену розановской переписки и заметим, что уже в 1890-х годах Василий Васильевич научился отыскивать в человеческих душах «*свой угол*» (везде в розановском тексте курсив принадлежит В.В. Розанову. – *Т.Ё.*). Мысль Розанова набирала силу, в интимном эпистолярном жанре он учился «*ввинчивать мысль*» в душу человеческую. Умение влиять на человеческую психику, находить с людьми точки соприкосновения Розанов будет целенаправленно совершенствовать. И напишет об этом без обиняков как об открытом или типе риторической самопрезентации: «Что однако для *себя* я хотел бы во влиянии? *Психологичности.* Вот этой ввинченности мысли в душу человеческую, – и рассыпчатости, разрыхленности их собственной души (т.е. у читателя)» [11, с. 177].

Новая, необычная манера письма Розанова-журналиста провоцировала читателей, звала их к разговору – и чем дальше, тем настойчивее звала. Даже в суворинской газете “Новое время”, которая читалась повсеместно и распространялась широко, поскольку стояла на страже государственных интересов России, Розанова буквально засыпали письмами. И он пошел дальше по этому пути: он стал публиковать эти письма с собственными комментариями – так в столице робко, но настойчиво зазвучал голос человека, обладающего необычным риторическим даром, – умением включать в собственный монолог диссонирующие голоса, что придавало его статьям убедительность.

Чтобы преодолеть свою застенчивость и не напрягать слабых голосовых связок, Розанов, находясь в гостях, научился отвоевывать в собственную власть небольшие углы хозяйского пространства. Он не любил больших сборищ, публичных выступлений, беседовал с ближайшими соседями. «Он, впрочем, везде был немножко один, – замечает З.Н. Гиппиус, – или с кем-нибудь “наедине”, то с тем, то с другим, и не удаляясь, притом, с ним никуда: но такая уж у него была манера. Или никого не видел, или, в каждый момент, видел кого-нибудь одного, и к нему обращался» [4, с. 112]. Иными словами, опыт интимной переписки стал моделью для преодоления провинциальной робости и для успешного общения с маститыми современниками. Собеседников Розанов выбирал безупречно, впрочем, трудно было противиться его натиску: он буквально «врезался» в людей, отыскивая в их сердцах угол для себя – и находил. Его речь была адресна, разговор конкретен, его тон всегда заинтересован, а тема всегда возбудительна – вот открытые Розановым условия успешной речевой коммуникации .

В его писаниях встает Русь обывательская, мещанская, с сушеными грибами, сметанкой, творожком, вареньем и роскошным ритуалом чаепития после бани; Розанов искусно создавал атмосферу сладостного быта и собственного счастливого погружения в этот быт. Были доверчивые читатели, которые приняли ролевую маску за подлинное лицо, были другие, которые заклеймили Розанова пошляком и мещанином. Л. Троцкий, например, назвал Розанова «поэтом интерьерчика, квартиры со всеми удобствами» [12, с. 319], а В. Полонский не менее выразительно заметил, что Розанов возвел пошлость в принцип, он барахтался в ней, «словно в лазурных волнах» Средиземного моря, – кто он после этого как не «Великий Пошляк Русской Литературы» [8, с. 277].

Напомним, однако, что Василий Розанов – центральная фигура русского культурного ренессанса, он слишком умен, чтобы быть пошляком, но достаточно талантлив, чтобы органично сыграть эту роль.

Не стоит преувеличивать размягченности и обывательщины Розанова. Настоящий Розанов тверд и неподатлив, он «несклоняемый», бесприютный и бесконечно одинокий, даже в своей семье. Он был больше наблюдателем, чем участником жизни; и порой в разгар невинных своих игр, оглядываясь окрест, бормотал под нос, всегда с небольшим внутренним смехом: «Мы еще погимназистничаем» [1, с. 384].

Даже близким людям казалось, что В.В. Розанов менее всего подходит на роль «человека играющего» , носящего ролевые маски. Его дочь Татьяна в разговоре с М. Пришвиным заметила, что в натуре Розанова вообще отсутствовала стихия игры, объясняя это его загубленным детством. Несмотря на двойную авторитетность выс-

казывания (дочери писателя и его ученика), мы позволим себе поспорить с авторитетами. Мы уверены, что игра была «закваской», на которой всходили «пышные хлеба» творчества В.Розанова, игра была «машиной времени», чья помощь давала писателю счастливую возможность ощущать жизнь Древней Греции, Вавилона, Египта, Ассирии как сегодняшнее бытие.

Возможно, кому-то сравнение Розанова с Сократом покажется субъективным, кто-то увидит в нем некий каприз исследовательского ума. И действительно, Розанова именовали русским Фрейдом, русским Ницше, и каждый ученый, занимающийся творчеством Розанова, понимает неслучайность этих сравнений. Но говорить о Розанове как русском Сократе, сравнить Розанова, с его любовью к письменному слову, с Сократом, который не написал ни строчки, весьма проблематично. Сомнения в правомерности сравнения могут рассеяться, если мы вспомним, как жили наши герои, чем более всего дорожили, как становились своими в чужом и чуждом мире и какие риторические открытия помогали им сделать это.

Итак, Сократ и Розанов появляются соответственно в Афинах и в Санкт-Петербурге как представители провинции, как чужаки. Будучи уже сложившимися людьми, они несут с собой груз прежней жизни, прежней профессии (один скульптор – другой учитель гимназии), являются отцами семейства (жена и три сына у Сократа – жена и две дочери у Розанова). Переезд в Афины – Петербург знаменует для наших героев не только физическое передвижение в пространстве, но и заметное изменение в мировоззрении.

Для Сократа афинская агора, ее гимнасии и палестры стали местом утверждения идеи самопознания. Он предложил на обсуждение свои простые и смущающие вопросы. Он не спрашивал, какой ответ истинен, а спрашивал, что такое истина. У Сократа были не новые ответы, а новые вопросы. Сократа возбуждал пафос самопознания. «Познай самого себя», – в этой точке соприкасаются философия, религия и психология. Самопознание означает у Сократа одновременно и работу над собой, и выковку самого себя, оно лежит в основе культуры и творчества, ибо в конце концов каждое действие – это работа над собой. «Познай самого себя» – это императив, приказ, и он требует внутреннего переворота, как бы второго рождения. Это приход к самому себе – основа и начало творческой жизни, ибо самость, как говорил Юнг, есть цель жизни [14, с. 155].

Для Розанова Санкт-Петербург был равен Парижу, Вавилону, и он шептал: «Я этих петербуржцев научу, научу, научу, переучу». Хотя, по большому счету, обучение было взаимным. Именно в Санкт-Петербурге Розанов, словно вняв словам дельфийского оракула, стал внимателен к своей внутренней жизни: он ловил «мимолетные» настроения, предавался «уединению» и собирал в короба «опавшие листья». Розанов постепенно становился мыслителем-однодумом, в его системе ценностей главными были не «прогресс» и «польза», как у большинства современников, а «Бог» и «пол». Ему удалось развернуть свою тему в целое миросозерцание, он сумел показать неисчерпаемое богатство этой темы, уводя ее к фаллическим культам древности и вновь возвращая к началу XX века. Темы, обсуждаемые Розановым, были необычны и новы.

Сравнение внешнего несовершенства Сократа и Розанова лежит на поверхности. Софисты, предшествовавшие Сократу, прославили себя тем, что с точки зрения вербальных самохарактеристик выставляли себя всезнайками, их невербальный имидж был еще более выразительным. Горгий – самый яркий представитель софистической риторики – усиливал эффект своих выступлений тем, что произносил свои речи в пурпурных одеждах. Ему, единственному из греков, была поставлена в Дельфах золотая статуя. Правда, Плиний утверждал, что эту статую поставил себе сам Горгий. Давая рекламу своим урокам риторического мастерства, Горгий обещал научить своих учеников покорять людей, делать их своими рабами по доброй воле, а не по принуждению. Сократические невербальные способы убеждения были прямо противоположными. С утра до вечера в одном и том же разорванном одеянии, босой, как бы назло сапожникам, но с гордым видом и пристальным взором бродит Сократ повсюду, живет на подаяние, так что честному гражданину полиса он мог бы казаться праздным вором или богохульствующим умником. Однако в кругу афинской аристократии высоко ценились его ум и гений, поэтому Сократу не был закрыт доступ даже в круг Перикла.

Внешняя некрасивость Сократа – это философская притча во языцех. Исток этой притчи – «Пир» Платона, в котором, обращаясь к Сократу, Алкивиад прозгласил: «Что ты сходен с силенами

внешне, Сократ, этого ты, пожалуй, и сам не станешь оспаривать» [7, с. 174]. Алкивиад рассказал, что фигурки силенов из мастерских греческих ваятелей имеют тайну. Полый изнутри силен-уродец заключает в своей глубине таящееся изваяние божества. Возвращаясь мыслью к Сократу, Алкивиад продолжал: «Не знаю, доводилось ли кому-нибудь видеть таящиеся в нем изваяния, когда он раскрывался по-настоящему, а мне както раз довелось, и они показались мне такими божественными, золотыми, прекрасными и удивительными» [7, с. 174].

О мизерабельной внешности нашего персонажа – В. Розанова написано очень много. В отличие от Сократа, чей далеко не калогатический облик передает только скульптурный портрет, Розанова мы можем видеть на многочисленных фотографиях и даже на портретах. Надо сказать, что самохарактеристики Розанова несколько расходятся с портретами, очевидно, была какая-то внутренняя потребность говорить о себе «мизерабельный», а не «импозантный», например.

Некрасивость Розанова – это создание его собственной фантазии, скорее всего ориентированной на сократический образец. Противоречивая диалектика внешнего силеноподобия и внутренней полноты необычайно привлекательна для философа, она освящена авторитетом Сократа и словом Платона. Активно саморазрушая презентабельность собственной внешности, одеяния и даже фамилии, Розанов играет в Сократа. Притворное самоуничижение – это философская модель, которой верны и Сократ и Розанов. О том, что в обоих случаях самоуничижение паче гордости, можно догадаться без особых подсказок.

Но тут есть одна тонкость. Как известно, силен – козловидный, шершавый похотливый демон, смешной и страшный синтез бога и козла. Стоит, наверное, напомнить, что Курымушка-Пришвин в «Кащеевой цепи» дал Розанову кличку – Козел [9, с. 175–185]. Правда, русский козел напрочь лишен греческой божественности, но черты непредсказуемости и злобности, как некий отсвет демонизма, в нем все-таки сохранились. Иными словами, пришвинское прозвище удивительным образом подтверждает нашу догадку о близости Розанова и Сократа, забавно ее трансформируя: «Русский козел как отсвет греческого силена».

Пренебрежительное отношение Розанова к собственной внешности сказалось в странном пренебрежении мемуаристов к его лицу. Например, Игорь Грабарь пишет, что за круглыми очками скрывались бледно-голубые глаза. Эрих Голлербах увидел на подвижном лице Розанова лукаво и умно светящиеся черные (карие) глаза. Михаил Пришвин прямо уверяет, что у Розанова были зеленые глаза.

В лице Сократа на землю Древней Греции и в европейскую культуру шагнул свободный человек как сгусток энергии и самостоятельности. С Сократом в мировую культуру вошла то прогрессирующая, то угасающая в жизни человечества антропоцентристская модель бытия. Новость, с которой Сократ пришел в мир, заключалась в том, что его не интересовали первоэлементы: Вода, Воздух, Земля, Огонь. Все натурфилософские теории были забыты ради одной, но пламенной страсти – думы о человеке, его сознании и самосознании. Нравственное самосознание греков V в до н.э. стало перерастать их богов и их мифологию, и Сократ явился провозвестником новой духовной истины.

В России начала XX века также создалась кризисная ситуация, которая поначалу выглядела обнадеживающе. «То была пора, когда в православном духовенстве стало намечаться стремление к известному обновлению и освобождению от гнетущего верноподданичества и от притупляющей формалистики». В среде творческой интеллигенции назрел интерес к христианству и церкви – на волне этого взаимного интереса и взаимного недовольства и были организованы Религиозно-философские собрания (РФС) в Петербурге (1901–1903), идейным лидером которых был В.В. Розанов. В лице Розанова Россия начала XX века обрела страстного вопрошателя христианства, Христа и православной церкви [1, с. 299]. В его публицистических статьях и выступлениях, написанных для РФС, было явлено в слове то, о чем никто и никогда не говорил. И это было написано так, что, однажды прочитав, это было невозможно забыть.

Нравственное самосознание русской интеллигенции начала XX века было уязвлено критическими стрелами Розанова, которые были направлены против церковного формализма, на защиту незаконнорожденных детей. Он протестовал против аскетизма и асексуализма христианства, говорил о необходимости воцерковления брачных отношений, о признании святости наставлений Бога-отца: «Плодитесь, размножай-

тесь!» В отличие от Сократа, Розанов готов был отказаться от антропоцентризма, отдав себя, как древний иудей, в полную власть Бога-отца. Движение Розанова было столь же страстным, но в противоположном Сократу направлении.

Сократ был родом из дема, т.е. из территориального округа, а не из Афин, отчасти поэтому Ницше, называя Сократа выходцем из низов, говорил, что Сократ принадлежал к черни [6, с. 547]. В отличие от Ницше, современники и ученики Сократа, говоря о своем учителе, не имели этого пренебрежительного тона. Да и сам Сократ, как это передано в диалогах Платона, не без гордости говорил, что род его отца восходит к Дедалу – предку всех скульпторов, а мать Сократа была повивальной бабкой, и Сократ неоднократно сравнивал рождение истины с искусством родовспоможения, а себя – с повивальной бабкой. В риторической науке этот прием Сократа получил название майевтики, т.е. высвобождение истины на свет, ибо душа не может постичь истину, если она не беременна ею. Сократ убеждал своих учеников и последователей, что не он несет знание, а истина сама рождается в его собеседнике, он, Сократ, только помогает ее появлению на свет. Заявление Сократа о том, что истина изначально не известна ни ему, ни его собеседнику («Я знаю, что ничего не знаю») давало риторический импульс – сильный эффект благотворного потрясения слушателя. При заявлении об изначальном незнании из собеседника высекалась искра, рождавшая пульсацию диалога.

Говоря о рождении мысли в своих слушателях и об искусстве родовспоможения, которым наследственно гордился Сократ, невольно вспоминаешь о Розанове, с его острым ощущением физиологичности мира «как непрерывно плодотворящего и рождающего существа» [11, с. 49]. Н. Болдырев один из первых понял общую основу мыслительного процесса у Розанова и Сократа: «Для того и другого мысль была физиологична, неотделима от телесного жеста, от процесса взаимодействия двоих в нескончаемом диалоге «Я – ты». Этот диалог – предельно интимный, в идеале – эротичный, собеседники восхищаются и «любят» друг друга, и Сократ и Розанов подчеркивали необходимость обоюдной любви в философском диалоге, иначе будет либо выкидыш, либо мертворожденное дитя» [2, с. 49]. Розанов был уверен: «Душа есть *страсть*. И отсюда отдаленно и высоко: «Аз есмь огнь поедающий» (Бог о Себе в Библии). Отсюда же: талант нарастает, когда нарастает страсть. Талант есть страсть» [11, с. 64].

Для Сократа самой сильной риторической фигурой, рождающей истину, было опровержение – это деструктивный элемент этики Сократа, который строится всегда по одной модели. Сперва Сократ заставляет собеседника признать его (Сократово) невежество в каком-то конкретном вопросе. Потом, когда собеседник уверится в искренности Сократа, последний вереницей вопросов, искусно продуманных, открывает неполноту, противоречивость, а иногда и просто невежество своего собеседника. Опровержение – болезненная процедура; при хорошем исходе она ведет к очищению, к рождению в собеседнике «себя другого», при плохом – вызывает ненависть к Сократу. Сократ выработал в себе новую силу – аргументирующую, для обладания ею ничего не надо было иметь: ни знатности, ни богатства – только ум.

В речи на пиру мудрецов Алкивиад приводит один случай из собственных взаимоотношений с Сократом. Зная о своей непобедимой красоте, Алкивиад начал методично соблазнять Сократа, и тот делал вид, что идет ему навстречу. Но когда дело дошло до решительного шага, Сократ, отказавшись от красоты Алкивида, предложил ему приобрести настоящую красоту, отличную от миловидности Алкивиада, которая оказалась мудрой воздержанностью. Алкивиад сознается: «…он одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой <…>. Я был беспомощен и растерян, он покорил меня».

По сути дела, опровержение – это весьма сложная модель интеллектуально-любовного обольщения, которой пользуется Сократ. Алкивиад сознается, что таким же путем Сократ покорил ум и сердце Хармида, Эвтидемома, Агафона и иже с ними. Обманывая своих собеседников, мнимо соглашаясь с ними, Сократ поначалу прислушивается к их суждениям, движется вместе с ними, угождает им, поддакивает, всячески принижая себя, залезает в глубину человеческой души, чтобы в следующую минуту, оттолкнув от себя человека, показать ему возможность обладания иным знанием.

В каком-то смысле (исключая греческий налет гомосексуальности, не актуальный для русской ситуации) по такой же схеме развивались взаимоотношения учителя Розанова и ученика

Пришвина. И привели к тому же результату. Сначала, когда гимназист Пришвин отправился путешествовать в «Азию», а потом, пристыженный, был возвращен в Елецкую гимназию, учитель Розанов заступился за ученика Пришвина, указав на высоту его помыслов и благородство души мальчишки-гимназиста. Потом, когда Пришвин уверовал в отношения особой приязни, связывающей его с учителем, и повел себя по отношению к нему нагло и вызывающе, Розанов сделал все, чтобы Пришвина изгнали из гимназии с волчьим билетом. Но свою внутреннюю связь с учителем Розановым ученик Пришвин чувствовал всегда и помнил все: и духовное поощрение, и внутреннюю приязнь, и резкое опровержение, и уязвленное самолюбие. Но прошло 18 лет после смерти Розанова, и Пришвин в дневниковой записи от 8 августа 1937 года сознается: «И еще одно удивительное единство во мне – Розанов. Он своей личностью объединяет всю мою жизнь, начиная со школьной скамьи: тогда, в гимназии, был он мне козел, теперь в старости герой, излюбленнейший, самый близкий человек» [9, с. 124].

Опровержение свершилось! Розанов покорил Пришвина.

Розанов вспоминает о Сократе часто, по разным поводам, и, несмотря на свою всеобъемлющую амбивалентность, – всегда по-доброму. По сути дела, Сократ был христианином до христианства, а Розанов – язычником в христианстве. Давая комментарий одной египетской виньетке, которую Розанов назвал «окрыленный и идущий глаз», он вспоминает рассуждение Сократа из платоновского «Федра». Розанову кажется, что на египетской виньетке изображен тот, кто, видя земную красоту, вспоминает о красоте истинной. В заключение хочется напомнить мысль Б.Вышеславцева, который заметил, что, принимая в себя мудрость древних, мы остаемся самими собой, но древняя мудрость развивает в нас свои новые потенции, а мы раскрываем новые потенции в ней [3, с. 316].

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Собр. соч.: В 2 т. – М.: Искусство, 1994. – Т. 2.

2. *Болдырев Н.Ф.* Семя Озириса, или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. – Челябинск: Урал-ЛТД, 2001.

3. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса / вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Республика, 1994.

4. *Гиппиус З.Н.* Живые лица. – Л.: Искусство, 1991.

5. *Мамонтов О.Н.* Новые материалы к биографии М.М. Пришвина // Русская литература. – 1986. – № 2.

6. *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза: пер. с нем. / сост. М. Кореневой; вступ. ст. М. Кореневой и А. Аствацатурова. – СПб.: Худож. литература, 1993.

7. *Платон.* Избранные диалоги: пер. с др. греч. / под ред. С. Апта, М. Грабарь-Пассек, Ф. Петровского. – М.: Худож. литература, 1965.

8. *Полонский В.* Исповедь одного современника // В.В. Розанов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. 2.

9. *Пришвин М.М.* О В.В. Розанове // В.В. Розанов: pro et contra. / сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. – СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. 1.

10. *Розанов В.В.* О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: Танаис, 1995.

11. *Розанов В.В.* Соч. – Л.: Васильевский остров, 1990.

12. *Троцкий Л.Д.* Мистицизм и канонизация Розанова // В.В. Розанов: pro et contra.– СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. 2.

13. *Фатеев В.* В.В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. – Л., 1991.

14. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. – М., 1991.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 882.09 + 803

Богатырева Екатерина Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
katyabogatyreva@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ ВОДОЕМОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цель статьи – показать особенности соотношения внутренней формы и актуального значения фразеологических единиц с компонентами-наименованиями водоемов в русском и английском языках, выявить наличие и степень эквивалентности сопоставляемых ФЕ.

***Ключевые слова**: фразеологизмы, паремии, компонент ФЕ, структурно-семантический анализ, внутренняя форма, актуальное значение, эквивалент.*

В русском языке в качестве компонентов-наименований водоемов в составе фразеологических единиц (ФЕ) наиболее часто используются слова «море», «река», «болото», «озеро», «океан» (Ср. с англ.: «sea» (море), «river» (река), «swamp/bog» (болото), «lake» (озеро), «ocean» (океан)). Совокупность этих устойчивых оборотов представляет разностороннюю характеристику концепта «вода». В нашу задачу входит выделить и описать семантико-тематические группы фразеологизмов и паремий, включающих данные компоненты, в русском и английском языках, установить особенности соотношения их внутренней формы и актуального значения в каждом из рассматриваемых языков, выявить наличие и степень эквивалентности сопоставляемых ФЕ русского и английского языков.

В работе представлен семантический анализ на уровне значения и внутренней формы устойчивых сочетаний, содержащих компоненты-наименования водоемов в русском и английском. Образующие данные группы ФЕ и паремии объединяются семами, связанными с наименованиями-характеристиками свойств различных водоемов.

В русском языке все словарные трактовки слова «море» объединяются тем, что они указывают на большую площадь пространства [1, с. 346; 6, с. 310; 9, с. 299; 12, с. 1259–1260], и совпадают со значениями слова «sea» в толковом словаре английского языка [18, с. 1276].

Свойства «моря», отраженные в семантической структуре ФЕ, могут быть расклассифицированы по ряду признаков, которые принадлежат как внутренней форме, так и актуальному значению.

I. «Море»– водоем, имеющий большую площадь и глубину. На этом свойстве основано значение целого ряда фразеологизмов.

Рассмотрим их в соотношении с внутренней формой оборотов.

Устойчивое выражение *капля в море* («ничтожно малое количество по сравнению с чем-либо») относится к древней ФЕ, употребляемой в Библии. Оно образовано на основе сравнения «как капля в море» и символики «капли» как ничтожно малой и «моря» как крупной величины чего-либо. С данным оборотом русского языка на уровне фразеологического значения (ФЗ) полностью соотносится английская ФЕ *a drop in the ocean* (букв. «капля в океане»). Компоненты «море» и «океан» («ocean») в рассматриваемых оборотах на уровне внутренней формы обозначают большой по площади водоём, символизируя огромное количество чего-либо. Русский фразеологизм *капля в море* и английский *a drop in the ocean* являются частичными эквивалентами.

II. «Море» рассматривается как бездна, пропасть, необъятность [1, с. 346].

В ФЕ *ковшом море не вычерпаешь* («действуя неподходящими для данной цели средствами, не добьешься никаких результатов) образ «моря» представлен как безграничное неиссякаемое водное пространство, которое нельзя покорить, действуя примитивными способами (здесь: «вычерпать ковшом»). В английском языке имеется аналог русского фразеологизма лишь на уровне актуального значения: *a fog cannot be dispelled with a fan* (букв. «веером тумана не рассеешь»). Образные основы русского и английского оборотов полностью различны. На уровне переносных зна-

 © Богатырева Е.Н., 2011

чений данных ФЕ актуализируются семы невозможности, безрезультатности, которые объединяют и образные основы ФЕ.

III. «Море» – водная стихия с непредсказуемым состоянием.

Фразеологизм *сидеть у моря и ждать погоды* (1) «бездействовать (чаще вынужденно); 2) «выжидать благоприятных обстоятельств для выполнения чего-либо, ничего не предпринимая») базируется на представлениях, относящихся к временам парусного флота, когда приходилось ожидать благоприятной для плавания поры. Первое ФЗ актуализирует семантику вынужденного бездействия. Во втором случае отсутствие предприятия каких-либо действий не является вынужденным, поэтому осуждается. В английском языке имеется несколько аналогов этой русской паремии, которые синонимичны на уровне актуального значения, но имеют свой оригинальный образный план: *to whistle for a wind* (букв. «подзывать свистком ветер»), *to let the grass grow under one's feet* (букв. «позволить траве расти у себя под ногами»), *to indulge in vain hopes* (букв. «предаваться напрасным надеждам»), *to wait for to turn up* (букв. «ожидать, что что-нибудь подвернется»).

IV. «Море» – огромное водное пространство, разделяющее страны.

Фразеологическое значение оборотов *за море (за моря)* («на чужбину») и *за морем (за морями)* («очень далеко, в чужих странах») базируется на представлении о том, что по ту сторону «моря» находятся чужие страны, живут другие люди. В английском языке были выявлены полные эквиваленты ФЕ *за море/за моря (за морем/за морями)* – англ. *beyond (over) the sea/seas* («за морем/морями»). Внутренние формы и ФЗ устойчивых выражений в рассматриваемых языках полностью совпадают.

V. «Море» является средой обитания живых существ.

В ФЕ *На то и щука в море, чтобы карась не дремал* («Сознание присутствия кого-либо, наблюдающего за человеком и оценивающего его поведение, слова и поступки, заставляет быть деятельным, внимательным, осторожным» [5, с. 318]) на уровне внутренней формы компоненты «щука» и «карась» представляют живых существ – обитателей водной стихии («моря») – и противопоставляются друг другу как хищник и жертва. «Щука» наблюдает за своей потенциальной добычей, выслеживает её, а «карась» остерегается хищных рыб, чтобы выжить, он должен проявлять бдительность, внимание и осторожность. Таким образом, такого рода противопоставление является основой для ФЗ, актуализирующего сему активной деятельности. Данной русской пословице соответствует английская *A pike lives in the lake to keep all fish awake* (букв.: «Щука живет в озере, чтобы не давать спать всей рыбе»). Английская и русская идиомы являются частичными эквивалентами, полностью совпадая на уровне актуального значения и имея некоторые различия на уровне внутренней формы, поскольку в первой ФЕ компонент «карась» соотносится с сочетанием компонентов «all fish» («вся рыба»), а компонент «море» – со словом «lake» («озеро»).

VI. «Море» – водоем, таящий опасность для человека.

Рассмотрим паремию *дальше в море – больше горя* («чем больше углубляешься в какие-либо сложные дела, трудные обстоятельства, вникаешь в проблемы, тем больше возникает неожиданностей или трудностей, которые нелегко преодолевать»). Сравним актуальное значение с буквальным значением данного оборота: «чем дальше от берегов уплывает корабль, тем больше опасностей его подстерегает, так как водная стихия может проявить себя неожиданно и непредсказуемо». Таким образом, исходный образ, внутренняя форма данного оборота является прозрачной, полностью мотивирующей ФЗ. У англичан имеется аналог русской ФЕ *дальше в море – больше горя* – англ. *the farther, the deeper* (букв.: «чем дальше, тем глубже»). Фразеологизмы совпадают на уровне актуального значения, но расходятся на уровне внутренней формы. Образ английской ФЕ более абстрактный.

Фразеологизмов с компонентом «океан» в словарях русского языка выявлено немного. В прямом значении «океан» – весь водный покров Земли или его часть между материками [6, с. 384]; водное пространство, охватывающее весь земной шар [13, с. 777]. В одной из идиом «океан» на уровне внутренней формы имеет значение огромного водного пространства: *челном океана не переедешь* («действуя неподходящими для достижения цели средствами, не добьешься результатов»), которое невозможно пересечь на деревянной лодке. Пословица выражает семантику невозможности, неосуществимости, нере-

альности. В английском языке имеется похожая ФЕ с компонентом «ocean» («океан»): *to try to sweep the Atlantic ocean with a broom* (букв.: «пытаться вымести метлой Атлантический океан»). Здесь в ФЗ также актуализируется сема невозможности выполнения каких-либо действий при помощи неподходящих средств («to sweep with a broom» / «вымести метлой»).

В рассматриваемых языках мы обнаружили фразеологизмы, являющиеся частичными эквивалентами: рус. *воздушный океан* («атмосфера») и англ. *ocean of air* («океан воздуха»). Обороты совпадают на уровне ФЗ, но имеют некоторые различия синтаксической модели и расхождение морфологических признаков. В данном случае компонент «ocean» / «океан» используется в переносном смысле и обозначает огромное пространство чего-либо.

Толкование слова «океан» в русском и слова «ocean» в английском языке полностью совпадают [18, с. 975].

Рассмотрим компонент «река» в составе ФЕ русского и компонент «river» в составе фразеологизмов и паремий английского языка. Река – «постоянный водоем с естественным течением по руслу от истока вниз до устья» [6, с. 587; 10, с. 701–702; 15, с. 1178]. В толковом словаре английского языка рекой («river») назван естественный и непрерывный водный поток, имеющий большую протяженность, движущийся и впадающий в море [18, с. 1231].

«Река» – огромное количество, движущаяся масса чего-либо (в переносном значении). Идиоматическое выражение *литься рекой* («обильно, в большом количестве течь») использует компонент «река» в переносном значении, характеризуя поток, и применяется к описанию слез, кровопролития и даже золота [15, с. 1179]. В английском языке существует частичный эквивалент данного русского фразеологизма *to flow like water* (букв. «течь/литься, как вода»), который применяется к обозначению большого количества вина или денег [2, с. 799].

Ряд фразеологизмов и паремий русского языка включает в свой состав компонент «болото». Слово «болото» имеет прямое значение «топкое место, часто со стоячей водой» и переносное – «всё, что характеризуется косностью, застоем, отсутствием живой деятельности и инициативы» [8, с. 105; 11, с. 690–691]. В английском языке существуют синонимы-эквиваленты русского слова «болото»: «swamp», «bog». В английском языке обнаружены лишь единичные сочетания, связанные с этими словами.

На свойствах «болота» базируется следующая семантическая классификация идиом, содержащих данный компонент:

I. «Болото» является ареалом обитания представителей фауны.

Обратимся к пословице *Всяк кулик свое болото хвалит* («Каждый хвалит то, что ему хорошо знакомо и дорого, что является близким или родным»). Исходный образ «кулика» – птица, которая обитает на болотистой местности. А второе ФЗ применяется переносно по отношению к человеку, который расхваливает место, где он живет, или дело, которым занимается. В английском языке найден полный эквивалент данной ФЕ: *Every snipe praises its own bog* («всякий кулик свое болото хвалит»).

II. «Болото» – место, где водится нечистая сила.

Оборот *Было бы болото, а черти (будут) найдутся* («Стоит появиться какому-либо сомнительному, неблаговидному делу, найдутся и люди, готовые принять в нем участие») связан с поверьем восточных славян и поляков о том, что любимым местом пребывания чертей является болото. Верование в то, что черт сидит в болоте, возникло в народе оттого, что над болотами по ночам появляются блуждающие огоньки, которые считались явлением злого духа [5, с. 41–42]. Таким образов, ФЗ этой идиомы является негативной оценкой какого-либо факта или явления («болото») и людей, имеющих к нему отношение («черти»). Данной паремии соответствует английская *Show me a swamp and I'll show you the devil there* (*букв.*: «Покажи мне болото, и я покажу тебе там черта»), которая на уровне внутренней формы выражает представление о том, что на «болоте» водится нечистая сила. Английская и русская пословицы являются частичными эквивалентами, поскольку расходятся на уровне синтаксической структуры и внутренней формы, а на уровне актуального значения ФЕ совпадают.

«Озеро» – компонент-гидроним, обнаруженный в составе узкой группы устойчивых сочетаний. Слово «озеро» имеет значение «замкнутый в берегах большой естественный водоем» [6, с. 383; 13, с. 749]. Как известно, «озёра» характеризуются значительной глубиной. Исходя из определения слова «озеро» и общеизвестных фактов, связанных с ним, ФЕ, включающие в свой

состав этот лексический элемент, могут быть расклассифицированы следующим образом:

I. «Озеро» – внешне спокойный водоем, имеющий большую глубину и таящий опасность в виде злых духов.

Внутренняя форма паремий *тихо озеро, а чертей полно* и *в тихом озере всегда черти водятся* («тихий, незаметный, скрытный человек часто способен на неожиданные и не всегда благовидные поступки») построена на суждении о том, что «озеро» за своим внешним спокойствием скрывает опасные глубины. Оборот данной группы вступает в синонимические отношения с ФЕ, включающими в свой состав компонент «омут», который обозначает особый вид водоема. «Омут» – глубокая яма на дне реки, озера. В таких местах, по народным поверьям, и живут водяные и вировики – духи воды. Сравним синонимы *в тихом омуте черти водятся* и *в тихом озере всегда черти водятся:* актуальные значения ФЕ с компонентом «омут» и их аналогов с компонентом «озеро» в основном совпадают на уровне внутренней форме. Таким образом, здесь наблюдается функционально-смысловая близость компонентов, их взаимозаменяемость. Данные идиомы используются как предупреждение о возможных неприятностях, которые может доставить человек, представляющийся безукоризненным в своих речах и действиях, как совет не доверять лишь внешним проявлениям натуры – смиренности, благовоспитанности, скромности. В английском языке данным пословицам соответствуют обороты *steel waters run deep* и *still waters have deep bottoms* («тихие воды глубоки»). Они являются частичными эквивалентами, поскольку не совпадают на уровне внутренней формы, но идентичны на уровне актуального значения.

В ходе данного семантического анализа удалось выделить семантическое поле ФЕ с компонентами-наименованиями водоемов в русском и английском языках и рассмотреть ряд тематических групп, входящих в его состав. Проведенное сравнение семантических полей фразеологизмов и паремий с компонентами-гидронимами в рассматриваемых языках показало особенности соотношения их внутренней формы и актуального значения. Отраженные в семантической структуре ФЕ свойства водоемов включают признаки наличия движения и его отсутствия, протяженности и глубины, множества, обилия чего-либо.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что среди устойчивых оборотов русского и английского языков преобладают аналоги с одинаковым смысловым содержанием, но абсолютно разной образностью и частичные эквиваленты, совпадающие на уровне ФЗ, но расходящиеся на уровне внутренней формы. Явление полной эквивалентности встречается довольно редко.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1978–1980. – Т. II. И–О, 1979. – 779с.

2. *Кунин А.В*. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. – М.: Русский язык, 1984. – 944с.

3. *Мелерович А.М, Мокиенко В.М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

4. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. – 853 с.

5. *Мокиенко В.М., Ермолаева Ю.А., Зайнульдинов А.А.* и др. Словарь русских пословиц. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 383 с.

6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.

7. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. – Смоленск: Русич, 2001. – 560 с.

8. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. I. А–Й, 1985. – 696 с.

9. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. II. К–О, 1986. – 736 с.

10. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. III. П–Р, 1987. – 752 с.

11. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. I. А–Б, 1991. – 864 с.

12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.; Л., 1950–1965. – Т. VI. Л–М, 1957. – 1460 с.

13. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.; Л., 1950 – 1965. – Т. VIII. О, 1959. – 1839 с.

14. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.; Л. 1950–1965. – Т. XI. Пра-Пятью, 1961. – 1842 с.

15. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.–Л., 1950–1965. – Т. XII. Р, 1961. – 1675 с.

16. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 720 с.

17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.

18. Dictionary of Contemporary English. – Harlow (Essex): Longman Group Ltd., 1995. – 1682 p.

19. Oxford Dictionary of Idioms. – New York: Oxford University Press Inc., 2004. – 340 p.

20. Spears R.A. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. – Lincolnwood (Chicago): NTC Publishing Group, 1998. – 419 p.

УДК 81'38

Карицкая Лада Юрьевна
Мурманский государственный гуманитарный университет
Angies@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В МУРМАНСКОЙ ПРЕССЕ

Цель работы – анализ политической метафоры в мурманских областных газетах (2001–2008 гг.). Актуальность темы обусловлена изменениями в публицистическом стиле и интересом исследователей к региональному материалу.

***Ключевые слова**: политическая метафора, милитарная метафора, мурманская пресса.*

В газетах метафора выполняет специфические функции, обусловленные назначением публицистического стиля. Метафора в публицистике имеет ценность не только как средство украшения или оживления текста или речи, но и как инструмент формирования оценочности. Свойство метафор – подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип поведения, влиять на процесс принятия решений. Из всех возможных разновидностей метафор в анализируемых нами текстах преобладает политическая метафора.

Политическая метафора есть средство речевого воздействия с целью формирования у реципиента (чаще всего у общества или его части) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической партии, программе или деятеле.

Анализ собранного языкового материала позволил выявить разнообразные по лексико-семантическим признакам метафоры. По нашим наблюдениям, среди них наиболее актуальными в анализируемых текстах оказались метафоры концептуальных полей «Война», «Спорт и азартные игры», «Театр и зрелища», «Человек», «Природа», «Техника», «Ирреальный мир». Преобладают метафоры концептуального поля «Война» (21,60%) от всех извлеченных из текстов примеров.

Милитарная метафора традиционна в языке газет. Исследователи языка газет советской эпохи отмечают большое количество военных метафор (*битва* за урожай, мировоззренческая *вооруженность*, *рубежи* идейной *борьбы*, *передние рубежи*, *боец* идеологического *фронта* и др.). Метафорическая модель войны, заимствованная у публицистики доперестроечного периода, и сейчас успешно эксплуатируется и журналистами, пишущими о политике, и политиками в их выступлениях.

«Обрести ранг партийного босса всеми силами и средствами стремился и вице-губернатор Валерий Б., некогда верховный предводитель мурманских "медведей", известный мастер кулуарных *баталий* и подковерных игр» («Норд-Вестъ-Курьер»).

Баталия – 'битва, сражение (устар.)' [6, т. 1, с. 294]. В языковом сознании носителей русского языка слово *баталия* ассоциируется с высоким стилем, положительной эмоционально-оценочной окраской, употребляется в особом контексте. Но, оказавшись рядом с прилагательным кулуарных (производное от «кулуары» – в переносном значении 'неофициальные разговоры в осведомленных политических, общественных кругах' с пометой «книжное» [5, с. 307], приобретает ироническую окраску. Актуализирует сниженную оценочность слова *баталия* словосочетание

 © Карицкая Л.Ю., 2011

подковерных игр (в словарях не отмечено переносное значение слова *подковерный*, однако большинству носителей языка оно известно как ‘тайный’ (то есть ассоциативное поле отрицательное). Таким образом, изначально высокое слова *баталия* приобретает в контексте отрицательную окраску, а объект характеристики – государственный чиновник, занимающий официальный высокий пост, – предстает как интриган, тайно борющийся за власть.

Отрицательную имплицитную экспрессию приобретает слово *баталия* и в следующем контексте:

«Вероятно, правовых коллизий и жарких *баталий* по этому поводу на подмостках и в закулисье местной власти избежать не удастся» («Мурманский вестник»).

«Самое интересное, что в этом году бюджетные *баталии* были гораздо менее напряженными, чем, скажем, в прошлом году» («Полярная правда»).

«Выжили, выплыли только закаленные бойцы корпоративных *войн* и околовластных интриг» («Норд-Весть-Курьер»).

Согласно словарям, *война* – это ‘вооруженная борьба между двумя или несколькими государствами, народами, племенами или общественными группами внутри государства’ [6, т. 2, с. 598]; ‘вооруженная борьба между государствами; перен. состояние вражды, борьба с кем-либо, чем-либо’ [7, с. 89].

Расширение семантики слова «война» осуществляется в контекстуальном наполнении: имплицитно взаимоотношения новых коммерческих структур и власти оцениваются негативно, как враждебные, связанные с гибелью людей.

Слово «армия» используется как нейтральное, для обозначения вооруженных сил вообще:

Армия – 1. ‘Совокупность вооруженных сил государства’. 2. ‘Часть вооруженных сил государства, находящаяся на фронте’. 3. Перен. ‘Армия труда – рабочие’ [6, т. 1, с. 188].

«В *армии* грядут финансовые маневры» («Норд-Весть-Курьер»).

Отмечено также переносное значение слова «армия» как ‘большое количество людей, объединенных каким-либо общим делом, признаком’ [7, с. 23].

Однако в текстах региональных газет нейтральное слово «армия» приобретает отрицательный смысл:

«Армия чиновников, как некий паразитический организм, разрастается с каждым годом» («Норд-Весть-Курьер»).

«Армия управленцев, тех самых, что не пашут, не сеют и не строят, получает зарплату из нашего кармана» (*«*Норд-Весть-Курьер»).

Ядром двух этих метафор становятся компоненты значения «многочисленность» и «существование за счет остального народа», усиленные контекстом.

В текстах региональных газет встречаются и примеры метафоризации армейских жаргонизмов, но они единичны.

«*“Зачистка”* политического ландшафта» («Норд-Весть-Курьер»).

Зачистить – ‘загладить, заровнять (конец, край, поверхность чего-л.)’ [5, с. 219]. Однако не зафиксировано современное значение, реализующееся в жаргонизме. В «Толковом словаре русского общего жаргона» указано и значение, и происхождение этого жаргонизма.

Зачистка – ‘уничтожение или удаление людей, представляющих опасность, с какой-либо территории (города, села, дома)’ [4, с. 63]. Происхождение – из армейского жаргона, исходно эвфемистическая замена обозначения насильственного действия по удалению или уничтожению людей техническим термином, обозначающим механические действия над предметом (ср.: *зачистить* напильником). Автор предупреждает об опасности политических противников победившего на выборах кандидата.

По нашим наблюдениям, в сферу метафоры концептуального поля «Война» сегодня попадает многое: разнонаправленные общественные силы, субъекты, действующие в обществе (государство, правительство, депутаты, народ, политические партии и др.), ценности и идеалы общественного сознания (социализм, капитализм, союзный договор, конституция), объекты и цели политической деятельности (выборы, переговоры, рынок, финансы, бюджет и др.), способы и средства действия общественных сил (политика, забастовка, управление, СМИ и др.) [2, с. 15]. Подобные выводы характерны и для федеральных СМИ.

Как известно, метафора поля «Война» была частотна в политическом дискурсе газет советского периода. Сохранила она свои позиции и в перестроечный период. Давление метафорического поля войны на общественное сознание ведет

к милитаризации последнего, подготавливая социум к действиям, ведущим к материализации метафоры [1, с. 15]. Такие метафоры закладывают основы конфронтационного мировосприятия. Судя по извлеченным из региональных газет примерам, журналисты и политики не собираются отказываться от милитарной метафоры и теперь.

На втором месте по частотности в исследованных примерах, извлеченных из мурманских областных газет, – метафора концептуального поля «Природа» (16,66%). Здесь также встречаются традиционные метафоры с типом переноса «животное – человек»: зубастый профсоюз, парламентские страусы, главный медведь в мурманской «берлоге» и другие.

«А на него, в свою очередь, точит зуб еще один *зубр северного народного избранничества* – Александр Крупадеров» («Норд-Весть-Курьер»).

Зубр – 1. ‘Дикий горбатый лесной бык, относящийся к роду бизонов, сохранившийся в небольшом количестве’. 2. ‘Человек, придерживающийся отсталых взглядов’ [6, т. 4, с. 1351]. Характеризуя депутата, автор актуализирует такие семантические компоненты значения слова зубр, как ‘редко встречающийся в природе’ (зубры занесены в «Красную книгу»), ‘упрямство’, ‘сила’ и в то же время ‘косность’, ‘консерватизм’.

С помощью метафоры автор подчеркнул национальность объекта, а необычная сочетаемость («зубр народного избранничества») является средством имплицитной положительной оценки политического деятеля.

В целях создания метафоры используется специальная лексика.

«Мутанты приватизации» («Норд-Весть-Курьер»).

Мутант – биол. ‘особь животных или растений, возникшая вследствие мутации’ [3, с. 564].

Смысл метафоры негативный, обусловленный значением биологического термина при необычной сочетаемости.

Средством создания экспрессии является также неологизм с каламбуром:

«Президент Украины в этом году окончательно *нахохлился* на Россию – переводил наши фильмы на мову, грозился выгнать флот из Севастополя» («Комсомольская правда»).

В словарях «хохол» – устаревшее и просторечное название украинца, первоначально уничижительное, затем шутливое, фамильярное [6, т. 17, с. 428]. Хохлиться – ‘ёжась, взъерошивать перья и втягивать голову от холода, страха’ [6, т. 17, с. 426].

Еще одно актуализированное в настоящее время метафорическое поле – «Игры: спортивные, азартные, детские» (14,16% от общего числа метафор).

«Выборы – это *борьба,* а не синхронное плавание» («Норд-Весть-Курьер»).

Согласно словарям, борьба – 1. ‘Рукопашная схватка двоих, в которой каждый старается одолеть другого, свалив его с ног’ [6, т. 1, с. 584; 7, с. 50]; перен. ‘о состязании отдельных спортивных команд’. 2. ‘Активное столкновение противоположных общественных групп, противоположных направлений, мнений и т.п., имеющее целью приобрести господство одних над другими’.

Синхронное плавание – спортивный термин, обозначающий особый вид плавания, предполагающий гармоничное взаимодействие спортсменов. Создавая контекстную антонимию с помощью двух спортивных терминов, автор дает прямую оценку политическому событию.

Политическая жизнь в регионе описывается в газетах также с помощью театральной и цирковой лексики и фразеологии, образуя группу метафор концептуального поля «Театр и зрелища» (12,50%). Представление политики в виде театра позволяет включить в метафорическое поле названия частей театра, театрального действия, его участников: *зрители, сцена, занавес, пьеса, персонаж, декорация, партер* и др. Эти слова акцентуализируют значение неискренности участников политического спектакля.

«Евгений Никора – один из самых интригующих *персонажей* областной политической *сцены*» («На страже Заполярья»).

«Прокурор молчал, депутаты притихли, *“галерка”* с прессой оживилась, предвкушая очередное *“шоу”*» («Норд-Весть-Курьер»).

В этих примерах метафорическая модель «Театр и зрелища» подчеркивает типовые смыслы фальши, двуличия, актерства, клоунады, шутовства, несамостоятельности многих политических деятелей. Эта модель практически всегда несет скрытую негативную оценку.

Для создания метафор употребляются также медицинские термины, названия частей тела и органов человека, его состояния, образуя метафоры концептуального поля «Человек/больной организм» (12,50%):

«У власти *сердечная недостаточность»* («Мурманский вестник»).

«Метастазы коррупции опутали все этажи власти» «Мурманский вестник»).

«Трагические судьбы двух мэров областного центра по-прежнему подсказывают избирателю идею смены стремительно *хиреющей власти»* («Норд-Весть-Курьер»).

Эти метафоры создают образ больной власти, которая находится едва ли не у края гроба. У нее *сердечная недостаточность* – 'нарушение сердечной деятельности', спец. [5, с. 396], она опутана *метастазами* – 'развитие вторичных очагов болезненного процесса в новых местах организма', спец. [5, с. 345]; *хиреет* – от хиреть – 'становиться хилым, хворым' [6, т. 4, с. 1052] от этих болезней.

В проанализированном материале выделяется еще одна группа (11,66%), которую мы назвали метафорами концептуального поля «Ирреальный мир».

«Власть передержавшие губернаторы хотят получить *эликсир* политического *долголетия*» («Норд-Весть-Курьер»).

Эликсир – 1. 'Крепкий настой на спирту, кислотах, употребляемый в медицине, косметике'. 2. У средневековых мистиков – 'чудодейственный напиток, якобы способный сохранить молодость' [5, с. 898]. Метафора передает авторскую оценку людей, жаждущих власти и не желающих с нею расставаться.

Особенностью развернутых метафор в языке региональной прессы является сопряжение разных концептуальных полей, не мешающее реципиенту правильно понимать текст. Например:

«Основная *война* развернется между кандидатами-*тяжеловесами»* («Мурманский вестник»).

«В Мурманске предвыборная *гонка* превратилась *в войну*» («Полярная правда»).

«"*Соколы* Жириновского" были в своем *репертуаре*» («Полярная правда»).

Сопоставление наблюдений над политической метафорой в мурманской региональной прессе с исследованиями этого феномена в прессе федеральной (Баранов, Караулов 1994, Ермакова 1996, Чудинов 2001) свидетельствует, с одной стороны, о сходстве концептуальных полей, с другой стороны – об отличиях. В региональной прессе чаще встречаются метафоры концептуального поля «Война», в федеральных газетах преобладают метафоры поля «Театр» [8, с. 201].

Среди эмоционально-окрашенных метафор в исследованном материале преобладают метафоры с негативной оценкой. Метафоры с позитивной оценкой встречаются редко, и, как правило, их оценочность тоже предопределена контекстным окружением. Анализ политической метафоры в языке мурманских газет свидетельствует о том, что тексты региональных газет отражают восприятие институтов власти обществом как агрессию, спорт, игры разных видов, зрелища. В представленных выше метафорических моделях политическая жизнь предстает как поле боя, мир спектакля и шоу, закулисных и азартных игр, мир нечеловеческих отношений, животных страстей, а политические деятели – как их типичные представители. Политическая метафора является одним из самых активных средств создания экспрессии в газетно-публицистическом стиле, что связано с усилением его воздействующей функции в современной газетной публицистике.

Библиографический список

1. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. – М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1994. – 265 с.

2. *Баталина В.В.* Краткий курс политологии. – М.: Окей-книга, 2007. – 142 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

4. *Ермакова О.П.* и др. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: около 450 слов / под общ. рук. Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.

5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1996. – 928 с.

6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л.: Из-во Академии наук СССР, 1961.

7. *Солганик Г.Я.* Стилистический словарь публицистики: около 6000 слов и выражений. – М.: Русские словари, 1999. – 647 с.

8. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.

УДК 415.62

Киселев Дмитрий Анатольевич
Самаркандский государственный институт иностранных языков (Узбекистан)
dkisselev@inbox.ru

АНТИЦИПАЦИЯ АНАФОРИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (синтаксический аспект)

Реализация глагольной анафоры может быть не только факультативной, но и регулярной. В ряде случаев синтаксические конструкции французского языка прямо обуславливают репрезентацию глагола. В данной статье рассматриваются случаи синтаксически обусловленной глагольной анафоры, а также случаи антиципации анафорических глаголов во французском языке.

***Ключевые слова**: глагольная репрезентация, анафорические глаголы, антиципация анафорических глаголов, катафора репрезентанта.*

Изучение глагольной репрезентации во французском языке, как адекватной, так и неадекватной, убеждает в том, что роль синтаксиса в данном процессе значительна, а в некоторых случаях и определяющая [2, с. 4]. Некоторые случаи глагольной репрезентации во французском языке прямо обуславливаются правилами синтаксиса, синтаксической структурой конструкций и предложений. В наиболее показательном виде значимость синтаксических конструкций французского языка при реализации глагольной анафоры предстает в случаях антиципации глаголов-репрезентантов, то есть в случаях предшествования глагола-репрезентанта репрезентируемому глаголу или глагольному комплексу. Антиципация репрезентанта также определяется как его катафорическое употребление [2, с. 9]. В речи в количественном отношении катафора уступает анафоре. Это утверждение обосновано и в плане глагольной анафоры. В некоторых случаях катафорическое употребление глаголов-репрезентантов обуславливается стилистическими соображениями и является неустойчивым, факультативным. Мы намерены обратиться к синтаксически обусловленным, то есть регулярным случаям антиципации анафорических глаголов во французском языке, который в данном плане проявляет значительную специфику.

Нам удалось выделить несколько случаев, когда антиципация анафорического глагола обуславливается синтаксической структурой высказывания или определенной конструкцией.

В первую очередь следует выделить ограничительный оборот *ne ... que*, используемый, в нашем случае, применительно к глаголам, ср.: Zenon ne **fit** qu*'apercevoir* Colas Gheel. (M. Yourcenar "L'Œuvre au noir", p. 86); – Vous savez que vous ne pouvez **faire** autrement que d'*y arriver en retard*. (M. Duras "Un barrage contre le Pacifique", p. 55).

Глагол *faire* выступает в функции адекватного репрезентанта следующего за ним глагола, при этом глагол репрезентируется в максимальном расширении: анафорический глагол указывает на глагол с дополнением или определением, то есть на всю глагольную синтагму. Данную конструкцию можно рассматривать как пример устойчивого функционирования анафорического глагола в антиципации.

Ограничительный оборот *ne ... que* зачастую используется для выделения различных членов предложения, чаще всего прямого и косвенного дополнения, а также обстоятельства, чаще всего времени и места, ср.: Elle ne boit que *du rouge*.; La décision ne sera prise que *dans une semaine*.; Le moindre séisme le jetterait par terre, comme les monuments. Or, sous ces climats, les séismes n'étaient que *trop courants*. (J.-P. Roux "Histoire des Grands Moghols". Babur, p. 27). В приведенных примерах мы не наблюдаем особых изменений синтаксического характера: прогрессивный порядок слов сохраняется, дополнительные аналитические элементы не вводятся. Использование оборота *ne ... que* применительно к сказуемому обуславливает введение анафорического глагола, формально выполняющего функцию сказуемого. Структурная схема французского предложения определяет препозицию формального сказуемого – анафорического глагола – по отношению к репрезентируемому глаголу. В случае, когда в качестве объекта органичения выступает действие или процесс, выраженный глаголом или глагольным комплексом, то необходимым становится употребление формального выразителя

 © Киселев Д.А., 2011

действия с самыми абстрактными семантическими характеристиками, то есть глагола *faire*, ср.: C'était aller trop loin. Elle ne **fit** qu'*éveiller une indignation générale sans réussir à s'attacher les bénéficiaires*. (J.-P. Roux "Histoire des Grands Moghols. Babur", p.35). В данном случае глагол *faire* десемантизиризируется в том смысле, что лишается номинативной функции, сохраняя все иные характеристики глагола. Он является как бы знаком действия. Употребление конструкции *ne ... que* применительно к сказуемому обуславливает не только употребление анафорического глагола, но также и его позицию – катафорическое употребление.

Намерение выделить действие, выражаемое сказуемым, также предопределяет выбор определенной конструкции, предусматривающей употребление анафорического глагола. При этом репрезентант становится формальным сказуемым, а следовательно, попадает в препозицию по отношению к репрезентируемому глаголу, ср.: Mme Colette Willy est très bonne. Elle **a** vite **fait** de *dissiper les terreurs ataviques de Toby-Chien et de Kiki-la-Doucette*. (Colette "Dialogues de bкtes", p. 11). Анафорический глагол, как и в предыдущем случае, репрезентирует всю глагольную синтагму – глагол с дополнением.

Следующим случаем, когда правила языка вообще и французского в частности обуславливают антиципацию анфорического глагола, является вопросительная конструкция *qu'est-ce que / que*, когда задается вопрос к предикату. Ср.:

– Que faut-il **faire** ? dit le petit prince.

– *Il faut être très patient*, répondit le renard. (A. de Saint-Exupéry "Le Petit prince", p. 73).

Как и в предыдущем случае, сама структура предложения не позволяет избежать антиципации глагола в анафорической функции; анафорический репрезентант сразу отсылает к последующему высказыванию, ответной реплике, где и получает толкование. Видимо, поэтому лингвисты сходятся во мнении, что употребление абстрактного обозначения раньше конкретного говорит чаще всего не о репрезентации этого наименования первым, а о конкретизации первого с помощью второго [3, с. 58]. Нельзя сказать, чтобы данное толкование было абсолютно верно для всех случаев антиципации анафорических глаголов, ибо в случае с ограничительным оборотом *ne ... que* очевидно, что предшествующий репрезентируемому глаголу анафорический репрезентант фактически лишен собственной семантики и выполняет лишь указательную функцию, выступая в роли знака действия.

Как видим, при употреблении вопросительного местоимения *que* или вопросительного оборота *qu'est-ce que* может быть использованна не только простая структура вопросительного предложения, типа Qu'est-ce qu'ils **font** ? – Ils pêchent les oursins (G. Simenon "La pipe de Maîgret", p. 115), но и усложенная, позволяющая включать модальные глаголы, изменять в ответе категориальные характеристики репрезентируемого глагола. Ср.:

– Qu'**allez-vous faire** parmi ces cagots ? – dit le capitaine.

– Ne vous l'ai-je déjà expliqué ? – fit Zénon. *Me rendre invisible* (M. Yourcenar "L'Œuvre au noir", p. 112).

Обращает на себя внимание и синтаксическая структура репрезентируемого глагольного комплекса "Me rendre invisible". Референтная соотнесенность с предыдущей фразой позволяет ответить эллиптичным предложением – с полностью эллиптированным подлежащим и частично сказуемым, ср.: [Je vais] me rendre invisible. Коммуникативная ситуация позволяет восстановить эллиптированный глагол несмотря на отсутствие аналогичной структуры – необходимого условия реализации синтаксического эллипсиса. Ср.:

TOBY-CHIEN, *l'arrêtant*: Que **vas-tu faire**?

KIKI-LA-DOUCETTE: Gratter à la porte et entonner la Plainte du séquestré.

TOBY-CHIEN, *désignant celle qui dort*: Et la réveiller sans doute?

KIKI-LA-DOUCETTE, *embêtée*: Je chanterai à demi-voix.

TOBY-CHIEN: Et tu gratteras à demi-ongles? Reste tranquille, Il l'a ordonné en partant (Colette "Dialogues de bêtes", p. 68–69).

Одним из случаев употребления в антиципации глагола *faire* в анафорической функции являются также предложения с негативным императивом, когда автор реплики превентивно запрещает какое-либо действие: – **Ne faites pas** *ça*, monsieur Labro! (G. Simenon "La pipe de Mâigret", p. 155). В данном случае действие, превентивно запрещаемое, еще не реализовалось, и анафорический глагол предупреждает ее совершение – по тексту становится очевидно, что г-н Лабро готовит самоубийство. По отношению к репрезентируемому действию, которое может не всегда быть вербально выражено в тексте конкрет-

ным глаголом, анафорический глагол располагается почти всегда в антиципации, хотя не исключено и следование за репрезентируемым глаголом или глагольным комплексом. Вместе с тем репрезентируемое действие может не быть вербально выражено в тексте – оно разворачивается в тех же пространственно-временных обстоятельствах, что и сам акт речи, и очевидно для его участников. Следовательно, нет необходимости называть его, на него достаточно указать, что и осуществляется при помощи анафорического глагола. Отсутствие вербального выражения репрезентируемого действия позволяет квалифицировать данный случай как ситуативный эллипсис – эллиптируемый элемент, в данном случае глагол, восстанавливается не из речевого контекста, предыдущего или последующего, а из реальной ситуации, то есть экстралингвистического контекста. В этом и заключается, на наш взгляд, различие между анафорой и ситуативным эллипсисом – двумя формами существования репрезентации: анафорический глагол репрезентирует действие, вербально выраженное в тексте, в то время как эллиптический глагол отсылает к действию, разворачивающемуся в рамках данной коммуникативной ситуации, в которую его участники вовлечены, и, следовательно, вербально не выраженному в речи [4, с. 225].

Следующая конструкция, обуславливающая антиципацию анафорического глагола, – уступительный оборот *quoi que* – стилистически усиливает высказывание. Изменение синтаксической структуры предложения позволяет обратить внимание на само действие, выраженное глаголом. В этом случае мы прибегаем к глаголу *faire*, который в анафорической функции становится нейтральным провербом (по аналогии с ***le*** *neutre*); ср.: Quoi qu'il **fît**, sa méditation le ramenait au corps, son principal sujet d'étude (M. Yourcenar “L'Œuvre au noir”, p. 207). В данном случае употребление конструкции *quoi que* прямо диктует употребление глагола *faire* – эврисемичного глагола с самыми обобщенными семантическими характеристиками, который отражает и резюмирует все возможные действия, выраженные как в предыдущем, так и в последующем контексте. Оговоримся, что конструкция *quoi que* может быть использована и в конце предложения, однако в подавляющем случае она употребляется в начале предложения, а следовательно, и анафорический глагол *faire* занимает антецедентную позицию.

Перемещение данной конструкции в конец предложения не редкость. В последнем случае оборот *quoi que* приобретает определенный стилистический оттенок, он усиливает значение, выраженное сказуемым в предыдущем предложении; ср.: Cela fait une douleur, une brûlure au fond de notre corps, qu'on *n'oublie pas*, quoi qu'on **fasse**. (Le Clézio “Le chercheur d'or”, p. 57). Выделенный оборот усиливает экспрессивность глагола-сказуемого в предыдущем придаточном определительном предложении. Оборот, содержащий глагол в анафорической функции, следует за репрезентируемым глаголом, что никак не отражается на семантической стороне высказывания, однако, без сомнения, затрагивает его экспрессивную сторону. Сравнение с вышеприведенными примерами подобного же типа (“Quoi qu’il fot, sa méditation le ramenait au corps…”) еще раз доказывает это. Отметим сразу, что в случае использования оборота *quoi que* с анафорическим глаголом *faire* очевидно подразумевает опору на более широкий контекст, чем одна фраза. Можно утверждать, что в данном случае мы вплотную приближаемся к явлению семантического эллипсиса – одной из форм репрезентации в нашем понимании. Действия, с которыми референтно соотносит нас глагол *faire* в данной конструкции, не всегда вербально выражены в тексте. В большинстве случаев они “мыслятся”, то есть восстанавливаются каждым читателем/слушателем практически индивидуально, с опорой на собственный или общественный жизненный опыт, соотносимый с описываемой ситуацией, а именно так и происходит с ситуативным эллипсисом.

В ряде случаев тип предложения прямо диктует и обуславливает употребление анафорического глагола. Чаще всего это происходит в связи с употреблением инфинитивных оборотов, при введении придаточных предложений; ср.: Depuis des mois, sur les rives du fleuve, nous *remuons* la terre, la boue, jour après jour, <u>sans savoir</u> ce que nous **faisons** (Le Clézio “Le chercheur d'or”, p. 86).

Подобные инфинитивные обороты, типа *sans savoir*, *sans se rendre compte*, *sans comprendre* и многие другие, обуславливают употребление глагола *faire* в анфорической функции, который зачастую резюмирует значение целого ряда глаголов, выраженных в предыдущем или последующем контексте. Это уравновешивает всю синтаксическую конструкцию, позволяет избежать

ненужного повторения глагола. На его место встает проверб, знак действия, обладающий всеми формальными признаками репрезентанта, полноправно замещающий его уже в другой конструкции или предложении. Подобные инфинитивные обороты могут быть употреблены как в начале, так и в конце предложения, следовательно, антиципация анафорического глагола в данных конструкциях факультативна.

Резюмируем проанализированные случаи синтаксически обусловленного употребления глаголов в анафорической функции. Становится очевидно, что ни вопросительная конструкция с местоимением *que / qu'est-ce que*, ни ограничительный оборот *ne…que* применительно к глаголам не могут допустить иного положения анафорических глаголов, кроме как их антиципацию по отношению к репрезентируемому глаголу или глагольному комплексу. Следует также выделить ряд конструкций, обуславливающих как катафорическую, так и собственно анафорическую позицию репрезентанта по отношению к репрезентируемому глаголу.

Таким образом, можно заключить, что во французском языке возможно выделить ряд случаев, когда синтаксические конструкции предопределяют использование анафорических глаголов, а также возможно описать случаи антиципации анафорических глаголов, по большей части обуславливаемые правилами синтаксиса французского языка. Обособленно следует рассматривать конструкции, подразумевающие использование анафорического глагола, но располагающие его факультативно в пре- или постпозиции по отношению к репрезентируемому глаголу. Выбор позиции в данных случаях зависит от экспрессивной составляющей высказывания.

Следует отметить и тот факт, что во всех случаях антиципации анафорического глагола речь идет об адекватной анафоре – семантический объем репрезентируемого и репрезентанта полностью совпадает. В случае адекватной глагольной анафоры глагол *faire* является универсальной единицей репрезентации. Данный глагол превращается в знак действия. В тех случаях, когда используются обороты типа *quoi que*, глагол *faire* в силу своего эврисемичного характера приобретает возможность репрезентации не только вербально выраженных действий, но и всех других потенциально возможных.

В целом же выделение случаев синтаксически обусловленного использования анафорических глаголов свидетельствует о специфическом характере глагольной репрезентации во французском языке.

Библиографический список

1. *Жаров Б.С.* Замещение как языковое явление. – Л.: ЛГУ, 1984. – 113с.

2. *Куприна Т.В.* Способы репрезентации глагола и глагольного комплекса во французском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1978. – 22 с.

3. *Куприна Т.В.* Глагольная репрезентация и ее особенности во французском языке // Глагол в строе французского предложения. – Рязань, 1983.

4. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

УДК 882

Кунавина Наталия Павловна
Военная академия войск радиационной, химической, биологической защиты и инженерных войск им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко

ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

В статье рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц в художественном тексте, определяется их роль в образовании жанра произведения и в выражении его концептуального содержания.

***Ключевые слова**: жанр, новая жанровая форма, образ-символ, синтез прозы и поэзии, индивидуально-авторские фразеологизмы, жанроопределяющие элементы.*

Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» в жанровом плане исключительно самобытен и в этом смысле занимает особое место как в русской, так и в мировой литературе.

«В “Докторе Живаго” объединяются два типа повествования – “объективно-эпическое” и “субъективно-лирическое”, две формы художественной речи – прозаическая и стихотворная, очерчивающие границы двух основных поэтико-жанровых сфер, то есть собственно *романа* (состоящего из шестнадцати разделенных на главы частей и эпилога) и *поэтического* цикла (являющегося семнадцатой, заключительной частью этого романа)» [4, с. 25]. Такие произведения, композиция которых включает «в свой состав стиховые и прозаические фрагменты», определяются как «особый тип текстов, для описания и интерпретации которых необходимо в первую очередь учитывать особенность их структуры» [6, с. 22, 23]. Роман Пастернака является произведением, «где архитектоническое, структурно-композиционное единство прозаических и поэтической частей перерастает в многоуровневое, сверхэмпирическое, сюжето- и концептообразующее взаимодействие прозы и поэзии» [4, с. 29]. Отсюда следует, что именно композиция романа «Доктор Живаго» определяет его жанровое своеобразие и дает право его исследователям говорить о романе как о новой жанровой форме, основанной на синтезе прозы и поэзии.

Попытка раскрыть один из важнейших аспектов проблемы соотношения прозы и поэзии в «Докторе Живаго» предпринималась в работах В. Альфонсова, А. Лилеевой, Д. Магомедовой, Ю. Орлицкого, О. Синевой, А. Власова и др. Например, говоря о роли поэтического цикла в сюжетной динамике романа, В. Альфонсов утверждает: «Стихи не довесок к роману и не оправдание героя – без них роман не завершен, без них романа нет. <…> Стихи мощно утверждают, доводят до конца мировоззренческую, философско-нравственную “положительность” романа, не давая ему замкнуться на “тяжелом и печальном сюжете”, они разрешение, катарсис, прорыв в бесконечность, в бессмертие» [1, с. 287–288].

Рассматривая вопрос о жанровом своеобразии романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», мы обращаемся к фразеологии романа, так как она в этом смысле играет важную роль. В плане жанроопределяющих элементов выступают некие метафоричные выражения, которые репрезентируют художественные концепты произведения. Они проходят через все повествование и определяют сюжето- и концептообразующее взаимодействие прозы и поэзии. Присутствие подобных ключевых образов, передающих детали быта или явления природы, не случайно. Они «находят свое логическое завершение и символическое переосмысление в том или ином стихотворении цикла» [3, с. 106]. Среди них – образы горящей свечи, метели (вьюги) и др.

С образа-символа горящей свечи начинается, по сути, основное действие романа, сюжетная динамика и архитектоника которого «зиждется на сюжетных узлах, образуемых случайными встречами и совпадениями» (А. Лавров); причем именно «случайное обретает в нем статус высшей и торжествующей закономерности» [5, с. 242].

Одним из таких «сюжетных узлов» является сцена встречи Лары и Паши Антипова, когда герои принимают решение соединить свои судьбы: «Лара любила разговаривать в полумраке при зажженных свечах. Паша всегда держал для нее нераспечатанную пачку. <…> Пламя захлебнулось стеарином, постреляло во все стороны трескучими звездочками и заострилось стрелкой. Комната наполнилась ярким светом. Во льду оконного стекла на уровне свечи стал протаивать

 © Кунавина Н.П., 2011

черный глазок» [7, ч. 3, гл. 9, с. 148]. А из следующей главы мы узнаем, что Юра и Тоня, тогда еще не подозревавшие о том, какую роль в их судьбах сыграет Лара, едут на елку к Свентицким. Проезжая по Камергерскому, «Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало.

"Свеча горела на столе. Свеча горела…" – шептал Юра про себя начало чего-то смутного, неоформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой, без принуждения. Оно не приходило» [7, ч. 3, гл. 10, с. 151]. В этом контексте повторяющийся оборот «свеча горела» употребляется как устойчивое сочетание, авторский фразеологизм.

В данном фрагменте горящая свеча выступает в роли той самой случайности, которая обретает статус «торжествующей закономерности». *Зажженная свеча* начинает играть роль символа высокого понимания тайного смысла происходящего. Образ свечи предстаёт как внешнее выражение некоего духовного божественного света, являющегося человеческой душой (недаром существует метафора: «свеча — душа»). Именно тогда Юрий Живаго, увидев в окне пламя свечи, ощутит в себе поэтическую силу, свое предназначение. Это событие нашло отражение в стихотворении Ю. Живаго «Зимняя ночь»:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Здесь «свеча не просто бытовая "подробность", прежде всего это многозначный и емкий символ, подлинный смысл которого раскрывается только в "Зимней ночи"» [3, с. 108].

Свеча выступает также связующим элементом в судьбах героев, символом того, что названо в стихотворении «судьбы скрещеньем»:

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

Образ-символ огня свечи, порождающего «скрещенья» судеб, является стержневым в романе. В седьмой строфе стихотворения пламя свечи перефразировано оборотом «жаром соблазна», который уподобляется ангелу, напоминающему очертания креста:

На свечку дуло из угла,
И *жар соблазна*
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Слова «скрещенье», «крестообразно» составляют ряд однокоренных слов со словом «крест», который символизирует судьбу, ее неизбежность и аллюзивно отсылает к фразеологизму «нести крест» («терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью» [2, с. 357]).

Не случайно в сцене прощания Лары с возлюбленным после его смерти героиня вспоминает о том рождественском вечере, ассоциируемом в ее памяти лишь со свечкой, горевшей на подоконнике, и протаявшим около нее кружком в ледяной коре стекла: «Могла ли она думать, что лежавший тут на столе умерший видел этот глазок проездом с улицы и обратил на свечу внимание? Что с этого увиденного снаружи пламени – "*Свеча горела на столе, свеча горела"* – пошло в его жизни предназначение?» [7, ч. 15, гл. 14, с. 684]. Не случайно и то, что последним местом жительства Живаго стала комната студента Паши Антипова на Камергерском, в которой когда-то горела свеча, замеченная юным Живаго и воодушевившая его на творчество.

Горящая свеча выступает еще и как символ пылающей души поэта. См. глаголы «горишь» и «теплишься» в сочетании с оборотом «свечечка моя яркая» в обращении Лары к Юрию Живаго: «А ты *все горишь и теплишься, свечечка моя яркая*!» [7, ч. 14, гл. 8, с. 607]. Обращение *свечечка моя яркая*, построенное по принципу инверсии, придает речи поэтическую выразительность и имеет ярко выраженный эмоционально-оценочный характер, который создается уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ечк-* и эпитетом «яркая». В целом определение «свечечка яркая», которым наделила Юрия Живаго Лара, точно и емко передает состояние души истинно творческого человека: символ яркого свечения озаряет всю жизнь поэта.

Испытания, которые выпадают на долю героя, чаще всего изображены в романе на фоне вьюги (метели). Свеча и метель – символы стихий, которые проходят через весь роман. Стихия пламени (свечи) – спасение для человека, стихия метели – для него смертельная опасность, грозящая гибелью. Надежда на спасение, которое у Живаго ассоциируется с горящей свечой, звучит в строках стихотворения «Зимняя ночь»:

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Здесь «свеча горела» как жизнеутверждающий символ образует антитезу с оборотом «мело весь месяц». Метафорическое выражение *свеча горела* актуализировано ФЕ с временным значением *то и дело* («часто, постоянно, время от времени» [2, с. 182]).

Образы метели, вьюги, бурана появляются с первых страниц романа: «На дворе *бушевала вьюга*, воздух дымился снегом. Можно было подумать, будто *буря* заметила Юру и, сознавая, как она страшна, наслаждается производимым на него впечатлением. Она *свистела и завывала* и всеми способами старалась привлечь Юрино внимание» [7, ч. 1, гл. 2, с. 55]. Употребленные в данном контексте обороты «бушевала вьюга», «буря свистела и завывала» передают состояние ужаса и чувство одиночества десятилетнего Юрия после похорон матери.

На фоне снежной бури изображены события Октябрьской революции. См. оборот «снежная буря» в следующем контексте: «Порошил первый реденький снежок с сильным и все усиливающимся ветром, который на глазах у Юрия Андреевича превращался в *снежную бурю*» [7, ч. 6, гл. 8, с. 291]. См. также оборот «стала разыгрываться метель» в следующем контексте: «…*стала разыгрываться метель*, та метель, которая в открытом поле *с визгом стелется по земле*, а в городе *мечется* в тесном тупике, как заблудившаяся. <…> Что-то сходное творилось в нравственном мире и в физическом, вблизи и вдали, на земле и в воздухе. Где-то, островками, раздавались последние залпы сломленного сопротивления. Где-то на горизонте пузырями вскакивали и лопались слабые зарева залитых пожаров. И такие же *кольца и воронки гнала и завивала метель, дымясь под ногами* у Юрия Андреевича на мокрых мостовых и панелях. <…> *Метель хлестала* в глаза доктору и *покрывала* печатные строчки газеты серой и шуршащей *снежной крупою*» [7, ч. 6, гл. 8, с. 292].

Данный текстовый фрагмент содержит множество метафорических оборотов, олицетворений (*стала разыгрываться метель; метель стелется по земле, мечется; кольца и воронки гнала и завивала метель, дымясь под ногами; метель хлестала и покрывала снежной крупою*), которые составляют градационный ряд, изображающий усиление разбушевавшейся природной стихии, символизирующей стихию революционных событий. Бушующая метель служит здесь предвестником грядущих испытаний в жизни Юрия Живаго: «Накануне отъезда поднялась *снежная буря*. Ветер взметал вверх к поднебесью *серые тучи вертящихся снежинок*, которые *белым вихрем* возвращались на землю, улетали в глубину темной улицы и устилали ее *белой пеленою*» [7, ч. 7, гл. 5, с. 317]. Символика разыгравшейся метели передает сумятицу в душе Юрия. В процитированном нами контексте *снежная буря* семантизируется метафорами *серые тучи вертящихся снежинок, белый вихрь, белая пелена,* которые являются контекстуальными синонимами и ярким изобразительным средством в описании неуемной природной стихии.

Именно о таком состоянии в природе говорится в строках стихотворения «Зимняя ночь»:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
<…>
И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.

Снежная буря, снежные сугробы как бы преследуют Юрия, предупреждая о неминуемых испытаниях. Картина за окном вагона не радовала: «В пути были уже три дня, но недалеко отъехали от Москвы. Дорожная картина была зимняя: рельсы путей, поля, крыши деревень – *все под снегом*» [7, ч. 7, гл. 8, с. 323]; «…Мимо растворенной вагонной дверцы за будками и фонарями уже плыли станционные деревья, *отягченные целыми пластами снега*, который они *как хлеб-соль протягивали* на выпрямленных ветвях навстречу поезду… » [7, ч. 7, гл. 9, с. 325]. В последнем текстовом фрагменте определительный оборот *отягченные целыми пластами снега*, служа описанием природы, в то же время передает весь драматизм происходящего в душе героя. Драматическую тональность окружающего в восприятии Юрия передает сравнение пластов снега, отягощающих ветви деревьев, с *хлебом-солью* («угощением, предлагаемым гостю с целью заботы, попечения о ком-либо» – [2, с. 731]). Все это создает контрастность в изображении внутреннего состояния героя и окружающего мира.

Метель выступает как предвестник страшных событий в истории партизанского отряда, где невольно оказался Юрий Живаго. Метель разыгра-

лась накануне жено- и детоубийства Палых: «Погода была самая ужасная, какую только можно придумать. Резкий порывистый ветер нес низко над землей рваные клочья туч, черные, как хлопья летящей копоти. Вдруг из них начинал сыпать *снег*, в судорожной поспешности какого-то *белого помешательства*. В минуту даль заволакивалась *белым саваном*, земля устилалась *белой пеленою*» [7, ч. 12, гл. 5, с. 505]. Обороты «белое помешательство», «белый саван» и «белая пелена» создают градационный ряд, передающий восприятие персонажем снежной бури, кульминацией которого служит оборот «белое помешательство». Состояние *белого помешательства* в природе передает безумие Памфила Палых. Данные обороты символизируют надвигающуюся трагедию, приближающуюся смерть.

Описание разбушевавшейся стихии в Варыкине, символизирующее угрозу, нависшую над Юрием и Ларой и особенно остро воспринимаемую в час их расставания, представлено в следующем текстовом фрагменте: «…Почти на голову доктору *шапкой исполинского гриба* свисал *пласт наметенного снега*» [7, ч. 14, гл. 11, с. 614]. Сравнение пласта наметенного *снега* с *шапкой исполинского гриба* помогает передать масштаб нависающей над Живаго угрозы. Не случайно описание разбушевавшейся природной стихии ассоциируется с определением внутреннего состояния героя, которое передано метафорой *темный дремучий лес своей жизни*: «Хотя был еще день и совсем светло, у доктора было такое чувство, точно он поздним вечером стоит *в темном дремучем лесу своей жизни*» [7, ч. 14, гл. 11, с. 614].

Метель (снегопады, вьюга) – символы хаоса, сумятицы, расстроенности в природе, в окружающем мире и внутреннем мире человека.

Индивидуально-авторские фразеологизмы, поэтические метафоры, пронизывающие текст романа, создающие синтез поэзии и прозы, служат существенным жанрообразующим средством в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Библиографический список

1. *Альфонсов В.Н.* Поэзия Бориса Пастернака. – Л.: Сов. писатель, 1990.

2. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

3. *Власов А.С.* Синтез поэзии и прозы в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: Дис. … канд. филол. наук. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002.

4. *Власов А.С.* «Стихотворения Юрия Живаго» Б.Л. Пастернака (Сюжетная динамика поэтического цикла и «прозаический» контекст). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 208 с.

5. *Лавров А.В.* «Судьбы скрещенья»: Теснота коммуникативного ряда в «Докторе Живаго» // Новое литературное обозрение. – 1993. – №2.

6. *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002. – С. 22, 23.

7. *Пастернак Б.* Доктор Живаго: роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – 768 с.

УДК 842

Машкина Юлия Владимировна
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
rosa972@rambler.ru
Александров Константин Вячеславович
кандидат педагогических наук
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
alexandrov@lunn.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ГРАММАТИКИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ОБУЧАЮЩЕЙ ПРОГРАММЫ*

Настоящая статья посвящена проблеме разработки компьютерной программы, ориентированной на обучение иноязычной грамматике. Приводится обоснование методического принципа построения такой программы, предполагающего, что алгоритмизированное обучение на ее основе должно обеспечивать освоение культурного компонента грамматического строя языка, который является необходимым условием формирования навыков и умений эффективного общения.

***Ключевые слова**: грамматика, информационно-коммуникационные технологии, методика обучения иностранным языкам, мультимедийные программы.*

В настоящее время становится очевидным, что применение ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) содержит в себе большой потенциал в обучении иностранным языкам или лишь незначительная его часть используется на практике в учебном процессе. Информационные технологии позволяют алгоритмизировать процесс формирования некоторых навыков и умений и становятся электронным ассистентом преподавателя и виртуальным репетитором студента.

В этой связи с научной точки зрения возникает вопрос: как именно запрограммировать электронного ассистента преподавателя, чтобы выполняемые им функции были реализованы методически грамотно с учетом возможностей и ограничений ИКТ, а результат обучения был наиболее высоким? С нашей точки зрения, наиболее перспективной сферой использования ресурсов ИКТ является формирование фонетических, лексических и грамматических навыков, так как данный процесс в значительной степени поддается прогнозированию. В свою очередь работа над развитием умений в видах речевой деятельности может быть наиболее эффективно организована только под управлением преподавателя в аудиторное время. В данной статье мы хотели бы рассмотреть вопрос о применении ИКТ в обучении грамматической стороне речи, а именно о принципах построения обучающих программ для развития соответствующих навыков.

Сегодня обучение иноязычной грамматике в аудиторное время и в ходе самостоятельной работы строится на основе изучения студентами определённых правил и выполнения ряда языковых упражнений для их запоминания и отработки. Данный процесс, по нашему мнению, часто приводит к тому, что в сознании обучаемых изученные явления не образуют систему, что приводит к непониманию связей между ними и в результате к неправильному их употреблению в речи.

Как известно, формирование поликультурной языковой личности тесно связано с понятием «чувство языка», описание которого в своих работах дал Б.В. Беляев, включивший туда: а) семантическое чувство (чувство смысла и чувство значения слова); б) ощущения собственно языковых отношений, прежде всего отношений лексических и грамматических; в) включение специфических интеллектуальных чувств, совокупность которых может быть названа «чувством грамматики» или «грамматическим чутьем»; г) неосозна-

* Статья подготовлена в ходе выполнения НИР «Методическая концепция информатизации обучения иностранному языку и ее реализация посредством мультимедийных технологий» при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Проект реализуется в рамках Научно-образовательного центра мультимедийных технологий обучения иностранным языкам ГОУ ВПО НГЛУ. Подробная информация о деятельности Центра доступна по адресу: www.call.lunn.ru.

 © Машкина Ю.В., Александров К.В., 2011

ваемые обобщения грамматических особенностей изучаемого языка [1, с. 60–67].

Развивая мысль о чувстве языка, многие ученые, в том числе Б.В. Беляев, подходят к идее мышления на иностранном языке. В частности, он пишет, что «ошибки учащихся <…> в речи на иностранном языке как раз свидетельствуют о том, что, пользуясь иностранным языком, они продолжают думать по-русски. Задача преподавателя заключается не столько в том, чтобы "переключить" мышление с родного языка на иностранный, а, прежде всего, в том, чтобы научить учащихся иначе мыслить – в полном соответствии с иноязычными формами» [1, с. 60–61].

Сегодня исследования лингвистов и психологов, занимающихся проблемами значимости грамматического строя языка, вплотную подходят к вопросу о взаимосвязи понятий грамматики и «языковой картины мира». Языковая картина мира при всей ее сложности, временной и социальной неоднозначности, у каждого народа имеет собственные сквозные линии, закрепленные в лексике, грамматике, синтаксисе языка.

Связь между культурными ценностями и грамматическим строем языка менее очевидна, чем связь между культурой и лексикой, но не менее значима. А. Вежбицкая пишет: «…Понятия и отношения, фундаментальные для данной культуры, находят свое выражение не только в лексиконе, но и в грамматике языка данной культуры» [2, с. 33–88].

Грамматический материал, проанализированный А. Вежбицкой, позволили ей сделать вывод о доминировании ценностей активного действия, контроля над собой и своим окружением, личной ответственности и автономности в англоязычных культурах и ценностях пассивного восприятия, фатализма, коллективизма в русской культуре.

О наличии связи между мировоззрением народа и грамматикой языка пишет и В.Г. Гак, указывая, что в далеком прошлом безличные формы русского языка «отражали определенное видение мира, указывали на непонятную силу, производящую данное действие». В современном языке они «стали формой, используемой при описании определенных ситуаций», и далеко ушли от своих первоначальных смыслов» [4, с. 185–195].

Таким образом, можно констатировать, что для эффективного межкультурного общения необходимо формирование таких умений языковой личности, которые обеспечили бы возможность создания общего культурного значения, разделяемого собеседниками, принадлежащими к разным культурам. Это означает, что для формирования навыков и умений эффективного общения необходимо включить работу по освоению культурного компонента грамматического строя языка, а культурно-обусловленный компонент грамматики языка необходимо искать в системе ценностей, в образе жизни, в моделях поведения носителей культур.

Очевидно, что концептуальное понимание грамматики строится на сравнительном анализе родного и изучаемого языков. При этом проводимое сопоставление может быть представлено в двух аспектах: содержательном (отражение мировоззрения народа в грамматике) и формальном (система средств выражения грамматических значений). Сравнение грамматики родного и иностранного языков в формальном аспекте показывает, что трудности «зависят от сложности самого явления, богатства и разнообразия морфологических форм, наличия многофункциональных и омонимических явлений (внутриязыковая интерференция); от интерферирующего влияния родного языка, наличия или отсутствия аналогичных или близких явлений в родном языке (межъязыковая интерференция); от сложности мыслительных операций, количества и характера умственных действий, необходимых для употребления или опознания грамматического явления» [6, с. 381].

Принципиальное различие между обучением родному и иностранному языку Л. С. Выготский описал следующим образом: «Если развитие родного языка начинается со свободного спонтанного пользования речью и завершается осознанием речевых форм и овладением ими, то развитие иностранного языка начинается с осознания языка и произвольного овладения им и завершается свободной спонтанной речью. Оба пути оказываются противоположно направленными. Между ними существует обоюдная взаимозависимость; сознательное и намеренное усвоение иностранного языка совершенно очевидно опирается на известный уровень развития родного языка…» [3, с. 171].

Рассматривая вопрос об опоре на родной язык, А.А. Леонтьев пишет, что в задачу обучения школьной грамматике входит задача заставить школьника осознать свой родной язык. Такое

«осознание» собственного языка, осмысление учениками бессознательных языковых процессов носит специфический характер на каждом из основных ярусов языка – фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом, но, в конечном счете, упирается в понимание системного характера языка [5, с. 271]. Безусловно, формированию грамматических навыков и умений обучаемого будет способствовать понимание системного характера языка не только родного, но и изученного иностранного. Анализируя схожие грамматические явления разных языков, обучаемый более глубоко постигает специфику каждого из них.

К сожалению, в большинстве обучающих программ при формировании грамматических навыков и умений не уделяется внимание ни содержательному, ни формальному сравнению изучаемых явлений в родном и иностранном языках, вследствие чего в речи обучаемых возникают коммуникативно-значимые ошибки. В то же время возможности алгоритмизации обучения посредством ИКТ позволяют разработать упражнения для такого учебного сопоставления, когда обучаемый шаг за шагом будет определять общее и различное в рассматриваемых грамматических явлениях. Такой подход способен обобщить имеющиеся знания и способствовать формированию языкового мышления в целом.

Таким образом, по нашему мнению, грамматически ориентированная обучающая программа должна учитывать принцип концептуального понимания грамматики и содержать упражнения не только способствующие запоминанию и тренировке того или иного явления, но и обеспечивающие их систематизацию и межкультурную интерпретацию в сравнении с явлениями родного языка. Мы убеждены, что реализация рассмотренного принципа в компьютерных программах позволит обучать грамматической стороне речи иностранного языка на качественно другом уровне по сравнению с распространённой сегодня «традиционной» практикой.

Библиографический список

1. *Беляев Б.В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1965. – 227 с.

2. *Вежбицкая А.* Язык, культура и познание. – М.: Русские словари, 1997. С. 33–88.

3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Избранные психологические исследования. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – С. 171.

4. *Гак В.Г.* Язык как форма самовыражения народа // Межкультурная коммуникация. Практикум. Ч. 1. – Нижний Новгород, 2002. – С. 180–195.

5. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Изд-во «Наука», 1969. – 271 с.

6. *Миролюбов А.А., Гез Н.И., Ляховицкий М.В.* и др. Обучение письму // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М., 1982. – С. 381.

Мелерович Алина Михайловна
доктор филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
melerat@mail.ru

ОПЫТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ (задачи и принципы построения словаря «Фразеологизмы в русской поэзии»)

Словарь «Фразеологизмы в русской поэзии» (СФРП) явится первым сводным толковым фразеологическим словарём русской поэзии XIX – начала XXI веков. Его основная цель – зафиксировать употребления ФЕ в составе поэтических контекстов и объяснить их. Разработка в словаре употреблений ФЕ в поэзии отражает специфику их функционирования в поэтическом тексте.

***Ключевые слова**: фразеологизм, фразеологический словарь, фразеография, русская поэзия, поэтический контекст.*

Последние десятилетия ознаменованы становлением и активным развитием поэтической лексикографии (словарной разработкой языка поэзии). Среди словарей поэзии особо выделились сводные словари, фиксирующие слова в множестве употреблений в творчестве ряда поэтов [9; 10, с. 321–327]. При этом имеются лишь единичные словари, в которых единицами описания служат фразеологизмы, паремии, крылатые выражения. Это словари, описывающие фразеологию в творчестве отдельных поэтов [3; 7; 8].

Словарь «Фразеологизмы в русской поэзии» (СФРП) явится первым сводным фразеологическим конкордансом, представляющим не только контексты употреблений фразеологических единиц, но и их разностороннюю интерпретацию. СФРП может быть квалифицирован как сводный толковый фразеологический словарь русской поэзии XIX – начала XXI веков. Его основная цель – зафиксировать употребления фразеологических единиц (ФЕ) в составе контекстов (фразеологических конфигураций) и объяснить их. Разработка в Словаре употреблений ФЕ в поэзии отражает специфику их функционирования в поэтическом тексте. Построение проектируемого Словаря основывается на принципах, разработанных авторами для словаря [5]. Фиксируемые в словарных статьях употребления ФЕ в поэзии нуждаются в специальной интерпретации, которая основывается на сформулированных авторами принципах лексикографической разработки употреблений ФЕ в поэтических жанрах [6, с. 67–79].

В число основных задач СФРП входит лексикографическая систематизация материалов типического для поэзии и индивидуально-авторского употребления ФЕ, служащая выявлению своеобразия поэтических идиостилей в их сложном взаимодействии. Словарная разработка ФЕ в поэзии поможет выделению ключевых образов в творчестве разных поэтов, обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира. Важно с помощью лексикографических приемов фиксировать и систематизировать характерные для поэзии способы преобразования значения и формы ФЕ.

Фразеографическая разработка ФЕ в СФРП включает формулировку дефиниций ФЕ, отражающих их концептуальное содержание в лексико-фразеологической системе языка, дефиниций окказиональных вариантов ФЕ и окказиональных ФЕ в поэтическом тексте.

Отличительной особенностью словарной статьи в СФРП является последовательное включение в иллюстративную часть зафиксированных в картотеке Словаря фразеологических конфигураций, образуемых отдельными строфами, рядами строф, текстами стихотворений, в которых реализуется то или иное употребление ФЕ. Фиксируемые таким образом формы употребления ФЕ сопровождаются указаниями особенностей связей с системой языковых образов в поэтическом тексте, видов и способов индивидуально-авторских преобразований значения и формы ФЕ.

Многие употребления ФЕ, зафиксированные в материалах Словаря, сопровождаются семантизирующими комментариями, раскрывающими не только смысловое содержание ФЕ в тексте, но и своеобразие ее стилистического употребления, связи с системой языковых образов в данном тексте, концептуальное содержание единиц текста,

© Мелерович А.М., 2011

структурируемых языковыми образами, среди которых рассматриваемая ФЕ играет доминирующую роль.

Так, в словарной статье *Слово – серебро, а молчание – золото* цитируется следующая фразеологическая конфигурация, выделенная в стихотворении А. Галича «Старательский вальсок»:

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере.... к эдакой матери.
Но поскольку *молчание – золото*,
То и мы, безусловно, старатели.
Промолчи – попадешь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

Процитированному тексту предшествует ряд характеристик: ПРОМОЛЧИ – ПОПАДЕШЬ В БОГАЧИ. *Авторский афоризм;* МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО *Окказиональная ФЕ, являющаяся частью пословицы;* ***Двойная актуализация ФЕ,*** *в основе развернутой метафоры;* ***Фразеологический и лексический повтор;*** *Саркаст.* (саркастически).

См. также употребление окказиональной ФЕ *золотом молчанье покупать* в составе следующей конфигурации в стих. Д. Кугультинова «Молчанье – золото…» и его анализ, основанный на рассмотрении многосторонней контекстуальной семантизации лексемы *молчание,* раскрывающей её концептуальное содержание в данном поэтическом тексте:

«Молчанье – золото»... Молва
Нам донесла из дальней дали
Сверхосторожные слова…
Иль смысл пословицы таков,
Что *золотом во тьме веков*
Порой молчанье покупали?..
«Молчанье – золото»… Не так!
Молчанье – ложь! Молчанье – враг!
Молчать о виденном не смейте!..
Ломая немоты печать,
Суровый голос из бессмертья
Взывает: «Не могу молчать!»

Данному тексту предшествуют следующие характеристики: ***золотом молчанье покупать*** *– окказиональная ФЕ; авторская перифраза оборота* ***молчание – золото****; образование окказиональных антонимов оборота* ***молчание – золото*** *по его модели:* ***молчанье – ложь, молчанье – враг.*** *– антитеза бесстрашно, прямо высказываемой правды и «сверхосторожного» лживого умолчания. Саркаст., презр.*

СФРП принадлежит к словарям тезаурусного плана. Об этом свидетельствует построение словарных статей, в которых фиксируются системы языковых образов поэзии как особого вида словесного творчества, конструируемые рядами слов, сочетаний слов, фразеологизмов в разнообразии их вариантов, языковых и индивидуально-авторских, объединяющихся в свои особые микросистемы, концептуальные парадигмы, представляющие фрагменты единой поэтической картины мира этноса. Семантизация входных единиц и разнообразных трансформов ФЕ, образованных на базе заголовочных ФЕ, окказиональных отфразеологических лексем и фразеологизмов производится посредством синонимических рядов и развернутых описательных дефиниций, репрезентирующих системные связи определяемых единиц в языке и в тексте, формулирующих концептуальное содержание ФЕ в системе поэтического текста, в контексте поэтического цикла.

Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Без меня» основную текстообразующую функцию выполняет градационный ряд образных перифраз, параллельных синтаксических конструкций, продуцируемых ФЕ *капля в море*, созданных по ее модели. Здесь слово компонент ФЕ *капля* и его контекстуальные корреляты *секунда, слезинка, снежинка* служат выражению ощущения поэтом своей сопричастности огромному, необъятному миру: *«Можно обойтись и без меня. / Но зачем? Секундой в толще дня, /* ***каплей в океане моря*** */ и слезинкою в рыданье горя / пригодиться я еще могу. / И еще – снежинкою в снегу»*.

Подобные ряды оборотов, характерные для поэтического текста, Б.А. Ларин назвал «синонимами поэтической речи». Они означают не тождественные, но сводимые к одному смысловому фокусу представления. Таким образом, на семантических ассоциациях, своеобразных в поэтической речи, основывается разработка определенной темы. Б.А. Ларин подчеркивает, что «в поэтической речи очень важно *это введение семантических параллелей*, дающее сложный, дробящийся, но четкий в этой множественности образ (одно многоименное, потому что многогранное “видение поэта”)» [4, с. 86].

Многогранное «видение поэта» анализируется в Словаре посредством определения синонимических рядов, ассоциативно-семантических связей слов-компонентов ФЕ, рядов образных перифраз, дающих возможность воспринять раз-

личные грани концепта-символа. Среди ряда синонимов, перифраз необходимо выделить ключевой образ, лексему или фразеологизм и его перифразы, дающие разностороннее представление об образной доминанте, о её концептуальном содержании и текстообразующей роли рассматриваемого семантического ряда, образуемого определенным звеном вербализованных образов-символов.

Г.О. Винокур писал, что в поэтическом языке в принципе нет слов и форм немотивированных, с произвольно-условным значением: любое слово здесь может входить в определенный смысловой ряд в зависимости от того образа, созданию которого оно служит [2, с. 391].

Слово в поэзии многомерно. В системе поэтического текста содержание слова мотивируется всеми образующими его элементами. ФЕ в поэтическом произведении создают своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов-компонентов. Наиболее полное, глубокое их осмысление сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом.

В СФРП найдёт отражение характерная для поэзии идиоматизация неидиоматической фразеологии, употребление в ПТ серий окказиональных идиом.

Так, в контексте поэтического цикла М. Цветаевой «Стол» номенклатурное наименование *письменный стол* преобразуется в символ творческого труда поэта. Это преобразование отражают своеобразные, неожиданные трансформы оборота *письменный стол – мой письменный верный стол, мой письменный вьючный мул, стол – вечный – на весь мой век*. Исходный поэтический символ порождает парадигму метафорических перифраз, которые разворачиваются в динамические образы-аллегории, служа выражению единой темы-идеи – смысл жизни поэта – в творчестве, все жизненные перипетии освещаются, преодолеваются им, все – во имя творчества: *Строжайшее из зерцал! / Спасибо за то, что стал / (Соблазнам мирским порог) / Всем радостям поперек, / Всем низостям – наотрез! / Дубовый противовес / Льву ненависти, слону / Обиды – всему, всему. / Мой заживо смертный тес! / Спасибо, что рос и рос / Со мною, по мере дел / Настольных – большал, ширел…»*.

Фразеологизм *письменный стол* в поэтическом цикле М. Цветаевой функционирует как многогранный символ, доминанта серии употребляемых по аналогии с ним в символической функции номенклатурных наименований с грамматически опорным существительным *стол*, сопоставляемых с доминантным символом и противопоставляемых ему: *садовый (стол), бильярдный (стол), обеденный (стол) и т. д.* Целый ряд слов и словосочетаний, фонетически и семантически ассоциирующихся с символическим образом *письменный стол (живой ствол, престол, простор, столп столпника, уст затвор, горящий столп* – см.: *огненный столп* [1, с. 551]), являются образными перифразами, создающими представлеие о роли творчества в жизни поэта. В силу паронимической аттракции они обусловливают смысловую глубину и перспективу доминантного образа-символа.

Идиоматичное в данном употреблении словосочетание *письменный стол* может послужить в СРФП заголовочной единицей в словарной статье, посвященной анализу его функционирования (см. приведенные примеры репрезентации фразеографического анализа ФЕ в словарной статье *Слово – серебро, а молчание – золото*).

Основные компоненты словарной статьи в СРФП те же, что и СФРР. Последовательно даются семантические определения ФЕ и их индивидуальных употреблений; иллюстративная часть, включающая характеристику системных связей фразеологической единицы в тексте, образуемых на ее основе тропов и стилистических фигур. Историко-этимологические данные, завершающие словарную статью, служат комплексному исследованию языкового строя поэтических произведений в структурно-семантическом, системно-функциональном, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах.

Такое разностороннее фразеографическое исследование поэтического текста ведет к выявлению своеобразия преломления картины мира различных социальных и этнических групп, индивидов в семантическом пространстве поэзии, к обнаружению языковых образов, наиболее рельефно отражающих как индивидуально-авторскую, так и национальную поэтические картины мира.

В СФРП обобщается анализ употреблений ФЕ в русской поэзии. При этом каждое употребление ФЕ рассматривается как элемент системы поэтического текста, поэтического творчества

автора, его идиостиля. Такой анализ ориентирован на перспективу сопоставления фразеологии поэтических идиолектов, конструируемых ею тропов и фигур, выявление характерных для разных поэтических идиостилей особенностей употребления ФЕ.

Семантические определения ФЕ в Словаре могут пояснять не только отдельные употребления ФЕ. Дефиниции часто относятся к фразеологическим конфигурациям в целом, характеризуя доминантные черты их художественной формы, их концептуальный смысл. Многие употребления ФЕ в Словаре снабжены комментариями, включающими вкрапления, цитацию тех компонентов контекстуального окружения, которые передают наиболее существенные элементы смыслового содержания анализируемого употребления ФЕ. См., например, следующую характеристику фразеологической конфигурации, образуемой авторским употреблением ФЕ **смотреть со своей колокольни** *на что* в стихотворении Ю. Визбора «Цена жизни»:

СО СВОИХ НА МИР ГЛЯДИТ КОЛОКОЛЕН.

В основе развёрнутой метонимии, в которой слово ***колокольни*** *служит обозначением храмов, церквей. Олицетворённый образ старинного русского города («Словно старец, он велик и спокоен») является способом выражения представления о преисполненном мудрым, величавым спокойствием взгляде на мир.*

Этот город называется Полоцк...
Он расколот на две части рекою,
Полной тихого лесного покоя,
Словно старец, он велик и спокоен,
Со своих на мир глядит колоколен.

При цитировании поэтического текста в Словаре соблюдается графическая форма стиха (печатание стихов в колонку, по строфам, с выделением коротких и длинных строк и т.п.), которая придаёт тексту зрительную выразительность, помогающую процессу восприятия. По возможности воспроизводится авторская графическая форма поэтических произведений.

Словарная разработка употреблений ФЕ в поэтических текстах будет способствовать более глубокому проникновению в концептуальное содержание поэтических произведений, более полному описанию их структурной, формальной организации. СФРП поможет выявлению, восприятию эстетической функции ФЕ в поэзии, восстановлению забытых поэтических произведений по сохранившимся в памяти употреблениям ФЕ, уточнению авторства поэтических строк.

Библиографический список

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. проф. В.М. Мокиенко. – СПб.: изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

2. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку.– М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – 492 с.

3. *Крылов А.Е.* Материалы к «Словарю цитат и крылатых выражений Булата Окуджавы» // Голос Надежды: Новое о Булате Окуджаве. – М., 2004.

4. *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. – Л.: «Художественная литература», 1974. – 288 с.

5. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. – М.: Изд-во «Русские словари», 1997. – 863 с.

6. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Семантизация межъязыковых фразеологических коррелятов и языковая картина мира // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17–19 марта 2006 г. (Костромской ГУ им. Н.А. Некрасова). – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2006. – С.21–29.

7. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб., 2005. – 800 с.

8. *Ничик Н.Н., Ронгинский В.М.* Словарь фразоупотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского. – Симферополь, 1991.

9. Словарь языка русской поэзии XX века / сост. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова и др. Т. 1. А–В. – М., 2001; Т. II. Г–Ж. – М., 2003.

10. *Шестакова Л.Л.* Формы представления слова в современной поэтической лексикографии // Художественный текст как динамическая система: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева / Институт русского языка РАН. – М.: «Управление технологиями», 2006. – С. 319–327.

УДК 811.111

Приходько Оксана Евгеньевна
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)
resurgam@list.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ МУЗЫКАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ «МЕТАЛ»

В настоящей статье раскрываются характерные особенности концептосферы песенного дискурса музыкального направления «метал», а также отличие вербализации концепта «смерть» в песенной лирике жанра от репрезентации данного концепта в языковой картине мира в целом, которое заключается в использовании лексических единиц с негативной коннотацией.

***Ключевые слова**: концепт, концептосфера, языковая картина мира, вербализация, песенная лирика, коннотация.*

Как известно, основной категорией когнитивной лингвистики является концепт. «Концепт» признан утвердившимся термином, однако он до сих пор трактуется неоднозначно. Отсутствие единого универсального определения данному понятию В.А. Маслова объясняет многомерной структурой концепта, состоящей из понятийной основы и социопсихико-культурной части, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, он включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [3, с. 47].

Кроме того, концепты иерархичны, их системные отношения образуют концептосферу, которая, в свою очередь, обуславливает особенности языковой картины мира. Под языковой картиной мира в современной лингвистике понимается совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний.

Как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность [2, с. 28].

В.В. Красных предлагает также понятие «когнитивной базы», под которой понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [1, с. 61]. (Ср. мысль Ю.Е. Прохорова о том, что принадлежность к той или иной культуре определяется наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессах социализации индивидуумов в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии [4, с. 14].)

Представляется, что базовое стереотипное ядро знаний, или когнитивная база народа, действительно существует, но выделяется из индивидуальных концептосфер как некоторая их часть, в равной мере присвоенная всеми членами лингвокультурного сообщества.

Можно говорить также о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т. д.). Для настоящего исследования особый интерес представляет концептосфера «метал»-субкультуры, ее сопоставление с национальной концептосферой.

Концепт «смерть» наряду с концептом «жизнь» является одним из универсальных концептов в языковой картине мира многих народов.

Трудно найти еще одну такую проблему, которая бы на протяжении всей истории человечества так привлекала к себе внимание людей, представляла для них столь непреходящий и непосредственный интерес и служила источником постоянного страха, как проблема смерти.

Смерть – одна из наиболее популярных тем в искусстве. И это не удивительно. Смерть – явление неизбежное, оно не минует ни богатого, ни бедного. Однако у каждого живописца или композитора свое видение вопроса о том, что такое конец жизни и что ждет нас после него.

Особое место тема смерти занимает в музыке. «Аскольдова могила», «Песни и пляски смерти», «Остров мертвых» в русской музыке; жанры музыкального реквиема и мессы, бесконеч-

© Приходько О.Е., 2011

ная вереница смертей, венчающая западноевропейскую оперу, «поющие» смерть и погребение немецкие Lieder – лишь небольшие примеры бытия этой темы в классической музыке.

В современном музыкальном пространстве образ смерти наиболее полно раскрывается внутри музыкального жанра «метал», особенно в таких его направлениях, как «блэк» и «дэт метал».

«Метал, или металл» – музыкальное направление, экстремальный вид рок-музыки, возникший в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Для «метала» характерны агрессивные ритмы и сильно искажённый гитарный звук, достигаемый за счет использования особого гитарного эффекта под названием дисторшн (от англ. *distortion* – «искривление», «искажение»). «Метал» имеет достаточно большое число подстилей, сильно различающихся по своему звучанию, «тяжести» и тематике песен: от сравнительно «мягких» (таких, как, например, классический «хэви метал») до весьма «тяжёлых» и неприемлемых для большинства неподготовленных слушателей («дэт метал», «блэк метал» и т.п.).

Наряду с ритмом и музыкой, одним из важнейших компонентов «метала» является его лирика. Поэзия «метала» представляет большой интерес для языковеда, изучающего тексты разнообразных жанров.

Тематика лирики «блэк» и «дэт метала» связана с мрачной и темной стороной жизни людей. Характерны темы антихристианства, сатанизма, оккультизма, мизантропии, нигилизма [6, с. 16].

Своеобразие тематики обуславливает особенности концептосферы текстов песен «блэк» и «дэт метала». Ядро концептосферы лирики этих музыкальных жанров составляет базовый концепт «смерть», на периферии – концепты «насилие», «тьма», «ненависть», «отрицание», «вечность».

По ходу анализа многочисленных песенных текстов различных «метал»-исполнителей, были выделены следующие единицы, вербализующие концепт «смерть»: death, dead, die, pass away, perish, slay, mortify, slaughter, murder, kill, destroy, suicide, blood, bleed, cold, fade, darkness, black, tomb, grave, sepulcher, funeral, corpse, execute, end, mortal, extinct, gone, pain, agony, torture, martyr, suffer, grief, grieve, cry, tear, weep, fear, victim, ashes, dust, remains, rot, rotten, decay, emptiness, eternity, gore, maggot, guts, decease, fate, zombie, flesh, terror, scream, termination, obituary, coffin, enshrine, hurt, last, vanish, wither, gruesome, silence, eternal, sleep, mystery, gloom, doom, inevitable, ruin, shadow, scared, night, stench, morbid, hell, paradise, devil, angels, salvation, decapitate, consume, fatal, lost, soul, resurrection, damned, sin, dark, spirit, rip, cannibal, wound, crucify, skull, bones. В основном это лексические единицы, имеющие негативную коннотацию, что является отличительной особенностью репрезентации концепта «смерть» в песенной лирике «метала».

Поскольку сам феномен смерти имеет двусторонний характер («принять смерть – причинить смерть»), как видим, концепт «смерть» соответственно реализуется через лексические единицы, выражающие «причинение смерти», «принятие смерти».

Во многих языках мира существует огромное количество синонимов к понятиям «смерть» и «умереть», причем многие из них носят ироничный характер: «дать дуба», «отдать концы», «коньки/копыта отбросить», «приказать долго жить», «протянуть ноги», «Кондрашка хватил» и др. – в русском; to kick off, to kick the bucket, to turn up one's toes, to kneel over, to peg out, to have a stroke и др. – в английском; ins Gras beißen, in den Tod sinken – в немецком и т.д. Данные синонимы связаны с народной традицией понимания смерти. Они указывают на то, что дух народа старался быть выше смерти, смерть принималась им как явление обычное и закономерное, однако стоящее ниже жизни, потому в бытовом разговорном языке и сохранилось большое количество синонимов, умаляющих смерть благодаря шутке, смеху.

Выражения типа «умереть со смеху», «до смерти испугаться», «наскучить до смерти», «смерть как хотеть», «до смерти обрадоваться» и др.; to frighten to death, to bore to death, to talk to death, to tickle to death, to die laughing и т.д.; sterbensmüde (totmüde) sein, zum Sterben überdrüssig sein и др. указывают на то, что человек, несмотря на естественный страх перед своей кончиной или пытаясь умалить его, смирился с неизбежностью, используя понятие смерти в различных бытовых ситуациях.

Поскольку в основе идеологии «метал»-субкультуры (особенно в «блэк» и «дэт металле») лежит противостояние массам, отрицание традиционных взглядов на мироустройство и религии, «метал»-исполнители в своей лирике чаще всего отражают только негативные, отталкивающие, «темные» стороны жизни, в первую очередь связанные с ее окончанием. Поэтому концепт

«смерть» вербализуется через лексические единицы с негативным коннотативным значением, и сам феномен смерти превращается в нечто ужасающе противоестественное:

Lying there cold after a torturous death
Your life ended fast you took your last breath
Dead in a grave, your final place
The maggots infest your disfigured face
Puss through your veins takes the place of blood
Decay sets in, bones begin to crack
Thrown six feet down left to rot
Brains oozing black down the side of your broken neck
(Cannibal Corpse «Pounded Into Dust»)

Однако, также как и в языковой картине многих народов, в концепте «смерть» «метал»-дискурса отразился, с одной стороны, и страх перед смертью:

In your dreams
The pain is so real
Before the dead
You'll have to kneel
Hear your future screams
See your epitaph
As you scream
The dead they laugh
Pain, growing stronger
Life, exists no longer
Welcome, to a world of pain
Death and despair
(Death «Denial of life») –

а с другой стороны – желание умереть, встретить свою смерть и избавиться от земных страданий:

I am so cold
Death is beyond me
I dream of peace
Yet all I feel is pain
Why can't I be free
From life's tragedy
(Cryptal Darkness «Lost Visions Of Sanity»)

Таким образом, в концептосфере «метал»-лирики, так же как и в большинстве культур, смерть представляется как диалектическое понятие, с одной стороны, внушающее трепет, а с другой – являющееся единственным и неизбежным концом земного пути, избавляющим от страданий. Однако, в отличие от репрезентации концепта «смерть» в языковой картине мире различных народов, где он зачастую выражается с помощью лексических средств, иронизирующих, умаляющих значение смерти и страх перед ней («копыта отбросить», to kick the bucket, ins Gras beißen и др.), «метал»-лирика отражает только негативные, ужасающие и отталкивающие аспекты самого феномена смерти, что является одной из особенностей концептосферы «метал»-субкультуры в целом.

Библиографический список

1. *Красных В.В*. От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1998. – №1. – С. 33–70.

2. *Лихачев Д.С*. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.

3. *Маслова В.А*. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007.– 296с.

4. *Прохоров Ю.Е*. В поисках концепта. – М.: Икар, 2004. – 204с.

5. *Хазан А.А*. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. – Смоленск: Русич, 2001. – 558с.

6. *Walser Robert*. Running with the Devil: Power, Gender, and Madness in Heavy Metal Music. – Wesleyan University Press, 1993. – 222c.

УДК 808. 2-085 (082)

Ухова Лариса Владимировна
кандидат филологических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
larissauchowa@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ: К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИИ*

В статье поднимаются проблемы эффективности рекламной коммуникации, рассматриваемые через призму перлокутивной лингвистики. В качестве обязательного условия эффективности текстов печатной рекламы парфюмерии рассматривается гендерная маркированность рекламных образов, активно формирующих выбор потребителей парфюмерной продукции.

***Ключевые слова**: адресат рекламного текста, архетип, гендер, рекламный образ, эффективность рекламного текста.*

Если рассматривать эффективность коммуникации с точки зрения перлокутивной лингвистики, где акт локуции – это «говорение» в полном обычном смысле этого слова, иллокуция – это то, что говорящий *хотел* сказать, то есть его намерение, а перлокуция – осуществление акта воздействия на аудиторию [4], то совершенно очевидно, что эффективной будет такая коммуникация, в которой авторское намерение имеет перлокутивный эффект. А это во многом зависит от гендерной маркированности рекламных текстов, поскольку все рекламные тексты обращены не виртуальному адресату, а адресату-мужчине и адресату-женщине.

Понятие «гендер» формирует классификационные ряды элементов социальных и культурных ожиданий общества от мужчин и женщин. Данные ряды соответствуют изменяющимся взглядам общества в силу развития социума в целом, его религиозных взглядов и научно-технической прогрессии. Рекламная индустрия должна соответствовать изменяющимся ожиданиям и, возможно, формировать их посредством создания образов современного мужчины и современной женщины. Но следует учесть, что для разных категорий мужчин и женщин, классифицированных, например, по возрасту, существуют различные стереотипы, поэтому, создавая рекламный образ, следует учитывать исторические, социальные и экономические аспекты, производящие воздействие на социализацию определенной группы мужчин и женщин, на которую направлено рекламное сообщение [1].

Гендерная теория активно используется для изучения поведения потребителей и их отношения к рекламе. А так как реклама, прежде всего, существует в социальном пространстве и влияет на сравнительно большие группы людей, то пол в первую очередь интересует нас не как биологическая, а как социальная характеристика человека. И именно с этой точки зрения изучает пол гендерная теория.

Известно, что рекламные образы передают информацию не только о товарах и услугах, но и о взаимоотношениях в обществе, в том числе и межличностных отношениях мужчин и женщин. Исследование же гендерных рекламных образов, образов женственности и мужественности, позволяет проанализировать представляемые и внедряемые в сознание потребителей стереотипы, модели поведения, навязываемые социальные роли. Большинство людей верят в эти навязываемые им гендерные идеалы, что позволяет обществу посредством рекламопроизводителей регулировать и во многом определять социальный портрет общества и человека в нем.

Наиболее репрезентативными с точки зрения релевантности рекламных образов гендерному статусу потребителей рекламы являются тексты печатной рекламы парфюмерии, поскольку через традиционные каналы коммуникации передать аромат невозможно, хотя именно запах определяет потребительские предпочтения при выборе тех или иных духов. Поэтому в рекламных текстах вербально-визуального типа основная роль отводится именно рекламному образу.

Однако всегда ли рекламное послание достигает адресата? Какова степень эффективности такого рода посланий?

Вся реклама духов построена на образах, связанных с источниками удовольствия для челове-

* Статья выполнена при поддержке Гранта по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект «Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации» № 2.1.3./6388).

 © Ухова Л.В., 2011

ка. Создатели рекламы ищут всё новые и новые методы влияния на человека через рекламные образы и новые способы прохождения «информационного фильтра» человека. Оказалось, что одним из таких методов является использование архетипов К.Г. Юнга.

К. Юнг показал, что архетипы являются отражением потребности людей в определенной «информации» (в широком смысле слова). Это позволило описать набор базовых архетипов как сочетание видов восприятия и психологических установок. Каждому из этих архетипов соответствует определенный стиль поведения человека, тип эмоционального переживания, бессознательный прогноз развития событий. Итак, к базовым архетипам, по К. Юнгу, относятся следующие:

1. Повелитель, правитель. Ценности – власть, статус, престиж, контроль. **Проявление архетипа**: человек, который стремится управлять другими людьми, держать все под контролем. Он энергичен, напорист, уделяет внимание своему имиджу, старается занять в обществе высокое положение, укрепить свой авторитет и власть. **Мотивация:** воля, доминирование, удержание превосходства, руководство, контроль, статус, власть.

2. Воин, герой. Ценности – профессионализм, победа, предприимчивость, деньги. **Проявление архетипа**: человек, который легко справляется со сложным делом, требующим профессионализма. Его естественная среда – это поле битвы, спортивное состязание, работа, то есть то, где трудности требуют мужественных и энергичных действий. Он с готовностью принимает вызов судьбы. Он ловок и предприимчив. **Мотивация:** агрессивность, соревнование, завоевание, мастерство, предприимчивость, деньги.

3. Мыслитель, мудрец, философ. Ценности – ум, объективность, логичность, знания. **Проявление архетипа**: человек, который старается во всем быть объективным. Рассуждает логично, старается все разложить «по полочкам». По натуре – «технарь». Не склонен к проявлению эмоций. Хорошо ориентируется в законах, классификациях, способен дать дельный совет. **Мотивация:** логичность, планомерность, педантизм, знания, закон, мудрость.

4. Странник, искатель. Ценности – поиск индивидуальности, свобода, реализация, открытие тайн. **Проявление архетипа**: человек, который стремится быть не таким, как все, отстаивает свою индивидуальность. Его привлекают тайны природы, загадки истории. Он стремится познать смысл жизни, найти свое призвание, предназначение, любит философствовать, путешествовать наяву и в своих фантазиях. **Мотивация:** раскрытие загадок природы и истории, поиск индивидуальности, интуиция, свобода.

5. Ребенок. Ценности – радость жизни, веселье, беззаботность, новые возможности. **Проявление архетипа**: человек, который считает, что жизнь прекрасна и удивительна. Для него жизнь – это веселая игра, праздник и развлечение. Оптимист, фантазер и выдумщик, он открыт всему новому, готов постоянно экспериментировать. **Мотивация:** новизна, игра, перспективы, обновление.

6. Эстет, любовник. Ценности – привлекательность, сексуальность, страстность, чувственность. **Проявление архетипа**: человек, который склонен к проявлению бурных эмоций, ценит прекрасное, внимательно следит за модой, общителен, старается всегда быть привлекательным для окружающих, находиться в центре внимания. **Мотивация:** сексуальная привлекательность, эмоциональность, чувство прекрасного, искусство.

7. Хранитель. Ценности – комфорт, расслабление, покой, наслаждение. **Проявление архетипа:** человек, для которого очень важно ощущение комфорта: удобная одежда, вкусная еда, хорошее здоровье, полноценный отдых. Он стремится жить без стрессов, ценит стабильность, уют и покой. **Мотивация**: защищенность, состояние здоровья, удобство, расслабление, наслаждение, консерватизм.

Проведенное нами исследование показало, что при создании рекламных образов для парфюмерной продукции рекламисты активно прибегают к использованию архетипов. Из 54 текстов печатной рекламы парфюмерии самыми популярными оказались образы, основанные на архетипах ***любовник*** (22,2 %), ***ребенок*** (18,5%) и ***странник*** (16,7%), хотя в каждом отдельном случае эти образы раскрываются по-своему.

Но поскольку аромат духов – главная составляющая женского и мужского образа, то очень важно понять, во-первых, соотносится ли рекламный образ с запахом духов, а во-вторых, влияет ли рекламный образ на принятие решения о покупке того или иного аромата духов. С этой целью нами была разработана анкета, результаты которой позволят определить, насколько печатная реклама духов влияет на выбор потребителей. Следует отметить, что при анализе был ис-

пользован **интегрированный метод** – особое соединение традиционных методов анализа текста с экспериментальными методами выявления эффективности воздействия текста на реципиента, в нашем случае методом анкетирования [5].

В основном на покупку парфюмерии, в том числе и мужской, тратятся женщины – примерно 68% в возрасте от 20 до 50 лет (по материалам «РБК. Исследования рынков» и агентства Symbol-Marketing), поэтому анкета разработана исключительно для женской аудитории.

Цель анкетирования – определить наиболее популярные сегодня образы, используемые в рекламе парфюмерии, и их соответствие ароматам парфюмерной индустрии.

Задачи: 1) выявить отношение целевой аудитории к печатной рекламе парфюмерии; 2) проследить, соответствуют ли предложенные рекламные образы аромату духов; 3) выявить факторы, влияющие на формирование выбора покупателей. Решение поставленных задач позволит выявить условия эффективности рекламных текстов определенной гендерной направленности.

В анкетировании приняла участие группа людей (женщины в возрасте от 18 до 50 лет), не имеющих отношения к рекламе, в количестве 100 человек. При ответах на вопросы они ориентировались только на собственное восприятие.

На первом этапе выяснялось отношение опрашиваемых к печатной рекламе духов, а также факторы, влияющие на выбор духов. Равнодушных не оказалось: большинство (68%) относятся к такого рода рекламе положительно, их привлекают яркие красивые образы, однако остальные (32%) проявляют скептицизм, поскольку не привыкли верить в иллюзии.

66% опрашиваемых узнают о новых ароматах из рекламы, в том числе и печатной, 26% – у консультанта и 8% – от подруг. Только 35% респондентов сопоставляют себя с используемым в рекламе образом тех духов, в пользу которых они уже сделали выбор, 40% респондентов ответили,

АНКЕТА

Уважаемые дамы!

В целях изучения влияния образов, используемых в рекламе парфюмерии, на выбор покупателей просим Вас заполнить нашу анкету. Выбранный Вами ответ просим обвести кружком.

Вопросы	А	Б	В
1. Пользуетесь ли вы духами?	Да	Нет	Редко
2. Ваш возраст	до 25	до 45	до 60
3. Каким образом узнаете о выходе нового аромата?	Вижу рекламу	Сообщает подруга	Представляет консультант в магазине
4.Постарайтесь вспомнить рекламу Ваших духов. Соотносите ли Вы себя с представленным в ней рекламным образом?	Да	Нет	Рекламу не помню
5. На что в первую очередь обращаете внимание при решении о покупке парфюмерии?	На флакон	На запах	На рекламу
6. Есть ли среди представленных образцов печатной рекламы та, которая вам понравилась, и Вы захотели попробовать сами духи?	Да, хочу их попробовать	Нет	Реклама нравится, но аромат не интересен
7. Привлекает ли Вас участие в рекламе известной личности?	Да, если к звезде отношусь положительно	Мне все равно, главное, чтобы запах понравился	Да, такая реклама вызывает больше доверия
8. Как вы в целом относитесь к печатной рекламе парфюмерии?	Красивые картинки, но далеки от реальности	Хочу быть похожей на девушек, представляющих ароматы	Равнодушна
9. Оправдано ли наличие пробника духов в журнальной рекламе?	Да, всегда знакомлюсь с запахом	Нет, неинтересно	Мне все равно
10. С каким из представленных в печатной рекламе образов вы себя ассоциируете?			
11.Соответствует ли аромат характеру рекламного образа в печатной рекламе?			

Благодарим Вас за помощь в исследовании!

Рис. 1.

Рис. 2.

что предлагаемые образы им чужды, а 26% опрашиваемых даже не смогли вспомнить рекламу. 100% респондентов единогласно подтвердили, что наличие пробников в печатных изданиях привлекает огромное количество потенциальных покупателей.

На втором этапе проводился письменный опрос по восприятию рекламных текстов вербально-визуального типа. Оказалось, что понравившиеся с точки зрения эстетической организации текстового пространства и эмоционального воздействия рекламные образы вовсе не убедили респондентов познакомиться с ароматом духов и тем более остановить на нем свой выбор.

На вопрос, какие конкретно образы близки опрашиваемым настолько, чтобы реклама побудила попробовать рекламируемый аромат, были получены следующие ответы: 60% респондентов остановились на архетипе **«эстет, любовник»,** 40% – на архетипе **«ребенок»** и 30% – на архетипе **«странник, искатель».** А именно эти стереотипы, как показало наше исследование, и внедряются в подсознание целевой аудитории современной рекламой парфюмерной продукции. Следовательно, можно смело утверждать, что рекламопроизводители действительно навязывают нам гендерные идеалы, конструируя социальный портрет общества и человека в нем.

На третьем этапе проводился опрос на соответствие образов печатной рекламы самому аромату. Так, по мнению респондентов, 2/3 тестируемых ароматов совпадают с представленными рекламными образами. Исключение составили рекламные сообщения **№1 (архетип «искатель, странник»)** и **№ 2 (архетип «эстет, любовник»).**

Следовательно, производителям рекламы следует подходить с особой тщательностью к созданию рекламного образа, поскольку, во-первых, у каждой женщины и каждого мужчины уже сформировался свой Я-образ, с которым они пытаются себя отождествлять и на смену которого, скорее всего, пойдут весьма неохотно, тем более если этот Я-образ затрагивает глубинные пласты подсознания и формирует устойчивую психологическую установку в отношении восприятия самого себя как члена социума, а во-вторых, сам аромат духов, в свою очередь, имеет весьма стойкую визуальную ассоциацию, которую тоже нельзя не учитывать при создании рекламного образа.

Таким образом, гендерная маркированность является обязательным условием эффективности текстов печатной рекламы парфюмерии, поскольку рекламные образы, использующиеся в этой рекламе, являются фактором, активно влияющим на формирование выбора покупателей.

Библиографический список

1. *Грицанов А.А* и др. Гендерные стереотипы // Социология: Энциклопедия. – Минск, 2003. – С. 48.

2. *Иващенко А.* Теория архетипов и практика брендинга. – М., 2005. – 324с.

3. *Ильин Е.П.* Образы мужчин и женщин в массовом сознании // Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – М., 2003. – С. 56–62.

4. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М., 1986. – С. 22–130.

5. *Ухова Л.В., Тихонова О.А.* Интерпретационный анализ текстов печатной рекламы: монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 139 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
slava964964@mail.ru

ЗАГЛАВИЕ ПОЭМЫ Н.П. ОГАРЁВА «ЮМОР» КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕЁ ЛЕЙТМОТИВА

Автор этой статьи раскрывает смысл заглавия поэмы Н.П. Огарёва «Юмор» через сопоставление образов Петра I, дворца и тюрьмы.

***Ключевые слова**: Огарёв, Пётр I, образ, дворец, тюрьма.*

Поэма «Юмор» – первая социально-психологическая поэма Н.П. Огарёва. К работе над ней, начиная с 1840 г., он возвращался на протяжении всей жизни. «Излюбленная Огарёвым форма сцепления мыслей и картин как бы по воле случайных ассоциаций позволила непринуждённо, лирически-задушевно говорить одновременно о литературных, художественных, философских, общественных вопросах, об особенностях русского характера, выразить мировосприятие думающего, чувствующего, ищущего осмысленной деятельности человека 40-х гг.» [2, с.384]. Это произведение так и осталось незавершённым.

Первые две его части (1840–1841), написанные «без оглядки на цензуру» [2, с. 384], были известны «в кругу читателей письменной русской литературы» [4, т. 1, с. 15], а в 1857 г. – изданы в Лондоне отдельной книжкой. Думается, что на этом основании их можно рассматривать и как самостоятельное произведение.

Своеобразие этой поэмы заключается, в частности, в её стиле. Автор иронизирует по поводу элегии:

Что я писал вам в этот раз?
Письмо ли это, или ода,
Или элегия? У нас
Последнего не терпят рода…
А было время – развелась
На вздохи, слёзы, стоны мода;
Все вспоминали юны дни,
И лезли в Пушкины они [4, т. 2, с. 46].

Герой поэмы также вспоминает детство, и не только своё – своего поколения – святую «были даль». И грустит о его невозвратимости. Но это необходимо для сопоставления с современным душевным состоянием, что вызывает у лирического «Я» горький юмор. Мотив горького юмора и становится лейтмотивом произведения.

Своеобразна и строфа поэмы. Трижды повторяющиеся рифмы *аб* делают неожиданной последнюю парную рифму – *вв*. Думается, что создаваемая таким образом концовка строфы – как бы «вдруг» – также несет в себе нечто комическое.

Поэма строится на соотношении настоящего с прошлым и будущим. Эта взаимосвязь символизируется словообразом «даль». Мотив времени становится сюжетообразующим, что сообщает произведению и публицистичность.

Исходная ситуация лирического сюжета драматична. Она выражает душевную безысходность героя и его поколения:

У нас простора нет уму,
В своём углу, как проклятые,
Мы неподвижны и гниём,
Не помышляя ни о чём [4, т. 2, с. 12].

Это состояние углубляется при воспоминании о «былого дали»:

Как вспомнишь радость и печаль,
Что в прежни годы волновали,
Как нам становится их жаль!
Как возвратить бы их желали!
Свята для нас былого даль…
И вот ещё грустней мы стали!
Где сердца жар? Где пыл в крови?
Где мир мечтательной любви? [4, т. 2, с. 16]

Но далее горькая усмешка смягчается ожиданием весны:

К чему грустить? Опять весна
Восторгов светлых, упованья
И вдохновения полна,
И сердца скорбного страданья
Развеет так тепло она… [4, т. 2, с. 20]

Возрождение природы настраивает героя на воспоминания о первых творческих волнениях. Эти мгновения для него молитвенны:

© Баталова Т.П., 2011

И робкий стих я в тишине
Чертил тревожною рукою.
О Боже! в этот дивный миг
Что есть святого я постиг [4, т. 2,с. 21].

Творческое вдохновение сродни религиозному чувству, укрепляющему дух. И «звон заутрени» – «с детства слуху звук святой» –воодушевляет лирического героя:

Не всё, не всё, о Боже, нет!
Не всё в душе тоска сгубила,
На дне её есть тихий свет,
На дне её ещё есть сила;
Я тайной верою согрет,
И что бы жизнь мне ни сулила,
Спокойно я взгляну вокруг,
И ясен взор, и светел дух! [4, т. 2, с. 21]

Таким образом, герой ждёт обновления. Для него оно равносильно возвращению в будущем святой «былого дали». Но для возрождения душевных сил необходима и свобода. Именно в её отсутствии герой видит причину духовного кризиса своего поколения. Настоящее своё состояние он сравнивает с положением «жука, привязанного за ножку»:

Что значит жук – простая мошка
В сравненьи с толстым пауком
В мундире светлоголубом [4, т. 2, с. 26].

Видимо, здесь автор вводит в подтекст стихотворение Лермонтова «Прощай, немытая Россия…».

Итак, современные общественные порядки порождают у лирического героя горький юмор.

Деление частей поэмы на главки даёт автору возможность чередовать противоположные настроения героя: от безысходности – к надежде. Вероятно, увлечение Огарёва революционными идеями нашло своё отражение в сравнении исторической ситуации своего времени с предгрозовой обстановкой:

Видали ль вы, как средь небес
Проходит туча над землёю?
Удушлив воздух, чёрный лес
Недвижен, всё покрыто мглою,
И птиц весёлый рой исчез,
Чуть дышат звери пред грозою
И в трепете чего- то ждут;
Вот наше время вам всё тут [4, т. 2, с. 28].

Читателям «письменной русской литературы» было понятно это иносказательное ожидание революции.

В Части второй историософские размышления выражаются через картины Петербурга. Связывает обе части поэмы мотив Дороги. Образ-символ «даль» вместе с временными приобретает и пространственные характеристики:

Смотрю с кремлёвских теремов
Куда-то вдаль. Воспоминанье
Живит черты былых годов [4, т. 2, с. 33].

Этот символ получает и онтологический смысл:

Так, недовольные ничем,
Бог весть куда стремимся всё мы,
Толкаемы не знаю кем
И вдаль не знаю чем влекомы,
Безумно расстаёмся с тем,
Что мило нам… [4, т. 2, с. 37]

Мотив «дали» как бы объективируется в образе Медного Всадника. Интересно, что Огарёв по-своему аранжирует пушкинские стихи из «Медного Всадника»:

В неколебимой вышине,
Над возмущённою Невою
Стоит с простёртою рукою
Кумир на бронзовом коне.

«Простёртая рука» у Огарёва «*куда-то* кажет вдаль»:

Чернея сквозь ночной туман,
С подъятой гордо головою,
Надменно выпрямив свой стан,
Куда-то кажет вдаль рукою
С коня могучий великан;
А конь, притянутый уздою,
Поднялся вверх с передних ног,
Чтоб всадник дальше видеть мог [4, т. 2, с. 43].

Сам Могучий Великан олицетворяет здесь прошлое, а его жест связывает его с настоящим. Пушкинский подтекст «Медного Всадника» придаёт мотиву «дали» историософский смысл. Акцентируя жест Могучего Великана, Огарёв как бы «пытается найти ответ на философские вопросы пушкинской поэмы» [2, с. 162].

Куда рукою кажет он?
Куда сквозь тьму вперил он очи?
Какою мыслью вдохновлён,
Не знает сна он середь ночи?
С чего он горд? Чем увлечён?
Из всей он будто конской мочи
Вскакал бесстрашно на гранит
И неподвижен тут стоит? [4, т. 2, с. 43–44]

Но конкретизация вопроса «Куда он кажет?» предполагает и конкретный ответ. То есть из многообразной проблематики пушкинского произведения Огарёв актуализирует один аспект – исторические последствия реформ Петра.

Противоположно и отношение пушкинского и огарёвского героев к Медному Всаднику. Преклонение лирического героя перед статуей Пет-

ра синонимично его отношению к святой «былого дали»:

Благоговел я в поздний час,
И трепет пробегал по телу;
Я сам был горд на этот раз,
Как будто б был причастен к делу,
Которым он велик для нас.
Надменно вместе и не смело
Пред ним колено я склонил
И чувствовал, что русский был [4, т. 2 с. 44].

И Могучий Великан безмолвно, как бы дополняя жест выражением чела, беседует с ним:

В лицо взглянул ему – и было
Как будто грустное что в нём;
Он на меня смотрел уныло
И всё мне вдаль казал перстом [4, т. 2, с. 44].

Вероятно, скульптуру Медного Всадника здесь можно рассматривать как связующее звено между временем преобразований Петра Великого и событиями, изображёнными в поэме Огарёва. Тогда символ «даль» будет означать и минувшее историческое время, и его результаты. В этом свете понятна метаморфоза, происшедшая в облике Могучего Великана при второй встрече с ним лирического «Я».

И мне казалось, как сквозь сон,
С подъятой гордо головою,
Надменно выпрямив свой стан,
Смеялся горько великан [4, т. 2, с. 46].

Видимо, этот горький юмор есть выражение разочарования от несбывшихся надежд – ожидаемого европейского просвещения в России не произошло:

С рассветом корабли придут –
Он кажет вдаль рукой державной;
Они с собою привезут
Европы ум в наш край дубравный,
Чтоб в наши дебри свет проник… [4, т. 2, с. 44]

Но вместо «света» – «тюрьма». Лирический герой сопоставляет её с «дворцом»: они не могут жить друг без друга:

Дворец! Тюрьма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель на век она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель, взирая на тюрьму,
Дворец свободен от испуга?
Ужель тюрьмою силен он
И слышать рад печальный стон? [4, т.2, с.45]

Выраженные здесь впечатления героя от созерцания Тюрьмы перекликаются с его личными переживаниями:

Я сам был взят и потому
Кой что могу сказать об этом;
Сперва я заперт был в тюрьму,
Где находился под секретом… [4, т.2, с.15]

С впечатлениями от единения Дворца и Тюрьмы гармонируют и воспоминания о трагедии Пушкина:

Где наш певец, душой незлобный?
Где дивных песен дар святой
И голос, шуму вод подобный?
Где слава наших тусклых дней? [4, т. 2, с. 46]

Итак, горькая усмешка Всадника свидетельствует и о его сочувствии герою. Отношению лирического «Я» к Тюрьме созвучно и его «проклятье войску»:

Печально глядя на полки,
Я думал – Боже, Боже правый!
Страданья наши велики!
И долго деспотизм лукавый,
Опершись злобно на штыки
И развращая наши нравы,
Ругаться будет над людьми;
Проклятье войску – чёрт возьми! [4, т. 2, с. 53]

Таким образом, картины Петербурга обобщают мотив юмора, возникающий в первой части поэмы, придавая ему общерусский, историософский характер.

Из предложенного анализа можно сделать некоторые выводы.

Заглавие поэмы Огарёва «Юмор» выражает её лейтмотив – противоречие между стремлением к свету и свободе и реальной действительностью.

Пушкинский подтекст сообщает рассматриваемому произведению историософичность. Причём из многосторонней проблематики «Медного Всадника» актуализирован один аспект. При этом проявляется, в отличие от пушкинского произведения, одноплановое, положительное отношение героя к деятельности Петра I.

Заметим, что лейтмотив рассматриваемой поэмы Огарёва педалируется при сопоставлении её со стихотворением Н.А. Некрасова «До сумерек» (цикл «Уличные впечатления», 1858–1859). Некрасов был близок с кружком «московских западников» и, конечно, был читателем «письменной русской литературы». В критических статьях 1840-х – 1850-х гг. он неоднократно писал о «глубине и разнообразии дарования г. Огарёва» [3, т. 11, кн. 1, с. 148].

Поэму «Юмор» со стихотворением «До сумерек» связывают Петровский мотив и мотив Войска. Лейтмотив некрасовского стихотворения – негативное влияние петровских реформ на современную жизнь России. Образ Медного

Всадника здесь присутствует, но снижен: «близ медной статуи Петра, / У присутственных мест». В этом пародировании уже выражено отношение к Петру Великому и его преобразованиям. Перекликается с огарёвской картиной «несчётных полков» – «войско, несметное счётом». Однако в этих изображениях есть и принципиальные различия. У Огарёва неприятие «войсковых забав» выражено иронически:

Направил любопытный шаг
И я туда ж, хоть в самом деле
Я был непримиримый враг
Забавам воинским доселе
И не умел понять никак,
Как человек, в ком уцелели
Две мысли здравых как-нибудь,
На них мог с радостью взглянуть [4, т. 2, с. 51].

У Некрасова подобное отношение дано саркастически:

Я горячим рождён патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счётом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный Росс! [3, т. 2, с. 180]

Кроме того, эта картина обобщена:

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно зевающих
Счёту нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною стклянницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая –
Открывай ей немедленно путь! [3, т. 2, с. 181]

«Войско, несметное счётом», по Некрасову, перегородило путь движения вперёд всей России.

Вместе с тем заметим, что данные картины изображены в противоположных тонах. У Огарёва – в блеске солнечных лучей: может быть, по аналогии с вступлением пушкинского «Медного Всадника», а может быть, в этом тоже проявляется юмор:

Толпы несчётные полков
Стоят на площади широкой,
Густая масса их рядов
Недвижна в тишине глубокой,
На солнце блещет сталь штыков,
Так что смотреть не может око,
И кажет кирасиров ряд
На белом фоне чернеть лат [4, т. 2, с.52].

В некрасовской картине – Дождь и Туман:

Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей… Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжко и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит…
[3, т. 2, с. 180–181]

«Дурная погода» здесь символизирует, вероятно, негативное влияние петровских преобразований на жизнь России.

Таким образом, Некрасов переосмысливает «заимствованные» у Огарёва ситуации. Это способствует более полному выражению лейтмотива его стихотворения.

Можно отметить также, что различия в тональности изображаемых картин, как и произведений в целом, отражают характер времени их создания. Поэма «Юмор» выражает надежды людей 1840-х гг. на успех революционного движения. Стихотворение «До сумерек» – на необходимость демократизации страны, в частности, – на готовящиеся тогда александровские реформы. Очевидно и проявление в данных вещах противоположности историософских взглядов их авторов.

Библиографический список

1. *Краснов Г.В.* Мятежная Нева: Евгений и «Кумир на бронзовом коне» // Краснов Г.В. Пушкин. Болдинские страницы. – Горький, 1984. – С. 143–172.

2. *Лазурин В.С., Павлова Л.В.* Огарёв Николай Платонович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1999. – Т. 4. – С. 382–388.

3. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. – Л.; СПб., 1981–2000.

4. *Огарёв Н.П.* Избранные произведения: В 2 т. – М., 1956.

УДК 821.161.1

Грязнова Анна Юрьевна
Воронежский государственный университет
granu@ya..ru

ОБРАЗ ОТЦА В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»

В статье анализируется культурно-мифологический образ отца в творчестве А. Платонова. Анализ проводится в контексте мотивов «сиротства» и «безотцовщины». На примере повести «Джан» рассматривается роль образа отца в сюжете «возвращения».

***Ключевые слова**: А. Платонов, образ отца, сиротство, безотцовщина, повесть «Джан».*

Миф о государстве как о большой семье характерен для русской культуры издревле. В народной поэзии прочно укоренились такие постоянные эпитеты, как «Россия-матушка» и «царь-батюшка». Естественно, что, как и в традиционных представлениях о семье, в мифе о государстве главная роль отводится образу отца. Исторически именно на отца возлагалась функция управления семьей, воспитания детей, точно так же как на государственную власть возлагается функция управления обществом. Кроме того, иерархическая и патриархальная модели общества подкреплялись христианским догматом о Боге Отце, наместником которого на Земле считался монарх. Поэтому революция 1917 года, свергнувшая царский режим и разрушившая религиозные устои, во всех смыслах стала в русской культуре событием, «осиротившим» народ. Семья как уменьшенная модель государства оказывается на какое-то время дискредитирована.

Формирующаяся в 1920-х гг. советская идеология активно пропагандирует идеалы равенства и братства, в противоположность империалистической системе, основанной на иерархическом принципе. Кроме того, коллективистский пафос, характерный для этого времени, предполагал приоритет социальных связей над родственными: человек должен был мыслить себя в первую очередь частью всего государства, а не отдельной «ячейкой общества». Идущий еще с 1917 года раскол страны на два лагеря, продолженный событиями коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х гг., приводил к тому, что пренебрежение семейными ценностями во имя гражданских идеалов становилось чуть ли не нормой. Характерным примером может служить прославление официальной советской литературой и культурой такой фигуры, как Павлик Морозов, чей поступок расценивался в 1920-е – 30-е годы не иначе как подвиг и должен был служить образцом для подрастающего поколения.

Трагичность положения народа без «отца» была замечена многими художниками, среди которых был и А. Платонов. По мнению Х. Гюнтера, исследователя платоновского творчества, образы отца и матери у А. Платонова во многом наследуют соответствующим мифологическим образам. Так, отец олицетворяет собой социальное и духовное начала в человеке, несет ответственность за пробуждение в нем сознания, в отличие от образа матери, символизирующего природное, инстинктивное и бессознательное [2]. Вырастая, ребенок все больше разрывает связь с матерью, и дальнейший его жизненный путь определяется как следование направлению, заданному отцом. Жизнь человека, таким образом, состоит в преодолении в себе природы и развитии сознания: «Самый хороший, самый разумный и сильный человек вышел бы тогда, если бы ребенка выкормила волчица в лесу, а когда он подрос и ушел бы от нее, то… потом пришел в города и одолел все книги и всякое человеческое знание, т.е. стал бы человеком, развил бы до конца ту возможность, которую он имеет по рождению от отца – человека» [5, с. 126].

Такой ход развития человечества – от природы к социуму и от инстинктивного к сознательному – представляется писателю естественным и гармоничным, а потому сиротство в произведениях А. Платонова предстает как одно из главных проявлений несовершенства мироустройства. Это не просто отсутствие матери или отца, это отсутствие важнейших жизненных ориентиров, связи со своим прошлым, своего места в мире. Ключевым моментом для преодоления сиротства у А. Платонова является память. Память о родителях толкает платоновского героя-сироту к взысканию утраченного, становится основной мотивировкой духовного поиска. Для произведений писателя типичен сюжет, когда герой, отправившийся искать родителей, усыновляется несколько раз чужими ему людьми, и эта череда

 © Грязнова А.Ю., 2011

усыновлений определяет его духовное становление (Саша Дванов в романе «Чевенгур», мальчик-сирота в рассказе «Глиняный дом в уездном саду»).

Иная картина сиротства складывается в случае незнания или полного забвения детьми своих родителей. Такое состояние А. Платонов именует «безотцовщиной», и оно представляет собой отсутствие отца как в буквальном, так и в социальном и духовно-религиозном смысле. Последствия существования человека в таком мире А. Платонов изображает в романе «Чевенгур» в образе «прочих» – «людей неизвестного назначения» [6, с. 284], никогда не знавших и не помнящих своего отца и потому бесцельно бредущих по земле в полном равнодушии к собственной судьбе. Путь «прочих», в отличие от пути других героев-сирот А. Платонова, – это не целенаправленное странствие в поисках родителей, а отсутствие пути как такового. Поэтому слова Прошки о том, что «прочие» «бредут в коммунизм», с этой точки зрения, должны быть восприняты с некоторой долей иронии, поскольку, не имея «классового отца», эти люди не имеют и представления о каком-либо социальном строе. Единственное, что связывает их в единую группу, – это душевное тепло и забота друг о друге, а вовсе не классовая идеология. Но именно это внутреннее родство, определяемое А. Платоновым как «остатки первоначальной родительской теплоты», оказывается сильнее, чем искусственно создаваемое чевенгурцами братство. Недаром в конечном итоге именно «прочие» остаются единственными жителями Чевенгура.

И. Спиридонова отмечает, что сиротство является основополагающим мотивом всего платоновского произведения и применимо практически ко всем персонажам романа, прежде всего к главному герою, Александру Дванову [7]. Осиротевшего Сашу усыновляет сначала Прохор Абрамович, отец многодетного семейства, образ которого воплощает собой отцовство в его буквальном, биологическом смысле, затем Захар Павлович, фактически выполняющий функцию социализации героя, помогая ему вступить в партию. Однако ни тот, ни другой не могут дать Саше полноценное отцовство, от каждого из них он уходит сиротой, каждый представляет собой лишь одну ипостась отца. То же самое можно сказать и о государственном «отцовстве» в городе «Чевенгур», управление которым осуществляется по сути двумя руководителями, один из которых «думает» (Чепурный), а другой «формулирует» (Прошка Дванов). Занятые укреплением товарищеских, «братских» отношений чевенгурцы оказываются сиротами, поскольку на роль «отца» не могут претендовать ни Прошка, который смотрит на все только с позиции выгоды и рациональности и для которого дети связаны с отцом «не чувством, а имуществом», ни Чепурный, в котором чувство, наоборот, «закупоривает головную мысль» [6, с. 245].

Поиски героями А. Платонова единого отца в какой-то степени оказались созвучны общей тенденции русской послереволюционной мысли. Как утверждает Х. Гюнтер [1], необходимость дать «осиротевшему» народу вождя была осознана в советской культуре уже в середине 1920-х годов, проявившись сначала в посмертном культе Ленина, а затем окончательно воплотившись в образе Сталина, за которым в 1936 году закрепился эпитет «отец народов». Однако платоновское понимание роли государственного «отцовства» радикально отличалось от навязываемого официальной советской идеологией. Уже в раннем творчестве А. Платонова появляется мысль о том, что человек пограничен по своей природе, сочетая в себе биологическое, социальное и духовное начала, при том что гипертрофия какого-либо одного из них ведет к ущербности, сиротству. Так, абсолютизация социальной стороны жизни приводит к забвению духовных основ, а полное доверие биологической природе и вовсе низводит человека до животного уровня. Поэтому преодоление народной «безотцовщины» должно начинаться с преодоления раскола внутри самого человека.

Эту мысль А. Платонов продолжает развивать и в 1930-е годы в повести «Джан», где путь главного героя, Назара Чагатаева, представляет собой последовательное и гармоничное развитие всех трех начал. В отличие от героев «Чевенгура», герой «Джан» избавляется от «безотцовщины», взяв на себя роль отца. В произведениях А. Платонова достаточно часто повторяется ситуация, когда ребенок, оставшись сиротой, берет на себя функцию родителя. Так поступает, например, главный герой рассказа «Семен», переодеваясь в одежду умершей матери, или безымянный мальчик-сирота из рассказа «Глиняный дом в уездном саду», мечтающий вырасти поскорее и стать отцом: «Детей тогда начну рожать и буду до самой смерти с ними жить. Пускай у них будет отец, а то у меня нету» [4, с. 125].

Похожий сюжет присутствует и в повести «Джан». Главный герой произведения, Назар Чагатаев, – «безотцовщина», он никогда не знал своего отца. Его мать, Гюльчатай, по сути дела выполняет и отцовскую функцию, поскольку именно она выводит сына на дорогу и задает ему направление поиска: «Если узнаешь отца своего, ты к нему не подходи… Иди далеко к чужим. Пусть отец твой будет незнакомым человеком» [4, с. 13], – говорит она. Это напутствие еще раз свидетельствует о том, что непременным условием развития человека у А.Платонова является выход за пределы своего рода. С одной стороны, место отца не должно пустовать, его обязательно должен кто-то занять, пусть даже незнакомый человек. С другой стороны, возвращение героя «Джан» к родному отцу означало бы остановку развития, достижение конечной цели слишком простым путем, минуя весь тот опыт, который он должен приобрести в сопротивлении «чужому» миру и освоении его. Поэтому оказывается необходим «незнакомый человек», принадлежащий к принципиально иному, чуждому для Назара пространству.

Однако, найдя отца в чужом человеке, герой по-прежнему ощущает собственное сиротство и ищет избавления от него тем же образом, что и названные выше платоновские герои-дети. Перед возвращением на родину он принимает решение усыновить еще не рожденного ребенка Веры, то есть самому стать отцом. Посредством этого шага он преодолевает сиротство в его буквальном смысле и восстанавливает целостность разрушенной семьи.

Следующим шагом является «отцовство» Чагатаева над «осиротевшим» народом джан. Характеристика, которую писатель дает этому небольшому племени, почти идентична описанию «прочих» в романе «Чевенгур»: «У народа ничего не было, кроме души и милой жизни, которую им дали женщины-матери» [4, с. 23]. Однако одной только жизни, доставшейся джан от матери (природы), недостаточно для того, чтобы люди были счастливы. Причина их страданий – «безотцовщина», как и «прочие», они живут «в забвении себя».

Таким образом, в повести «Джан» вновь встает вопрос об «отце народа» – вожде, способном раскрыть людям смысл их существования. Для А. Платонова эпитет «отец народа» имеет почти буквальный смысл: это человек, который связан со своим племенем узами родства, а не просто социально-политическими отношениями. Только в этом случае его действия будут исходить из нужд самих людей, а не из соображений собственной выгоды. Ситуация, когда у власти оказывается «чужой» человек, приводит к застою и гибели. В повести «Джан» таковым является уполномоченный райисполкома Нур-Мухаммед, все политическое руководство которого сводится к тому, что он водит людей кругами по пустыне и роет могилы умершим. Чагатаев же, принадлежащий к народу джан, выполняет по отношению к своему народу именно роль отца, в том смысле, который А. Платонов формулирует в своей ранней статье, – дает людям возможность раскрыть заложенный в них природой потенциал.

Накормленные и отдохнувшие люди уходят из родной пустыни и расходятся в разные стороны света, и именно с этого момента А. Платонов говорит о джан уже не как о небольшом племени, а как о целом народе. Джан связывает воедино не территориальная общность, а общая «душа» (слово «джан», по словам главного героя, переводится как «душа или милая жизнь»), и именно в освобождении угнетенной души народа видит смысл своей деятельность Назар Чагатаев: «Он хотел помочь, чтобы счастье, таящееся от рождения внутри несчастного человека, выросло наружу, стало действием и силой судьбы. И всеобщее предчувствие, и наука заботятся о том же, о единственном и необходимом: они помогают выйти на свет душе, которая спешит и бьется в сердце человека и может задохнуться там навеки, если не помочь ей освободиться» [4, с. 87–88].

В повести «Джан» (как и в романе «Чевенгур» на примере «прочих») А. Платонов напрямую говорит о том, что душа – последнее, что остается у людей, даже если у них отобрать все. Следовательно, именно она является той сущностью человека, которая и определяет всю его деятельность и смысл пребывания на земле. И именно она, а не научное знание и техника, должна служить главным инструментом преобразования мира, избавления его от «сиротского» состояния. Смысл человеческого существования, по А. Платонову, состоит в том, чтобы «сделать героическую душу человека законом всей земли» [3, с. 213], обеспечив тем самым единство человека и мира.

«Джан» является одним из немногих произведений А. Платонова, в котором эта задача оказывается выполнена, а сиротство и «безотцовщина» преодолеваются. В романе «Чевенгур» Саша Дванов возвращается к отцу, но в этом случае

завершение сюжета предполагает начало нового: из разрушенного, «сиротского» Чевенгура начинает свое странствие Прошка. Да и само возвращение оказывается возможным только со смертью главного героя. В повести же «Джан» сюжет органично завершен: отправляясь на поиски отца, главный герой находит его в себе. Становясь отцом семейства и «отцом народа», он тем самым преодолевает и собственное сиротство. В этом смысле путь Назара Чагатаева (уход от матери, поиск отца в «незнакомом человеке» и возвращение в качестве отца сначала к своему народу, а затем и к своей семье) оказывается тождествен пути всего племени джан (исход из пустыни, освоение чужого пространства и возвращение в Сара-Камыш) и пути всего человечества.

Библиографический список

1. *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. статей / общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 743–784.

2. *Гюнтер Х.* От «безотцовщины» к «отцу народов» // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век. – Воронеж.: Полиграф, 2001. – С. 51–60.

3. *Платонов А.П.* Ноев ковчег: пьесы. – М.: Вагриус, 2006. – 464 с.

4. *Платонов А.П.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 2. – М.: Советская Россия, 1984. – 528 с.

5. *Платонов А.П.* Сочинения: Т. 1. Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 512 с.

6. *Платонов А.П.* Чевенгур. – М.: Высшая школа, 1991. – 654 с.

7. *Спиридонова И.А.* Мотив сиротства в «Чевенгуре» в свете христианских традиций // Евангельский текст в русской литературе XIX–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып. 2. – Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1998. – С. 514–537.

УДК 39=35

Гулиева Зухра Хасановна
Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия (г. Нальчик)
kuksik-959@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА

Автором статьи предпринята попытка охарактеризовать гендерный аспект карачаево-балкарского эпического памятника на примере женских персонажей.

***Ключевые слова**: нартский эпос, мать нартов, богиня-мать, Сатанай, Байрымкыз, Акбилек.*

Начало XX столетия отмечается проникновением «женского вопроса» во многие общественные сферы деятельности человека. Признание особости женского социального опыта и интерес, вызываемый «женской темой», получили развитие в научном понятии «гендер».

Гендер стал результатом исканий человека в стремлении понять и систематизировать взаимосвязь пола человека с его социокультурными потребностями. Разделение биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании – гендерным исследованиям, появление и развитие которых рассматривает пол в социальной теории как инструмент социальной детерминации и стратификации наравне с классом, этносом, конфессией и т.д. А актуальные социальные проблемы – власть, самосознание, свобода – предстают как проблемы, связанные с принадлежностью к определенному полу. Проблемы сущности человека, смысла и предназначения получили благодаря гендерным исследованиям гендерное измерение, представ как связанные с социально-половыми или «гендерными» ролями каждого индивида и существующей в любом обществе иерархией и дискриминацией по признаку пола.

Введенный в 1958 году в междисциплинарную исследовательскую практику психоаналитиком Робертом Столлером для анализа общественных явлений и их изменений, термин «гендер» стал основой современной социальной науки. Гендер нашел свое отражение во многих науках: лингвистике, истории, политологии, правоведении, психологии. Наш же интерес прикован к проявлению гендера в литературоведении.

© Гулиева З.Х., 2011

Известный польский писатель Ян Парандовский четко подметил, что «как у истоков земледелия, мореходства, торговли, медицины, всех изобретений, ремесел и искусств есть своя мифология, точно так же есть она и у литературы, потому что человеческая мысль не осмеливалась приписать себе открытие всех явлений без участия сверхъестественных сил, а потому и литература некогда искала колыбель свою в мире богов и героев. Это соответствовало и необычайности творческого дара, и покрытой тайной давности искусству слова» [3, с. 27]. Поэтому мы считаем целесообразным начать исследование гендерного дискурса современной карачаево-балкарской поэзии с «колыбели» национальной кавказской литературы – нартского эпоса.

Нартский эпос – это одна из важнейших частей национальной духовной культуры народов Кавказа и, возможно, самое великое ее достижение. Имея два варианта: стихотворно-песенный и прозаический, что характерно для нартских сказаний карачаево-балкарского народа, –нартский эпос является примером гениальной народной поэмы и народной литературы в целом. Такое великое наследие, во многом определившее настоящее положение вещей и богатый культурный фонд современности, предоставляет широкий диапазон для литературоведческих исследований. В предлагаемой работе нами предпринята попытка проанализировать концепт «женщина» на примере женских персонажей нартского эпоса, среди которых основными являются: мудрая Сатанай, ведунья Байрымкыз и красавица Акбилек.

«В рамках архаической культуры женское начало в качестве олицетворения жизнедарующей силы приобретает сакральный статус; женщина наделяется влиянием на плодородие земли. Наиболее яркое воплощение эти представления получили в образе богини-матери, ставшей ключевой фигурой культа на определенном этапе. Растительность, очаг, потомство, традиция – таковы основные символические коннотации, связанные с образом женщины в этот период» [5, с. 56]. Подобными характеристиками наделена центральная героиня нартиады – Сатанай.

Дочь Солнца и Луны – Сатанай – мудрейшая из всех нартских женщин, олицетворение мудрости и красоты. Она не только богиня, но и человек, мать и жена – *Сатанай была женой нарта Ёрюзмека. Она была красивейшей из красивых, умнейшей из умных, мастерицей на все руки* [3, с. 347]. «Мать нартов», как ее именуют во многих сказаниях – *До Сатанай женщины страны нартов не умели кроить и шить. Кроме того, нарты [раньше] ели мясо, пожарив его на костре. Сатанай [же] сделала казан и научила [их] варить мясо. Нарты ели [кукурузу, пшеницу, просо] в зернах, а она научила [их] молоть муку на ручной мельнице и выпекать хлеб. Не было дня, чтобы Сатанай не научила [жителей] страны нартов чему-нибудь новому* [3, с. 347]. Она не только обучает людей кулинарному мастерству, различным ремеслам, но и этикету, гаданию. Знает все лекарственные травы и яды – *Обур Сатанай знала язык [всех] трав, растений, деревьев, растущих на земле. Поэтому [она] делала [различные] лекарства из трав [и лечила] нартов. Она [даже] нашла растение, съев которое человек стал бы бессмертным, но она, говорят, не съела его сама и не дала [его] съесть никому из людей* [3, с. 347]. Часто именно она решает спорные вопросы, и никто не оспаривает ее решения – *Сатанай ведала о всех делах, которые были, есть и будут [на земле нартов]. Очень долгое время Сатанай была советчицей нартов* [3, с. 597]. Никто из нартов – ни ее муж Ёрюзмек, глава всех нартов, ни даже сам прародитель нартов Дебет – не могут сравниться с ней в мудрости. Она выручает нартов своими советами в самых трудных ситуациях. Например, подсказывает, как одолеть злобное существо Фука, которому нарты платили дань:

– Способ избежать кары Фука найдет Сатанай,– сказали.

За нею Сосурука послали.

– Пусть придет она на тёре нартов, – сказали [3, с. 311].

Другим примером женской находчивости эпических сказаний является ведунья Байрымкыз. Она подсказывает нарту Алаугану, где найти волшебный меч и оперенье двуглавого орла Таурус, надев которое нарт сможет сражаться с крылатым войском эмегенов (противниками Нартов, чудовищами огромных размеров). Пользуясь ее советами, Алауган освобождает отца и братьев, находившихся в плену в пещере, вход которой завален огромным валуном:

– Ведунья Байрымкыз, где же мне найти коня и булатный меч? – спросил ее Алауган.

Если ты сделаешь [все], как я велю, я помогу тебе найти их, – ответила [ведунья] [3, с. 397].

Нартская красавица Акбилек – дочь храброго «нартского пелиуана по имени Экижюрек», по-

гибшего в бою с эмегеном. *«О ее красоте говорила вся страна нартов. [Не только красивой, но и могучей она была] – могла побороть [даже] вола, схватив [его] за рога»* [3, с. 389]. Акбилек («белорукая») ожидала мужа (Сосурук) на башне на берегу бурной реки, когда он пригонял табуны, и свет, исходивший от ее ладоней, освещал ему брод. Но однажды он своим хвастовством унизил и рассердил её. Акбилек решает проучить мужа, и Сосурук, лишившись ее поддержки, погибает:

Акбилек, поднявшись на крышу крепости, оголила руку
И осветила ночную реку.
[Когда] Сосурук, табун в реку загнав,
До середины реки доплыл,
Акбилек убрала свою руку.
Сразу наступила кромешная тьма,
И скот и табун, сбившись с переправы, утонули [3, с. 389].

Согласно карачаево-балкарским сказаниям, нарты – это бесстрашный народ воинов-богатырей, потомки бога кузнечного дела Золотого Дебета. Они созданы Великим Тейри с определенной целью – установить на земле порядок, очистить мир от всего, что мешает людям. Поэтому нартам нередко приходится участвовать в войнах. Война – это время, когда народ вовлечен в трагические события, требующие проявления таких «мужских» качеств, как воля, характер, смелость, терпение, честь, мудрость. *«Кырс-бийче, став приемной матерью Сосурука, [воспитала] его храбрым, правдивым, терпеливым, научила бегать, стрелять, сражаться»* [3, с. 388]. Именно этими качествами обладали женщины нартского общества и с их помощью помогали своим мужчинам преодолевать препятствия в боевых схватках, а также сами становились их участницами. Например:

«Я сама поведу войско», оделась, взяла [оружие] и села на коня Ёрюзмека. Она приняла облик Ёрюзмека, крикнула в быргы и собрала [нартское] войско. ...И двинулась [с войском] навстречу врагу [3, с. 348]. Так, благодаря хитрости Сатанай, нарты одолевают войско эмегенов.

Или:

«Девушка эта три дня и три ночи находится в походе, воюет» [3, с. 383].

Здесь следует отметить типологическое сходство карачаево-балкарского нартского эпоса с эпическими памятниками кабардинцев, черкесов, адыгейцев, осетин, чеченцев, ингушей, в которых также ярко выражен мотив женской воинственности, когда речь заходит об обороне родной земли. Сюжетами о переодетых в мужчину девушках-бойцах изобилует фольклор и профессиональная литература многих народов. В древнеузбекской эпической поэме «Раушан», являющейся органической частью цикла о «Гер-Оглы», безымянный автор неоднократно подчеркивает важное место женской позиции в обществе, в том числе в военном искусстве. Во всех поэмах этого эпоса проходит образ легендарного богатыря Гер-Оглы, который, избрав себе в дружину сорок человек отважных богатырей-джигитов, всю жизнь борется против тиранов своего народа.

«Сказание о Гер-Оглы уходит в глубокую доисламскую древность, в эпоху солнцепоклонников и огнепоклонников. …Характерной чертой, указывающей на древность эпоса, является равноправное с мужчинами положение женщин. *Женщины,* наравне с мужчинами*, участвуют не только в делах мира, но и в делах войны*» [4, с. 5–6], – подчеркивается в предисловии к этому древнему источнику. Судя по тексту, жены великого воина – Юнус-пери и Мискал-пери – также обладают сверхъестественными способностями, с помощью которых помогают герою выходить из боя победителем: «Во всех своих делах и начинаниях Гер-Оглы советуется со своими женами-пери» [4, с. 6], – повествуется в поэме. Во многих эпических памятниках ближневосточной литературы, западноевропейском фольклоре, древнерусских исторических сказаниях воспет образ «женщины с мечом», женщины – военной советницы.

Выдающийся русский поэт М.Ю. Лермонтов, которого справедливо называют «литературным кавказоведом», не без доли романтической идеализации описывает быт и нравы горянок Северного Кавказа в своем произведении «Воздух там чист, как молитва ребенка…»:

«Война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит; в дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружье» [1, с. 128].

В приведенном отрывке запечатлена не столько степень воинственности «дев Кавказа», сколько согласованность их действий с помыслами мужчин, вынужденных постоянно оборонятся от внешних врагов в суровых геополитических условиях XIX столетия на юге России.

Данный факт женского участия в военных действиях может являться интересным для науки синхроническим срезом истории женщины и заслуживает более детального изучения.

Многогранный талант ключевой героини карачаево-балкарского нартского эпоса находит отражение в заголовках сказаний: «Сатанай спасает Ёрюзмека от гибели», «Как Сатанай спасла своего мужа», «Как Сатанай победила войско Темир–Капу», «Как Сатанай обманула Ёрюзмека». Судя по этим и другим номинологическим единицам, прародительница племени нартов – мудрая, воинственная, находчивая, изобретательная, обладает острым умом и эзотерическими знаниями. Её, как правило, приглашают на тёре (совет старейшин), от нее ждут нестандартных решений бытовых, социальных, онтологических проблем. Создатели древних мифологических преданий подчеркивают инаковость женской природы, сотканной из «другого» материала, имеющей особый доступ к Первоначальному Знанию.

На наш взгляд, в образе центральной героини карачаево-балкарского нартского эпоса Сатанай запечатлен архетип Великой Матери, олицетворяющей животворящую силу самой природы. Указанный архетип имеет множество этнокультурных преломлений. Так, в греческой мифологии она фигурирует в образе Геи – матери всего сущего, первопричины бытия. Христианским «ответвлением» вселенской Матери является Дева Мария. По К. Юнгу, материнский архетип может быть воплощен в образе бабушки, матери, кормилицы в системе художественного текста. Так можно вкратце охарактеризовать гендерный аспект карачаево-балкарского нартского эпоса и его историко-культурный контекст.

Библиографический список

1. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1998. – С. 128.

2. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – С. 347.

3. *Парандовский Я.* Алхимия слова. Петрарка. Король жизни: пер. с польского / сост. и вступ. ст. С. Бэлзы; ил. П. Сацкого. – М.: Правда, 1990. – С. 27.

4. Раушан. Узбекская народная эпическая поэма. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 5–6.

5. Словарь символов и знаков / авт.-сост. В.В. Адамчик. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – С. 56.

УДК 82.09=35

Кушхова Асият Лиуановна
Кабардино-Балкарский государственный университет (г. Нальчик)
asya_kushhova@mail.ru

ОБРАЗНЫЙ МИР ДИЛОГИИ А. КЕШОКОВА «ВЕРШИНЫ НЕ СПЯТ»

Данная статья посвящена анализу системы образов романа А. Кешокова «Вершины не спят». Рассматривается новаторство кабардинского писателя при создании образного мира произведения.

***Ключевые слова**: А. Кешоков как художник и психолог, «Вершины не спят», образная система, проблема положительного героя.*

Роман А. Кешокова «Вершины не спят» (1965) – крупномасштабное произведение, повествующее о достоверных событиях, имевших место в истории: это империалистическая война, Гражданская война, Октябрьская революция 1917 года и первые годы установления советской власти. Дилогию «Вершины не спят» называют в критике «родословной революции на Северном Кавказе» (Х. Хапсироков), «новаторским явлением в горской прозе» (Н. Джусойты), «большим завоеванием адыгских литератур» (Ю. Тхагазитов) и т.д.

«Вершины не спят» можно с уверенностью определить как многоплановую и многопроблемную эпопею о трудном пути народа к светлому будущему. Автор рассматривает такие вопросы, как народ и революция, место и роль личности в движении истории, религия и власть, обычаи и традиции старины и их место в изменяющейся жизни, образование, культура и многие другие.

Правдивому воссозданию грандиозных событий революционного времени подчинены в романе композиция, изобразительно-выразительные средства, этно-фольклорный материал, привлеченный А. Кешоковым, а также богатая образная система.

Не раз в трудах, посвященных творчеству писателя, отмечалось умение Кешокова-художника создавать сложные, психологически достоверные, глубоко индивидуализированные характеры.

 © Кушхова А.Л., 2011

Сам А. Кешоков по этому поводу пишет, что каждый герой «должен быть отмечен своими чертами характера, иметь свой психологический облик, свою среду, свой мир представлений, социальную принадлежность и идеологическую направленность» [4, с. 257].

В романе «Вершины не спят» автор создает целую галерею ярких образов со сложным внутренним миром. Дилогия включает в себя больше 150 действующих лиц, и все они имеют большое значение в художественной системе произведения. Развернутая образная система и множество равноправных сюжетных линий дают право назвать роман многогеройным.

Главные события романа происходят в селе Шхальмивоко (это автобиографический образ родного села писателя – Шалушки). Жители аула встречаются у берегов разбушевавшейся реки Шхальмивокопс. За легкой добычей пришли на берег реки «и нищий Нургали, и вдова Диса с дочерью, хорошенькой Сарымой, и дед-весельчак Баляцо», и «богач Муса со своими приспешниками Батоко и Масхудом». Здесь мы увидим также муллу Саида, его работника Эльдара, сына Мурата Пашева (участника Зольского восстания), кузнеца Бота, «длинноносую Чачу, первую сплетницу в ауле, известную и за пределами Кабарды». «Не усидел дома» даже «грубый и бранчливый старшина – Гумар – гроза села». Всех этих людей на берег реки приводит жажда легкой наживы. Права А. Мусукаева, утверждая, что «панорама жизни аула, как изображаемый разлив реки, раскручивается и вовлекает в себя все новые и новые характеристики героев: мы не просто знакомимся с ними, мы видим характеры, предопределяем развитие судеб» [5, с. 167].

У А. Кешокова достаточно развит психологический портрет. По описанию персонажей у нас складывается то или иное представление о них. Так, внешность Астемира Баташева обрисована с большой симпатией: «На его голове *не было дорогой барашковой шапки*, а *на ногах – только чувяки*, но из-под широкополой войлочной шляпы выглядывало *смелое лицо*: *взгляд* был *внимательный*, с легким прищуром, маленькие усики чернели над *красивым ртом*. Всадник *легко держался в седле…*» Невозможно «не заразиться» любовью писателя к данному образу, А.Кешоков воплощает в нем лучшие черты кабардинского народа – честность, мужество, стойкость, твердость характера.

Большую роль в становлении характера Астемира сыграло его знакомство с русским революционером Степаном Коломейцевым, который помогает ему разобраться в жизни и дает ответы на мучившие его вопросы.

Образ Степана Ильича Коломейцева не нов в литературах Северного Кавказа. Это русский революционер, распространяющий идеи революции в народе и играющий определенную роль в пробуждении народного самосознания. В то же время это не просто «единица» схемы, о которой говорил исследователь Н. Джусойты, а живой и располагающий к себе образ, воплощающий идею дружбы и взаимопомощи русского и кабардинского народов. Новаторство А. Кешокова в создании образа русского революционера состоит, на наш взгляд, в том, что он сумел оживить его: Степан Ильич выступает в романе не только как революционер-пропагандист, но и как друг, кунак кабардинского народа, он знает язык, читает и переводит Коран, к нему приходят починить то или иное орудие труда. «Для всех у него находился салям – привет», – утверждает А. Кешоков. И действительно, Степан Ильич ладит со всеми центральными персонажами романа: Астемиром, Иналом, Казгиреем – и играет огромную роль в их жизненном самоопределении.

Проблема положительного героя всегда была и остается актуальной в науке о литературе. Кто подразумевается под понятием «положительный герой»? Это персонаж, лишенный недостатков? Или героическая личность, совершающая подвиги?.. Что означает термин «идеальный герой»? И тождественны ли понятия «положительный герой» – «идеальный герой» – «героическая личность»? Каждый писатель создает характеры в соответствии с собственным опытом, жизненным миропониманием и, конечно, своей художественной концепцией личности. Для А. Кешокова совершение подвига не является обязательным условием героической личности. Астемир, Баляцо, Инал, Казгирей, Эльдар – тоже героические личности уже потому, что они – борцы за народное дело, строители новой, «правильной» жизни. Однако их нельзя назвать и идеальными героями, лишенными каких-либо недостатков и противоречий. В таком случае в основе произведения искусства не было бы конфликта – основного механизма развития сюжетного действия.

Одними из главных героев романа являются Инал Маремканов и Казгирей Матханов. Их взаи-

моотношения представляют отдельную, вполне самостоятельную сюжетную линию в романе. Инал и Казгирей – сильные личности, героические характеры. В их образах А.Кешоков мастерски воплотил одну из важнейших идейно-политических конфликтов, который до него никто не рассматривал, – острую борьбу между коммунизмом и шариатизмом. А. Кешоков «проводит через весь роман, ставя их рядом, большевика, неукротимого подчас до жестокости, Инала и главу мусульман Казгирея. Такого наша проза еще не знала. Трагичен Инал, бескорыстный, преданный народу, но идущий на жестокое во имя ложно понятого революционного долга. Трагичен и Казгирей, преданный Кабарде, ищущий мира в пылу сражений. Казгирей, который становится коммунистом, но имя которого продолжает быть знаменем контрреволюции, бандитизма» [2, с. 11], – отмечает Р. Бикмухаметов.

Образы Инала Маремканова и Казгирея Матханова отражают специфику революционного движения в Кабардино-Балкарии. Без показа их сложных взаимоотношений и борьбы картина изображения бурных событий исторического времени оказалась бы неполной. Драматическое противостояние героев автор усиливает введением мотива кровной мести: отец Казгирея убил случайно отца Инала.

Образ Инала Маремканова сложен и неоднозначен. Автор не идет по известному в литературе пути показа борца-революционера, идеального руководителя народа. А. Кешоков показывает нам деградацию героя, обеднение внутреннего мира, утрату человеческих качеств.

«Злой человек распространяет зло на весь народ, если он стоит у власти», – читаем в романе. В образе Инала Маремканова заключена глобальная проблема, которая носит название «человек и власть». Каким должен быть «головной человек», «головной журавль», человек «высокого полета»? «Не может принести счастье тот, кто расчищает свой путь смертельными ударами», – выносит народный приговор Думасара.

Однако при всех своих отрицательных чертах характера, Инал – положительный герой. Он обладает такими чертами, которые необходимы народному предводителю: волевой характер, мужество, решительность, внутренняя сила, беспредельная преданность идеям революции.

Несомненной удачей А. Кешокова-художника и психолога является образ Казгирея Матханова. Писатель сумел показать все переживания, душевные метания и, наконец, выбор правильного пути героем. В первой части дилогии А. Кешоков развенчивает шариатские идеи Казигирея, показывает их полную несостоятельность; роман заканчивается поездкой его в Мекку. Во второй части перед нами предстает изменившийся герой, с новыми взглядами на жизнь, на историю, на общество.

Большим лиризмом наполнен образ мальчика Лю. Именно через детское мировосприятие (это не только Лю, но Тембот, Тина и воспитанники интерната), отличающееся непосредственностью, А. Кешоков рисует действительность. Кроме того, исторические процессы и явления даются нам не просто под углом зрения ребенка, но ребенка взрослеющего, впитывающего все вокруг. Писатель показывает, какими удивленными глазами смотрит на изменяющийся мир маленький мальчик, что он думает о происходящих событиях, какую оценку дает окружающим людям. Часто мнение Лю оказывается справедливым и совпадает с мнением автора-рассказчика.

А. Кешоков рисует не только яркие положительные образы, отрицательный образ тщеславного Давлета, несомненно, является огромным успехом писателя. Это «человек-хамелеон», очень хорошо приспосабливающийся к новым обстоятельствам: вначале он на стороне таких, как Муса и Гумар, приходят к власти «красные» – он «всегда пил воду из одной чашки с бедняками», опять корабль закачается в другую сторону – первый, кто кричит, что надо повесить всех большевиков… Однако данный персонаж также является значимым, потому что «каждый образ истинного художника – идеальный ли это герой или отвратительный хапуга-обыватель – имеет индивидуальную неповторимость и эстетическое содержание. В этом и состоит задача художника вообще, искусства вообще» [3, с. 182].

Следует также отметить, мастерство А. Кешокова при обрисовке второстепенных персонажей: это наивный и добрый старик Казмай, вдова Диса, склочная Данизат, старшина Гумар, полковник Клишбиев и др. Символом темноты, невежества и бесполезного суеверия являются в романе знахарка Чача и хаджи Инус, задушивший свою жену в воловьей шкуре.

Особо необходимо отметить яркий и колоритный образ абрека Жираслана, который не находит своего места в новой действительности, так

до конца не осознавая сути происходящих событий.

Таким образом, А. Кешоков создает целостный организм ярких, живых образов, наделенных богатой душой, сильными страстями и противоречивым характером. В разнообразной галерее характеров и типов, созданных кабардинской литературой (да и всей северокавказской литературой), сильные и смелые герои, мастерски изображенные в романе «Вершины не спят», выделяются своей достоверностью, своеобычностью, новаторским содержанием, а также яркостью красок. Отличительной чертой их является суровая жизненность и глубокий психологизм.

Библиографический список

1. *Бикмухаметов Р.* Роман и литературный процесс // Вопросы литературы. – 1971. – № 9. – С. 11.

2. *Герасименко А.П.* Русский советский роман 60–80-х годов (Некоторые аспекты концепции человека). – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 204 с.

3. *Кешоков А.П.* Час исполнения клятвы // Кешоков А.П. Вид с белой горы. – М.: Современник, 1977. – 431 с.

4. *Мусукаева А.Х.* О поэтике романной прозы А. Кешокова // Литературная Кабардино-Балкария. – 2004. – № 5.

УДК 821.161:801.6

Маслова Анна Геннадьевна

Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)

ag.maslova@mail.ru

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОЙ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Целью исследования является выделение особенностей поэтики хронотопа классицистической хвалебной оды, адресованной царствующим монархам, рассмотрение изменений в системе пространственно-временной организации оды в последней трети XVIII века, связанных со сменой авторской позиции, и определение влияния данного фактора на перестройку поэтической системы русской лирики рубежа XVIII–XIX веков.

***Ключевые слова**: русская поэзия XVIII века, поэтика торжественной оды, художественное пространство, Г.Р. Державин.*

Обращаясь к анализу одического жанра и особенностей его функционирования в русской поэзии, авторы научных работ не рассматривают организацию пространственно-временных отношений в оде как самостоятельную проблему. В то же время исследование этого аспекта представляется важным для выявления ведущих историко-культурных закономерностей художественного процесса сложного переходного периода от классицизма к романтизму, по-своему отразившихся не только в литературе и отдельных литературных жанрах, но и в культуре эпохи в целом. Задачей данного исследования является выделение особенностей поэтики хронотопа классицистической торжественной оды (в частности хвалебной оды, адресованной царствующим монархам) и рассмотрение изменений в системе пространственно-временной организации оды в последней трети XVIII века.

Еще в эпистоле А.П. Сумарокова «О стихотворстве» дается общая характеристика хронотопа торжественной оды, основанная на каноне, установленном М.В. Ломоносовым. Автор трактата выделяет «гремящий в оде звук», превышающий «хребет Рифейских гор», и подчеркивает, что «Творец таких стихов вскидает всюду взгляд, / Взлетает к небесам, свергается во ад / И, мчася в быстроте во все края вселенны, / Врата и путь везде имеет отворенны» [8, с. 118]. Здесь выделены ведущие особенности одического пространства: безграничность, необъятность, возможность быстрого беспрепятственного перемещения от одного объекта к другому; позиция автора – внешняя по отношению к изображаемому явлению, его точка зрения характеризуется панорамностью и широким пространственным охватом.

Возвышение поэтического взгляда одического автора над обыденной реальностью является непременным условием высокого жанра, при этом поэт смотрит на изображаемый мир с особой позиции, которую можно вслед за Ю.М. Лотманом назвать «фокусом», совмещенным с понятием истины, точкой зрения, исходящей из высшего знания о мире [3, с. 253]. Чтобы восприни-

© Маслова А.Г., 2011

мать мир с этой особой позиции, автору необходимо находиться в состоянии исступления, восторга, парения, и это состояние, как показывает Н.Ю. Алексеева, организует пиндарическую оду, являясь ее внутренней формой [1, с. 190]. В этом состоянии поэт видит «умными очами», «мысленным взором» не доступное простому глазу. Восторгаясь духом в поднебесье, он парит и смотрит на все с идеальной высоты, оказываясь таким образом не просто над пространством и временем, но вне пространства и времени.

Беспредельность пространства подчеркивается географическими и этнографическими перечислениями, которые являются характерными одическими «общими местами», закрепившимися в формуле «от–до». Одно из важнейших назначений подобных перечислений – восхваление могущества монарха, распространяющего свои благодеяния на подвластные ему земли и народы. Наряду с формулой «от–до», характерной и для европейской оды, в русских одических текстах широко применялась формула «где прежде – ныне там», указанная Л.В. Пумпянским как существенная для одических мотивов, связанных с Петербургом [6, с. 161–167]. Однако появляется эта формула не только в произведениях, соотносимых с петербургской темой. Так, в период правления Екатерины II осваиваются новые земли, и восхищенный В.И. Майков, упоминая о манифесте от 22 июля 1763 года, приглашавшего немецких колонистов поселяться на Волге, пишет в оде 1767 года «На случай избрания депутатов для сочинения проекта Нового Уложения»: «Где прежде звери обитали / И птицы хищные летали, / Где дикая была земля, – / Теперь народы там селятся, / И нимфы в рощах веселятся, / Узрев прекрасные поля» [4, с. 201].

И в случаях с географическими и этнографическими перечислениями, и в утверждении состоявшейся гармонии, сменившей прежние неблагоприятные времена, и в широком функционировании мифологемы «золотого века» выявляется связь с государственной мифологией, сложившейся в петровскую эпоху и вошедшей в торжественные тексты, посвященные русским монархам. Эта проблема рассматривается в трудах В.М. Живова и Б.А.Успенского [2; 9].

Наряду с мифологической идеей власти над пространством в одах находит отражение и важнейшая для русской словесности абсолютистской эпохи идея преодоления времени. Авторы од не просто декларируют установление вечного и неизменного «златого века», но и обосновывают возможность такого «вечного» блаженного состояния. «Общим местом» русских од становится космологическая идея повторения (или возрождения) благих деяний Петра I в деяниях его потомков, что является залогом непрерывного течения «златых времен». В особенности часто этот мотив функционирует в одах, посвященных дням рождения членов царской семьи. Так, Е.И. Костров в оде «На день рождения государыни императрицы Екатерины II, апреля 21 дня 1779 года» рисует картины вечного блаженства, пришедшего в мир с рождением Екатерины, и здесь же упоминает о наследниках. Тот же мотив – в оде «На рождение Его императорского Величества государя Александра Павловича, 1778 года», обращенной к Екатерине: «Твоих благодеяний реки / Текут, и будут течь вовеки. / Твой в Павле дух, и дух его / Во Александре воцарится, / И тако вечно утвердится…» [5, ч. I, с. 23].

Хронотоп хвалебного панегирика в честь царствующей особы, согласно установившемуся в русской пиндарической оде канону, организуется следующим образом: идеальное настоящее, наступившее благодаря действиям царствующего монарха, существует непрерывно, оно может лишь совершенствоваться, расширяя свое влияние в горизонтальной плоскости. Мрачное прошлое, благодаря космогоническим по сути действиям монарха-демиурга, сменилось прекрасным настоящим, которое не подвержено воздействию времени, гармония наступила навсегда. Авторское положение относительно описываемого мира – «мысленное видение» с точки зрения некоего абстрактного «фокуса истины», достичь которого возможно только в состоянии «парения», или одического восторга. Изображаемый мир воспринимается в единстве всеохватного зрения, в нем нет места неидеальным реалиям обыкновенной жизни.

Существенные изменения в хронотопе торжественной оды, посвященной царствующей особе, происходят в 1780-е годы в одах Державина. В первую очередь это касается изменения позиции автора, который, воспринимая происходящее все с той же идеальной точки зрения, соотнесенной с общепринятыми представлениями об истине, не воспаряет над пространством и временем. Наиболее ярко отмеченное изменение проявилось в новаторской оде «Фелица». Одический

певец, восхваляющий идеальную монархиню, оказывается не вне пространства и времени, как в оде ломоносовского типа, а занимает вполне конкретную позицию обычного человека, погруженного в суету мирской жизни, в связи с чем пространство «Фелицы» распадается на два несовпадающих мира: идеальный мир одической героини, и неупорядоченный, лишенный гармонии мир одического певца.

Образ Фелицы, представленный в повседневной жизни, в отношении к подданным, в государственной деятельности, идеален во всем. Пространство, ее окружающее, также идеально, а граждане, живущие в этом мире, несомненно, счастливы: «Фелицы слава, слава бога, / Который брани усмирил; / Который сира и убога / Покрыл, одел и накормил…» [7, т. I, с. 146].

Однако, как ни странно, идеальное царство Фелицы существует не «здесь и сейчас», что бы соответствовало канону, а «там»: «О! Коль счастливы человеки / Там должны быть судьбой своей…» [7, т. I, с. 143]. Наречие «там» повторяется при описании Фелицы и окружающего ее идеального пространства неоднократно. Также неоднократно употребляется вопросительное наречие «где», подчеркивающее, что автору неизвестно то место, где «счастливы человеки». Оказывается, что единственным местом, где все это происходит, является трон Фелицы и только самое приближенное к нему пространство. Идеальный мир ограничен, и как попасть туда – неизвестно: «Но где твой трон сияет в мире? / Где, ветвь небесная, цветешь? / В Багдаде, Смирне, Кашемире?..» [7, т. I, с. 148]. Так, при всей конкретизации перечисляемых Державиным заслуг и действий Екатерины, тот идеальный мир, в котором она смогла установить справедливые законы и воссоздать вечную гармонию, абсолютно лишен конкретики и больше напоминает сказочное пространство.

Мир, где обитает добродетельная Фелица, оказывается недостижимым для героя, живущего в совершенно ином пространстве, далеком от идеала: «Везде соблазн и лесть живет, / Пашей всех роскошь угнетает. – / Где ж добродетель обитает? / Где роза без шипов растет?» [7, т. I, с. 140]. Сам герой, погруженный в «житейскую суету», предается разнообразным увлечениям, жизнь его, хоть и похожа на праздник, полный развлечений и утех, вовсе не добродетельна. Характерная особенность жизни мурзы – ее неупорядоченность, непредсказуемость; события сменяют друг друга с молниеносной быстротой. Герой, тратящий свою жизнь на развлечения и не заботящийся о добродетели, оказывается типичным в своем мире («Таков, Фелица, я развратен! / Но на меня весь свет похож» [7, т. I, с. 139]). Никто здесь не ходит «путями света» и «всякий человек есть ложь». Если пространство идеального и недостижимого царства Фелицы ограничено троном царицы, символически соотносится с вершиной горы и является сказочным по сути, то пространство мурзы – беспредельно, это «весь свет», и жизнь в этом реальном мире всегда течет по законам, обратным тем, что существуют в идеальном пространстве.

Так, идеализируя императрицу, Г.Р. Державин не стремится прославить Российскую державу, достигшую «златых времён». Возможности монархини оказываются ограниченными пространством царского двора, могущество её не простирается повсюду: в отличие от од Ломоносова, у Державина в «Фелице» отсутствует перечисление географических пространств, обретающих счастье под властью идеального правителя. Державин, взглянувший на окружающий мир с точки зрения обычного человека, начинает высказывать сомнения по поводу безмятежного «златого века» для всех подданных, воспеваемого в одах.

В других известных текстах Державина, посвященных Екатерине II, («Благодарность Фелице», «Видение мурзы», «Изображение Фелицы»), не наблюдается такой особенности хронотопа, как противопоставление идеального и реального миров, однако и в них нет прославления «златых времен», которые установились благодаря преобразовательной деятельности императрицы «здесь, сейчас» и «навсегда». В «Благодарности Фелице» (1783) идеал сосредоточивается в «сердце» поэта, в его воображении, а не во внешнем беспредельном пространстве. В «Видении мурзы» (1783–1784) тема Фелицы занимает далеко не центральное место, а идеальный образ Екатерины здесь – лишь «видение», явившееся поэту в его воображении. Наиболее близким по своему типу к торжественной оде является «Изображение Фелицы» (1789), по праву считающееся одним из шедевров державинского классицизма. Однако здесь, как и в «Фелице» и в «Видении мурзы», несмотря на обилие конкретных подробностей, непосредственно связанных с деятельностью Екатерины, образ ее лишен реальности, поэт не

столько хвалит императрицу за совершенные благие дела, сколько идеализирует и восхваляет ее намерения, в большинстве своем так и не реализованные на практике. Поэтому и временная закрепленность его образов фиксируется не в настоящем времени и пространстве (здесь и сейчас), а в некоем идеальном недостижимом мире, о чем свидетельствует обилие глаголов условного наклонения: «Она, мольбой его смягченна <…> Бесстрашно б узы разрешила», «свободой бы рабов пленила / И нарекла себе детьми» [7, т. I, с. 274]. Вновь идеальный образ одической героини, созидающей вокруг себя «мир златой», оказывается лишь воображаемой мечтой.

В период царствования Александра, внука Екатерины, Державин еще раз обращается к созданию оды «в духе Фелицы». Александру I посвящено произведение «К царевичу Хлору». Пространство, где царствует благодетельный Хлор, лишено реальной локальной закрепленности, а описание его дел представляется в форме слухов и больше похоже на чудо, чем на реальную действительность: «Так точно, говорят, что ты / Какой-то чудный есть владетель…»; «А наконец, хотя и хан, / Но ты так чудно, странно мыслишь, / Что будто на себе кафтан / Народу надлежащим числишь…» [7, т. II, с. 407, 409–410]. Автор, прославляя идеального просвещенного монарха, соотносит этот образ с реально царствующим русским императором в идеальном пространстве собственного воображения или сказки.

Кроме произведений «в духе Фелицы», Державин продолжал писать и обычные похвальные оды «на случай». В царствование Павла и Александра он создает традиционные для классицизма, прославляющие монархов тексты: «На Новый 1797 год», «На восшествие на престол Александра I» и др. Однако в этих традиционных, на первый взгляд, хвалебных одах наблюдается смещение временных констант: преобладание глаголов в форме будущего времени не позволяет утверждать, что «времена златые» присутствуют «здесь и сейчас», поэт лишь выражает искреннюю надежду на возможность их установления и рисует картины будущего идеального царства.

Таким образом, в похвальную оду проникает мысль о несоединимости реальности с идеалом: в художественном мире державинской оды реальное и идеальное пространство не совпадают. Позиция поэта, не воспаряющего над временем и пространством, а, напротив, целиком погруженного в реальность, предопределяет иной взгляд на окружающие объекты: они обозреваются не «мысленным взором», а сквозь призму индивидуального чувства.

Внесенные Державиным изменения, касающиеся позиции одического певца, были восприняты и другими поэтами. Так, в одах В.П. Петрова, в особенности в 1780-е и последующие годы, исчезает присущее его ранним текстам восторженное состояние, лирическое начало уступает место эпическому, на что указывает Н.Ю. Алексеева [1, с. 288]. Внутренняя форма пиндарической оды претерпевает изменения. Одновременно разработанные в торжественной оде художественные приемы изображения героя, достойного похвалы, слава которого способна преодолеть время и преобразить пространство, проникают в другие жанры: эпистолы, песни, стихи и пр.

В последней трети XVIII века происходят серьезные изменения в художественном сознании, приводящие к смене художественных установок. Взор поэта направляется в мир дольний и не стремится воспарить над пространством, «мысленное» видение сменяется изображением чувства и картин, открывшихся поэту не с заоблачных высот, а в непосредственной близости к происходящему. В связи с этим ода теряет ряд характерных хронотопических признаков. Наиболее ярко это проявляется в творчестве Державина, у которого идеальное одическое пространство лишается целостности и пространственно-временной закрепленности «здесь и сейчас», обретает черты сказочного, недостижимого топоса. Авторский взгляд с точки зрения обычного человека не позволяет охватить пространство единым взором, поэт может лишь представить идеал в своем воображении и противопоставить его реальному пространству. Именно изменение авторской позиции, все более совпадающей с индивидуальной точкой зрения обычного человека, предопределяет существенные изменения в поэзии, приводящие к полному преобразованию русской лирики.

Библиографический список

1. *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб.: Наука, 2005. – 369 с.

2. *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 760 с.

3. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство-СПб», 1998. – С. 14–285.

4. *Майков В.И.* Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1966. – 504 с.

5. Полн. собр. всех соч. и переводов в стихах г. Кострова: В 2 ч. – СПб.: Императорская типография, 1802.

6. *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: собр. трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 864 с.

7. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота: В 9 т. – СПб.: Изд-е Академии наук, 1864–1883.

8. *Сумароков А.П.* Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 608 с.

9. *Успенский Б.А.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России). В соавторств с В.М. Живовым // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 205–337.

УДК 82

Орехова Елена Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
elenaorekhova@rambler.ru

«РУССКИЙ РОМАН» Е.М. ВОГЮЭ КАК ОТКРЫТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ФРАНЦИИ

В статье изучается влияние книги французского критика «Русский роман» на процесс проникновения и популяризации русского романа во Франции в конце XIX века. Анализируются основные взгляды и выводы автора по вопросу основных характеристик и отличительных черт русского романа того периода и его влияния на западноевропейского читателя.

***Ключевые слова**: русская литература, французская литература, русский роман, реализм, романтизм, гуманизм, этические и эстетические взгляды, рецепция.*

Русская литература является объектом пристального изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей. В Европе, в частности во Франции, о значимости русской литературы активно заговорили в конце XIX века после появления серии философских откликов и критических статей на творения великих русских классиков того времени: Тургенева, Л. Толстого, Гоголя, Достоевского. Первые появившиеся переводы отдельных произведений и комментарии к ним пробудили интерес читающей французской публики к русским авторам и их творчеству. Французские писатели и литературоведы с энтузиазмом взялись за изучение неизвестной прозы и поэзии далекой и неизведанной России.

Заметным явлением во французской русистике стали исследования Т. Визева [7], Э. Эннекена [4], Л. Шюзевиля, Э. Омана, братьев Гонкур [3] и других критиков, анализирующих разные стороны русской литературы и русской культуры в целом. Одной из наиболее значимых работ в области освоения русской литературы и ее рецепции на Западе стала книга Э.М. Вогюэ «Русский роман» (1886) [5], явившаяся, по мнению многих современников и исследователей, открытием русской литературы для европейского читателя.

Ежен Мельхиор де Вогюэ, до появления своей книги, провел в России в качестве секретаря французского посольства шесть лет – с 1876 по 1882 г. Изучив русский язык, Вогюэ выполняет не только дипломатическую миссию, но и занимается историческими работами, публикует во французских журналах ряд популярных статей о русской истории, политике, об экономических вопросах, которые впоследствии будут изданы отдельными книгами. Как свидетель внутренней жизни русского народа, он издает ряд художественных очерков, в которых его наблюдения от путешествий по России переходят в размышления о судьбе страны и народа в целом [6].

В 1882 году Вогюэ заканчивает карьеру дипломата, покидает Россию, но не прекращает работать над изучением и осмыслением русской литературы. Он публикует ряд работ, посвященных как общей характеристике литературного процесса в России, так и творчеству многих русских писателей, с которыми он был лично знаком. Вогюэ пишет статьи о поэзии Некрасова («Социалистическая поэзия в России», 1888)

© Орехова Е.Н., 2011

и о Тютчеве с переводом в прозе («Идеалистическая поэзия в России», 1892), дает предисловия к переводам на французский язык творчества Фонвизина, Крылова, Достоевского, размышляет о прозе Горького и Чехова. Вогюэ является автором социально-психологических рассказов на русскую тему («Сын Петра Великого», 1884; «Царь и народ, или общество в России», 1891; «Русские сердца», 1894), ряда книг воспоминаний и портретов современников, а также романов, которые пользовались большим успехом («Жан д'Агрев», 1894; «Мертвые рассказывают», 1899).

В 1886 году он начинает обобщать свои исследования и впечатления о русской литературе и приступает к написанию работы с говорящим названием «Русский роман». Цель её критик определил в предисловии: «По соображениям литературным, – о них я скажу далее, – по мотивам другого порядка… я убежден в необходимости работать над сближением двух стран при помощи влияния умственной, творческой деятельности в обеих странах» [5, с. VII]. Уже в 1887 г. вышел перевод книги Вогюэ на русский язык в сокращенном виде под названием «Современные русские писатели».

«Русский роман» был принят неоднозначно, но именно Вогюэ впервые обратил внимание зарубежного читателя на отличие русской литературы от других литератур мира, и французской в частности. Вогюэ создал целостную картину русской литературы, образ русского романа, отличного от западноевропейских шаблонов той эпохи. «Наша изысканная литература не может предложить интеллектуальную пищу, которой так жаждет публика», – высказался Вогюэ о современной французской прозе [5, с. LII]. С его утверждения о том, что «французское искусство истощено, влияние русских писателей будет благотворно», началось знакомство французского читателя с творчеством великих русских писателей [5, с. XII].

Книга «Русский роман» состоит из пяти критических очерков: «Романтизм. Пушкин и поэзия», «Эволюция реализма. Гоголь», «40-е годы. Тургенев», «Религия страдания. Достоевский», «Нигилизм и мистицизм. Толстой». Кроме художественных портретов самих писателей, представленных в указанных главах, книга содержит предисловие, вводящее читателя в предысторию взаимоотношений двух стран, двух народов и поясняющее интерес критика к русской литературе, культуре, истории и философии. Первые страницы книги повествуют также о долгом пути становления русской литературы, Вогюэ пытается определить основные вехи в истории страны, очертить периоды развития философской, религиозной и литературной мысли русского народа, обращаясь к текстам Библии и буддистским идеям, выделяет значимые лица среди политических и церковных деятелей и, конечно, русских мыслителей и писателей.

В предисловии, обзорно охватывающем период от средних веков до эпохи классицизма, Вогюэ прослеживает эволюцию литературы от церковных догм и религиозных сочинений до крупных, значимых произведений, знакомит читателя с русским фольклором и былинным эпосом, восхищается «Словом о полку Игореве», повествует о Ломоносове, Фонвизине, Державине, сравнивает Крылова с Лафонтеном, выделяет Карамзина и его «Историю государства Российского», сопоставляет русскую литературу с литературой Западной Европы и делает вывод о важности этого непростого периода для дальнейшего развития русской культуры и искусства.

В следующих главах, анализируя творчество русских классиков, Вогюэ представляет на суд читателей свое мнение об особенном характере русского романа, его новой форме, его важной роли как для русской, так и для мировой литературы в целом. Вогюэ рассматривает роман как ведущий жанр русской литературы, он пишет: «Подводя литературные итоги столетия, я считаю, что великие романисты последних сорока лет сослужат России бо́льшую службу, чем ее поэты. Благодаря им она впервые опередила западные движения, а не следовала за ними; она, наконец, нашла оригинальную эстетику и оттенки мысли, свойственные только ей. Вот что побудило меня искать, прежде всего, в романах разрозненные черты русского гения» [5, с. LIII]. И под углом зрения проблемы развития этого жанра Вогюэ дает общий обзор истории русской литературы.

Вогюэ начинает свою книгу описанием последней стадии французского реализма, столь отличного, по мнению критика, от реализма русской литературы, своеобразного в единстве духовных, этических и эстетических ценностей. Литература Запада конца XIX века была захвачена натурализмом и позитивизмом. Центральными темами европейского романа были любовно-авантюрные и сказочные сюжеты, темы утрачен-

ных иллюзий, измельчания и гибели личности, победы собственнических инстинктов. Французский натурализм, эмпирически отражающий только факты жизни, не имел ничего общего с реализмом русских романов, в которых побеждает вера в достоинство и ценность человеческой жизни. В западноевропейских романах образ человека, согласно Вогюэ, был сведен к бесконечно малой величине, сравнимой с «размером атома или микроба» [5, с. XVI]. Этому факту он противопоставляет русскую литературу, где признается преобладание человека в мире и ценится его «живая душа» [5, с. XLVII]. Вогюэ увидел, что русские писатели открывают в безличии личность. Безымянный персонаж – в зарубежной литературе, у русских авторов – это человек, индивидуальность. И даже массовый народный герой имеет свой голос, перекликающийся с голосами других, таких же русских людей, вырастающих в единую силу – русский народ. «Национальная характерность – это отголосок личности», – отмечает Вогюэ в своем исследовании [5, с. IX]. В центре русского романа, рисующего картину национальной жизни, стоит человек, несущий в себе нравственные искания эпохи. Русские романисты смогли создать галерею героев, которые по высоте своего нравственного уровня, по глубине духовных исканий стали образцовыми во всей истории романа.

Не меньшее значение, чем образы центральных героев русского романа, имеет опыт русских романистов в изображении народа, его жизни и психологии, его роли в истории страны. «В России одна душа представляет большое количество душ» [5, с. IX], – считает Вогюэ, увидевший Россию как единое целое. Критик отметил, что коллективность сознания – это первоисточник русской литературы. Открытием русских писателей был принцип изображения «судьбы человека» и «судьбы народа» в их единстве и взаимосвязи. Это картина жизни как одного человека, так и целого народа. Через образ героя, раскрывая его сильные и слабые стороны, авторы представляют читателю всю народную среду в целом, в данный период, эпоху. Русский роман одушевлен изнутри народной жизнью, что делает его эпическим, а писатель, рисуя судьбу отдельного человека, вводит своего персонажа в мир родины, человечества, наполняя тем самым роман разносторонним общественным содержанием, отражающим, как зеркало, богатство национальной жизни.

В русской литературе Вогюэ находит искомый идеал, который утратила литература французская. Самыми существенными качествами русского романа Вогюэ считает моральную ценность, стремление «постигнуть тайну мироздания», философски осмыслить мир. В этом он видит существенное преимущество русских писателей перед французскими, намеренно ограничивающими свой горизонт пределами видимого мира. Стремление русских классиков к решению коренных вопросов бытия придает их творениям особую напряженность. Герои русской литературы, решая проблемы личной жизни, неизменно сталкиваются с нравственными и религиозными проблемами, касающимися всего человечества.

Глубокая одухотворенность, стремление понять тайны мироздания и смысла бытия – все это привлекло внимание французского критика. Реализм, правдивость, гуманизм и вера в творческую активность человека являются чертами, отличающими русский роман от французских литературных произведений того времени.

Анализируя русских классиков, Вогюэ заметил, что русский реализм пограничен с романтизмом. В первую очередь он обращается к Пушкину, посвящая великому поэту целую главу. Конечно, критик не мог не обратить своего внимания на Жуковского, стоявшего у колыбели романтизма и ставшего для Пушкина учителем. Вогюэ сравнивает Жуковского с итальянским живописцем Пьетро Перуджино, учеником которого был Рафаэль. И как Рафаэль значительно превзошел своего учителя, так и Пушкин, «подобно солнцу», затмил Жуковского своим словом, своим талантом, считает французский критик [5, с. 34]. Рассматривая творчество великого писателя, он указывает немало художественных черт, свойственных русскому литературному романтизму.

Среди главных тем русской поэзии и прозы XIX в. Вогюэ выделяет сюжеты национальной истории и национально-освободительной борьбы, былинно-сказочных и народных преданий, а также описание быта и нравов русского народа в их нравственно-историческом и этнографическом освещении.

Писатели-романтики, обращаясь к историческим темам, старались художественно воссоздать колорит времени, воспроизвести и эмоционально передать «дух народа» своей страны. Знаковые события в жизни России, в частности, народные волнения конца XVIII века, возникновение

и развитие декабризма, Отечественная война 1812 г., широко отразились в произведениях романтиков. Наиболее значительные в историко-литературном и художественном отношении произведения – это «История Пугачевского бунта» и «Капитанская дочка» Пушкина, «Тарас Бульба» Гоголя, «Герой нашего времени» Лермонтова. История воспринималась романтиками не только как способ передачи исторических коллизий, но и как средство отражения человеческих исканий, стремлений, идеалов, духа времени, мотивировку поступков и характеров в движении народа. Вогюэ открывает для французской публики русский исторический роман, сущность которого – повествование о жизни героя на фоне изображения исторической действительности.

Национальная история сливается в произведениях русских романтиков с народными легендами, сказками, преданиями, суевериями. Фантастический, воображаемый мир становится одной из черт романтической литературы, ориентированной на эстетический идеал и нравственное совершенствование. Вогюэ отмечает, что обращение к сказочному фольклору свойственно многим авторам Германии, Франции, Англии. Он объясняет этот феномен универсальностью чувств и желаний, не зависящих от территориальных границ и временных рамок. Баллады Жуковского, поэмы и сказки Пушкина, ранние повести Гоголя привлекают внимание французского исследователя своим содержанием и нравственно-этическими идеями. В отличие от ряда западноевропейских произведений, русские сюжеты более добры и гуманны, проникнуты идеями непримиримости к злу и несправедливости, самоотверженности и самопожертвования во имя служения людям или русской земле. Этим характеризуется романтическая эстетика русской литературы, этим она необычна и интересна для зарубежного читателя.

Вогюэ не мог не подчеркнуть факт влияния и взаимопроникновения литератур Запада и России. Особую роль в этом сыграли великие мыслители и писатели, чьи темы и сферы интересов привлекли внимание русских писателей и послужили импульсами для их творчества. «Без Байрона не было бы у Пушкина ни “Кавказского пленника”, ни “Цыган”, без Вольтера – “Пиковой Дамы” или “Истории Пугачевского бунта”, а историческая драма “Борис Годунов” свидетельствует о влиянии Шекспира», – отмечает французский литературовед [5, с. 83]. Кроме Пушкина Вогюэ не обошел вниманием Лермонтова, заметив, что он «взял душу из поэзии Байрона» [5, с. 88–89]; Грибоедова, сопоставляя его с Мольером. Он представил также западной публике Чаадаева и Белинского, опиравшихся на философские идеи Канта, Шеллинга, Гегеля. Вогюэ сравнивает литературную Россию с «огромным зеркалом», которое преломляет полученное изображение, отображая его в прозе и поэзии согласно велению души и сердца русского писателя [5, с. 67].

В последующих главах Вогюэ изучает дальнейшее влияние романтизма на формирование реализма и реалистической литературы в России. На примере творчества великих русских писателей он старается продемонстрировать связь традиций романтизма с тенденциями реализма. Восприятие идейно-художественных традиций и творческое использование поэтики романтизма Вогюэ находит у Гоголя, в ярких этнографических картинах «Вечеров на хуторе близ Диканьки»; у Тургенева, авторское мироощущение которого и самобытный взгляд на вещи, несущие отголоски романтизма, проявляются во всем его творчестве («Рудин», «Стук, стук, стук», «Вешние воды» и др.); у Достоевского, чьи рассуждения о самобытности и национальном достоинстве, об особом предназначении русского народа в мире характерны для романтической прозы («Двойник», «Бесы», «Идиот» и др.); у Л.Толстого, взявшего у романтиков интерес к истории, к созданию многочисленных национальных характеров, развитии судеб людей во взаимодействии с историческими событиями.

Надо отметить, что русский роман был воспринят неодинаково, критики и читатели по-разному оценивали и осознавали его смысл и значение, извлекали разные уроки. Но важен тот факт, что влияние русского романа на творчество зарубежных писателей и развитие мировой литературы многообразно. Для многих ценителей литературы русский роман стал источником приобщения к истории, культуре, духовным и литературным ценностям русского народа и его страны, России.

Книга Вогюэ «Русский роман» открыла французским, а впоследствии и остальным западноевропейским читателям творчество русских писателей, в особенности Пушкина, Тургенева, Л.Толстого, Достоевского. В связи с выходом романа и последующими переводами на другие языки,

на Западе отмечается всплеск интереса к русскому роману и русской литературе в целом. Русская литература вызвала на Западе серию философских и идеологических откликов, ее изучали и изучают как великое событие интеллектуального мира.

Библиографический список

1. *Берковский Н.Я.* О мировом значении русской литературы. – Л.: Наука, 1975. – 185 с.

2. Мировое значение русской литературы XIX века / Академия Наук СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред.: В.Р. Щербина. – М.: Наука, 1987. – 440 с.

3. *Goncourt E.* Le Journal des Goncourt (1851–1891). – Paris, 1887. – 880 c.

4. *Hennequin E.* Ecrivains francisés. – Paris: Didier, 1889. – 332 c.

5. *Vogüé E.-M.* Le Roman russe. – Paris: Librairie Plon, 1886. – 420 c.

6. *Vogüé E.-M.* Journal Paris-Saint-Pétersbourg, 1877–1883. – Paris: Edition Bernard Grasset, 1883. – 351 c.

7. *Wyzewa T.* Ecrivains étrangers. Deuxième série. – Paris, 1897. – 376 c.

УДК 82.12+791.43

Снежин Алексей Иванович
поэт, драматург
alekseisnegin@rambler.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ КАК НОВАЯ ЖАНРОВАЯ ФОРМА РОССИЙСКОЙ КИНОДРАМАТУРГИИ

Развитие киноискусства зачастую связывают с появлением новых жанровых форм, наделенных определенными содержательными особенностями. «Жанры всегда возникают ко времени» [14, с. 93], чутко откликаясь на насущные потребности общества. И наша новейшая кинодраматургия – достойное тому подтверждение. В данной статье мы проанализируем понятие «сценарий», определим его основные элементы и виды, а также изучим новую жанровую форму – «поэтический сценарий», возникшую в киноискусстве совсем недавно.

***Ключевые слова**: поэтический сценарий, новая жанровая форма, российская кинодраматургия, содержательные особенности.*

Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой дает следующее определение сценария: «литературно-драматическое произведение, написанное как основа для постановки кино- или телефильма» [5, с. 251].

На сегодняшний день можно выделить четыре основных элемента сценария:

– описательная часть (сценарная проза);

– диалог;

– закадровый голос;

– титры.

Описательная часть (или сценарная проза) – определяет внешность и действия персонажей, дает четкую трактовку окружающей их обстановки.

Диалог – описывает психологические особенности героев, используя обмен репликами, как основной способ художественного изображения характеров.

Закадровый голос – это голос артиста, который сопровождает фильм необходимыми комментариями к сюжету.

И, наконец, титры – пояснительный текст в кадрах фильма, который сообщает о месте и времени действия, а также передает слова и реплики персонажей в кинокартине.

В кинематографе можно выделить несколько видов сценария:

– Литературный сценарий – это сценарий, написанный языком художественной литературы. Литературный сценарий далеко не всегда является адаптацией отдельного литературного произведения, он вполне может быть и оригинальным авторским сочинением.

– Публицистический сценарий, в отличие от литературного, написан «ломаным» газетным языком и не несет в себе эстетической составляющей литературно-художественного стиля.

Сценарий может быть оригинальным и неоригинальным.

– Оригинальный сценарий написан как самостоятельное художественное произведение, без заимствования сюжета и главных действующих лиц.

– Неоригинальный сценарий представляет собой экранизацию уже существующего литературного произведения.

© Снежин А.И., 2011

– Режиссёрский сценарий – это сценарий, *описательная часть* которого пронумерована или имеет границы планов (общего, крупного и т.д.).

– Экспликация – план постановки фильма. Экспликация включает в себя способы и методы съемки, а также весь перечень съемочной аппаратуры, необходимой для осуществления творческого замысла. Экспликация может быть режиссерской и операторской (последняя обычно не воспринимается как отдельный вид сценария). Экспликацию очень часто путают с синопсисом, хотя при ближайшем изучении можно понять, что между ними нет ничего общего. Синопсис – это изложение сюжета, описанного в сценарии, в емкой увлекательной форме. Объем синопсиса обычно не превышает нескольких страниц.

Описательная часть сценария может быть стихотворной и прозаической, в этой связи допускается деление сценария – на поэтический и прозаический.

– Поэтический сценарий – литературно-драматическое произведение, описательная часть которого поделена на ритмически соизмеримые отрезки – стихи. Эта замечательная особенность существенно отличает поэтический сценарий от других видов сценария и придает ему особую художественную выразительность.

– В прозаическом сценарии описательная часть состоит из прозы.

На данный момент можно выделить три основные особенности «поэтического сценария»:

– образность – яркая красочность изображения, присущая исключительно поэзии. Основным средством придания слову образности является его использование в переносном смысле. Тут уместно вспомнить об особых средствах художественной выразительности – тропах (метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота) и фигурах (сравнение, эпитет, оксюморон), используемых в поэтическом творчестве;

– лаконичность – краткость, сжатость повествования. В «поэтическом сценарии» описание обстановки, внешности и поступков героев осуществляется в довольно сжатой форме, с использованием наименьшего количества слов. Это обусловлено спецификой самой поэзии, не способной в полной мере отобразить все нюансы окружающего мира. Однако эта особенность не мешает автору создавать точное, стройное произведение, способное донести до читателя основные цели своего творческого замысла;

– необычайная динамичность действия. События в «поэтическом сценарии» развиваются очень быстро, под стать нашему времени, когда стоит только замешкаться – и можно уже не успеть вскочить на подножку уходящего поезда. Возможно, эта особенность и определила возникновение поэтического сценария как жанра, способного сосуществовать с новыми веяниями мира, его актуальными запросами и безумным темпом жизни.

Прообразом «поэтического сценария» является «эмоциональный сценарий» эпохи немого кино, чье возникновение противопоставлялось существованию «железного» сценария – холодного и прагматичного, с четким монтажным листом.

«Железный сценарий» «был удобен для производственных отделов кинофабрик. По такому сценарию легко было подсчитать метраж, количество кадров, число декораций и мест натурных съемок, продолжительность и стоимость постановки. Его предпочитали и режиссеры-ремесленники, так как в нем уже была проделана значительная часть работы постановщика… Но такой сценарий не давал целостного эмоционально-образного представления о будущем фильме» [6, с. 71].

«Железный сценарий» зачастую назывался «номерным» из-за твердой, сухой констатации сцен и цифр. Лишенный словесной образности, он не доносил «дыхания жизни», внутренней наполненности, поэтического содержания будущего фильма.

И Эйзенштейн был прав, заявив со свойственным ему остроумием, что «номерной сценарий вносит в кинематографию столько же оживления, как номера на пятках покойников в обстановку морга».

В противовес ему Эйзенштейн выдвигает понятие «эмоционального сценария», полноценного в плане литературно-словесного изложения» [6, с. 72].

Эйзенштейн смело заявляет, что новый сценарий «должен давать эмоциональный первотолчок» кинорежиссеру, который в новом виде искусства и является главной авторской фигурой» [7, с. 188].

Под понятием «эмоциональный сценарий» Эйзенштейн разумел не драматургически оформленное произведение, а нечто вроде бессюжетной поэмы в прозе, дающей не «анекдотическую цепь событий» и не «традиционное описание того, что предстоит увидеть», а лишь... эмоциональную зарядку режиссеру.

Первым, осуществившим эти положения на практике, был начинающий литератор А. Ржешевский. В своих сценариях «Двадцать шесть бакинских комиссаров» и «Очень хорошо живется» он, отказавшись от «номеров» и «планов», излагал события будущего фильма в форме романтической новеллы, написанной патетическим языком, с лирическими отступлениями и рассуждениями «от автора». Его сценарии уже не походили на протоколы и технические документы, а приближались к художественной литературе» [6, с. 73].

Появление новых «эмоциональных сценариев» Ржевского было радушно принято ведущими кинематографистами страны. Его тут же объявили основателем новой школы, а его произведения экранизировали: «Очень хорошо живется» – В. Пудовкин, «Двадцать шесть бакинских комиссаров» – Н. Шенгелая. (Несколькими годами позже – уже в звуковом кино – сценарий Ржешевского «Бежин луг» ставит С. Эйзенштейн.) [6, с. 74].

Однако ближайшее изучение сценариев Ржевского свидетельствовало о туманности и композиционной расплывчатости его произведений, лишенности их всякой сюжетной конкретности и киновыразительности.

Не случайно киноэпопея Шенгелая «Двадцать шесть бакинских комиссаров» была холодно встречена критикой и получила массу острых, неоднозначных откликов в печати.

Тем не менее «эмоциональный» сценарий помог литературному богатством художественных образов, сочностью языка и свежим взглядом на старые вещи. Литературный сценарий в результате все более совершенствовался, наполнялся тонким психологизмом, необходимым для достижения высоких художественных результатов.

Особая роль в развитии литературного сценария принадлежит киносценаристам К.Н. Виноградской и Е.И. Габриловичу. Их творческие решения остаются актуальными до сих пор.

В последующем отдельные кинодраматурги осуществляли попытки написания диалогов в стихах и включали их в общую структуру сценария, что, по сути, делало сценарий непригодным для экранизации.

При этом *описательная часть сценария* попрежнему писалась прозой, так как никому из авторов не удавалось решить проблему сюжетной конкретики и специфики.

Подобная проблема была решена в 2011 году с появлением поэтического сценария «После весны» и с обозначением Алексеем Снежиным (то есть мною) основных особенностей новой жанровой формы.

Таким образом, можно констатировать, что возникновение «поэтического сценария» в российской кинодраматургии не только обогатило жанр сценария новыми содержательными особенностями, но и способствовало его общему развитию.

Библиографический список

1. *Арабов Ю.Н.* Кинематограф и теория восприятия. – М.: ВГИК, 2003. –106 с.

2. *Белова Л.И.* Сквозь время. Очерки истории советской кинодраматургии. – М.: Искусство, 1978. – 344 с.

3. *Габрилович Е.И.* Вопросы кинодраматургии. – М.: ВГИК, 1984. – 68 с.

4. *Довженко А.П.* Лекции на сценарном факультете. – М.: ВГИК, 1963. – 48 с.

5. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 2. – 1088 с.

6. *Лебедев Н.А.* Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 годы. – М.: Искусство, 1965. – 581 с.

7. *Можаев А.Б.* Особенности российского сценария // Синопсис и сценарий. – 2006. – № 7. – С. 186–190.

8. *Парамонова К.К.* Образ-характер в сценарии и фильме. – М.: ВГИК, 1960. – 154 с.

9. *Погожева А.П.* Из книги в фильм. – М.: Искусство, 1961. – 251 с.

10. *Ржешевский А.Г.* Жизнь. Кино. – М.: Искусство, 1982. – 382 с.

11. *Туркин В.К.* Драматургия кино: учебное пособие. – М.: ВГИК, 2007. – 320 с.

12. *Фрейлих С.И.* Теория кино. От Эйзенштейна до Тарковского. – М.: Искусство, 2008. – 512 с.

13. *Юренев Р.Н.* Краткая история киноискусства. – М.: Академия, 1997. – 288 с.

14. *Ярцева С.С.* Колонка: старая форма, новый жанр // Жанры СМИ: история, теория, практика: тезисы V Всероссийской научно-практической конференции; г. Самара 17–18 марта 2011г. – Самара: Порто-принт, 2011. –С. 93–94.

Тихомиров Владимир Васильевич
доктор филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СВОЕОБРАЗИЕ МЕТОДА ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

В статье содержится характеристика метода литературной критики, его философско-эстетических оснований, его своеобразия, типологических разновидностей, отличий от метода литературоведческой науки.

***Ключевые слова**: литературная критика, критический метод, критика и литературоведение.*

Многовековая история герменевтического способа осмысления литературных текстов, возникшего ещё в античные времена, предопределила актуальность герменевтики для XIX века и для нашего времени: ее методология остаётся основой теории понимания и интерпретации, следовательно, гносеологической базой критических суждений.

Уже в древнегреческой и древнеримской литературной критике были сформулированы два основных принципа критического анализа, определившие разнообразие и систему методов в критике:

1. Нормативный, по существу имманентный, имеющий дело лишь с текстом произведения и включающий в себя грамматический, стилистический, эстетический и прочие приемы, основанные на представлении об идеальной норме и правилах как критерии и точке отсчета в критике. При этом критерий может быть общеизвестным и заранее названным или подразумеваемым и содержащимся лишь в представлении самого критика.

2. Принцип анализа «по поводу» произведения, имеющий в виду его функционирование, воздействие на социум, на духовный мир реципиента, на его миросозерцание. Этот принцип лежит в основе критики социологической, религиозно-нравственной, психологической, публицистической, наконец, исторической. Названные способы критического анализа соответствуют определившимся в античности филологическому и философскому методам критики и обладают по отношению к другим, конкретным, видовым приемам признаками рода. В то же время между филологическим и философским методами критики нет и не может быть абсолютной грани, более того, вся история европейской эстетической и критической мысли, начиная с Платона, выдвинувшего идею совмещения красоты и блага, демонстрирует стремление к тому, чтобы на основе этих принципов создать универсальный критический метод целостного анализа художественного произведения.

Два вида критики различали и теоретики немецкого романтизма [10, с. 5–8]. Мысль о сосуществовании и соперничестве двух основных векторных направлений, тенденций в развитии литературной критики поддерживается многими зарубежными и отечественными учеными и в XX веке (Н. Фрай. Д. Фрэнк, Р. Барт, Г. Хок, Л.Е. Пинский, Г. И. Романова и другие).

История литературной критики в Европе от средних веков до XVIII века включительно мало что дала для углубления её методологии, поскольку долгое время в европейской литературной традиции господствовала нормативная критика. До романтизма критика оставалась преимущественно комментарием к художественному произведению. У романтиков она становится активной, направленной и на художника, и на воспринимающих текст реципиентов. Критик начинает претендовать на со-авторство, со-творчество с писателем, и в то же время критика принимает форму рефлексии по отношению к тексту.

Метод критического анализа художественного произведения у романтиков основывается на теории познания И. Канта («Критика способности суждения», 1790), на его представлении о том, что в процессе восприятия «вещь в себе» становится явлением (явленной кому-либо, феноменом), «вещью для нас». Подобная «явленность», выявление сущностного начала, смыслового наполнения художественного образа – лишь начальная стадия понимания смысла, которую можно назвать толкованием, растолковыванием, и в основе которого оказывается вживание в авторский замысел, обнаружение авторской позиции, а за ним следует собственно интерпретация, субъективное объяснение соответствующего текста. Кант как будто демонстративно развёл ценности эстетические и этические. Он утверждал, что природа красоты заключается во внешней упорядоченности, пропорциях, форме и ничего общего не имеет с нравственными принципами. По сути это эстетика формы, в дальнейшем породившая теорию «чистого» искусства. Мораль-

© Тихомиров В.В., 2011

ные категории, равно как и моральное воспитание, Кант целиком относил к сфере религии. Таким образом, утверждался принцип секуляризованного, неангажированного искусства. Аксиологический (ценностный) характер художественные произведения, по мнению философа, приобретают лишь в процессе восприятия, через эстетические эмоции. Тем самым Кант оказался у истоков осознания многозначности артефактов и возможности различной их интерпретации.

Подобное представление о механизме критического суждения было сформулировано близким к романтикам основателем филологической герменевтики XIX века Ф. Шлейермахером. Он рассматривал понимание как процесс сопереживания в сознании интерпретатора мыслей, чувств, мотиваций, намерений другого человека. Процесс понимания – своего рода диалог между говорящим и слушающим, пишущим и читающим, автором и интерпретатором. «В ходе этого диалога интерпретатор осуществляет реконструкцию текста или речи, то есть раскрывает, какой смысл в них вложен, и тем самым стремится понять их» [9, с. 172].

Герменевтика в эпоху романтизма дала критике методологическую базу, она помогла найти способы глубинного и многопланового анализа текста. По мнению Ю.Б. Борева, «герменевтика – это та сфера духовной деятельности, пройдя через которую критика только и может осмыслить свои задачи» [2, с. 449]. Однако это положение относится в равной степени к критике и литературоведению. Необходимо найти критерии их дифференциации. Напомним авторитетное суждение И. Канта: критик оценивает произведение искусства в зависимости лишь «от рефлексии субъекта о своем собственном состоянии... с отказом от всех предписаний и правил». Наука же свои положения в отношении искусства «выводит из природы… способностей как познавательных способностей вообще» [5, с. 298], следовательно, отличается объективностью самого способа анализа.

Романтическая эстетика и герменевтика выдвинули идею о возможности иного, по сравнению с автором, понимания его текста интерпретатором. «Для Канта лучшее понимание автора возможно благодаря соответствующей корректировке понятий, используемых автором, то есть внесения в них большей четкости и ясности. Кант... исходит из некоторого превосходства интерпретатора над автором <...>. Ф. Шлегель определяет принцип лучшего понимания, исходя из методического требования разделения (в процессе литературной критики) автора (его замыслов) и произведения (реализации этих замыслов)» [3, с. 75]. Интерпретатор, по мнению Ф. Шлейермахера, «может понимать автора и его текст лучше, чем сам автор понимал себя и свое творение», поскольку «у конкретного выражения может быть одно значение и множество смыслов... так как бесконечно множество контекстов употребления данного выражения» [см.: 7, с. 140, 117]. Каждый критик (реципиент, интерпретатор) рассматривает соответствующий текст (произведение) в контексте своего видения, своего метода.

По мысли Ф. Шеллинга, любое подлинное произведение искусства, «словно автору было присуще бесконечное количество замыслов, допускает бесконечное количество толкований, причем никогда нельзя сказать, вложена ли эта бесконечность самим художником или раскрывается в произведении как таковом» [14, с. 136]. Шеллинг рассматривал «весь мир, природу и человека как вечное творчество» [1, с. 373], органическое творение органического бытия, и эта идея искусства как творения нового мира была положена в основу критического метода молодого В.Г. Белинского и позднее – А.А. Григорьева. Шеллинг утверждал также ставшую актуальной и для русских критиков, близких к романтической эстетике, мысль, что «добро, которое не есть красота, не есть также и абсолютное добро» [13, с. 84].

Разрабатывавшийся романтиками творческий метод, романтическая эстетика и герменевтика оказываются у истоков методологии различных направлении последующей европейской и русской литературной критики XIX века, включая и антиромантические, поскольку они руководствовались принципом множественности вариативных прочтений художественных текстов в зависимости от позиции критика, возможности иного, по сравнению с автором, понимания смысла произведения.

Для русской критики XIX века наиболее актуальными оказались методологические основы эстетики Г. Гегеля и его последователей, с одной стороны, и, в противовес ей, вариации просветительской, антропологической, позитивистской теорий искусства, близких по принципу социальной ангажированности литературы и приоритетности ее гносеологической функции.

Гегель обновил и развил мысли Платона о неразрывной связи эстетического и этического начал в искусстве. По мнению немецкого философа, прекрасное по самой своей природе проникнуто духовными ценностями. Симфоническое единство диады «эстетическое и этическое» по своей сути утверждает сакральную природу творчества: в античности красота обожествлялась как таковая, иное осмысление она приобрела в христианской концепции искусства, тоже предполагающей сакрализацию красоты, преимущественно духовной [12, с. 19, 20, 28, 29].

Чтобы осознать специфику метода литературной критики, необходимо определить его отличие от понятия литературного метода и направления. В отечественном литературоведении нередко эти понятия отождествляются – отсюда названия методов критики классицистской, сентименталистской, романтической, реалистической (именно с этим последним определением больше всего путаницы, поскольку оно фактически ничего не дает для осознания специфики критического метода), символистской – и т.п. Несомненна прямая связь критического метода с творческим методом и направлением, однако отождествлять их не следует. В рамках одного и того же литературного направления возможны различные методы, понятие же направления в критике, в отличие от представления о методе, может быть признано тождественным с понятием творческого направления. Подобное уточнение терминологии помогает избежать путаницы и глубже определить сами дефиниции.

Теория критического метода в современной науке представлена достаточно авторитетными работами, в которых предлагаются различные подходы и критерии определения и оценки самого явления. Популярным является понимание критического метода как системы, руководствующейся, по мнению Ю.Б. Борева, «выработанными на основе познанных закономерностей искусства установками, принципами, приемами, процедурами, которые в своей совокупности и составляют метод критического анализа» [2, с. 450]. Однако подобное осмысление метода может быть отнесено не только к критике, но и к науке о литературе. Различие же между ними исследователи видят в аксиологичности критики, ее способности к «первоначальному» обоснованию оценки – в отличие от процесса «дообосновывания» первичных оценочных суждений в научных исследованиях [11, с. 79]. В этом случае мы имеем дело скорее с дифференциацией по функциональному, а не методологическому признаку.

Метод «как система... как целое, состоящее из взаимосвязанных между собой элементов», как «взаимосвязь методологических принципов, идейно-эстетических установок и приемов анализа, обусловленная предметом, спецификой и функционированием литературной критики и проявляющаяся в системе оценок литературно-общественных явлений», по мнению В.Н. Коновалова, содержит «два взаимосвязанных структурных элемента: общетеоретический и результативный» [6, с. 132, 133].

Предлагаемое В.Н. Коноваловым определение критического метода может быть признано универсальным, в то же время здесь речь идет скорее не о методе собственно, а, если воспользоваться терминологией некоторых исследователей (В.Е. Хализева, А.М. Гуторова), о методологии, применимой, в частности, и к выявлению «типологии направлений в литературной критике» [6, с. 139]. Нам представляется плодотворной мысль А.М. Гуторова о том, что «представление о критическом методе нуждается в исторической конкретизации» [4, с. 142].

Почти во всех работах, посвященных специфике литературного критического метода или касающихся ее, эта проблема рассматривается в сугубо теоретическом плане, в то же время актуальным остаётся ее исторический аспект: истоки, сущность и функция разных методов критики в их взаимосвязи. По нашему мнению, метод литературной критики – это наиболее общий принцип, подход к характеристике художественного произведения, творческого пути писателя или литературного процесса в целом, определяющийся совокупностью идейно-эстетических взглядов критика, его мировоззрением и проявляющийся в конкретных приемах и способах критического анализа. От науки о литературе критика отличается большей степенью субъективности, сопричастности творческому акту, большей социальной и нравственной активностью, аксиологичностью. Метод критики, как и литературоведения, предполагает характеристику произведения на уровне толкования смысла и его интерпретации. В таком случае существует ли возможность определить метод как нечто объективное, кроме указания на систему, на приемы анализа, которые исторически меняются и усложняются?

Ответ на этот вопрос представляется возможным и необходимым искать в истории самой критики, в становлении ее самосознания, в процессе вычленения и самоопределения в филологии, в обретении ею специфики собственного метода, потому что, по справедливому суждению В.Я. Лакшина, «не столько материал, сколько сам подход, продиктованный современными общественным задачами и живым восприятием читателя, отличает литературную критику» [8, с. 254]. Кроме того, в каждом конкретном случае критического анализа его автор устанавливает уровень требований к произведению, основываясь на своих представлениях о норме, в свою очередь определяющей метод.

Библиографический список

1. *Берковский Н.Я.* Эстетико-идеологические принципы и поэтика романтизма // КЛЭ. Т. 6 – М., 1971.

2. *Борев Ю.Б.* Эстетика. – М., 1988.

3. *Габитова. Р.М.* «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность: критические очерки. – М., 1985.

4. *Гуторов А.М.* О «целостности» и «выборочности» литературно-критического анализа // Проблемы теории литературной критики. – М., 1980.

5. *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 5. – М., 1966.

6. *Коновалов В.Н.* Метод литературной критики // Проблемы теории литературной критики. – М., 1980.

7. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991.

8. *Лакшин В.Я.* Литературная критика // КЛЭ. Т. 4. – М., 1967.

9. *Рузавин Г.Н.* Проблема понимания и герменевтика // Герменевтика: история и современность: критические очерки. – М., 1985.

10. *Тихомиров В.В.* Становление и развитие метода русской литературной критики в первой половине XIX века. – Иваново, 1991.

11. *Хализев В.Е.* Интерпретация и литературная критика // Проблемы теории литературной критики. – М., 1980.

12. *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М., 2002.

13. *Шеллинг Ф.-В.* Философия искусства. – М., 1996.

14. *Шеллинг Ф.-В.* Что характерно для произведения искусства // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М., 1980.

УДК 335.01(028)

Якубов Исламжан Ахмаджанович
кандидат филологических наук
Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами
islam_yakubov@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

В данной статье на основе новых для современного узбекского литературоведения методологических подходов дан сравнительный анализ повести В.А. Залотухи «Последний коммунист» и произведений А. Якубова, Т. Мурода.

***Ключевые слова**: интерпретация, экстремальная ситуация, внутреннее «Я», лейтмотив, идеал эпохи, концепция, художественное мастерство, ракурс, социально-психологический роман, повесть, абсурд, конфликт.*

Выражение человеческой психологии в экстремальных ситуациях можно проследить на примере повести «Последний коммунист»[1] известного русского журналиста и сценариста Валерия Александровича Залотухи. Необходимо подчеркнуть, что данное произведение до сих пор остается вне поля зрения узбекских литературоведов.

Приключенческо-детективные моменты часто встречаются и в начале повести и далее в процессе развития событий. По нашему мнению, один из ведущих героев этого произведения Илья Владимирович Печёнкин и его товарищи являются романтически настроенной молодёжью. Но нельзя, естественно, определить жанр произведения только на этой основе: выраженная в повести ведущая концепция направлена на выражение социально-идеологических, экономико-политических и духовно-политических проблем, точнее, на демонстрацию основ сущности философии и идеологии «нового русского» бизнеса. Значит, социально-психологичес-

© Якубов И.А., 2011

кий лейтмотив повести определяет и свойства его жанра.

В произведении читатель наблюдает две картины российской жизни:

1. Бедная среднерусская картина – невзрачные сёла, безлюдные аулы, пустынные степи. Состарившиеся представители простого народа, в недавнем прошлом посвятившие всю свою сознательную жизнь делу развития страны, доживают свою жизнь в старых бараках и находятся в безысходном состоянии от того, что не могут во время получать полагающуюся им пенсию. Для них жизнь потеряла смысл и стала абсурдом. Поэтому все богатые кажутся жадными и скупыми, в том числе Печенкин – «кровосос народа».

Очень естественно, что одинокие подростки, как и их обеспеченные сверстники, стремятся к уютной материально-обеспеченной жизни. Однако для того чтобы съесть гамбургер и выпить клубничный коктейль, нужны денежные средства. Из-за развода родителей оставшаяся на попечении бабушки, мулатка Снежана при появлении возможности не может удержаться от соблазна. Её сверстник Васька Огрузков, ведя экономный образ жизни в надежде хоть раз сытно поесть, ослаб от постоянного голода и потерял сознание в школе. А для таких подростков, как Верка, экономическая безвыходность может служить оправданием своей безнравственности. Условия, созданные для обеспеченных, в сознании бедных вызывают ненависть, стремление к достижению цели – легкой жизни. В результате они относятся к занятию проституцией как к обычному делу, о повышении своего культурного уровня вообще не задумываются.

Писатель описывает сущность образа жизни имущих на примере супругов Владимира Ивановича и Галины Васильевны и их сына, проживающих в городке Придонске. Основное внимание уделяется естественно-человеческим, социально-экономическим, политическим интересам родителей и сына, то есть духовно-психологическим основам схожести и разницы их взглядов. Можно сказать, что повесть повествует о судьбе этих трех ведущих героев и привлеченных в качестве дополнения других персонажей. Поэтому целесообразно проследить отдельно судьбу каждого из этих героев.

Илья Владимирович Печенкин – это молодой человек, который на протяжении шести лет обучался в колледже «Три вершины» («Труа сомэ»), открытом в Швейцарии для детей избранных богатых семейств. Подросток низкого роста, стройный и приятной внешности, но выглядит не по возрасту серьезным и усталым. Он в Швейцарии изучает языки, экономику, право и политику. В сущности, его гордый отец хотел из него сделать уникального специалиста – переводчика по латинской письменности, которой в Придонске никто не владел. Печенкин мечтал, чтобы его сын выделялся среди других и был бы единственным среди них. Можно сказать, что из-за своего стремления демонстрировать своё могущество он из-за своей чрезмерной гордости упустил воспитание собственного сына. Формирование Ильи было оторвано не только от семейной, но и от национальной основы.

В первые годы проживания в Швейцарии Илья посещал церковь и был намерен принять католическую веру. Но несколько событий надломили в нем веру в Бога:

Во-первых, во время посещения музея на территории освенцимского концлагеря в сознании героя зарождается бунт против мысли, высказанной в Библии о том, что « все волосы на вашей голове сосчитаны»[2], потому что он не осмыслил идею священной книги. В результате он пришел к богохульственному заключению: «Что он (имеется в виду Бог. – *И.Я.*) делал, когда миллионы людей были отправлены в газовые камеры и сожжены? Он волосы пересчитывал? Или любовался как люди заживо горят?»

Во-вторых, происходит знакомство Ильи с Оксаной Тупициной. В связи с тем что отец был безработным, а мать болела, в надежде прокормить трёх братьев Оксана, вынужденная заниматься проституцией, была задержана местной полицией в пансионате и совершила покушение на свою жизнь. Потрясенный этим случаем, Илья приходит в ужас от того, что везде сильные – «обманувшие» – являются победителями, а слабые – «обманутые» – побежденными.

Оказавшись в таком настроении, Илья под влиянием учителя экономики пансионата Жереми воспитывается в духе ненависти к обогащающимся за счёт других, то есть к «новым русским частновладельцам». Он считает, что эта несправедливость долго не продержится и народное добро вернется в руки истинных хозяев. А если этому воспротивятся сегодняшние бизнесмены, то по отношению к ним необходимо применить силу. Иначе говоря, сформировавшийся под давлени-

ем «левых идей», сын превращается в политического противника своего отца. Значит, он взрослеет как человек, у которого Россия ассоциируется с Мавзолеем, Лениным и с чувством отвращения смотрящим на русскую жизнь иностранцем.

Подросток живет, подражая мифическим героям, у которых от природы жизнь полна отваги. Так, следуя героическому поступку мифического героя сражения римлян против этрусков в конце VI – начале V веков до н. э. Гая Муция Сцеволы, на огне камина поджег руку, и этим молодой человек пытается доказать своё бесстрашие перед ужасами смерти. Известно, что Сцевола, оказавшись в плену после проникновения в тыл эрт-русков с целью убийства их царя, демонстрируя свою ненависть по отношению к коварству врагов и собственное бесстрашие, держал руку на огне, пока пальцы не обуглились.

«– Я тебя не боюсь, коварный царь Парсена! – воскликнул Муций Сцевола.

– Ты, может быть, меня не боишься, но все боятся смерти. Особенно муки смерти вселяют страх! – сказал Парсена и засмеялся.

– Я не боюсь смерти! – сказав это храбрый молодец, подставил свою руку к огню и не издал ни звука.

– Посмотрим, от страха он сам закричит! – воскликнул царь»[3].

Выясняется, что, подражая современному герою, сплотившиеся вокруг него люди, наподобие дирижера, не воспринимающего классическую музыку, заслужили гнев и ненависть.

Илья считает себя продолжателем революционных идей в деле быстрой ликвидации проблем, связанных с событиями, происходящими в социальной действительности. Он целиком отрицает сегодняшний образ жизни. На то имеются свои причины. В том числе и то, что заботливая мать героя, бизнесмен-отец и во всем потакающие ему его сподвижники тоже бывшие коммунисты. Он их ненавидит за корыстные стремления. Герой отрицает не тоталитарную идею, а сегодняшнюю действительность.

Подросток испытывает незримую любовь по отношению к своему деду Василию Григорьевичу, которого он никогда не видел. В случайно попавшем в его руки письме-завещании своего деда коммунистам XXI века было сказано: «В такое великое время как можно жить вне партии? Пусть даже будет поздно, пусть уже бои прекратились – но бои ещё будут. Как может быть радостна жизнь вне ВКП(б)? Ни семья, ни любовь – ничто не дает полноценной жизни. Семья – это несколько человек, любовь – это один человек, а партия – это 1600000. Жить ради семьи – это животное зазнайство, жить для себя – позор».

Видно, что время для Ильи тоже очень значимо. Вне партии радости и смысла полноценной жизни не может быть. Взгляды на личность, любовь и семью с точки зрения коллективизма, свойственные не только его деду, но и всем коммунистам старшего поколения, призывают относиться с уважением к вождям компартии бывшего союза и государства.

Известно, что «вождь пролетариата» призывал, в целях «освобождения» рабоче-крестьянского класса путем вооруженного восстания, свергнуть царское правительство и в корне обновить основы социальной системы. Законы экономико-политического «развития» основывались на пролетарской партийности, классовости и классовой борьбе, на ведении беспощадной и последовательной борьбы против всяких проявлений идеализма и метафизики, религии. Появившийся в начале XX века большевизм по своей идеологической основе и характеру деятельности постоянно проводил внутри себя «чистки», не одобрявших его политическую тактику непримиримым образом «устранял», то есть конфисковал их имущество, а самих репрессировал.

С первого взгляда кажется естественным стремление к радостям, полноценной жизни этого обожающего пепси-колу подростка. Однако в душе этого подростка отсутствуют чувства семьи и любви, потому что он очень рано был лишен родительской любви. В его мировоззрении появилась национально-идеологическая пустота. Из-за безразличия к его воспитанию его душу одолели стремление быть в партии и мечта о борьбе.

Значит, его мечта о строительстве НОК – нового общества коммунистов – также является плодом подражания. Опасная особенность данного подражания заключается в том, что в душе Ильи разрастаются корни революционной борьбы, замены основ существующего строя, партийности и классовой борьбы, то есть жестокости и непримиримости. Именно это стремление влечёт его в Мавзолей Ленина. Он становится ещё более настойчивым в своих решениях о необходимости строительства нового общества, когда молча стоит и смотрит на неподвижно лежащего и спящего вечным сном «вождя», каждое слово

которого безоговорочно и немедленно исполнялось. Теперь духовно он был коммунистом, и поэтому, считая, что пожилые обречены на смерть, а богатые должны жить в страхе, подросток призывает бедных и молодых к революционному сплочению.

Но Илья не осознает, что формирование общества из числа современной бесстрашной и смелой молодёжи и стремление воспитать нищих в революционном духе – коммунистическая утопия, которая в недалёком прошлом под предлогом разделения на такие идейные убеждения, как «большевик», «меньшевик», «эсер», могла настроить жену против мужа, мужа против жены, сына против отца, отца против сына, братьев друг против друга, и привела к кровопролитию.

Родители Ильи живут недружно, поэтому не могут служить примером для Ильи. И не случайно то, что мужество мифического римского бойца Гая Муция Сцеволы, трагическая любовь героев западноевропейской литературы средневековья Тристана и Изольды, смелость американской коммунистки Анжелы Девис или деятельность политических деятелей, посвятивших свою жизнь исключительно партийной работе, могут служить для него образцом для подражания. Илья не видит смысла в своей настоящей жизни. В отличие от своих сверстников, он ищет пути обогащения своей бессмысленной жизни смыслом.

Из вышеизложенного видно, что он пребывает в настроении какого-то хладнокровного и безучастного отношения к событиям сегодняшней реальной жизни. Поэтому кинофильмы он считает «враньём» и им абсолютно не верит. В то же время он с любовью читает автобиографический роман Н. Островского «Как закалялась сталь» (1932–1934). Это произведение пропитано атеистическим и коммунистическим духом, и описанное в нем жизнелюбие полностью отрицает прошлое и основано на революционной борьбе. Это можно проследить на двух примерах.

Так, когда поп в связи с подготовкой к празднованию священной Пасхи готовил тесто – в символическом смысле «тело Иисуса» – ранее верующий Павел добавил несколько кусочков тряпки. Возмущенный таким поведением своего ученика поп выгнал Павла из школы. По мнению Ильи, настоящий коммунист, как и Павел, в первую очередь должен отказаться от своего вероисповедания.

Кроме того, для Ильи жизнь ценна своей неповторимостью и эффективностью революционной борьбы. А Павел Корчагин, являющийся в романе Островского обобщающим образом комсомольцев 1920-х годов, как раз и стремится к свободе и идеям борьбы. Корчагин призвал: «Самое ценное для человека – это жизнь. Она дается один раз, человек должен её прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор наши сердца за подлое и низкое прошлое, и, умирая, мог сказать: все мои силы и вся моя жизнь отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества»[4].

В повести сын в надежде на восстановление старых большевистских экономических критериев заявляет вразрез отцу: «Насколько народ будет богаче, настолько и ты будешь жить лучше», а Печенкин живет по новым понятиям: «Насколько я буду богаче, настолько будет лучше народу».

Владимир Иванович Печенкин является обладателем звания «Рыцарь российского бизнеса». Великолепные усадьбы, фермы, мощные элеваторы, кинотеатры, три завода, две фабрики, четыре банка, дорогостоящий личный самолет, танкер типа «река-море», десятки катеров являются собственностью владельца компании «Печенкин». Действительно, бесчисленные служанки и домработницы, садовники, повара, уборщицы, парикмахеры, массажисты, экстрасенсы, телохранители, работники госучреждений – все они готовы выполнить любое его указание. Такое положение вселило в его душу чувство гордости за своё «я». И в то же время он по-детски простодушный и доступный. Он заботливый муж, веселый, требовательный и строгий отец.

По мнению Печенкина, такие понятия, как «белые», «красные», «коммунисты» и «демократы», являются предметом болтологии и словоблудия. Он живет, опираясь на следующую философию деятельности: «У меня одна идеология. Работать! Бегать! Проливать пот! Вот и всё… перед трудолюбивым человеком я преклоняюсь. Ненавижу лодыря! Меня не интересуют национальная принадлежность, вероисповедание и другие».

Для этого человека, стремящегося быть толерантным по убеждениям, ничего не стоит построить на месте церкви завод, на пустом месте возвести церковь. Главное для него, чтобы построенное сооружение было бы восьмым чудом света и не было бы похожим на предыдущее, чтобы люди в нем молились за процветание начатого Печенкиным дела. Пусть даже кем-то возве-

денный памятник пролетарскому вождю стоит напротив церкви, потому что, по понятиям Печенкина, памятник Ленину, указывающему рукой в сторону церкви, олицетворяет собой преемственность поколений, народное терпение и покаяние «вождя». Становится понятным, что Печенкин живет желанием созидать, а не ломать. Говоря иначе, он сторонник того, чтобы его созидательность не влияла на веру людей. Бесспорно, он не считает, что жизнь состоит из труда, ибо жизнь – это существование. Потому человек должен быть не только созидателен, но и добр, чтобы его добрым делам люди радовались.

Становится очевидным, что герой романа ценит человека за его трудолюбие, а не за национальную принадлежность и его веру. Потому работающие под его руководством русские, татары, чеченцы, евреи пользуются особым уважением, несмотря на их различные вероисповедания. Даже когда его сын-«коммунист», выступив против отца-«капиталиста», очень обидел его, он придерживался пути примирения.

Времена неспокойные. Неизвестные люди в надежде на материальную наживу могут совершить покушение на чью-то жизнь, похитить единственного ребенка или близкого человека. По этой причине, как бы они ни были горды, их души не покидает неизвестное опасение. Печенкин опасается не только сам без телохранителей гулять, но и беспокоится за близких, когда они пребывают без охраны. Он не только не доверяет людям, но и не может, отказавшись от материальной славы, посвятить свою жизнь конкретной вере. В действительности все двери, куда он обычно легко входил, наглухо закрываются. Посредством этого символического знака автор повести путём тонкого намёка указывает на бесперспективность жизненного пути героя.

Печенкин не всегда делает соответствующие выводы из происходящих в мире событий. Это происходит тогда, когда он пребывает в хорошем настроении. Тогда он предпочитает неоднократно просматривать индийский фильм «Бродяга» и, сидя, щёлкать семечки. Появляется вопрос: почему именно этот фильм наиболее ярко раскрывает духовно-психологический облик Печенкина? Бесспорно, для выяснения вопроса целесообразно сравнительно сопоставить повесть «Последний коммунист» с лейтмотивом фильма «Бродяга».

Печенкин, как и главный герой фильма Раху Над, верит в то, что у честных родителей рождаются честные дети, а у воров дети бывают ворами. Если судья посвящает свою жизнь делу защиты закона, то Печенкин посвящает свою жизнь делу развития Придонска. Несмотря на это, и Раху Над, и король бизнеса Печенкин оказываются беспомощными и непрактичными перед общественным мнением. Рождение ребенка судьи на грязной улице связано с безучастным отношением к детям общества, построенного на основе экономической несправедливости, и влиянием течения жестокой жизни. Если смотреть с внешней стороны, то у Ильи Владимировича – сына Печенкина – нет причин жаловаться: он получает образование в Швейцарии. Однако под давлением внешних факторов и в его мировоззрении происходят кардинальные изменения. Значит, несмотря на различие в «симптомах», появляется опаска воздействия на светлые и добрые душевные чувства двух молодых людей.

Валерий Залотуха, как и создатель фильма «Бродяга», выдвигает концепцию того, что материально обеспеченный образ жизни хоть и вызывает уважительное отношение людей к себе, но в нем кроется много отрицательных сторон, вызывающих отвращение. В сознании Печенкина и Раху Над принцип материальности является главенствующим. Оба героя – и Владимир, и Раху – считают создание в первую очередь материальных благ очень важным. Они живут желанием проявлять заботу о детях, обеспечить их всем, обучить основам своей профессии. Однако слепое доверие удаляет их от душевных проблем.

В результате Владимир Иванович Печенкин, как и Радж, занимается «экспорт-импортом», то есть сбытом товара оттуда-сюда, отсюда-туда, и оказывается на пути воровства. Невозможность забыть светлые воспоминания о своём детстве, которое прошло на улицах нечестности, невозможность выхода оттуда – всё это очень сближает Печенкина и Раджа. Если глубже посмотреть в корень проблемы, то ясно видно, что течение жизни несет их в омут. Если Печенкин убедился в невозможности честным путём обеспечить себя материально и счастливо прожить, сделать счастливыми своих соотечественников, то Радж опустился до грабежа банка, обмана и мошенничества.

Бесспорно, Печенкин одаренный человек. Но как бы он ни возвышался на глазах у людей, он всё более отдаляется от своего прошлого. В результате у героя повести появилось желание вызвать в душе других чувство зависти. Он наслаж-

дался, когда подавлял морально тех, кто нуждался в его помощи. В целях изображения этого состояния автор указывает на картину, где изображенный Петр I своей фигурой, твердым шагом и гордым взглядом резко отличается от его окружающих. Этой деталью автор хочет показать, как господин из числа «новых русских» стремится стать человеком гордым и сильным, не реагирующим ни на просьбы, ни на приветствия, ни на обращения и шутки.

Действительно, когда Печенкин оказывает помощь нуждающимся, он испытывает некоторое душевное облегчение. Но в целом душа его неспокойна. Видно, что в данной ситуации авторы пытались провести поэтическое исследование путём соотнесения вопроса о человеческом бессилии перед реальной ситуацией с проблемой духовных запросов и духовного покоя.

Значит, фильм «Бродяга» дорог тем, что он призывает человеческие души проснуться от неведения. Песня фильма «Авара хун» (я бродяга) известна очень многим кинолюбителям. Не зря Печенкин напевает эту песню, запавшую ему в душу в детстве. Это не только поэтическое созвучие с высокими чувствами Печенкина, но и проявление душевной искренности. Следовательно, автор с целью более широко раскрыть настроение некоторых образов подобрал ритм именно данной индийской песни для повести «Последний коммунист».

Жена Печенкина Галина Васильевна является женщиной гордой и с тонким чувством. В молодости она мечтала стать актрисой и заучивала отрывки из классических произведений. По этой причине ее не покидает желание вести пышный образ жизни в романтических мечтаниях. Она любит часто проводить развлекательные мероприятия под названием «Встречи у камина» с участием новых придонцев, руководителей города, местных деятелей культуры и молодежи и этим демонстрировать своё превосходство.

Галина, когда у неё хорошее настроение или душа наполняется тоской, сидит под согнувшейся ивой на берегу реки Дон и отдыхает, всматриваясь вдаль. Её душа, как кажется, переполнена любовью к своей родине и к своему народу. Однако эта красивая, «самоотверженная» женщина, ради мужа готовая на всякие низости, сполна выполняет материнские обязанности и ради того, чтобы Илья вырос «настоящим мужчиной», не устает от обязанностей организатора конкурса под названием «Грудь России». Девушки – участницы «конкурса», стремясь к славе, демонстрируют все свои женские прелести и не уступают той, которая ради материальной наживы не брезгует ничем. Потому это зрелище для Ильи и кажется «демонстрацией бессовестности».

Ангелина Георгиевна Всеславинская – это вторая женщина в жизни Печенкина. Сорокалетняя учительница, проживающая в однокомнатной квартире, не мечтает о пышной жизни, а желает счастливо жить и встретить мужчину, достойного её любви. Душа этой гордой, бескорыстной женщины лучезарна, как утренняя звезда. В связи с этим человеческие отношения, построенные на богатстве и состоянии, к которым стремится «толпа», кажутся для неё непостоянными и нелогичными. Геля одаряет большой радостью крохотного малыша, которого она носит под своим сердцем. Поэтому нисколько не согрело её душу то, что Печенкин подарил своей возлюбленной красивый коттедж из числа строившихся за городом для руководителей губернии и новых придонцев.

Будущее страны Геля видела в интеллигенции, а Печенкин – в богатых. Именно истинные интеллигенты могли стать преградой на пути людей, похожих на Печенкина. Но они малочисленны. Претендующих называться «интеллигентом», но находящихся на службе у богатых в надежде поживиться материально и готовых подставить друг друга, бесчисленное количество. Печенкин именно их считает животными, неспособными по-настоящему распространять просвещение. Но, в силу своего упрямого характера, он не может признаться в том, что интеллигенты хоть и малочисленны, но благодаря их стойкой вере и добрым делам мир находится в равновесии.

Учительница Геля никак не может согласиться с мнением своего ученика Ильи, который говорит: «Раскольников хотел отнять своровавное… Герои Достоевского, как и сам автор, идиоты». Илья считает необходимым втянуть Россию в водоворот революции – великого наказания за тысячи отдельно совершенных преступлений. Детей жертв революции он признает ответчиками за родительские грехи. В отличие от него Геля одобряет взгляды Ф.М.Достоевского: «Преступление не останется без наказания» – и предсказание Бальзака о том, что «под каждым большим имуществом кроется преступление». Преподавательница считает Достоевского не только вели-

ким русским писателем, но и предсказателем будущего России. Достоевского считал революцию несчастьем, приносящим безвинные жертвы.

Уместно подчеркнуть, что название повести и главная концепция писателя проявляются в словах фотографа, являющегося эпизодическим образом: «Моё намерение жить на свете до тех пор, пока есть хоть один коммунист, последний коммунист! Его – последнего коммуниста никто не будет жалеть! Женщины не захотят с ним продолжить свой род. Мужчины с ним не будут говорить о футболе и играть в шахматы. А маленькие дети будут бегать за ним и указывая пальцем будут говорить "Коммунист!" и будут смеяться над ним» [3, с. 137]. Фотограф убежденно скажет: «Если хочешь долго жить, то не верь коммунистам. Даже если белое будут называть белым, не верь, потому что оно черное. Не верь, если даже воду будут называть водой, потому что это камень. Не верь, если даже хлеб будут называть хлебом, потому что это яд» [3, с. 137].

Писатель в повести эффективно использовал многочисленные реминисценции – священной книги «Библия», образы римских легенд, русских сказок, западноевропейской литературы средневековья, героев Н.А. Островского, Ф.М. Достоевского, Бальзака, идеи-взгляды, выдвинутые в фильмах Раджа Капура, а также деятельность жизненных персонажей, таких как американская коммунистка Анжела Девис. В частности, сравниваются между собой образ доверчивого и удивленного Короля из сказки «Путешествие короля и кота в сапогах» с образом абсолютно противоположного им Ильи. Таким способом делается указание на то, что, в отличие от сказочного героя, удивляющегося всем, в характере молодого человека формируется какое-то хладнокровное и пренебрежительное отношение к событиям реальной жизни. В общем, посредством художественных средств, использованных в повести, концепция автора относительно экономики, права, политики, языка, духовности, образования поэтически аргументированы.

По нашему мнению, если общество будет построено на основе экономического неравенства, то не только нарушится принцип приоритетности закона, но и реформы будут сопровождаться социальными потрясениями. А это послужит причиной нарушения социально-нравственных норм и образования идеологической пустоты. Поэтому необходимо гуманизировать общество, то есть беречь душу каждого человека, относится к нему с любовью. Истинно национальная и общечеловеческая вера формируется путем насаждения в сознание и душу детей знаний о честности, чистоплотности, справедливости, чести, любви, преданности, искренности посредством воспитания и личного примера. Свобода – это не понятие, оторванное от ответственности за собственную судьбу и родину. Человек никогда не ошибется, если в своей практической деятельности будет придерживаться желания души и веления совести. Есть понятие, что человеческое величие определяется исходя из умения регулярно ревизовать самого себя и делать соответствующие выводы из допущенных ошибок.

В лейтмотивах и узбекских романов, начиная с 90-х годов XX века, начался процесс анализа и исследований исторического прошлого. В частности, в романе «Адрес справедливости»[5] (1994) О. Якубов, рассматривая социально-духовные проблемы, описал процессы крушения советской империи изнутри. Ветеран, один из героев романа, посвятивший свою полувековую жизнь советскому правительству, не воспринимает идеалы времени. Напротив, видя несправедливость 80-х годов, отношение общества к судьбе человека, он сожалеет о том, что отдал всю свою жизнь этому строю. Один из героев повести Тогая Мурода «Песня Матушки-земли»[6] Турсун вырос в духе подражания литераторам запада. Склонный к романтике, восточный образ мышления показался ему исключительной наивностью. «Прорвавший национальную оболочку» и считающий себя большим поэтом, Турсун называет простой народ, не понимающий течения «модерна», «бараном», «стадом», «толпой». Лелея себя и даже стыдясь имени своих предков, он своё имя и фамилию сменил на псевдоним «Пахлаван Дахо».

К сожалению, его помыслы и убеждения оторваны от национальной основы. Его душа далека от природной красоты и божественного вдохновения, так как его духовно опустошенное сердце переполнено чувствами обиды и завистливого отношения к своим одаренным сверстникам. Поэтому его душа не может быть свободной и спокойной. Отрёкшегося от семьи, детей, родителей и друзей, покинувшего свой родной кишлак, опустившегося до отрицания Бога и сожжения Корана, «Пахлавана Дахо» писатель характеризует как «с виду человек, а по сути обезьяна». Действительно, герой, не взошедший на пьедес-

тал славы своими сочинениями, не пронизанными чувством любви, превращается в корыстного и завистливого жалобщика. Выражаясь иначе, он оторвался от земли, но не долетел до неба и завис в воздухе.

Центральным героем в романе писателя «Нельзя умереть на этом свете»[7] является Батыр, который преданно служил бывшему советскому строю. Он благодаря горячим и страстным подходам внезапно начавшегося периода «перестройки» ещё при жизни был забыт. Состарившийся герой, находясь между двумя мирами, пытается определить своё историческое место. Герой романа, чья жизнь которого прошла в тяжелом и мученическом труде, осуждая недавнее прошлое, считает демагогов, для которых чужды в их практической деятельности созидание и строительство, поколением, не нашедшим своего места в жизни. Партиец Батыр «толпу», действующую в состоянии мимолетного настроения, считает «невежественным стадом», а бывший советский строй – «тюрьмой», «кладбищем».

Тогай Мурод, в частности, выдвигает концепцию того, что реформы должны проводиться сознательно и поэтапно, любовь народа должна проявляться в практических делах. Созидающий и трудолюбивый человек вправе всегда быть в почёте. Человек с чистой совестью в жизни должен быть уважаемым в соответствии со своим человеческим задором.

Просматривая вышеприведенные повесть и романы можно прийти к следующим выводам. Во-первых, объективная действительность горизонтов мышления и мировоззрение отдельного писателя расширяются пропорционально увеличению творческого опыта и мастерства. Во-вторых, и у отдельного творца, и в масштабе мировой прозы наблюдается внутреннее хронологическое развитие. В третьих, узбекские и русские писатели обогащают свои прозаические произведения внутренними и внешними факторами за счет того, что опираются на традиции древних греков и римлян, на произведения мыслителей Востока, периода Возрождения, на традиции устного народного творчества и классической литературы, на религиозные источники и творчески усваивают передовой опыт мировой литературы и кино. Значит, такое научно-творческое усвоение, новая оценка социально-культурных событий, наблюдение за миром и человеком с разных ракурсов, изображение человека в экстремальных ситуациях – это общая закономерность литературного процесса.

Примечания

[1] *Залотуха В.* Последний коммунист. Повесть / пер. Файзи Шахисмоила // Мировая литература. – 2004. – №1. – С. 91–141; 2004. – №2. – С. 54–110.

[2] См.: Библия. – Стокгольм, 1992. – С. 25.

[3] *Залотуха В.* Последний коммунист. Повесть / пер. Файзи Шахисмоила // Мировая литература. – 2004. – №1. – С. 99. (Цитаты, приведенные в статье, взяты из данного источника и указаны страницы. – *И.Я.*)

[4] *Островский Н.А.* Как закалялась сталь. Роман. – М., 1970. – С. 247.

[5] *Якубов Адыл.* Избранные произведения: В 4 т. Т. 1. – Ташкент: Главная редакция РИАК «Шарк», 1994.

[6] *Мурод Тогай.* Песня Матушки-земли // Мурод Тогай. Вечер, когда лошадь заржала. Повести. – Ташкент: Главная редакция РИАК «Шарк», 1994. – С. 356–461.

[7] *Мурод Тогай.* На этом свете нельзя умереть. Роман. – Ташкент: Главная редакция РИАК «Шарк», 2001.

УДК 82.09

Ясько Екатерина Сергеевна
Московский городской педагогический университет
e.s.yasko@gmail.com

ПРОБЛЕМА УТРАТЫ ИДЕАЛОВ В РОМАНЕ ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА «ИСКУСИТЕЛЬ»

В статье рассматривается роман Германа Мелвилла «Искуситель» («The Confidence-Man: His Masquerade», 1857) в отношении проблемы идеалов в американском обществе второй половины XIX века.

***Ключевые слова**: искушение, мотив маскарада, проблема доверия, поиск идеалов.*

Американских мыслителей и писателей второй половины XIX века чрезвычайно тревожило состояние духовной жизни страны: прогресс американской демократии способствовал всё большему отдалению от первоначальных идеалов. Для поздних американских романтиков было характерно пессимистическое мироощущение. В поздних произведениях Германа Мелвилла всё чаще звучит трагическая ирония – писатель остро ощущает опасность морального релятивизма и, вместе с тем, не может не изображать общепринятые стандарты скорее как двойственные и относительные, а не абсолютные.

В романе «Искуситель» (“The Confidence-Man: His Masquerade”, 1857) тема утраты идеалов становится центральной. Этот роман явился отражением как надежд и иллюзий, связанных с будущим страны, так и горькой иронии писателя по поводу несоответствия провозглашаемых идеалов действительности. В результате распространения рыночной экономики и эволюции капитализма активное производство материальных ценностей нередко возводилось в ранг прямых обязанностей человека. Американское общество второй половины XIX столетия являло поистине удивительные примеры сочетания духа капитализма с традиционными протестантскими идеалами. По замечанию Р. Паррингтона, «желание материального успеха, успеха в обществе, развивалось параллельно с желанием попасть на небеса» [6, с. 271]. Обман и уловка, сопровождающие строительство капитала, были не только не исключены, они подразумевались как неотъемлемая часть жизни общества, более того, даже получали нравственное оправдание. Как настаивал Дж. Салливан, один из создателей «Манифеста судьбы», «вся история должна быть пересмотрена, и вся нравственные истины должны быть рассмотрены в свете новых демократических перемен» [10, с. 3]. Однако, то, что было предложено взамен, а это и вера во всесилие Разума, развитие материалистической теории, механистического взгляда на мир, наряду с проблемой рабства и оправданием территориальной экспансии, – всё это не могло не вызывать ощущения глубокой обеспокоенности у Мелвилла-мыслителя. На страницах произведений писателя также прослеживается полемика с распространёнными идеями трансценденталистов, которые в поисках опоры и надежды обращались к человеческой душе: там, где трансценденталисты видели свет и надежду для человеческой души, Мелвилл, однако, отмечает её жестокость и мрак.

Являясь последним прижизненно опубликованным произведением писателя, роман «Искуситель» во многом стал итогом эволюции творчества Мелвилла в отношении проблемы идеалов, а также проблемы зла. «Искуситель» оказался коммерчески провальным, не получив признания у современников писателя. Первые отзывы на роман видели замысел романа единственно в изобличении американского духа стяжательства, критики подмечали лишь «эксцентричные трансформации» главного героя-искусителя, скрывающегося под масками с целью получения доверия людей. Возрождение творчества Мелвилла в середине XX века, связанное с интересом ко взглядам писателя на глобальные проблемы человеческого существования, затронуло и восприятие критиками «Искусителя». Так, Н. Арвин видит в романе утверждение мелвилловского нигилизма, Л. Говард полагает, что роман является изображением веры как безумства. «Художественным провалом» считает роман Р. Мейсон, утверждая, «несогласный с шекспировским приятием сосуществования добра и зла, Мелвилл сам запутывается в своей варварской мизантропии» [8, с. 198]. Л. Томпсон видит в романе высмеивание писателем христианских доктрин: Мелвилл якобы считает Бога злобным тираном, и пытается его изобличить [9, с. 297–328]. «Комедией

© Ясько Е.С., 2011

сомнения» называет роман Мелвилла Дж. Брайант, акцентируя внимание не на религиозном, социальном, творческом аспекте, волновавшем писателя, но именно на идее маскарада в произведении.

С нашей точки зрения, несмотря на то, что и сам Мелвилл характеризовал «Искусителя», как «комедию», очевидно, что роман этот глубоко пессимистичен по своему настроению. Он пронизан горькой иронией: дьявол «прогуливается» по пароходу-микрокосму с говорящим названием «Фидель», представляющему собой иллюзию сплочённого общества, без труда находя свою жертву как в излишне доверчивых пассажирах, так и в закоренелых циниках. Искуситель «играет» по правилам людей, и игрой своей обнаруживает слабость человеческой природы, как бы приподнимая занавес над маскарадом этого мира. В то время как первая половина романа высмеивает излишнюю доверчивость, вторая изображает последствия недоверия, изобличает её абсолютное отсутствие. Но сатира здесь – не цель писателя, а некий покров, за которым «высвечивается» тёмная сторона человеческой натуры: отсутствие истинной добродетели и истинного милосердия у христиан, их жадность, корысть, вместе с верой в безграничную силу разума и абсолютным доверием к себе.

Интересно, что к использованию мотива маскарада Мелвилла подтолкнул факт из собственной жизни, костюмированный пикник 7 сентября 1955 года, на котором писатель был вынужден присутствовать. Под впечатлением от этого события он заметил, что «жизнь – костюмированный пикник, каждый должен играть роль, надеть маску и быть готовым валять дурака» [7, с. 255]. К моменту создания «Искусителя» Мелвилл пришёл также к разочарованию в своём собственном творчестве, трагическому осознанию того, что современная ему капиталистическая культура не была близка по духу художнику. Кроме того, этот период жизни писателя был отмечен и личной трагедией, и сомнениями в своей вере. Мелвилл отправляется в путешествие к Святой Земле во многом, чтобы обрести свой личный «путь спасения», он создаёт поэму «Клэрэл» (1876), повествующую об индивидуальном поиске веры, личного идеала, несмотря на все препятствия и разочарование в окружающей действительности. Так, в рассказе «Я и мой камин» (1856) ощущается трагическое состояние самого писателя, но, вместе с тем, и его неиссякаемая сила духа, намерение бороться: «…говорят, будто я превратился в старого, замшелого мизантропа, а между тем все это время я стою на страже моего старого, поросшего мхом камина, ибо мы с ним заключили договор о том, что никогда не признаем себя побежденными» [2, с. 256]. Состояние подавленности и разочарованности, таким образом, не только не заставили Мелвилла писать «на потребу» публике, но, напротив, укрепили писателя в необходимости поисков Истины, поисков идеалов, и роман «Искуситель», вне всякого сомнения, являет собою пример этих исканий.

Итак, в «Искусителе» Мелвилл изображает картину маскарада, бесконечного сокрытия личности с целью получения доверия. Мотив маски имплицирован в самом названии – “The Confidence-Man: His *Masquerade*”. Показательным является и день происходящих событий, 1 Апреля, известный в национальной традиции как «День дурака». Пароход «Фидель» следует по Миссисипи в Новый Орлеан, и место действия в романе играет существенную роль: на пароходе представлена именно американская нация, здесь властвует «Дух Запада», дух самой реки Миссисипи. Эпитеты «уверенный», «космополитичный», безусловно, проецируются и на самих представителей американской нации, выступая в романе объектами сатиры.

В попытках осмыслить национальный опыт американцев, Д. Бурстин отмечает, что «Америка росла в поисках сплоченности, в поисках общины» [1, с. 10]. Однако же, картина, предстающая перед читателем на страницах романа Мелвилла вовсе не идиллическая – на «Фидели» мы видим отнюдь не стремление к сплочённости, но, напротив, крайнюю разобщённость, недоверие и чуждость друг другу представителей американского «общества в миниатюре». Приоритет общины сменился, таким образом, крайним индивидуализмом и настороженностью по отношению к ближнему. Пассажиры «Фидели», по выражению самого Мелвилла, представляют собой «множество форм-пилигримов» [4, с. 14]: это и сборщик пожертвований для приюта, и президент угольной компании, и врач, и представитель общества наёмных рабочих, и странствующий космополит, – всё это характерные представители американского общества середины XIX века. Сам Искуситель предстаёт у Мелвилла под разнообразными масками, одновременно скрывая

и обозначая своё присутствие. Его цель – заполучить доверие, обмануть, зачастую выманить деньги у пассажиров. Однако деньги здесь отнюдь не являются главным мотивом к обману и искушению. Сложно представить, чтобы при создании романа писателя интересовала лишь тема мошенничества: «…деньги, вы полагаете, основной мотив всего страдания и мучений человеческих? Сколько выручил Дьявол, соблазнивший Еву?», замечает сам Искуситель [4, с. 24].

Итак, Искуситель скрывает свою сущность за различными обликами. Первым на сцене появляется Чернокожий калека, умоляющий поручиться за него. Чёрный цвет в данном контексте, несомненно, имеет отношение не к расовой принадлежности, но подчёркивает нравственную тьму человеческой природы. В действительности это – маскирующийся Искуситель, который по ходу повествования выдаёт свою истинную сущность: «кому нужна ваша добродетель, к чёрту её!», произносит он. Следующий образ Искусителя – «Человек с большой книгой», или мистер Трумэн, проповедующий веру в Бога и мировой порядок. Убеждения человека, по его мнению, должны основываться не на опыте, но на интуиции: нужно просто *верить*, полагает он, зло же – лишь иллюзия. Проповедуя слепую веру, он сам обманывает деревенского купца. Далее на сцене появляется Врач, который продаёт бальзам, излечивающий от всех недугов. Он вызывается помочь больному солдату, фактически навязывая ему «природное» лекарство. Проповедуя надежду на выздоровление, Врач провозглашает необходимость безоговорочной веры в Природу. Однако тем самым, этот образ Искусителя фактически сеет семена неверия, разочарования, отчаяния, ибо его лекарство оборачивается ничем иным, как очередным обманом. Посредством образа Врача Мелвилл изобличает культ природы, понимание её трансценденталистами, как божественной сущности. Таким образом, «Человек с книгой» в романе олицетворяет веру, знание и доверие к себе, Врач символизирует надежду, однако, всё это – лишь *маски* добродетели: призывы довериться Богу, Природе, своему ближнему, по сути, имеют обратный посыл.

Не все пассажиры «Фидели», однако, так доверчивы. Мизантроп по имени Питч олицетворяет в романе американский опыт и практицизм, и Искуситель использует несколько другой путь для его обмана. Питч сетует на то, что основу человеческой природы составляет лишь низость и подлость, однако он поддаётся на уговоры Искусителя взять себе наёмного рабочего. В то же время Питчем движет изначальное доверие к людям; кроме того, Искуситель сообщает ему о проведении исчерпывающего научного исследования проблемы «природной добродетели» слуг, которая якобы не оставляет сомнений. В этом эпизоде, очевидно, изобличается неограниченная вера в прогресс, в достижения науки. Аргументы, которые Искуситель приводит для обмана мизантропа, уже не религиозного, а, скорее, философского и научного толка: он якобы произвёл «внимательное аналитическое изучение человека, основанное на строго философских принципах» [4, с. 78], и пришёл к идее о том, что человечество воплощает собой добродетель и милосердие. Искуситель здесь является носителем (и, одновременно, обличителем) оптимистической концепции трансценденталистов: он утверждает, что физические качества человека непременно коррелируют с моральными, словно «бутон лилии, в котором они глубоко спрятаны – равно как и человеческая природа» [4, с. 79]. Разумеется, трансценденталисты, в частности, Эмерсон, не «закрывали глаза» на существование зла, однако они выражали уверенность в силе Естественного закона, способного, в конечном итоге, устранить или трансформировать зло. Позже Питч осознает, что он обманут, обманут своей излишней верой в философию, науку, опыт. Его взгляд на человечество и человеческую природу сменяется горьким разочарованием: теперь его принцип – принцип «всеобщего недоверия».

Нельзя не обратить внимания на антитезу между надписями на табличках, которые держит в руках глухонемой в белых одеждах в начале романа: «Любовь милосердствует», «Любовь не мыслит зла», – и словами обманутого Искусителем цирюльника, которые он вывешивает на дверях своего заведения: «Не верю!» (No Trust!) во второй части романа. Традиционной этической системе, таким образом, противостоит провозглашенный обманутым цирюльником, принцип эгоизма и индивидуализма. Нравственные добродетели идут вразрез с истинным положением дел в мире-корабле, – вера и доверие, надежда и добродетель на «Фидели» – лишь лживые маски, имеющие мало общего с действительностью.

Финал романа разворачивает перед читателем довольно мрачную картину: читающий Библию

старик, в процессе беседы с Искусителем, постепенно перестаёт верить в Священное писание, он теряет способность видеть, и Искуситель уводит его во тьму. В заключительной сцене романа прослеживается мотив искажённого видения мира, который, разумеется, носит здесь характер символический: это неспособность героев «Фидели» видеть истинные идеалы сквозь многочисленные маски лжи. Герой заключительной сцены романа, старик, читающий Священное писание, в действительности не имеет истинной веры, не доверяет окружающим. Он заявляет, что «не может не доверять созданию, ибо так он не сможет верить Создателю», но, в то же время, он не доверяет никому, бережно носит свои сбережения с собой, ибо, по его мнению, «никогда не поздно быть предусмотрительным» [4, с. 152] .

Финал романа во многом выстроен на Библейских аллюзиях. Так, алтарь в финальной сцене – сродни алтарю, который Господь повелел воздвигнуть Моисею (Исход, 27:2). Уже сам Искуситель цитирует строки из Экклезиаста об искушении, фактически, это слова о нём самом: «…он будет льстить тебе, будет улыбаться тебе и обнадеживать тебя, ласково будет говорить с тобою», – Дьявол уже открыто признаёт свою сущность, однако, это остаётся незамеченным окружающими. Солнечная лампа (solar lamp), при тускнеющем свете которой Космополит беседует с читающим Библию стариком, очевидно, выступает символом Священного Писания, но это свет, который уже не освещает путь героям Мелвилла. «Нас оставляют во тьме» – заключает сам Искуситель, и при угасающем свете уводит старика во тьму: «что-то последует за этим маскарадом» [4, с. 159]. Эта знаменитая финальная фраза отнюдь не означает намерение писателя продолжить изображение маскарада зла (подобные варианты интерпретации концовки романа имеют место), но отмечает опасность, связанную с потерей опоры, утратой идеалов в обществе. В романе прослеживается глубинное беспокойство Мелвилла, опасения, связанные с утратой идеалов обществом. Американская нация второй половины XIX века испытала и слепую веру в себя, в прогресс, и «просвещённый» индивидуализм. Мелвилл ясно осознавал, куда ведёт этот путь, и кто ведёт человечество по этому пути.

Необходимо заметить, однако, что пассажиры «Фидели» воспринимаются как жертвы, нежели носители зла, да и сам Мелвилл относится к ним не столько с презрением, сколько с сожалением – они жадны, глупы, но среди них есть и те, кто проявляет доверие к своему ближнему: это и священник, вызывающийся помочь негру-калеке, и «добродетельная дама», жертвующая несуществующему благотворительному обществу. Тот факт, что пассажиры «Фидели» всё-таки поддаются на уловки и доверяются незнакомцу, может свидетельствовать о наличии у них определённого нравственного уровня, о том, что они не беспросветно циничны. Над всем злом и всеми несчастьями человека Мелвилл стремился увидеть нечто вечное, абсолютное. Его критика в отношении несоответствия действительности традиционным этическим ценностям не являлась сатирой на сами ценности, но на их воплощение. Напротив, «Искуситель» Мелвилла звучит не как приговор человечеству, но как *предостережение*. Это своего рода зеркало Американского общества середины XIX столетия, в котором отражены не только личные, философские, религиозные, социальные сомнения и опасения автора, но, в первую очередь, необходимость поиска спасительного выхода.

В заключение хотелось бы привести мнение философа и культуролога Михаила Эпштейна в статье «От пост- к прото-» , о том, что на исходе XX века опять главенствует тема конца: «истории и прогресса, идеологии и рационализма, субъективности и объективности» [3]. Однако за всем этим мыслится необходимость «Проторенессанса», становится очевидным, что на смену всеобщего отрицания должны прийти новые основания, идеалы.

На исходе XIX столетия роман Германа Мелвилла явился предупреждением опасности потери опоры и «ухода человечества во тьму». Человеческая душа не может существовать без опоры, идеала, и в романе явно прослеживается необходимость обретения нового начала.

Библиографический список

1. *Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. – М.: Прогресс-литера, 1993. – 624с.

2. *Мелвилл Герман.* Рассказы и повести. – Л.: Лениздат, 1986. – 352 с.

3. *Эпштейн М.* De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html.

4. *Melville H.* The Confidence-Man: his masquerade. – Stillwell: Digireads.com Publishing, 2008. – 160 p.

5. *Parker H.* Herman Melville. – John Hopkins University Press, 2005. – 1056 p.

6. *Parrington V.L.* Main Currents in American Thought: The romantic revolution in America, 1800–1860. – Univ. of Oklahoma Press, 1987. – 454 p.

7. *Renker E.* Unreadability in The Confidence Man. – Cambridge: Cambridge UP, 1998. – P. 114.

8. *Mason R.* The Spirit Above the Dust: A Study of Herman Melville. – London: 1951. – P. 198–207.

9. *Thompson L.R.* Melville's Quarrel with God. – Princeton University Press, 1952. – P. 297–328.

10. *Widmer E.* Young America: The Flowering of Democracy in New York City // The American reader. – New York: NY Perennial, 2000. – P. 3.

УДК 82

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАССКАЗА ОЛЕГА ПАВЛОВА «ВОР»

Взаимодействие классических и неклассических художественных систем рассматривается в статье на материале субъектной организации рассказа современного русского писателя-традиционалиста.

Ключевые слова: *субъектная организация текста, субъект речи, субъект сознания, художественное взаимодействие, традиция.*

Один из аспектов диалогической природы современной прозы связан с взаимодействием разнонаправленных интенций в творческом методе того или иного писателя, в том числе и с внутренней диалогичностью художественного пространства произведения, того образа бытия, что во многом составляют субъект-субъектные и субъект-объектные отношения.

Так, «субъектная организация» текста, по определению Б.О. Кормана, предполагает «соотнесенность отрывков текста с субъектами речи и сознания» [1, с. 511] (или носителя «точки зрения» [3, с. 207]). Особый интерес в данном плане представляют не перволичные формы повествования («я»-повествование), а третьеличные («он»-повествование), предполагающие определенную (иногда иллюзорную) дистанцированность автора от объекта изображения. Несмотря на своего рода тиражированность современных художественных текстов, где властвует «я» главного «субъекта речи и сознания», некоторые прозаики стараются без необходимости не эксплуатировать эту художественную стратегию.

У Олега Павлова, например, перволичность повествования может быть обусловлена формами, классически ориентированными на воссоздание авторского «я». Таковы в его творчестве автобиографические в своей основе «Школьники», «В безбожных переулках», избранные новеллы «Степной книги», основанной на армейских впечатлениях автора. В рассказе «Из дневника больничного охранника», в «вольном рассказе» «Эпилогия» подобная авторская интенция обусловлена художественно-психологической задачей произведений. А в критико-публицистических выступлениях писателя (например, «Метафизика русской прозы», «После Платонова» и др.) сама художественная природа произведения предполагает открытость авторской позиции. Естественным для «традиционалиста» Павлова становится обращение к «он»-повествованию в романах «Казенная сказка», «Дело Матюшина», «Карагандинские девятины», «Асистолия», в которых личное становится фактом лично-всеобщего.

Однако, при кажущейся традиционности сохранения дистанции между автором как главным «субъектом изображения и речи» [3, с. 242] и изображаемым, в произведениях Павлова нередко присутствует своего рода поливалентность авторского текста, когда субъект речи, именуемый автором, оставаясь почти неизменным, становится «голосом» множества субъектов сознания. В то же время, думается, ни в коем случае речь здесь не идет об амбивалентности авторского присутствия в постмодернистском тексте, когда «абсолютность и трансцендентальность Смысла заменяется его плюралистичностью и процессуаль-

© Котлов А.К., 2011

ностью» [4, с. 7]. Авторское присутствие лишь на время словно бы растворяется в общем хоре голосов, чтобы в кульминационный момент за собой повести читателя, при помощи того или иного пафоса, ярко стилистически окрашенного приема раскрывая свою истинную позицию защитника Смысла. Постмодернистский по своей сути прием не отменяет, таким образом, глубинную традиционность письма, когда властвует не прихотливая воля автора, а нравственный Абсолют, неминуемо помогающий расставить основные акценты в тексте.

Ярким примером этого служит рассказ Павлова «Вор» (2011) [2]. Это современное произведение воскрешает в памяти образы гоголевской «Шинели», чеховского «Хамелеона», одной из некрасовских стихотворных зарисовок цикла «На улице» (кстати, с тем же заглавием – «Вор», которое может отослать и к леоновскому «Вору», например). И образ «маленького человека» в его гуманистическом осмыслении русскими классиками, и образы «хозяев жизни», меняющих свое поведение в зависимости от «момента», и сочувствие заблудшей душе, которой, как Мармеладову Достоевского, «некуда больше идти», – все эти ассоциативные смысловые ряды, кажется, говорят о некой вторичности, «интертекстуальности» рассматриваемого текста. Однако мы вновь сталкиваемся лишь с приемом, перекликающимся с постмодернистской эстетикой, но отличающимся в главном – в отсутствии иронического игрового контекста, девальвирующего смыслы и Смысл.

Объектный мир рассказа «Вор» узнаваем, обобщен и подчеркнуто натуралистичен: по-видимому, «среднестатистическая» квартира («с ковром и полированной мебелью из прошлой жизни») инвалида-пенсионера («…увечье заработал трудовое, когда еще трудились») в неком поселке, к тому же пьяницы («недопитая бутылка водки, стакан… Тарелка еще с окурками»). По замечанию, Е.М. Тюленевой, один из итогов развития современного мира – «повсеместная деиндивидуализация» и «стереотипизация массового человека», и «в этих условиях постмодернизм фиксирует своеобразную смерть субъективности, то есть утрату индивидуальности и вторичность современного человека» [4, с. 10]. На первый взгляд, подобная «смерть субъективности» представлена и в рассказе Павлова, где сквозь названные «безликие» художественные детали едва проступает «безликость» безымянного героя произведения.

В произведениях современных прозаиков мы часто наблюдаем сгущенность самой жизненной субстанции, которая, как кажется, обрекает героя на несвободу. Так, единственное, что сказано о герое Павлова напрямую в первой же фразе, – «пойманный с поличным преступник»: несвобода современного человека в экзистенциальном плане соединяется с жизненными реалиями. В то же время приблизиться к истинному пониманию свободы можно только через погружение в действительность, «ощутить суровость» которой, по словам К. Ясперса, – «единственный путь», ведущий к себе [5, с. 400]. В рассказе Павлова фокус словно бы рассеян: детализация (или фокализация [3, с. 30]) не столько конкретизирует изображаемое, сколько приводит всё к некоему общему знаменателю: кто-то, где-то, когда-то.

Вяло, под стать сознанию с трудом пробуждающегося пьяницы, разбуженного милиционерами, начинает развиваться фабула, в пересказе представляющая практически строчки милицейского протокола: преступление раскрыто по горячим следам – у вора, пойманного с поличным, обнаружены в квартире украденные из магазина вещи (водка, пиво, сигареты, «марсы-сникерсы»); на месте преступления подозреваемый во всем сознался. Два больших эпизода (в квартире, у магазина) дробятся на несколько более мелких сцен, и к ним добавляются внефабульные компоненты, играющие в сюжете рассказа немаловажную роль. Так, воспоминания героя о ночных событиях играют и сюжетообразующую, и характерологическую роль. А «псевдомонолог» милиции («Все праздники вызов за вызовом…») вводит вторую действующую силу конфликта, но не столько внешнего: вор – милиция, сколько типически-классического: «маленький человек» – власть.

Генерализация объектного плана рассказа осуществляется за счет наложения поверх «реального» пространства и времени понятий отнюдь не частного хронотопа, но общего: действие происходит в Рождество в неком безымянном поселке, где люди «живут в панельных домах, гнилых, но по-городскому». Предельно обобщены и номинации персонажей. Думается, как и многие современные прозаики, Павлов, следуя уже в большей мере классике века XX-го (прежде всего, экспрессионизма), с ее предельным укрупнением образа благодаря его обобщенности, ми-

фологизированности, лишает героев (и главного в том числе) имени: перед нами персонифицированные общечеловеческие типы – вор («преступник», «пропойца», «арестант»), его жена («Верка», «женщина»), девочка («дочка», «маленькое живое существо»), милиция (или как собирательный образ, или с подчеркнутой «детализацией безликости» – «кто-то», уполномоченный, некий «Сергеев») и т.д.

Все вышесказанное об объектной структуре текста определяет и своеобразие его субъектной организации. Если реплики персонажей – главного героя, его жены, уполномоченного, безымянного милиционера, столь же безымянных «собутыльников», – условно говоря, однокомпонентны (хотя уже в них ощущается эффект не столько многоголосья, сколько симфонической слиянности в одной фразе множества голосовых мелодий), то собственно авторский текст именно поливалентен – соотносится с различными субъектами сознания. Именно в этих кусках текста, относящихся к одному субъекту речи, перекрещиваются точки зрения на объектный мир рассказа нескольких субъектов сознания, придавая изображаемому своеобразный «стереоскопический» эффект.

Так, в первом абзаце повествование соединяет несколько голосов, маркируемых и стилистическими особенностями речи, и характерными лексическими единствами, в том числе фразеологическими единицами. Реплика «Отоспишься, сука, на нарах!» и фразеологический оборот «пойманный с поличным преступник» однозначны в своей принадлежности милиционерам. Между тем дальнейшая субъектная детализация предельно затруднена: повествователь словно бы отстранен от происходящего, и мы видим события в основном глазами неких посторонних, которых условно, исходя из представленной ситуации, можно обозначить как «понят*ые*». Пожалуй, только иностилевое слово «ведать» и ритмическая организация одной из фраз, в которой оно употреблено, вскользь напоминают о присутствии в тексте главного субъекта речи и сознания – автора: «…Узнал свою комнату, в которую как будто вернулся откуда-то, не ведая, кому был нужен». Подобное «остранение» указывает на сторонность авторского наблюдения, что означено отсутствием каких бы то ни было ярких образных средств: «Когда его добудились, растолкав и усадив на кровать, …открыл глаза. Ожил он и пришел в сознание уже без окриков и тычков… Кто перед ним – не соображал»; и т.д. Следующая ремарка вновь указывает на подобного коллективного созерцателя: «…Пропойца вдруг издал мучительный стон, что выдавился шумно с воздухом из ноздрей, как у лошади». Здесь и просторечное определение «пропойца», и сравнение с лошадью, подчеркивающее отношение к герою как к животному, и это «вдруг», выражающее силу удивления тем, что подобное существо еще способно мучиться, – всё маркирует сознание этих «понят*ых*», то есть соседей, простых обывателей, знающих цену герою.

Его «очнувшееся» сознание, находящееся в тяжелом похмелье, в первом абзаце только к концу оформляется в слова с констатацией неопределенности воспринимаемого – «И внезапно осознал, что *чужие одинаковые люди* в его квартире – это милиция» (здесь и далее курсив наш. – *А.К.*). Структура несобственно-прямой речи (просторечное слово «курево», тяжелая обрывочность фразы, неполнота второго предложения), графическая выделенность каждой из двух реплик в отдельный абзац подчеркивают место последующего «натюрморта», вызвавшего мучительный лошадиный вздох героя: «Руку протянуть – на столе недопитая бутылка водки, стакан.

Тарелка еще с окурками, полно курева».

«Поток сознания» героя далее заполняет текст, размывая границы прямой и несобственно-прямой речи и авторских замечаний, делая переходы между ними практически неуловимыми: «Пришли – значит, вызвала… Она, опять… Заныло тоскливое: “Верка, убью…” Но вспомнил – разбил же телефон, вдребезги – значит, не могла бы их вызвонить…»

Нужно заметить, что сознания автора и героя кажутся разноположенными, а вот «понят*ых*» и автора пока почти равноположены. Об этом свидетельствуют ремарки, в которых их голоса почти сливаются. Таково восприятие ими милиции: «Милиция… Стояли, взмокшие – душно им, тесно и противно. В своих бушлатах и форменных ушанках – и похожие, как братья, и упитанные. …пока будили, они устали до злости…» Простые люди, услышав мучительный вздох «преступника», ощутив его ничтожность перед вооруженной властью, невольно меняют моральные оценки происходящего, перестают быть безразличными «понят*ыми*»: вместо презрения к герою рождается жалость – этот, пьяненький, свой брат, тог-

да как эти, «упитанные» (эпитет, стоящий в сильной позиции, указывает на смену акцентировки), начинают видеться чужими. Жалость в попутных ремарках сопровождает реплики главного героя, тогда как недобрая ирония – слова уполномоченного, персонифицирующего власть. При этом автор словно бы ведет за собой этих наблюдателей, чтобы затем стать их единственным голосом, способным сказать то и так, что и как эти простые люди не смогут выразить.

Но до этого должно произойти пробуждение нравственного «я» героя, человека в нем. И вот уже ему, когда «увидел жену, стояла за их спинами, такая спокойная», «и на него не смотрела – а молча куда-то в сторону…», – отчего-то «стало страшно». В результате просыпающаяся в нем совесть заставляет испытывать вину перед женой, но не перед законом: по-детски наивно он будет твердить одно и то же – «Брать – брал, но не воровал…» (в ночном магазине герой, не увидев продавщицы за прилавком, уснувшей, как окажется, в подсобке, положил свои копейки у кассы и взял водки – себе и «марсы-сникерсы» – дочке, потому что давно их «просит»).

Совсем иные эмоции вызывает «внутренний монолог» милиционеров, который определяет не только интонация, но и лексика: пренебрежение («возиться с эти *придурком*», «*народец*», «сами *приползут*»), безразличие к людским судьбам и вседозволенность («*с паршивых овец* хотя бы по сотке»). Несколько совершенно разных по стилистической принадлежности слов, соединившись в одной фразе, создают эффект неестественности, фальшивости самой законности: «Накануне, под Рождество, провели по приказу начальства обряд освящения горотдела милиции, поп молоденький брызнул щедро по рожам святой водой – вот и ободрились» (Рождество, обряд освящения – по приказу, горотдел милиции – по рожам). А потому и рассказ о живущих в поселке людях не соотносится с главным субъектом речи – это не его высокомерное презрение к тем, кто рядом, а властей: «В поселке все друг друга знали, поэтому даже заявлений, если что, не писали. Знают, но делают вид, что не знают ничего, скрываются, в чужое не суются. Живут как бы тайком, умом своим – не выше, не ниже. Увидят – новый человек – оглядываются, как глухонемые, но тогда уж точно запомнят, какой он такой и куда пошел. …

Смертный случай – попал под электричку.

Воровство – когда подкопают на огородах картошку.

За картошку почему-то, но за свою, хоть купить могут тут же в магазине, каждый убил бы: больше ничего своего нет, только квартирки малогабаритные, как у всех. …такой народ…»

У В.П. Астафьева в «Печальном детективе» Леонид Сошнин, бывший милиционер и начинающий писатель, долго бьется над противоречивыми, странными поступками русского человека. У Павлова же милиционерам никогда не приблизиться к пониманию того, что доносить на ближнего – подло, а созданное «своим горбом» – самое ценное, не чета их «халявным» соткам «детям и женам на подарки»; когда, кроме участка под картошку да «хрущевки», «больше ничего своего нет», а на чужое (будь это чужая вещь, или чужак, забредший к ним в поселок) они не зарятся. Вот почему лейтмотивом звучит обиженно-недоумевающая фраза героя: «Брать – брал, но не воровал…»

Именно после этой вновь повторенной реплики, тогда, когда, кажется, все становится ясно из слов жены героя, из его допроса уполномоченным – «с пристрастием» («Ты как, сука такая, ограбление совершил, а? …Думаешь, если сожрал, нет улик? Шоколадок захотелось… Сладкое любишь… Так, я счас губы твои жопой сделаю, если через одну секунду не будет у меня признания, как все было…»), – в сюжет рассказа автор вводит нового персонажа – «сонную девочку», дочь хозяина, которую Вера вывела «посмотреть на отца» («Пусть глядит – больше не увидит»). Уполномоченный «перепугался», «так что даже вскрикнул» от такого поворота событий. В чем причина подобной непредвиденной психологической реакции этого уверенного в себе и своей миссии человека? Ему «стало не по себе» еще при взгляде на «некрасивое лицо» женщины, «такое тяжелое и пустое», какое бывает у человека, пожалуй, на похоронах. (Далее, после реплики раздосадованного уполномоченного «Твою мать… Ну ты и мать…», следует: «Она даже не вздрогнула, хотя мужа ее уводили – а дочка плакала. Лицо ее, спокойное, было как доска».) Некий механизм в уполномоченном дал сбой: жена хоронит мужа, дом остается пустым, мертвым. Неправильность происходящего классически в русской литературе оттеняет образ ребенка: слившись с авторским мировосприятием, растворившись в нем, детское созерцание заставляет ав-

тора, как генерального субъекта речи, окончательно выйти из тени, чтобы высказаться до конца, не смолчать: «Огромные люди, что пришли ночью в дом, гремели оружием, как будто в них было что-то тупое, железное – и обходили в узком коридоре маленькое живое существо, что прижалось в страхе к своей матери». Тире, делящее фразу надвое, маркирует, на первый взгляд, границу между двумя субъектами речи (автор, ребенок), но в большей степени, думается, это знак связи, преемственности, начала слияния двух точек зрения.

После кульминационного эпизода авторский голос становится доминантным – дистанция между автором (главным субъектом сознания и речи) и героем становится минимальной: «Из подъезда его вывели в наручниках. Он робел перед своей стражей и как будто уступал дорогу – но его толкали в спину… Падал снег, плавно накрывая поселок, близкое и далекое. Эх, если бы всю ночь, если бы позаметало следы… Если бы не просыпался, если бы проспал всю эту ночь…» И то, что бессильный, полупьяный инвалид – в наручниках, и то, что «стражей» горько-иронично названы милиционеры, и снег, который засыпает «близкое и далекое» героя (словно судьбу Обломова: «все зас*ы*пал…»), и тоскливое повторяющееся «бы», – все говорит совершенно об ином, чем в начале, авторском отношении к тому, о ком и говорить, казалось, не стоило. Поэтому уже в следующем абзаце пафос повествования становится публицистически-напряженным: «Куда везут, не сказали – с ним больше не говорили, не обращая внимания, что это *человек*. Отловленного мужичка для перевозки загнали, как собаку, в отсек, в котором, даже скрючившись, он едва поместился и где было темно, холодно, как не было снаружи». Авторская акцентировка, таким образом, поляризуется окончательно: неопределенно-личные конструкции (*везут, не сказали, не говорили, не обращали внимания, загнали*), сравнение с собакой и слово «человек» указывают на противоестественность, антигуманность творимого. Уполномоченный заискивает перед хозяином магазина («уважаемый человек – почти кормилец»), «с каким-то услужливым старанием внушительно обращаясь к нему *по имени*» (чем не чеховский Очумелов!); но он же, «как будто бы уже навеселе», по-иному бросит безымянным мужикам: «Ну что, пьянчуги, поняли вы все? Брать чужое плохо!» А вот герой, в окружении «таких же», собравшихся у неожиданно закрывшегося магазинчика, «вдруг почувствовал это – бессмысленно и почти до слез– нежность ко всем, кто жил в одно с ним время на земле». Неожиданное по глубине переживания, интуитивному философскому обобщению чувство – итог того нравственного наказания, которое за короткое время «перепахало» сознание героя.

Однако в финале восклицание героя, кажется, уйдет в пустоту: «Дочке моей купите *кто-то* сникерсов, братцы!» Безликое «кто-то», прозвучавшее в первом абзаце рассказа, замкнет текст: тютчевское «со-чувствие», подобное Благодати, минует героя. Неопределенный аккорд заключительного восклицания словно укажет на первую часть знаменитого четверостишия Ф.И. Тютчева: «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется…»

Следовательно, анализ субъектной структуры рассказа Павлова «Вор» позволяет говорить о воздействии на его текст современных повествовательных стратегий, в то время как диалектика исследованных субъектных корреляций в произведении указывает на ориентированность его творческого метода на классическую традицию с ее гуманизмом и отстаиванием незыблемости Смысла.

Библиографический список

1. *Корман Б. О.* О целостности литературного произведения // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1977. – Т. 36. – № 6. – С. 508–513.

2. *Павлов О.* Вор // Знамя. – 2011. – №1. (В тексте рассказ цитируется по данному изданию.)

3. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т. 1. – Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. – 512 с.

4. *Тюленева Е.М.* «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика. – Иваново: ОАО «Изд-во “Иваново”», 2006. – 298 с.

5. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

ИСТОРИЯ

УДК 947

Белов Андрей Михайлович
доктор исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ И ЕЕ РУКОВОДИТЕЛИ (1778–1929): ВОПРОСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье прослеживаются важнейшие вехи становления Костромской губернии, функции и полномочия ее руководителей за 150-летнюю историю этого административного образования.

***Ключевые слова**: Костромское наместничество, губерния, всеподданнейшие отчеты, руководители.*

За свою многовековую историю Костромская земля пережила войны и революции, периоды взлета и упадка, неоднократно меняла свой административный статус. В XIII в. здесь существовало княжество, а в 1272–1277 гг. Кострома фактически становится столицей северо-восточной Руси. Правивший в это время Василий Ярославич (младший брат Александра Невского), по праву наследства ставший великим князем Владимирским, не поехал в стольный город, оставшись жить в любимой им Костроме. После смерти Василия Ярославича Кострома становится одним из уделов владимирских, а затем и московских князей. В этот период она управлялась воеводами и наместниками по назначению князей. История сохранила имена 77 костромских воевод с 1375-го по 1777 г. В начале XVII в. воеводы имели не только военную, но и гражданскую власть. Они ведали набором войска, раздачей денежного и хлебного жалованья, были обязаны ловить воров, беглых, принимать меры против пожаров, эпидемий, запрещенных зрелищ, искоренять раскол. В их ведении был и суд. В административно-территориальном делении в XVII в. были также изменения. В 1606 г. была создана Галичская, а в 1627 г. Костромская чети, или четверти. Руководство ими осуществлялось дьяками Разрядного приказа[1].

При Петре I в 1708 г. Россия была разделена на 8 губерний. Костромской край вошел в состав Московской, Архангельской и Казанской губерний. В 1719 г. при разделении губерний на провинции Кострома становится провинциальным городом Московской губернии. К ней были приписаны города Судиславль, Буй, Кадый и Любим с их уездами.

История Костромского края с древнейших времен была насыщена противостоянием двух исторических центров – Костромы и Галича. С учреждением Костромской епархии в 1744 г. Кострома и Галич были объединены духовной, а в 1778 г. – светской властью.

Увеличение территории России в правление Екатерины II привело к новому повороту в истории Костромского края. В 1775 г. появляется закон «Учреждения о губерниях», на основе которого 5 сентября 1778 г. состоялся указ императрицы об основании Костромского наместничества из двух провинций, то есть Костромской (с Костромой, Нерехтой, Лухом, Юрьевцем, Кинешмой, Плесом, Кадыем, Буем, Галичем, Чухломой и Солигиличем) и Унженской (с Макарьевом, Варнавином, Ветлугой и Кологривом). Открытие наместничества прошло 4 декабря 1778 г. Во главе вновь образованной административной территории (наместничества) ставились наместники. Это были должностные лица, наделенные чрезвычайными полномочиями и ответственные только перед Екатериной II. Поэтому их назначали из высших сановников государства. Наместник был главой местной администрации и полиции, следил за исполнением законов, осуществлял общий надзор за всем аппаратом местного управления и суда, сбором податей и набором рекрутов и пр. Ему подчинялись местный гарнизон и войска, находившиеся на территории наместничества. Вместе с тем по создаваемой властной вертикали в наместническое правление, кроме наместника, назначался правитель, или губернатор, заменявший наместника (а также два советника и секретарь). Это приводило к переплетению функций наместника и губернатора, что создавало трудности в управлении. Первым наместником Костромского края был назначен генерал-губернатор, действительный тайный советник Алексей Петрович Мельгунов. В 1779 г. Кос-

© Белов А.М., 2011

тромское наместничество объединялось с Ярославским, затем с Нижегородским и Владимирским и составило генерал-губернаторство Ярославское, Нижегородское, Владимирское и Костромское.

Таким образом, в основание новой территории был положен демографический принцип: в губернии должно быть от 300 до 400 тыс. чел., а в уезде соответственно – от 20 до 30 тыс. чел.

Руководствуясь данными о распределении населения, которые были собраны предварительно, Екатерина II указала, какие именно уезды должны составить губернию. Затем тому лицу, которое намечалось в наместники, поручалось выяснить удобства нового деления сообразно местным особенностям. Вполне естественно, важную роль здесь играли географические и климатические условия вновь образованных административных территорий.

Конфигурация губернии с момента образования напоминала параллелограмм, удлиненный с запада на восток. Костромской край граничил с Вологодским, Вятским, Нижегородским, Владимирским и Ярославским наместничествами. Важнейшей водной артерией была р. Волга, которая по справедливости считалась главным проводником внутренней торговли, «матушкой и кормилицей». Все остальные реки принадлежали также бассейну Волги, и в экономическом отношении водные пути Ветлуги, Унжи, Костромы служили транспортными коммуникациями с древнейших времен. В целом же удобных путей сообщения, особенно дорог, было недостаточно, что неоднократно отмечалось во всеподданнейших отчетах губернаторов.

Особенность географического положения и главные речные системы привели к тому, что центром экономической жизни становились юго-западные уезды, расположенные вдоль течения р. Волги.

В этническом отношении подавляющее большинство населения было русским, православным. В Ветлужском уезде жили также черемисы, а близ Костромы в Татарской слободе – ногайские татары. По свидетельству исследователей XIX в., «они поселены были в начале XVI в. в г. Романове, а в первой половине XVII в. переведены в Кострому»[2]. Татары сохранили свою идентичность, они исповедовали ислам.

При образовании губернии нужно было назначить один из городов наместничества губернским. По этому поводу в 1778 г. состоялось совещание для решения вопроса, какой город подходит для этого. «Голоса на совещании разделились: одни указывали на Кинешму, другие на Юрьевец и третьи на Макарьев на Унже, как более всех центральный город в губернии»[3]. Доводом в пользу Костромы стало не ее географическое положение, а то, что в этом городе пребывала Феодоровская икона Богоматери. Сближению уездов с губернским центром способствовало пребывание в Костроме дворян во время выборов и рекрутских наборов, купцов в период ярмарок и пр. Это дало новую жизнь строительству и торговле в Костромской губернии. Каменные строения шагнули далеко за черту старого города. В последней четверти XVIII в. в Костроме строятся четыре корпуса Гостиного двора, а в последнее десятилетие XVIII в. на возвышенном и красивом месте, близ церкви Всех святых, – огромный губернаторский дом, резиденция генерал-губернатора. Присутственные места губернские и уездные до 1809 г. помещались в костромском Богоявленском монастыре[4].

12 декабря 1796 г. вышел указ Правительствующего Сената об учреждении Костромской губернии. Но этого оказалось недостаточно, и в 1797 г. последовал новый указ Павла I об учреждении Костромской губернии. Таким образом, Павел I довел реформу Екатерины II до логического завершения, сохранив местные учреждения, переименовав наместничества в губернии. В составе Костромской губернии в это время находилось 12 уездов, и вплоть до 1918 г. административные территории в составе губернии оставались практически в неизменном виде. В это же время звание наместника было заменено званием начальника губернии, или губернатора. С 1797-го по 1917 г. во главе Костромского края состоял 31 губернатор. С 1802 г. после образования министерств губернаторы стали подчиняться Министерству внутренних дел[5].

В 1837 г. императором Николаем I издается «Наказ губернаторам», согласно которому «гражданские губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшей волею губерний, суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, польз государства и повсеместного исполнения законов, уставов, высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства»[6].

Со второй четверти XIX в. широко практиковалось назначение вместо гражданских военных губернаторов, которым, кроме администрации и полиции, были подчинены местный гарнизон и военные учреждения на территории губернии.

Эпоха буржуазных реформ 1860–1870-х гг. стала еще одной вехой в истории местных государственных учреждений. В 1865 г. в Костроме, как и в других административных центрах европейской России, открывают свою деятельность земства. Земские собрания (уездные и губернские) собирались на ежегодную сессию, имели исполнительный орган – управу, а также председателей (уездных и губернского). «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» возлагало на губернаторов обязанности просматривать списки избирателей для выборов гласных и утверждать их. В компетенцию губернаторов входило также утверждение председателей уездных земских управ. Председателя губернской земской управы с 1890 г. утверждал министр внутренних дел. Закон предписывал все постановления земских собраний немедленно предоставлять губернаторам, которые могли в семидневный срок его приостановить. Последующим законом от 22 июля 1866 г. губернаторам было предоставлено право проводить ревизии всех губернских административных учреждений различных министерств (кроме контрольных палат), заявлять несогласие при назначении чиновников на должность, вызывать к себе по делам службы всех должностных лиц[7].

С 1880-х гг. в полномочиях губернаторов появляется возможность влиять на суд (просмотр списка лиц – кандидатов на должность мировых судей и списков присяжных заседателей с отводом нежелательных персон). С 1889 г. губернатор становится председателем губернского присутствия с административно-судебными полномочиями для крестьянских сословных учреждений и органа надзора за ними (земских начальников). С 1904 г. губернатор стал председательствовать в губернском «особом совещании», куда входили начальник Губернского жандармского управления (ГЖУ) и прокурор окружного суда. Это совещание руководило производством дознаний по государственным преступлениям и могло прекратить дело либо дать ему ход.

Таким образом, к началу XX в. по своему положению губернатор – фигура надведомственная. Как отмечают современники, он «был оком Государя, имел право непосредственного сношения с Монархом»[8]. Губернатор выбирался лично императором, назначался и увольнялся указами царя Правительствующему Сенату.

Всеподданнейшие отчеты, которые представляли монарху ежегодно губернаторы, содержали обобщенную информацию о развитии подведомственной территории. По свидетельству сановников, «годовые губернаторские отчеты неизменно аккуратно прочитывались как императором Александром III, так и императором Николаем II»[9]. Отдельные отчеты губернаторов с пометками царя передавались им на обсуждение совета министров и являлись инициативным, отправным пунктом для соответствующих законопроектов.

Источники, прежде всего, годовые отчеты губернаторов, показывают развитие Костромской губернии. Так, по указу Екатерины II, численность жителей на момент образования Костромского наместничества составляла 353990 чел. Соответственно, по отчету костромского губернатора за 1814 г. она была 861216 чел. К 1899 г. общая численность населения почти удвоилась, достигнув «1501040 душ обоего пола». Накануне Первой мировой войны в 1913 г. в Костромской губернии проживало уже 1819239 чел.

По отчету за 1826–1827 гг. в Костромской губернии действовало 136 промышленных предприятий различного назначения, относящихся к легкой промышленности, строительству и переработке сельхозпродукции (полотняные, ситцевые, кирпичные, кожевенные заводы и т.п.). К концу века (отчет за 1899 г.) общее количество промышленных заведений (вместе с мелкими) достигло 2035 с общей суммой производства в 58011043 руб. Определилась и их специализация – текстильная промышленность. По отчету за 1907 г. в губернии выпускало продукцию 1906 предприятий с общей суммой производства в 96699852 руб. Процесс концентрации производства и капитала нарастал и в дальнейший период. В 1913 г. в губернии действовало 254 фабрик и заводов при общей сумме производства свыше 146 млн. руб. (преимущественно в четырех южных уездах)[10].

О развитии сети учебных заведений и здравоохранения свидетельствуют следующие данные. Основы развития народного образования были заложены генерал-губернатором А.П. Мельгуновым при открытии Костромского наместничества, когда с дворян по подписке было решено

собрать деньги для заведения училища. Правящий после него А.С. Шишкин в январе 1781 г. через земские суды напомнил дворянству о необходимости вносить взносы на народное образование, но фактически первые учебные заведения появляются в правление генерал-губернатора И.П. Салтыкова. В 1786 г. в Костроме были открыты в одно время два училища: 22 сентября – народное с четырьмя учителями, а 24 ноября – дворянское, оба на содержании костромского Приказа общественного призрения. В училище числилось 30 учеников[11]. В 1834 г. в губернии была одна гимназия, 6 уездных училищ, 13 приходских школ, один женский пансион, одна духовная семинария, 5 уездных духовных училищ и одно уездное училище для «детей канцелярских служащих». Соответственно 11 больниц, из них только одна в губернском центре и 9 в уездных, и один дом для умалишенных, рассчитанные на лечение 140 стационарных больных.

В 1913 г. в ведении дирекции народных училищ состояло уже 1369 школ с 82555 учащимися, причем, как указывалось в отчете, «вновь открыто 112 с количеством учащихся в 5481 чел.». Кроме того, в губернии действовало 364 церковноприходских школ и 11 «двухклассных» школ с общим количеством 17962 учащихся. Количество больниц, лечебниц и покоев достигло 175, а стационарно одновременно в них могли проходить лечение 3457 чел.[12]

Февральская революция 1917 г. и пришедшее к власти Временное правительство ликвидировало царское самодержавие. 5 марта 1917 г. министр – председатель правительства кн. Г.Е. Львов – отдал телефонное распоряжение, в котором губернаторы отстранялись от должности, а управление губерний возлагалось на председателей губернских земских управ с возложением на них обязанностей губернского комиссара Временного правительства[13]. 19 сентября 1917 г. Временное правительство приняло «Положение о губернских и уездных комиссарах». В целом документ отражал попытку восстановить деятельность большинства губернских органов. По статусу своему губернский комиссар был представителем Временного правительства в губернии, призванным осуществить надзор за точным и повсеместным исполнением его законов и постановлений. В действительности в Костромской губернии, как и в целом по России, реальной власти у губернского комиссара не было. В условиях сложившегося двоевластия от февраля к октябрю 1917 г. центр влияния перешёл к Советам рабочих и солдатских депутатов Костромской губернии, действовавших на коллективной основе.

В конце 1917 – начале 1918 г. власть в губернии осуществлялась президиумом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а прежнее земское и городское самоуправление было ликвидировано. В годы Гражданской войны по мере укрепления диктатуры пролетариата центр принятия решений в губернии переходит губернскому комитету РКП (б) (образован в сентябре 1918 г.). Однопартийная система привела к тому, что формально властные функции передавались исполкому губернского совета и его председателю, однако определяющие решения принимались губкомом партии большевиков. Руководящее лицо, возглавлявшее губернский комитет большевиков, занимал должность секретаря – председателя губкома, а с октября 1920 г. – ответственного секретаря губкома РКП (б). Губком партии осуществлял подбор, расстановку и воспитание руководящих кадров, контроль над деятельностью всех учреждений в губернии, брал на себя несвойственные органу политической партии властные функции, не предусмотренные Конституцией страны, осуществлял не только политическое руководство, но и вмешивался в административно-хозяйственную деятельность. Фактически эта схема отношений существовала весь советский период истории страны и Костромского края (октябрь 1917 – август 1991 г.). Дробление административных полномочий между разными руководящими лицами (ответственный секретарь губкома – председатель губисполкома) порождало соперничество, неразбериху в управлении и, как следствие, кадровую чехарду. В советский период истории губернии во главе края находилось 22 ответственных секретаря РКП (б) и председателей губисполкома. И это всего за неполные 12 лет советской власти.

В 1918–1922 гг. территория Костромской губернии подверглась значительному сокращению. Прежнее административно-территориальное деление вошло в противоречие с идеологическим императивом советской власти. По постановлению III Всероссийского съезда Советов была образована Иваново-Вознесенская губерния. В результате к этой губернии отошли наиболее экономически развитые Кинешемский и Юрьевецкий уезды и несколько волостей Нерехтского уез-

да. Постановлением Президиума ВЦИК от 5 июля 1922 г. Варнавинский и Ветлужский уезды Костромской губернии передавались в состав Нижегородской губернии. Тогда же в Иваново-Вознесенскую губернию был передан Макарьевский уезд.

Общегосударственные задачи социалистического строительства, прежде всего индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, обозначили новую веху в истории Костромского края. В результате новой административно-территориальной реформы было принято решение для установления «наиболее правильных отношений» провести новое деление на области и районы, губернское, уездное и волостное деление ликвидировалось. Постановлением ВЦИК от 8 октября 1928 г. «О районировании Костромской губернии» она стала делиться на 19 районов. В 1929 г. Костромской край теряет статус самостоятельной административной территории и включается в состав Иваново-Вознесенской области, переименованной в марте того же года в Ивановскую промышленную область. В апреле 1929 г. Костромская губерния была преобразована в Костромской округ Ивановской промышленной области. Изменения административно-территориального деления Костромского края во многом определяли функции и полномочия первых должностных лиц. Новая природа власти, принципы которой имели под собой идеологические основы, стремилась подчинить жизнь людей общегосударственным задачам развития страны. Само слово «область», решительно внедрявшееся в жизнь с конца 1920-х гг., отражало эту реальность, ибо властная составляющая говорила не только о господстве, но и подчинении, отказе от местных особенностей, что, впрочем, соответствовало традиции отношения центра и провинции за весь обозреваемый период истории.

Первые годы советской власти, дробление административных полномочий между представителями разных ветвей (комитет большевиков и исполком совета) пагубно отразились на управляемости территории. Ушло то, что раньше называлось немедленной реакцией, обязанностью первых лиц губернии «принимать на свой риск и страх, на свою личную ответственность подчас крайние решения и действия»[14].

И только многочисленные испытания, неудачи в реализации хозяйственных задач в российской провинции в XX веке заставили вновь обратиться к опыту административного строительства прошлого, восстановить пост губернатора – как человека, ответственного за разные стороны народной жизни. Соответственно, необходимо подбирать достойные кадры руководителей, способных наладить дружную работу аппарата управления, придать импульс, обозначить новые горизонты развития вверенных губерний и России в целом в XXI веке. Важно, чтобы руководители чувствовали себя родственными интересам губернии и её населения, были близки к нему и абсолютно доступны.

Примечания

[1] Губернский дом. – 1994. – №1. – С. 19.

[2] Описание Костромской губернии в историческом и географическом отношениях. – СПб., 1871. – С.15.

[3] *Скворцов Л.* Материалы для истории города Костромы. – Кострома, 1913. – С. 229.

[4] *Диев М.* Материалы для истории // Костромские губернские ведомости. – 1857. – 15 июня, 22 июня.

[5] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968. – С. 180.

[6] Цит. по: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 144.

[7] *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). – М., 2001. – С. 92.

[8] *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора. – Орел, 1994. – С.130.

[9] Там же. – С. 130–131.

[10] См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1281, оп. 11, д. 63а, л. 28; ф. 1282, 1900, оп. 3, д. 377, л. 2–19 об.; ф. 1276, оп. 17, д. 428, л. 20–25.

[11] *Диев М.* Материалы для истории // Костромские губернские ведомости. – 1857. – 22 июня, 29 июня.

[12] РГИА, ф. 1409, 1834, оп. 2, д. 5864, л. 1–5 об; ф. 1276, оп. 17, д. 428, л. 20–22.

[13] *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. – М., 1990. – С.56.

[14] *Друцкой-Соколинский В. А.* Указ. соч. – С. 129.

Еремеева Вера Леонидовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gera_wolf@mail.ru

ОБРАЗЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ ЯРОСЛАВСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА (1860–1890-е годы)

В статье раскрывается основная сфера деятельности членов уникальных для своего времени государственных учреждений – Губернских статистических комитетов. В состав данного учреждения входили все основные сословия: студенты, мещане, крестьяне, купцы, священники, местная интеллигенция. Каждый член комитета занимался исторической или краеведческой наукой ответственно и усердно. Благодаря их деятельности развивалась не только статистика, но и местная наука.

***Ключевые слова**: секретарь губернского статистического комитета, краеведение, провинциальные исследователи, научные общества, археология.*

Изменение общественно-политической ситуации в России, в первую очередь отмена крепостного права и следовавшие за ней реформы 60–90 гг. XIX века, поставило в центр общественных интересов региональные, крестьянские и шире – народные вопросы. К малоизученной жизни провинций обратились все общественные и научные направления, в том числе русская историческая наука. К.Н. Бестужев-Рюмин писал в своей программной статье «Современное состояние русской истории как науки» (1859): «В новую эпоху первым требованием к историку является для него необходимость проникнуться духом того народа, историю которого он пишет, показать существенные элементы народного характера и из памятников старины восстановить “живой образ народа”». Такого рода идеи, в первую очередь, нашли отклик в самой провинции. Новое время рождало и новых исследователей – не столичных ученых, а разночинную интеллигенцию, любившую свою малую родину, тем более что сильной конкуренции в лице профессионалов в провинции не было. Центром, объединившим исследователей в губерниях, стали губернские статистические комитеты. При этом важно отметить, что члены комитетов не только активно занимались научной деятельностью, но способствовали распространению и популяризации исторических знаний в общественной среде, поддерживали и поощряли лиц, занимавшихся краеведением, археологией, этнографией. [3, л. 22–23 об]. В состав комитета в качестве почетных и действительных членов принимали наиболее активных и творческих деятелей [4, л. 23]. В результате в комитетах формировался коллектив из лучших умов губернии, причем по сословному и профессиональному признаку он был достаточно пестрым. Сюда входили врачи, учителя и директора гимназий, профессора, архитекторы, помещики, купцы, дворяне, землемеры, инспекторы разных учреждений, мировые посредники, лица духовных званий (от приходских священников до архимандрита), лесничий, уездные исправники, чиновники различных ведомств и должностей. В работе и исследованиях, организованных комитетами, кроме того, участвовали студенты, мещане, крестьяне, представители практически всех сословий [1, л. 83].

Анализируя деятельность членов комитета, в первую очередь, хотелось бы отметить роль секретаря. Данная должность была центральной и одной из самых важных для успешной деятельности как комитета, так и всех научно-исследовательских работ, проводимых в губернии. Журналы заседаний Ярославского губернского статистического комитета сохранили имена всех его секретарей: А.Е. Львов (1861–1866), А.К. Фогель (1866–1875), Свирщевский (1881–1905), С.Н. Беллерт (1906), А.П. Морозов.

Секретарь выводил статистический комитет на уровень научной организации, так как в его обязанности входили, кроме занятий по административной статистике, редакторская и издательская деятельность, налаживание научных контактов по всей России, организация связи с местными учреждениями и обществами, организация исследований и работ местных историков и краеведов, создание музея, библиотеки, архива комитета, участие во всех съездах, выставках, исследованиях и многое другое, что часто было их личной инициативой. Кроме того, под контролем секретаря велись различные работы по разбору архивов других ведомств, и только по его просьбе документы архивов могли быть предоставлены ис-

© Еремеева В.Л., 2011

следователям. При этом жалование секретаря, как и финансирование самих комитетов, особенно в сравнении с масштабами их работ, было незначительным (в месяц секретарь получал около 60 рублей). Секретарь должен был быть при таких условиях человеком не только образованным, но и обеспеченным. Примерами являлись секретари Ярославского Губернского комитета А.Е. Львов и А.К. Фогель. Преданные своему делу, они никогда не покидали комитет, оба были в должности помощника председателя и ведали всей работой комитета, а также выделялись инициативной деятельностью. А.Е. Львов – профессор демидовского Лицея приложил немало усилий для успешной организации работ комитета, поскольку первые годы становления комитета были самыми трудным. Львов занимался всеми вопросами, начиная от выпуска изданий, выплаты жалования до самых мелких [2, л. 7]. При нем были заложены основы взаимного обмена изданиями с другими комитетами. По инициативе Львова статистические таблицы печатались не только по прямой необходимости, но и для рассылки в другие комитеты и даже для продажи частным лицам. Загруженность секретарей работой в Ярославском комитете была огромной. Львов, например, занимался составлением отчетов параллельно с исследованиями, которые велись самим комитетом, и с составлением списков населенных мест. Оставаясь в курсе всех научных событий в стране, секретарь по возможности отправлялся в командировки с научными докладами и на выставки, часто в сопровождении весомого груза образцов ремесленных изделий и археологических находок [5, л. 28, 32 об.]. Под контролем секретаря находились расходы и доходы комитета, часто, при отсутствии средств на услуги типографии или покупку бумаги, секретарь платил сам, позже возмещая убыток. Целое десятилетие Ярославский комитет развивался под контролем другого секретаря – А.К. Фогеля. В 1866 г. под его редакцией губернским комитетом был издан первый изготовленный типографским способом статистический сборник. В дальнейшем комитетом регулярно выпускались статистические «Труды», а с 1870 г. – статистические «Обзоры губернии». По примеру Львова, Фогель также лично занимался статистическими отчетами и исследованиями; он составлял демографические таблицы и искал методы для получения более точных сведений [7, л. 63]. Исследовательская работа и публикации разных авторов зависели во многом от согласия секретаря. Решение по таким, особенно спорным, вопросам характеризовали Фогеля, в отличие, например, от его предшественника Львова, как менее категоричного и строгого руководителя: Львов часто высказывался непреклонно и даже жестко в отношении тех авторов, которые не выдерживали сроков написания статей или не рассчитывали материальных затрат [6, л. 52–55 об.].

Хотелось бы отметить и такое положительно и важное качество всех секретарей, как внимание и забота о сотрудниках комитета. Очень часто именно секретари отмечали заслуги и ходатайствовали о вознаграждении исследователей и других лиц [11, л. 7; 10, л. 71]. Приведенные факты свидетельствуют не только о том, что секретари придавали работам местных исследователей официальную значимость, но и способствовали становлению новых авторов, их общественному признанию. А некоторая независимость секретарей (как финансовая, так и исследовательская), высшее образование и любовь к науке спасали комитеты от превращения их в обыденные административные учреждения с ординарными чиновниками во главе.

Комитеты были весьма демократичны не только по своему составу, но и в отношении людей, желавших заниматься исследованиями. Понимая необходимость поддержки научной деятельности местным населением, приглашались к сотрудничеству все желающие, при этом им гарантировалось вознаграждение («умственный труд нуждается в поощрении») [2, л. 23 об – 24]. Работая совместно со столичными учеными, местные исследователи получали ценный опыт научных работ. Это, наряду с собственным опытом, поднимало провинциальную науку на новый уровень. Среди всех сословий особенно стоит выделить такие категории, как купцы, учителя и духовенство. Вопреки бытующему мнению, что купцы часто становились членами комитета за денежные пожертвования, нужно отметить, что в Ярославской губернии многие из них вели активную научную и исследовательскую деятельность. Показателен пример 1860 года, когда комитет, отмечая заслуги одного из членов комитета – Рыбинского купца Григория Голубенцова, за его «усердие и полезную деятельность в течение пяти лет» в области статистики, ходатайствовал о присвоении ему звания «Личного почетного гражданина». Он представил девять статей, заслуживших одобрение комитета, среди которых были работы о городе Ры-

бинске, его экономике, промышленности, хозяйственной жизни; о различных фабриках, торговых заведениях, судоходстве [1, л. 8 об.].

В архивах Ярославского статистического комитета сохранились сведения о многих представителях купеческой среды. Например, о купце С.А. Серебрянникове, к которому обращались за помощью в том числе и при археологических исследованиях. Работы другого купца – Фенютина – даже печатались отдельными изданиями: «Заметки о нравах г. Мологи»; «Метеорологические наблюдения в городе Мологе». Ростовский купец А.А. Титов желал содействовать комитету не только в денежных вопросах, но и в научных трудах. К моменту включения его в действительные члены комитета он составил «Историко-статистическое описание Ростовской ярмарки». Другой Ростовский купец – Хранилов, – также выражая готовность к сотрудничеству, выслал свою брошюру «Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии» [9, л. 12]. Что касается духовенства, их помощь была необходима с первых лет существования комитета. Кроме ценных метрических данных, комитет обращался к священникам и настоятелям за помощью в различных местных вопросах, например, поручая составить описание монастырей и церквей [4, л. 14]. Так как именно приходские священники были знатоками местности, в которой исполняли службу, никто лучше них не смог бы описать обычаи, особенности и условия жизни в провинции. Например, известный краевед и член Ярославского комитета В. Лествицын, окончивший Московскую духовную академию, преподавал в Ярославской семинарии. Он был не только редактором «Ярославских губернских ведомостей», но и автором целого ряда трудов: «Открытие Ярославской губернии в 1777 году. Рескрипты и письма Екатерины к Мельгунову», «Историко-статистические сведения о Ярославской губернии. – Церковь Петра и Павла», «Генерал-губернаторский дом в 1777–1820 гг.» и т.д. В 1864 году протоирей Троицкий и священник Соколов представили значения названий некоторых селений, требуемых Центральным статистическим комитетом [5, л. 39 об.]. Троицкого стоит выделить и как активного краеведа: на его счету было большое количество различных статей и других трудов, в частности, таких, как «История Мологодской стороны и города Мологи». Широко публиковались и статьи священника Соколова. Ярославский комитет тесно сотрудничал с Демидовским лицеем. Как было сказано выше, среди секретарей комитета были преподаватели лицея, многие ведущие должности в комитете также занимали профессора и преподаватели лицея (профессора П.В. Федоров, М.Ф. Окатов, учителя И.И. Рогозинников, П.П. Малиновский, В.Т. Миловидов и т.д.).

Кроме того, что многие преподаватели лично участвовали в исследованиях комитета, оба учреждения поддерживали тесную связь и регулярно обменивались изданиями. Материалы для памятных книжек посылались для цензурного рассмотрения именно в Демидовский лицей [2, л. 47].

С появление Ярославского статистического комитета, особенно в годы его бурного развития (вторая половина XIX века), к изучению исторического прошлого края начали обращаться не только купцы-коллекционеры, но и преподаватели гимназий, духовной семинарии, земские деятели, крестьяне. Члены комитета, занимавшие почетные должности в других административных учреждениях, а также возглавлявшие «Ярославские губернские ведомости» и являвшиеся основными авторами других изданий периодической печати в губернии, способствовали публикации большого количества краеведческих материалов, статей по истории, этнографии края, его историческим и архитектурным памятникам. Комитет сделал доступным для каждого желающего участие в научных исследованиях и проявление творческой инициативы, благодаря чему в Ярославской губернии, как и во многих других губерниях Российской Империи, получил свое развитее и утвердился новый тип провинциального историка-исследователя.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 642, оп. 1, д. 22561.
2. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22571.
3. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22572.
4. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22584.
5. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22604.
6. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22640.
7. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22663.
8.ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22711.
9. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22831.
10 ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22877.
11.ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22936.
12. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 23550.
13. ГАЯО, ф. 642, оп. 1, д. 24348.

УДК 947

Матвиевский Илья Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
matvievskayaoksana@mail.ru

КАДЕТЫ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ 1917 ГОДА

Целью данной работы является исследование положения конституционно-демократической партии в Костромской губернии в период между февральской революцией и захватом власти большевиками в октябре 1917 года.

***Ключевые слова**: кадеты, Костромская губерния, февральская революция, Временное правительство, Костромской губернский объединенный комитет общественной безопасности.*

К началу 1917 года в Костромской губернии, как и во всей стране, сложилась тяжелое положение. Патриотический подъем, которым сопровождалось начало войны и благодаря которому на время были забыты разногласия и вражда между властью и оппозицией, прошел. Военные неудачи и оккупация противником значительных территорий на западе, огромные военные потери (возрастающие с каждым новым днем войны), разлад в экономической жизни страны привели к росту усталости и недовольства среди населения. Главным виновником сложившейся ситуации общество было склонно считать правительство и – шире – весь существующий политический строй. Требования реформ и кардинального обновления государственной системы раздавались не только с трибуны Государственной Думы, но и в органах земского и городского самоуправления, в возникших с началом войны общественных организациях, занимавшихся военно-санитарной и благотворительной деятельностью, в кооперативном движении.

Во всех вышеперечисленных организациях с начала войны были очень сильны позиции либеральной общественности, среди которой все более нарастали оппозиционные настроения.

В истощенной войной стране остро стоял продовольственный вопрос. В Костроме 11 января экстренное земское собрание, ознакомившись с положением продовольственного дела в губернии и во всей стране, пришло к заключению, что костромской уезд, как и вся губерния, находится на грани голода [1, л. 1] Участники собрания заявили, что они не в состоянии противопоставить этой угрозе какую-либо реальную защиту. Причину этого земцы видели в неспособности правительства организовать как следует снабжение продовольствием страны. Свои надежды костромские земцы связывали со скорейшим возобновлением сессии Государственной Думы. Только народное представительство в сотрудничестве с общеземским и городским союзом могло, по их мнению, найти выход из кризиса.

На открывшемся 16 января губернском земском собрании председатель управы, бывший депутат четвертой Государственной Думы прогрессист Б.Н. Зузин в своем докладе констатировал, что в ряде волостей и уездов губернии продовольственный кризис уже наступил, а «путь обращения к правительству, по-видимому, исчерпан и ни к чему не привел» [4].

На открытие сессии Государственной Думы в середине февраля костромская городская дума отреагировала, отправив ей приветствие, в котором поддержала требование создания министерства, пользующегося доверием Думы.

В сложившейся обстановке, при поступлении в Кострому первых сведений о революционных событиях в столице костромская городская дума обратилась к горожанам с воззванием, содержащим призыв оказать поддержку всеми силами временному комитету Государственной Думы (сформированному 27 февраля в Петрограде).

При известии о формировании 2 марта Временного правительства, в городской управе состоялось совещание представителей города, земства, кооперативов и служащих города и земства в составе 13 человек [2]. Оно собралось с целью образовать местный комитет для охраны порядка и спокойствия в Костроме и губернии и для оказания поддержки Временному правительству. В этот комитет должны были войти представители от рабочих, крестьян, города и земства. Участники совещания решили отправить Временному правительству верноподданническую телеграмму о его поддержке.

В комитет по охране спокойствия в городе были избраны городской голова В.А. Шевалдышев и гласный городской думы – кадет М.С. Тро-

 © Матвиевский И.Н., 2011

фимов. Кандидатами в него были намечены кадеты Е.А. Огородников и А.Н. Доброхотов [5].

В последующие дни подобные комитеты возникают в Солигаличе, Нерехте и других уездных городах губернии.

Представители прежней власти, в лице губернатора Хозикова и его администрации, были бессильны что-либо предпринять. 2 марта он отдал распоряжение всем исправникам о немедленной присылке в Кострому всех стражников, имеющихся в их распоряжении [5]. Но эти меры уже не могли помешать ходу событий. Войска костромского гарнизона перешли на сторону новой власти. Утром 3 марта В.А. Шевалдышев зачитывал с балкона городской думы перед собравшимися у нее двумя полками телеграмму Родзянко о свержении и аресте старого правительства и назначении Временного Комитета государственной Думы. Шевалдышев обратился к войскам с приветствием и призывом поддержать новое правительство. По просьбе полков председателю Государственной Думы Родзянко была отправлена телеграмма, где сообщалось, что все солдаты и офицеры костромского гарнизона находятся в полном распоряжении Государственной Думы и новой власти.

3 марта население города пребывало в состоянии эйфории. К демонстрации войск присоединились рабочие, постановившие прекратить на весь день работу на заводах и превратить его в праздник революции. В этот день, в 10 часов утра, громадная процессия во главе с членами комитета Совета рабочих депутатов костромской губернии направилась к городской тюрьме и торжественно освободила политических заключенных. В 11 утра в городской управе произошло организационное собрание комитета, которое превратилось в огромный митинг. Представители земства и города договорились с представителями рабочих и крестьян о пропорциональном представительстве в Губернском объединенном комитете общественной безопасности. В него вошло по 8 представителей от рабочих, крестьян, солдат (поздее их представительство возросло до 10), земства и городской думы. В числе последних были городской голова В.А. Шевалдышев, Б.Н. Зузин, кадеты А.С. Дурново, Е.А. Огородников (вскоре его место занял лидер костромских кадетов Н.А. Огородников) и А.Н. Доброхотов [6].

Костромской губернский объединенный комитет общественной безопасности объявил о том, что берет на себя все управление губернией, и о своем подчинении Временному правительству.

Одно из первых распоряжений органа новой власти – арестовать руководство местной жандармерии и полиции (в том числе и офицеров этих ведомств) и подвергнуть домашнему аресту губернатора Хозикова [6]. Населению предлагалось создавать местные комитеты – городские, уездные, волостные, сельские.

Таким образом, 3 марта в Костромской губернии произошла смена власти мирным путем, как и в большинстве губерний России.

Уже 6 марта на имя председателя губернской земской управы Б.Н. Зузина поступила телеграмма от возглавлявшего Временное правительство Г.Е. Львова. В ней Б.Н. Зузину предписывалось взять на себя обязанности по управлению губернией в качестве комиссара Временного правительства. В ответ на эту телеграмму Б.Н. Зузин сообщил о том, что вся власть в губернии принадлежит объединенному комитету общественной безопасности, членами которого (в том числе и Б.Н. Зузиным) было признано нецелесообразном вступление председателя губернской земской управы в должность комиссара Временного правительства [1, л. 23].

С установлением новой власти, действовавшие в губернии отделения оппозиционных партий (в том числе и партии «народной свободы») получили полную свободу деятельности. В апреле начинает выходить официальный печатный орган костромского комитета партии «народной свободы» – газета с одноименным названием. На организованных костромскими кадетами общественных собраниях они стремились донести до населения идею о необходимости продолжения войны «до победного конца» [7].

На апрельский правительственный кризис костромские кадеты, как и городская дума, торгово-промышленный союз (организованный городским головой Шевалдышевым), отреагировали посылкой телеграмм, выражавших полное доверие Временному правительству и его курсу. Тем временем в губернии все большее влияние приобретали социал-демократы, в преддверии выборов в костромскую городскую думу между ними и кадетами завязалась резкая полемика.

Выборы в костромскую думу прошли в конце июня. По их итогам убедительную победу одержали социал-демократы. За них было отдано более 19 тысяч голосов. Эсеры получили около 7 ты-

сяч голосов, за кадетов проголосовали 4 тыс. 444 человека. В результате социал-демократы получили в новой думе 46 мест, эсеры – 17 мест, кадеты – 11 мест. Голоса, поданные за социалистов, принадлежали главным образом рабочим и солдатам [1, л. 34].

В новой думе кадеты фактически оказались в изоляции, их попытки наладить сотрудничество с меньшевиками и эсерами не встретили отклика со стороны последних.

В связи с июльским правительственным кризисом на общем собрании костромского комитета партии «народной свободы» его глава Н.А. Огородников заявил, что страна находится на краю гибели. По итогам собрания костромскими кадетами была принята резолюция, приветствовавшая бывших министров-кадетов.

Тем временем среди костромских социал-демократов наметились разногласия по поводу отношения к войне и Временному правительству. 31 июля в Костроме на многолюдном социал-демократическом митинге было принято постановление о необходимости продолжать оборонительную войну. Собравшиеся выразили полное доверие Временному правительству (пока в его составе находятся представители от социал-демократической партии, и пока оно будет действовать в согласии с Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов).

На этой почве костромские кадеты пытались вступить в соглашение с местными социал-демократами и эсерами об образовании межпартийной коалиции, которая обратилась бы к населению с общим воззванием об объединении всех сил в борьбе за родину и завоевание революции.

Но в местных Советах рабочих и солдатских депутатов возобладала большевистская позиция о необходимости разрыва с буржуазными партиями и перехода всей власти в руки революционных солдат, рабочих и крестьян.

Однако ситуация с продовольственным вопросом в губернии продолжала оставаться чрезвычайно сложной. 11 сентября на съезде городских голов и городских самоуправлений Костромской губернии было признано, что губерния находится на пороге голода и запасов на зиму нет [3].

Большевики приобрели решающее влияние в частях костромского гарнизона и местных советах.

В такой обстановке Кострома встретила известия об октябрьских событиях в Петрограде.

Костромские кадеты связывали с февральской революцией большие надежды, рассчитывая, что им удастся занять лидирующие позиции в общественном движении и возникающих органах новой власти. Но в выстраивающейся новой системе власти они довольно быстро были оттеснены левыми партиями. Под полным контролем последних находились быстро набирающие влияние Советы. Демократизация местного самоуправления привела к тому, что в земствах и городских думах, где традиционно были сильны позиции либералов, также лидирующее положение приобрели социал-демократы и эсеры. Допущенные к выборам представители низших классов в массе своей именно им отдавали свои голоса, так что поддерживаемые в основном интеллигенцией и буржуазией кадеты оказались в меньшинстве. Попытки костромских кадетов, пытавшихся договориться о сотрудничестве с меньшевиками и эсерами в противовес большевикам, не увенчались успехом. Эсеры и меньшевики предпочли действовать в соглашении с большевиками.

Сильно вредила популярности кадетов среди широких слоев населения их позиция по поводу войны – требование продолжать ее «до победного конца». Этот лозунг негативно воспринимался как среди основной массы рабочих и крестьян губернии, так и, в особенности, среди солдат костромского гарнизона. Таким образом, и после февральской революции кадеты в Костромской губернии оставались в положении оппозиционной партии, так как реальная власть в регионе очень быстро оказалась сосредоточена в руках левых сил.

Библиографический список

1. ГАНИКО, ф. 383, д. 26А.
2. Курьер. – 1917. – 3 марта.
3. Народная свобода. – 1917. – 12 сентября.
4. Поволжский вестник. – 1917. – 28 января.
5. Поволжский вестник. – 1917. – 3 марта.
6. Поволжский вестник. – 1917. – 5 марта.
7. Поволжский вестник. – 1917. – 21 марта.

УДК 947.081.2

Тюкачёв Николай Алексеевич
кандидат исторических наук
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
olga.tyukacheva@mail.ru

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

В статье рассматривается либеральная концепция народнического движения. Дан анализ работ Б.Н. Чичерина, А.А. Корнилова, Б.Б. Глинского, В.Я. Богучарского. Показаны как общие черты, так и некоторые различия в оценках народничества либеральными историками.

***Ключевые слова**: народничество, терроризм, историография, либеральная концепция.*

Либеральная историография революционного народничества существовала и развивалась в дореволюционной России наряду с консервативно-охранительной, народнической и марксистской. Изучение с современных позиций сочинений таких крупных представителей либерального направления, как Б.Н. Чичерин, А.А. Корнилов, В.Я. Богучарский, Б.Б. Глинский, позволяет утверждать, что это направление было весьма плодотворным.

Одной из ярких фигур дореволюционной общественной мысли либерального направления был Б.Н. Чичерин. По его словам, источником и центром социалистической пропаганды была «петербургская журналистика», которая «отравила» российское юношество и препятствовала движению России по «правильному пути». Необходимым для русского общества было усвоение «гражданских начал», а также «бережное отношения к свободе и праву» [7, с. 19].

Правительственные органы Чичерин обвинял в том, что они не сумели найти эффективных средств борьбы с революционерами. Народовольцев Чичерин именовал «сплоченной шайкой», которая «поставила своей задачей терроризовать русское правительство». Убийство царя «безумными нигилистами» положило конец «всяким либеральным начинаниям». Убийство царя-реформатора Чичерин считал трагедией для России, а террористов-народовольцев – «отребьем русского общества» [7, с. 27–28].

Либеральная концепция народнического движения отражена в трудах известного историка А.А. Корнилова. Корнилов считал, что Герцен в конце 1850-х – начале 1860-х гг. был либералом, а вовсе не революционером. «Колокол» с первого дня своего издания, «до приезда в Лондон Михаила Бакунина в 1862 г., был органом либерального движения в России» [4, с. 94]. А «радикально-социалистическое» общественное направление выражалось главным образом в «Современнике». Представители этого направления – это «защитники народных интересов», они «резко выдвигают экономические потребности народа и стараются добиться не только освобождения крестьян от крепостного права, но и обеспечить их защиту от экономической эксплуатации высших классов» [4, с. 105–106].

Наиболее крупным по объему и обстоятельным по манере изложения фактического материала является двухтомный труд Б.Б. Глинского [3]. На наш взгляд, до сих пор ни одно из сочинений отечественных историков не может сравниться по этим показателям с работой Глинского. Общий объем двух томов составляет 1082 страницы текста, с приложением 97 портретов революционеров и государственных чиновников. Хронологически книга охватывает более чем двадцатилетний период: от подготовки крестьянской реформы 1861 г. до суда над «первомартовцами» и их казни. Характерной особенностью сочинения Б.Б. Глинского является подробнейшее изложение событий и в правительственном лагере, и в обществе, и в революционной среде. Глинский широко цитировал материалы следствия и суда, адреса земских губернских комитетов, документы революционных народнических организаций, воспоминания и письма революционеров. Значительная часть этих документов приведена в книге Глинского полностью, без купюр. Манера изложения материала повествовательная, выдержанная в объективистском ключе.

Сравним интерпретацию разными историками ключевых явлений народнического движения. Так, А.А. Корнилов считал С. Нечаева «политическим авантюристом с приемами шарлатана и инстинктами настоящего злодея». Нечаев и его принципы «оказали плохую услугу делу русских

© Тюкачёв Н.А., 2011

революционеров», потому что «многие склонны были принять Нечаева за нормальное выражение революционных идей». Против нечаевщины «поднялось резкое движение в среде самой революционной и народнической молодежи» [4, с. 200].

В.Я. Богучарский же положил начало очень распространенной точке зрения на «нечаевщину». Он полагал, что «нечаевщина» была в русском революционном движении «лишь эпизодом, совершенно исключительным, ни имевшем… никаких корней в движении прошлом», что революционная молодежь безусловно отрицала «нечаевщину». Развить свои природные свойства «безумный фанатик» Нечаев мог только «в определенной общественно-политической среде». Этой средой был «абсолютный, безграничный произвол» властей» [1, с. 148].

Б.Б. Глинский по-другому оценивал роль Нечаева, которого считал «первым практиком народничества». По мнению Глинского, в лице Нечаева «русская революция приобрела крупную фигуру, которая своей деятельностью предопределила многие ее этапы, наметила пути ее развития и вписала в ее историю пролог». Глинский отметил, что тактика Нечаева «нашла себе широкое применение в террористических актах» народовольцев. Именно Нечаев «первый поставил вопрос о терроре ребром и дал ему реальное обоснование» [3, ч. 1, с. 414].

Большое внимание историки либерального направления уделяли сущности, причинам и результатам массового «хождения в народ» 1874 г. Богучарский считал это движение сугубо стихийным, вызванным стремлением молодежи к личному нравственному очищению. И этим оно было схоже с религиозным движением. Идя в народ, пропагандисты ничего не хотели для себя. Для социалиста семидесятых годов «социализм был его верой, народ – его божеством» [1, с. 180]. Корнилов отметил различные цели участников «хождения»: одни «мечтали делать свою пропаганду при помощи бунтов», другие «просто проводить пропаганду социальных идей, которые, по их мнению, вполне соответствовали коренным взглядам и запросам самого народа». Несмотря на разницу первоначальных устремлений, большая часть двинувшихся в народ молодых людей довольствовалась мирной пропагандой, что обуславливалось «неподготовленностью народа к восприятию их идей». Отметил Корнилов и отсутствие у народнических пропагандистов «каких бы то ни было предохранительных мер против обнаружения их движения полицией». Поэтому многие пропагандисты «уже в мае месяце сидели по тюрьмам» [5, с. 187].

Размышляя о причинах неудачного «хождения в народ», Богучарский сделал общий вывод о том, что «все народническое движение семидесятых годов было обречено на гибель вследствие полного несоответствия идей народников с понятиями народа, полной невосприимчивости крестьянства к этим идеям». Но сами народники «субъективно были и после похода 1874 года бесконечно далеки от признания этой истины». По обоснованному мнению Богучарского, «жестокие преследования» пропагандистов властями вызвали решимость революционеров давать «отпор самим властям» [1, с. 203].

Анализируя итоги «хождения в народ», Глинский отметил его определенное положительное значение: сплочение революционных сил, практическое знакомство народников с повседневными нуждами крестьян. Но «методы борьбы с правительством» были непригодны. Фактов выдачи пропагандистов «самими мужиками» на самом деле не было, хотя об этом в свое время «любили говорить некоторые органы печати». Вовсе не это сгубило пропагандистов, а «их собственное легкомыслие, детская доверчивость, отсутствие необходимой конспиративности и осторожности и, наконец, что главное, фантастичность самой задачи хождения в народ и пропаганды здесь» [3, ч. 2, с. 62].

По мнению Корнилова, эволюция в сторону признания политической борьбы началась в землевольческой среде «после процесса 193-х и выстрела Веры Засулич». Перечислив в хронологическом порядке факты террористической деятельности «Земли и воли», Корнилов сделал вывод о неизбежности пересмотра народниками старых теоретических представлений. «Сделав террористическую борьбу с правительством главным и почти единственным делом, партия «Земли и воли» уже не могла удержаться на почве своих основных народнических доктрин; очевидно, изменение ее программы сделалось неизбежным», – утверждал он [4, с. 231–234].

Корнилов верно трактовал причину раскола «Земли и воли» – непримиримые противоречия между группой «деревенщиков» и сторонниками «революционной борьбы с правительством».

По мнению Корнилова, деятельность «Народной воли» практически сводилась к террору, который и «исчерпал их силы». Народовольцы нанесли 1-го марта «смертельный удар императору Александру II, но отнюдь не самодержавной власти». Корнилов утверждал, что не революционеры, а правительство несет ответственность за «несчастный исход освободительного движения царствования Александра II». Зачинщиком «в двойном терроре» было именно правительство, которое своими террористическими способами борьбы с оппозицией способствовало «все более быстрому превращению общественного движения в революционное» [4, с. 234, 258].

Одним из заметных явлений в либеральной историографии была книга В.Я. Богучарского о «Народной воле» [2]. Богучарский полагал, что все силы «Народной воли» были сосредоточены в ее Исполнительном Комитете. Основная деятельность ИК заключалась в организации террора. Выражая свое «вполне отрицательное отношение» к терроризму народовольцев, Богучарский, тем не менее, возлагал на правительство ответственность за «столь болезненное явление». Богучарский подробно описал все покушения на царя [2, с. 49–124]. Очень невысоко оценивал автор деятельность народовольцев среди рабочих и учащейся молодежи. Хотя деятельность «в войсках» была более успешной, под влиянием народовольцев «были исключительно офицеры», и это не представляло опасности для правительства.

Основной идеей Богучарского было противопоставление революционных народников и либералов. Либералы понимали, что без политической свободы «невозможно вести речь о социализме», и в этом отношении они стояли «несравненно выше» революционеров. Но в практической деятельности либералы отличались «полной немощью». Революционеры-народники, в противоположность либералам, отличались огромной «действенностью, часто необыкновенной твердостью характеров и способностью к самоотверженной борьбе за свои идеи», но эти идеи были утопичны. Основную заслугу народовольцев автор видел в том, что они перешли к политической борьбе. Главной целью «Народной воли» Богучарский считал установление конституции в России, то есть задачу либералов [2, с. 471].

Глинский отмечал, что в обществе многие поддерживали идеи народовольцев, но «на сторону террора большинство идейно сочувствующих не становилось», а цареубийство почти всеми было встречено «враждебно». Террористическая борьба поглощала «целиком все силы» народовольцев, «не оставляя места ни для чего другого». По мнению Глинского, «Народная воля» ставила лишь задачу разрушения существующего строя, а работу над созданием будущего строя представляла «иным категориям русской общественности, силам либерализма» [3, ч. 2, с. 371].

Таким образом, либеральные историки внесли существенный вклад в изучение истории народнического движения. Авторы либерального направления не были едины в оценке народничества. Б.Н. Чичерин был представителем правого течения, а В.Я. Богучарский – левого. А.А. Корнилов и Б.Б. Глинский представляли центристское течение. Работы Корнилова и Богучарского использовались в трудах советских историков, начиная с 1960-х гг., однако отношение к либеральным авторам было осторожным и критическим. В статье «Народничество», в 9 томе Советской исторической энциклопедии, Б.С. Итенберг уделил «буржуазно-либеральным историкам» всего несколько строк. Признав, что в их работах «собран большой материал по истории народничества», Итенберг далее отметил, что в них «нет его (народничества) социальной основы, идеалистически трактуется идеология народничества» [6, с. 932]. Понятно, что в 1966 г. невозможно было написать по-другому.

На наш взгляд, в настоящее время следует обратить внимание на те трактовки народничества, которые были предложены дореволюционными либеральными авторами, а затем активно использованы и развиты советскими историками-марксистами. Выделим такие тезисы дореволюционных либералов, которые не противоречат современным представлениям: 1) радикально-социалистическое общественное направление сложилось с началом реформ Александра II вокруг журнала «Современник» (Корнилов, Чичерин); 2) Александр II сыграл решающую роль в подготовке и начале крестьянской реформы, но сразу после манифеста 19 февраля началась реакция (Корнилов); 3) «Земля и воля» 1860-х гг. «мало себя проявила», подробности ее деятельности нельзя восстановить достоверно. Чернышевский, скорее всего, участвовал в этой организации. Достаточных доказательств вины Чернышевского суд не имел, поэтому прибег к фальсификации.

На самом деле осудили Чернышевского за его политические взгляды (Глинский); 4) различны оценки С. Нечаева и «нечаевщины». Корнилов считал Нечаева «политическим авантюристом с инстинктами настоящего злодея», а «нечаевщину» единичным явлением, которое нанесло огромный вред революционному движению. Многие стремились выдать Нечаева за типичного революционера. Против «нечаевщины» выступила народническая молодежь. В России были условия для возникновения «нечаевщины». Богучарский утверждал, что «нечаевщина» была лишь «совершенно исключительным эпизодом» в русском революционном движении. Последующие поколения революционной молодежи относились к «нечаевщине» отрицательно. Глинский считал Нечаева крупной фигурой в практическом революционном движении; 5) «хождение в народ» Богучарский считал стихийным, вызванным стремлением молодежи «к нравственному очищению», сравнивал «хождение» с религиозными движениями прошлого. Корнилов указывал на разные цели участников «хождения»: одни хотели вести пропаганду социалистических идей, а другие – готовить крестьянское восстание. Но на практике все занимались только мирной пропагандой. Глинский отмечал положительные результаты «хождения» – сплочение революционных сил, знакомство молодежи с нуждами народа. Причиной разгрома он считал плохую подготовку молодежи к «хождению», отсутствие конспиративности и осторожности. Корнилов считал, что в результате «хождения в народ» народники убедились в неподготовленности крестьянских масс к социалистическим идеям. Бугучарский, анализируя итоги «хождения», сделал более общий вывод о том, что «все народническое движение 70-х гг. было обречено на гибель» вследствие полного несоответствия идей народников с понятиями народа; 6) Корнилов считал, что «Народная воля» занималась только террором, который и исчерпал ее силы. Богучарский утверждал, что вся сила «Народной воли» была сосредоточена в Исполнительном Комитете, члены которого и осуществили многочисленные террористические акты. Глинский и Корнилов отмечали растерянность правительства, которое не могло обеспечить защиту императора от покушений террористов. Глинский очень высоко оценивал способности «Народной воли» к террористической борьбе. Корнилов отмечал убежденность народовольцев в том, что удачное покушение «вызовет народную революцию». Но 1 марта был нанесен «смертельный удар Александру II, но отнюдь не самодержавию»; 7) Богучарский сопоставлял либеральное и революционное движение. По его мнению, у либералов имеется правильная программа, но «полное бессилие» ее выполнить. У революционеров есть сила и решительность, но совершенно недопустимый метод – террор. Основной целью «Народной воли» Богучарский считал завоевание конституции. Революционеры, по его словам, сознательно взяли на себя задачу либералов, так как сами либералы не имели сил и решимости ее выполнить. По мнению Глинского, «Народная воля» ставила своей задачей только разрушение современного государства, а «созидание будущего» она оставляла либералам.

Следует отметить, что либералы во многом сходились с народниками в оценках самодержавного режима пореформенной России. Они подвергали этот режим обоснованной критике как основное препятствие на пути прогрессивного развития страны. Но, в отличие от народников, будущее России они видели не в социалистической, а в демократической, то есть буржуазной, республике. Либералы категорически отрицали революционные методы борьбы с царизмом, решительно критиковали народовольческий террор. В целом, либеральные авторы сумели дать более адекватное изображение деятельности революционного народничества, чем их оппоненты – народники.

Библиографический список

1. *Богучарский В.Я.* Активное народничество семидесятых годов. – М., 1912.

2. *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы 70-х и 80-х годов XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. – М., 1912.

3. *Глинский Б.Б.* Революционный период русской истории (1861–1881гг.). Исторические очерки. Ч. 1–2. – СПб., 1913.

4. *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881). – М., 1909.

5. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. Ч. 3. – М., 1918.

6. Советская историческая энциклопедия. Т. 9. – М., 1966.

7. *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия. – Берлин, 1901.

УДК 39(470)

Чабиева Танзила Саварбековна
Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН
chabieva06@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ТЕЙП» И «ВИРД» В ИНГУШСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена структуре ингушского общества в прошлом и соотношению ингушского рода – тейпа и религиозного братства – вирда на современном этапе.

***Ключевые слова**: Ингушетия, ингушское общество, тейп, вирд, зикристы.*

Народы Кавказа в своем общественном развитии прошли те же основные этапы, что и многие другие народы мира. Ингуши в этом смысле не явились исключением. Современная структура ингушского общества лишь видоизменилась с течением времени, сохранив, однако, исторический фундамент семейной общественной организации. Внутренние ресурсы ингушского социума позволяют ему и сегодня оставаться основой горской социальной структуры.

В прошлом у ингушей господствовала родовая община, впоследствии уступив место семейной общественной организации. Однако с появлением богатых и знатных фамилий (родов), семейная община постепенно разлагается, на ее месте появляется социальное неравенство.

Структурировать ингушское общество можно по следующим признакам: этносоциальному, этноконфессиональному и этнотерриториальному.

Этносоциальная структура ингушского общества представляется следующим образом: дезал (моногамная семья), наькъан (родовая община), ца (союз родовых общин), тейп (род), тукхум (союз тейпов), къам (нация).

Этноконфессиональная структура: суфийское сообщество *тарикатов*[1] – единая мусульманская умма, *вирд*[2] во главе с устазом – тарикат, сельская умма (мюриды) одного вирда во главе с муллой.

Этнотерриториальная структура выглядит следующим образом: республиканская община (все граждане, населяющие Республику Ингушетия).

Ингушское общество, в контексте которого следует подразумевать тукхумы, тейпы и вирды, формировалось в течение длительного времени, охватывающего несколько веков. На этот процесс огромное влияние оказывали как военно-экономические и религиозно-родовые факторы, так и кровнородственные связи, служившие экономическому и военному сплочению ингушей. Если в наиболее крупном своем этническом делении чеченское общество состоит из тукхумов, которые в последующем делятся на тейпы, то ингушское изначально основано на родовом делении, в котором лидирующее место занимают наиболее крупные тейповые образования. Тейп – патриархальная группа людей или семейств, происходящих от одного общего предка. Все члены тейпа имеют равные права. Являясь логической стадией в развитии идеи политического управления, ингушский тейп приобретает и социально-политические функции. В отличие от своего соседа – дагестанского тухума, не обладавшего суверенитетом, верховной властью, ингушский тейп имел институционализированные органы управления. У каждого тейпа имелся свой совет старейшин (*тейпан кхел*), выполнявший решающую роль в его управлении и возглавляемый предводителем тейпа (*тхьамад*, *тейпан да*). Предводитель тейпа избирался на совете старейшин. Главой тейпа мог быть только ингуш по крови и мусульманин (с принятием ислама). Глава избирался на неопределенный срок, но наследственность исключалась. Во внимание принимались заслуги и авторитет в обществе. Женщина не могла быть главой рода [3, с. 152]. Что же касается тукхума, то, по верному замечанию Б. Далгата, «слово “тухум” лучше было бы устранить вовсе как перешедшее к чеченцам от кумыков и неизвестное ингушам» [3, с. 86]. Тейп, в юридической антропологии, выступает одним из субъектов обычного права ингушей, обладающим определенным правовым статусом. Термин «тейп» в научной литературе и быту применяется в различном значении. Так, по мнению М.М.Ковалевского, «тайпы не то братства, не то роды» [4, с.274]. У. Лаудаев под тейпом понимал и род, и племя, путая социально-экономическое содержание каждого из

© Чабиева Т.С., 2011

них [5, с. 15]. Происхождение термина «тейп» связывают с арабским «*тейфа*», проникшим в языки народов горного Кавказа вместе с распространением ислама. Согласно русско-ингушскому словарю, основное значение слова тейп – род, ваьр [9, с. 638]. Последнее применялось именно для обозначения родственного круга. Стоит отметить и термин *къонгаш* – не только в смысле сыновей одного отца, но и в более широком смысле, обозначая потомков в четвертом и седьмом поколениях. Знание поименно предков до седьмого колена включительно было обязательным. Каждый взрослый ингуш уже с юности должен был знать поименно и представлять себе свои родственные отношения как по отцовской, так и по материнской линии. Соответственно, не случайно ингуши клянутся семью своими предками: «*Са ворхxе даьсар*». О структуре родовых отношений В.П. Христиановичем было сказано следующее: «Чеченский или ингушский тейпы есть род или родовой союз, то есть группа лиц, объединенных сознанием родства и общности происхождения от одного действительного или воображаемого родоначальника, обычно за десять-пятнадцать поколений от нашего времени» [10, с. 71]. Все потомство этого родоначальника считается сестрами и братьями между собой, или как говорят ингуши «*йиша-воши*». На Кавказе всегда ценят добрососедские и родственные отношения. Порой даже создается впечатление, что все ингуши состоят хоть в отдаленной, но родственной связи.

Большой и влиятельный род насчитывает от 500 человек до тысячи. С переселением ингушей на равнину сила родовых отношений стала слабеть, как стал разлагаться сам род и большая патриархальная семья. Основными причинами послужили испытываемый недостаток в земле, межродовая вражда и развивающиеся внутриродовые противоречия. Отношения родства переплетались с отношениями соседства, и постепенно вытеснялись последними. Стали различаться «коренные», старые тейпы и новые. В Ингушетии появились так называемые пришлые фамилии, представители которых переселились к коренным жителям сел. Так, например, фамилия Чабиевых встречается помимо Ингушетии в Осетии, Грузии, Чечне, хотя принадлежать может к различным тейпам, например Оздовым, Плиевым и Осканoвым. Стоит упомянуть тот факт, что шейх кадирийского тариката Кунта-Хаджи высказывался против деления жителей Ингушетии на местных и пришлых, обосновывая это прежде всего тем, что все жители – мусульмане и перед шариатом все равны.

Принадлежность к тейпу осознается ингушами с самого детства и служит основанием для определения своего места в системе общественных связей. В этнографической литературе термины «фамилия» и «род» нередко отождествляются. Между тем фамилия – понятие, которое не стоит путать с архаическим родом. Формула «фамилия» – «тейп» введена в оборот путешественниками по Кавказу еще в XVIII веке. В одних случаях она служит для обозначения большой семьи, в других – более широкой, многочисленной родственной группы, происходящей от реального или легендарного предка. Фамилии с окончанием на «ов» (в русской огласовке) у ингушей стали применяться со второй половины XX века.

Такие ингушские выражения, как «*эздийч тейпан саг ва из*» – этот человек из достойного рода, «*тейп а тукхум доацаш сана ма вий из саг*» – этот человек похож на того, у кого нет ни рода, ни племени, – нередко можно услышать среди ингушей. Смысл, вложенный в первое выражение, отчетливо показывает значимость происхождения человека. Во втором случае высказывание выглядит оскорбительно: для ингуша услышать в свой адрес подобные слова было бы позорным. В обоих случаях тейп является прилагательным слова «*саг*» – человек.

Специфическая роль тейпа в ингушском обществе с принятием ислама ограничивается «вирдом» – суфийским братством, все более становящимся наследственным институтом. Известные у ингушей вирды имеют хотя и различный, но достаточно долгий срок существования и обладают устойчивостью. Некоторыми своими чертами, такими, как взаимопомощь, в том числе материальная, ответственность его членов друг перед другом, вирд схож с тейпом. Но, в отличие от тейпа, вирд значительно шире: включает в себя представителей различных тейпов и даже этносов, что обеспечивает его членам гораздо более широкую поддержку [1, с. 104]. Специфическая форма бытования ислама на территории Ингушетии явилась объединяющим фактором для всех тейпов. В Чечне, к примеру, в период кавказской войны XIX века Шамиль смог объединить под знаменем ислама все тейпы. В Ингушетии таким примером явился период 1992 года, когда, отпоч-

ковавшись от Чечено-Ингушетии, появилась молодая республика Ингушетия, не имевшая на тот момент административно закрепленных границ. Особую роль в консолидации ингушей сыграли тейпы. Стоит отметить, что в указанный период Ингушетия оказалась в самом центре двух конфликтов – чеченского с одной стороны и осетино-ингушского с другой.

На современном этапе в политической жизни республики имеет место такое явление, как тейповая инициатива, когда тейп, его ведущие представители создают совет, на котором принимаются решения по наиболее назревшим в обществе вопросам, и после обсуждения руководство республики и представители тейпа приступают к их реализации. 14 октября 2009 года руководство Ингушетии от тейповой инициативы перешло к официальному оформлению совета тейпов. В совет тейпов вошли представители всех родов, проживающих в республике. Главной своей задачей руководство считало вовлечение и участие жителей Ингушетии в общественной работе через представителей своего рода. Институт совета тейпов должен был стать реальной помощью как для руководства республики, так и для всего общества в наведении порядка на территории Ингушетии. Глава республики Юнус-бек Евкуров неоднократно в своих заявлениях подчеркивает важность взаимодействия власти с ингушскими тейпами, их старейшинами, и сам проводит с ними регулярные встречи. Совет также ведет работу в области межтейповых конфликтов, которые прямо или косвенно связаны с делением общества на тейпы. Так, 4 декабря 2009 года в результате перестрелки между представителями двух тейпов в селении Ачалуки погибли четыре человека и шесть получили ранения. А в июле 2004 года несколько ингушских тейпов объявили кровную месть Доку Умарову и начали его поиски, чтобы уничтожить до того, как он попадет в руки правосудия. Созванный после этих событий совет рассмотрел сложившуюся ситуацию и принял меры по решению конфликтов. Активную роль совет тейпов, представители духовенства и общественности также сыграли в период, когда глава республики начал проводить встречи с родственниками лиц, находящихся в федеральном розыске по подозрению в незаконных вооруженных формированиях (НВФ). Глава республики и сегодня нередко призывает участников подобных встреч принимать активное участие в воспитании молодежи, в разъяснении им религиозных вопросов, а родителей – к строгому контролю за своими детьми. Задача перед правительством стоит сложная, контроль сегодня затрудняется, прежде всего, нетрудоустроенностью молодежи, социально-политической ситуацией в республике, что вызывает агрессию и недоверие к власти в глазах молодых людей. В то время как родители видят проблему в деятельности правительства, власть республики призывает родителей следить за молодыми людьми, которые уходят к боевикам, отмечая, что вся ответственность лежит на семье. Помимо руководства республики к молодежи и их родителям обращается и духовенство в лице муфтия Иссы Хамхоева – с просьбой убедить лиц, подозреваемых в участии в НВФ, вернуться к мирной жизни.

Главным вопросом для ингушского общества остается вопрос консолидации: понятия вирдовой и тейповой структуры в среде ингушей воспринимается неоднозначно [6], а частью населения – критично. По мнению общественности, совет тейпов только лишь разобщает ингушский социум, выделяя тем самым наиболее крупные и сильные тейпы из их числа. Учитывая отношение общества к данному вопросу, руководство республики неоднократно подчеркивает, что текущая общественно-политическая ситуация требует от ингушского народа взаимодействия, что ингуши не должны разделяться на вирды и тейпы. С подобными словами выступил и депутат Государственной Думы РФ Адам Демильханов на расширенном совещании Духовного управления мусульман Чеченской республики. В своем выступлении А. Демильханов отметил, что нельзя допустить каких-либо разногласий между вирдами, тарикатами или же тейпами. В связи с тем что сегодня между вирдовыми течениями нет согласия и взаимодействия, каждый желающий, далекий от истинного знания шариата и тариката, от себя или же понаслышке пытается внести в общество какие-то свои, чуждые исламу понятия.

Однако авторитет тейпа и вирда остается в ингушском обществе наиболее весомым и значимым. Ярким тому подтверждением является тот факт, что президентство Р. Аушева среди ингушей уже несколько лет выглядит наиболее успешным, в отличие от его продолжателей. Аушевы – отдельный тейп, в ингушской «табели о рангах» он занимал срединное место, уступив по праву тейпам Мальсаговых и Ужаховых, чьи предки

в царское время были генералами и руководили «дикими дивизиями» – горскими формированиями русской армии. Естественно, при президентстве Аушева значимость всего тейпа Аушевых возросла. Сам же Р. Аушев относился к тейпам равноудалено: на ключевых местах он расставлял людей, готовых работать с полной отдачей. Принадлежность Р. Аушева к одному из «достойных» тейпов и отношение к числу кунта-хаджийцев, число которых сегодня составляет большинство в Ингушетии, принесло значительную поддержку на выборах. В свою очередь Руслан Аушев в основном окружал себя представителями различных ингушских фамилий, зачастую конфликтовавших друг с другом. Впрочем, можно обнаружить, что представители некоторых не слишком дружественных тейпов, как ни странно, являются близкими родственниками. Сегодня Аушевы считаются отдельным тейпом, не слишком влиятельным.

В случае с М. Зязиковым картина иная: ингуши не знали, кто он и откуда, его принадлежность к тейпу Зязиковых ни о чем не говорила, и тот факт, что фамилия президента не по отцу, а по матери, произвел не лучшее впечатление. Второй президент республики принадлежал к вирду дениарсановцев (*къейла вирдах*), в результате чего кунта-хаджийцы оказались вытеснены и вообще недовольны тем, что главой республики был избран человек не из их числа. Зязиков в основном ориентировался на батал-хаджинцев, которые в свое время оценили его заслуги перед обществом, наградив орденом имени Батал-Хаджи Белхороева. Орден, врученный Зязикову, значится под номером №1 и представляет собой многолучевую звезду из платины. Награду главе республики вручал близкий родственник святого Султан-Хаджи Белхароев. Ранее глава Ингушетии наградил Батал-Хаджи Белхороева «за большие заслуги перед ингушским народом и многолетнюю религиозно-просветительскую деятельность высшей наградой республики, орденом “За заслуги” посмертно» [11]. Республика в период президентства Р. Аушева отличалась от той, что была при М. Зязикове. В первом случае решались вопросы государственности, вынужденных беженцев из Чеченской республики, границ с Чечней, находящейся в состоянии войны, социальной напряженности, а во втором случае – коррупции, недовольства властью, фамильно-клановых проблем, ваххабизма, который подавлялся за счет тотального контроля. Кардинально разные условия – и кардинально разные меры решения проблем.

Смена руководителя в Ингушетии в 2002 г. нарушила баланс сил в ингушских элитах, в результате чего пострадали интересы некоторых финансово-промышленных групп, которые стали поддерживать оппозицию и интересы тейпов, занимавших в течение нескольких лет руководящие места. В период президентства М. Зязикова у власти находились представители тейпа Зязиковых, к числу которых относятся фамилии Ганиевых, Барханоевых, Ганижевых, Альдиевых, а также тейпа Цароевых – Мякиевы, Могушковы, Гайтиевы, Татиевы. Бывшим председателем правительства был назначен Т. Могушков. Аппарат правительства республики возглавлял брат президента Р. Зязиков, который одновременно занимался подбором правительственных кадров. Второй брат Д. Зязиков работал в управлении по ГО, пожарной безопасности и ликвидации ЧС.

На выборах в президенты М. Зязикова поддержали союзники среди ингушских кланов Келиговы. После президентских выборов З. Келигов в 2003 году получил пост гендиректора ОАО «Ингушэнерго». Однако затем стал развиваться конфликт между держателями акций этой энергетической компании. Началось долгое противостояние, результатом которого стала отставка З. Келигова, и, как следствие, отношения между двумя тейпами дали трещину. Таким образом, модель власти Зязикова резко отличалась от той, что была при Р. Аушеве, как, впрочем, и та, что при Евкурове.

Юнус-Беку Евкурову досталось тяжёлое наследство от предыдущего президентства. Вопросы коррупции и экстремизма стали основными перед новым президентом. Что касается принадлежности к тейпу, то Евкуровы относятся к тейпу Орцхой, при этом внутри тейпа имеется собственный род Лорса-Няькъан.

Сегодня, когда кадровый состав руководства республики определяется по воле федерального центра, значимость кланового фактора отошла на второй план, однако в общей системе управления Ингушетии принадлежность к тому или иному тейпу играет немаловажную роль. В случае с поиском кандидатуры федеральный центр, учитывая тейповую разобщенность и вражду, ориентируется на человека, менее зависящего от клановых условностей. Таким человеком стал ныне действующий глава республики Евкуров. Депу-

тат Хамчиев назначение Евкурова назвал положительным моментом, так как он не связан ни с какими кланами. Он выразил надежду, что Евкуров сумеет преодолеть сложную ситуацию, в которой находится республика, объединив весь ингушский народ. По мнению руководства республики, даже самые крупные и известные тейпы не обладают политической силой. Основывается это мнение на том, что в конечном счете федеральный центр не учитывает родословную претендента на тот или иной пост в Ингушетии и принадлежность к тейпу или же вирду ни о чем не говорит вышестоящим руководителям РФ.

Формула «новый глава – новый тейп» все же не теряет своей актуальности. Очевидно, что где бы ни родился и ни находился претендент на руководящее место, его родственные отношения не стираются, они остаются тем актуальнее, чем больше ему необходима поддержка местной элиты во властных структурах.

В современной Ингушетии власть поделена между тремя кланами: тейп Зязиковых, тейп Евлоевых и тейп Оздоевых. Между тем Евлоевы – самый многочисленный тейп в Ингушетии. Он состоит из 37 фамилий и насчитывает более 60 тыс. человек. Для данного тейпа характерно коллективное принятие решений: вопрос о том, кого из членов рода наиболее перспективного отправить на учебу в Москву, и т.д. Из тейпа Евлоевых первой женщиной заместителем председателя правительства в период президентства М. Зязикова была Хава Евлоева.

Принадлежность к тейпу или вирду по значимости может колебаться, в зависимости от ситуации, и потому носит противоречивый характер. Есть свои слабые и сильные позиции. Так, тейп приобретает большое влияние в вопросах политического характера: кого представить на выборах, кто будет в числе преемников во властных структурах, и т.д., в отличие вирда, который больше проявляет себя в общественно-бытовых отношениях: дать разрешение на брак «иновирдцу» (наиболее ярко это выражено в братстве Батал-Хаджи), разрешить вопрос кровной мести и т.д. В то же время вирд может с таким же успехом представить на выборах (к примеру, в парламент) своего человека, пустив в ход весь свой имущественный потенциал. Вирдовая структура более гибкая, из одного вирда в другой ингуш может перейти без опаски быть осужденным, за рядом исключений: если он относится к вирдам Батал-Хаджи и Дени Арсанова, перейти будет гораздо труднее, потому как вирды по числу составляют меньшинство. Впрочем, данное обстоятельство нисколько не остановит желающего это сделать. Что же касается вирда Кунта-Хаджи, то перейти из числа *зикристов*[3] в иной вирд будет гораздо проще, несмотря на то, что устаз обозначил: «…Если мурид сердцем отвернулся от своего устаза и вознамерился отречься от него ради принятия чего-то другого, а потом захотел обратить свое сердце к устазу и вторично соединиться с ним, то устаз не примет его и не сочтет своим муридом, даже если он тысячи лет был в составе его общины и тысячи лет в кругу его зикра» [2, с. 105]. Случаи перехода в другой вирд в ингушском обществе все же имеют место. Так, в семье Оздоевых в станице Слепцовской, в которой четыре брата и одна сестра, принадлежащих к вирду Кунта-Хаджи, один из братьев, обзаведшись семьей и отделившись, перешел в вирд Дени Арсанова. На вопрос – что послужило причиной такого решения, он ответил, что «несмотря на то, что его предки, отец, дед, родные и большая часть тейпа относит себя к кадирийцам, мне ближе накшбандийский тарикат. Я общался со старейшинами вирда Арсанова, мне стало по душе их понимание религии и то, каким путем они идут к Богу» [7, ПМА]. На взаимоотношения между членами семьи это обстоятельство никак не повлияло. Однако если бы гражданин Оздоев захотел перейти в вирд Батал-Хаджи, это было бы сложнее, ввиду того что данный вирд является весьма закрытым братством.

Нередко системы тейпов и вирдов сплетались там, где глава тейпа (*тейпан да*) являлся одновременно и главой вирда, в таком случае все сородичи становились мюридами данного братства. Такое явление можно наблюдать на примере вирда Батал-Хаджи.

Проблема тейпа и вирда возникла в начале 90-х гг. и с тех пор не умолкает, однако в истории ингушского народа не было раскола общества по причине вражды родов и религиозных братств. Позиции тейпа могли воздействовать на общественно-политическое состояние народа, но на раскол общества тейпово-вирдовая структура влиять не могла. Сегодня мы наблюдаем, что на Кавказе традиции сохранили свою значимость. Не случайно в беседе с представителями молодежи часто слышишь, что «тейп не просто род и социальная структура, это прежде всего твое проис-

хождение, история твоей семьи, ее достоинства, которые ингуш должен беречь и продолжать на своем жизненном пути, не запятнав чести» [8, ПМА]. Потому тейпово-вирдовая структура ингушей вовсе не отживший элемент, а реально существующая система отношений в современном ингушском обществе.

Примечания

[1] Тарикат – путь познания, постижения Аллаха, приближения к нему, путь избавления человека от всего, что мешает ему в правильном, искреннем поклонении всевышнему.

[2] Вирд, вирды – религиозные братства, суфийские ордена, широко распространенные на Северо-Восточном Кавказе, в частности в Ингушетии и Чечне.

[3] Зикристы – последователи кадирийского братства, вирда шейха Кунта-Хаджи в Ингушетии и Чечне.

Библиографический список

1. *Булатов А.О.* Суфизм на Северо-Восточном Кавказе. – М., 2006.

2. Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2001. – №4.

3. *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. – М., 2008.

4. *Ковалевский М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Вып. 1. – СПб., 1911.

5. *Лаудаев У.* Чеченское племя. Вып. 6. – Тифлис, 1872.

6. Полевые материалы автора. Результаты анкетирования показывают, что более 65% опрошенных воспринимают совет тейпов как одну из попыток внести раскол в обществе.

7. Полевые материалы автора, собранные в результате экспедиции в Ингушетию в августе 2011 года.

8. Полевые материалы автора: опрос и интервьюирование студентов Ингушского государственного университета.

9. Русско-ингушский словарь. – М., 1980.

10. *Христианович В.П.* Горная Ингушетия. – Ростов-на-Дону, 1928.

11. http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/007823.shtm.

УДК 947

Шипилов Александр Дмитриевич
кандидат исторических наук
Флейман Евгений Александрович
доктор исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
istclass@rambler.ru

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ (1885–1917): ОРГАНИЗАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ

Статья посвящена известному в российском научном мире конца XIX – начала XX века историко-краеведческому объединению. В центре внимания авторов – вопросы организации и развития Костромской губернской ученой архивной комиссии.

***Ключевые слова**: региональная история, архивное дело, общественное объединение.*

Во второй половине XIX века в широких кругах историков-профессионалов уже вполне определилось мнение, что без областной истории не может быть создана цельная история государства. Проблемы, стоявшие перед отечественной исторической наукой, требовали привлечения документов местного происхождения, отражавших повседневную жизнь страны. Стремление к познанию путей Отечества стимулировало изучение регионов. Возглавили эту работу губернские ученые архивные комиссии (ГУАК).

Костромская губернская ученая архивная комиссия (КГУАК) была пятой по счету комиссией в России после Орловской, Тамбовской, Тверской и Рязанской. Ее официальное открытие состоялось 6 июля 1885 г. Заседание открыл костромской губернатор В.В. Калачов, прочитавший циркулярное сообщение МВД об учреждении ГУАК и указавший на важное значение, какое представляет для истории и археологии Костромская губерния, богатая памятниками старины.

Затем к собравшимся обратился директор образованного в 1878 г. Санкт-Петербургского

 © Шипилов А.Д., Флейман Е.А., 2011

Археологического института Н.В. Калачов, отметив, что «открытие в 1884 г. в 4-х губерниях ученых архивных комиссий, уже принесших плоды для будущих работ в области отечественной истории и археологии, побуждает Археологический институт не останавливаться на этом удачном начале, идти далее по пути, указанному Академией наук». «Изучение своего прошлого, – продолжил он, – имеет важное значение всюду, где бы оно ни проявлялось, … в здешней губернии, костромской, оно имеет еще большее и, можно сказать, твердое основание… Учреждаемая здесь ученая архивная комиссия начнет, таким образом, работу, которая так нужна для истории края» [5, д. 27, л. 208].

Осенью 1885 г. Н.В. Калачов умер, поэтому его речь в первом заседании КГУАК комиссия в дальнейшем считала его завещанием ей. Председателем КГУАК был избран Д.Н. Трандафилов, правителем дел – В.Г. Пирогов. На этом же собрании были зачитаны три программных реферата. В реферате И.В. Миловидова конкретизировались задачи КГУАК: 1) разбор архивов местных присутственных учреждений; 2) разбор монастырских архивов; 3) исследование исторических памятников, находящихся в частных руках; 4) археологические раскопки городищ и курганов; 5) образование при комиссии музеев «доисторических древностей»; 6) привлечение к работе в комиссии в качестве членов или корреспондентов лиц, занимающихся педагогической деятельностью, из духовенства и «вообще любителей старины» [5, д. 27, л. 208]. В реферате Н.Н. Селифонтова содержалось предложение, чтобы КГУАК одновременно с разбором архивных дел, составлением описей и указателей, разысканием и описанием вещественных памятников старины «посвятила часть своей деятельности на подготовку тех материалов… которые несомненно потребуются для центральных ученых учреждений при издании и объяснении костромских историко-географических и статистических актов, а именно писцовых, дозорных и переписных книг…» [5, д. 27, л. 208].

В реферате Н.В. Покровского КГУАК ставилась задача всестороннего исследования памятников архитектуры, живописи и этнографии [5, д. 27, л. 209]. Н.В. Покровский подчеркнул неразрывную связь художественных памятников Костромы с памятниками Московской Руси XVI–XVII вв. [5, д. 27, л. 209].

Все эти программные заявления – И.В. Миловидова, Н.Н. Селифонтова и Н.В. Покровского – говорили не о чем ином, как о намерении КГУАК значительно расширить свои «прямые обязанности» дополнительным спектром историко-краеведческих исследований.

Первые шесть лет, 1885–1890 гг., КГУАК испытывала организационные трудности, несмотря на «непременное попечительство» местного губернатора В.В. Калачова – родного брата Н.В. Калачова. Комиссия состояла всего лишь из 12 членов, не имела председателя (Д.Н. Трандафилов вскоре после избрания покинул Кострому), своего постоянного помещения, ощущала острый недостаток денежных средств. Основной упор в эти годы был сделан на разбор дел «присутственных мест» и формирование собственного исторического архива. С этой целью членами КГУАК Н.И. Коробицыным, И.В. Миловидовым, В.Г. Пироговым, Н.Н. Прокшиным, М.Д. Рябинцевым, И.К. Херсонским и др. были просмотрены архивы губернского правления с 1746 по 1765 гг., канцелярии губернатора с 1798 по 1808 гг., бывшего приказа общественного призрения с 1784 по 1867 гг., строительной и дорожной комиссии с 1828 по 1866 гг. [1, с. 543], окружного и уездных судов с 1800 по 1810 гг., Ипатьевского и Макарьево-Унженского монастырей [7, с. 21]. В заседании КГУАК 5 июля 1895 г. отмечалось, что «разбор, приведение в известность, описание и извлечение исторического материала из этих документов составляет неотложную и существенную необходимость для более подробного исследования и ознакомления с историческим бытом Костромского края» [5, д. 35, л. 91]. Данный список учреждений говорит о том, что для работы членами КГУАК были выбраны наиболее интересные архивные фонды, документы которых могли представлять значительную для провинции научную ценность.

Было начато комплектование собственного архива КГУАК. Одним из первых поступлений были рукописи XVII–XVIII вв. из усадьбы Ермоловых [2, с. 559]. Комиссия установила контакты с архивами центральных учреждений России, в частности с Московским архивом министерства юстиции (МАМЮ), с целью комплектования своего архива копиями хранящихся там документов, относящихся к истории края [3, с. 738].

В 1886 г. через епархиальное правление КГУАК обратилось с воззванием во все округа Костром-

ской епархии, в котором просила сообщить ей о наличии в церквях рукописей и дел, имеющих историческую ценность, по возможности выслать их в ее распоряжение либо дать подробное их описание [5, д. 61, т. 1, л. 115]. В 1890 г. подобное воззвание было разослано через канцелярию губернатора уездным земским начальникам [15, с. 4]. Для руководства к воззванию была приложена разработанная Московским археологическим обществом «Записка для обозрения русских древностей». Более планомерная и результативная работа КГУАК началась с 1891 г. после избрания ее председателем Н.Н. Селифонтова. Комиссия получила постоянное помещение в Доме дворянского собрания, губернское земство назначило ей ежегодную субсидию в 500 рублей [5, д. 27, л. 22]. Для редактирования предполагаемых к изданию трудов, заключений по просмотренным архивным делам учреждений был создан особый совещательный орган – Совет комиссии в составе председателя КГУАК и 6 членов [5, д. 27, л. 26]. Н.Н. Селифонтовым была составлена «Программа желательной деятельности» КГУАК, которая состояла из следующих пунктов: 1) активизировать прием ценных дел, их разбор и описание «для вечного хранения в историческом архиве»; 2) составить указатели (именные, географические и предметные) к описям «старых дел»; 3) напечатать данные описи и указатели; 4) собрать слепки печатей, хранящихся в уездных казначействах; 5) «собрать в МАМЮ и в других губернских архивах справки о документах, касающихся Костромского края, со снятием списков с наиболее важных актов и документов»; 6) обратиться к частным лицам с призывом передать в КГУАК имеющиеся у них ценные в историческом отношении документы; 7) принять участие в археологических раскопках, производимых на территории губернии центральными научными учреждениями. По мере накопления материала Н.Н. Селифонтов предлагал: 1) составить историческую карту края; 2) издать список селений и урочищ на время проведения в губернии генерального межевания; 3) образовать исторический музей и библиотеку КГУАК; 4) регулярно устраивать заседания членов комиссии с чтением рефератов по сюжетам местной истории; 5) приступить к изданию очерков по истории края; 6) начать обмен изданий на издания других исторических обществ и учреждений [8, № 14].

На заседании Совета КГУАК 15 мая 1892 г. было официально объявлено об учреждении при комиссии архива, музея и библиотеки [5, д. 27, л. 49]. К 1892 г. число рукописей, собранных членами КГУАК, превысило 4 тысячи. В частности, были получены рукописи XVII–XVIII вв.: от А.И. Шишелова, владельца села Лосева – 440, от помещика Ерлыкова – 1183, от Д.П. Дементьева, ветлужского крестьянина-краеведа, – 288, от члена КГУАК И.Д. Преображенского – 535 и т. д. Число членов КГУАК увеличилось в 1892 г. до 72 человек, бюджет возрос до 1495 рублей [5, д. 27, л. 78].

К 1895 г. КГУАК достигла уже значительных результатов как в области архивной и историко-краеведческой, так и издательской деятельности.

С 1891 по 1895 гг. состоялось 10 общих собраний комиссии, на каждом из которых зачитывалось, а затем публиковалось в местной печати не менее 2-х исторических рефератов, Совет КГУАК собирался 15 раз. Н.М. Бекаревичем и И.Д. Преображенским было исследовано более 400 курганных могил в различных волостях Костромского уезда [5, д. 27, л. 210]. Членами комиссии было просмотрено по описям и подлинникам более 15 тыс. дел местных губернских и уездных учреждений. В результате заметно пополнился архив КГУАК, число дел XVI–XIX вв. которого достигло 7 тыс.: 1030 из них поступило в 1892 г., 427 – в 1893 г., 835 – в 1894 г., более тысячи – в 1895 г. Следует отметить, что большая часть этих поступлений имела частное происхождение и была получена из дворянских усадеб. В библиотеке значилось до 800 томов книг, музей располагал 400 предметами старины; кроме того, имелась нумизматическая коллекция в 2 тыс. монет [5, д. 27, л. 210]. Бюджет комиссии составил в 1895 г. 2409 руб., число действительных членов увеличилось до 117 человек. Активизация деятельности КГУАК была подробно проанализирована и положительно оценена в ежегодном обзоре работы ГУАК России директора Археологического института [15, с. 7–14]. Все это, безусловно, являлось заслугой нового председателя КГУАК – Н.Н. Селифонтова.

Плодотворная деятельность КГУАК продолжалась и в последующее десятилетие. Значительно пополнился ее исторический архив: к 1901 г. число дел достигло 30 тыс. Наиболее ценным поступлением следует считать архив бывшей Большесольской посадской избы и ратуши (более 5 тыс. дел), о котором в заседании комиссии 16 сентября 1897 г. было сказано следующее: «Приобретение это чрезвычайно важно в научном отношении: если бы за 12 лет своего суще-

ствования ГУАК ничего существенного не сделала для истории края, то одно только спасение от гибели этого архива оправдало бы ее основание» [5, д. 27, л. 231]. Большесольский архив состоял преимущественно из документов начала XVII – середины XVIII в.: отписок воевод, стольников и дьяков, челобитных, наказных памятей, указов приказа Большого Дворца и др.

Постоянно росло число действительных членов КГУАК: в 1896 г. их было 121 человек, в 1897 г. – 135, в 1898 г. – 152, в 1899 г. – 185, в 1900 г. – 194, в 1901 г. – 224, в 1902 г. – 257, в 1903 г. – 257, в 1904 г. – 301. Стремление ГУАК России к постоянному расширению своего состава объяснялось, по мнению М.В. Бржостовской, достаточно просто: «привлечь новых сотрудников для участия в работе комиссий, укрепить связи с местной администрацией, привлечь материальные средства в виде пожертвований и членских взносов, наконец, просто «возбудить в местном обществе внимание и сочувствие к деятельности комиссии» [4, с. 105, 114]. В составе комиссии были представлены все слои тогдашнего провинциального общества: помещики (не состоявшие на государственной службе), чиновники, земские начальники, становые приставы, чины полиции, лица духовного звания, служащие по выборам в земских и городских учреждениях, преподаватели учебных заведений, врачи, инженеры, юристы, купцы, фабриканты, сотрудники местной прессы и т.д. Крупнейший в России знаток архивного дела Д.Я. Самоквасов, анализируя списки членов ГУАК, напечатанные в приложениях к их отчетам, выразился довольно едко по поводу их научного и образовательного уровня: «…Мы находим, что большинство их членов состоит из бывших семинаристов и гимназистов, из учителей народных школ, офицеров, помещиков, купцов, мещан, книгопродавцев, торговцев древностями и низших чиновников местных учреждений без университетского образования» [12, с. 25]. Понятно, что среди членов КГУАК было много фиктивных, только числившихся в списках. Их попадание в списки членов объяснялось случайным посещением 2–3 заседаний комиссии либо пожертвованием в музей или архив каких-либо документов, книг, монет и т.п. Эти люди не оказывали никакого влияния на работу КГУАК. Другую, достаточно многочисленную, группу членов комиссии составляла губернская аристократия: вице-губернатор Г.Г. Извеков, губернский предводитель дворянства Н.Ф. Нелидов, председатель губернской земской управы П.В. Исаков, епископ Костромской и Галичский Виссарион, епископ Кинешемский викарий Костромской Вениамин и др. От них ожидали помощи в решении вопросов о предоставлении помещений, денежных субсидий, допуске в ведомственные архивы, организации инспекционных поездок по губернии и т.д. Кроме того, их вхождение в КГУАК значительно повышало ее общественный статус. Богатые промышленники, купцы и помещики – владельцы крупных костромских, кинешемских и нерехтских льнопрядильных и бумаготкацких фабрик Брюхановы, Горбуновы, Зотовы, винокуренных заводов Третьяковы и др. – привлекались в комиссию, прежде всего, в расчете на пожертвования. Научный вес в местном обществе и столичных кругах придавала КГУАК группа почетных членов, среди которых в разные годы были известные российские историки И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, С.Ф. Платонов, Н.В. Покровский, А.И. Соболевский, М.И. Семевский и др.

Одним из наиболее сложных вопросов в деятельности всех ГУАК России, в том числе и Костромской, являлся денежный вопрос. Основным источником существования ГУАК являлись пособия от земств и городских управ. Следующий источник доходов – пожертвования частных лиц; в бюджете КГУАК он играл значительную роль.

В 1892 г. эти пожертвования составили 447 руб., в 1896 г. – 1100 руб., в 1898 г. – 1505 руб., в 1905 г.– 1500 руб., в 1907 г. – 1221 руб. [10, с. 18, 29]. И, наконец, некоторый доход давали КГУАК продажа изданий комиссии и членские взносы. Это был самый незначительный источник доходов. В 1905 и 1907 гг. он составил, к примеру, соответственно, 17 руб. и 12 руб. 50 коп.

Любопытный анализ финансового положения ГУАК России, в том числе и Костромской, был сделан В.И. Снежневским. Приводя примеры размеров годовых бюджетов отдельных комиссий, он отметил, что складывались они в основном из субсидий земств (в Ярославле, Твери и Нижнем Новгороде эти субсидии составляли 65–90% годового бюджета, в Костроме – 34–44%) и частных пожертвований (в Тамбове, Рязани и Костроме от 35 до 54% годового бюджета) [14, с. 4–5]. Свои скудные средства ГУАК расходовали следующим образом: 1) жалование служащим отнимало в бюджете Костромской, Тверской и Ярославской комиссий от 34 до 54% средств; 2) на оплату за

разбор дел в Костроме, Симбирске и Оренбурге уходило от 2 до 7% средств; 3) типографские расходы «съедали» в бюджете Тверской ГУАК 40,2% средств, Рязанской – 23,1% , Нижегородской – 17%, Владимирской – 14,6%, Ярославской – 17,5%; 4) на издательскую деятельность уходило в год во Владимире более 500 руб., в Рязани более 450 руб., в Саратове и Твери около 300 руб., Нижнем Новгороде и Костроме до 250 руб., 5) немало средств уходило на археологические изыскания – в Рязани до 16%, в Костроме до 12% бюджета; 6) на приобретение мебели и отопление расходовалось в Ярославле 16%, в Костроме около 10%, в Твери 7% средств; 7) на канцелярские расходы уходило в Костроме, Рязани и Ярославле от 6 до 7% средств [14, с. 6–7].

КГУАК установила и поддерживала тесные контакты со многими научными учреждениями России: Академией наук, Петербургскими Археологическим институтом и Археологической комиссией, Русским историческим обществом, Обществом истории и древностей российских (ОИДР), Русским географическим обществом, Обществом любителей древней письменности, большинством ГУАК России, МАМЮ, Московским главным архивом Министерства иностранных дел (МГАМИД), Московским археологическим обществом и др. Члены КГУАК В.А. Андроников, И.В. Миловидов, Н.М. Бекаревич, А.П. Поливанов принимали участие и выступали с докладами на всероссийских Археологических съездах: 7-м съезде в Ярославле в 1887 г., 10-м – в Риге в 1896 г., 11-м – в Киеве в 1899 г., 12-м – в Харькове в 1902 г., 13-м – в Екатеринославле в 1905 г., 14-м – в Чернигове в 1908 г., 15-м – в Новгороде в 1911 г.

В самом конце XIX в. ГУАК России, в том числе и КГУАК, оказалась вовлеченной в широкую научную дискуссию о состоянии архивного дела в стране и перспективах его модернизации. Предыстория этой дискуссии была такова. После смерти Н.В. Калачова в 1885 г. уничтожение документов в ведомственных архивах России возобновилось во всё возрастающих размерах. Это не могло не беспокоить научную общественность. В 1898 г. Московское Археологическое общество поручило Д.Я. Самоквасову, в то время управляющему МАМЮ, проанализировать состояние и деятельность центральных и провинциальных архивов и подготовить проект реформы архивного дела в России. Для изучения зарубежного опыта Самоквасова командировали за границу. В ходе этой командировки он детально познакомился с состоянием архивного дела в Германии, Франции, Бельгии и других странах. Результаты своих наблюдений, а также предложения по проведению архивной реформы в России Самоквасов опубликовал в ряде работ. Среди них особо выделялась работа «Архивное дело в России». В ней содержалась крайне негативная оценка деятельности ГУАК и Археологического института. Д.Я. Самоквасов писал, что Н.В. Калачов, основывая ГУАК, считал их учреждениями временными до создания в России специальной архивной службы. Однако ГУАК существуют уже около 20 лет и дают право «канцеляриям правительственных учреждений отправлять на бумажные фабрики миллионы архивных дел» [12, с. 15]. На конкретных примерах, взятых из отчетов ГУАК, в том числе и Костромской, Самоквасов доказывал, что эти комиссии своей деятельностью разрушают архивные фонды важнейших учреждений систем Министерств финансов, внутренних дел, юстиции, управления государственным имуществом, народного образования. Самоквасов считал, что «единственным рациональным средством преобразования губернских архивных комиссий является превращение их в местные ученые общества, подобные обществам западноевропейских государств, имеющим своею задачею только издание и разработку архивных материалов и других памятников местной старины…» [12, с. 22–49].

Д.Я. Самоквасов внес на рассмотрение 11-го Археологического съезда в Киеве (1899 г.) проект архивной реформы, который уже получил одобрение со стороны московской исторической общественности. Проект заключался в следующем: 1) для управления архивами государственных и общественных учреждений создается центральный орган; 2) делопроизводство высших и центральных государственных и общественных учреждений до 1800 г. концентрируется в МАМЮ; 3) в центральных городах учебных округов учреждаются областные архивы, которые хранят документы местных правительственных и общественных учреждений, до 1800 г. ГУАК вливаются в областные архивы.

11-й Археологический съезд принял компромиссное решение и предложил создать следующую систему архивов: 1) дела высших и центральных учреждений по 1825 г. передавались в единый центральный государственный архив; 2) в 12 крупных губернских городах создавались

областные архивы, для которых следовало построить здания. В этих архивах должны были храниться документы до 1775 г.; 3) в губернских центрах следовало создать губернские архивы, в которые поступали бы дела от 1775 г. до документов 25-летней давности; 4) ГУАК сохраняли самостоятельное значение.

Выступая на 12-м Археологическом съезде в 1902 г., Д.Я. Самоквасов отказался от идеи создания областных архивов и предложил создать 90 губернских архивов, которые можно было открывать в целях экономии средств постепенно, по 3–5 в год [13, с. 16–19]. Проекты Д.Я. Самоквасова не были реализованы. В правительстве посчитали, что их осуществление потребует много времени и больших затрат.

КГУАК, несмотря на наличие многих прогрессивных сторон данных проектов, подвергла их резкой критике. Костромская комиссия считала, что задачи ГУАК России «с их раскопками, музеями, археографией и архивоведением, их коллекциями древних актов XVI–XVII вв., с их изданиями значительно обширнее задач чисто архивных комитетов» [5, д. 56а, л. 348].

К концу XIX в. КГУАК добилась известного благополучия в области своих финансовых возможностей. Увеличилась до 1 тыс. руб. субсидия губернского земства [5, д. 27а, л. 281]. Бюджет комиссии составил в 1898 г. 5640 руб. В ежегодном обзоре о деятельности ГУАК России Археологического института Костромская комиссия, наряду с Рязанской, была названа одной из самых богатых» [6, с. 9]. В 1902 г. число дел в историческом архиве КГУАК превысило 50 тыс. [17, д. 91, л. 88]. Около 8 тыс. из них составляли дела частного происхождения, поступившие из фамильных архивов костромских помещиков. «Ни одна комиссия, – отмечал В.И. Снежневский, – не обладает таким богатым собранием частных архивов» [14, с. 9]. Значительно пополнилась библиотека: 1700 книг поступило от Н.П. Граматина, более 1200 – от Н.Н. Селифонтова по его завещанию. Продолжался просмотр членами комиссии дел и описей местных учреждений: казенной палаты, окружного суда, уездных полицейских управлений, контрольной палаты, управления государственными имуществами и др. Н.М. Бекаревичем были произведены обширные археологические раскопки в Варнавинском и Ветлужском уездах [5, д. 48, л. 652].

В 1905 г. КГУАК выработала «Правила, определяющие внутренний распорядок деятельности комиссии». Согласно этим «Правилам», заведование делами комиссии возлагалось на общее собрание. КГУАК первой из всех комиссий России попыталась более четко определить свои права и обязанности и регламентировать свое внутреннее устройство, что было положительно встречено в столичных научных кругах [9, с. 119].

Огромное влияние на деятельность КГУАК оказали события первой русской революции 1905–1907 гг. Это признавалось и в официальных отчетах КГУАК в этот период. [5, д. 48, л. 64–65].

1905–1907 гг. явились переломными в жизни КГУАК: с этого периода фактически начинается упадок ее деятельности.

В 1908 г. представитель КГУАК Н.Н. Виноградов принял участие в проводимом Петербургским Археологическим институтом 17–18 апреля I Всероссийском совещании ГУАК [5, д. 46, л. 12]. Главным вопросом совещания была выработка «Проекта положения о губернских ученых архивно-археологических комиссиях». Задачами комиссий, согласно Проекту, должны были стать организация архивов и охрана документальных материалов, как государственных, так и частных и общественных, охрана и исследование памятников старины, образование историко-археологических музеев и библиотек, а также издание своих трудов. С целью пропаганды краеведения комиссии могли устраивать научные экскурсии, областные историко-археологические съезды и выставки, лекции и курсы. Финансовой базой комиссий должны были быть правительственные субсидии, пособия земств, городов, членские взносы и частные пожертвования. Тем самым юридически оформлялось сложившееся практически положение ГУАК как местных научно-исторических обществ. Вопрос об утверждении Проекта и денежной помощи ГУАК был рассмотрен 1 апреля 1909 г. во II сессии III-й Государственной Думы и решен положительно. По докладу А.Д. Протопопова было принято решение внести проект в Государственный Совет. 7 июня 1909 г. законопроект был утвержден Николаем II, в нем говорилось: «Отпустить из средств государственного казначейства в 1909 г. 5200 руб. на выдачу пособий ГУАК, а начиная с 1910 г., означенные пособия определять в сметном порядке» [11, д. 108, л. 56а].

В начале XX века в России действовало 37 архивных комиссий. По оценке Петербургского Археологического института, включающей в себя

общие результаты архивной, археологической, музейной и издательской деятельности, Костромская архивная комиссия входила в десятку лучших комиссий вместе с Владимирской, Калужской, Нижегородской, Оренбургской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Черниговской и Ярославской. Итоги всех видов деятельности Костромской комиссии превратили ее фактически в местное научно-историческое объединение и знаменовали собой особый и самостоятельный период в развитии исторических знаний в Костромской губернии.

Библиографический список

1. *Андреевский И.Е.* Ученые архивные комиссии в 1866 г. Обзор их деятельности // Русская старина. – 1887. – Т. 56. – Кн. XI.

2. *Андреевский И.Е.* ГУАК в 1889 г. // Русская старина. – 1890. – Т. LXVIII. – Кн. XI.

3. *Андреевский И.Е.* Ученые архивные комиссии в 1887 г. Обзор их деятельности // Русская старина. – 1888. – Т. LXIX. – Кн. XII.

4. *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884–1917 гг.). – М., 1951.

5. ГАКО (Государственный архив Костромской области), ф. 179, оп. 2.

6. *Довнар-Запольский М.В.* Обзор деятельности ученых губернских архивных комиссий. 1896–1898 гг. – М., 1902.

7. *Иконников В.С.* Губернские ученые архивные комиссии // В.С. Иконников. 1884–1890. – Киев, 1892.

8. Костромские губернские ведомости. – 1891. – № 14.

9. *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад о деятельности некоторых ГУАК по их отчетам за 1903–1907 гг. // Известия Императорской Академии наук. – СПб., 1908.

10. Отчет о деятельности КГУАК за 1905 год. – Кострома, 1906.; Отчет о деятельности КГУАК за 1907 год. – Кострома, 1908.

11. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 746, оп. 1.

12. *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1: Современное русское архивное нестроение. – М., 1902.

13. *Самоквасов Д.Я.* Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. – М., 1902.

14. *Снежневский В.И.* ГУАК и архивное дело в них. – М., 1902.

15. *Труворов А.Н.* Обзор деятельности ГУАК за 1890 г. – СПб., 1891.

16. *Труворов А.Н.* Обзор деятельности ГУАК за 1892–1893 гг.– СПб., 1895.

17. ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга), ф. 119, оп. 1.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.766

Колосова Татьяна Александровна
кандидат психологических наук
Институт специальной педагогики и психологии (г. Санкт-Петербург)
mama_t@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

В статье рассмотрены представления об адаптационных возможностях умственно отсталых подростков и представлены результаты исследования особенностей механизмов психологической защиты у подростков с легкой степенью умственной отсталости. Показано, что преимущественное использование механизмов защиты по типу отрицания и регрессии снижает адаптационный потенциал умственно отсталых подростков.

Ключевые слова: *адаптационный потенциал, умственно отсталые подростки, механизмы психологической защиты.*

В последнее время в психологической науке возрос интерес к проблеме адаптации ребенка к социуму. Одним из направлений социально-психологической адаптации является школьная адаптация, так как именно в школьные годы происходит формирование личности ребенка, в школе ребенок учится преодолевать трудности. Иногда ученику становится невозможным найти «свое место» в пространстве обучения, место, на котором он сможет оставаться самим собой, развивать свои потенциальные возможности, самореализоваться. В таком случае речь идет о школьной дезадаптации. Термин «школьная дезадаптация» определяет любые затруднения, возникающие у ребенка в процессе школьного обучения. Адаптационный потенциал умственно отсталых детей по отношению к нормально развивающимся детям снижен. Дети с умственной отсталостью отличаются не только особенностями познавательной деятельности, но и характером и содержанием психологических проблем, особенностями процессов психической адаптации. Различным бывает и характер эмоциональности. Эмоции умственно отсталого ребенка отличаются недостаточной дифференцированностью, неустойчивостью; эмоции часто поверхностны, могут быть неадекватны ситуации [2, с. 89].

При умственной отсталости психическая адаптация чаще носит незавершенный характер, и новый жизненный опыт формируется с трудом. Ломка прежних стереотипов поведения может приводить к образованию неадаптивных стереотипов, так что грань между адаптацией и дезадаптацией у таких детей обнаружить сложно. Жизненный путь ребенка или подростка с умственной отсталостью выглядит как сплошная цепь адаптации и дезадаптации при помощи весьма ограниченных психологических защит, сформировавшихся в жесткой зависимости от окружающей социальной, чаще семейной, ситуации.

При возникновении негативных, психотравмирующих ситуаций, когда появляется необходимость справиться с эмоциональным напряжением, у человека «включаются» как осознаваемые, так и бессознательные механизмы психологической защиты, позволяющие сбалансировать внутреннее состояние человека и стабилизировать его поведение.

Цель исследования состояла в изучении взаимосвязи проявления бессознательных защитных механизмов с уровнем школьной адаптации умственно отсталых подростков.

В исследовании приняло участие 70 подростков с легкой степенью умственной отсталости. Для проведения экспериментально-психологического исследования были использованы следующие методики: Карта наблюдений Стотта, проективные методики «Человек под дождем» и «Тест детской апперцепции».

Обратимся к результатам исследования.

В изученных группах умственно отсталые подростки используют восемь защитных механизмов, однако выявлена разная частота их распределения.

По частоте использования эти виды распределились по мере убывания следующим образом в группе адаптированных подростков: про-

© Колосова Т.А., 2011

екция, отрицание, компенсация, вытеснение, реактивное образование, регрессия, рационализация, замещение.

В группе неадаптированных подростков: проекция, отрицание, регрессия, вытеснение, реактивное образование, рационализация, компенсация, замещение.

В качестве доминирующих механизмов психологической защиты у подростков с умственной отсталостью независимо от степени адаптации выступает проекция и отрицание. Замещение в обеих группах стоит на последнем месте. Различие между подростками экспериментальных групп состоит в использовании таких защит, как регрессия и компенсация. Механизм регрессии чаще встречается в группе подростков с низким уровнем адаптации, а компенсация – в группе подростков со средним уровнем адаптации.

Рассмотрим статистически значимые различия между частотой встречаемости психологических защит в исследуемых выборках, которые были получены в результате сравнения средних значений с помощью критерия t-Стъюдента.

Механизм защиты по типу проекции чаще встречается в группе подростков со средним уровнем адаптации (рис. 1).

Механизм защиты по типу отрицания чаще обнаруживается в группе подростков со средним уровнем адаптации (рис. 2), что подтверждено статистически ($p < 0,05$).

Несмотря на лидирующее положение данных механизмов психологической защиты в обеих экспериментальных группах, среди адаптированных умственно отсталых подростков проекция и отрицание встречаются в большей степени.

Выявлены достоверные взаимосвязи проекции и отрицания в изученных группах (рис. 3, 4).

Корреляционных взаимосвязей проекции в группе неадаптированных умственно отсталых подростков обнаружено не было.

Как показано на рисунке 4, в защитных процессах у адаптированных подростков с умственной отсталостью участвует сразу несколько защитных механизмов. Использование отрицания и проекции обусловлено различными причинами, общим является обнаружения данных механизмов в большей степени у девочек, чем у мальчиков. Отрицание характерно для подростков, отличающихся эмоциональной нестабильностью. Отрицание – это стремление избежать новой информации, не совместимой со сложившимся представлением о себе [1, с. 47–51]. Под влиянием отрицания подросток старается не думать о неприятных вещах и событиях, в этом случае сознательное применение стратегий смены деятельности и погружения в воображаемый мир являются в какой-то степени следствием бессознательного влияния отрицания. Проекция связана с переносом своих нежелательных черт на другой объект. В группе адаптированных подрост-

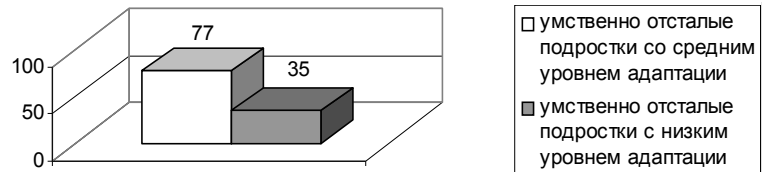


Рис. 1. Средние значения проекции в группе умственно отсталых подростков со средним и низким уровнем адаптации

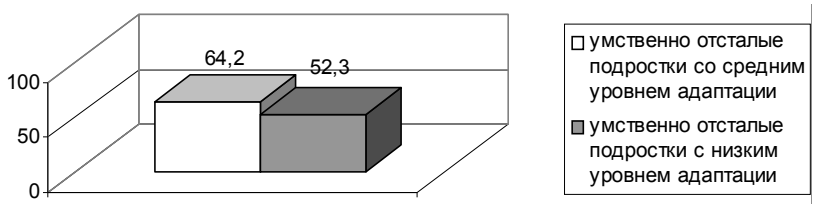


Рис. 2. Средние значения отрицания в группе умственно отсталых подростков со средним и низким уровнем адаптации

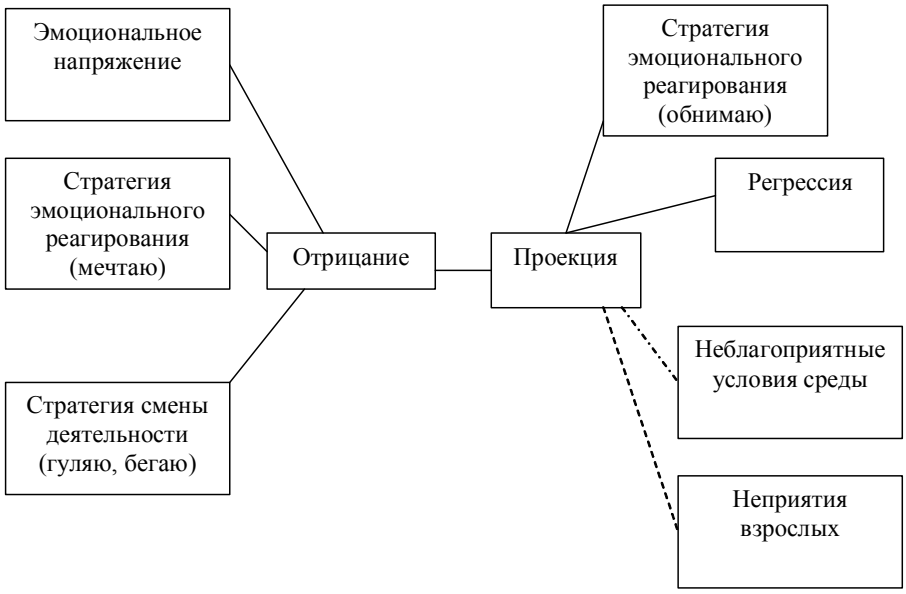


Рис. 3. Статистически достоверные взаимосвязи показателей проекции и отрицания в группе подростков со средним уровнем адаптации

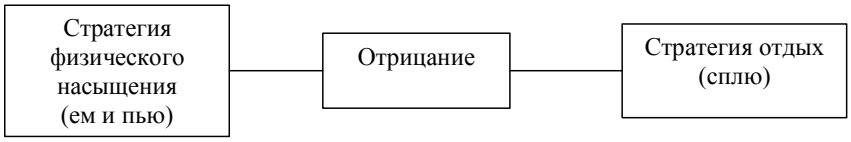


Рис. 4. Статистически достоверные взаимосвязи показателя отрицания в группе подростков с низким уровнем адаптации

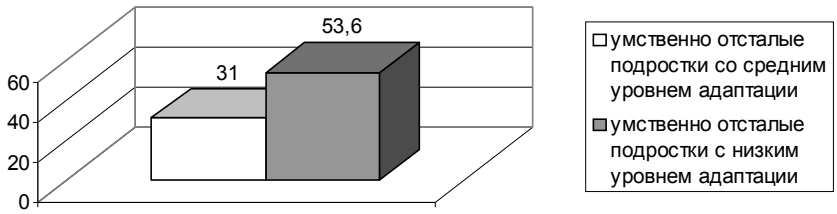


Рис. 5. Средние значения регрессии в группе умственно отсталых подростков со средним и низким уровнем адаптации

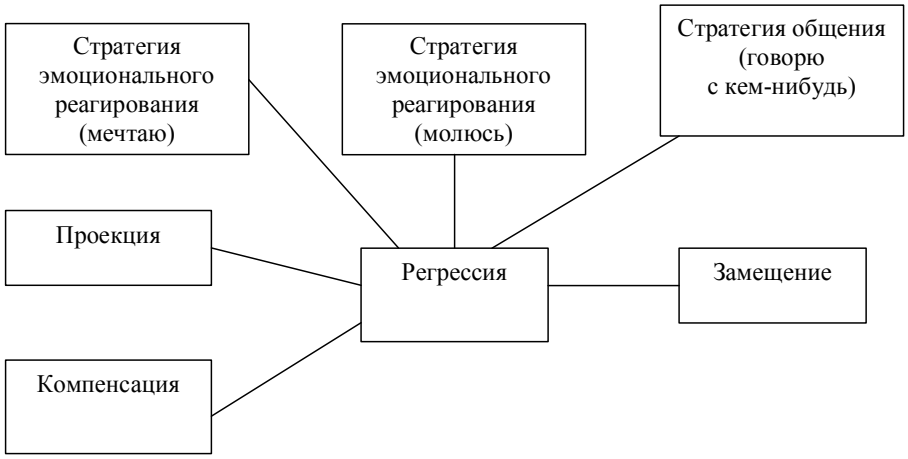


Рис. 6. Статистически достоверные взаимосвязи показателя регрессии в группе подростков со средним уровнем адаптации

ков проекция выступает вместе с регрессией. Это можно объяснить тем, что оба механизма позволяют «перекинуть» какие-то свои проблемы и ошибки на другого человека и, как маленький ребенок, сказать самому себе: «Это не я!» В силу личностной незрелости подобное поведение весьма характерно для умственно отсталых подростков. Стратегия эмоционального отреагирования, заключающаяся в поиске поддержки, тепла, ласки, оказывается как нельзя кстати для таких подростков. Таким поведением они ищут понимания, сочувствия и защиты у близких людей, а если это нельзя получить от близких, то объектом может стать домашнее животное или даже игрушка.

Механизм отрицания в группе неадаптированных подростков связан с применением стратегий физического отдыха и насыщения. Вероятно, ситуации стресса оказывают сильное влияние на организм, и, пытаясь уйти от проблемы, умственно отсталые подростки испытывают потребность восстановления физических сил. Здесь подходит выражение «заесть горе».

Механизм защиты по типу регрессии чаще обнаруживается в группе подростков с низким уровнем адаптации (рис. 5), что подтверждено статистически ($p < 0,05$).

Обнаружены достоверные корреляционные взаимосвязи регрессии в изученных группах (рис. 6, 7).

Анализируя результаты корреляционного анализа, можно заметить, что механизм регрессии действует не отдельно, а вместе с другими психологическими защитами. Регрессия – это защита за счет возвращения чувств и действий к той стадии психического развития личности, в которой эти действия были успешными, а чувства переживались как удовольствия. У подростков с умственной отсталостью механизм регрессии включается, когда подростки не в силах справиться с ситуацией «взрослыми» способами. У неадаптированных подростков данный механизм защиты обнаружен у подростков, дезадаптированных по

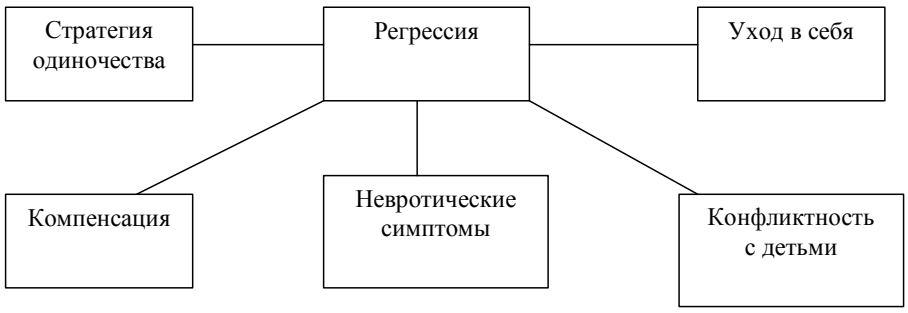


Рис. 7. Статистически достоверные взаимосвязи показателя регрессии в группе подростков с низким уровнем адаптации.

синдромам ухода в себя и конфликтности с детьми. Как указывалось выше, для подростков, дезадаптированных по синдрому ухода в себя, характерными особенностями личности являются пассивность и безынициативность. Такие подростки не стремятся разрешить проблемную ситуацию, гораздо проще уйти от проблемы и связанной с ней ответственностью. Механизм регрессии «переносит» такого подростка на низшую ступень, обеспечивая примитивные формы поведения. Конфликтующие со сверстниками подростки в ситуации разбора драки или какой-либо конфликтной ситуации сваливают вину на соперника, не желая признавать своей вины в содеянном. Подобное поведение в большей степени характерно для младших школьников, а не для подростков 12–14 лет.

Результаты исследования, проведенного среди подростков с умственной отсталостью, позволяют сделать следующие выводы:

– особенности совладающего поведения и механизмов психологической защиты взаимосвязаны с уровнем социально-психологической адаптации подростков с умственной отсталостью;

– как количественное, так и качественное отличие репертуара копинг-стратегий взаимосвязано со степенью адаптации подростков с умственной отсталостью;

– успешная адаптация умственно отсталых подростков связана с использованием стратегий разрешения ситуации, а также эмоционального реагирования, таких как расслабление, воображение, стратегий смены деятельности и общения;

– особенностями совладающего поведения неадаптированных подростков является использование преимущественно деструктивных стратегий, в том числе вербальной и физической агрессии;

– в защитных процессах умственно отсталых подростков участвует сразу несколько механизмов независимо от степени адаптации;

– наиболее часто встречаемые психологические защиты, такие как регрессия и отрицание, понижают адаптивные возможности подростков с умственной отсталостью и свидетельствуют о личностной незрелости.

Библиографический список

1. *Грановская Р.М.* Актуальные исследования психологической защиты // Вестник балтийской академии. – СПб., 1998. – Вып. 18. – С. 47–51.

2. *Коновалова Н.Л.* Диагностика адаптационного потенциала личности при психологическом консультировании школьников: Учебно-методическое пособие для студентов психологического факультета. – СПб., 2001.

УДК 378

Самохвалова Анна Геннадьевна
кандидат педагогических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
samohvalova@kmtn.ru

ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСКОГО ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ: ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрен феномен детского затрудненного общения; отражены основные причины и типология коммуникативных трудностей ребенка; выявлены обобщенные психологические характеристики затрудненного общения детей различных возрастных групп – старших дошкольников, младших школьников и подростков.

Ключевые слова: *затрудненное общение, субъект, коммуникативный арсенал, коммуникативные трудности.*

Опрос, проводимый среди студентов гуманитарных вузов, показал, что 83% респондентов, испытывающих разнообразные затруднения в коммуникативной деятельности (трудности установления контакта, взаимопонимания, ведения беседы, перестройки коммуникативной программы, самоанализа и т.д.), отмечали, что впервые эти трудности проявились и осознались в детстве, начиная с дошкольного возраста. Следовательно, можно предположить, что механизмы затрудненного общения начинают формироваться в раннем возрасте. Однако в современной социально-психологической теории проблема затрудненного общения отражена лишь в контексте межличностного взаимодействия взрослого человека. Онтогенетический же аспект, отражающий этапы и механизмы возникновения и актуализации коммуникативных

© Самохвалова А.Г., 2011

трудностей субъекта общения на ранних этапах развития, в науке не рассмотрен. Именно поэтому мы предприняли попытку выявления специфических характеристик затрудненного общения ребенка в дошкольном, младшем школьном и подростковом возрасте.

Многочисленные данные отечественных психологов (Е.В. Цукановой, А.А. Бодалева, Г.А. Ковалева, В.Н. Куницыной, В.А. Лабунской, Ю.А. Менджерицкой и др.) подтверждают существование специфического по своему психологическому содержанию феномена *затрудненного общения*. В исследованиях подчеркивается, что под затрудненным общением понимается широкий спектр явлений, который можно свести к ненадлежащему, расстроенному, нарушенному, неблагополучному, дискомфортному, неэффективному общению.

Затрудненное общение определяется, как правило, на основе соотнесения наличного общения с его оптимальной моделью. Представления об оптимальной модели общения (незатрудненного) напоминают перечень требований к качествам личности субъекта общения, к его умениям и навыкам. Несоответствие заданным параметрам оптимального общения рассматривается как показатель затрудненного общения [4]. В.Н. Куницына подчеркивает, что феномен затрудненного общения – это, прежде всего, явление, представленное в сознании и переживании партнеров [6, с. 47]. В данном случае рассматривается *субъективная составляющая затрудненного общения*.

Вместе с этим способом интерпретации общения как затрудненного используется оценка выраженности затруднений в зависимости от их воздействия на результаты общения. На основании данного критерия определяются ситуации затрудненного общения: от легких трений, сбоев в общении детей, не мешающих его продолжению, до того уровня конфликта, который приводит к полному разрыву между партнерами [3]. *Объективную составляющую затрудненного общения* охарактеризовали А.А. Бодалев и Г.А. Ковалев, подчеркивая, что следствием субъективных трудностей является объективная картина нарушений общения – недостижение цели, неудовлетворение мотива, неполучение желаемого результата и т.д. [2].

Кроме того, затрудненное общение детерминировано, как подчеркивает Л.А. Петровская, *особенностями психологической природы человека и человеческих отношений* [7]. Б.Г. Ананьев отмечал: «Социальный генезис характерологических свойств, включая и эгоцентрические, аутистические и антисоциальные черты личности, оставался закрытой книгой до тех пор, пока исследование процесса формирования отношений личности не было совмещено с изучением взаимоотношений между людьми (начиная с раннего детства) в той или иной структуре социальной группы» [1, с. 260].

Социально-психологические детерминанты затрудненного общения исследовались различными авторами. Основными детерминантами ученые называют уровень коммуникативной компетентности (Г.А. Ковалев, В.А. Кан-Калик, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская, И.В. Лабутова, В.И. Кашницкий); вид направленности, ориентации, установки личности на себя и других (А.Б. Орлов, В.Л. Навицкас, Т.А. Аржакаева, Т.И. Пашукова, С.В. Зайцев); тип субъективного контроля, мера ответственности (Т.Н. Щербакова, С.В. Кривцова, Е.К. Мухаматулина, Н.В. Чудова); социально-перцептивные образования – представления о другом как о трудном партнере общения (А.А. Бодалев, Е.В. Цуканова, В.А. Лабунская, М.Т. Ногерова); фрустрация фундаментальных потребностей в присоединении (inclusion), в контроле и влиянии (control), в открытости и эмоциональной вовлеченности (openness) (В. Шутц); акцентуации характера (Е. А. Личко).

Кроме того, причинами затрудненного общения ученые называют одиночество, препятствующее установлению интимно-личностных отношений, доверительного общения (Е.Е. Рогова); застенчивость (Л.В. Краснова), отчужденность, интровертированность, аутистичность, чрезмерную сензитивность (В. Н. Куницина); неспособность к эмпатии (Л.И. Рюмшина); личностные особенности, затрудняющие самореализацию в коммуникативной сфере (И.В. Боева).

Синтезируя различные теоретические подходы, затрудненное общение мы рассматриваем в нескольких плоскостях:

– в качестве *социально-психологического феномена*, проявляющегося только в ситуации взаимодействия, социального общения детей;

– как явление *объективное*, представленное в несоответствии цели и результата, выбранной ребенком модели общения и реально протекающего процесса;

– как явление *субъективное,* заявляющее о себе в различного рода переживаниях ребенка, в основе которых могут быть неудовлетворенные потребности, мотивационный, когнитивный, эмоциональный диссонансы, внутриличностные конфликты и т.д.

Любая ситуация затрудненного общения – это ситуация, в которой один или оба партнера являются *субъектами затрудненного общения*, один или оба партнера с разной степенью осознанности и направленности мешают удовлетворению потребностей другого, ставят преграды на пути достижения целей общения. В результате этого один или оба партнера испытывают острые эмоциональные переживания, демонстрируют несогласованность действий, проявляют коммуникативную неадекватность.

Причиной затрудненного общения нам видится несовершенство *коммуникативного арсенала субъекта* – индивидуально-своеобразного комплекса коммуникативных качеств ребенка (внутриличностных и социально-психологических), характеризующих его актуальные возможности в осуществлении коммуникативной составляющей различных видов деятельности (игровой, трудовой, продуктивной, учебной). Коммуникативный арсенал рассматривается как многоуровневая система, включающая в себя *базовый уровень*, характеризующий мотивационно-ценностный аспект общения; *содержательный уровень* – включающий когнитивные процессы коммуникации; *инструментальный уровень* – обеспечивающий практическое выполнение коммуникативных действий; *рефлексивный уровень* – отражающий особенности самовосприятия и самоанализа в общении.

Типология коммуникативных трудностей ребенка была создана нами с учетом уровневой структуры коммуникативного арсенала субъекта общения [8]. К *базовым коммуникативным трудностям* ребенка можно отнести трудности вступления в контакт, трудности в эмпатии, трудности, связанные с детским эгоцентризмом, с отсутствием положительной установки на другого

Таблица 1

Значимые различия коммуникативного арсенала детей (критерий Крускал-Уоллиса), n = 40 чел.

Показатели	Сумма рангов			Критерий Kruskal-Wallis	Уровень значимости
	Старшие дошкольники	Младшие школьники	Подростки		
Коммуникативные трудности					
Базовые	38,43	70,60	**72,48**	25,163	0,002
Содержательные	73,35	**74,45**	33,70	36,891	0,001
Операциональные	**83,49**	47,93	50,09	27,441	0,002
Рефлексивные	56,81	48,14	**76,55**	14,358	0,003
Базовые коммуникативные качества личности					
Агрессивность	40,53	60,00	**80,98**	27,427	0,002
Тревожность	64,21	**81,51**	35,78	35,806	0,001
Индивидуализм	**86,66**	60,59	34,25	46,163	0,001
Социальная направленность					
Активность	51,29	48,68	**81,54**	22,570	0,002
Пассивность	63,35	**74,45**	33,70	36,891	0,001
Формы неконструктивного поведения					
Конформное	53,68	**81,76**	46,06	24,112	0,002
Протестное	44,85	62,40	**74,25**	24,869	0,003
Импульсивное	**77,03**	62,80	41,68	22,678	0,002
Демонстративное	**78,31**	58,45	44,74	20,940	0,002
Агрессивное	51,29	48,68	**81,54**	22,570	0,002
Поведение в конфликте					
Соперничество	39,04	60,95	**81,51**	30,144	0,001
Компромисс	**76,55**	48,14	56,81	21,262	0,003
Приспособление	49,41	**80,91**	51,18	21,262	0,002
Поведение в коммуникациях					
Защитное	38,43	70,60	**72,48**	25,163	0,002
Социально одобряемое	56,25	**79,18**	46,08	20,035	0,002
Самоутверждающее	48,15	46,09	**87,26**	36,996	0,001

человека, с неадекватной самооценкой ребенка, с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению. К *содержательным коммуникативным трудностям* ребенка относятся трудности, связанные с недостатком коммуникативных знаний, трудности прогнозирования, планирования, самоконтроля, перестройки коммуникативной программы. *Инструментальные коммуникативные трудности* проявляются в неумении ребенка эффективно реализовывать на практике намеченные программы коммуникативных действий. Это вербальные, невербальные, просодические, экстралингвистические трудности, трудности построения диалога. К *рефлексивным коммуникативным трудностям* относятся трудности самоанализа, самонаблюдения, самовыражения, самоизменения.

В нашем исследовании проверялась гипотеза о существовании *возрастных различий коммуникативных трудностей детей*. Выборка (120 человек) состояла из трех разновозрастных групп (по 40 детей в каждой группе) – старшие дошкольники (6–7 лет), младшие школьники (8–10 лет), подростки (12–13 лет). Использовался комплекс диагностических методов, выявляющих различные показатели коммуникативного арсенала личности: авторская методика диагностики коммуникативных трудностей ребенка, методика диагностики неконструктивного поведения детей М.Э. Вайнера, методика «Личностный профиль ребенка» в адаптации М.Г. Голубевой, проективная методика «Метаморфозы» Н.Я. Семаго, М.М. Семаго, рисуночные тесты «Дом – дерево – человек», «Несуществующее животное», наблюдение, беседы. Для обработки эмпирических данных был использован критерий Kruskal-Wallis.

Полученные результаты позволяют отметить статистически достоверные различия групповых профилей по отдельным переменным (табл. 1).

Осмысление всех полученных эмпирических данных позволило создать *обобщенные психологические характеристики затрудненного общения* детей различных возрастных групп – старших дошкольников, младших школьников и подростков.

В *старшем дошкольном возрасте* преобладает *ситуативно-деловая форма общения* с ровесниками [5]. Потребность общения со сверстниками выдвигается на одно из первых мест. Это изменение связано с тем, что бурно развиваются сюжетно-ролевая игра и другие виды деятельности, приобретая коллективный характер. Дошкольникам приходится налаживать деловое сотрудничество, согласовать свои действия для достижения общей цели, что и составляет главное содержание потребности в общении. В игровых объединениях существует общность требований, согласованность действий, совместное планирование. Реальные и игровые отношения начинают дифференцироваться и осознаваться детьми. Ребенок учится принимать во внимание интересы партнеров. Взаимодействие со сверстником выступает не только как условие достижения общей цели, но и как сама цель. Проявляется взаимная поддержка, чувство товарищества, сопереживание успехов и неудач. Именно поэтому для дошкольников не характерны трудности в эмпатии и трудности, связанные с агрессивностью. Однако высокая степень значимости межличностных объединений обусловливает появление *трудностей вступления в контакт* (застенчивость, страх несоответствия своих желаний требованиям ситуации, боязнь казаться нелепым, смешным, неумелым, тревожность в присутствии малознакомых людей).

Дети способны осознать эффективность совместной формы организации деятельности и ее построение в играх, конструировании, труде. Начинают складываться отношения взаимной ответственности, зависимости и помощи – основа сотрудничества и товарищества. Именно поэтому в ситуации конфликта дети часто идут на *компромисс* (Н – 21,262 при p=0,003), осознают и принимают позиции других детей, готовы пожертвовать своими интересами ради достижения общей цели.

Межличностные связи в старшем дошкольном возрасте довольно избирательны, имеют относительно устойчивый характер. Значимыми характеристиками популярных детей выступают умение организовать игру, стремление к справедливости, доброта, дружелюбие, внешняя привлекательность, широта кругозора. Непопулярных детей характеризуют дефекты нравственно-волевой сферы, замкнутость, вспыльчивость, внешняя непривлекательность. Симпатии и антипатии обусловлены тем, в какой степени ребенок соответствует социальному эталону, сформированному на основе оценок взрослых и собственных взаимоотношений. Каждый ребенок стремится к признанию и уважению. Фрустрация этих потребностей часто приводит к *демонстративности* (Н – 20,940 при p=0,002), что проявляется в капризах, негативизме, попытках привлечь к себе

внимание неадекватным коммуникативным поведением, апробированием несвойственных для ребенка моделей общения, манерничанием. В других же случаях нереализованная потребность в признании ведет к *трудностям, связанным с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению* (желание подчиняться более популярному партнеру, подстраиваться под него, копировать коммуникативное поведение детей-звезд).

Интеракции дошкольников характеризуются яркой эмоциональностью, *импульсивностью* (Н – 22,678 при p=0,002). Это приводит к формированию трудностей планирования собственных коммуникативных действий, трудностям прогнозирования (неспособность наблюдать за участниками коммуникации, предугадывать варианты развития общения).

Дошкольник особенно чувствителен к разным «признакам» отношения к себе со стороны других детей. В общении возникает феномен «невидимого зеркала»: в сверстнике ребенок видит себя и видит пристрастно-положительно. На шестом-седьмом году жизни он начинает видеть и сверстника, но уже, прежде всего, недостатки последнего. Такая особенность восприятия сочетается с недоброжелательным интересом ко всем действиям сверстника, его поступкам, оценкам. Дети ревностно спрашивают об успехах товарищей, требуют признать собственные достижения, замечают неудачи других детей и пытаются скрыть свои промахи. Проявляется детский *индивидуализм* (Н – 46,163 при p=0,001), сопровождающийся либо бурными реакциями упрямства, вспыльчивости как формами протеста; либо наигранным безразличием, коммуникативной вялостью, пассивностью, косностью установок в общении.

Наиболее выражены у старших дошкольников *инструментальные коммуникативные трудности* (Н – 27,441 при p=0,002): дети не находят адекватные слова для выражения своих мыслей и эмоциональных состояний, наблюдается явное преобладание контекстной речи над связной, логика коммуникативных планов не соотносится с реальными коммуникативными действиями, часто возникают фонетические, семантические и логические барьеры общения. На невербальном уровне проявляются трудности, связанные с чрезмерностью эмоциональных реакций, с неспособностью «считывать» информацию с невербального поведения партнера, с такими характеристиками детского голоса, как монотонность, сбивчивость, изменчивая темпо-ритмичность.

В *младшем школьном возрасте* ведущей является *внеситуативно-деловая форма общения.* Основная потребность в общении состоит в стремлении к сотрудничеству с товарищами, носящему внеситуативный характер [5]. Сверстник приобретает индивидуальность в глазах ребенка, становится значимым лицом общения, формируя различные коммуникативные качества ребенка. Происходит интенсивное установление дружеских контактов. Одна из важных задач развития на этом возрастном этапе – приобретение навыков социального взаимодействия с группой сверстников и поддержание дружеских связей. Ребенок учится налаживать коммуникативный контакт с ровесником, слушать его, понимать, принимать, давать адекватную обратную связь. Кроме того, для ребенка очень важно осознание того, что общение с ним тоже кому-то важно и интересно. Это способствует возникновению *мотива коммуникативного самосовершенствования* и *мотива преодоления коммуникативных затруднений,* возникающих в процессе общения.

Однако чрезмерная фиксация внимания ребенка на значимых сверстниках приводит к стремлению отказаться от своих собственных взглядов, интересов; детям часто кажется, что их друзья более умные, успешные – поэтому в общении с ними они подстраиваются, проявляют *конформизм* (Н – 24,112 при p=0,002), а в конфликтных ситуациях предпочитают стратегию *приспособления* (Н – 21,262 при p=0,002). Ребята готовы во всем соглашаться с более сильными, популярными сверстниками; не имея своей позиции, своей точки зрения, они легко принимают чужую. Следовательно, проявляется социальная *пассивность* (Н – 36,891 при p=0,001). Такие дети испытывают разнообразные проблемы в общении, в межличностных отношениях. Наиболее типичные из них – *избирательность контактов* (предпочитают хорошо знакомых взрослых и сверстников, с трудом доверяют людям) и *боязнь публичных выступлений* (ответ на уроке, выступление на празднике).

У конформных, пассивных детей более всего проявляются коммуникативные трудности *базового уровня* (связанные с неадекватной самооценкой и с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнера по общению) и *инст-*

рументального уровня (трудности построения диалога: неспособность занять ведущую позицию в общении, трудности «пристройки» к собеседнику, боязнь высказать и отстоять свою позицию).

В младших классах у ребенка складывается *система личных отношений,* основу которой составляют непосредственные эмоциональные связи среди сверстников. Положение ученика в системе межличностных контактов определяется во многом уровнем развития его коммуникативных качеств. Дети-«звезды» обычно общительны, легко вступают в различные коммуникации, отличаются фантазией, используют выразительные вербальные и невербальные средства общения. «Непопулярные» дети, напротив, часто имеют трудности в установлении контакта, в эмпатии, несдержанны в вербальных и эмоциональных выражениях, грубы или замкнуты.

Для детей младшего школьного возраста принципиально важна способность делать что-то очень хорошо, правильно, лучше всех. В учебной деятельности и межличностном взаимодействии они ориентированы на соблюдение социальных норм и правил, на положительную внешнюю оценку – наиболее типичным для данного возраста является *социально одобряемое коммуникативное поведение* (Н – 20,035 при p=0,002). Многие ребята ради поддержания имиджа «идеального ученика» проявляют демонстративность, индивидуализм, косвенную и вербальную агрессию.

Вместе с тем стремление к перфекционизму, к успешности часто сопровождается *тревожностью* (Н –35,806 при p=0,002), застенчивостью. Основные коммуникативные трудности ребенка в данном случае связаны с его собственным отношением к себе и с предвзятым восприятием отношения к нему.

Тревожный ребенок, с одной стороны, доброжелательно относится к другим детям, стремится к общению с ними, а с другой – не решается проявлять себя и свои коммуникативные потребности, что приводит к нарушению согласованности во взаимодействии. С одной стороны, тревожный ребенок имеет высокую общую самооценку, считает себя хорошим, а с другой – сомневается в положительном отношении к себе других людей, особенно малознакомых. Именно с этим связано проявление у младших школьников *содержательных коммуникативных трудностей* (Н – 36,891 при p=0,001): неспособность предугадать возможное развитие коммуникативной ситуации, сложность самоактуализации в общении, трудности ориентировки в ситуации общения и перестройки коммуникативной программы.

В коммуникативном поведении тревожного ребенка также проявляются *просодические трудности* (монотонная, тихая, медленная речь), *экстралингвистические* (длинные паузы в речи, неуместные вздохи и т.д.), *трудности построения диалога* (неспособность проявлять инициативу, брать на себя ведущую роль, трудности «пристройки» к собеседнику).

В *подростковом возрасте* особое значение приобретает *общение ребенка в группе сверстников*, следовательно, доминирующей потребностью личности является потребность в уважении и принятии в референтной группе. Фрустрация этих потребностей связана с появлением *деструктивных форм коммуникативного поведения* – протестного (Н – 24,869 при p=0,003) и агрессивного (Н – 22,570 при p=0,002).

Протестное поведение возникает в ситуациях затрудненного общения и связано с категорическим возражением подростка против чего-либо, его решительным заявлением о несогласии с какими-либо требованиями или нормами, с открытым проявлением нежелания что-либо делать. Формами протестного поведения могут быть негативизм, упрямство или строптивость, реализация каждой из которых требует от личности максимальной мобилизации и *социальной активности*, направленной на противостояние (Н – 22,570 при p=0,002).

В общении проявлениями протеста можно считать либо беспричинные слезы, грубость, язвительность, дерзость, действия «назло», либо замкнутость, отчужденность, обидчивость.

Подростковая *агрессивность* связана со стремлением привлечь к себе внимание сверстников; с желанием ущемить достоинства другого человека с целью самоутверждения; с чрезмерными лидерскими притязаниями.

Агрессивность значительно затрудняет коммуникативную деятельность детей, поскольку агрессивные дети невнимательны к другим, неспособны видеть и понимать своего собеседника; с трудом выстраивают и реализовывают коммуникативные программы; их речь, чаще всего, резка, груба, сбивчива, неуместна; ими редко осуществляется анализ собственных коммуникативных действий, поскольку их переполняют негативные эмоции.

Спектр коммуникативных трудностей подростка достаточно велик. Преобладают трудности *базового уровня* (Н – 25,163 при p=0,002) – трудности, связанные с детским эгоцентризмом, с косностью коммуникативных установок, с отсутствием позитивного восприятия собеседника, с нежеланием согласовывать собственные коммуникативные действия с потребностями партнеров и требованиями коммуникативной ситуации; а также *рефлексивные трудности* (Н – 14,358 при p=0,003) – нежелание или неспособность подростка изменить собственные формы неконструктивного взаимодействия, центрация на привычных коммуникативных действиях и страх использования новых моделей общения.

На *содержательном уровне* проявляются трудности прогнозирования (неспособность предугадать возможное развитие коммуникативной ситуации и предвидеть конфликтные столкновения) и трудности самоконтроля (преобладание импульсивных действий над произвольными, ориентированность на конечный результат, а не на процесс взаимодействия). *Инструментальные коммуникативные трудности* проявляются как на вербальном, так и на невербальном уровне (неуместная, грубая или монотонная речь; чрезмерно эмоционально-насыщенные либо недифференцированные невербальные проявления).

В конфликтном взаимодействии подросток чаще всего ориентирован на *соперничество* (Н – 30,144 при p=0,001); открыто, а порой враждебно и агрессивно, отстаивает свои интересы, используя при этом преимущественно не убеждение и самопродвижение, а внушение, нападение и принуждение.

Таким образом, можно констатировать, что существуют возрастные различия затрудненного общения в детстве. Коммуникативные трудности обусловлены социальной ситуацией развития на конкретном возрастном этапе, ведущим видом деятельности ребенка, уровнем развития его коммуникативного арсенала. Степень восприятия ребенком себя как субъекта затрудненного общения возрастает от дошкольного к подростковому возрасту, однако уровень рефлексивности коммуникативного поведения остается невысоким. Психологическая помощь ребенку как субъекту затрудненного общения заключается, на наш взгляд, в стимулировании мотивации коммуникативного самосовершенствования, фасилитации конструктивных моделей коммуникативного поведения, обучении навыкам рефлексии и способам преодоления коммуникативных трудностей.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – С. 255–263.

2. *Бодалев А.А., Ковалев Г.А.* Психологические трудности общения и их преодоление // Педагогика. – 1992. – № 5–6. – С. 27–35.

3. *Залюбовская Е.В.* Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1984. – 21 с.

4. *Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д.* Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. – М.: Академия, 2001. – 288 с.

5. *Лисина М.И.* Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.

6. *Кунщына В.Н.* Трудности межличностного общения: Дис. … д-ра психол. наук. – СПб., 1991. – 358 с.

7. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. – М.: Политиздат, 1982. – 134 с.

8. *Самохвалова А.Г.* Коммуникативные трудности ребенка: проблемы, диагностика, коррекция. – СПб.: Речь, 2011. – 432 с.

УДК 159.9

Фирсов Кирилл Николаевич
Астраханский государственный университет
kfirsov86@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АГРЕССИВНОСТИ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается агрессия как один из факторов спортивной деятельности. Автор на основе анализа литературы по данной проблеме высказывает мнение, что спорт, с одной стороны, представляет собой ту форму социальной активности, которая позволяет реализовать агрессивные влечения и не несет в себе социального порицания и неодобрения, а с другой стороны, проявление агрессии в спорте – это следствие потребности в самоутверждении через стремление к победе в борьбе с самим собой и соперниками.

Ключевые слова: *агрессия, проблемы агрессии в спорте, психологические теории агрессии, агрессивность в игровой команде.*

Агрессия в спорте изучается как один из факторов спортивной деятельности. Некоторыми авторами (Сафонов, 1996; Краев, 1999; Е.П. Ильин, 2008; Widmeyer, 1984) [5; 8] отмечается, что в ряде видов спорта агрессия является важной и, главное, приемлемой составляющей спортивной деятельности. В одних видах спорта непосредственное проявление агрессивности может быть продуктивным, тогда как в других спортивных ситуациях или видах деятельности несвоевременная либо не туда направленная агрессивность не только непродуктивна, но может быть и нежелательной (разрушительной). По своей состязательной сути спорт уже агрессивен, так как спортсмены на соревнованиях стремятся ущемить стремление других к победе. Соревнование – это отрегулированное правилами агрессивное поведение, это агрессивность, выражаемая в социально неопасной форме. Часто понятие «агрессивность» заменяют понятием «спортивная злость».

В психологии спорта проблема агрессии наиболее остро была поставлена в 70–80-е годы XX века. В ряд работ вошли обзоры по взаимосвязи агрессии и спорта, содержащие достаточно обширную библиографию (Кретти, 1978; Мартене, 1979; Кроте, 1982; Messner, 1992; Messner, Sabo, 1994) [5]. Следует добавить, что в этих работах представлены, скорее, умозаключения авторов, построенные на подборе конкретных фактов проявления агрессии спортсменами, нежели результаты целенаправленных исследований. Анализ этих работ показывает, что оценки причин и проявлений агрессии очень противоречивы.

Основной вопрос, вставший перед исследователями, сводится к тому, способствуют ли систематические занятия спортом или наблюдения за соревнованиями уменьшению агрессивных тенденций или, наоборот, повышению агрессивности.

Представитель теории влечений К. Лоренц (1994) считал, что спорт представляет собой развитую ритуализированную форму борьбы в культурной жизни общества. Допуская грубую индивидуальную манеру поведения, спорт, по его мнению, является удобной формой для реализации накопленных агрессивных влечений, а соблюдение определенной корректности в спорте, даже в эмоциональных ситуациях, связано с проявлением самоконтроля как осознанной и одновременно инстинктивной реакции в борьбе. Смысл высказываний К. Лоренца заключается в том, что, с одной стороны, проявление агрессии в спорте имеет инстинктивную природу, с другой стороны, такое поведение должно контролироваться и соответствовать определенным нормам ведения спортивного поединка [4].

Б. Кретти (1978), следуя понятию «интраспецифическая агрессия», введенному К. Лоренцем, и ссылаясь на его последователей, приравнивает агрессивное поведение в спорте к конкурентному поведению в более широком смысле. При этом особо подчеркивается сдерживание спортом общественно опасного поведения [6].

Применительно к спорту расширяется трактовка проявлений агрессии. Агрессивный характер в спортивной деятельности проявляется не только в соревновании, но и уже на тренировках. Природа этого раскрывается в постоянном влечении к соперничеству, утверждению своего превосходства. Фиктивная борьба с противником и направленная на него агрессия играют большую роль в эмоциональном переживании на тренировках. При этом различаются две формы агрес-

© Фирсов К.Н., 2011

сивных действий: «дружественная борьба» и «враждебное нападение».

При этом необходимо отметить, что агрессия в спорте является рациональной формой противостояния сопернику, мобилизации функциональных возможностей спортсмена на достижение конкретного результата. Спорт позволяет выражать агрессивные чувства, не причиняя большого вреда другим людям, формируя конструктивные формы агрессивного поведения спортсменов. По данным С.В. Афиногеновой, конфликтность и агрессивность несколько выше у спортсменов и спортсменок, чем у лиц, не занимающихся спортом. Особенно заметны различия по такому проявлению агрессивности, как напористость. При этом агрессивность выражена по-разному у спортсменов, занимающихся разными видами спорта. Например, у тех, кто занимается единоборствами (самбо, дзюдо, айкидо), агрессивность значительно выше, чем у легкоатлетов и лыжников [1].

Обязательным условием спортивных соревнований является наличие импульса агрессии. Соревнование рассматривается как «отрегулированное правилами агрессивное действие». Важным фактором детерминации форм агрессивного поведения является альтернатива «победа – поражение». Победитель избавляется от своей агрессии разрешенными способами. Наличие же агрессии предполагает, скорее, побежденного. Агрессия используется спортсменами как фактор воздействия на противника, как средство преломления неблагоприятно складывающегося хода соревнования (Messner, Sabo, 1994) [7].

В рамках фрустрационной теории высказывается мнение, что общественные условия являются главной причиной фрустрации и растущей агрессии в обществе. Занятие же спортом и возможность проявления агрессивных тенденций рассматриваются как «восстание» против давления рационализированного мира. Фрустрационная теория, как она представлена Долллардом и его соавторами в монографии 1939 г., положила начало интенсивным экспериментальным исследованиям агрессии. Согласно этой теории, агрессия – это не автоматически возникающее в недрах организма влечение, а следствие фрустрации, то есть препятствий, возникающих на пути целенаправленных действий субъекта, или же ненаступления целевого состояния, к которому он стремился. Рассматриваемая теория утверждает, что, во-первых, агрессия всегда есть следствие фрустрации и, во-вторых, фрустрация всегда влечет за собой агрессию [4].

Однако в дальнейшем оба эти постулата подверглись критике и не подтвердились. Не всякая агрессия возникает вследствие фрустрации (в частности, с фрустрацией не связана ни одна из форм инструментальной агрессии). И не всякая фрустрация повышает уровень стремления к агрессии (этого не происходит, например, если подвергшийся фрустрации человек воспринимает ее как непреднамеренную или как вполне оправданную).

Представители теории «катарсиса» считают, что спорт способствует сохранению психического здоровья и душевного равновесия, дает выход природной агрессивности и стремлению к соперничеству. Спорт позволяет выражать агрессивные чувства, не причиняя кому-либо особого вреда (Мартене, 1979) [4].

В настоящее время в спорте все чаще представления об агрессивном поведении рассматриваются на основе теории социального научения. Наиболее влиятельными представителями этого течения являются Берковитц и Бандура [2; 3]. Первоначально Л. Берковитц (L. Berkowitz, 1962) стоял на позициях, тесно связанных с фрустрационной теорией агрессии. Отказавшись от не выдерживающего критики постулата о том, что фрустрация всегда ведет к агрессии, он ввел две промежуточные переменные, одна из которых относилась к побуждению, а другая – к направленности поведения, а именно гнев (как побудительный компонент) и пусковые раздражители (запускающие или вызывающие реакцию ключевые признаки). Гнев возникает, когда достижение целей, на которые направлено действие субъекта, блокируется извне. Однако сам по себе он еще не ведет к поведению, определяемому побуждением данного типа. Чтобы это поведение осуществилось, необходимы адекватные ему пусковые раздражители, а адекватными они станут лишь в случае непосредственной или опосредованной (например, установленной с помощью размышления) связи с источником гнева, то есть с причиной фрустрации. Таким образом, основополагающей для Берковитца оказывается концепция поведения как следствия толчка (push), вписывающаяся в парадигму классического обусловливания. Сторонники социального научения в спорте занимаются, прежде всего, поведением, кото-

рое выходит за рамки формальных и неформальных правил, при этом четких границ между отклоняющимся и неотклоняющимся поведением не устанавливается [3].

Интересная позиция высказывается в работе М. Мессенера и Д. Сабо (Messner, Sabo, 1994). По мнению авторов, при изучении агрессии следует учитывать инстинктивное влечение к самоутверждению и соперничеству, фрустрирующие факторы, социально одобряемые формы поведения и особенности реагирования в угрожающих ситуациях в зависимости от половой принадлежности [7].

Фолькамер, проводивший исследование, рассматривал спортивную команду как своеобразное общество в миниатюре, содержащее в себе те же фрустрации, поощрения и взаимодействия, которые наблюдаются и в социальных группах [6]. Он предсказал (в большинстве случаев правильно), в каких именно спортивных ситуациях можно ожидать агрессивного поведения спортсменов. К агрессивным действиям он отнес персональные (неэтические) нарушения правил (фолы), вербальную (словесную) и физическую агрессию. Его исследования позволили сделать следующие выводы:

– очевидно, фрустрация, вызванная возможностью поражения, вызывает агрессивное поведение, поэтому проигрывающие команды совершают больше нарушений, чем те, которые выигрывают;

– команды, играющие на своем поле, допускают меньше нарушений, чем те, которые играют на чужом. Фолькамер объясняет это незнакомой средой, а также тенденцией приезжих команд воспринимать себя во враждебной среде. Поэтому они совершают нарушения не только против соперников, но и косвенным образом против болельщиков, поддерживающих их соперников. Следовательно, многие нарушения представляют собой утонченную форму агрессивности, направленной спортсменами как против зрителей, так и против соперников;

– нарушений обычно бывает меньше, когда команда имеет большое число очков или забитых голов, по сравнению с менее результативными матчами. Фолькамер считает, что при каждом забитом голе происходят снижение психического напряжения и перестройка отношений в команде, тогда как при небольшом количестве забитых голов напряжение сохраняется на довольно высоком уровне, что приводит к агрессивности и большему числу нарушений;

– команды, занимающие более низкое место в турнирной таблице, обычно допускают больше нарушений, чем команды, занимающие более высокие места. Это обстоятельство автор объясняет более высоким уровнем фрустрации у проигрывающих команд, а также возможным отсутствием у них умения играть агрессивно, не нарушая правил. Оказалось также, что команды, занимающие более низкие места в турнирной таблице, действуют более агрессивно, даже когда они выигрывают;

– при встречах команд, занимающих различные места в турнирной таблице, команда, которая находится выше, допускает большее число нарушений. Это является подтверждением так называемого «закона» «кто кого клюнет», наблюдаемого у животных. Там агрессивность особи более высокого статуса допускается, особенно если она направлена на других членов группы с более низким статусом.

В этом обстоятельном исследовании были выявлены и другие косвенные факторы, влияющие на число нарушений, совершаемых спортсменами. Например, когда встречались команды, занимающие верхние и нижние места в турнирной таблице, то наблюдалось больше нарушений, чем в случае, когда играли команды, занимающие места в середине таблицы. Автор предположил, что игроки лучших команд обычно напряжены и более агрессивны, поскольку боятся потерять возможность выиграть чемпионат или потерять призовое место, тогда как более слабые команды боятся лишь одного – оказаться последним в турнирной таблице и покинуть данную лигу.

С другой стороны, команды, находящиеся в середине турнирной таблицы, свободны от этих переживаний и потому допускают меньше нарушений. Кроме того, соотношение в счете в каждой конкретной игре тоже влияет на число допущенных нарушений. В играх с примерно равным счетом, как и в тех, где практически нет борьбы, обычно наблюдается меньше нарушений и грубости, чем тогда, когда разница в счете больше выражена. В первом случае спортсмены стремятся выиграть и поэтому следят за тем, чтобы не допускать излишней агрессивности (грубости). И, наоборот, когда разница в счете настолько велика, что ни одна из команд не сомневается в окончательном исходе игры, то потребность в проявлении агрессии минимальна.

Фолькамер указал на несколько проблем, связанных с уровнем агрессивности в спорте, выявленных им в ходе анализа количества нарушений. Например, он отмечает «цепную реакцию» в нарушениях правил – если игра началась с серьезного нарушения, то затем следует целая серия нарушения правил из-за ухудшения морального духа команды.

Обобщая полученные результаты, Фолькамер сделал вывод, что агрессивность (нарушение правил) в спортивных командах с социологической и психологической точек зрения представляет собой «нормальное» явление.

Таким образом, спорт, с одной стороны, представляет собой ту форму социальной активности, которая позволяет реализовать агрессивные влечения и не несет в себе социального порицания и неодобрения, а с другой стороны, проявление агрессии в спорте – это следствие потребности в самоутверждении через стремление к победе в борьбе с самим собой и соперниками. Зарубежные исследование агрессивности в общепсихологическом плане обращают внимание на какой-то определенный аспект явления в свете собственной концепции. Опираясь на разработанный в отечественной психологической науке деятельностный подход, на наш взгляд, необходимо рассматривать агрессию и агрессивность в спорте как комплексное психологическое явление, имеющее сложную динамическую структуру. Это позволяет подойти к понятию агрессивности в спорте с позиции интеграции определенных факторов и механизмов. Современные спортсмены, тренеры и специалисты в области спорта испытывают острую потребность, с одной стороны, в проявлении агрессивности как инструменте достижения цели, а с другой – в твердой теоретико-методологической базе, позволяющей с практической стороны осуществлять контроль и коррекцию агрессивности, тем самым направляя ее в конструктивное русло.

Библиографический список

1. *Афиногенова С.В.* Биологический и психологический пол в связи с профессиональными и спортивными интересами в подростковом и юношеском возрасте: Дис. … канд. психол. наук. – СПб., 2007.

2. *Бандура А.* Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320с.

3. *Берковиц Л.* Агрессия, причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 510 с.

4. *Бэрон Р.* Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – М.; СПб.: Питер, 2001. – 352 с.

5. *Ильин Е.П.* Психология спорта. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

6. *Кретти Б.Д.* Психология в современном спорте. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 224 с.

7. *Сафонов В.К.* Агрессия в спорте. – СПб., 2003. – 159 с.

8. *Уэйнберг Р.С.* Основы психологии спорта и физической культуры / Р.С. Уэйнберг, Д. Гоулд. – Киев: Олимпийская литература, 2001. – 336 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9 : 316.6

Кожановская Татьяна Викторовна
Брянский государственный технический университет
TatyanaK84@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗАХ С РАЗЛИЧНОЙ РЕКЛАМНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Приведены экспериментальные данные мотивационной готовности абитуриентов к поступлению на различные специальности. Сделаны выводы о связи типа организационной культуры вуза и проводимой им рекламной политики со степенью выраженности мотивационной готовности к обучению в образовательном учреждении.

Ключевые слова: *организационная культура, рекламная информация, планирование эксперимента, мотивационная готовность к обучению в вузе.*

Как показано в монографии И.А. Кириченко [3, с. 28–42] и исследованиях Т.В. Кожановской, В.В. Спасенникова [4, с. 243–256; 5, с. 68–72], рекламная политика высших учебных заведений связана с организационной культурой:

1) авантюрно-неустойчивой организационной культуре соответствует рекламная политика, связанная с отсутствием маркетинговых исследований на рынке труда и ориентацией на традиционные специальности, востребованные на федеральном уровне;

2) кланово-неустойчивой организационной культуре соответствует рекламная политика, связанная с ситуативным изучением рынка труда в краткосрочном периоде, ориентированном на новые модные специальности без учета их востребованности на региональном рынке труда;

3) авторитарно-устойчивой организационной культуре соответствует рекламная политика, связанная с отсутствием маркетинговых исследований и ориентацией на традиционные специальности, востребованные на региональном рынке труда;

4) инновационно-устойчивой организационной культуре соответствует рекламная политика, связанная с маркетинговыми исследованиями рынка труда в краткосрочном и долгосрочном периодах и открытие новых специальностей, востребованных на региональном и федеральном уровнях.

С учетом выявленной типологии целью данного исследования стало изучение взаимосвязи мотивационной готовности абитуриентов к поступлению в высшие учебные заведения с различной организационной культурой. В исследовании приняли участие учащиеся старших классов восьми школ г. Брянска (всего 160 школьников) по критерию наличия/отсутствия рекламной осведомленности об имеющихся специальностях в четырех вузах с различной организационной культурой:

– Московский психолого-социальный институт (Брянский филиал) (БФ МПСИ);

– Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (БГУ);

– Брянская государственная сельскохозяйственная академия (БГСХА);

– Брянский государственный технический университет (БГТУ).

Совокупность из 160 старшеклассников была разделена на две контрольных и две экспериментальных группы по 40 абитуриентов в каждой, уравненных по возрасту и полу.

В качестве экспертов образа идеальной рекламы и соотнесения ее с организационной культурой вузов было отобрано 23 человека (преподаватели вузов, специалисты по рекламе и связям с общественностью).

Сложность проведения данного исследования заключается в выборе экспериментального плана (В.Н. Дружинин, А.В. Никитин, В.В. Спасенников) [2, с. 31–49], который сможет обеспечить контроль вывода об истинности суждений, отражающих понимание причинно-следственных связей и зависимостей. Был использован план истинного эксперимента с предварительным и повторным тестированием для контрольной и экспериментальной группы (определялся гипотезой и целью исследования, в котором независимой переменной является информированность о специальностях, зависимой – мотивационная готовность к поступлению в различные вузы).

© Кожановская Т.В., 2011

В качестве источников невалидности использованного экспериментального плана можно выделить целый ряд факторов внутренней и внешней валидности. С целью их контроля можно предложить следующее [1, с. 412–444; 6, с. 54–71]:

– план с двумя контрольными и экспериментальными группами, позволяющий контролировать естественное развитие;

– индивидуальное тестирование абитуриентов в микрогруппах (по 5 человек);

– одновременное тестирование контрольных и экспериментальных групп (контроль за «фоном»);

– контроль инструментальной погрешности с помощью проективных техник;

– рандомизация испытуемых («стратифицированный» способ отбора);

– оценка эквивалентности групп по их составу;

– сравнение двух квази- и двух экспериментальных групп – эффект тестирования.

Эффект фактора отбора и воздействия учитывался следующим образом: выбирали школы из разных районов г. Брянска, но без какой-либо специфики (гимназии, лицеи и т.п.), по этому же принципу формировались классы довузовской подготовки.

В процессе довузовской подготовки поток абитуриентов из 160 старшеклассников до начала занятий по обществознанию был разделен на 4 группы в соответствии с мотивационной готовностью обучения в вузе по одной из специальностей (1 группа – психология и социальная работа – 26 человек, 2 группа – реклама и PR – 28 человек, 3 группа – бухгалтерский учет, анализ и аудит – 25 человек, 4 группа – экономика и управление производством). В процессе формирования учебных групп оценивалась групповая сплоченность (через месяц знакомства после четырех занятий) на основе вычисления усредненных индексов общегрупповой оценки каждого из абитуриентов, по формуле, предложенной В.В. Спасенниковым (А.с. №1809455, МКИ G 09 B 7/07, Бюллетень изобретений №14 от 15.04.1993) [5, с. 102–124]:

$$\overline{G}_{\text{ср}} = \sum_{i;j}^{0,5N(N-1)} \frac{S_{ij}^{+} - S_{ij}^{-}}{K(N-1)}, \qquad (1)$$

где: S_{ij}^{+} – сумма положительных оценок, приписанных i-му члену группы j-м членом; S_{ij}^{-} – сумма отрицательных оценок, приписанных i-му члену группы j-м членом; N – общее количество абитуриентов в учебной группе; K – число вопросов (K = 32) в процессе тестовой оценки мотивационной готовности поступления в вузы; $G_{\text{ср}}$ – значения индекса общегрупповой сплоченности (когерентности).

Осуществлялось тестирование с целью диагностики мотивационной готовности поступления в ведущие вузы, однако нельзя утверждать, что тестирование «до» не повлияло на результаты «после», так как абитуриенты могли запомнить первичное тестирование, но эти два среза были разнесены (октябрь 2010 г., апрель 2011 г.), чтобы была возможность проконтролировать взаимную интерференцию экспериментальных воздействий.

Анализ первичной обработки экспериментальных данных (октябрь 2010 г.) позволил выявить различия между контрольной группой (не ознакомленных с рекламной информацией о вузовских специальностях и спецификой профессиональной подготовки) и экспериментальной группой (имеющих рекламную информацию из Internet, рекламных буклетов, СМИ и других источников о номенклатуре специальностей и особенностях вузовской подготовки). Так, низкую неустойчивую мотивационную готовность к поступлению в вузы имеют 27,5% слабо информированных (неосведомленных) старшеклассников из контрольной группы и только 7,5% информированных из экспериментальной группы. В то же самое время высокой устойчивой мотивационной готовностью к поступлению в вузы обладают 40% абитуриентов экспериментальной группы и 25% старшеклассников из контрольной группы.

В динамике довузовской подготовки абитуриентов также произошли изменения, свидетельствующие о влиянии информированности на мотивационную готовность (апрель 2011 г.), как показало наше исследование, не осталось ни одного абитуриента в экспериментальной группе с низкой устойчивой мотивацией, в то время как высокую устойчивую мотивационную готовность к поступлению в вузы, связанную с осведомленностью о профилях и специфике вузовской подготовки, приобрели 80% абитуриентов (готовность поступления в вуз выросла в два раза). Соответственно низкая устойчивая мотивация к поступлению в вуз осталась у 20% старшеклассников, не занимающихся дополнительно и не ознакомленных из различных рекламных источников с необходимой информацией о профилях подготовки различных негосударственных и государственных образовательных учреждений.

Таблица 1

Результаты диагностики интеллектуальной и мотивационной готовности абитуриентов восьми школ г. Брянска к поступлению на различные вузовские специальности

N п/п	Специальности	Кол-во абитуриентов	Успеваемость	Обществознание (ЕГЭ)	Тест мотивационой готовности	$\overline{G}_{cp}$
1.	Психология и социальная работа	26	3,98	55,82	46,64	0,37
2.	Реклама и связи с общественностью	28	4,12	58,66	42,18	0,13
3.	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	25	3,75	61,55	36,50	0,04
4.	Экономика и управление производством	35	4,50	62,75	53,25	0,48

В таблице 1 приведены табулированные, упорядоченные и сгруппированные данные по четырем группам абитуриентов с разной степенью выраженности мотивационной готовности поступления в вузы г. Брянска по различным специальностям.

Анализ первичной обработки экспериментальных данных показывает, что существует положительная корреляционная связь между средним баллом успеваемости, успешностью выполнения теста ЕГЭ по обществознанию и силой выраженности мотивационной готовности поступления в высшие учебные заведения. В таблице 2 представлены данные мотивационной готовности абитуриентов по вузам.

Как следует из таблицы 2, можно предположить, что наиболее высокий конкурс следует ожидать в БГТУ и БГИТА, где самая высокая степень устойчивости мотивационной готовности потенциальных абитуриентов, наименьший конкурс будет в БФ МПСИ, а БГУ занимает промежуточное рейтинговое положение. Существует также высокая вероятность перехода абитуриентов с высокой неустойчивой мотивацией к обучению в другие вузы, например из БГУ – 47%. Негативным моментом, независимо от результатов ЕГЭ, является значительный процент абитуриентов, поступающих в вузы с низкой устойчивой мотивацией: в БГУ – 30%, в БФ МПСИ – 27,5%. Абитуриенты с низкой неустойчивой мотивацией также могут поступать в любой из вузов, так как выбор специальности у таких абитуриентов осуществляется из-за их слабой информированности и неустойчивой мотивации в последний момент и под воздействием случайных факторов, или несамостоятельно (влияние родителей, одноклассников, друзей и др.). Это еще раз доказывает объективность предшествующих данных [4, с. 243–256], необходимо активно проводить маркетинговые исследования и изучать особенности и факторы влияния рекламной информации на мотивацию выбора вуза. При этом, как было показано ранее, образ идеальной рекламы и социально-психологические представления о ней оказывают решающее влияние на старшеклассников и их родителей.

По результатам проведенного нами исследования можно выделить основные имиджевые характеристики «идеальных» рекламных проектов, которые позволяют сделать вывод о сложивших-

Таблица 2

Степень устойчивости мотивационной готовности поступления абитуриентов в различные вузы г. Брянска (N – 160 человек)

N п/п	Мотивационная готовность / ВУЗы	НН низкая неустойчивая		НУ низкая устойчивая		ВН высокая неустойчивая		ВУ высокая устойчивая	
		N	%	N	%	N	%	N	%
1.	БГТУ	3	7,5	0	0	5	12,5	32	80
2.	БГИТА	6	15	3	7,5	15	37,5	16	40
3.	БГУ	1	2,5	12	30	17	42,5	10	25
4.	БФ МПСИ	9	12,5	11	27,5	12	30	8	20

Таблица 3

Матрица интеркорреляций результатов диагностики мотивационной готовности поступления в вузы в зависимости от успеваемости и результатов ЕГЭ по Ч. Спирмену

N п/п		Успеваемость	Обществознание (ЕГЭ)	Мотивационная готовность
1.	Успеваемость	×	0,42	0,87
2.	Обществознание (тест ЕГЭ)		×	0,23
3.	Мотивационная готовность			×

$r_{12} = 0,42$; $r_{13} = 0,87$; $r_{23} = 0,23$ ($p \leq 0,05$)

ся в сознании экспертов образах. К этим характеристикам относятся определения, входящие в состав факторов и получившие максимальные средние оценки.

Рекламные проекты БГТУ, целью которых является освоение специальностей, связанных с созданием новых предприятий, предназначенных для выпуска новых товаров (услуг), характеризуются следующими имиджевыми характеристиками: 1) оригинальный – 2,83; 2) смелый – 2,74; 3) отличающийся от других – 2,61; 4) современный – 2,61.

Рекламные проекты БГУ, задачей которых является освоение специальностей, связанных с увеличением объема выпуска товаров для ранее сформировавшихся целевых рынков, уже существующих производств, и выход со старым товаром на новые рынки, характеризуются следующими имиджевыми характеристиками: 1) популярный – 2,70; 2) оригинальный – 2,17; 3) достойный – 2,17; 4) любезный – 2,17.

Рекламные проекты БФ МПСИ, предназначенные для подготовки обслуживающего и управленческого персонала с более выгодными условиями производства и сбыта, в результате чего на старые рынки выходит товар с улучшенными свойствами, характеризуются следующими имиджевыми характеристиками: 1) традиционный – 3,00; 2) достойный – 2,74; 3) прочный – 2,70; 4) отличающийся от других – 2,17.

Доказано, что характеристики «идеального» рекламного проекта, лежащие в основе социальных представлений, сформированных в сознании целевой аудитории, совпадают с характеристиками, лежащими в основе социальных представлений, сформированных в сознании членов управленческой команды образовательного учреждения. «Идеальным» имиджем рекламных проектов, целью которых является освоение новых специальностей, является новаторский имидж. «Идеальным» имиджем рекламных проектов, задачей которых является выход со старыми специальностями на новые рынки, является социально значимый имидж. «Идеальным» имиджем рекламных проектов, в результате которых на старые рынки выходят специальности с широким спектром различных специализаций, является традиционный имидж рекламы.

В таблице 3 приведена матрица интеркорреляций между успеваемостью абитуриентов, результатами тестирования по обществознанию (ЕГЭ) и мотивационной готовностью к поступлению в вузы, полученной на выборке N = 160 человека.

Как следует из таблицы 3, наименее слабо мотивационная готовность к поступлению в вузы связана с результатами ЕГЭ по обществознанию, средняя умеренная положительная связь существует между успеваемостью абитуриентов и данными тестирования по ЕГЭ, наиболее высокая сильная положительная корреляционная связь обнаружена между успеваемостью в школе и мотивационной готовностью абитуриентов к поступлению в вузы.

Полученные эмпирические данные позволяют сделать предположение о том, что результаты школьной успеваемости и диагностика мотивационной готовности поступления абитуриентов в вузы с экономико-психологической точки зрения являются более рентабельным и объективным критерием поступления, чем единый государственный экзамен.

Интересным научным результатом является совпадение ранговых мест средне-групповых значений сплоченности в учебных группах и мотивационной готовности к поступлению в вузы, прослеживается социально-психологическая закономерность, которая получила предварительное рабочее определение «феномена будущей

профессиональной корпоративной идентичности» – чем сложнее и интереснее специальность, тем более сплоченными и гомогенными являются учебные группы в процессе ее освоения.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы:

1. В вузах с авантюрно-неустойчивой организационной культурой следует ожидать по специальностям «психология» и «социальная работа» поступления среднеуспевающих абитуриентов с низкой и неустойчивой мотивационной готовностью обучения.

2. В вузах с кланово-неустойчивой организационной культурой следует ожидать по специальностям «реклама» и «связи с общественностью» поступления хорошо успевающих абитуриентов с высокой и неустойчивой мотивационной готовностью обучения.

3. В вузах с авторитарно-устойчивой организационной культурой следует ожидать по специальности «бухгалтерский учет, анализ и аудит» поступления среднеуспевающих абитуриентов с низкой и неустойчивой мотивационной готовностью обучения.

4. В вузах с инновационно-устойчивой организационной культурой следует ожидать по специальности «экономика и управление производством» поступления абитуриентов с высокой и устойчивой мотивационной готовностью обучения.

Одной из исследовательских задач является последующая верификация гипотезы о феномене профессиональной идентичности, связанном с тем, что чем сложнее и интереснее осваиваемая специальность, тем более гомогенными и сплоченными являются учебные группы в процессе освоения данной специальности.

В дальнейших исследованиях предполагается выявить факторы рекламной информации и других источников, которые оказывают наиболее значимое влияние на формирование высокой и устойчивой мотивационной готовности к обучению в высших учебных заведениях по различным специальностям и профессиям.

Библиографический список

1. *Дробышева Т.В.* Исследование раннего экономического образования как фактора экономической социализации (на примере ценностных ориентаций) // Проблемы экономической психологии / под ред. А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – Т. 1. – С. 412–444.

2. *Дружинин В.Н., Никитин А.В., Спасенников В.В.* Конструктирование и оценка качества тестов. – Брянск: Изд-во «ЛАДОМИР», 2004. – 181 с.

3. *Кириченко И.А.* Проблемы управления инновационной деятельностью образовательных учреждений. – Брянск: Изд-во БГТУ, 2010. – 162 с.

4. *Кожановская Т.В.* Представления целевой аудитории об образе идеальной рекламы на рынке инновационных образовательных услуг // Проблемы становления инновационной экономики / под ред. Д.В. Ерохина. – Брянск: БГТУ, 2011. – С. 243–256.

5. *Спасенников В. В.* Экономическая психология: Учебное пособие. – М.: Изд-во PerSe, 2003. – 448 с.

6. *Уманский Л.И.* Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. – М.: Наука, 1977. – С. 54–71.

УДК 130

Пинахина Елизавета Анатольевна
Воронежский государственный педагогический университет
danil40@rambler.ru

КУЛЬТУРА ЧУВСТВ И ЕЁ ВОСПИТАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье актуализируются проблемы эстетического развития посредством эмоционально-образной формы познания окружающего мира.

Ключевые слова: *ценностно-смысловой мир, эмоционально-образная форма познания, культура чувств, художественно-эстетическое воспитание, духовное развитие, ценностно-смысловое отношение, человеческая субъективность.*

В образовательной практике развивается человеческая личность, усваивается ценностно-смысловой мир, формируется богатство человеческой души. И наиболее успешный результат выявляется через непосредственный контакт человека с человеком, когда один выступает носителем культуры, эстетического начала, а другой только включается в этот мир. Процесс образования – введение в этот мир. Здесь не просто знания переходят от одного носителя к другому, но в процессе образования формируется сам человек.

Единственно адекватной содержанию опыта эмоционально-образной формы познания является путь проживания, переживания (сопереживания) этого опыта. Воспринимающий должен всеми чувствами, всем существом как бы уподобиться художнику, передающему свой опыт чувств, чтобы его действительно пережить, прожить как личный, собственный опыт чувств, – и только тогда его можно считать воспринятым и подлинно усвоенным. А это значит не просто сопереживать автору, а больше – вводить эти мысли-чувства в свой сегодняшний повседневный опыт, опробовать их на практике личных отношений, «примеряя на себя». Когда эта «примерка» продолжается из года в год – близкое врастает в личность, чуждое начинает отторгаться. Отторгается и в искусстве, и в жизни. Именно так воздействует искусство. Это очень непросто построить, но иначе происходит только видимость приобщения: именно такой путь дает не эмоционально-ценностное развитие личности, а знаточество, снобистское знание, которое при любой обширности почти не влияет на подлинные отношения человека к миру, на его совесть, на мотивацию его поступков. К сожалению, система передачи этого опыта в мире пока очень несовершенна. Даже профессионалы искусств часто развиваются как люди частичных (хотя, может быть, и глубоких) профессиональных навыков и знаний. И именно в эту проблему частичного, узкоремесленного развития профессионалов упирается часто возникающий у технократов вопрос о несвязанности художественного развития с ценностно-ориентационным, нравственным. Естественно, что и итог познания человеческого опыта в этих двух формах мышления не может быть одинаковым. В линии, идущей от рационально-логического (научного) познания, итогом будет знание, а значит, и понимание закономерностей природы и общества, способности людей их использовать для достижения своих целей.

В линии, идущей от эмоционально-образного мышления, итогом становится не знание, не просто понимание отношений человечества к миру – все это здесь только материал для получения результата. Подлинный результат только один – личное желание, личное отношение ко всем явлениям мира, критерии подсознания, критерии собственных поступков, эмоциональные предпочтения. И все знания и умения, даже глубочайшее понимание явлений, – здесь только материал. Куда направят наши эмоции эти знания, наше понимание явлений – так эти знания и будут использованы. Знание и понимание, например, человеческой психики может быть использовано не только в полезных, но и во вредных для страны, народа, человечества или просто отдельного человека целей.

При исследовании процессов художественного творчества необходимо взаимодействие искусствоведческого и психологического анализа, изучение самих продуктов творчества и биографических материалов. Автобиографии и биографии мастеров искусств представляют собой источники «живого знания», они способны существенно обогатить учебно-методическую литературу по

© Пинахина Е.А., 2011

гуманитарным дисциплинам, поскольку история любой науки «обязана отражать борьбу личностей и интеллектов, изобиловать психологическими портретами, описаниями индивидуальных стилей деятельности и стилей исследовательского поиска», и такие учебники будут в состоянии «затронуть не только ум, но и душу человека» [2, с. 230]. Изучение творческого наследия великих художников – незаменимое средство личностного и профессионального развития творческой молодежи, что актуализирует проблему воспитания исследовательской культуры в процессе работы с жизнеописаниями.

Развивая культуру чувств, восприятие человека человеком, искусство воспитывает эмпатическую способность – основу духовности и гуманности.

Только в результате процесса усвоения человеком великих достижений человеческой культуры человек приобретает подлинно человеческие свойства и способности, и процесс этот ставит человека «на плечи» предшествующих поколений: «Человек с необходимостью погружает свою индивидуальность в культуру как общечеловеческую память, запечатлевшую развитие духовности в результатах событий культурного характера, и, обращаясь к ней как к живому, говорящему зеркалу, творит свою личность и свой образ» [5, с. 181].

Художественно-эстетическое воспитание есть важнейший фактор духовного развития человека. Размышляя об условиях духовного развития человека, В.Л. Зинченко отмечает: «...Гигантским шагам души должны предшествовать малые шаги – шаги соприсутствия, содействия, сочувствия, сопереживания, сострадания, соучастия, сопричастия, вчувствования в сокровенное, которое есть в людях, в природе, в произведениях искусства и даже в вещах, в утвари. А свое сокровенное нужно стараться представлять (ставить перед собой) и задумываться о нем. Совершая такие шаги, впадая в состояние понимания мира, другого человека, произведения искусства, самой себя, душа будет расти и крепнуть» [3, с. 27–28].

В итоге ценностного поиска, например, в науках (и гуманитарных в том числе), мы нечто понимаем как ценность, в искусстве же мы это проживаем, переживаем как собственный опыт и лично выработанную ценность. Значит, глубже и прочнее эта ценность включается в формирование личности и более остро влияет на формирование наших желаний.

При одностороннем развитии этих двух сфер человек часто живет, мыслит, действует как бы в двух плоскостях. Логические знания, даже нравственные, диктуют ему одни решения, он понимает, что так правильно с позиций его общества, среды, просто нравственности, но его подлинные желания – эмоциональные предпочтения заставляют принять иные решения. И он или живет раздваиваясь, или принимает решения, диктуемые дурно или вообще неразвитыми чувствами, и логикой маскирует, оправдывает их даже перед собой. И теоретические поддержки в этом случае находятся. И тогда человек уже то существо, для которого теоретически уже нет нравственных законов, кроме «революционной (и т.д.) пользы», он «оправданно» жесток, бесчеловечен. И поэтому сегодня следует ставить вопрос о гармонизации мышления, необходимости развивать обе формы познания мира. Не заменять одно другим, а дополнять, развивать их в гармонии.

В практике образовательного процесса культивируется способность к воображению и развивается культура человеческих чувств.

Когда чувства возвышаются над чем-то специальным и своей связанностью с потребностями, они становятся универсальными чувствами. В силу своей универсальности чувства становятся теоретиками и в этом смысле идеальными чувствами. «...Любой внимательный взгляд на мир, – замечает Кассирер, – является теоретизированием» [4, с. 333]. Не случайно греческое по происхождению слово «теория» в буквальном переводе означает «созерцание».

Когда мы себе что-то воображаем, мы это воспринимаем, а когда мы что-то воспринимаем, то мы это же самое и воображаем. Именно потому, что мы в процессе восприятия воображаем, мы видим предмет не таким, каков он «на самом деле», а мы видим его лучше, чем он есть «на самом деле». Потому же мы видим его таким, каков он действительно на самом деле. В этом, собственно, и состоит идеальный характер человеческого чувственного восприятия, и именно поэтому одно только созерцание окружающего мира доставляет нам радость.

Помимо физиологии зрения человек обладает культурой зрения, а культура зрения состоит в человеческом способе видения. Что касается человеческого способа видения предмета, то это способ построения его в человеческой деятельности. Особенность человеческого идеального

чувства заключается в том, что оно длится. Некоторые чувства человек переживает всю жизнь. Например, ребенок, которого несправедливо наказали, переживает это всю жизнь, но это переживание не физической боли, которую испытал ребенок, а переживание человеческой несправедливости, человеческого унижения.

Материальное чувство всегда связано с заинтересованностью в предмете, оно направлено от предмета. Идеальное, наоборот, направлено на предмет, оно идет изнутри человека, как иногда говорят, от души. Идеальность чувства связана со снятием материального чувства и вообще материального отношения к миру. «Снятие» здесь означает не прекращение материального чувства, а погружение его в основание совсем иного отношения к миру, чем просто ощущение. Материальное ощущение здесь становится формой проявления идеального чувства – любви, ненависти, красоты, возвышенного и т.п.

Снятие проявляется в переживании человеком своих чувств. Ощущение боли и переживание ощущения боли. Этот рефлекс на болевое ощущение уже не ощущение, а чувство, осознание боли. Чувство альтруистично. Только человек может видеть глазами другого человека, слышать ушами другого человека, а потому и чувствовать, как это ни странно, физическую боль другого человека. Мать, если вдруг ушибся ее ребенок, переживает это сильнее, чем если бы ушиблась сама. Здесь, однако, стоит уточнить, что чужую боль мы не можем непосредственно почувствовать. Мы ее можем только вообразить. Воображение и связанная с ним память – основа всякого человеческого чувства как именно человеческого чувства. Отсутствие воображения и эмоциональная тупость, в сущности, одно и то же. Человек не может посочувствовать человеку просто потому, что он не может себе представить, как тому плохо, или, наоборот, как ему хорошо. Тем не менее всякое человеческое чувство есть сочувствие, поэтому всякое человеческое чувство есть социальное чувство. Это проявляется не только в том, что один человек сочувствует другому, но он может сочувствовать и всему человечеству, человечности, в чем и заключается и проявляется его человечность.

Таким образом, культура человечества и есть культура чувств. В обществе, в котором дегуманизированы все человеческие отношения, неизбежен упадок культуры. Если же человек заполнил свою душу великой духовной культурой, пронизанной гуманизмом и любовью ко всему человечеству, его сердце будет наполнено безотчетной тихой радостью. Понятно, что его может смущать нестроение нашей жизни, даже огорчать и расстраивать, но он выстоит перед невзгодами, потому что смотрит на эту жизнь глазами Сократа, Платона, Гегеля и всего человечества, а не только глазами Шопенгауэра, Сартра и Делёза. Необходима широкая, полная, целостная философская и эстетическая культура.

Внедряемый в практику образования тестовый подход недопустим в организации учебного процесса, и в первую очередь гуманитарных дисциплин. Здесь нужны не просто факты, не просто ответы по типу «да-нет», а необходимо включаться в мир человеческих переживаний. В тестах же совершенно отсутствует мир человеческих эмоций, в них требуется только некая однозначность: «да-нет», «утвердительно-отрицательно». Здесь нет этой целостности продуктивного воображения, только фрагментарность, а это недопустимо в художественном, человеческом видении мира.

В тестовом подходе к учебному процессу любая сфера человеческой деятельности рассматривается по определенным алгоритмам. Здесь выражается одномерность человеческого бытия, а человек не сводится к этой одномерности. В тестах нет никакого освоения мира по законам красоты, здесь разрушается человеческая субъективность, индивидуальность, отсутствует человеческое содержание, ценностно-смысловое отношение. В тестах присутствует лишь формализованная оценка.

И если главным для современной педагогики является целостное развитие личности, то надо принимать во внимание развитие не только ума, но и культуры чувств. А современная жизнь и научно-технический прогресс породили «глухоту души», и эстетически человек оказывается неразвит.

Сейчас широко распространен термин «технология», а искусство и развитие человеческой личности – это не «технология», это не «технологический» процесс, здесь важна человеческая уникальность.

Тестовая позиция в образовательном процессе является ущербной, как и засилье видеоряда, такого созерцания, которое является чисто пассивным, потому что дается «готовая картинка» и нет простора для развития воображения.

При всех технических новшествах в образовательном процессе совершено упущена развивающая суть искусства, человекообразующая его суть. Образы, созданные в искусстве, многозначны, они не допускают какого-то одного-единственного толкования. Утрачена фундаментальность системы образования и основополагающая роль классического наследия. Чрезмерное увлечение техническими возможностями и внешними эффектами затмевает содержание и ориентирует на внешние впечатления и изощренные способы подачи.

Духовное наполнение человеческой деятельности не заменят никакие новейшие, совершеннейшие технологии.

Кризис искусства и кризис человека в современном мире взаимосвязаны. Деформация человека и человечности во многом обусловлены недооценкой внелогической составляющей познания, в том числе Веры и Красоты. Влияние технократических тенденций сказывается на создании и восприятии художественных произведений. На рубеже тысячелетий проблема художественно-эстетического развития личности должно рассматриваться в контексте воспитания у молодежи духовности и гуманности и приобретать глобальный характер: «Прагматическая тенденция, охватившая все звенья образования, обусловливает низкий статус искусства в системе обучения школьников и студентов, а коммерциализация художественной культуры приводит к распространению низкопробной продукции, к деформации эстетического сознания детей и юношества. Снижение роли эмоций, художественно-образного мышления в обучении противоречит основным положениям психологии и педагогики; полноценное развитие личности в образовательном процессе предполагает гармоничное сочетание дискретности, аналитичности, вербальности “левополушарного” мышления и целостности, синтетичности, образности мышления “правополушарного”» [8, с. 27–28], – отмечает в своем исследовании «“Человек в искусстве”: тема и вариации» З.И. Гладких [1, с. 27–28].

Что же представляет собой современная среда воспитания с общенаучной точки зрения, которая должна быть основой для рассмотрения среды воспитания в образовательном контексте? И.Л. Матяева в своей статье «Переориентирование ценностей воспитания в информационном обществе» подчеркивает: «Особенность современной среды как фактора воспитания составляет структура “новой реальности”, состоящая из техносферы и информационной среды» [6, с. 117].

Происходит явное смещение основных целей воспитания – передачи опыта, духовной культуры, развитие общественно ценных качеств личности, складывающихся тысячелетиями, на формирование отношения к информации как важнейшей ценности жизни индивида, общества. Рационализированное мышление человека по-иному воспринимает окружающий мир, социум и природу – те или иные факторы жизнедеятельности людей рассматриваются не с точки зрения их красоты, моральной и вообще духовной ценности, а как бездушные инструменты практики людей. Например, уходит в прошлое то поэтизированное восприятие природы, которое было свойственно романтическому искусству. Человек поэтику заменил рациональным расчетом, он, прежде всего, думает, как можно использовать эту природу в своих интересах. Как писал в свое время В.В. Розанов, «техника, присоединившись к душе, дала ей могущество. Но она же ее и раздавила. Появилась “техническая душа”... И вдохновение умерло» [7, с. 223]. Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждой его природе.

«Таким образом, – делает вывод И.Л. Матяева, – в перспективе, причем в не очень далекой, мы будем жить в полностью информатизированном, техногенном обществе среди психически нездоровых людей без духовного стержня, нравственных идеалов и стремлений к нерациональной красоте природы, искусства. Но так как мы будем членами этого общества, может быть, нам не будут заметны такие преобразования, но лично у меня нет никакого желания в таком обществе существовать» [6, с. 118]. Поэтому на сегодняшний момент основной задачей философии, психологии, социологии и других наук о человеке, и в первую очередь в педагогической деятельности, является сохранение ценности «уникального внутреннего мира каждого человека, который воплощает в себе общечеловеческие ценности, обретает реальность только в творческой деятельности индивида, обращенной к другим» [8, с. 5]. Можно сказать, что система ценностей – не только структура, позволяющая из поколения в поколение воспроизводить ценностное ядро, составляющее базис традиций, но и сохранять мир

личности в неизменном виде. И именно наличие устойчивой ценностной системы является одним из важнейших условий сохранения как внутреннего (психического), так и внешнего (социального) мира.

Библиографический список

1. *Гладких З.И.* «Человек в искусстве»: тема и вариации // Искусство и образование. – 2009. – №2. – С. 27–28.

2. *Зинченко В.П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – С. 230.

3. *Зинченко В.П.* Размышления о душе и душе и духовном развитии // Психология искусства: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф.: В 3 т. – Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2003. – Т. 1. – С. 2–28.

4. *Кассирер Э.* Философия символических форм. – М.; СПб., 2002. – Т. 3. – С. 333.

5. *Кругликов В.А.* Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира: сб. ст. / АН СССР, Ин-т философии; отв. ред. А.И. Арнольдов, В.А. Кругликов. – М.: Наука, 1987. – С. 181.

6. *Матяева И.Л.* Переориентирование ценностей воспитания в информационном обществе // Законы художественной сферы общества: Материалы 11-й Международной Нижегородской Ярмарки идей, 36 Академического симпозиума. – Н.Новгород: Изд-во Гладкова О.В., 2008. – С. 117.

7. *Розанов В.В.* Мысли о литературе. – М., 1993. – С. 223.

8. Социология молодежи: программа спецкурса и планы семинарских занятий для студентов философско-социологического факультета специальности «Социология» / Перм. ун-т; сост. К.А. Антипов. – Пермь, 2004. – С. 5.

УДК 37.01

Ронжина Наталья Владимировна
кандидат философских наук
Российский государственный
профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)
obrpravo@yandex.ru

ПРЕДМЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Профессиональная педагогика является самостоятельной отраслью научного знания и имеет свой предмет исследования – человек в системе профессионально-образовательных общественных отношений.

Ключевые слова: *компетентность, профориентация, целеполагание, проектирование, моделирование.*

Определение профессиональной педагогики как науки является сегодня важной теоретической и практической проблемой, поскольку она выступает основанием, методологией для реализации практической программы – формирования современной профессионально компетентной личности. В современных педагогических исследованиях профессиональная педагогика рассматривается как направление (ветвь) общей педагогики [2, с. 77], – как педагогика профессионального образования. В рамках современной образовательной парадигмы данная трактовка носит узкий характер, и необходимо подойти к рассмотрению данного вопроса с точки зрения определения самостоятельного статуса профессиональной педагогики как науки. Для этого нужно выделить предмет и определить специфические методы исследования профессиональной педагогики. В данной статье речь пойдет о предмете профессиональной педагогики.

Говоря о внутреннем развитии науки, можно сказать, что профессиональная педагогика уже прошла стадию зарождения в рамках общей педагогики, сегодня все более быстрыми темпами идет ее развитие, становление. Этому способствуют объективные предпосылки: меняется образовательная парадигма, меняются отношение и требования к выпускнику образовательных учреждений, меняются сами темпы общественного развития. Кроме этого, профессиональная педагогика не может являться частным приложением педагогического знания к сфере профессионального образования, она несет в себе иную методологическую основу, прежде всего антропологическую [4, с. 16].

Профессиональная педагогика является наукой и практической сферой деятельности. Она

© Ронжина Н.В., 2011

имеет главную цель – формирование компетентно развитой личности, не только знающей, образованной, но и умеющей работать, творить, созидать. Поэтому, с одной стороны, профессиональную педагогику можно рассматривать как науку для профессионального образования, а с другой стороны, как практически ориентированную отрасль, направленную на формирование «homo habilis» XXI века – «человека умелого», «homo competentis» – «человека компетентного».

Поскольку философия выступает основанием науки вообще, то можно попытаться выявить это основание и для профессиональной педагогики в частности. Используя философские категории, можно сказать, что профессиональная педагогика – это наука, изучающая профессиональное бытие человека в пространстве и времени. Профессиональное бытие человека *во времени* определяет общественную и личностную траекторию профессионального развития, раскрывает содержание, выявляет специфику данного бытия личности в социуме. Если следовать теории антропосоциогенеза, то данные процессы тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены конкретным историческим процессом.

Профессиональное бытие человека *в пространстве* – это система профессионального воспитания и образования, в которой происходит формирование профессиональной компетентности личности. На пересечении этих двух плоскостей находится предмет изучения профессиональной педагогики.

Б.С. Гершунский – один из первых ученых в нашей стране, который сделал попытку философского осмысления профессиональной педагогики как науки. Предмет профессиональной педагогики он определяет следующим образом: «Предметом профессиональной педагогики является процесс формирования профессионально-значимых качеств личности с учетом специфических особенностей профессионального образования того или иного уровня и профиля» [1, с. 14]. Далее по тексту автор данного определения говорит, что такое сугубо процессуальное видение и определение предмета профессиональной педагогики недостаточно. Он отмечает, что в педагогике, наряду с жанром практической педагогической деятельности, существует и жанр многоплановой (научно-исследовательской, методической) деятельности по проектированию и конструированию педагогических систем, по обоснованию целей и содержания образования, которые, в свою очередь, создают предпосылки для обоснованного выбора методов, средств и организационных форм образовательной деятельности. С учетом изложенного, Б.С. Гершунский уточняет определение, и оно звучит так: «Предмет профессиональной педагогики приобретает двухаспектный, двуединый характер: педагогический процесс формирования требуемых профессиональных качеств личности и педагогическая система, задающая целевые, содержательные и собственно процессуальные (технологические) компоненты такого формирования» [1, с. 15]. Во многом соглашаясь с данной трактовкой, необходимо некоторые моменты уточнить.

С точки зрения философии образования, предметом изучения профессиональной педагогики является *человек в системе профессионально-образовательных общественных отношений*. Профессионально-образовательные общественные отношения предлагается трактовать в философском аспекте – предельно широко – как профессиональную социализацию, особенно на этапах допрофессионального образования.

Следует уточнить, что допрофессиональное образование на базе общеобразовательной школы понимается как подготовка к собственно профессиональному образованию, будущему овладению профессией, но, тем не менее, это важный жизненный этап, которому сегодня уделяется большое внимание в педагогической и психологической литературе. С.Н. Чистякова отмечает, что выстраивание, проектирование послешкольного образовательно-профессионального маршрута начинается в школе, а профессиональная ориентация рассматривается ею в единстве с профессиональным самоопределением [5]. Профессиональную ориентацию и профессиональное самоопределение на уровне общеобразовательной школы можно определить как важные элементы допрофессионального образования. В то же время между этими понятиями есть существенное различие, и они не исчерпывают содержание допрофессионального образования.

В настоящее время в отечественной педагогической науке очевиден дефицит концептуального осмысления проблемы подготовки подростка к послешкольной социально востребованной деятельности в стремительно меняющихся социокультурных и профессионально-производственных условиях. Важнейшая задача современного

общего образования – не обеспечение «усвоения знаний», а создание условий для становления и развития индивидуальных (собственных) образовательных и культурных потребностей. Школа должна предоставить учащемуся не только доступ к соответствующей образовательной среде, но и помочь ему самореализоваться в ней. Поэтому, например, компетентностный подход к общему образованию оперирует такими «общими для всех» результатами образования, как ключевые и иные компетентности (А.В. Хуторской), универсальные умения (А.Н. Тубельский), базовые способности (А.М. Лобок).

Результатом педагогической поддержки профессионального самоопределения школьников являются сформированность профориентационно значимой компетентности и способности выступать в качестве субъекта образовательно-профессионального выбора, выражающиеся в готовности подростка:

– испытывать и удовлетворять потребность во взвешенном выборе направления продолжения образования, в последующей самореализации в избранном образовательном профиле; в самовыражении в образовательном и профессиональном сообществе, в продуктивном освоении образовательной среды;

– выделять варианты выбора из предлагаемых образовательным пространством или конструировать собственные версии образовательного и профессионального самопродвижения;

– распознавать и преодолевать внешнее манипулятивное влияние на процесс становления субъектной позиции, затрагивающей проблемы проектирования образовательного и профессионального маршрута [3].

Условно можно выделить следующие взаимосвязанные этапы допрофессионального образования: 1. Дошкольный – у детей закладывается положительное отношение к людям труда и их занятиям, начинают формироваться первоначальные трудовые умения в доступных ребёнку видах деятельности. 2. Начальная школа (пропедевтический) – через участие в различных видах познавательной, игровой, трудовой деятельности у младших школьников возникает понимание роли труда в жизни человека и общества, проявляется интерес к профессиям родителей и т.п. 3. Первая ступень основной школы (5–7-е классы) – участие в различных видах практической деятельности, среди которых ведущими являются познавательная и трудовая, подростки постепенно осознают свои интересы, способности и общественные ценности, связанные с выбором профессии. 4. Вторая ступень основной школы (8–9-е классы) – начало формирования профессионального самосознания. Школьники соотносят свои идеалы и реальные возможности с обществом, целями выбора сферы будущей деятельности. На этом этапе они вовлекаются в активную познавательную и трудовую деятельность, но одновременно им оказывается помощь в овладении методиками диагностики в интересах выбора профессии. 5. Полное среднее учебное заведение – профессиональная ориентация на базе углублённого изучения отдельных учебных предметов. Особое внимание уделяется формированию профессионально значимых качеств, коррекции профессиональных планов; учащимся оказывается помощь в саморазвитии и самоподготовке к избранной профессиональной деятельности.

Знания, которые являются теоретической базой и способствуют выработке будущих профессиональных умений и навыков обучающихся, в настоящий момент реализуются пока только на отдельных уроках технологии, изобразительного искусства, музыки. Внеучебные занятия в виде кружков моделирования, автодела, ручного труда (вязание, вышивание); спортивных секций способствуют также выработке определенных профессиональных умений, владений, будущих компетенций обучающихся.

К блоку допрофессионального образования можно отнести и профессионально-образовательные общественные отношения в рамках дополнительного образования (художественного, музыкального, хореографического, театрального и др.).

ФГОС общего образования предусматривает для старшеклассников возможность сосредоточиться на профильных предметах и отказаться от тех, которые не будут соответствовать выбранному профилю. «Стандарт говорит о том, что мы теперь ориентируемся не на знания, а на компетентность школьника, на его достижения в целом, на его способность результативно действовать в нестандартной ситуации», – считает А.Г. Каспржак.

Собственно профессиональное образование (начальное, среднее, высшее профессиональное образование и послевузовское профессиональное образование во всем его многообразии (по-

вышение квалификации, переквалификация, переобучение и т.д.) – то, что сегодня называют «обучение в течение всей жизни») – это уже результат успешности допрофессионального образования в школе. Профессиональная педагогика присутствует там и тогда, где и когда речь идет о развитии и совершенствовании профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций.

Для практической реализации профессионального самоопределения личности важны социально-экономическая диагностика динамики профессий; разработка практических моделей профессионального самоопределения с учётом различной формы партнёрства общеобразовательных школ с производством и послешкольной системой профессиональной подготовки молодёжи; анализ педагогического опыта и разработка программной и учебно-методической литературы, учитывающей психологический и возрастной подходы к профессиональному самоопределению.

Представляет особый интерес опыт осуществления допрофессионального образования за рубежом. Термина «профессиональная ориентация» в буквальном смысле слова за рубежом не существует, а есть термин «развитие карьеры». Career Development представляет собой обширную сферу деятельности, включающую хорошо подготовленных и организованных специалистов, имеющих в своем распоряжении мощные информационные и методические ресурсы.

Среди западных специалистов находит признание системный подход, с помощью которого профориентация и трудоустройство рассматриваются как составные части единого комплекса, включающего профинформацию, профсовет и консультирование, профессиональный отбор и профподбор, трудоустройство и меры по адаптации к трудовой деятельности, что в целом обозначается термином «переходные услуги».

Организация профориентационной работы в Японии в значительной степени обусловлена особенностями системы образования, одна из главных целей образования которой – подготовка к карьере: вооружение учащихся основными знаниями о профессиях, развитие у них профессиональных навыков и усиление способности выбирать будущие курсы, которые отвечают планируемому профессиональному пути, соответствующему их личным склонностям и качествам. Зарубежный опыт полезен и российской школе в плане допрофессиональной подготовки учащихся.

В связи с этим можно предположить, что для реализации программы формирования профессионально-компетентной личности важен этап допрофессиональной подготовки, и в результате возникает необходимость применения уже в школе методов не только общей, но и профессиональной педагогики.

Таким образом, профессиональная педагогика имеет специфический предмет исследования: *личность в системе профессионально-образовательных общественных отношений* (от пропедевтического «нулевого» уровня через все уровни общего образования, уровни профессионального образования и формирования профессиональной компетентности через профессиональные компетенции – сквозное образование, сквозное воспитание и самовоспитание).

Основная задача профессиональной педагогики как науки – сформировать вектор направленности профессионального становления личности в современную постиндустриальную эпоху, пронизывающий всю жизнь индивида, получающего образование. В этом заключается смысл внутренней логики развития профессиональной педагогики как самостоятельной науки и в определенном смысле практической сферы деятельности.

Библиографический список

1. *Гершунский Б.С.* Профессиональная педагогика / под ред. [С.Я. Батышева] и А.М. Новикова. – М.: «Эгвес», 2009. (Проект учебника.)

2. Общая и профессиональная педагогика: учебное пособие для студентов педагогических вузов / под ред. В.Д. Симоненко. – М.: Вентана-Граф, 2006. – 368с.

3. *Родичев Н.Ф.* Профориентационно значимая компетентность старшеклассника // Эйдос. – 2007. – 30 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-17.htm

4. *Романцев Г.М., Вербицкая Н.О.* Теория профессиональной педагогики: вопросы определения предмета и развития методологии // Профессиональная педагогика: становление и пути развития: Материалы науч.-практ. конф. 11–12 апр. 2006 г. Екатеринбург: В 3 ч. Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 1. – 228 с.

5. *Чистякова С.Н., Умовская И.А., Шалавина Т.И.* Твоя профессиональная карьера: Методика: Книга для учителя / под ред. С.Н. Чистяковой. – М.: Просвещение, 2006. – 160 с.

УДК 378.126:378.661 (470.11)

Томилова Мария Игоревна
Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск)
matomilova@mail.ru
Васильева Елена Юрьевна
Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск)
doc_vas@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ПОСТДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлено решение исследовательских задач, связанных с выявлением условий развития оценочной деятельности преподавателя. Дается характеристика содержания программы «Оценочная деятельность преподавателя в условиях перехода на образовательные стандарты третьего поколения». Приводятся результаты обучения слушателей по данной Программе.

Ключевые слова: *оценка, оценочная деятельность, компетенция, программа обучения, преподаватель, студенты, последипломное образование.*

Проблема развития оценочной деятельности преподавателя высшей школы является значимой как для постдипломного профессионального образования, так и для педагогической науки в связи с переходом вузов на образовательные стандарты третьего поколения, а также разработкой и внедрением внутривузовских систем гарантий качества. Переход на ФГОС требует, с одной стороны, от преподавателей готовности и способности к разработке и использованию современных способов оценочной деятельности, позволяющих оценить как традиционные (ЗУНы), так и новые результаты образования (общекультурные и профессиональные компетенции). С другой стороны, система постдипломного профессионального образования должна с явным опережением предлагать преподавателям возможность и условия для формирования необходимой оценочной компетенции.

Однако, по прогнозу специалистов и свидетельствам эмпирических данных, в процессе перехода с одного поколения образовательных стандартов на другое, который займет несколько лет, система контроля и оценки деятельности обучающихся во многом останется традиционной, ориентированной, прежде всего, на сформированность знаний, умений и навыков. Дело в том, что в сознании преподавателей продолжают устойчиво сохраняться сложившиеся представления об оценочной деятельности преподавателя как о заключительном этапе обучения. В обычной практике по-прежнему большинство преподавателей под собственной оценочной деятельностью понимает лишь процесс оценивания деятельности обучающихся и продолжает использовать традиционную систему оценивания. Многие преподаватели негативно относятся к введению инновационных оценочных средств и не связывают собственную оценочную деятельность с самооценкой обучающихся. При этом в практике высшей школы есть преподаватели, которые имеют положительный опыт использования разнообразных форм и методов оценки обучающихся [2]. Таким образом, можно говорить о наличии противоречия между целевыми установками развития образования в отношении оценочной деятельности преподавателя и практической деятельностью, осуществляемой преподавателями; между потребностью высшей школы в преподавателях, имеющих компетенции в оценочной деятельности, отвечающие целям образования, и готовностью системы постдипломного профессионального образования своевременно удовлетворить эту потребность.

Особенно остро эта проблема стоит в так называемых непедагогических вузах, где преподаватели не имеют базового педагогического образования, а повышение психолого-педагогической квалификации в стенах образовательного учреждения чаще всего приобретает стихийный, слабоуправляемый процесс [1]. Имея в виду типичность этой ситуации и вышеназванные противоречия, была определена тема исследования – развитие оценочной деятельности преподавателя в системе постдипломного образования. Цель заключалась в том, чтобы выявить, теоретически обосновать и в ходе опытно-экспериментальной работы проверить педагогические условия, при которых будет осуществляться развитие оценочной деятельности преподавателя.

Известно, что развитие этой деятельности в процессе происходит разными путями. Среди

© Томилова М.И., Васильева Е.Ю., 2011

них особыми возможностями обладает обучение непосредственно в вузе без отрыва от педагогической деятельности. Возможности такого обучения успешно реализуются, если:

– в его содержание включены наиболее актуальные для образовательного учреждения вопросы оценочной деятельности и способах её осуществления;

– при его организации учитываются андрагогические принципы обучения (самостоятельность, опора на жизненный и профессиональный опыт, индивидуализация, рефлексивность, вариативность и др.), а также потребности, возможности и достижения конкретного коллектива преподавателей кафедры, факультета, вуза.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие задачи:

1. Выявить возможности постдипломного профессионального образования для развития оценочной деятельности преподавателя.

2. Разработать и реализовать программу обучения преподавателей в системе постдипломного образования, способствующую развитию их компетенции в области оценки студентов.

3. Определить эффективность обучения преподавателей на основе разработанной диагностической программы.

Для решения данных задач в исследовании были использованы следующие методы исследования: теоретический анализ, моделирование, проектирование, наблюдение, интервью, анкетирование, анализ продуктов деятельности, опытно-экспериментальная работа.

В Северном государственном медицинском университете на факультете повышения квалификации специалистов кафедрой педагогики была спроектирована и дважды реализована в 2010–2011 гг. программа обучения «Оценочная деятельность преподавателя в условиях перехода на образовательные стандарты третьего поколения». Программа предназначена для развития у преподавателей с различным опытом и установками, интересами заинтересованного отношения к новым подходам в оценочной деятельности; к обновлению ее содержания как современной профессиональной задачи, которая связана с использованием инновационных форм и методов оценивания и изменением характера оценочных действий.

Цель программы заключалась в том, чтобы подготовить преподавателей медицинского вуза к осуществлению эффективной оценочной деятельности. В результате обучения преподаватель должен знать:

– понятия «качество обучения» и «контроль качества обучения»;

– основные подходы к оценке качества обучения в российских и зарубежных медицинских вузах;

– принципы оценочной деятельности преподавателя и ее содержание;

– инновационные и традиционные модели оценочных средств;

– механизм оценки работодателями качества принимаемых выпускников;

уметь:

– разрабатывать традиционные и инновационные оценочные средства различных видов;

– применять традиционные и инновационные оценочные средства в учебном процессе для объективной оценки качества обучения;

– проводить экспертизу качества инновационных оценочных средств;

владеть:

– методикой оценки качества подготовки обучающихся в рамках требований ФГОС ВПО.

Объем программы составляет 70 часов, в том числе 35 часов аудиторных. Занятия проводились в очно-заочной форме, использовались элементы e-learning.

Программа включает 4 модуля: целевой, содержательный, технологический и проектировочный. В *целевом модуле* рассматриваются цели современного высшего образования, тенденции развития систем оценки качества обучения в российских и зарубежных университетах, а также вопросы развития оценочной деятельности преподавателя. *Содержательный модуль* предназначен для раскрытия особенностей компетентностного подхода в оценке студентов, требований к профессиональной педагогической деятельности в условиях перехода на образовательные стандарты третьего поколения. Данный модуль содействует развитию понимания у преподавателей необходимости формирования новой системы средств оценки качества подготовки выпускников.

Технологический модуль направлен на обогащение знаний преподавателей о традиционных системах и технологиях оценки обучения в высшей школе и опыта по использованию современных способов и систем оценивания деятельности обучающихся. *Проектировочный модуль* способствует формированию опыта проектирова-

ния и экспертизы инновационных оценочных средств.

В основу осуществления программы заложен деятельностный подход. Ключевая идея обучения заключалась в том, чтобы на материале учебной дисциплины преподаватель смог приобрести опыт проектирования и экспертизы инновационных оценочных средств непосредственно в процессе обучения.

При организации деятельности участников обучения учитывалось, что каждый слушатель обладает опытом оценочной деятельности в вузе, поэтому в ходе реализации программы была предусмотрена возможность обсуждения профессиональных находок путём активного профессионального общения.

Реализация программы происходила следующим образом. В начале каждого модуля обозначались цели и задачи, давалась краткая аннотация содержания, ссылки на образовательный портал, где были размещены лекции-презентации, списки дополнительной литературы и домашнее задание. Вместе с преподавателем курсов слушатели определили формы проведения обучения: лекции, круглые столы, презентации проектов домашних заданий с последующим обсуждением и рецензированием, публичная защита проектов инновационных оценочных средств с приглашением экспертов – заведующих кафедрами, деканов факультетов.

При реализации программы отслеживались изменения, которые происходили в оценочной деятельности преподавателей на основе критериев, выделенных в ходе теоретического анализа проблемы. Для этого была разработана диагностическая программа, включающая два блока.

Первый блок программы был направлен на выявление понимания преподавателями сущности оценочной деятельности, исследование используемых ими форм контроля и систем оценивания. На занятии преподавателям было предложено ответить на вопросы анкеты и выполнить тест.

В результате анализа ответов на вопрос «В чем заключается смысл оценочной деятельности преподавателя медицинского вуза?» было выявлено, что большинство слушателей считает смыслом данного вида деятельности оценку уровня подготовки студентов, определение их готовности к профессиональной деятельности.

Анализ ответов на вопросы показал, что 60% респондентов для текущего контроля знаний студентов используют устный опрос. Контроль с помощью тестов проводят 35% преподавателей, 15% используют ситуационные задачи и истории болезни, 10% опрошенных проверяют знания студентов с помощью контрольных работ.

Большинство преподавателей (60%) наиболее объективной формой итогового контроля знаний студентов считает устный экзамен, экзамен в форме теста объективным видят 45% слушателей. Причем тестовый экзамен на компьютере, по их мнению, является более объективным (25%) по сравнению с тестовым экзаменом на бланках (20%).

Для тестового контроля знаний студентов 75% респондентов используют задания, разработанные самостоятельно, 50% пользуются тестами других преподавателей кафедры, 40% – заимствуют задания из методической литературы. При этом только 35% преподавателей знают требования к составлению тестовых заданий.

Анализ используемых преподавателями систем оценивания знаний студентов показал, что большинство опрошенных (64%) используют пятибалльную систему. По мнению 75% слушателей эта система оценки знаний не в полной мере объективна и справедлива, 5% считают ее необъективной. Рейтинговую систему оценки применяют 46% респондентов.

Исследование влияния внешних факторов (настроение преподавателя, отношения с обучающимися) на оценку знаний студентов показало: 90% опрошенных считают, что данные факторы не влияют на выставляемые отметки.

В результате анализа ответов на вопрос «Влияет ли оценочная деятельность преподавателя на самооценку студентов?» было выявлено: 25% слушателей не уверены, что данный вид деятельности влияет на самооценку студентов, 75% дали утвердительный ответ.

Только 25% респондентов самостоятельно изучают методическую литературу и нормативные документы, в которых раскрываются вопросы оценки студентов.

В качестве основных мероприятий, необходимых для повышения уровня оценочной компетенции преподавателя, были отмечены:

1. Повышение квалификации преподавателей по вопросам оценки студентов.

2. Самостоятельное изучение литературы.

3. Внедрение и широкое освещение новых методов и методик оценки обучающихся.

Таблица 1

Результаты самооценки преподавателями оценочной деятельности

Параметр самооценки	Средний балл (по 5-б. шкале)	
	До обучения	После обучения
Знания о сущности оценочной деятельности	3,2	3,6
Оценочные умения	3,3	3,5
Необходимые профессионально-важные качества	3,7	3,8
Затруднения при оценке студентов	1,5	1,1

Таблица 2

Самооценка преподавателями компетентности в области разработки и экспертизы оценочных средств

Компетентность	Средний балл (по 5-б. шкале)	
	До обучения	После обучения
Компетенция в области разработки тестовых заданий	2,8	4,1
Компетенция в области разработки ситуационных задач	2,6	4,2
Компетенция в области экспертизы тестовых заданий	2	4
Компетенция в области экспертизы ситуационных задач	2,3	4

Второй блок диагностической программы был направлен на выявление изменений в оценочной компетенции слушателя на основе тестирования, анкетирования и наблюдения в процессе профессиональной деятельности, а также самооценки оценочной деятельности.

Самооценке подвергались знания преподавателя о сущности оценочной деятельности, оценочные умения, затруднения при оценке различных видов работ студентов, необходимые профессионально-важные качества. Результаты самооценки преподавателями до и после обучения представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, после обучения самооценка преподавателей возросла по первым трем показателям. Уровень затруднений при оценке студентов снизился. В конце курса обучения по результатам самооценки для каждого преподавателя было подготовлено заключение и даны рекомендации по совершенствованию оценочной деятельности.

На первом и последнем занятии преподаватели выполняли тест, позволяющий выявить уровень знаний видов, форм, методов контроля, систем оценивания, а также умение определять последовательность оценочных действий. Тест содержал 8 вопросов, за каждый правильный ответ присваивался 1 балл. Если средний балл по результатам тестирования до обучения по программе составил 4,5 балла, то после обучения – 5,1 балла, что свидетельствует об увеличении уровня знаний преподавателей по вопросам контроля и оценки студентов.

Слушатели оценивали свою компетентность в области разработки и экспертизы оценочных средств до и после обучения. Здесь также была зафиксирована положительная тенденция (табл. 2).

Полученные результаты позволят утверждать, что разработанная программа способствует развитию оценочной деятельности преподавателя при условии включения в содержание обучения вопросов, отвечающих требованиям модернизации высшего профессионального образования и потребностям конкретных слушателей, а также учета андрагогических принципов.

Заведующим кафедрам и деканам в качестве критериев для определения компетентности преподавателя в области оценки студентов можно использовать субъектные и деятельностные критерии. Первые характеризуют изменения в понимании преподавателем сущности оценочной деятельности и изменения в его отношении к данной проблеме. Вторые фиксируют изменения в характере его оценочных действий и изменения в используемых формах и способах оценивания образовательной деятельности обучающихся в зависимости от конкретной ситуации.

Библиографический список

1. Материалы международного семинара в рамках проекта TEMPUS IV 159328-TEMPUS-FR-TEMPUS-SMHES «Система обучения в тече-

ние жизни для преподавателей медицинских вузов» / ред. А.И. Новиков и др. – Омск: Издательство отдела международного сотрудничества ОмГМА, 2011. – С. 83–92.

2. Современные механизмы контроля качества подготовки специалистов в медицинских вузах: адаптация к международным стандартам: Материалы заочной Всероссийской научно-практической конференции, 15 ноября. – Архангельск, 2010. – 144 с.

УДК 378.1

Трещев Александр Михайлович
доктор педагогических наук
Астраханский государственный университет
smkasu@aspu.ru

БЕНЧМАРКИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТОМ

Одним из эффективных путей, направленных на развитие отечественной системы высшего профессионального образования, является применение инновационных управленческих технологий. К числу наиболее перспективных относится технология бенчмаркинга. В качестве основы при проведении бенчмаркинга, как инструмента управления университетом, рекомендуется использовать программу «20 ключей».

Ключевые слова: *бенчмаркинг, управление университетом, программа «20 ключей».*

Если вы знаете врага и знаете себя, то ваша победа не подлежит сомнению.
Сунь Цзы (китайский стратег и мыслитель)

Потребители образовательных услуг высшей школы, как России, так и всего мира, выдвигают на первый план вопросы качества образования. Существующая конкурентная среда среди вузов заставляет топ-менеджеров учреждений высшего профессионального образования осваивать современные инструменты управления, позволяющие совершенствовать качество выпускаемых продуктов и услуг, качество процессов, качество систем управления.

Среди эффективных и простых инструментов развития организации в мире все чаще называется неизвестное для педагогической общественности России слово «бенчмаркинг».

Бенчмарк (*bench* – место, *to mark* – отметить) – это термин, употреблявшийся землемерами в течение сотен лет. Землемеры пользовались «бенчмарками» – исходными отметками для начала отсчета расстояний – в качестве отправных точек отсчета, положение которых было определено раньше и которые использовались для определения границ участков. В наиболее общем смысле бенчмарк – это нечто, обладающее определенным количеством, качеством и способностью быть использованным как стандарт или эталон при сравнении с другими предметами.

В начале XX в. бенчмаркинг использовался в качестве эталона для оценки уровня продукта, для выяснения того, как создает свои продукты конкурент и насколько хорош этот продукт.

Бенчмаркингом впервые начали заниматься в Японии сразу же после Второй мировой войны, когда руководству страны просто необходимо было сравнивать себя с развитыми странами, чтобы понять, как стать мировой индустриальной державой. Японцы привнесли в понятие бенчмаркинга новое содержание. Осуществляя «индустриальные туры» по всему миру, проводя бенчмаркинг всех лучших мировых компаний, они впервые при изучении конкурентов делали упор не на продукт, а на процесс его производства, что позволило Японии к 70-м годам XX в. потеснить США на мировых рынках.

В настоящий момент бенчмаркинг приобретает статус глобального явления и рассматривается как инструмент, позволяющий обмениваться различным компаниям всего мира накопленными знаниями и опытом для постоянного развития и совершенствования. Вместе с тем бенчмаркинг выступает как искусство постижения того, как и почему одни компании добиваются значительно более высоких результатов, чем другие. Бенчмаркинг является той инновационной управленческой технологией, которая позволяет формализовать передачу и адаптацию передового управленческого опыта.

В начале 90-х годов XX в. бенчмаркинговые центры Великобритании, США, Германии, Швеции и Италии решили объединить усилия по развитию метода эталонного сопоставления в мире

© Трещев А.М., 2011

и учредили Глобальную сеть бенчмаркинга (Global Benchmarking Network, GBN) как сообщество независимых бенчмаркинговых центров. На сегодняшний день Сеть объединяет подобные центры из 24 стран мира.

Наряду с GBN успешно функционируют отраслевые глобальные бенчмаркинговые сообщества в сфере образования, такие как Consortium for Higher Education Benchmarking Analysis (CHEBA), Public Sector Benchmarking Service (PSBS), Educational Benchmarking, Inc. (EBI) и другие международные центры эталонного сопоставления.

Активному развитию глобального бенчмаркинга способствуют мировые конкурсы в области качества: Национальная премия качества Малколма Болдриджа (США), Японская премия качества, Европейская премия качества и другие.

Бенчмаркинг широко используется в американских профессиональных образовательных ассоциациях (NACUBO – National Association of College and University Business Officers, ACHE – The Association for Continuing Higher Education), в отдельных вузах (Университет Чикаго, университеты штатов Орегон, Пенсильвания, Юта и др.), частными консалтинговыми компаниями (Educational Benchmarking – http://www.webebi.com, The Benchmarking Exchange – http://www.benchnet.com и др.). В Европе хорошо известен Европейский центр стратегического менеджмента университетов (ESMU, Бельгия – http://sme.belgium.eu.net/esmu), в котором уже несколько лет успешно выполняется программа «Бенчмаркинг». Эта программа дает всем участвующим университетам уникальную возможность проанализировать и усовершенствовать свои ключевые управленческие процессы.

В настоящее время существует много различных определений понятия «бенчмаркинг». Приведем лишь некоторые из них.

Бенчмаркинг является одной из форм естественного любопытства человеческого существа, с которыми он/она изучает возможности сотрудничества и дружбы [7].

Бенчмаркинг – систематическое изучение и сравнение ключевых производственных показателей компании с аналогичными показателями своих конкурентов и лидеров в данной области [5].

Бенчмаркинг – это способ сравнения продукта или процесса с другими схожими продуктами или процессами относительно определенных стандартов [8].

Бенчмаркинг – это процесс систематического сравнения и оценки практики, процесса деятельности и его результатов с целью совершенствования и саморегуляции [6].

Заметим, что понимание бенчмаркинга как «отметки» используется для фиксации расхождения и отличий в изучаемых процессах или продуктов и услуг, подвергаемых бенчмаркингу. В этом смысле бенчмаринг отражает лишь процесс измерений и не объясняет разрывы и расхождения между сопоставляемыми объектами, не показывает, что следует предпринять для того, чтобы уменьшить отрыв от лидера.

На наш взгляд, более конструктивным, особенно для использования бенчмаркинга как инструмента управления вузом, является применение бенчмаркинга как процедуры анализа и поиска лучшей практики. Хотя, безусловно, лучшая практика может быть найдена только на основе сопоставления набора отметок, относительно которых сравниваются изучаемые объекты бенчмаркинга. Бенчмаркинг как процесс поиска лучшей практики использует способы сопоставления объектов не только с количественной стороны, он предполагает изучение качественной составляющей изучаемых объектов.

Бенчмаркинг – процедура поиска, анализа и внедрения в практику работы фирмы технологий, стандартов и методов работы лучших (первоклассных) организаций-аналогов (www.x-creative.com).

Бенчмаркинг представляет собой систематический процесс выявления и внедрения лучших практик (www.bpir.com).

Бенчмаркинг – процедура выявления наилучшей практики в отношении продуктов и процессов, посредством которых эти продукты создаются и поставляются. Поиск «лучшей практики» может происходить как внутри той или иной отрасли, так и в других отраслях. Кроме того, конечной целью бенчмаркинга является определение областей для улучшения и средств повышения производительности (www.tutor2u.net).

Бенчмаркинг – это открытая коллегиальная оценка качества услуг и процесса деятельности с целью сравнения и совершенствования лучшей имеющейся практики [9].

Существуют различные классификации бенчмаркинга, но среди них можно выделить основные, представленные в таблице 1 [1].

Таблица 1

Классификация бенчмаркинга

	Конкурентный	Функциональный	Внутренний	Общий
Стратегический	Сопоставление общих принципов ведения бизнеса предприятий, прямо конкурирующих друг с другом в одной области или на определенном рынке	Эталонное сравнение с признанным в данной области лидером для выбора наилучшей стратегии совершенствования бизнеса	Проводимое предприятием сопоставление работы своих отдельных подразделений с целью выявления возможности их совместного успешного сотрудничества	Знакомство одного предприятия с опытом применения новых технологий предприятия из другой отрасли
Оперативный	Сопоставление производственн ых процессов прямо конкурирующих друг с другом предприятий с целью выявления лучшего опыта	Изучение определенного процесса на предприятии, лидирующем в своей отрасли, и поиск способов достижения аналогичных результатов	Проводимое предприятием исследование работы своих подразделений и определение факторов, влияющих на успешность их деятельности	Исследование одним предприятием схожего процесса на другом предприятии, работающем в другой отрасли, и поиск путей совершенствования этого процесса

Если традиционно маркетинговая стратегия вузов строилась, как правило, на интуиции руководства или в лучшем случае на основе результатов маркетинговых исследований, то в сегодняшних условиях для поддержания устойчивого равновесия на рынке образования этого недостаточно. Необходимо постоянное изучение и анализ опыта деятельности и поведения на рынке лидеров образовательной производства. «Современная компания, подобная высококлассному спортсмену, должна постоянно поддерживать отличную форму, чтобы выдерживать соревнование с конкурентами и побеждать в борьбе с ними в условиях небывалого ужесточения конкуренции, обусловленного глобализацией, когда ей приходится соревноваться с лучшими мировыми игроками не только на внешнем, но и на внутреннем рынке» [4].

Как найти компании для сравнения? В каких источниках можно почерпнуть сведения о компаниях? Ответы на эти вопросы мы представляем в таблице 2.

При проведении бенчмаркинга важно помнить, что, прежде чем использовать опыт лучших практик, необходимо тщательно разобраться в причинах собственных недостатков. В связи с этим можно предложить разработанный Р. Кемпом десятиэтапный процесс проведения бенчмаркинга [3]:

1. Идентификация предмета бенчмаркинга.
2. Идентификация партнера по бенчмаркингу.
3. Определение наиболее подходящего метода сбора информации. Сбор данных.

Таблица 2

Как найти компании для сравнения?	Источники сведений о компаниях.
Номинанты премий в области качества. Деловая пресса. Конференции. Ассоциации: отраслевые и профессиональные. Книги об успешных компаниях. Консультанты и аудиторы, работающие в отрасли.	Внутренние ресурсы организации. Компании, предоставляющие услуги по бенчмаркингу. Отраслевые ассоциации бенчмаркинга. Банки данных, статистические ежегодники, информационные порталы. Отделы по отношениям с инвесторами потенциальных компаний сравнения. Интервью с экспертами.

4. Определение расхождений, важных с точки зрения обеспечения конкурентоспособности.

5. Планирование будущих показателей эффективности.

6. Доведение результатов бенчмаркинга до всех заинтересованных сторон и получение помощи в их применении на практике.

7. Установление конкретных целей и задач в области повышения эффективности функционирования компании.

8. Разработка планов мероприятий по их достижению и решению.

9. Проведение запланированных мероприятий и отслеживание их результатов.

10. Повторная проверка контрольных точек бенчмаркинга.

Алгоритм при проведении бенчмаркинга не имеет строгого регламента, обычно вузы разрабатывает и адаптирует основные этапы реализации стратегии под себя и часто предлагают свою методику бенчмаркинг-проекта. Так, например, мы придерживаемся (Астраханский государственный университет) шести основных этапов:

1. Выбор продукта, услуги или процесса для сравнения.

2. Определение основных критериев оценки.

3. Выбор компании или внутрифирменной области для сравнения.

4. Сбор информации.

5. Анализ показателей и определение возможностей применения полученных данных.

6. Применение полученного опыта, постановка новых задач для компании.

В качестве основы при проведении бенчмаркинга, как инструмента управления университетом, мы рекомендуем использовать Практическую программу революционных преобразований на предприятии (The Practical Programme of Revolution in Factories and Other Organisations (PPORF)), также известную как программу (систему) «20 ключей».

Программа «20 ключей» разработана японским профессором Ивао Кобаяси и объединяет все существующие методики, позволяющие повысить производительность и качество, в единую интегрированную систему [2]. Ее основатель И. Кобаяси 35 лет проработал на заводе «Мицубиси», пройдя путь от простого рабочего до директора, и весь свой опыт управленца заложил в основу PPORF.

Основные цели «20 ключей» можно выразить следующим образом: создание в компании условий для непрерывного совершенствования; выявление и ликвидация тех видов деятельности, которые не создают дополнительной потребительской ценности; фокус на оптимизации бизнес-процессов с учетом максимальной ориентации на рынок и потребителей продуктов/услуг; мотивация всех сотрудников предприятия; функционирование компании как сомообучающейся организации.

Достижение этих целей возможно при помощи взаимосвязанных между собой двадцати областей: 1 – Чистота и организация. 2 – Оптимизация системы управления целями. 3 – Работа коллектива по внедрению улучшений. 4 – Сокращение запасов и времени на выполнение заказа. 5 – Быстрый переход производства к выпуску новой продукции. 6 – Производственный функционально-стоимостной анализ. 7 – Безмониторинговый производственный процесс. 8 – Совместное производство. 9 – Эксплуатационная надежность оборудования. 10 – Контроль времени и дисциплина. 11 – Система управления качеством. 12 – Управление поставщиками. 13 – Устранение потерь. 14 – Стимулирование работников к внедрению улучшений. 15 – Универсальность навыков и перекрестное обучение. 16 – Планирование производства. 17 – Контроль производительности. 18 – Использование информационных систем. 19 – Рациональное использование энергии и материалов. 20 – Оценка передовых и используемых на предприятии технологий, практичных методов.

Каждая область состоит из пяти уровней, преодоление каждого оценивается в один балл. То есть для получения одного «ключа» компания должна иметь 5 баллов. А обладание «связкой» всех 20 ключей обойдется в 100 баллов. Путем определения, на каком уровне компания находится в каждом из 20 ключей, идентифицируются ее слабые места. Опыт мировых лидеров бизнеса показывает, что компании, начинающие внедрять PPORF, имели порядка 20–30 баллов. И за каждые последующие 3–4 года набирали примерно еще по 20 баллов.

Всю деятельность университета можно также сегментировать по 20 направлениям. Преобразования, как правило, начинаются с любого направления, но обычно начинают внедрение с ключей 1 (наведение чистоты и порядка) и 3 (работа коллектива по внедрению улучшений). Затем переходят к другим ключам. Особенностью про-

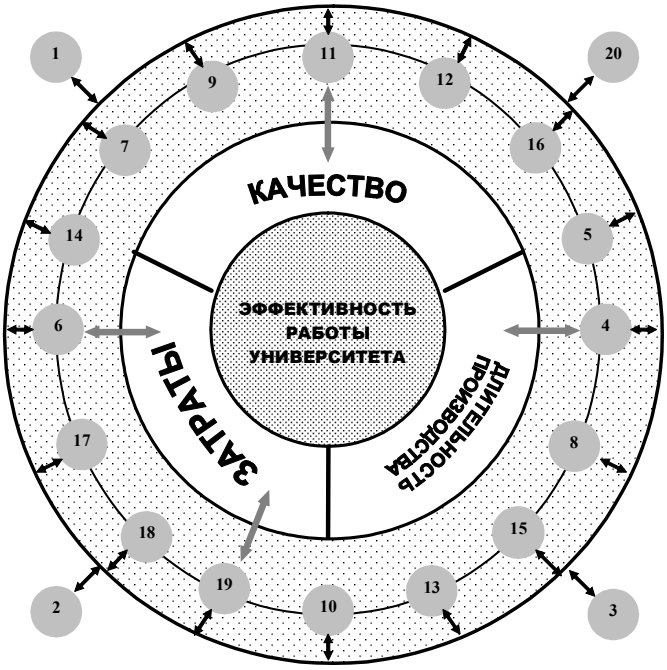


Диаграмма 1. Диаграмма взаимосвязей «20 ключей»

граммы «20 ключей» является то, что она не просто представляет совокупность лучших мероприятий и методов по непрерывному совершенствованию, а обеспечивает их интеграцию в одно взаимосвязанное целое. Результатом такой интеграции является эффект синергии: 20 ключей настолько тесно взаимосвязаны, что усовершенствование в одном ключе автоматически приводит к усовершенствованию в остальных 19. Эти взаимосвязи представлены на диаграмме 1.

При этом практическая программа за счет качественного улучшения всех факторов, имеющих критическое значение для работы университета, обеспечивает три главных показателя эффективности его функционирования: «Лучше – качество. Быстрее – длительность производства. Дешевле – затраты».

Что касается внедрения «20 ключей», то универсального подхода или технологии не существует. Приоритетность и методы улучшения выделенных факторов университет определяет самостоятельно.

Но с полной уверенностью можно отметить, что внедрение «20 ключей» позволяет:

– Согласовать цели всех структурных подразделений с единой корпоративной целью.

– Совершенствовать процессы получения «явных» и «неявных» знаний и внедрения инноваций, что приводит к повышению производительности и гибкости в реагировании на быстрые изменения рынка, потребителей, конкурентов.

– Вовлечь всех сотрудников в реализацию программы по совершенствованию деятельности университета.

– Повысить рост инициативных предложений и возможность управления ими с помощью менеджмента идей.

– Измерять достижения средством системы эталонной оценки.

– Осуществлять самообследование любого подразделения и использовать его результаты для проведения как внутреннего, так и внешнего бенчмаркинга.

– Создать в каждом подразделении «центры накопления и передачи опыта», «кружки качества».

Управление университетом направлено на его непрерывное совершенствование и предполагает постоянное сравнение, процедуру анализа и поиска лучшей практики. Но как это сделать, и существуют ли по этому поводу какие-то методики? На эти вопросы отвечает Практическая программа революционных преобразований на предприятии (The Practical Programme of Revolution in Factories and Other Organisations (PPORF)) – бенчмаркинговый инструмент, при помощи которого процесс исследования и оценки эффективности работы

компании существенно упрощается. В сравнении с лучшими практиками в университете постепенно создается собственная система постоянного совершенствования.

Библиографический список

1. *Гуннар З., Штефан К.* Бенчмаркинг. Руководство для практиков. – М.: КИА центр, 2006. – 128 с.
2. *Кобаяси И.* 20 ключей к совершенствованию бизнеса. Практическая программа революционных преобразований на предприятиях. – М.: Стандарты и качество, 2006. – 248 с.
3. *Кэмп Р.* Легальный промышленный шпионаж. Бенчмаркинг бизнес-процессов. – Днепропетровск: Баланс-Клуб, 2004. – 416 с.
4. *Стариков В.В.* Бенчмаркинг – путь к совершенству // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – №4. – С. 11–14.
5. *Dervitsiotis K.N.* Benchmarking and business paradigm shifts // Total Quality Management. – 2000. – № 11. – P. 41–46.
6. *Jackson N.* Benchmarking in UK HE: An overview // Quality Assurance in Education. – 2001. – Vol. 9. – № 4. – P. 218–235.
7. *Karjalainen A., Kuortti K. & Niinikoski S.* Creative Benchmarking. University of Oulu & Finnish Higher Education Evaluation Council. – University Press of Oulu, 2002.
8. *Pepper D., Webster. F. and Jenkins. A.* Benchmarking in geography: some implications for assessing dissertation in the undergraduate curriculum // Journal of Geography in Higher Education. – 2001. – Vol. 25. – № 1. – P. 23–35.
9. *Price I.* A Plain Person's Guide to Benchmarking. Special Report of the Unit for Facilities Management Research. – Sheffield: Sheffield Hallam University, 1994.

УДК 371.3

Кукушкина Любовь Анатольевна
Костромской государственный университет им. Н.А Некрасова
Lub-kuku@mail.ru

МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ПРОФИЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛАССОВ

В статье рассматривается модель процесса социального самоопределения учащихся профильных юридических классов. Определяются и характеризуются взаимосвязанные компоненты модели (концептуальный, целевой, содержательный, процессуальный).

Ключевые слова: *процесс, социальное самоопределение, профильные юридические классы, модель, принципы, функции, методы, формы, компоненты.*

Эффективность преобразований, происходящих в социально-экономической сфере общества, в значительной степени зависит от готовности учащихся старших классов делать взвешенный выбор будущей профессиональной деятельности. Требуются качественно новые подходы к деятельности всех государственных и негосударственных институтов занимающихся проблемами образования, педагогическим обеспечением социальной практики, социальной адаптации подростка к будущей профессиональной деятельности.

Моделирование как метод исследования в настоящее время получил широкое распространение в различных научных областях и направлениях.

В настоящее время все чаще применяется модельное представление сложных объектов. Например, А.Г. Асмолов рассматривает модель как универсальный способ познания, как язык науки будущего [1, с. 1–13].

Модель – это условный образ объекта. Она служит для выражения отношения между человеческими знаниями об объекте и самим объектом, является одной из форм разрешения диалектического противоречия между теорией и практикой и должна отражать структуру и функционирование объекта. «Ценность моделирования не в его всеохватности, а в выделении существенного в изучаемом объекте» [4]. В модели воплощается передовая практика, одновременно модель служит средством изучения и совершенствования этой практики. Модель проверяется на опыте, в результате этой проверки она уточняется, и создаются предпосылки для построения модели более высокого порядка.

 © Кукушкина Л.А., 2011

В педагогической науке существует мнение, что «содержание педагогики как науки является изучение методов построения оптимальных педагогических систем» [2, с. 3–11].

Благодаря моделированию, педагогический процесс становится технологичным, четким и системным. Педагогическую технологию можно рассматривать как последовательное и непрерывное движение взаимосвязанных между собой компонентов, этапов, состояний педагогического процесса, действий и состояний его участников.

Под моделью процесса социального самоопределения учащихся профильных юридических классов мы понимаем, описание рассматриваемого процесса с выделением отдельных структурных единиц и связей между ними как единой системы допрофессиональной подготовки старшеклассников по юридическому профилю.

Основываясь на нашем понимании социального самоопределения учащихся профильных юридических классов - как многоуровневого, противоречивого процесса, зависящего от объективных и субъективных факторов, от внешних и внутренних социальных ресурсов. Он предполагает осознание старшеклассником своей роли в единой общности социальных отношений. Включенность в эту систему происходит на основе сформированных интересов и потребностей человека. Это сложный процесс, который рассматривается как форма социализации и самоорганизации человека, с другой стороны он может выступать результатом педагогического воздействия и организации деятельности различных социальных институтов.

Предлагаемая нами модель процесса социального самоопределения учащихся профильных юридических классов состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов: концептуального, целевого, содержательного, процессуального.

Назначение концептуального компонента модели состоит в том, что бы объяснить сущность системных изменений, конкретизировать общий замысел развития системы, выявить совокупность взглядов, подходов и принципов.

Принцип гуманизации. Формирует у учащегося общечеловеческие воззрения. Развивает в нем чувства гражданственности, социальной ответственности, предполагает ориентацию на профессиональное развитие и саморазвитие личности, реализацию личностного потенциала, инициативы и активности, самостоятельности в принятии решений, творческой самореализации.

Принцип интеграции. Суть данного принципа заключается в том, что благодаря идентификации (самоотождествления) и обособлению (выделению себя из общего) индивидуум, взаимодействия с другими людьми и социальными группами, в процессе разнообразной деятельности, избирательно, а главное – самостоятельно, формирует свою систему личностных смыслов. Данный принцип способствует включенности старшеклассников профильных юридических классов в правовую культуру.

Принцип системности. Суть его в том, что благодаря образованной цепочке тесно связанных между собой и взаимообусловленных актов обучения, воспитателя, процесс социального самоопределения протекает более гладко и обеспечивает лучшие результаты.

Принцип субъектности. Требует ориентации всей системы профессионального становления личности на создание условий для развития ее профессиональной компетентности и творческой самореализации.

Принцип преемственности. Может быть определен как последовательная, непрерывная связь между разными элементами педагогического влияния на личность на разных ступенях ее развития, а так же взаимосвязь отдельных этапов воспитания и обучения старшеклассников профильных юридических классов.

Принцип проблематизации. Изменение роли и функций взрослого и ребенка, учителя и учащегося в процессе воспитания и обучения. Взрослый не воспитывает, не преподает, но актуализирует исследовательскую активность самого ученика, стимулирует его тенденцию к личностному росту, создает условия для совершения старшеклассником, для самостоятельного обнаружения и постановки им общественно значимых проблем и задач.

Согласно современным представлениям, можно выделить следующие функции процесса социального самоопределения учащихся профильных юридических классов: образовательную, социализирующую, развивающую, профориентационную.

Образовательная функция – реализуются через передачу знаний, умений и навыков, системы культурных ценностей, опыта творческой деятельности.

Социализирующая функция – выражается в приобретении опыта совместной деятельности, овладении системой общественных отношений и социального приемлемого поведения.

Развивающая функция – представляют собой развитие свойств личности, логических приёмов, познавательной активности, интересов, способностей.

Профориентационная функция – направлена на формирование профессиональных навыков ученика, развитие его конкурентоспособности, информирование учащихся о востребованных профессиях, проведение целенаправленной работы по развитию интереса к ним.

Исходя из общих принципов, функций процесса социального самоопределения, направленных на создание условий для максимального раскрытия внутренних ресурсов, личностного потенциала каждого старшеклассника профильного юридического класса, их включенность в процесс допрофессиональной подготовки помогает приобрести социальный опыт, расширить индивидуальную и социальную компетентность, сформировать представления о выбранном профиле профессиональной деятельности.

Целевой компонент модели является системообразующим и ориентируется на понимание профессиональной подготовки юристов, как развитие глубоких личностных структур будущих специалистов в правовой сфере: его убеждений, ценностей, мотивов.

Целью данного компонента является социальное самоопределение учащихся профильных юридических классов, формирование у них осознанного выбора будущей профессиональной деятельности.

В соответствии с целью нами были поставлены следующие задачи: формирование мотивационно-личностного аспекта учащихся к поступлению в профильные профессиональные образовательные учреждения; актуализация понимания сущности юридической деятельности, ее роли и место в обществе, в жизни каждого человека; удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном, нравственном, профессиональном, социальном развитии учащихся; определение содержания социального самоопределения учащихся профильных юридических классов; организация педагогического процесса в профильном юридическом классе по социальному самоопределению учащихся профильных юридических классов.

Содержательный компонент строится исходя из того, что во-первых социальное самоопределение учащихся – это специально организованный процесс. Направление данной деятельности связано с реализацией педагогических условий, исполнением конкретной комплексной программы по социальному самоопределению учащихся профильных юридических классов, оказание помощи старшеклассникам в осознании и решении собственных проблем, в формировании отношения к избираемой профессиональной деятельности; во-вторых, с моральной и социальной сторон, чтобы, как отмечает Е.А.Климов, осуществить выбор профессии надо хорошо знать, из чего следует выбирать, хорошо ориентироваться в мире всех обстоятельств, которые нужно учитывать, чтобы этот выбор приносил удовлетворение личности, иметь возможность сделать такой выбор сознательно, быть компетентным в мире профессий [3].

В процессе формирования содержательного компонента модели используется система методов, форм и средств.

Методом обучения. Выделяют три основные группы методов обучения: 1) методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности. Они классифицируются: - по источнику передачи и восприятия учебной деятельности (словесные, наглядные, практические); - по логике передачи и восприятия информации (индуктивные, дедуктивные); - по степени самостоятельности мышления (репродуктивные, проблемно-поисковые); - по степени управления учебной работой (под руководством преподавателя, самостоятельная работа учащихся); 2) методы стимулирования и мотивации учебной деятельности, имеют следующую классификацию: - методы стимулирования интереса к учению (познавательных игр, учебных дискуссий, создание эмоционально-нравственных ситуаций, организационно-деятельностные игры); - методы стимулирования ответственности и долга (убеждения в значимости учения, предъявления требований, поощрения и наказания); 3) методы контроля и самоконтроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности, классифицируются на: - методы устного контроля и самоконтроля (индивидуальный опрос, фронтальный опрос, устные зачеты и экзамены); - методы письменного контроля и самоконтроля (письменные работы, контрольные работы, зачеты, экзамены); - методы практичес-

кого контроля и самоконтроля (машинный контроль, контрольно-лабораторный контроль).

Использования метода обучения в процессе учебной и внеучебной деятельности по формированию социального самоопределения учащихся профильных юридических классов дает нам возможность помочь старшеклассникам накопить определенный опыт по профессионально-правовым знания, сформировать умения работать с нормативно-правовыми документами, приобрести навыки во взаимодействии в правовой системе

Метод воспитания. Общественно обусловленные способы педагогического целесообразного взаимодействия между взрослыми и детьми, способствующие организации детской жизни, деятельности, отношений, общения, стимулирующие их активность и регулирующие поведение. Выбор методов воспитания зависит от цели воспитания; ведущего типа деятельности; содержания и закономерностей воспитания; конкретных задач и условий их решения; возрастных, индивидуальных и половых особенностей воспитанников; воспитанности (воспитуемости), мотивации поведения. Условиями, определяющими успешное применение метода воспитания, выступают индивидуальные особенности воспитателя как личности, уровень его профессиональной компетентности.

Данный метод помогает сформировать у будущих специалистов в области юриспруденции дисциплинированность, высокий уровень ответственности, быть физически, психологически, социально готовым к выполнению профессионального и общественного долга.

Метод диагностики. Диагностический – фиксация факта, сигнала проблемности, проектирование условий диагностики предполагаемой проблемы, установление контакта с учащимся, вербализация постановки проблемы (проигрывание ее с учащимся), совместная оценка проблемы с точки зрения значимости для учащегося.

Данный метод стимулирует у старшеклассника осознания последствий своих решений, особенностей соотношения личностных ресурсов с общественными потребностями, сравнение профессиональных требований в области юриспруденции со своими возможностями.

Метод просвещения. Просветительское направление включает различные мероприятия, направленные на обеспечение учащихся знаниями, необходимыми для адекватного выбора профиля обучения и пути дальнейшего образования.

Мы выделяем следующие формы просветительской деятельности: работа со справочной литературой; работа с информационно-поисковыми системами; встречи учащихся с сотрудниками силовых структур, специалистами судебной системы, сотрудниками нотариальных и адвокатских коллегий (при условии специального отбора и психолого-педагогической подготовки таких специалистов по профессии); познавательные и просветительские лекции о путях решения проблем самоопределения; систематические профориентационные учебный занятия; учебные фильмы и видеофильмы.

Метод профориентации – сообщение учащимся сведений о различных профессиях, их значении для страны, потребностях в кадрах, условиях труда, требованиях предъявляемых профессией к психофизиологическим качествам личности, способах и путях их получения, оплате труда.

Метод профориентации включает в себя: ознакомление старшеклассников и выпускников учебных заведений с современными видами трудовой деятельности, социально-экономическими и психофизиологическими особенностями различных профессий, потребностями в квалифицированных кадрах, требованиями, предъявляемыми профессиями к человеку, возможностями профессионально-квалификационного роста и самосовершенствования в процессе трудовой деятельности. Данный метод формирует у старшеклассников мотивированные профессиональные намерения, в основе которых лежит осознание ими социально-экономических потребностей и своих возможностей; оказание помощи учащимся в профессиональном самоопределении и предоставление рекомендаций учащимся о возможных направлениях профессиональной деятельности, наиболее соответствующих его способностям, формированию позитивного настроя и уверенности в будущем.

Метод профориентации для учащихся профильных юридических классов выступает важным этапом в их социальном и профессиональном самоопределении, а так же помогает в приобретении ими профессионально значимых качеств и свойств личности.

Метод социально-педагогического сопровождения. Данный метод допускает включение старшеклассника в ситуации, требующие воле-

вого усилия для преодоления противоречивого воздействия социума или изменения ранее сложившихся убеждений и стереотипов поведения.

Использование разнообразных методов обучения происходит в процессе применения разнообразных форм обучения в их преемственности и взаимосвязи.

В содержательном компоненте модели средства выступают, как элементы организации процесса социального самоопределения. Программное обеспечение учебной и внеаудиторной деятельности, основывается на разработке программ в соответствии с требованиями стандарта и учебным планом направления; кадровое обеспечение – формируется из высоко квалифицированных специалистов в области гуманитарных, естественно-научных и профессиональных дисциплин, специалистов практиков; административные условия; экономические и технические составляющие, учебный процесс построен с соблюдением требований Госта и не нарушает обще принятых принципов построения данного процесса, занятия проводятся на базе юридического факультета и использованием наглядных и интерактивных средств обучения.

Процессуальный компонент исследуемой модели предусматривает последовательность трех этапов процесса социального самоопределения – актуализации профильного социального самоопределения учащихся, информирование учащихся о выбранном ими юридическом профиле, готовность учащихся к выполнению определенных социальных, профессиональных задач.

Таким образом, созданная модель процесса социального самоопределения учащихся профильных юридических классов включает основные свойства системы: она является целостной, т.к., предполагает единство и взаимосвязь всех компонентов системы (концептуального, целевого, содержательного и процессуального), что обеспечивает ей устойчивое функционирование. Завершив характеристику модели процесса социального самоопределения учащихся профильных юридических классов, мы делаем вывод о том, что успешная реализация модели связана с созданием на практике ряда педагогических условий.

Библиографический список

1. *Асмолов А.Г.* Образование как расширение возможностей развития личности // Вопросы психологии. – 1992. – № 1. – С. 1–13.

2. *Атутов П.Р.* Концепция формирования технологии культуры молодежи в общеобразовательной культуро-сообразной школе России // Школа и производство. – 1993. – № 1. – С. 3–11.

3. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. – Ростов-на-Дону, 1996. – 256 с.

4. *Симоненко В.Д.* Педагогические основы профессиональной ориентации учащихся школ-интернатов. – Брянск, 1997. – 97 с.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354:351/354

Бахмарова Виктория Николаевна
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
vik2183@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена специфике французского социологического подхода к исследованиям управления с позиции внутриорганизационного взаимодействия. Особенность французского подхода проявилась в расширении количества участников управленческого процесса: акторов, агентов, актантов, актеров. Автором проанализированы и соотнесены статусы участников, выделены основные характеристики применительно к управлению.

Ключевые слова: *управление, актор, актант, актер, агент, социальное действие.*

В условиях глобализации особую роль приобретает включенность российской социологической науки об управлении в мировое научное сообщество. Опыт зарубежных национальных школ необходим отечественной социологии управления сегодня, в период ее диверсификации, укрепления междисциплинарных связей. Среди таких школ нам представляется целесообразным показать специфику современной французской национальной школы как одной из наименее изученных в отечественной научной литературе, однако представляющей особый исследовательский интерес. На сегодняшний день потенциал и особенности французского социологического подхода к осмыслению феномена управления пока еще не получили достойного теоретического осмысления, что послужило причиной написания данной статьи. Цель статьи заключается в выявлении и обосновании специфики современного французского подхода к исследованию феномена управления.

Французская социологическая мысль не создала отдельного направления, сосредоточившего свое внимание на изучении феномена управления, однако исследователи обращаются к этому явлению в рамках социологии труда, социологии организаций и др. Автор определяет французскую школу, сторонники которой занимались изучением проблем управления, как «французскую социологию организаций и управления» – направление социологической науки, предметом которого является совокупность социальных средств регуляции поведения индивидов в организации в процессе совместной деятельности по достижению целей.

Французская социология организаций и управления отличается особой включенностью предмета в контекст исторических традиций, культурно-идеологических особенностей страны. Ликвидация института королевской власти и провозглашение принципов свободы, равенства и братства после Великой французской революции привели к ярко выраженной ориентации на исследование властных отношений во французской философской и социологической мысли. Власть как социальный феномен перестала быть сосредоточенной в руках одного субъекта, следовательно, и управление как элемент проведения властной политики становится рассеянным по всему социальному пространству, не принадлежа всецело ни одному из его субъектов.

Франция – страна с индивидуалистической культурой. Для французских исследователей управления характерен принцип индивидуализма, согласно которому организация рассматривается как сумма индивидов, а изучение социальных явлений, процессов, динамики социальных групп и, следовательно, управления как социального феномена сводится к изучению поведения индивидов, участвующих в этом процессе. Наряду с методологией индивидуализма французская социология крайне рациональна.

Во французской социологии организаций и управления доминирует взгляд на человека как на члена общества, чье поведение во многом детерминировано социальным пространством. Французские социологи исследуют явления в контексте социальной среды, например, социальное пространство организации как активный контекст, формирующий социальное поле управления.

© Бахмарова В.Н., 2011

Французские исследователи проблем управления оперируют понятиями «актор», «актер», «агент» и «актант», определяющими участников управления. Все понятия основаны на понятии «действия» как активного акта, поступка, поведения. Центральным понятием является «социальный “актор”». В переводе с французского языка слово *acteur* имеет два значения – актер и активный участник чего-либо. Общепринятым стало переводить термин просто как «актор», субъект действия.

Социология акторов во Франции зародилась во второй половине XX в. в рамках парадигмы коллективного действия, появившейся в ситуациях рабочих волнений, студенческих бунтов и социальных движений. Изначально применительно к теории социального действия актором считали индивида – участника социального взаимодействия. Затем актор стал определяться через позицию, то есть место индивида в социальной структуре с определенными атрибутами и ролями (актер) [5]. Так теория социального действия – первое направление французской социологии организаций и управления – продолжила исследование актора как деятеля, а в сетевой социологической модели – второе направление – актор стал актером – носителем позиции с определенной ролью.

В ситуациях, когда актор не является субъектом, он предстает актером. Так, например, французский социальный теоретик Г. Дебор, вслед за сторонниками символического интеракционизма и драматургической социологии, рассматривает социальное «Я» не как собственность актора, а продукт театрализованного взаимодействия между исполнителями и публикой. Г. Дебор различает впечатления, которое человек хочет произвести, от впечатления, которое он в реальности производит. Исследователь представляет направление во французской социологии организаций и управления, в котором акторы являются актерами, которые могут неосознанно исполнять свои социальные роли.

А. Турен выделял критерии социального актора, связанные со способностью говорить «Я», признанием со стороны других, принадлежностью к определенной социальной группе, самое главное – со способностью действовать и, как следствие, изменять окружающую реальность своим поведением. М. Крозье считал социальных акторов начальными «точками отсчета» социальных систем и анализа социальных феноменов. Любая социальная система, согласно М. Крозье, существует только благодаря актору, который может ее нести и давать ей жизнь, он – единственный, кто может ее изменить [2, с. 107]. Акторы способны на расчет и манипулирование, адаптируются в социальном пространстве организации, вырабатывают стратегии действия в зависимости от обстоятельств и действий своих партнеров. Несмотря на все принуждения системы, акторы способны на целенаправленную выработку стратегии действия.

Понятие «актор» тесно связано с представлениями о том, что в социологической науке стоит считать действием. «Действие – это всегда влияние и участие в ситуации или проблеме. То есть это всегда деятельное присутствие. Нет действия – нет актора» [1]. Важно подчеркнуть, что любой вид деятельностной активности влечет за собой социальную ответственность актора. Социальные акторы обладают субъектностью социальных действий – формы или способа разрешения социальных проблем и противоречий, в основе которых лежит столкновение интересов и потребностей основных социальных сил этого общества. Если рассматривать управление как социальное действие, то социальный актор может являться носителем субъектности управленческого воздействия.

Во французской социологии организаций и управления актор может выступать и в качестве объекта управления. Так, если рассматривать управление как социальный институт – совокупность правил и норм, регулирующих отношения между людьми, выполняющими роли начальников и подчиненных, – социальные акторы будут являться объектами управленческого воздействия. Это происходит чаще всего в бюрократических структурах с четким иерархическим подчинением, в которых жесткие правила, рутинность и негибкость системы ограничивают свободу действий акторов или же сводят ее к минимуму [9, с. 8].

Радикальный взгляд на природу социального актора представляет исследователь Ф. Дюбе, разделяя деятельность актора на три логики действия на основе познавательного критерия – опыта: интеграция, стратегия, субъективация. «Дистанция относительно “Я”, превращающая актора в субъект, является социальной, она социально конструируется в гетерогенности логик и в раци-

ональностях действия» [8, с. 92]. Ф. Дюбе приходит к мысли о том, что актор может стать субъектом при наличии определенной дистанции между личным эмоциональным восприятием и логичным рациональным действием.

Понятие «актант» также определяет участника управления. В лингвистике и литературоведении актант является активным участником ситуации, речевой конструкцией. Существенной особенностью «актантов» является тот факт, что они могут проявляться как отдельные социальные силы и не быть эквивалентами конкретным действующим участникам управленческого процесса. Французское восприятие актанта уходит своими корнями в структурную семантику. Французские исследователи Ж. Альгидрас и Э. Сурьо разрабатывали так называемую актантную теорию, посвященную структурно-семантическому анализу литературного текста, и рассматривали актантов как роли в повествовании, а актеров в качестве действующих лиц, исполняющих эти роли. Выделяют актантов трех измерений: первая ось – субъект/объект, вторая – отправитель/получатель, третья – помощник/противник (вредитель) [4, с. 125].

Сетевая социологическая теория акторов представлена в трудах французских исследователей М. Каллона и Б. Латура, которые изучали деятельность акторов как технологию «перевода» – трансляции ценностей и стремлений акторов – процесс конструирования социальной реальности. В сетевой теории актор также становится «актантом» [7, с. 26] – существом, совершающим действие или подвергающимся действию или участвующим в действии, даже в качестве пассивного наблюдателя. Однако важно отметить, что сеть включает в себя не только акторов, но и предметы окружающего материального мира, которые тоже могут являться актантами.

Понятие «агент» во французской социологии организаций и управления используется в концепции социальных представлений П. Бурдье в противоположность субъекту и индивиду [1]. Оно восходит от французского «agent» [3] – также многозначного понятия, обозначающего действующую силу, агента и др. Важно отметить, что в переводе с французского языка с точки зрения лингвистической науки агент – это субъект действия. Однако с позиции социологии управления агент выполняет лишь функции посредника, транслятора, не обладает субъективностью и может быть объектом воздействия.

В XVI–XVII вв. во Франции управление рассматривалось в рамках властных и политических процессов и трактовалось чрезвычайно широко, включая общие принципы правильной организации самого себя, ведения домашнего хозяйства, содержания семьи и, безусловно, управление государством. До середины XX в. во французском управлении преобладала тенденция патернализма – организации работы субъектом управления, который был для сотрудников неким «отцом», заботящимся об их труде. Можно с уверенностью утверждать, что с середины XX в. по настоящее время основополагающим явлением во французском управлении выступает корпоративизм.

Французское управление или администрирование было теоретически оформлено А. Файолем в начале XX века. Затем идеи управления испытали влияние школы человеческих отношений, системного и структурно-функционального подходов. Со времен Э. Дюргейма и его последователей и вплоть до середины XX века господствующим направлением французской социологической мысли был структурный функционализм.

Современные исследования управления, на наш взгляд, в большинстве своем основаны на методологии конструктивизма, согласно которой управление создается действиями и представлениями социальных акторов. Управление в современной французской социологии, так или иначе, затрагивалось в исследованиях таких авторов, как Ж. Аттали, П. Бурдье, М. Фуко, Д. Жоделе, Р. Сенсолье, М. Крозье и др. Большинство из них не были специалистами в области организаций и управления (за исключением М. Крозье, сосредоточившего свое внимание на проблемах организаций), однако их отдельные идеи могут быть отнесены к изучению природы человеческих взаимодействий в управлении, функциям управления, организации воздействия на индивидов для достижения определенных целей.

Таким образом, проведенный анализ специфики французского подхода к исследованию феномена управления позволяет сделать следующие *выводы:*

1. Специфика французской социологии организаций и управления проявляется в новом осмыслении участников управленческого процесса. В управлении принимают участие социальные акторы, а также актеры, актанты и агенты, которых связывает между собой активное действующее начало. Все они наделены активнос-

тью и совершают действия, однако только актанты и акторы могут претендовать на обладание субъектностью управления. Главный участник управленческого процесса – социальный актор.

2. Во французской социологии организаций и управления существует два основных направления исследования феномена управления: теория социального действия и сетевая концепция. В теории социального действия актор является участником социального взаимодействия, способным на создание стратегии и целеполагание. С точки зрения сетевой социологической парадигмы актор определяется позицией или местом индивида в социальной структуре с определенными атрибутами и ролями. В сетевой теории актор выступает актантом – звеном сети.

3. Социальный актор обладает субъектностью управления только при условии рассмотрения управленческого процесса как организованного социального действия.

4. Исследование управления во французской социологической традиции относится к методологии социального конструктивизма, согласно которой «социальные реальности постигаются как исторические и повседневные конструкции индивидуальных и коллективных акторов» [6, с. 101]. Управление как социальный феномен конструируется, прежде всего, действиями социальных акторов.

Библиографический список

1. Бурдье П. использовал понятие «агент» от франц. «agir» – действовать, подчеркивая их способность действовать свободно и одновременно с этим подвергаться внешним и внутренним воздействиям.

2. *Де Терсак Ж* // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб.: Б. и., 1999. – Т. 2. – С. 107.

3. *Гак В.Г., Ганшина К.А*. Новый французско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lingvo.yandex.ru/agent/c%20французского/ (дата обращения 02.05.2011).

4. *Греймас А.-Ж*. Структурная семантика: Поиск метода / пер. с франц. Л. Зиминой. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 125.

5. Климентьев В. Социальные сети: от реальности к веб-сервису. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.webplanet.ru/knowhow/service/wklim/2007/11/12/social_sitebuilding.html (дата обращения 09.04.2011).

6. *Коркюф Ф.* Новые социологии / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Федоровой; науч. ред. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 101.

7. Социология вещей: сб. статей / под ред. В. Вахштайна. – М.: ИД «Территория будущего», 2006. – С. 26.

8. *Dubet F.* La sociologie de l'expérience. – Paris: Seuil, 1994. – P. 92.

9. *Crozier M.* Le Phénomène bureaucratique: essai sur les tendances bureaucratiques des systèmes d'organisation modernes et sur leurs relations en France avec le système social et culturel. – Paris: Éditions du Seuil. 1963. – P. 8.

УДК 316.3

Коныгина Маргарита Николаевна
кандидат педагогических наук
Северо-Кавказский государственный технический университет (г. Ставрополь)
valeri@stv.runnet.ru

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ПОМОГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В статье представлено и обоснованно понятие «социально-помогающей деятельность», определено содержание деятельности, ее направленность, структура, дана характеристика субъекта и объекта, выделены современные виды и социальные институты помогающей направленности.

Ключевые слова: *социально-помогающая деятельность, субъект помощи, объект помощи, структура деятельности.*

В современной России важным фактором социальной стабильности и общественного согласия является соблюдение социальной справедливости. Механизмом, обеспечивающим социальную справедливость и решение социальных проблем, является механизм социальной защиты. В рыночных условиях институт социальной защиты выполняет роль своеобразного буфера, гасящего недовольство граждан, и является обязательным элементом общественной системы. Для граждан, нуждающихся в помощи, содействии в связи с возрастом, состоянием здоровья, социальным положением, недостаточной обеспеченностью средствами существования, существенным элементом социальной защиты является социальная помощь. Официально в России социальная помощь проявляется в виде пособий, предоставления материальной помощи, обслуживания больных и престарелых, заботы о детях и т.д. Очень часто всю социальную помощь отождествляют с социальной работой.

Социальная помощь предстает не только как реакция на моральную ответственность общества, но и как его юридическая ответственность, обращенная к государственным органам управления. В этом разрезе субсидиарность социальной помощи приобретает характер необходимости, а отношения в сфере социальной защиты становятся очень многоплановыми, включающими взаимные права и взаимные обязанности всех членов общества, в том числе и тех, которые находятся в трудной жизненной ситуации. Рассматривать их только в рамках социальной работы затруднительно, так как ее суть сужает границы возможных исследований.

Становится целесообразным использование такого понятия, как социально-помогающая деятельность. Парадигмальная сущность социально-помогающей деятельности заключается в том, что это социальная деятельность, осуществляемая с помощью общественных ресурсов и средств для решения проблем индивида как члена общества.

Социально-помогающая деятельность – это процесс, динамические изменения которого приводят к формированию разнообразных форм и видов помогающего труда, самостоятельных социальных институтов. На разных этапах эволюционирования социально-помогающей деятельности такими институтами выступают государственное и общественное призрения, социальное обеспечение, социальная работа и т.д.

Социально-помогающая деятельность определяется через концепцию социальной помощи, представляя собой процесс оказания социальной помощи в конкретных социально-экономических, социально-политических условиях общества. При таком толковании в орбиту социально-помогающей деятельности должны быть вовлечены как социальные отношения при социальной помощи (функциональные аспекты), так и социальные структуры (организационные аспекты).

Центральными направлениями в социально-помогающей деятельности следует считать: направления на достижение социальной стабильности в обществе; направления на предотвращение и разрешение социальных конфликтов; направления на решение существующих или возникших проблем (работа по случаю, по ситуации); направления на превентивную подготовку граждан к трудным жизненным ситуациям (работа систем социального страхования); направления на изменение социальной ситуации (по принципу социального управления); направления на предоставление услуг гражданам по их запросам или на основании оценок социальной диагностики (социальное обслуживание).

Особенностями социально-помогающей деятельности являются ее общественная значи-

© Коныгина М.Н., 2011

мость, помогающая направленность и специфическая структура деятельности как самостоятельного социального процесса.

Ведущими структурными компонентом социально-помогающей деятельности являются ее субъект и объект. Субъектом действия выступает человек, обладающий определенными психофизиологическими и личностными качествами, обеспечивающими ему возможность осуществления поставленных целей (человек помогающий). Объектом деятельности выступает человек, нуждающийся в посторонней социальной помощи (человек нуждающийся) [3]. Сочетания «человек помогающий» и «человек нуждающийся» определяют основу социально-помогающей деятельности, которая, однако, может быть реализована только под контролем и при участии общества, устанавливающего определенные «правила поведения» участников деятельности. В свою очередь, «человек помогающий» и «человек нуждающийся» могут формировать собственные объединения в формах, отвечающих условиям существования конкретного общества, соотношение которых образует структуру социально-помогающей деятельности, а их взаимодействия – ее функциональную составляющую.

При рассмотрении базовых структурных компонентов мы выделяем также:

– виды социально-помогающей деятельности, которые формируются при установлении устойчивых отношений между субъектом и объектом социальной помощи в процессе ее оказания;

– модели социально-помогающей деятельности, образующиеся как организационное оформление взаимодействия видов социально-помогающей деятельности в конкретных социально-экономических условиях при участии и контроле со стороны общества.

Социально-помогающая деятельность организационно приобретает характер законченной социальной системы в границах государства, потому что она может быть законодательно регламентирована, а отдельные ее модели и виды скоординированы органами государственного управления. Социально-помогающая деятельность может быть рассмотрена как сегмент социальной сферы, состоящий из социальных институтов различного ранга и разной степени институционализации, динамично развивающийся вместе с обществом.

Вся социально-помогающая деятельность в обществе обусловлена наличием проблемных групп, в отношении которых и строится система социальной помощи. Наличие нуждающихся в социальной помощи – первая и основная причина для социально-помогающей деятельности, источник ее движущей силы. Изменения в структуре нуждающихся либо в структуре потребностей этих нуждающихся неизменно приводят к изменению системы социально-помогающей деятельности.

Все объекты социально-помогающей деятельности могут быть классифицированы на коллективные и индивидуальные объекты социальной помощи.

Индивидуальные объекты – это те, которым свойственно использовать помощь для исправления собственной жизненной ситуации и которые способны возмещать общественные затраты за счет собственного включения в общество на правах полноценного социального актора.

При рассмотрении современной системы социально-помогающей деятельности к ним можно отнести следующие группы:

– малообеспеченные:

* одиноко проживающие граждане. Таким людям необходимо общение, поддержание социально-бытовых условий (жилье, питание, одежда), интеграция их в различные сферы социокультурной жизни (труд, досуг, спорт и т.д.);

* родственники людей, находящихся в социально опасном состоянии. Эти люди нуждаются в информировании о проблемах, обучении взаимодействию и повышении психологической устойчивости, нередко они сами готовы и способны оплачивать услуги;

– нетрудоспособные:

* дети нуждаются в педагогическом и психологическом сопровождении, обеспечении свободного развития, постоянной опеке и поддержке взрослых и др.;

* пожилые – в социально-медицинских, психологических услугах, в материальной поддержке, в постороннем уходе и др.;

* инвалиды – в реабилитационных мерах, в безбарьерной среде обитания, в психологической поддержке и содействии в трудовой занятости, а также в ряде случаев – в посторонней помощи;

– хронические больные:

* алкоголики нуждаются в психологической поддержке, изменении социальной среды, содействии в адаптации к иным социальным услови-

ям, способны сами стать субъектами социальной помощи;

* наркоманы – в медицинском вмешательстве, изменении социальной среды, в психологическом сопровождении. Способны сами стать субъектами социальной помощи;

– временно находящиеся в трудной жизненной ситуации:

* бывшие заключенные в мерах ресоциализации, в содействии в трудоустройстве и др.;

*мигранты – в содействии в адаптации в новых социальных условиях;

* безработные испытывают потребность в психологической помощи, материальной поддержке и содействии в трудоустройстве;

* бездомные нуждаются в материальной поддержке, в юридической помощи и психологической коррекции и др.;

* люди на грани суицида требуют психологической поддержки и коррекции и др.;

* лица, пострадавшие от насилия, нуждаются в юридической помощи, психологической поддержке, в обеспечении временного убежища.

Представители этой группы способны стать субъектами социальной помощи другим лицам в аналогичных ситуациях.

Коллективным объектам свойственно использовать средства помощи для передачи их в преобразованном виде индивидуальным объектам и возмещать общественные затраты за счет повышения эффективности социально-помогающей деятельности в обществе. Это, прежде всего, те, кто занимается социально значимой деятельностью. К такой группе относятся: общественные организации, которые нуждаются в материальной помощи, в юридической и информационной поддержке; временные коллективы, выполняющие социально значимые проекты, нуждающиеся в информационной и юридической поддержке; волонтеры и учреждения социального обслуживания, испытывающие финансово-экономические проблемы и нуждающиеся в материальной поддержке, юридической защите и др.

Исследование эволюционирования социально-помогающей деятельности позволяет утверждать, что объекты социальной помощи присутствуют во всех обществах [1; 2]. Постоянно происходит трансформация сущности и потребностей объектов социально-помогающей деятельности в зависимости от социально-экономической и социально-политической ситуации в обществе. Потребности людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, диктуют введение новых и разнообразных форм предоставления помощи, что ведет за собой соответствующую трансформацию субъектов социально-помогающей деятельности.

Субъект социально-помогающей деятельности – важный компонент в организационных схемах и в их путях реализации социальной помощи, так как сущность и потенциал субъекта в значительной степени влияют на всю социально-помогающую деятельность, наполняя ее реальным содержанием.

Отечественные исследователи (И.А. Зимняя, Е.И. Холостова и др.) выделяют несколько групп субъектов социальной работы. Однако, на наш взгляд, в существующих классификациях авторы не всегда последовательны, так как включают в перечень не только акторов, которые непосредственно обслуживают потребности нуждающихся граждан, но и акторов, которые обеспечивают деятельность представителей первой группы, таких как преподаватели учреждений профессионального обучения и др. При таком подходе к субъектам социально-помогающей деятельности можно отнести всех представителей социальной сферы, что явно вступает в противоречие с принципами выделения субъекта как особого актора, выполняющего строго очерченные социальные функции.

Мы считаем, что следует более строго относиться к такой классификации. Так, все разнообразие субъектов социально-помогающей деятельности может быть сгруппировано в несколько групп, разделенных на два класса: индивидуальные и коллективные. Коллективные субъекты могут выступать как непосредственными исполнителями социально-помогающих действий, так и в качестве организаторов деятельности индивидуальных субъектов. Индивидуальные субъекты социально-помогающей деятельности характеризуются наличием мотивационных установок, обладанием свободы выбора видов деятельности и порядка поведения, использованием для своей работы собственных ресурсов. Необходимо учитывать, что деятельность коллективных субъектов нуждается в законодательной и административной регламентации.

Предлагаемая классификация будет выглядеть следующим образом:

– индивидуальные субъекты: благотворитель – гражданин, передающий безвозмездно соб-

ственные средства объекту социальной помощи исходя из личностных мотивов; волонтер – гражданин, использующий безвозмездно для оказания помощи нуждающимся собственный труд, руководствуясь личными мотивами; наемный работник (профессиональный социальный работник, государственный служащий) – гражданин, оказывающий социальную помощь нуждающимся по обязательствам государства или иного социального актора и получающий за эту работу вознаграждение;

– коллективные субъекты: государственные учреждения – организованная группа граждан, которые за счет государственных средств осуществляют меры социальной поддержки нуждающимся; частные учреждения – организованная группа граждан, которые за свой счет или за счет иных средств осуществляют меры по социальной поддержке нуждающихся; общины – группы граждан, объединенных территориально или выполняемой деятельностью, которые осуществляют социальную помощь нуждающимся по установленным этой группой правилам.

Довольно сложные проблемы возникают при оценке государства как коллективного субъекта социально-помогающей деятельности. С одной стороны, именно государство берет на себя обязательства социальной помощи и организует ее предоставление, с другой стороны, оно реализует свои действия через учреждения, которые сами являются субъектами. Эта проблема нами рассматривалась ранее [2], но, тем не менее, нуждается в дальнейшей проработке.

В современном глубоко дифференцированном обществе социально-помогающая деятельность фактически складывается из ряда видов деятельности, имеющих различную степень институционализации. Наиболее известными и распространенными являются следующие:

– собственно благотворительность как осуществление социальной помощи индивидуальными субъектами путем передачи нуждающимся своих личных материальных ценностей или произведенных ими лично услуг, что приближает ее к таким видам помощи, как пожертвования, подаяния, милостыня;

– волонтерская (добровольческая) деятельность как личное безвозмездное участие индивидуальных субъектов в изменении социальной ситуации нуждающихся;

– профессиональная социальная работа как осуществление специалистами социальной помощи нуждающимся за счет средств третьих лиц или общества в целом;

– социальное обеспечение как предоставление нуждающимся материальных благ или услуг за счет общественных (государственных или общинных) средств в соответствии с законодательно и нормативно закрепленными правилами и гарантиями;

– социальное страхование как предоставление нуждающимся (людям, попавшим в нужду по заранее оговоренным причинам) средств из страховых фондов, накопленных за счет средств самих людей в период их благополучной жизнедеятельности;

– социальное обучение как передача гражданам знаний об организации жизнедеятельности общества и способах управления им для профилактики конфликтов и попадания граждан в трудные жизненные ситуации.

Представленная классификация позволяет судить о том, какие различия в социальных, политических и экономических условиях требуются для полноценной реализации каждой деятельности, какое участие в их осуществлении принимает человек как субъект социально-помогающей деятельности, как индивидуум и как личность. Выделенная и описанная структура социально-помогающей деятельности позволяет определить ее статус и место в обществе, обозначить дальнейшие координаты исследования разных форм и видов деятельности, особенностей формирования современных социальных институтов помогающей направленности.

Библиографический список

1. Антология социальной работы в России и на Ставрополье. Вып. I. / сост. М.Н. Коныгина, Т.Ф. Маслова, Н.П. Клушина. – Ставрополь: СКСИ; Ставропольсервисшкола, 2002. – 320 с.

2. *Коныгина М.Н.* Государственные и общественные организации как субъекты социальной помощи детям в России (конец XIX–XX вв.): монография. – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 164 с.

3. *Фирсов М.В.* История социальной работы в России. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 256 с.

УДК 316

Попова Ирина Викторовна
доктор социологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pivik@list.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ЕГО ОБРАЗЫ В КУЛЬТУРЕ

Познавательные возможности качественной социологии позволяют искать ответы на важные для человечества вопросы: что такое истина в социологическом исследовании? Какую реальность мы изучаем, работая с письменными личными документами? Что дает социология обществу? Автобиографический метод исследования позволяет увидеть, как социальная реальность преломляется в жизни конкретного человека, а в итоге понять, как социальные изменения переживаются обществом.

Ключевые слова: *качественная социология, автобиографический метод, жизненные планы, институциональная структура общества.*

Качественное исследование отличается от количественного принципиально тем, что в оппозиции «человек – общество» оно рассматривает индивида как творца общественной жизни. Индивидуальные жизненные планы пересекаются с жизненными планами других людей, и это создает социальную организацию. Несмотря на то что в центре внимания качественной социологии находится индивидуальное сознание и поведение, это не снимает с нее главного направления социологии – выявлять нечто типическое в социальной действительности. Качественная социология меняет взгляд на общество: вместо обобщенной информации о безликом обществе мы видим конкретного человека с его переживаниями, оценками происходящего, сомнениями. Задача качественного исследования состоит в том, чтобы максимально представить жизненный мир информанта, его интерпретацию событий. Для реализации такой задачи наиболее адекватным было проведение качественного исследования. Оно дает возможность не оказывать никакого давления на информанта со стороны исследователя. Целью исследования является получить оценку индивидуального жизненного пути как последовательности состояний человека, которые меняются в связи с меняющимися общественными событиями.

Именно с этих позиций в качестве примера мы приведем результаты исследования, которое проводится с 1991 года по настоящее время по методу исследования жизненных путей. Сама идея данного исследования заключается в том, чтобы через изучение автобиографических очерков «Я и общество», написанных студенческой молодежью, попытаться проследить изменения институциональной структуры общества, или, другими словами, трансформацию общества в свете изменений общественных структур. Кроме того, это исследование, будучи лонгитюдным, позволило выявить взаимосвязь между изменением социокультурной среды и социальными процессами, затрагивающими всю систему социальных отношений. Использование автобиографического метода объясняется тем, что это такой вид качественного исследования, где методологические посылки качественной социологии выражены наиболее полно и отчетливо. Биографический метод исследования личных письменных рассказов о жизни информанта – это способ получения информации о максимальной представленности жизненного опыта, что не является прямым отражением объективных событий, но конструированием мира и самого себя. Информант выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как он видит ее на данный момент. Как правило, он начинает свое повествование с детства, с того момента, как он себя помнит, а заканчивает подведением неких итогов в настоящем. За счет максимальной неформализации автобиографический метод дает исследователю глубокий доступ к субъективному миру человека. А благодаря анонимности позволяет получить от информанта то, чего он не сказал бы исследователю при личном интервью.

Так, в одной из работ можно найти подтверждение верности этого приема: «Жизнь – не сказка. И что поделаешь? Возможно, некоторые подробности истории моего пути шокируют вас, но кто знает, вдруг мне станет легче, когда я скину их на бумагу».

В целом анализ собранного материала показал, что жизненный путь человека – это многоас-

© Попова И.В., 2011

пектный процесс. Он складывается из многих взаимосвязанных жизненных сфер. Если же попытаться выделить основные жизненные сферы, о которых больше всего говорит данная социально-демографическая группа, то это: семейная жизнь и отношения с родителями, образовательная и самоопределения в обществе.

Изначально условием описания жизненного пути ставилась не столько хронология событий, сколько психофизические качества людей, живущих в условиях трансформирующегося общества. Особенностью данного исследования является также и то, что в нем изменения институциональной среды рассматривается не глазами информантов, а глазами исследователя, который на протяжении многих лет накапливает информацию о каждом следующем возрасте акторов. В приложении можно видеть несколько текстов, выполненных информантами, так как они используются для анализа.

Что касается анализа полученного материала, то построен он будет в хронологическом порядке.

Автобиографии, написанные в 1991 году, выполнены людьми, родившимися в 1974 году. Поэтому их детство проходило в доперестроечное время. Характерной особенностью этих работ является то, что в сознании запечатлелось вступление в октябрята, пионеры и комсомол. Основное внимание уделено, практически во всех работах, общественной деятельности в школе и моментам индивидуального жизнеустройства, выбора профессии.

Нередки работы, в которых молодые люди говорят о любви к Родине.

Материалы, полученные в 1994–1995 годах, резко отличаются по своему содержанию от предыдущих тем, что в них мало воспоминаний о детских годах, в них все внимание уделено ближайшему прошлому. В основном это рассказы о семье, о том, как трудно общаться с родителями, потому что они постоянно заняты зарабатыванием денег, как отдалились учителя от своих учеников, состояние одиночества в обществе, – так можно охарактеризовать тон большинства работ. Существенное влияние на самоощущение этой возрастной группы оказали события в Чечне. Так, например, в одной из работ девушка 1974 года рождения пишет: «Самым значительным приобретением за время воспитания явилось то, что мама показала мне, что такое книги, и я считаю, что все мои убеждения, знания, цели произошли из книг. Откуда могла взяться любовь к Родине? Только не такая, как можно представить за этим добрым, но заштампованным словосочетанием. Мне же совсем не все равно, что сейчас в моей стране русские люди убивают таких же, как они, людей – они мне совсем не чужие и их горе, не выразимое словами, отдается в моем сознании».

Переход от общественного к индивидуальному характерно звучит в одной из работ: «В школе я занимала активную жизненную позицию – работала в штабе “Поиск”, походы, семинары, поездки, комитет комсомола. Лет в 15 поняла, что это никому не нужно, кроме тех, кто этим занимается. Мне повезло, что я родилась во времена застоя, а живу во время перестройки. Я почувствовала себя человеком, а душу обрела в августе 1991 года. Вот так и живу: раньше на меня влияли родители и учителя, а еще – барабаны, флаги, различная советская символика, с 15 лет я перестала на это обращать внимание и главное место в моей жизни заняли друзья и хорошая музыка».

В одной из работ очень точно передано состояние этого поколения: «С 1994 года перестали принимать в пионеры, я как раз перешла в пятый класс. Каково же было разочарование, когда отменили это долгожданное событие, это же всегда подавалось как одно из ярчайших событий в школьные годы. Для меня лично это было достаточно драматично. Так мы прощались с советской властью, по моим ощущениям – болезненно и чуть не с мясом ее от нас отрывали. Потом отменили школьную форму. Это стало поворотным моментом в моей жизни. Если до этого социальному положению в школе значения не придавали, то с отменой школьной формы мы перестали быть равными. По тому, кого как одевали родители, все стало очевидно. Моя мама не могла покупать мне новые вещи, в семье совсем не было денег. Я донашивала вещи маминой молодости. Постепенно и по нарастающей начались издевки одноклассников».

Что касается работ, написанных с 2003 по 2006 год, то характерной особенностью этих работ является оценка последствий перестройки как с индивидуальной, так и с социальной позиции. Если говорить об индивидуальном, то это большое количество работ, в которых говорится о распаде семьи, о ее тяжелом материальном положении, о пьянстве отцов, о нелюбви к детскому саду. В качестве оценки происшедших изменений можно привести следующую выдержку: «В моей се-

мье много учителей, мама, папа, тетя, бабушка. После 90-х социальный статус родителей очень изменился. Интеллигенция потеряла много социальных преимуществ. В процессе воспитания я впитала установку на образованность и определенный набор ценностей советского времени. Хорошие такие ценности и идеалы. Начиная с 90-х к ведущим статусным ценностям нередко стали относить богатство человека, владение собственностью и финансовыми ресурсами, возможность красиво жить. Вообще это нормальное стремление, плохо, когда оно выходит на первый план и становится культом».

Цитата из другой работы: «Моя автобиография – печальная история о том, как медленно, но верно общество уничтожало в человеке все его лучшие качества: правдивость, справедливость, веру в торжество добра. С того времени как Россия встала на "путь капитализма", я только и слышу "экономика, финансы, валютный фонд, карьерный рост, достойная зарплата, условные единицы, вилла на Лазурном берегу и т.д. и т.п.". Неужели это то, к чему должен стремиться нормальный человек?! В таком случае я объявляю себя "ненормальной" и во всеуслышание кричу: "Любовь! Дружба! Милосердие! Уважение! Добро! Сострадание!" В качестве эпиграфа не только моей работы по социологии, но и моей жизни я взяла бы слова Р.У. Эмерсона: "Истинный показатель цивилизации – не уровень богатства и не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитанного страной"».

Примером того, насколько ценно ретроспективное исследование жизненных путей, можно считать работу, в которой автор описывает не только свою жизнь, но и жизнь своих прабабушки, бабушки и мамы. В такой работе действительно просматривается эпоха. В событийном анализе можно увидеть и то, как прошлое откладывает свой отпечаток на настоящее. Так, рассказывая о своей прабабушке, девушка пишет: «Я уверена, что моя жизнь и зачатки моей личности отчасти были заложены еще моими предками. Моя прабабушка родилась в 1898 году, уже после отмены крепостного права, но долго еще семья продолжала считать себя крепостной, и жила баба Юля при барском доме. Когда убили царя-батюшку, крестьяне очень горевали и приход к власти коммунистов для многих из них был трагедией. Семья бабы Юли долгое время помогала бывшим своим хозяевам продуктами с огорода и спасала их, так как они были не приспособлены к жизни и физическому труду. Теперь я хочу пояснить, как, по моему мнению, жизнь моей прабабушки повлияла на формирование моего характера. Я считаю себя человеком, очень склонным к сопереживанию, и могу работать как в подчинении, так и самостоятельно. Я тяжело переживаю потрясения в обществе, смену власти, настороженно смотрю на реформирование общества. Я склонна считать, что эти черты генетически были заложены еще при жизни моей прабабушки. Теми страхами и опасениями, которые терзали ее при общественном строе, в котором она жила».

Рассказывая о судьбе своей бабушки Гали, она касается судьбы женщины, пережившей войну и все тяготы, с этим связанные, и благодарит бабушку за то, что научила ее делать все домашние дела, что сейчас ей очень пригодилось в жизни.

Судьба мамы – это судьба молодой женщины, родившей в деревне ребенка без мужа, отношение к ней со стороны окружения. История о том, как несмотря ни на что она сумела посвятить свою жизнь детям, и теперь это самый родной и близкий для них человек.

Говоря о своей жизни, девушка пишет: «Не знаю, как будет складываться моя жизнь, но свой небольшой жизненный опыт не считаю ненужным. Все трудности в жизни дают нам возможность окрепнуть и на себе почувствовать, что такое кризис, тупик, обвал. О нынешнем общественном строе и о политике нашего государства можно говорить много плохого, многое у нас запущено. Наша Дума, принимая очередной законопроект, ориентируется на опыт зарубежных государств. Порой создается впечатление, что они не знают особенностей России, не понимают, что большинство их законов загоняют большинство русских людей за черту бедности и ставят в условия выживания».

Весь этот анализ сделан для того, чтобы показать, что в качественном исследовании предметным полем выступает практика повседневной жизни как единственная социальная реальность. Поэтому в таких исследованиях делается акцент на изучении точки зрения индивида, действующего в социальной реальности.

УДК 316

Попова Ирина Викторовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pivik@list.ru

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ «ИСТОРИЯ ЖИЗНИ» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Познавательные возможности качественной социологии позволяют искать ответы на важные для человечества вопросы: что такое истина в социологическом исследовании? Какую реальность мы изучаем, работая с письменными личными документами? Что дает социология обществу? Автобиографический метод исследования позволяет увидеть как социальная реальность преломляется в жизни конкретного человека, а в итоге, понять как социальные изменения переживаются обществом.

***Ключевые слова**: качественная социология, автобиографический метод, жизненные планы, институциональная структура общества.*

Культурно-историческая концепция создавалась как попытка определить отношения в системе «субъект-среда» через категорию социально-культурного контекста. Можно согласиться с мнением В.Т. Кудрявцева о том, что значимость культурно-исторической концепции для современных исследований состоит не столько в обосновании знаково-символической детерминации человеческого сознания, сколько в попытках понять знак (символ) как инструмент расширения сознания в культурно-историческую перспективу, который не навязывается субъекту социумом, а с той или иной степенью самостоятельности выбирается им из культуры, осваивается, перестраивается и при необходимости создаётся самостоятельно [2, с. 9]. Права и Е.Е Сапогова, которая считает, что знак, символ, текст - всё это инструменты не просто присвоения культуры, но личностного самоопределения человека в культуре, расширения границ самого себя, выхода за свои пределы Их особенность как психических орудий состоит в том, что они двунаправлены - каждый из них обращён одновременно и к социокультурным реалиям (с их помощью человек пытается трансформировать окружающий мир, воздействовать на других) и к субъективности человека (они становятся средством субъективного преобразования внутреннего мира) [3, с. 177].

Культурно-исторический подход имеет дело не с предельно обобщённым, абстрактным субъектом, а с конкретным человеком с его уникальным жизненным путём. Интерес к индивидуальным описаниям жизненного пути, в свою очередь, рождает новые способы их исследования и интерпретации. «История жизни» как стратегия направлена на анализ рассказов о жизни вне зависимости от того устная это традиция или письменная. Рассказ о жизни – это всегда информация, отличающаяся доверительной интонацией. Информант благодарен за то, что его жизненный путь является объектом внимания, что придает некую значимость самому повествованию. В качестве подтверждения можно привести цитату из работы, написанной девушкой 20 лет: «Я не уверена, что повествование о моей жизни и о жизни моих предков было недостаточно освещено с общественной точки зрения, скорее я даже мало привела фактов и доводов. Но, единственно, что мне хотелось бы заметить, это то, что описывала я все происходящее искренне и от души. Хотя я и стесняюсь рассказывать о своей жизни. И еще, напоследок, хотелось бы извиниться за большой пессимизм в моем повествовании. Изначально я перед собой такой цели не ставила, но править не стала сознательно. Не хотела исказить то, что шло от души. Надеюсь, что не заслужу осуждения этим пересказом событий из жизни своей семьи».

Сверхзадача социолога в использовании методики «история жизни» – понять социальный контекст индивидуальной жизни. Как происходит переход от общественного к индивидуальному, как можно понять процесс отделения собственного образа от окружающего мира можно увидеть из «историй жизни».: Исследования типа «история жизни» позволяют изучать процесс вживания индивидуального в социум. Реконструкция личного опыта людей позволяет понять смысл человеческого поведения, а изучение социальной обусловленности жизненных путей – механизмы регулирования жизненных траекторий [1, с. 178].

Именно с этих позиций в качестве примера мы приведем результаты исследования, которое

 © Попова И.В., 2011

проводится с 1991 года по настоящее время по методу исследования жизненных путей. Сама идея данного исследования заключается в том, чтобы через изучение автобиографических очерков «Я и общество», написанных студенческой молодежью, попытаться проследить изменения институциональной структуры общества или другими словами трансформацию общества в свете изменений общественных структур. Кроме того, это исследование, будучи лонгитюдным, позволило выявить взаимосвязь между изменением социокультурной среды и социальными процессами, затрагивающими всю систему социальных отношений. Использование автобиографического метода объясняется тем, что это такой вид качественного исследования, где методологические посылки качественной социологии выражены наиболее полно и отчетливо. Биографический метод исследования личных письменных рассказов о жизни информанта – это способ получения информации о максимальной представленности жизненного опыта, что не является прямым отражением объективных событий, но конструированием мира и самого себя. Информант выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как он видит ее на данный момент. Как правило он начинает свое повествование с детства, с того момента как он себя помнит, а заканчивает подведением неких итогов в настоящем. За счет максимальной неформализации автобиографический метод дает исследователю глубокий доступ к субъективному миру человека. А благодаря анонимности позволяет получить от информанта то, чего он не сказал бы исследователю при личном интервью. Так в одной из работ можно найти подтверждение верности этого приема: «Жизнь – не сказка. И что поделаешь? Возможно, некоторые подробности истории моего пути шокируют вас, но кто знает, вдруг мне станет легче, когда я скину их на бумагу».

В целом анализ собранного материала показал, что жизненный путь человека – это многоаспектный процесс. Он складывается из многих взаимосвязанных жизненных сфер. Если же попытаться выделить основные жизненные сферы, о которых больше всего говорит данная социально-демографическая группа то это: семейная жизнь и отношения с родителями, образовательная и самоопределения в обществе. Изначально условием описания жизненного пути ставилось не столько хронология событий, сколько психофизические качества людей, живущих в условиях трансформирующегося общества. Особенностью данного исследования является также и то, что в нем изменения институциональной среды рассматривается не глазами информантов, а глазами исследователя, который на протяжении многих лет накапливает информацию о каждом следующем возрасте акторов. В приложении можно видеть несколько текстов, так как они выполнены информантами, так как они используются для анализа.

Что касается анализа полученного материала то построен он будет в хронологическом порядке.

Автобиографии, написанные в 1991 году выполнены людьми, родившимися в 1974 году. Поэтому их детство проходило в доперестроечное время. Характерной особенностью этих работ является то, что в сознании запечатлелось вступление в октябрята, пионеры и комсомол. Основное внимание уделено, практически во всех работах, общественной деятельности в школе и моментам индивидуального жизнеустройства, выбора профессии. Нередки работы, в которых молодые люди говорят о любви к Родине.

Материалы, полученные в 1994–1995 годах резко отличаются по своему содержанию от предыдущих тем, что в них мало воспоминаний о детских годах, в них все внимание уделено ближайшему прошлому. В основном – это рассказы о семье, о том, как трудно общаться с родителями, потому что они постоянно заняты зарабатыванием денег, как отдалились учителя от своих учеников, состояние одиночества в обществе, так можно охарактеризовать тон большинства работ. Существенное влияние на самоощущение этой возрастной группы оказали события в Чечне. Так, например, в одной из работ девушка 1974 года рождения пишет: «Самым значительным приобретением за время воспитания явилось то, что мама показала мне что такое книги, и я считаю, что все мои убеждения, знания, цели произошли из книг. Откуда могла взяться любовь к Родине? Только не такая, как можно представить за этим добрым, но заштампованным словосочетанием. Мне же совсем не все равно, что сейчас в моей стране русские люди убивают таких же как они людей – они мне совсем не чужие и их горе, не выразимое словами, отдается в моем сознании».

Переход от общественного к индивидуальному характерно звучит в одной из работ: « В школе я занимала активную жизненную позицию – ра-

ботала в штабе «Поиск», походы, семинары, поездки, комитет комсомола. Лет в 15 поняла, что это никому не нужно, кроме тех, кто этим занимается. Мне повезло что я родилась во времена застоя, а живу во время перестройки. Я почувствовала себя человеком, а душу обрела в августе 1991 года. Вот так и живу: раньше на меня влияли родители и учителя, а еще – барабаны, флаги, различная советская символика, с 15 лет я перестала на это обращать внимание и главное место в моей жизни заняли друзья и хорошая музыка».

В одной из работ очень точно передано состояние этого поколения: «С 1994 года перестали принимать в пионеры, я как раз перешла в пятый класс. Каково же было разочарование, когда отменили это долгожданное событие, это же всегда подавалось как одно из ярчайших событий в школьные годы. Для меня лично это было достаточно драматично. Так мы прощались с советской властью, по моим ощущениям – болезненно и чуть не с мясом ее от нас отрывали. Потом отменили школьную форму. Это стало поворотным моментом в моей жизни. Если до этого социальному положению в школе значения не придавали, то с отменой школьной формы мы перестали быть равными. По тому, кого как одевали родители, все стало очевидно. Моя мама не могла покупать мне новые вещи, в семье совсем не было денег. Я донашивала вещи маминой молодости. Постепенно и по нарастающей начались издевки одноклассников».

Что касается работ, написанных с 2003 по 2006 год, то характерной особенностью этих работ является оценка последствий перестройки как с индивидуальной, так и с социальной позиции. Если говорить об индивидуальном, то это большое количество работ, в которых говорится о распаде семьи, о тяжелом материальном положении семьи, о пьянстве отцов, о нелюбви к детскому саду. В качестве оценки происшедших изменений можно привести следующую выдержку: «В моей семье много учителей, мама, папа, тетя, бабушка. После 90-х социальный статус родителей очень изменился. Интеллигенция потеряла много социальных преимуществ. В процессе воспитания я впитала установку на образованность и определенный набор ценностей советского времени. Хорошие такие ценности и идеалы. Начиная с 90-х к ведущим статусным ценностям нередко стали относить богатство человека, владение собственностью и финансовыми ресурсами, возможность красиво жить. Вообще это нормальное стремление, плохо, когда оно выходит на первый план и становится культом».

Цитата из другой работы: «Моя автобиография – печальная история о том, как медленно, но верно общество уничтожало в человеке все его лучшие качества: правдивость, справедливость, веру в торжество добра. С того времени как Россия встала на «путь капитализма» я только и слышу «экономика, финансы, валютный фонд, карьерный рост, достойная зарплата, условные единицы, вилла на Лазурном берегу и т.д. и т.п.» неужели это то, к чему должен стремиться нормальный человек?! В таком случае я объявляю себя «ненормальной» и во всеуслышание кричу: «Любовь! Дружба! Милосердие! Уважение! Добро! Сострадание!» В качестве эпиграфа не только моей работы по социологии, но и моей жизни я взяла бы слова Р.У. Эмерсона: «Истинный показатель цивилизации – не уровень богатства и не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитанного страной».

Примером того, насколько ценно ретроспективное исследование жизненных путей можно считать работу, в которой автор описывает не только свою жизнь, но и жизнь своих прабабушки, бабушки и мамы. В такой работе действительно просматривается эпоха. В таком событийном анализе можно увидеть и то, как прошлое откладывает свой отпечаток на настоящее. Так рассказывая о своей прабабушке девушка пишет: «Я уверена, что моя жизнь и зачатки моей личности отчасти были заложены еще моими предками. Моя прабабушка родилась в 1898 году, уже после отмены крепостного права, но долго еще семья продолжала считать себя крепостной и жила баба Юля при барском доме. Когда убили царя-батюшку крестьяне очень горевали и приход к власти коммунистов для многих из них был трагедией. Семья бабы Юли долгое время помогала бывшим своим хозяевам продуктами с огорода и спасали их, так как они были не приспособлены к жизни и физическому труду. Теперь я хочу пояснить как по моему мнению жизнь моей прабабушки повлияла на формирование моего характера. Я считаю себя человеком очень склонным к сопереживанию и могу работать как в подчинении, так и самостоятельно. Я тяжело переживаю потрясения в обществе, смену власти, настороженно смотрю на реформирование общества. Я склонна считать, что эти черты генетически

были заложены еще при жизни моей прабабушки. Теми страхами и опасениями, которые терзали ее при общественном строе, в котором она жила».

Рассказывая о судьбе своей бабушки Гали она касается судьбы женщины, пережившей войну и все тяготы с этим связанные и благодарит бабушку за то, что научила ее делать все домашние дела, что сейчас ей очень пригодилось в жизни.

Судьба мамы – это судьба молодой женщины, родившей в деревне ребенка без мужа, отношение к ней со стороны окружения. История о том, как несмотря ни на что она сумела посвятить свою жизнь детям и теперь это самый родной и близкий для них человек.

Говоря о своей жизни, девушка пишет: «Не знаю как будет складываться моя жизнь, но свой небольшой жизненный опыт не считаю ненужным. Все трудности в жизни дают нам возможность окрепнуть и на себе почувствовать что такое кризис, тупик, обвал. О нынешнем общественном строе и о политике нашего государства можно говорить много плохого, многое у нас запущено. Наша Дума, принимая очередной законопроект ориентируется на опыт зарубежных государств. Порой создается впечатление, что они не знают особенностей России, не понимают, что большинство их законом загоняют большинство русских людей за черту бедности и ставят в условия выживания».

Весь этот анализ сделан для того, чтобы показать, что в качественном исследовании предметным полем выступает практика повседневной жизни, как единственная социальная реальность. Поэтому в таких исследованиях делается акцент на изучении социального с точки зрения индивида, действующего в социальной реальности.

Библиографический список

1. *Готлиб А.С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциональные горизонты. – Самара, 2004. – С. 178.

2. *Кудрявцев В.Т.* К методологии исследования личности и личностного роста в культурно-исторической психологии // Московский семинар по культурно-исторической психологии. – М., 2004. – 9 с. – Режим доступа: http://www.tovievich.ru

3. *Сапогова Е.Е.* Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза // Индивидуальные и стилевые особенности личности / отв. ред. Т.Ю. Синченко, В.Г. Ромек. – Ростов-на-Дону: ЮРГИ, 2002. – С. 177–190.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 347.97

Лукоянов Денис Николаевич
кандидат юридических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Denis_lykoyanov@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РАЙОННОГО СУДА

Статья посвящена анализу действующего законодательства, регулирующего правовой статус председателя районного суда. В ней обозначены основные проблемы и предложены пути их разрешения. Затронутые в статье вопросы представляют научный и практический интерес.

Ключевые слова: *районный суд, организация работы суда, председатель районного суда, правовой статус председателя районного суда, назначение на должность.*

Управление каждым судебным учреждением в силу отечественных традиций прежде всего связывается с фигурой руководителя.

Д.А. Фурсов

Районный суд является основным звеном судов общей юрисдикции российской судебной системы. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что районные суды обладают очень широкой компетенцией: они рассматривают гражданские, уголовные дела и дела об административных правонарушениях, осуществляют контроль за законностью, обоснованностью решений мировых судей.

Немалую роль в обеспечении эффективного правосудия, создании условий, способствующих его осуществлению и выполнению судьями иных возложенных на них обязанностей, играет председатель суда.

Анализ норм международного и российского права позволяет сделать вывод о крайне недостаточном регулировании правового статуса председателя районного суда. Правовое закрепление статуса председателя до недавнего времени имело рамочный характер.

7 февраля 2011 года был принят Федеральный конституционный закон №1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (далее – Закон о судах общей юрисдикции), в котором отдельная глава регулирует статус районных судов, а статья 35 посвящена председателю районного суда. Однако анализ данных норм позволяет отметить, что содержащиеся в них положения воспроизведены из Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) с указанием аналогичных функций.

Учитывая значимость фигуры председателя в функционировании районного суда, представляется необходимым закрепление в действующем законодательстве конкретных **требований, предъявляемых к кандидату, претендующему на должность председателя районного суда**, а также лицу, занимающему указанную должность. Возложение на председателя районного суда повышенной ответственности за принимаемые решения в ходе реализации своих функций по организации работы суда предполагает установление соответствующих высоких требований к кандидатам на данную должность, что будет гарантом качественного исполнения обязанностей.

Представляется, что для осуществления полномочий председателя районного суда кандидату на данную должность необходим стаж работы в качестве судьи, составляющий не менее 5 лет работы. Данное мнение основано на следующих положениях: во-первых, от одного года до двух лет, а, возможно, для кого-то и до трех (думается, именно исходя из таких представлений, до недавнего времени судья первоначально назначался на три года), человеку, назначенному на должность судьи, необходимо для привыкания, адаптации к новым условиям, к новому для себя статусу; во-вторых, последующее время работы в долж-

© Лукоянов Д.Н., 2011

ности судьи необходимо для спокойного восприятия протекающей внутри суда работы, ее организации.

Также, как видится, разумно законодательно закрепить требование к кандидатам на должность председателей районных судов, касающееся профессионализма, качества работы. Это важно и по той причине, что, являясь «первым среди равных», руководитель суда должен быть примером в деле осуществления правосудия с максимально высокими показателями. Тем более, не только не исключается, но и видится роль председателя районного суда в том, чтобы в случае обращения к нему судей подведомственного ему суда, по возможности, оказать им практическую помощь, дать совет при осуществлении правоприменительной деятельности.

Необходимо ввести в процедуру назначения председателя районного суда на должность специальный комплекс заданий для проверки управленческих навыков кандидата на должность – это следует рассматривать также как одно из требований к кандидатам на должность председателя.

Поэтому предлагается законодательно закрепить соответствующие требования, дополнив ст. 4 Закона о статусе судей пунктом 2.1 (а также ст. 35 Закона о судах общей юрисдикции):

«2.1. Председателем районного суда может быть судья, имеющий стаж работы в должности судьи не менее 5 лет, обладающий высоким уровнем профессионализма и навыками руководителя».

В научной литературе приводится перечень качеств, которыми должен обладать руководитель суда [1, с. 92; 2, с. 58]. Так, Д.А. Фурсов, исследуя руководство судебной деятельностью, подразделяет эти качества на деловые и личные: профессиональные навыки, наблюдательность, понимание, умение создать в коллективе атмосферу сотрудничества, умение преодолевать конфликты и др. [5, с. 425–440].

Представляется необходимым также законодательно закрепить **требования, предъявляемые к председателю районного суда**: «хорошее знание делопроизводства; поддержание и развитие организаторских способностей; повышенная требовательность к себе и к работникам суда; способность к оперативному и качественному внедрению новых технологий в работу суда; точное и неукоснительное соблюдение Кодекса судейской этики; поддержание высокого уровня квалификации».

Совершенствуя правовой статус председателя районного суда, следует по-иному решить вопрос **о сроках назначения председателя на должность.** Срочность полномочий председателя имеет и положительные, и отрицательные стороны. С одной стороны, отсутствие полной уверенности в повторном назначении на должность председателя суда будет определённым рычагом, подталкивающим председателя к активной, ответственной работе, к совершенствованию организации деятельности суда для того, чтобы по истечении срока полномочий быть вновь назначенным на занимаемую должность. Срочность полномочий также даёт возможность в случае ненадлежащего исполнения своих функций председателем районного суда вне зависимости от причин (могут быть субъективные (безответственность, попустительство) или объективные (отсутствие качеств, необходимых руководителю)), – не рекомендовать кандидатуру председателя районного суда для повторного назначения. С другой стороны, истечение срока полномочий отнюдь не означает, что председатель утрачивает качества председателя как руководителя. Он может участвовать в конкурсе на аналогичную должность в другом суде, но в этом случае необходимость смены места жительства для продолжения осуществления функций председателя районного суда (председатели к тому моменту уже имеют почтенный возраст), что может отразиться на физическом состоянии человека. Если же председатель остается в должности судьи, это может создать психологические проблемы в его взаимоотношениях с новым председателем. Сказанное позволяет отметить, что ограничение срока полномочий председателя суда 6 годами является положительным, так как это стимулирует человека при выполнении своих функций. В то же время видится нецелесообразным и необоснованным ограничение возможности назначения на должность председателя одного и того же суда с запретом занимать данную должность более двух сроков подряд, так как данное требование является формальным. Исполнение лицом полномочий председателя районного суда в одном и том же суде два срока подряд не влечет каких-либо препятствия либо негативных последствий для назначения данного лица на эту должность снова при условии, что оно подходит по требованиям, предъявляемым к кандидатам на соответствующую должность. Поэтому предлагается

исключить из п. 14 ст. 6.1 Закона о статусе судей (аналогичных положений Закона о судах общей юрисдикции) следующих слов: «но не более двух раз подряд».

Основу содержания правового статуса председателя районного суда составляют функции и полномочия [4, с. 5–6]. В части 3 статьи 35 Закона о судах общей юрисдикции приводится перечень осуществляемых председателем районного суда функций. Представляется, что в практической деятельности круг функций председателя районного суда существенно шире и включает в себя не только указанные в статье функции, но и ряд других не менее важных общих обязанностей. В связи с этим необходимо законодательно закрепить следующие функции и полномочия, осуществляемые председателем районного суда:

1) Председатель районного суда **обращается к председателю вышестоящего суда с предложениями о внесении в квалификационную коллегию судей представлений о квалификационной аттестации заместителей председателя и судей, привлечении их к дисциплинарной ответственности, а также о приостановлении или прекращении их полномочий.**

2) Председатель районного суда **обращается к председателю вышестоящего суда с предложениями о внесении в квалификационную коллегию судей представлений о награждении заместителей председателя и судей государственными наградами Российской Федерации и ведомственными наградами.** Оба полномочия должны получить законодательное закрепление, так как очевидно, что, как руководитель, председатель районного суда должен иметь средства для формирования, улучшения судебного состава подведомственного ему суда, и поэтому в рамках функции по проведению работы с кадрами должны быть соответствующие полномочия.

3) Председатель районного суда **организует работу архива**. «Правильно организованная работа с документами, своевременный и квалифицированный отбор дел, производств, нарядов для постоянного хранения, четкий порядок передачи документов в архив и их надлежащее хранение обеспечивают оперативное получение достоверной справочной и научной информации о деятельности суда» [3, с. 82]. Председатель районного суда, как руководитель, обязан организовать работу архива путем возложения соответствующих полномочий на работника аппарата суда, проведения текущего и последующего контроля за исполнением предусмотренных законодательством и должностным регламентом обязанностей.

4) Председатель районного суда **организует работу суда по взаимодействию со средствами массовой информации**. Согласно Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы», одной из её задач является обеспечение открытости и прозрачности правосудия, что предполагает в числе прочего освещение хода судебных процессов, предоставление информации об изменениях в законодательстве, о судебной практике, о подсудности тех или иных категорий дел районным судам, о статистике рассмотрения дел конкретным судом, о работниках суда и о его работе в целом. В немалой степени от качественного выполнения данной функции зависит формирование у населения представления как о конкретном судебном учреждении, так и о судебной власти в целом.

5) Председатель районного суда **организует проведение анализа судебной статистики суда, работу по обобщению и изучению судебной практики.** «Целью судебной статистики является правильный и своевременный учет по установленной форме количества рассмотренных судами дел, сведений об осужденных, а также других необходимых данных о работе судов» [3, с. 176]. Её целью является «быстрое и полное обеспечение судей и работников аппарата суда достоверной информацией о судебной практике и действующем законодательстве по различным отраслям права, необходимой им при разрешении судебных дел и иных правовых вопросов» [3, с. 176–178, 197]. Роль председателя районного суда в организации данной работы состоит в решении следующих вопросов: определение того, что подлежит обобщению, какие категории дел требуют обобщения, с какой целью это делается, какие ошибки и трудности встречаются при рассмотрении данной категории дел, для того чтобы была обеспечена единая практика рассмотрения дел определенной категории, и ряд других. Однако первостепенным при выполнении данной функции является организация и порядок ведения данной работы и возложение соответствующих обязанностей на определенных работников аппарата.

6) Председатель районного суда **организует работу с населением по вопросам, связанным с функционированием суда**. При выполнении

данной функции председатель районного суда имеет следующие полномочия:

а) председатель **организует работу приемной суда**, главное предназначение которой заключается в обеспечении доступности судебной власти гражданам;

б) председатель районного суда **организует работу суда по приему граждан и рассмотрению предложений, заявлений и жалоб**. В районный суд как орган государственной власти граждане могут направлять обращения, которые могут быть поданы на волокиту при рассмотрении дел, на грубость председательствующего во время ведения судебного процесса, на несвоевременность вынесения полного текста решения суда, на несвоевременность изготовления протокола судебного заседания, на неправильное поведение судьи, работников аппарата суда в неслужебное время. От данной функции также зависит, насколько правосудие в судах будет скорым, доступным и качественным.

7) Председатель районного суда **осуществляет руководство по информатизации суда**, в частности, руководство по работе, предусмотренной в рамках мероприятий федеральной целевой программы единой государственной автоматизированной системы судов «Правосудие». Информатизация судов способствует реализации конституционных принципов самостоятельности судебной власти и независимости судей, повышения эффективности их деятельности, а также реализации прав граждан и юридических лиц на судебно-правовую информацию. Немаловажное значение в работе каждого суда в настоящее время играет создание и информационное обеспечение функционирования официального сайта, на котором размещается необходимая информация о деятельности суда.

8) Председатель районного суда **осуществляет контроль за деятельностью судебных приставов, обеспечивающих установленный порядок деятельности судов, по вопросам обеспечения охраны судов в рабочее время**, поскольку, как руководитель, он отвечает за безопасность всех участников судебного процесса и лиц, находящихся в здании суда.

9) Председатель районного суда **представляет суд в государственных органах, органах местного самоуправления и общественных объединениях**. Данная функция является характерной для председателя районного суда как руководителя. Тем удивительнее, что указанная функция отсутствует в законодательстве.

10) Председатель районного суда **по поручению председателя вышестоящего суда организует проверку сведений о поведении судей, не соответствующем требованиям, предъявляемым к ним Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодексом судейской этики, и умаляющем авторитет судебной власти.**

11) Председатель районного суда **организует проведение в коллективе районного суда мер противодействия коррупции**. С принятием Федерального закона от 28 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и других нормативных правовых актов антикоррупционной направленности на судей и работников аппарата суда, являющихся государственными гражданскими служащими, возложен ряд обязанностей и ограничений. Председатель районного суда должен организовать работу в коллективе по выполнению данных обязанностей и соблюдению соответствующих ограничений.

Вышеуказанные предложения свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулированию статуса председателя районного суда.

Библиографический список

1. *Байдуков В.А.* Обеспечение судебной власти в деятельности районного суда: Дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 215 с.

2. *Омаров М.Д.* Служба и профессиональная деятельность судьи федерального суда: административно-правовое регулирование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 170 с.

3. Организация деятельности судов: учебник / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2007. – 624 с.

4. *Федотов А.В.* Функция государственного органа: к вопросу интерпретации // История государства и права. – 2009. – № 5. – С. 5–6.

5. *Фурсов Д.А., Харламова И.В.* Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1: Теория и практика организации правосудия. – М.: Статут, 2009. – 524 с.

УДК 342.1

Петрова Ольга Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
PeOlN@yandex.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

На основе изучения и анализа теоретической базы и практики реализации законодательства о местном самоуправлении в статье рассматриваются условия, которые влияют на исполнение законодательства о местном самоуправлении.

Ключевые слова: *компетенция муниципального образования, государственные полномочия, самостоятельность муниципального образования.*

В рамках рассматриваемой темы, фактор можно определить как значимые условия, влияющие на исполнение и соблюдение законодательства о местном самоуправлении.

Очевидно, что одним из основных факторов, который значительно влияет на исполнение законодательства о местном самоуправлении, является отсутствие ясно очерченной компетенции муниципальных образований.

В отличие от Федерального закона от 28 августа 1995г. №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], устанавливавшего единый перечень вопросов местного значения для всех муниципальных образований, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] (далее – Закон 2003 года) предусматривает необходимость решения различных вопросов в зависимости от вида муниципального образования.

Проблема состоит в том, что в самом Законе 2003 года нечётко сформулированы сами вопросы местного значения. Использование таких формулировок, как «создание условий», «организация», «обеспечение», не даёт полного представления об объёме полномочий органов местного самоуправления.

Точное юридическое значение данных терминов Законом не дано. Значение этих понятий следует определять из содержания норм самого Закона 2003 года, положений Конституции [1], на основании которых сформулированы вопросы местного значения, а также положений законодательных актов, регулирующих решение вопросов местного значения органами местного самоуправления.

Таким образом, вопросы местного значения обозначены лишь в общей форме и не проясняют практического содержания деятельности.

Также возникает вопрос, все ли вопросы имеют местное значение.

В ряде законов органы местного самоуправления наделяются полномочиями наряду с полномочиями федеральных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Хотя эти полномочия между ними не разграничиваются, их исполнение финансовыми и материальными ресурсами не подкрепляется. Достаточно большое количество вопросов местного значения по своей сути является вопросами государственными.

В то же время понятие «вопросы местного значения» не может пониматься как не имеющие государственного значения. Суть состоит в учёте интересов населения в зависимости от того места, в котором проживают граждане. Вопросы местного значения в разных местностях могут решаться населением с учётом местной специфики. Решение этих вопросов зависит от местных условий. В современных условиях стабильность всего государственного механизма зависит от того, как решаются вопросы местного значения.

Обоснованно отмечает Н.С. Бондарь, что «многие вопросы, связанные с реализацией публичных функций государства, особенно в социальной сфере, имеют как местное, так и общегосударственное значение» [7, с. 76].

Представляется, что необходимо исключить из числа вопросов местного значения несвойственные муниципалам функции. Эти функции допустимо возлагать на местную власть лишь в качестве отдельных государственных полномочий с соответствующим ресурсным обеспечением.

 © Петрова О.Н., 2011

Необходимо также разделить вопросы местного значения на обязательные и факультативные. В список обязательных включить только базовые функции. В результате станет понятным, от выполнения каких функций при недостаточности средств можно отказаться.

Следующим фактором, влияющим на исполнение законодательства о местном самоуправлении, является то, что на органы местного самоуправления возлагают всё больше государственных полномочий.

Часть 2 статьи 132 Конституции Российской Федерации и статья 19 Закона 2003 года закрепляют возможность передачи законом органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Указанные полномочия находятся вне рамок вопросов местного значения и являются дополнительными функциями, не относящимися к сфере ведения местного самоуправления.

В настоящее время значительное количество государственных полномочий передаются органам местного самоуправления законами субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2] в статье 26.3 определил полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, их более 70. Вместе с тем пунктом 6 статьи 26.3 установлен перечень полномочий, которые не могут передаваться органам местного самоуправления, их порядка двадцати. Получается, что в принципе субъекты Российской Федерации могут большую часть своих полномочий передать органам местного самоуправления, поскольку нет никаких ограничений ни по количеству полномочий, передаваемых одновременно одному и тому же муниципальному образованию, ни по условиям, с которыми должно быть связано решение о передаче полномочий в конкретных случаях.

В результате субъекты Российской Федерации посредством делегирования полномочий могут полностью переложить осуществление той или иной функции на муниципальные образования, что и имеет место на практике. Однако целесообразность переданных отдельных государственных полномочий не всегда очевидна, более того, зачастую такие передачи накладывают чрезмерную нагрузку на деятельность органов местного самоуправления и фактически устанавливают приоритет выполнения государственных полномочий перед решением вопросов местного значения [8].

Основными проблемами при наделении государственными полномочиями органов местного самоуправления являются отсутствие ограничений для передачи госполномочий по объёму и (или) содержанию, недостаточная гарантированность материально-финансового сопровождения переданных полномочий, субделегирование органам местного самоуправления делегированных Российской Федерацией субъектам РФ федеральных полномочий.

В итоге остаётся нерешённой основная проблема, на устранение которой была направлена муниципальная реформа, – неразграниченность полномочий и ответственности между уровнями власти. А органы местного самоуправления в итоге оказываются целиком зависимыми от органов государственной власти субъектов Федерации.

Анализ норм законодательства по вопросу о перечне государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления, показывает, что в этой сфере отсутствуют единые, чёткие правовые подходы. Общие принципы и критерии оценки допустимости передачи государственных полномочий от органов субъектов РФ на местный уровень не проработаны и не зафиксированы должным образом [9, с. 28].

Представляется, что большинство существующих проблем в данной сфере можно разрешить путём принятия единого федерального закона о компетенции местного самоуправления.

Значимым фактором является экономическая несамостоятельность муниципальных образований. Зависимость местных бюджетов от вышестоящих бюджетов остаётся очень и очень высокой.

Сложившаяся схема распределения налогов не стимулирует муниципальные образования к развитию собственной экономики, расширению налогооблагаемой базы. Поэтому важной становится задача перераспределения доходов между федеральным, региональным и местным уровнями власти.

Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин на II Всероссийском форуме сельских поселений 15 июня 2011 года отметил, что на уровне район/поселение должна оставаться значительная часть поступлений от налога на

доходы физических лиц. На уровень муниципальных районов планируется передать основную часть поступлений от выдачи патентов индивидуальным предпринимателям, а муниципальные районы в свою очередь должны предусмотреть отчисления от этого дохода в пользу поселений. Также было отмечено, что административные штрафы должны идти в бюджет того уровня власти, территории которого и наносится в данном случае ущерб [12].

Первоочередной задачей была поставлена необходимость чётко выстроить финансовые отношения. Подобная задача была отмечена Президентом России В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2007 году: «формирование достаточной доходной базы» [10].

Таким образом, видим, что время идёт, а задачи ставятся всё те же, причём результатов решения так и не видно.

В целом, эффективное сочетание всех механизмов межбюджетного регулирования, включая финансовую помощь и передачу отчислений от налогов, можно отметить лишь в следующих субъектах: Воронежская, Калужская, Волгоградская, Ростовская и Пензенская области, Алтайский край [12].

В свете расширения и уточнения вопросов местного значения возникает необходимость уточнения состава объектов, которые могут находиться в муниципальной собственности.

Представляется необходимым отказаться от жёсткой регламентации видов имущества, которыми могут владеть муниципальные образования. Целесообразно представить больше возможностей муниципалитетам оказывать содействие развитию малого бизнеса, что явится гарантией стабильности экономики и позволит создавать новые рабочие места.

Большое значение на исполнение законодательства оказывает фактор законодательно закреплённой самостоятельности местного самоуправления.

Существенным является то, что местное самоуправление представляет собой самостоятельно реализуемое гражданами право на решение вопросов местного значения. Местное самоуправление не входит в систему государственной власти. Вместе с тем самостоятельность местного самоуправления не приравнивается к его независимости. Она признаётся Конституцией и федеральными законами в пределах установленных ими предметов ведения и полномочий местного самоуправления.

С.А. Авакьян отмечает, что самостоятельность местного самоуправления предполагается в праве на самостоятельное (и в этом плане независимое от государства) осуществление своих функций и полномочий, установленных федеральным законодателем [5, с. 68].

По мнению Н.С. Бондаря, самостоятельность местного самоуправления включает в себя недопустимость нарушения самостоятельности местного самоуправления федеральным законом, недопустимость нарушения самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий [6, с. 62].

Однако можно ли говорить о самостоятельности местного самоуправления, пусть даже в пределах решения вопросов местного значения, когда у муниципалов нет реальной возможности осуществления этой функции.

Представляется, что самостоятельность местного самоуправления подразумевает собой реальную возможность регламентировать использование своих прав, обязанностей и доходов, прописанных в законе, а также решение любого вопроса своей компетенции любым незапрещённым способом [11].

Разница между государством и местным самоуправлением в том, что местное самоуправление – это право граждан, гарантируемое государством. Поскольку государство гарантирует это право, то целесообразно и обеспечить возможность этого права. В-первую очередь – обеспечить финансово.

Местное самоуправление будет эффективным лишь тогда, когда государство создаст реальные условия для самостоятельного функционирования муниципалитетов. В ином случае останется лишь признать отсутствие местного самоуправления как такового. При этом необходимо учитывать, что местное самоуправление предназначено для удовлетворения местных нужд населения, то есть для решения вопросов местного значения. Отсутствие местного самоуправления приведёт к тому, что этими вопросами придётся заниматься государству, что вряд ли будет эффективным.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 21.01.2009. – № 7.

2. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. – 19.10.1999. – № 206.

3. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 8.10.2003. – № 202.

4. Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 01.09.1995. – № 170 (утратил силу).

5. *Авакьян С.А.* Особенности российской модели местного самоуправления и пути её совершенствования // Вестник МГУ (право). – 2008. – №2.

6. *Бондарь Н.С.* Конституционализация муниципальной демократии в России. – М., 2008.

7. *Бондарь Н.С.* Местное самоуправление и конституционное правосудие. – М., 2008.

8. *Кеня И.А.* Практика регулирования вопросов наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2009. – № 4.

9. *Мадьярова А.В.* Об общих началах определения перечня государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2.

10. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В.В. Путина // Российская газета. – 27.04.2007. – № 4353.

11. *Степанов В.* Местное самоуправление как реализация права граждан на власть // Научно-культурологический журнал. – 2006. – № 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.relga.ru/ Environ.

12. Всероссийский форум сельских поселений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: www. Roszemproekt.ru/news.

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

РОССИЙСКАЯ ЗАКОННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые специфические особенности такого политико-правового явления, как российская законность, в период радикальных революционных преобразований, связанных с установлением советской власти и нашедших своё наглядное отражение в особенностях государственной политики, получившей название «военный коммунизм».

Ключевые слова: *социалистическая законность, революционное правосознание, общественно-политическое явление, пролетарская диктатура, конкретно-исторические условия, военный коммунизм, идеология большевизма, правовой нигилизм.*

Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская… Законность должна быть одна. Иначе нет ни культурности, ни политической грамотности.

В.И. Ленин

На современном этапе развития российского общества вполне очевидную актуальность (на теоретическом и практическом уровне) приобретает проблема законности. Законность (в современной трактовке) – явление достаточно ёмкое, представляющее собой: политико-юридический феномен; общественно-политическое явление; основной принцип политической системы. В настоящее время существует множество определений (доктринальных дефиниций), отражающих те или иные особенности (характерные черты) данного явления. «Законность – это совокупность многообразных, но однoплановых требований, связанных с отношением к законам и к проведению их в жизнь», – так сформулировано понятие законности в соот-

© Рощин Б.Е., 2011

ветствующей учебной литературе [6, с. 465]. Другое понятие законности сформулировано следующим образом: «Законность – политико-правовое явление, характеризующее процесс совершенствования государственно-правовой формы организации общества и реализации идеи социальной справедливости путём строгого и неуклонного соблюдения и исполнения действующего законодательства» [5, с. 515]. По справедливому утверждению современного классика теории государства и права С.С. Алексеева, понятие законность «характеризует правовую действительность, взятую под углом зрения практического осуществления права, идейно-политических основ правовой системы, её связи с основополагающими общественно-политическими институтами, с политическим режимом данного общества» [1, с. 153].

Сущность концепции законности, сформировавшейся к настоящему времени, состоит в неукоснительном исполнении и соблюдении всеми субъектами права действующих нормативно-правовых актов. Реальная (и действенная) сила законности способна проявить себя в условиях объективной действительности лишь тогда, когда составляющие её структурные элементы (сегменты): идеи, традиции, обычаи, моральные ценности, деловые обыкновения и т.п., находят своё воплощение в особой системе требований законности, которая является неотъемлемой (и органичной) составляющей особого режима общественно-политической жизни. Требования законности (будучи определённой системой) являются объективной политико-правовой реальностью и воплощают в себе вышеупомянутые структурные элементы (сегменты). «Объективируются требования законности в праве, в свойственных ему механизмах, в правовой системе, а также во всех иных общественно-политических институтах, в их организации и деятельности» [1, с. 155]. Законность (в современном понимании данного явления) возникла не одномоментно и не на пустом месте. Её генетические корни просматриваются в обозримом историческом прошлом (в т.ч. нашей страны). Весомый исторический опыт способен, в определённой степени, свидетельствовать о безусловно позитивных примерах (фактах) и явно негативных моментах, способных порождать острые общественные проблемы. Комплексное изучение и объективный анализ исторического российского прошлого позволяют более глубоко и объективно понять сущность современных проблем, выявить исторические предпосылки их возникновения, определить масштабы данных проблем и наметить основные (магистральные) пути их преодоления (смягчения, решения), вооружившись при этом соответствующими (адекватными эпохе) методами.

Непосредственная зависимость характера и степени законности от конкретного политического режима (от конкретной общественно-экономической формации) вполне очевидна. «Принципиально важно при подходе к законности по возможности проводить её конкретно-исторический, классовый анализ. Законность при таком подходе вообще оказывается «величиной» переменной и даже неоднозначной… Словом, к вопросу о возникновении и развитии законности нужно подходить конкретно-исторически, дифференцированно, различая элементы законности, фиксируя их формирование и постепенное накопление, свойственные всем этим процессам сложные противоречивые тенденции» [1, с. 156].

В условиях антидемократических государственных режимов законность (как объективное социальное явление) представляет собой наиболее урезанные (элементарные, примитивные, упрощённые) формы. Существует расхожая точка зрения, что данное явление способно достигнуть своего наиболее широкого распространения и кульминационных высот в условиях демократического режима (как структурного элемента формы государства), так как именно при реальной демократии декларируется и, в определённой степени, реализуется ряд ключевых демократических ценностей: верховенство права (диктатура закона); равенство всех перед законом и судом и т.д. Однако было бы крайностью утверждать, что законность (как явление многоаспектное) возникает и функционирует только в условиях капиталистической (буржуазной) общественно-экономической формации. В периоды недемократических государственных режимов также, вполне явно, просматриваются (в определённой степени) соответствующие элементы законности. Так, ещё М.С. Строгович отмечал, что «в том или ином виде законность (и её элементы) можно видеть и в тех эксплуататорских государствах, где демократии вовсе не было» [8, с. 227].

Целью работы является краткое рассмотрение основных сторон (специфических особенностей) социалистической законности в условиях госу-

дарственной политики, получившей название «военный коммунизм» (1918–1920 гг.).

Теоретическая проблема российского переходного периода от капитализма к социализму приобретала сугубо практический характер (на российской почве) в результате Октябрьской революции 1917 г. Следует, по-видимому, согласиться с рядом исследователей, полагающих, что эпоха под названием «военный коммунизм» наступила одновременно с захватом государственной власти большевиками (25 октября 1917 г.). Последующая характеристика и оценка такого «коммунизма» как «военного» была, в большей степени, объяснением тех объективных причин, которые привели к необходимости осуществления этой политики. Профессор И.Я. Киселёв – известный исследователь социально-трудовой сферы, дал вполне наглядную характеристику данному периоду: «В условиях тотальной разрухи, катастрофического обнищания населения советская власть предпринимала отчаянные усилия… В работе государственных органов преобладали насильственные методы, зачастую в самой суровой, жестокой форме, вполне соответствующей духу времени и идеологическим установкам диктатуры пролетариата. Многие меры экономической и социальной политики… были вызваны экстремальной обстановкой, требовавшей незамедлительной мобилизации всех имевшихся скудных ресурсов, крайнего напряжения сил ради выживания новой власти» [2, с. 31].

Согласно марксистско-большевистской идеологии, государство и право (как надстроечные сегменты над экономическим базисом) подлежали безусловному естественному «отмиранию», грядущему по мере построения бесклассового (коммунистического) общества. Право, как социальное явление (в рассматриваемый период), трактовалось исключительно как атрибут классового общества, как эффективный инструмент для эксплуатации пролетариата и, следовательно, подлежало решительному искоренению. Классовая сущность права формулировалась в классическом его определении, как воля экономически господствующего класса, возведённая в закон. Система буржуазного права подвергалась жёсткой критике и оценивалась как последняя, наиболее развитая форма права, после которой невозможно всякое (например, «постбуржуазное») право.

В рассматриваемый период провозглашался не только решительный и бесповоротный отказ от всех «ценностей буржуазного права», но и достаточно активно формировался официальный общегосударственный правовой нигилизм. Так, известный в своё время теоретик советского права Е.Б. Пашуканис изначально категорически отрицал необходимость (и неизбежность) построения системы нового «пролетарского» права, а свою концепцию правопонимания основывал на товарно-денежных отношениях. Данный учёный утверждал, что при упразднении капиталистических отношений («меновых отношений товаровладельцев»), автоматически исчезнут любые формы права. Данный учёный, касаясь основных аспектов дальнейшего развития системы советской карательной политики, искренне полагал, что в скором будущем «станут излишними судебные процессы и судебные приговоры… исправительно-трудовое воздействие… сделается совершенно самостоятельной функцией медицинско-педагогического порядка… Наконец, зачем нужна вся особенная часть Кодекса, если дело идёт только о мерах социальной (классовой) защиты?» [7, с. 122]. Комментарии, вероятно, излишни.

Следует отметить, что через короткий период времени Пашуканису пришлось признать фактическое наличие «советского права», но права «неподлинного» и обречённого на скорое отмирание, совместно с государством. Подобные идеологические установки разрабатывались и внедрялись в советское сознание и практическую деятельность соответствующими теоретиками и практиками большевизма. Так, другой теоретик советского права П.И. Стучка, в своей статье «Пролетарское право», написанной в 1919 г., отмечал: «Понимая право в буржуазном смысле, мы о пролетарском праве и говорить не можем, ибо цель самой социалистической революции заключается в упразднении права, в замене его новым социалистическим порядком… О пролетарском же праве мы можем говорить лишь как о праве переходного времени, периода диктатуры пролетариата… Настал момент приступить к кодификации, к сводке всего пролетарского права переходного времени в систематический сборник. Это будет кодекс, который должен быть доступным для самых широких масс… Для всякого из нас очевидно, что пролетарское право есть прежде всего упрощение, популяризация нашего нового общественного строя» [9, с. 256, 271]. В.И. Ленин, в своём выступлении на V Всероссийском съезде советов рабочих, крестьянских, солдатс-

ких и красноармейских депутатов, проходившем 4–10 июля 1918 г., произнёс: «Плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [3, с. 249].

Следует заметить, что в последний день работы вышеупомянутого съезда была принята (10 июля 1918 г.) первая российская конституция, провозгласившая основные принципы пролетарской диктатуры и советской демократии, направленной против классовых врагов. Так, ст. 23 основного закона гласила: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» [10, с. 308]. Кто конкретно эти лица (или группы лиц) и каких конкретно прав они могли лишиться (от имени Российской республики), конституция не уточняла.

Следовательно, соответствующие органы государственной власти наделялись достаточно широкими и неопределёнными полномочиями (в т.ч. внеправового характера) по оперативному воздействию на определённые группы лиц, руководствуясь при этом не конкретными правовыми нормами, а сугубо оценочными понятиями, такими как: «революционная законность», «целесообразность», «классовое чутьё», «пролетарское правосознание», «социалистическая мораль» и т.п. В этой связи О.И. Чистяков, в монографии «Конституция РСФСР 1918 года», отмечал: «Советская демократия обеспечивалась также идеологическими гарантиями – все расширяющимся влиянием марксистско-ленинской идеологии, пролетарской морали, создающей определённое общественное мнение, правосознание, взгляды на правомерность или неправомерность поведения того или иного субъекта. Ничего подобного не было и не могло быть до революции»[11, с. 66].

На практике широкое распространение получила процедура ограничения прав определённых слоёв (категорий) населения. Ряд правовых нормативов, принятых в первые месяцы становления советской власти, является наглядным и красноречивым свидетельством жёстких ограничений. Так, 27.10.1917 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) издал декрет о печати, согласно которому были приняты определённые меры, направленные против «буржуазной прессы», призывавшей к сопротивлению новой (советской) власти. Статья 7 основного закона устанавливала безоговорочное ограничение в сфере доступа к государственной власти в отношении к буржуазному элементу. Данная статья прямо гласила, что, «в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти».

Главным «завоеванием» пролетариата стала (закреплённая в ст. 3 Конституции) национализация земли, лесов, недр и т.д. В.И.Ленин подчёркивал: «Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность… Наша Конституция, – отмечал Ленин, – потому имеет право и завоевала себе право на историческое существование, что не на бумаге только написано, что собственность отменяется. Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чём господство класса» [4, с. 251]. Как показала история, экономика, основанная на «общественной» (государственной) собственности на средства производства, была крайне неэффективна и, в конечном итоге (как и коммунистический проект), потерпела крах.

На первоначальном этапе построения основ социализма (как первой фазы коммунистического общества) соответствующая официальная идеология ортодоксального большевизма, пропитанная духом революционной романтики, сталкивалась с объективными, достаточно суровыми, реалиям и вступала в явную дисгармонию с конкретно-историческими условиями рассматриваемого периода. Общий анализ основных особенностей правотворческого процесса (периода политики «военного коммунизма) наглядно свидетельствует и позволяет утверждать, что, несмотря на активную пропаганду неизбежного скорого отмирания всякого права, советское правительство фактически (и достаточно последовательно) приступило к формированию системы советского права. Если в первые месяцы становления пролетарской диктатуры основные правовые нормативы (декреты, постановления, распоряжения, инструкции и т.п.) имели, в большей степени, популистский характер (для привлечения на сторону новой власти широких пролетарских масс), то к окончанию 1918 г. был принят ряд жёстких (и весьма непопулярных) нормативно-правовых актов, вполне соответствующих реальной дей-

ствительности (о трудовой повинности, о дисциплине труда, о революционных трибуналах и т.п.). Важным камнем, заложенным в укрепление социалистической законности, стало постановление VI Всероссийского чрезвычайного съезда советов рабочих и крестьянских депутатов «О точном соблюдении законов» (от 8.11.1918 г.). Данный правовой акт признавал и констатировал, что точное соблюдение советских законов «необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России». В постановлении говорилось, что впредь все отступления от советских законов допустимы в тех случаях, «если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией». Каждый конкретный случай отступления от закона (либо выход за рамки закона) следовало сопровождать: 1) «точным формальным установлением… наличности условий, требующих выхода из пределов закона»; 2) «немедленным сообщением… в письменной форме в Совет Народных Комиссаров, с копией для местных и заинтересованных властей». Кроме того, должностным лицам и советским учреждениям вменялось в обязанность составление соответствующих протоколов по обращениям и требованиям граждан, желавших обжаловать неправомерные действия чиновников (формально-бюрократический подход, волокиту, чинимые препятствия и т.п.). Постановление предусматривало возможность привлечения к суду за явно ложные сведения, составлявшие содержание протокола, а также «равно как и за отказ от составления его…» [12, ст. 908].

В.И. Ленин, в письме (от 24 августа 1919 г.) к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, отмечал: «Необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми… Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить “по старинке” и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти. Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся…» [3, с. 494]. Таким образом, идея государственного правового нигилизма (то есть решительное отрицание социальной ценности всякого права и отказ от дальнейшего правотворчества и правоприменения) показала свою полную несостоятельность уже на первоначальном этапе становления пролетарской диктатуры. Советская власть (неизбежно и закономерно) была вынуждена прибегнуть к праву, как к достаточно мощному и, в определённой степени, совершенному социальному регулятору.

В заключение следует отметить, что специфика любого общественного явления, социального феномена (каким является законность) непосредственно обусловлена конкретно-историческим контекстом. Социалистическая законность (в рассматриваемый период), будучи надстроечным сегментом над экономическим базисом, вполне соответствовала (по характеру и степени своего объективного проявления) духу времени, суровым реалиям жизни, достаточно органично встраивалась в общую систему построения основ социализма и обеспечивала на практике ценности идеологии ортодоксального большевизма, сформулированные и воплощённые в ней. Особенности советской социалистической законности (периода «военного коммунизма») оказали ключевое влияние (осветили эволюционный путь) на дальнейшее развитие данного феномена в условиях «реального» социализма.

В постсоветский период российское общество столкнулось с рядом глубоких и зачастую неразрешимых проблем, корневая система которых уходит в рассматриваемый период. Это правовой нигилизм, двойная мораль, дегуманизация общества, духовная нищета, тотальная безответственность, недоверие государству и т.п. Данные социальные проблемы не утратили своей катастрофической актуальности в настоящее время и настойчиво взывают к своему незамедлительному разрешению. Скорое и эффективное разрешение ключевых (в т.ч. латентных) социальных проблем, имеющих свою историю, представляется в настоящее время не более чем утопией. Напротив, последовательное смягчение наиболее острых углов данных проблем представляется весьма разумным и неизбежным направлением современной государственной политики, учитывающей исторические уроки.

Также возникла насущная необходимость качественно переосмыслить категорию законности исходя из современных объективных реалий. «Современные реалии требуют прежде всего определения мировоззренческо-методологичес-

кой основы законности… Требуется комплексный подход, который позволяет учесть как чисто теоретический, так и практический факторы, влияющие на её содержание; сохранить преемственность; способствовать преодолению противоречий между теорией и практикой, а также отдельными правовыми категориями; создать условия для выявления тенденций развития не только научной мысли, но и общества в целом» [5, с. 512].

Степень единства российской законности на современном историческом этапе чрезвычайно актуальна, так как Россия является федеративным государством, а основной закон нашего государства устанавливает реальную возможность самостоятельного осуществления правового регулирования ключевых вопросов, отнесённых к ведению субъектов РФ. При данных конституционных полномочиях очень важно оставаться в правовых рамках и, при осуществлении регионального правотворчества, жёстко руководствоваться принципом иерархии (системного соподчинения нижестоящих правовых нормативов вышестоящим). В этой связи ленинские слова, приведённые в качестве эпиграфа к данной статье, звучат поразительно современно.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. – М.: Проспект, 2009. – 576с.

2. *Киселёв И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

3. *Ленин В.И.* Избранные произведения: В 4 т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1988. – 554 с.

4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. – М.: Госполитиздат, 1970. – 607 с.

5. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. Курс лекций. – М.: Юрист, 1999. – 672 с.

6. *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2006. – 832 с.

7. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий // Избранные произведения по общей теории права и государства. – М.: Наука, 1980. – 271 с.

8. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Юриздат, 1966.

9. *Стучка П.И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига: Латвийское государственное издательство, 1964. – 748 с.

10. *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. – М.: «Проспект», 1999. – 472 с.

11. *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. – М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2003. – 224 с.

УДК 34 (091)

Сироткин Алексей Геннадьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sir_mail@mail.ru

ПОЖИЗНЕННОЕ ВЛАДЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ УЗУФРУКТА В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВЕ

В статье анализируются положения российского законодательства XIX – начала XX веков о праве пожизненного владения имуществом. Данное право рассматривается как разновидность узуфрукта, занимавшая центральное место среди личных сервитутов в системе вещных прав. Особое внимание обращается на обоснование важности данного института для регулирования имущественных отношений в указанный период.

Ключевые слова: *пожизненное владение, узуфрукт, личный сервитут, вещное право.*

Предложения о включении узуфрукта в систему гражданского права России должны учитывать специфику истории отечественного законодательства и российскую цивилистическую традицию. В связи с этим изучение истории развития узуфрукта, взглядов представителей юридической науки, положений дореволюционного законодательства о пользовладении (узуфрукте) является в настоящее время обоснованным и актуальным.

В гражданском законодательстве Российской империи XIX – начала XX веков одним из наиболее разработанных прав, соответствующих узуфрукту, выступало право пожизненного владения. Пожизненное владение, как ограниченное периодом жизни право пользования чужим имуще-

 © Сироткин А.Г., 2011

ством, было известно отечественному праву со времени Русской Правды (Пространная Правда), то есть появилось в древнерусских источниках права не позднее XIII века [12, с. 96–102].

Часть 1 тома X Свода законов Российской империи (Свод законов гражданских, далее – Свод) не содержит отдельного определения права пожизненного владения, но структура нормативного акта позволяет отнести пожизненное владение к праву собственности неполному (основные положения о данном праве расположены в отделении VI «О праве владения и пользования, отдельном от права собственности» главы II «О праве собственности неполном» раздела второго «О существе и пространстве разных прав на имущества» книги второй «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще) [10]. Закон различал владение вечное и потомственное, утвержденное на жалованных грамотах и других законных укреплениях (ст. 513 Свода), и пожизненное или срочное владение. В ст. 514 Свода было установлено, что когда частный владелец, удержав за собою право собственности по укреплению, отделит от него владение и передаст или уступит его другому по договору, дарственной записи или другому какому-либо акту, тогда это отдельное владение составляет само по себе особое право, коего пространство, пожизненность или срочность определяется тем самым актом, которым оно установлено.

Отчуждение собственником недвижимого имущества не влияло на право пожизненного владельца. «Вотчинник, несмотря на то, что имущество его находится по законно-совершенным актам во временном отдельном владении постороннего лица, может однако ж уступить, или передать кому либо, по своему произволу, принадлежащее ему право собственности на таковое имущество, впрочем не стесняя тем прав отдельного владения» (ст. 521 Свода). Из этого следует, что праву пожизненного владения был присущ такой признак вещных прав, как право следования.

Анализ статей Свода законов гражданских позволяет определить пожизненное владение как исключительно личное, временное право полного пользования чужим имуществом, не подлежащее передаче, с условием сохранения существа и целости вещи. Подобным образом понималось право пожизненного владения и в науке дореволюционного гражданского права. Так, по мнению К.П. Победоносцева, пожизненное или срочное владение – это право лица владеть и пользоваться имением как своим собственным до своей смерти или до срока и до наступления того события, которое назначено для прекращения этого права, после чего имение поступает к лицу, имеющему на оное право собственности [8, с. 547].

В системе вещных прав российского законодательства второй половины XIX – начала XX веков пожизненное владение рассматривалось как разновидность узуфрукта, который большинство российских цивилистов относили к личным сервитутам. «Содержание права пожизненного владения, – отмечал В.И. Синайский, – определяется тем, что оно есть пользовладение (узуфрукт)» [11, с. 252]. Л.Б. Дорн в своей работе «Об узуфрукте по римскому праву» называет институт пожизненного владения «аналогическим явлением» в русском праве по отношению к узуфрукту [4, с. IX]. Е.В. Васьковский также рассматривает пожизненное владение, которое считает видом права полного пользования, как пользовладение или узуфрукт [2, с. 363]. При этом права отдельного владения и пользования он относит к категории личных сервитутов, которые представляют собой вещные права на чужое имущество, принадлежащее индивидуально определенным лицам.

Таким образом, в российской науке гражданского права дореволюционного периода пожизненное владение рассматривалось как вещное право, относящееся к личным сервитутам, а именно являющееся разновидностью узуфрукта (пользовладения).

Законодательство указанного периода содержало положения о следующих видах пожизненного владения:

1) право пожизненного владения родовым имуществом, установленное одним супругом в пользу другого по духовному завещанию (ст. 116, 533^{1}–533^{13}, 1070, 1070^{1} Свода);

2) право пожизненного владения благоприобретённым имуществом (ст. 116, 1011 Свода);

3) право пожизненного владения и пользования родителями имуществом и капиталами, оставшимися после бездетно умерших детей (ст. 1141, 1145–1147 Свода). Наличие данных правил было обусловлено тем, что родители не наследовали после детей в приобретенном ими имуществе. Они получали лишь пожизненное владение этим имуществом;

4) право пожизненного владения вдовой частью имения, оставшегося после мужа в Черниговской и Полтавской губерниях (ст. 1157 Свода).

Наиболее подробно в законодательстве были регламентированы права и обязанности пожизненного владельца при предоставлении по духовному завещанию в пожизненное владение одним из супругов другому родового имущества.

Виды пожизненного владения можно классифицировать по следующим критериям:

1) в зависимости от основания возникновения данного права можно выделить пожизненное владение, устанавливаемое:

– договором;

– завещанием (например, пожизненное владение пережившего супруга родовым имуществом);

– законом (например, пожизненное владение родителей имуществом беспотомственно умерших детей). Кроме того, в особенных правилах, установленных для Черниговской и Полтавской губерний, было предусмотрено, что если брак признавался по определению духовного суда недействительным вследствие родства или свойства супругов, то когда виновным признавался муж, его имущество, обеспечивавшее приданое, поступало в пожизненное владение жены, которой возвращалось и приданое; когда виновной признавалась жена – она лишалась приданого в пользу мужа, когда оба признавались виновными – то оба лишались права распоряжаться и владеть своим имуществом, которое переходило или к их детям от прежнего законного брака, или при отсутствии таковых к ближайшим родственникам, при условии, «чтобы лишенным имущества, от получивших оное, доставлено было содержание, сообразное с их состоянием и доходами имения» (ст. 118 Свода);

2) в зависимости от предмета, на которое установлено право пожизненного владения:

– право пожизненного владения движимым имуществом;

– право пожизненного владения недвижимым имуществом, которое, в свою очередь, можно разделить на:

– право пожизненного владения благоприобретенным имуществом;

– право пожизненного владения родовым имуществом.

Предметом пожизненного владения могло быть как недвижимое, так и движимое имущество, не изъятое из оборота. В.И. Синайский указывал, с пометкой «спорно», что предметом пожизненного владения могут быть права [11, с. 251]. В качестве примера им приводилось владение процентами с капитала по займу в силу ст. 402 и 418 Свода, так как долговые имущества по российскому дореволюционному праву относились к движимым вещам. Признавая возможным установление пожизненного или срочного владения на требования и обязательства, отечественные правоведы отрицали существование в российском праве конструкции quasi ususfructus (узуфрукт на вещи движимые потребляемые) [1, с. 25].

На родовые и благоприобретенные разделяли только недвижимые имущества, включая и их движимые принадлежности.

Согласно ст. 399 Свода к родовому имуществу относились:

– все имущество, которое, даже являясь благоприобретенным у первоначальных приобретателей, перешло к новому собственнику по праву законного наследования;

– имущество, которое перешло хотя и по завещанию, но к такому родственному лицу, которое имело бы право наследования по закону;

– имущество, приобретенное у родственников, которым оно перешло по наследству из того же рода;

– здания и постройки, возведенные владельцем в селении или городе на земле, перешедшей к нему по наследству (родовое имение).

Помимо этого, Правительствующий Сенат признавал родовой характера за выделенными детям при жизни родителей благоприобретенными имениями последних [3, с. 58].

Соответственно, все остальные недвижимые имущества являлись благоприобретенными. В отличие от общих правил в губерниях Черниговской и Полтавской родовыми считались только имения, которые перешли по праву законного наследования, а полученные всеми другими способами считались благоприобретенными (ст. 400 Свода).

Практическое значение такого разделения недвижимого имущества выражалось, в первую очередь, в ограничении права распоряжения родовым имуществом. Собственник не мог свободно распоряжаться родовым имением ни по завещанию, ни по дарению. В установлении такого особого правового режима в отношении родового имущества, несомненно, наблюдаются ос-

татки родовой собственности. Благоприобретенное имущество, движимое и недвижимое, можно было завещать или в собственность, или во временное владение и пользование как супругу, так и постороннему лицу.

Пожизненное владение включало в себя правомочия владения и пользования без права распоряжения. В соответствии со ст. 1386 Свода продажа имущества пожизненным владельцем считалась недействительной. Сущность пожизненного владения состоит в том, что лицо, в пользу которого установлено данное право, владеет и пользуется имуществом до самой смерти. В некоторых случаях, в виде исключения, пользователь все же мог совершать действия по распоряжению имуществом. В частности, завещатель мог уполномочить пожизненного владельца на залог благоприобретенного имущества.

Право пожизненного владения являлось личным имущественным правом, что отличало его от чиншевого права и права застройки. Однако ст. 533[7] Свода позволяла пожизненному владельцу передавать по договору другому лицу фактическое осуществление права пользования. В данном случае речь идет именно о передаче на определенный срок осуществления права, само право пожизненного владения, предоставленное духовным завещанием, оставалось за пожизненным владельцем и не могло быть передано им другому лицу [6, с. 227].

Отечественными правоведами для обозначения узуфрукта использовался термин «пользовладение», что, на наш взгляд, является вполне обоснованным, учитывая признание владения в данном случае необходимой предпосылкой осуществления правомочий пользования. В то время как словосочетание «пожизненное владение» не отражает сущности данного права. Передача правомочия владения без пользования не отвечала бы целям, для достижения которых устанавливается пожизненное владение – удовлетворение потребностей несобственника путем использования имущества и извлечения плодов.

Право пожизненного владения играло достаточно важную роль в имущественных отношениях Российской империи. На данное обстоятельство обращали внимание в своих работах такие известные цивилисты, как Е.В. Васьковский [2, с. 363] и Г.Ф. Шершеневич [13, с. 381].

В публикациях начала XX века отмечалось, что пользовладение устанавливается почти исключительно по завещаниям в пользу переживших супругов с целью обеспечить их безбедное существование и чрезвычайно редко по договорам [9, с. 13]. Предоставляемое в XIX веке пережившему супругу право пожизненного владения родовым имуществом было обусловлено исторически сложившимся ограничением наследственных долей (1/7 в недвижимом имуществе и 1/4 в движимом) (ст. 1148 Свода). Подобное ограничение не гарантировало обеспеченное материальное положение пережившего супруга и компенсировалось возможностью предоставления ограниченного вещного права на это имущество. Значение данной нормы можно вполне оценить, если учесть, что в российском законодательстве не было предусмотрено установление по общему правилу общей собственности на имущество супругов. Согласно ст. 109 Свода браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый их них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность. Например, отдельной собственностью жены признавалось не только приданое, наследство или подаренное имущество, но и имение, приобретенное ею или на её имя во время замужества посредством купли или иным законным способом (ст. 110 Свода). Кроме того, пожизненное владение предоставляло владельцу право участвовать в дворянских выборах [8, с. 549]. Этими обстоятельствами, вероятно, и объясняется большое значение пользовладения как механизма обеспечения при наследовании интересов лиц, не являющихся наследниками. Наследственные правоотношения распространены в любом обществе, в котором существует частная собственность, соответственно, можно предположить, что ситуации, при которых наследодатель стремился обеспечить лиц, не входящих в число наследников, возникали в дореволюционной России довольно часто.

Отличия в регулировании пожизненного владения в отдельных местностях были вызваны не только особенностями местного законодательства, но и политическими соображениями. На территории Западного края, то есть губерний Киевской, Подольской, Волынской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской, в целях исключения повторения событий 1863 года, для ограничения количества землевладений, принадлежащих полякам, действовал закон от 10 декабря 1865 года, которым было воспрещено лицам польского происхождения вновь

приобретать имения в девяти Западных губерниях любым способом, за исключением перехода по наследству по закону. 2 февраля 1891 года было высочайше утверждено положение комитета Министров, которым в дополнение к указанным законам было воспрещено передавать в пожизненное владение лицам польского происхождения поземельную собственность в Западном крае, вне городов и местечек расположенных. Данный запрет, как и другие ограничения имущественных прав поляков, евреев и иностранцев, Б.Г. Ольшамовский объясняет целью увеличить в Западном крае империи число русских землевладельцев [7, с. 111].

В дальнейшем институт пользовладения предполагалось подробно регламентировать в проекте Гражданского уложения Российской империи (разрабатывался в период с 1882 года по 1905 год), в котором указанному праву была посвящена глава четвертая раздела четвертого книги третьей (статьи 951–993). Несмотря на то что это была одна из самых прогрессивных кодификаций гражданского права, в силу исторических обстоятельств, данный проект так и не стал законом.

В настоящее время, когда сняты ограничения при наследовании в отношении супругов, родителей и детей, когда установлена свобода завещаний и данное положение отражено в законодательстве, пожизненное владение как разновидность узуфрукта утратило свое значение как способ обеспечения интересов лиц, ограниченных в наследственных правах. Тем не менее социальный характер узуфрукта не теряет своей актуальности, данный институт предлагается использовать для предоставления права пользования жильем, содержания родителей, несовершеннолетних детей, супругов и других лиц [5, с. 171].

Библиографический список

1. *Анненков К.* Сервитут пользовладения // Журнал гражданского и уголовного права. – 1892. – Кн. 8. – Октябрь. – 86 с.

2. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. – М.: Статут, 2003. – 382 с.

3. *Гуляев А.М.* Общие учения системы гражданского права в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за пятьдесят лет. – Петроград: Сенатская типография, 1914. – 79 с.

4. *Дорн Л.* Об узуфрукте по римскому праву. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. – Т. 1. – 509 с.

5. *Емелькина И.А.* Система ограниченных вещных прав на земельный участок. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 368 с.

6. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И.М. Тютрюмов. – М.: Статут, 2004. – Кн. 2. – 603 с.

7. *Ольшамовский Б.Г.* Права по землевладению в Западном Крае. – СПб.: Типо-литография Ю.А. Мансфельдт, 1899. – С. 111.

8. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. – 800 с.

9. *Полетаев Н.А.* Пользовладение и наем имущества в их взаимных отношениях. – СПб.: Американская Скоропечатня, 1903. – 47 с.

10. Свод Законов Российской Империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями: неофиц. изд. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. – СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. – Кн. 3.

11. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. – М.: Статут, 2002. – 638 с.

12. *Сироткин А.Г.* О происхождении узуфрукта (пользовладения) в русском гражданском праве // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность (к 100-летию со дня смерти С.А. Муромцева): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 30 сентября – 2 октября 2010 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – Ч. 2. – 488 с.

13. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. – М.: Статут, 2003. – 250 с.

УДК 343

Смирнов Владимир Николаевич
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ИЗБРАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

В статье рассматриваются этапы исторического развития и совершенствования применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: *развитие уголовно-процессуального законодательства России, меры пресечения, заключение под стражу.*

Существуют правовые традиции, которые своими корнями уходят в далекое прошлое. Это относится и к мерам пресечения, система которых возникла не на пустом месте. Дореволюционная Россия обладала самой разветвленной системой мер пресечения: начиная от подписки о невыезде и заканчивая заключением под стражу.

Заключение под стражу, наряду с поручительством, является самой ранней мерой пресечения. Первоначально она носила своеобразное название, а именно – «отдать за пристава». Данная мера пресечения состояла в том, что человека сковывали и сажали в колоду. Но государственных тюрем еще не было, поэтому арестованные содержались во дворе у пристава, который был обязан надзирать за ними [6, с. 126].

Первыми кодифицированными источниками процессуального права, содержащими нормы о применении в отношении лица, совершившего общественно-опасное деяние, меры, ведущей к изоляции его от общества, были Судебники 1497 г. и 1550 г. В них были установлены следующие основные методы ведения уголовного процесса – обыск и пытка.

Под обыском понимался опрос «добрых людей», которые называли «лихих», давали общую оценку их личностей, способствовали определению репутации. Согласно ст. 12 Судебника 1497 г., если 5–6 «добрых людей» указывали на лицо как на преступника, то есть «лиховали», то, даже при отсутствии доказательств виновности, оговоренный признавался виновным. Таким образом, оговор со стороны благонадежных людей приобретал в глазах законодателя безусловную доказательственную силу. П.И. Люблинский по этому поводу отмечал: «Недостаток доказательств при многочисленности происходящих преступлений вызвал к жизни способы, которые не указывают на данное преступление, а вообще на характер подозреваемого, из чего делается заключение о вероятности совершения им преступления» [5, с. 220–221].

В отношении тех, кого «облихуют при обыске», применяли меру, связанную с существенным ограничением свободы, но делали это, как было сказано ранее, весьма своеобразно, а именно – «отдавали за пристава». Данная мера состояла в том, что человека сковывали и сажали в колоду. Местами содержания заключенных были различного рода ямы, сараи, хлева (во дворе у пристава), так как государственных тюрем еще не было. Надзор за ними осуществлялся приставами. Приставы – это первый зародыш органа предварительного следствия. В их обязанности входило констатирование факта преступления, производство обысков, отдача на поруки и т.п.

Главная обязанность приставов определялась так: «Волочити и ставити пред судом во всяком деле». Освобождение находящихся «за приставом» было или дозволено с разрешения лиц, занятых делом, или совсем запрещено. Согласно Судебникам 1497 и 1550 гг. правом применять арест и пытку наделялся (и) так называемый неделыщик – должностное лицо, назначаемое судом по просьбе истца для помощи ему «в отыскании ответчика и обеспечении явки в суд» (ст. 4 Судебника 1497 г.). Стоит особо выделить ст. 34 Судебника 1497 г., в которой неделыщикам прямо предписывалось «пытати татя», а также ст. 35 того же Судебника и ст. 53 Судебника 1550 г., устанавливавших запрет отпускать «найденных татей за взятку» и, злоупотребляя правами неделыщика, арестовывать невиновных. Собственное признание заключенного, совпадающее с данными обыска, становилось безусловным доказательством виновности.

Судебник 1550 г. содержал важную новеллу – ст. 70, которая фактически была одной из первых значительных процессуальных гарантий. Данная норма устанавливала контроль за действиями должностных лиц, производивших арест и дачу

© Смирнов В.Н., 2011

на поруки местных жителей. Арест признавался незаконным при применении в отношении лиц, нуждавшихся в поручительстве, без ведома выборных от дворянства властей – «приказчиков городовых», выполнявших судебные обязанности. Кроме того, в этой статье была установлена ответственность виновных в незаконном аресте – они были обязаны выплатить арестованному «бесчестье». Необходимость в установлении перечисленных положений в первую очередь была вызвана тем, что аресты применялись для «всяческого вымогательства и наживы».

В XV–XVI вв. уголовный процесс все более приобретал публичный характер. Преступление стало рассматриваться как посягательство не только на частные, но и на государственные интересы, отсюда – расследование преступлений как государственная функция и взгляд на наказание как на кару, возмездие. И постепенно тюремное заключение получает все большее распространение.

По Соборному уложению 1649 года основной мерой пресечения становится тюремное заключение, которое применялось воеводами. В тюрьмах до суда держали долго (2–3 года). Встречались случаи, когда власти заключали в тюрьму заведомо невиновных крепостных крестьян, чтобы побудить их господина выдать виновного.

Петр I усилил государственное начало в уголовном процессе и ликвидировал остатки раннего обвинительного судопроизводства. И содержание под стражей продолжает оставаться самой основной и распространенной мерой пресечения. Уже в начале своего царствования Петр I издает указ «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», который вводил инквизиционный процесс практически по всем категориям дел. Данный указ был дополнен «Кратким изображением процессов или судебных тяжб» 1715 г., в котором происходило развитие принципов указа 1697 г. применительно к военной юстиции, военному судопроизводству. Понятно, что результатом подобного ужесточения уголовно-процессуальной политики государства явилось существенное увеличение случаев заключения под стражу. Ранее применявшаяся мера – отдача за пристава – полностью вышла из употребления и была заменена «тюрьмой», которая применялась, прежде всего, «к сознавшимся в вине или уличенным в преступлении» [5, с. 232]. На деле это означало возможность применения данной меры в отношении практически любого обвиняемого.

Екатерина II в период своего правления декларировала некоторые прогрессивные принципы, заимствованные у французских просветителей. Она пыталась реализовать следующие правовые идеи: не заключать обвиняемых под стражу без сообщения им о сути обвинения и их допроса; ввести судебный порядок рассмотрения жалоб на незаконное заключение под стражу.

В известном Наказе Екатерины II от 30 июля 1767 года, а затем в Уставе благочиния 1782 года был приведен примерный перечень улик, достаточных для заключения человека в тюрьму. В более позднее время перечень был включен с небольшими изменениями в Устав уголовного судопроизводства 1864 года. В основе перечня лежала идея формальных доказательств о том, что определение достаточности доказательств для обоснования обвинения или подозрения нельзя доверить судье. Это должен сделать сам законодатель. Такая позиция прикрывалась заботой о законности, установлении материальной истины, устранении судебного произвола и даже охране прав личности. В Наказе излагалась прогрессивная мысль о том, что меры пресечения и меры уголовного наказания имеют совершенно разные цели и что содержание обвиняемого под стражей до суда, «как мера жестокая, должна быть, сколь возможно, короче».

Однако до, во время и после царствования Екатерины II сроки предварительного заключения были чрезвычайно продолжительны. В 1763 году Сенат установил: 1862 следственно-заключенных содержались в тюрьме более 7 лет. Причем некоторые арестанты содержались под стражей для вымогательства взяток.

Власти безуспешно пытались уменьшить сроки содержания обвиняемых под стражей. Например, Александр I предписал Сенату рассматривать арестантские дела вне очереди. За несвоевременное рассмотрение арестантских дел был установлен вычет в размере 1/3 жалования судьи. В связи с такими мерами колодников стали скрывать от статистической отчетности. Попытки ускорить расследование и рассмотрение в судах арестантских дел оказались безрезультатными: в 1825 году в России насчитывалось 127 тыс. следственных арестантов.

В начале XIX в. были приняты некоторые меры гуманистического характера, но они не коснулись заключения под стражу, которое по прежнему являлось основной мерой пресечения. Число следственно арестованных неуклонно росло: в 1853 году их уже насчитывалось 339 тысяч [4, с. 109]. Задача этой меры пресечения состояла не столько в предотвращении побега обвиняемого, сколько во внушении ему страха и доведении его до признания. Этому способствовал жестокий и бесчеловечный режим содержания арестованных в тюрьмах. Власти имели возможность вести следствие с легкостью, спокойно, не заботясь о сроках. В России в 1858 году содержались под стражей: от одного года до трех лет – 15300, от 2 до 3 лет – 3600, более 3 лет – 1950 человек.

Использовать предварительный арест для психологического давления на обвиняемого, чтобы склонить его к признанию вины, предписывалось самим законом. В частности, предлагалось получать признания путем «увещеваний» с привлечением к допросам священника-увещевателя (ст. 172, п. 6 ст. 191, ч. 2 ст. 289 Свода законов, т. XV изд. 1857 году), обещанием уменьшить наказание (ст. 321 того же Свода).

Длительные сроки предварительного ареста вынудили царя издать в 1862 году закон, который предписывал при заключении под стражу более одного года доносить министру юстиции, более двух лет – докладывать дело «на усмотрение государя».

Устав уголовного судопроизводства 1864 года отделил судебную власть от исполнительной, и применение всех мер пресечения было изъято из компетенции полиции – стало прерогативой следователей, отнесенных к судебной власти.

Важно отметить также, что по УУС 1864 г. при назначении обвиняемому меры наказания в виде лишения свободы сроки содержания под стражей не учитывались.

Основным органом, правомочным избирать, изменять или отменять заключение под стражу, стал судебный следователь. О принятом решении данное должностное лицо выносило постановление (определение) и немедленно уведомляло «ближайшее лицо прокурорского надзора». Прокурор был наделен правом требовать, чтобы следователь ограничился мерой менее строгой, если обвиняемый «не навлекает на себя достаточного подозрения» в совершении преступления соответствующей категории, что было обязательно для судебного следователя, или же мог сделать это сам при составлении обвинительного акта перед направлением дела в суд с одним, правда, ограничением – он был лишен права избирать более строгую меру пресечения (ст. 283–285).

В отличие от предыдущих кодифицированных актов, в УУС 1864 г. в достаточной мере был регламентирован порядок реализации обвиняемым права на обжалование постановления судебного следователя о заключении под стражу (первоначально во вторую инстанцию – окружной суд; далее – в Судебную палату). Заключенный под стражу мог принять участие при рассмотрении его жалобы (ст. 501 УУС). Между тем закон не предусмотрел участия защитника ни в обжаловании меры пресечения, ни при рассмотрении жалобы в суде. В итоге «на практике защитники, как правило, не участвовали в рассмотрении жалоб судом», что усиливало позицию стороны обвинения [6, с. 137].

Предварительный арест (взятие под стражу) был основной мерой пресечения и в пореформенной России. Заключение под стражу допускалось для «пресечения обвиняемому способов уклонения от следствия и суда», для предотвращения сговора между обвиняемыми (ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства) и сокрытия следов преступления (ст. 421 Устава уголовного судопроизводства), возможности совершения нового преступления. Содержание под стражей продолжало преследовать и иные цели: доведение обвиняемого до признания путем угроз, обещаний, увещеваний, воздействия сурового, бесчеловечного режима заключения на психику обвиняемого; успокоение общественного возмущения, вызванного самим фактом совершения преступления; обеспечение неторопливого, медлительного ведения следствия.

Сроки содержания под стражей были по-прежнему длительными: 1 год – 39%, 2 года – 11%, 3 года – 0,9%, более 3 лет – 0,4%. Закон не ограничивал эти сроки никакими пределами. Более того, по Уставу 1864 года сроки содержания не учитывались при назначении обвиняемому меры наказания в виде лишения свободы, и это оправдывалось псевдолиберальным рассуждением о различии в целях мер пресечения и мер наказания. Лишь законом от 17 февраля 1910 года эта несправедливость была исправлена, но далеко не полностью: допускался частичный зачет предварительного заключения по усмотрению суда.

Правом заключения обвиняемого под стражу пользовались судебный следователь, окружной суд, Судебная палата, Сенат. Эти же органы вправе были отменять или изменять меру пресечения. Основанием заключения под стражу служило мотивированное постановление.

После Октябрьской социалистической революции и образования Советского государства система мер пресечения, применявшаяся в дореволюционной России, официально не была отменена, но уже из Декрета о суде № 1 от 24 ноября 1917 года следовало, что могут применяться лишь те законы, которые не отменены революцией и не противоречат революционному правосознанию.

Различные Положения того времени, а также УПК РСФСР 1922 года и Основы уголовного судопроизводства 1924 года не сделали принципиальных шагов вперед, касающихся мер пресечения, по сравнению с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года. И опять, как и ранее, основной мерой пресечения являлось заключение под стражу.

К нововведениям можно отнести то, что по Основам уголовного судопроизводства органы дознания получили право избирать любую меру пресечения, сообщая об этом следователю. Также Основы отказались от терминов «арест», «заключение под стражу» и ввели вместо них термин «лишение свободы», сблизив тем самым данную меру пресечения с лишением свободы как мерой социальной защиты.

Во второй половине XX в., под влиянием гуманизации уголовной политики, число лиц, заключенных под стражу, снизилось. Основы уголовного судопроизводства 1958 года и УПК РСФСР 1960 года, а также ряд Указов Президиума Верховного Совета РСФСР закрепили данную тенденцию. Так, согласно ст. 97 УПК РСФСР максимальный срок заключение под стражу составлял 18 месяцев. А содержание под стражей стало применяться лишь в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более 2 лет, за исключением случаев, когда обвиняемый нарушил предыдущую меру пресечения.

В то же время уголовный процесс по УПК РСФСР 1960 г. обладал многими свойствами, характерными для инквизиционного типа, и, в первую очередь, это было связано с тем, что суд фактически стоял на стороне обвинения. Еще один немаловажный момент – применение мер уголовно-процессуального принуждения было вверено органам расследования, однако надлежащего контроля и надзора за применением столь серьезного орудия не было. Для заключения лица под стражу требовалась санкция прокурора, но и он в силу своего процессуального положения и выполняемых функций не мог выступать полноценным гарантом соблюдения прав и свобод обвиняемого или подозреваемого лица. Результатом всего этого и явилось то, что на территории России в рассматриваемый период применение самой строгой меры пресечения носило массовый характер и нередко преследовало те же (правда, теперь уже незаконные) цели, что и столетия назад. Более того, в отношении обвиняемых и подозреваемых зачастую применялись методы расследования (опять же незаконные), схожие по характеру воздействия с методами прошлых лет, что влекло дачу указанными участниками процессуальных отношений угодных органам расследования «признательных» показаний.

Очередное последствие негативного характера повсеместного незаконного и необоснованного применения ареста в качестве меры пресечения – это то, что условия содержания под стражей, вследствие переполненности, были настолько тяжелыми, что пребывание в таковых само по себе было небезопасно для жизни и здоровья заключенного.

Свою негативную роль сыграл и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» от 23 июля 1966 г., превративший практически все права личности в декларацию и позволивший органам дознания и следствия применять арест практически без ограничений.

Проанализировав применение и значение меры пресечения в виде заключения под стражу, можно сказать, что данная мера пресечения являлась самой строгой и распространенной на протяжении всей истории России. Ее использовали на протяжении всего времени в интересах государства, не принимая во внимание права и законные интересы личности, значение которых всегда было сведено к минимуму в государстве. На протяжении длительного исторического периода отсутствовали эффективные гарантии законного и обоснованного применения заключения под стражу. Данная мера пресечения нередко использовалась на стадии предварительного расследования в качестве средства «раскрытия» преступлений, а также для целей наказания.

После образования Российской Федерации и принятия 12 декабря 1993 года Конституции РФ, в которой наряду с провозглашением приоритета прав и свобод личности были учтены принципы международных норм, возникла необходимость принятия нового УПК, отвечающего современным тенденциям развития правового государства. Но еще на протяжении почти десяти лет продолжал действовать УПК РСФСР 1960 года, который подвергался все новым и новым изменениям. И лишь 18 декабря 2001 был принят новый УПК РФ, который на законодательном уровне в определенной степени обеспечил соблюдение прав личности при заключении под стражу.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года.

2. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года. № 174-ФЗ.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 5 марта 2004 г. // Российская газета. – 25 марта 2004 г. – № 60; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – Май. – № 5.

4. *Кистяковский А.* О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. – СПб., 1868.

5. *Люблинский П.И.* Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. – СПб., 1906.

6. *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. – М.: Наука, 1989.

УДК 341.1/8

Султанов Ильшат Робертович
Башкирский государственный университет (г.Уфа)
ilshatsultan@list.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Статья посвящена изучению политико-правового статуса международных организаций и их роли в современном международном интеграционном процессе.

Ключевые слова: *международные интеграционные организации, сближение международного и национального права, экономическое межгосударственное сотрудничество, международные интеграционные процессы, европейское право.*

Международные организации как институциональная основа современных интеграционных процессов, по признанию многих исследователей (Т.Н. Нешатаева, Ю.А. Тихомиров, В.И. Маргиев, Н.Е. Тюрина, О.Б. Гаевская, И.И. Лукашук и др.), недостаточно изучены. Нельзя не согласиться с тем, что «наука так и не предложила человечеству чётких представлений о значении этого феномена международной действительности для решения глобальных и региональных проблем, разрешения межгосударственных конфликтов, развития международного права и основанной на нем международной практики. Отсюда спорным остается и вопрос об организационных формах развития мирового сообщества в целом» [1, с. 37].

Например, вызывает большой вопрос группа международных интеграционных объединений. Её существование признается почти во всех учебных изданиях по международному праву, однако палитра методов их деятельности практически не раскрывается. А организационные формы и значение интеграционных сообществ для развития международных правоотношений, на наш взгляд, требуют систематизации и теоретического обобщения. Классификация международных организаций, в которую принято сегодня включать и группу так называемых наднациональных организаций [2, с. 39–50], на наш взгляд, также страдает отсутствием обоснованности.

Действительно, новаторское мировоззрение в науке о международных организациях, ставшее модным в последние два десятилетия, основывается в основном на массе необобщенного эмпирического материала, иногда действительно очень богатого, но несущественного для теории. Например, о европейском союзе в России написаны десятки монографий и еще больше учеб-

© Султанов И.Р., 2011

ной литературы с описанием его действительно масштабных достижений. Но в юридическую теорию международных организаций или субъектов международного права ничего существенного, тем не менее, внесено не было. С теоретической точки зрения такое изобилие эмпирического материала и его простое описание, которое мы видим в издаваемой литературе последних лет, мало что дает.

Не прояснённым порой остается и вопрос места региональных международных (интеграционных) объединений в системе международных отношений. Носят ли они действительно субординационный характер с верховенством международных структур, либо подчиненность государств-членов пока еще не стала реальностью? И станет ли вообще? Отсюда трудно предсказать и тенденции, и перспективы их дальнейшего развития, и даже время атрофии и заката, что, как показывает практика международных организаций, последние тенденции, образовавшиеся в политике членов европейского союза в области торговли [3], тоже вполне закономерно.

Новые методы регулирования международных правоотношений, коих уже немало накопилось и которые вносят такие организации в международную практику, также требуют критического теоретического «разбирательства». Вспомним только новые схемы и правила взаимодействия государств в области энергетики, оказания правовой помощи, международной торговли, унификации международных и национальных норм и т.п.

Кроме эмпирического уклона в ущерб теории, в последние десятилетия проявилось и еще одно «узкое место» в изучении международных организаций – пристрастность. Политизированность мировоззренческих подходов к международным альянсам, ставшая уже привычным делом, повлекла и излишнюю комплиментарность в их оценках. Это, бесспорно, мешает юридическому анализу и выявлению чётких и, возможно, новых юридических характеристик этих политических объединений, оставляя их в рамках лишь политических понятий и порой субъективных оценок. Соответственно и внутреннее право этих интеграционных объединений оценивается, случается, в субъективных тонах желаемого, а не действительного. Например, почти массово популяризуется субординационность в отношениях Брюсселя с государствами-членами. Но сам учредительный договор данного объединения при этом авторами почему-то забывается и не рассматривается. А между тем, стоит открыть учредительный договор этого сообщества [4, с. 45–49], чтобы увидеть в первых же нормах положения, закрепляющие подчиненный статус этой международной структуры по отношению к государствам-учредителям. Диссонанс между доктринальными оценками и фактическим статусом международного объединения, то есть действительным состоянием его интегрированности, малозаметный в обычные годы, становится явным в острые периоды экономических кризисов. Практика многих лет свидетельствует о том, что чрезмерно мажорные оценки западных интеграционных достижений, как правило, показывают свою неадекватность перед обостряющейся фактической действительностью.

Не стал исключением и трудный для, например, европейской интеграции период кризиса 2008–2009 гг., когда, казалось бы, отлаженные интеграционные механизмы в трудные моменты дают сбой, уступая место традиционному национальному протекционизму и более сильным политическим игрокам, коими, конечно, всегда остаются государства. Не замечать таких явлений, как «откаты», «приливы», а то и атрофия интеграции, в данные периоды невозможно. Следовательно, созрела и требует сегодня пристального внимания и такая проблема, как соотношение международных организаций с другими участниками международных отношений и, в первую очередь, с государствами.

Межгосударственные интеграционные объединения и их специфические особенности в указанных областях требуют сегодня особого внимания. Заметим, что попытки выявить и дать цельное комплексное представление об отличительных атрибутах этой группы международных организаций, а также дать их теоретическое и правовое понятие имели место в большом количестве. Определить место той группы международных организаций, в которых достигнута более высокая степень сближения, чем в большинстве других межправительственных организаций, имелись неоднократно. Однако представляется, что почти все они, как правило, уходили в плоскость понятия наднациональности и наднациональных организаций и по этой причине не дали объективного представления о них. В ущерб объективным критериям в них на первый план был выдвинут до-

вольно умозрительный критерий субординации во внутренних взаимоотношениях (с верховенством союзных структур). Объем экономического сотрудничества, интенсивность правовой деятельности, степень унификации как национальных законодательств, так и международных соглашений, достигнутая с их помощью, влияние на внутригосударственные экономические и политические сектора, вовлечение в число субъектов интеграционной деятельности юридических и даже физических лиц – вот аспекты, которые, на наш взгляд, действительно объективно отличают небольшую группу интеграционных объединений от традиционных международных межправительственных организаций.

В результате мы получили довольно схематичную и нежизнеспособную концепцию так называемых «наднациональных» организаций. Приходится констатировать, что она за много лет не подтвердилась ни практикой, ни правом. Как не вспомнить в этой связи профессора Е.А. Шибаеву, которая, обобщив все разработки теории наднациональности, имевшиеся по состоянию ещё на 1992 год, уже в то время заключала, что «в советской литературе имеет место большой разброс мнений, свидетельствующий о том, что у нас всё еще нет устоявшегося понятия наднациональности» [5, с. 82]. Многие европейские исследователи, видимо избегая острых углов и неясностей, благоразумно ограничиваются лишь общим упоминанием о ней, не входя в подробную аргументацию ее признаков [6, с. 117–119]. У других же сегодня можно уже наблюдать сдержанность в оценках этого явления [7]. Еще недавно завышенная и порой не вполне адекватная комплиментарность в её оценках постепенно сменяется сдержанностью либо даже скепсисом [8].

В то же время теории международных «интеграционных» организаций, как самостоятельной и наиболее продвинутой группы организаций, пока не выработано. А в том, что в числе международных организаций есть небольшая группа межгосударственных объединений, которая является более интегрированной, судя по научной литературе, уже никто не сомневается.

Поэтому, на наш взгляд, перед юристами стоит актуальная задача, во-первых, «вернуться» от преобладающего эмпирического подхода к теории межгосударственных организаций. При оценках и классификациях международных организаций исходить из разработанной юридической теории. И, во-вторых, подвергнуть новообразуемые термины, понятия и классификации международных организаций юридическому «фильтрованию», базирующемуся на конкретных юридических принципах и нормах. Складывается впечатление, что для того, чтобы разобраться в хаосе накопившихся за 20 лет терминов, понятий и классификаций, правовой анализ стал актуален как никогда ранее.

Необходимо также, на наш взгляд, выявить и дать комплексную теоретическую оценку основных отличительных атрибутов указанной группы международных союзов. Определить место той группы международных организаций, в которой достигнута более высокая степень сближения, чем в большинстве других межправительственных организаций. Определить по возможности тенденции, куда пойдет далее международная практика в таких союзах. Каковы организационно-правовые формы интеграционных процессов в них.

Сегодня очевидно, что в мире будут более или менее интенсивно развиваться интеграционные процессы, основанные на опыте первых международных интеграционных группировок. Известно, что их международная практика как внутри себя, так и в общении с третьими странами уже давно берется за образец и модель для вновь создаваемых межгосударственных объединений. Скажем, например, так, что наработки Европейского сообщества и интеграции 27-ми его членов в том или ином объеме были взяты на вооружение и новых организаций с участием России. В частности, организации ЕврАзЭС или Содружества независимых государств. В числе предполагаемых наименований последнего фигурировало даже «сообщество» по подобию тогдашнего «Евросообщества».

Значение интеграционных сообществ как первопроходцев для решения международных проблем действительно велико. Ими развиваются традиционные и привносятся в практику международного взаимодействия новые, более эффективные механизмы международной торговли, оптимальные трансграничные схемы энергообеспечения, охраны окружающей среды, международного разделения труда и специализации производства, неограниченного (безвизового) перемещения через границы, разрешения межгосударственных конфликтов, оказания правовой помощи, унификации международных и нацио-

нальных норм и развития международного права в целом. Новые, смелые, порой экспериментальные методы, практикуемые, например, в отношениях Евросоюза, обогащают как практический набор инструментов международного взаимодействия, так и теоретически расширяют наши представления о возможном в международном праве. (Назовем лишь несколько: можно ли, например, именовать международный договор «Евроконституцией»; возможно ли в принятии международных межгосударственных решений применение метода большинства голосования; допустима ли нормативная сила правовых актов международных организаций, подобная внутригосударственным законам; возможна ли их национальная имплементация без традиционной и привычной процедуры парламентской ратификации; реализуемо ли на практике (интеграционное) правило, согласно которому государства-члены обязаны подчиняться предписаниям организации даже в случае несогласия с ними; возможны ли всеобщие прямые выборы в общие органы таких союзов; и т.д.) За счет такой практики во второй половине XX века их диапазон существенно расширился. Их деятельностью в международную практику привнесены многие новшества как в сферу международного правотворчества (в частности в известную теорию согласования воль), так и в сферу имплементации и правоприменения международных норм и соглашений.

Наиболее важна, конечно, правотворческая деятельность. Первоочередное значение правотворчества состоит в создании основы для дальнейшего правового воздействия. Правотворчество, по справедливому заключению авторов, «является стартовым началом действия механизма правового регулирования» [9, с. 79]. Как верно отмечает румынская исследовательница, «правотворчество – самая сложная и ответственная правовая деятельность, ибо оно создает законные рамки для общественной жизни в целом и для всех других форм правовой деятельности» [9, с. 79–80].

Другое обстоятельство заключается в том, что степень участия того или иного субъекта в правотворчестве неодинакова. Основными субъектами международного права остаются, как известно, государства. Они могут пользоваться всеми правами и нести все обязанности, предусмотренные международным правом. Им принадлежит вся полнота прав, в том числе и право на создание норм международного права, их дополнение и изменение» [10, с. 88]. Однако нельзя сбрасывать со счетов и влияние международных организаций на правотворческий процесс. Практика показывает, что более сильно оно у таких союзов, которые мы именуем интеграционными.

Заметим, что не только общим, довольно большим, влиянием на (международный) правотворческий процесс сильны интеграционные сообщества, но и возможностями более гибко и сиюминутно реагировать на текущие изменения в регулируемых ими областях – адекватно учитывать потребности государств, их юридических и физических лиц. Следует подчеркнуть, что, в сравнении с ними, международное право отличается негибкостью и довольно высоким консерватизмом. В интеграционных группировках оказалось легче вводить в действие нормы, которые адекватно и в нужный момент отражали бы жизнь и ее потребности. Тысячи директив и регламентов, принятых в Евросообществе за время его существования, уже по нескольку раз внесли изменения, например, в порядок безвизового перемещения и трудоустройства жителей стран союза. В международном же праве «этот процесс, безусловно, протекает значительно сложнее» [11, с. 117].

Поэтому новшества, вводимые в эту сферу интеграционными образованиями, могут наиболее чувствительно повлиять и уже влияют на внутреннюю жизнь государств, на методы, главным образом, экономической деятельности.

Международные интеграционные организации своим существованием, своей практикой дают ответ на вопрос и о тенденциях – какова предположительно будет международная практика в обозримом будущем. Имеющиеся знания об интеграционных сообществах и их анализ дают основание утверждать, что международная практика будет в возрастающей мере видоизменяться под влиянием международных интеграционных организаций. Вероятно, и в дальнейшем будет происходить интенсивное развитие новых форм и методов решения международных проблем и возрастание их удельного веса в сравнении с привычными и традиционными. Они, как было замечено, уже приобретают модельный характер для вновь создаваемых межгосударственных союзов. Поэтому мировые процессы будут в возрастающей степени развиваться под влиянием их (модельной) международно-интеграционной практики.

В числе организационных форм, в которых будет развиваться мировое сообщество, всё боль-

шее развитие получат именно международные интеграционные организации. Однако по своей юридической природе они, со всей вероятностью, останутся в ранге международных межправительственных организаций. Их наименование, так же как и сегодня, не будет иметь никакого существенного значения. А если вспомнить о проекте Евроконституции, в которую предполагалось переименовать учредительный договор о Евросоюзе, то с той же уверенностью можно утверждать и о более широкой вариабельности наименований их уставных учредительных соглашений. Они могут именоваться и сообществами, и содружествами, и союзами, объединениями и т.п. При этом как бы смелы они ни казались, возможны и наименования, свойственные не только политическим образованиям, но внутригосударственным юридическим лицам, типа «корпорации», «компании», «картели», «синдикаты» и т.п.

Но вот попытки соединить несоединимое, то есть увязать в одном политическом соединении и частное и публичное право, думается, будет так же невозможно, как невозможно это и сегодня. Например, такое наиболее прогрессивное в интеграционном плане объединение, как ЕС, никак не может выйти из статусных рамок политического субъекта – «международной организации» – как бы его порой ни считали и ни именовали полугосударством, федерацией или конфедерацией и ни приписывали ему «комплексный» характер. В статусном плане такие образования не утратят своей политической международной публично-правовой принадлежности. В этом отношении едва ли стоит обольщаться и строить утопические надежды. Еще ни одна интеграционная международная организация не вышла за пределы отведенных ей статусных рамок «международной организации» и не трансформировалась в государство или нечто подобное. Похоже, что преобразование государства в международную организацию происходит легче, чем преобразование межгосударственного союза в единое государство.

Показательным примером того, насколько утопичной оказалась мечта еврооптимистов о качественном преобразовании такой интеграционной организации, как ЕС, явился провал Евроконституции в 2005 г. и последовавшего за ним объединительного Лиссабонского договора в 2008 г. У всех еще живо в памяти, как население ряда государств выступило против трансформации данной международной организации в статус [федеративного] государства. Правда, кто знаком с текстами указанных документов [12], согласится с тем, что и без того ими не предусматривалось никакой смены политико-юридического статуса ЕС. Это продемонстрировало нам, что государства-учредители не допускают даже теоретической возможности отказа от собственного суверенитета в пользу созданного ими союза и от собственного верховенства в принятии решений [13, с. 55–84]. Как и при закладке ЕС пятьдесят с лишним лет назад, полномочия данного сообщества исходят от самих государств и они же, как истинная верховная власть, контролируют их применение [12, Article I–II].

Основой его, как и при создании, остался международный договор в духе Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Всё развитие и функционирование этой самой продвинутой интеграционной группировки показывает отсутствие у нее «государственно-правового элемента» [14, с. 39]. Что говорить о других интеграционных сообществах, если даже самое передовое и, если можно так выразиться, экспериментальное образование ни на йоту не отошло от своей изначально международно-правовой основы и сохранилось в ранге, пусть и не совсем типичной, международной организации?

Так, созданные учредителями органы (ЕС, ЕврАзЭС, НАФТА, Международного союза электросвязи (МСЭ), Международной организации гражданской авиации (ИКАО) и др.) наделены не менее четко и списочно обозначенными полномочиями и предметами ведения. Перед этими целевыми объединениями также поставлены уставным договором определенные цели и сформулированы не менее чёткие задачи. Они также не могут, как правило, выходить за рамки делегированных им полномочий, а сами полномочия носят характер временный, то есть ограниченный периодом деятельности самого межгосударственного объединения. Учредителями международных интеграционных объединений являются и государства в лице своих правительств, которые и осуществляют контроль за деятельностью сформированных ими структур.

Уместно будет напомнить, что под международной организацией понимается, «прежде всего, объединение, или ассоциация государств, образующее их организационное единство, обеспечиваемое юридическими правилами функционирования организации (нормами учредитель-

ного акта и нормами “внутреннего права” организации)» [15, с. 175]. «Международная организация – это международно-правовая институция, учреждение и деятельность которой регулируется международным правом» [15, с. 176]. Справедливо добавляется к этому, что «особо важное условие, характеризующее сущность международной организации» – это то, что «организация должна быть учреждена в соответствии с международным правом» [16, с. 176]. То есть главным признаком международной организации справедливо выделяется учредительный акт – на основе внутреннего законодательства, либо международного права создается данное образование.

Согласимся, что если это международная организация, то она всегда строится на основе международного соглашения, как бы оно ни именовалось. Он, как лакмусовая бумажка в химии, позволяет легко получить ответ – можно ли отнести то или иное образование к числу международных организаций. Этот критерий позволяет заключить, что и интеграционные объединения, как бы далеко они ни продвинулись в освоении новых форм и методов деятельности, остаются в своем ранге международных организаций до тех пор, пока их правовой основой остается межгосударственное соглашение, а не «конституция», «устав» либо иная внутригосударственная учредительная форма.

Тем не менее высокая эффективность таких (интеграционных) объединений никем не оспаривается и доказывает, что их значение для решения глобальных и региональных проблем будет в будущие годы, по мнению многих исследователей, только возрастать [17]. Государства-учредители, при сохранении за собой принципиального верховенства в принятии важнейших решений, пойдут по пути более смелых экспериментов, выражающихся, на наш взгляд, в доверии интеграционным структурам более широких национальных полномочий и передачи им более широких конкретных задач.

Нельзя отрицать, что международные интеграционные сообщества – это характерная черта современного периода, богатого на самые разные проявления глобализации. Интеграционные организации юридически имеют тот же статус, что и типичные международные объединения. Между ними нет формально-юридических различий. Они обладают статусом и всеми признаками международной организации. Главный из них, мы помним, – это межгосударственное соглашение, лежащее в их основе. В то же время указанные выше особенности позволяют говорить об их, если можно так выразиться, «локомотивном» потенциале. Он в общих чертах обрисован выше. Тем не менее за интеграционными объединениями многими учеными-исследователями справедливо признается множество иных, более конкретных, особенностей, которые отличают интеграционное сообщество от типичной межгосударственной международной организации.

Но, кроме знания частной специфики, объективное представление о таких (интеграционных) сообществах дает, на наш взгляд, и заметно более широкую картину происходящих в мире глобализационных процессов. Дополнение к традиционной теоретической классификации международных организаций, которая принята в международном праве, позволяет более гибко и глубоко оценивать происходящие указанные выше процессы глобализации, получить более диалектическую и многогранную картину международных межгосударственных союзов, их роли и значения в современных международных отношениях.

Библиографический список

1. *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. – М.: Дело, 1998.

2. *Weiler J.H.H.* Community, Member States and European Integration: Is the Law Relevant? // Journal of Common Market Studies. – 1982.

3. Баррозу: закрывая границы, Дания нарушает европейское законодательство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/05/13/.shtml.

4. Статьи 2–5, 10 Договора, учреждающего Европейское сообщество // Консолидированная версия Договора о Европейском союзе и Договора, учреждающего Европейское сообщество / отв. ред. Ю.А. Борко. – М.: «Интердиалект», 2001.

5. *Шибаева Е.А.* К вопросу о наднациональности межправительственных организаций универсального характера // МЖМП. – 1992. – №4. – С. 82.

6. *Wieland J.* Die Finanzordnung der Europaischen Union nach der Osterweiterung // Juristische Zeitung. – 2004. – Nr. 15/16.

7. *Weiler J.H.H.* Dual Charakter // Yearbook of European Law. – 1981. – P.267; et seq., *Weiler J.H.H.* The Reformation of European Constitutionalism // Journal of Common Market Studies. – 1997.

8. *Клемин А.В.* Европейское право и Германия: баланс национального и наднационального. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004.

9. *Нашиц А.* Правотворчество: теория и законодательная техника. – М., Прогресс, 1974.

10. *Крылов Н.Б.* Правотворческая деятельность международных организаций. – М.: Наука, 1988.

11. *Мовчан А.П.* Кодификация и прогрессивное развитие международного права. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 117.

12. Treaty Establishing a Constitution for Europe. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2005.

13. *Weiler J.H.H.* The Transformation of Europe // Yale Law Journal. – 1991.

14. *Фисенко В.Н., Фисенко И.В.* Хартия сотрудничества в рамках Содружества независимых государств // МЖМП. – 1993. – №3.

15. Курс международного права: В 7 т. Т. 1. – М.: Наука, 1989.

16. *Schermers H.* International institutional law. – Leiden, 1972. – Vol. 1 // Цит. по: Курс международного права: В 7 т. Т. 1. – М.: Наука, 1989.

17. *Wehberg H.* Entwicklungsstufen der internationalen Organisationen. Die Friedens – Warte, 1953–1954.

18. *Киреева А.* Межгосударственная интеграционная деятельность как выражение внешней функции Российского государства / под ред. П.И. Матузова. – Саратов: Изд-во СГАП, 2005.

19. Международно-правовые формы сотрудничества государств в Европе / отв. ред. О.Н. Хлестов, И.П. Блищенко. – М.: Международные отношения, 1977.

20. *Бирюков М.М.* О некоторых правовых проблемах России в связи с расширением ЕС. – М.: Государство и право, 2004.

21. *Weiler J.H.H.* Bread and Circus: The State of European Union // Columbia Journal of European Law. – 1998.

УДК 340

Груздев Владислав Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
bora@kmtn.ru

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

На обширном историческом материале в статье рассматривается проблема человека как субъекта правоотношений. Делается вывод о возможности определения правового положения человека с точки зрения анализа практики правоотношений (правоотношений-отношений).

Ключевые слова: *человек, личность, свойство, право, отношение, состояние, субъект.*

Для того чтобы не потерять своей научной значимости теория личности должна учитывать сбор и последующую обработку новых эмпирических данных. В этом случае она также может корректироваться. Иные акценты могут быть сделаны в результате исследования генезиса юридически релевантных свойств человека как участника общественных отношений.

Исследование юридической релевантности свойств человека, особенно в аспекте историческом, предопределяет определение объекта такого исследования. Казалось бы, на поверхности лежат нормативно-правовые акты той или иной эпохи, содержащие нормативно-правовые предписания относительно тех или иных свойств человека. В большинстве случаев именно они учеными и исследуются. Исходя из них, моделируются и правоотношения, участниками которых становились субъекты права. Соответственно, изучаются нормативные правовые акты и возникающие на их основе субъективные права и обязанности. С этой точки зрения определяется возможность и необходимость поведения человека, обладающего определенными свойствами, закрепленными в позитивном праве конкретной страны данного времени.

Наряду с данным подходом вполне допустим анализ не только правоотношений-моделей, содержание которых составляют субъективные права и обязанности, но и рассмотрение реального юридического взаимодействия субъектов, осуществление которого происходит в рамках условно выделяемого правоотношения-отношения [14,

© Груздев В.В., 2011

с. 94–115]. Возможно чрезмерно категорично, но в целом справедливо Ю.И. Гревцов замечает, что правоотношение как «модель, как ни была бы она совершенна, сама по себе, вне осуществления в условиях, которые она моделирует и для которых она предназначена, необходимой и достаточной информации … не несет и нести не может» [4, с. 78].

В таком понимании правоотношение предстает как абстракция, признаки которой устанавливаются нормой права. Но эта абстракция, как модель, может совпадать с реальным взаимодействием, но может и не совпадать, поскольку норма права, определяя модель правового отношения, воплощает лишь основные, типические его черты [15, с. 35].

Если непосредственными созидателями правовых общественных отношений являются их субъекты, живые люди, которые своими действиями формируют общественные отношения, руководствуясь при этом нормой права, выступающей одним из основных условий возникновения правовых отношений [4, с. 80], то исследование юридически значимых свойств человека не может исключать ни норм права, ни реального взаимодействия субъектов. Кроме того, предметом изучения должны быть определены и субъективные права и обязанности, с одной стороны, возникающие на основе норм права, с другой стороны, сами являющиеся основой, моделью действий субъектов.

В отечественной науке предложено два основных подхода к понятию правоотношения. Сторонники первого определяют его как общественное отношение, урегулированное нормами права. Ученые, разделяющие второй подход, видят в правоотношении особого рода юридическое (идеальное) отношение, которое не сливается с фактическими отношениями. В первом случае в правоотношение помещаются фактические и идеологические отношения, во втором случае они разделяются и рассматриваются как субстанции разнородного порядка.

Ближе к истине те авторы, которые видят в правоотношении форму осуществления права, а не форму права. Так, С.А. Комаров считает, что правоотношение является средством регулирования общественных отношений, а не их регулятором (им остается норма права); правоотношение включает управомоченное и обязанное поведение, а не оставляет его за своими пределами; правовое регулирование общественных отношений не изменяет их характера, они остаются такими же какими были до опосредования их нормами права: либо экономическими, либо политическими, либо духовными. Недопустимо разрывать содержание правоотношений и сводить их только к правам и обязанностям, так как без поведения нет юридического взаимодействия и, кроме того, связь правовых и материальных отношений упрощается [7, с. 200–201].

Указанные подходы к пониманию правоотношения содержат в себе не только различия, но и позволяют рассматривать разные стороны сложного феномена. Как модель, правоотношение характеризует возникающий на основе нормы права образец индивидуального поведения, позволяет дать оценку действий субъектов посредством соотнесения их с признаками тех действий, которые возможны или необходимы. Как реальное поведение субъектов, правоотношение дает возможность оценить степень эффективности регулирования общественных отношений.

Кроме того, знания о реальном юридическом взаимодействии субъектов права в некоторых случаях позволяет осуществить достаточно точное ретроспективное восстановление моделей существовавших правоотношений. Более того, на основе последних, как представляется, можно реконструировать если не сами нормативные правовые акты, которые в силу объективных или субъективных обстоятельств были утрачены, то содержащиеся в их статьях нормы права. Сказанное равно относится и к правовому обычаю, юридическому прецеденту и нормативному договору как источникам права в формально-юридическом смысле.

В таком соотношении известным элементом будет выступать юридически релевантное взаимодействие, неизвестным – модель правоотношения. Двигаясь индуктивным путем дальше, можно ставить задачу определения действовавших норм права, при условии восстановления знания о модели правоотношения и т.д.

Мы полагаем, что вполне оправдано использование данного методологического подхода применительно к историческому исследованию изменений юридически значимых свойств человека как участника реально существовавших общественных отношений. И не только потому, что это способно открыть будущее (как раз в этом возможности истории ограничены), а потому, что

на удалении от событий намного легче найти объяснения произошедших перемен.

Определение объекта исследования, под которым понимается право, законодательство, правовая практика, а также социально-политическая и иная (неюридическая) практика, даст все основания для выявления совокупности закономерностей, в соответствии с которыми право возникло, развивается и функционирует, а также совокупности социологических, экономических иных закономерностей, влияющих на действие и развитие права, т.е. то, что составляет предмет исследования [13, с. 513].

Связка «человек – личность – физическое лицо – субъект права» в настоящее время более или менее очевидна. Однако, фактические данные истории права не предоставляют возможность для подтверждения такого однозначного вывода применительно к генезису права.

В родовом строе система формирования права внутри родовой общины не предполагала в качестве основы существование внутриродового права. Она, скорее, основывалась на правовых нормах, существовавших между различными родами. Конфликты внутри племени – это конфликты не между отдельными индивидами, а между родами. Это показывает то положение, которое в то время занимал отдельный человек. Не представляя собой субъекта, он был членом рода, членом субъекта. Вне рода человек оказывался вне сферы действия его правил, и наоборот, даже не член рода получал защиту рода в случае принятия его в качестве члена рода [1; 13; 16].

В римском праве нет терминов, которые бы адекватно соотносились с рассматриваемой в данной работе терминологией. «Персона» как специфическое античное понятие может быть правильно понято и приобретает смысл лишь в связи с присутствием базовой формы общественного существования – полиса. Для О. Шпенглера, единичная личность – это тело, принадлежащее наличному составу полиса, права которого распространяются лишь на него. Им обозначены вертикальные границы персоны: вверху – божественное право, где рубежом выступает герой, сделавшийся из персоны божеством, внизу – вещное право, где правовое положение раба, являющегося только телом, образует нижнюю черту [16, с. 61].

Русское древнейшее право также не содержит терминов, последовательно раскрывающих понятие о лицах. Встречающиеся в литературных и законодательных памятниках переводные термины носят порой прямо противоположный смысл. Заимствованный из греческого термин «лице» означает не лицо в современном понимании, а отрицание достоинства лица, один из видов рабства. Так, ряд древнерусских памятников называет лицом или раба-пленника, или вещь. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова весь период с IX по XII в. представляет эпоху полного подавления частного лица так называемыми общественными союзами: семейными, родовыми, общинными и государственными. И лишь с XIII в. лицо постепенно выходит из тени семьи, рода и общины, что бы тут же попасть под влияние государства [2, с. 437–438]. Исходя из этого русское древнейшее право не предоставляет практической возможности юридически точно сформулировать и раскрыть понятие «лицо», даже если этот термин употребляется применительно к человеку (отождествляется с ним).

Древнеримские учебники права последовательно начинаются с исследования правового положения лиц. Совокупность правовых качеств, выражающих включенность субъекта в ту или иную сферу социальной жизни, регулируемую нормами права, определяет статус (status) [5, с. 228] или состояние лица. С правовой позиции состояние в виде лица и, соответственно, обладание полной юридической правоспособностью, предполагает наличие трех составляющих в полном объеме: status libertatis, status civitatis и status familiae .

Первой принципиальной причиной, характеризующей неодинаковое правовое положение людей и соответственно отнесение или не отнесение их к лицам, является рабство как общий и обычный институт большинства народов того времени.

Субъектами права могли быть только свободные. Раб по общему правилу не считается субъектом ни цивильного права, ни права народов. Право лиц имеет свои истоки в гражданской общине квиритов, т.е. является сферой ius civile. О том, что рабство есть установление права народов, в силу которого лицо подчинено чужому владычеству, говорит Флорентин, одновременно оговариваясь (впрочем, существует мнение, что данная оговорка является интерполяцией) о его характере, противном природе (D. 1.5.4.1).

В древнейшем сакральном праве различия между свободными и рабами не были такими

глубокими, как впоследствии. Раб пользовался известной защитой и некоторыми человеческими правами, несколько стиравшими грани между свободными и несвободными членами фамилии [17, с. 164]. Плутарх следующим образом описывает патриархальный характер рабства: «К рабам тогда относились с большой снисходительностью, и это вполне понятно; трудясь собственными руками и разделяя образ жизни своих слуг, римляне и обращались с ними мягче, совсем запросто» (Plut., Marc. 24).

В русском праве наиболее сильное ограничение прав несло состояние холопства. Вместе с тем в источниках отмечается дуализм по отношению к юридическому положению холопов. С одной стороны они полностью лишены правоспособности, с другой – обладают некоторыми, и весьма существенными правами.

Подобное зависимое состояние имеет ряд ярко выраженных параллельных моментов с римским рабством, отличаясь сравнительной мягкостью по ключевым пунктам. М.Ф. Владимирский-Буданов, исследуя истоки русского зависимого состояния, в качестве его источника указывает на древнерусское семейное право. Слово «семия» означало рабы, домочадцы. Первоначально используется термин «сирота». В Московском государстве (XIV–XVI вв.) служилые люди по отношению к государю именуются холопами, а тягловые – сиротами. Термины «челядь» (чадь, чадо), «раб» (робя, робенец, ребенок), «холоп» (хлопец, мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам. Связь рабства с семейным правом отражается и на режиме рабства [2, с. 456–457] (если это явление можно так обозначить), которое никогда не достигает крайностей и уровня жесткости римского или североамериканского.

В трудах греческих философов прослеживаются признаки затруднений, которые рабство вызывало в сознании античных мыслителей. Так, Аристотель, пытаясь осмыслить феномен состояния рабства, задает следующий вопрос: «может ли или не может существовать по природе такой человек, т.е. раб, и лучше ли и справедливо ли быть кому-либо рабом или нет, но всякое рабство противно природе».

По общему правилу (оно прослеживается в сентенциях юристов по конкретным случаям) рабы не признавались самостоятельными субъектами гражданского права, не обладали правоспособностью, не могли обладать ни личными, ни имущественными правами. Как правило, они выступали в качестве объекта правоотношений, они были – res mancipi. Но так ли однозначно было их положение? Источники в ряде случаев содержат противоречивые свидетельства в отношении обращения с рабами, что является отражением меняющегося отношения к рабству в разные периоды римской истории. В своем учебнике права Гай говорит о рабах в разделах, посвященных положению личности, в ряде случаев называя их людьми (Gai. 1.9; 1.10). Стоическая философия, оказавшая достаточно сильное влияние на римских юристов, рассматривала каждого человека по природе свободным, единственное подлинное рабство для нее – это власть страстей. В итоге часть римского общества соглашается, что рабство не соответствует естественному праву, а является творением гражданского права. Отсюда следует представление о человеческой природе раба. Возможно, под влиянием этих идей Павел в 43-й книге «Комментариев к Сабину» отмечает, что в цивильном праве рабы считаются за ничто, однако в естественном праве иначе, потому что согласно естественному праву все люди между собой равны (D. 50.17.32).

В дошедшей до нас русской христианской духовной литературе также прослеживается общая тенденция отрицания существования состояния несвободы. Христианское учение, имея сильнейшее моральное влияние, оказывает определяющее воздействие на соответствующие политико-правовые институты, не ликвидируя их, оно меняет их характер. Религиозное и человеческое равенство господ и рабов никогда не подвергается сомнению. Особенно ярко это выражено в домострое, где не свободные приравниваются к членам семьи.

В древнеримской публично-уголовной сфере раб всегда рассматривается в качестве лица, на которого могли накладываться наказания. Наказания отличает жестокость и специфичность, которая в этом (рабское наказание, servile supplicium) подчеркивает само состояние рабства. Но постепенно происходит признание человеческих свойств раба: так, закон Петрония при Августе или Тиберии запрещал отдавать рабов для цирковых представлений со зверями; убийцу раба могли обвинять не только в нанесении ущерба, но и в уголовном преступлении (Gai. 3, 213), а сенатусконсульт 83 г. н.э. наказывал за кастрацию рабов.

В свою очередь, в древнерусском праве первоначальное отсутствие ограничений на наказания холопов сменяется со времени принятия христианства обратной тенденцией. В Двинской Уставной грамоте (XIV в.) умышленное убийство холопа уже карается штрафом, а Уложение царя Алексея Михайловича прямо запрещает нанесение увечий выданным беглым. Несколько раньше закон предоставил холопам право требовать от своего господина еды во время голода и даже права иска (например, рабыне-наложнице) против своего господина.

В брачно-семейных отношениях положение рабов было также неоднозначно. С одной стороны, с позиции права раб не мог жениться, не мог иметь семью, его потомство было вне закона, но с другой – мог сожительствовать, образовав длительный фактический союз (Paul., Sent., 2.19.6), который фактически вплотную приближался к брачному состоянию.

При совершении рабом delictum действовал принцип, согласно которому, по отношению к третьим лицам, ответственность мог нести как господин, так и сам раб. Гай указывает на ноксальные иски, по которым господину предоставлялось право принять на себя последствия совершенного delictum в виде предоставления вознаграждения, или же выдать виновного раба, поскольку не считалось справедливой ситуация, при которой преступные действия рабов причиняли бы убытки их господам (Gai. 4.75).

В имущественных отношениях также могли проявляться определенные свойства раба как их участника и которые правопорядок прямо или косвенно в итоге принимал. Так, упоминающийся Варроном закон, запрещающий просить или давать поручителей (vades) из числа рабов, свидетельствует, что еще в древности были случаи выступления раба в качестве поручителя (Varro, LL.,VI,74). Раб мог совершать определенные юридические действия, идущие на пользу его хозяину. Нередки были случаи выделения рабу определенного имущества в управление – peculium, правда, ответственность по сделкам в итоге возлагалась на господина, которому, в то же время, пекулий был выгоден, так как давал возможность использовать предпринимательские способности раба, предоставляя возможность последнему себя выкупить. Отношения раба с третьими лицами по поводу имущества, входящего в пекулий, не несли возможности возникновения гражданских обязательств, порождая обязательства натуральные [3, с. 249–250], т.е. обязательства не облеченные правом иска, которые в то же время не считались недействительными. Отношения раба с господином по поводу выкупа имели правовые последствия для всех третьих лиц (D. 40.1.6).

На Руси законодательство никогда не признает возможность холопов и крепостных крестьян обладать имущественными правами, но действующий, фактический правопорядок, значительной частью которого является обычай, признает за ними возможность владеть, пользоваться и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, и нередко имуществом немалым.

В самом общем плане можно отметить тот факт, что в Риме, как и в других рабовладельческих обществах, свобода (status libertatis) являлась необходимой и обязательной предпосылкой правоспособности. Юристы того времени, высказывая свои суждения по конкретным случаям, рассматривали не свободных, скорее, в качестве вещей, объектов, а не в качестве лиц, субъектов. Однако, несмотря на то, что необходимость подчинения налагала на рабов правовую обязанность повиновения, это, тем не менее, не лишало их правоспособности в полном объеме. По мнению И.А. Ильина раб оставался субъектом права, но его правовое состояние, состоя практически полностью из обязанностей и запретов, включало и элемент полномочий, который с течением времени увеличивался [6, с. 105].

Особенностью России является тот факт, что до Екатерины II статуса свободного человека как такового не существует. Лишь Манифест 1775 г. предоставляет дворянству права свободного гражданина, что, в свою очередь, как это ни парадоксально звучит, наряду с укреплением крепостного строя создает предпосылки для освобождения других сословий [8, с. 37].

Следует отметить, что в Риме правовое и фактическое положение рабов, как правило (но не всегда), совпадают, чего не наблюдается на Руси – Российской империи, где правовое положение холопов, а позже крепостных не соответствует, за некоторыми исключениями позитивным правовым предписаниям. Состояние несвободы в значительной мере регулируется обычаем, которому противостоит фрагментарное и казуистическое законодательство, не находящее достаточного отражения в сознании как господ, так и самих не свободных. Идеи принятия новых законов все-

гда соотносятся с правилами средневекового канонического права, указывающими на то, что закон должен соответствовать обычаям страны. Соответственно и идеи о поступательном, не революционном признании лицами всего населения Российской империи – это проявление не только, а может быть, и не столько консерватизма, сколько отражение зарождающихся основ либерального мировоззрения.

Таким образом, исторические данные показывают, что законодательная возможность признания человека в качестве лица связана с определенным видом общественных отношений. Именно поэтому в зависимости от экономического и политического строя господствующего в обществе, в соответствии с потребностями его развития человек становится лицом, соответственно, приобретая качество правоспособности. Т.Е. Новицкая прямо указывает на тип права, который во многом определяет статус субъектов гражданского права [10, с. 200].

Однако рассмотрение генезиса права предоставляет возможность выявить определенные моменты, показывающие действительное положение дел, когда социальные, культурные, экономические и иные факторы и закономерности проступают сквозь наслоение позитивных установлений того или иного времени и предопределяют реальный правовой порядок эпохи. С.А. Муромцев определяет его как существовавший порядок отношений [9, с. 654–656], который не только может не совпадать с моделями отношений, построенных исключительно при помощи дошедших до нас юридических норм, но, в ряде случаев, значительно отличаться от них или им противоречить.

Причины отмеченного несоответствия могут быть следующие:

– во-первых, требование одинаковой трактовки равных субъектов является способом выражения тезиса, согласно которому право должно иметь рациональную структуру, поскольку различная трактовка одинаковых вещей является иррациональной;

– во-вторых, объективное наличие у любого человека своих интересов способствует общественному признанию таких интересов, предопределяет появление иных (не законодательных) юридических (рациональных) форм, закреплению в них такого признания и соответствующего отражения отдельных элементов правосубъектности каждого человека.

Существование отмеченных закономерностей может вступать в противоречие с действующим законодательством, однако, проникая сквозь него, они становятся частью правовой действительности. Даже римское право, несмотря на достаточно жесткое разделение лиц и вещей, иллюстрирует примеры такого проявления. В большей степени это можно видеть в истории русского права.

Признание обществом наличия у человека интересов, признание его в качестве субъекта интересов ведет в той или иной степени к соответствующему признанию человека в качестве субъекта общественной жизни. Причина такого признания – социальный характер взаимодействия людей. А поскольку именно правом опосредуются большинство наиболее важных общественных отношений, способных удовлетворить основную массу имущественных интересов субъектов, то правопорядок не может не признать каждого человека (с теми или иными ограничениями или без них) субъектом права в определенной сфере.

Если правопорядок допускает рассмотрение того или иного человека в качестве участника каких-либо отношений, в той или иной мере признает такое его участие, то это может свидетельствовать о присущем правопорядку определенном дуализме. При этом сам дуализм если не санкционируется государством напрямую, то, по крайней мере, им допускается и опосредованно признается.

В настоящее время правоспособностью обладает каждый человек. Дееспособность может возникнуть лишь при условии наличия правоспособности. Но, насколько нам это представляется нормальным и разумным положением, настолько обычным и типичным могло быть положение, при котором человек, не обладая способностью быть обладателем прав, имел возможность их создавать для третьего лица.

А. Райнах подчеркивал, что едва ли можно найти какое-либо установление позитивного права, которое не отсутствовало бы в каком-нибудь другом праве, и совершенно невозможно найти такое установление, которое нельзя было бы помыслить отсутствующим в другом праве [12, с. 153]. Это дает возможность сделать вывод о том, что правоспособность человека (ее отдельные элементы) не всегда выступает в качестве обязательного условия наличия у него дееспособности. И если понятие лица основывается на абст-

ракции, поскольку им охватывается не все существо человека [11, с. 464–465], а лишь то, что позволяет ему выступать в качестве обладателя прав и обязанностей, то его свойства, позволяющие ему быть субъектом юридически значимой деятельности, результатом осуществления которой могут быть данные права и обязанности, в понятие лица не входит. В этом можно наблюдать относительно незамкнутый характер права, который, при традиционном позитивном подходе принято редуцировать исключительно к воле государства.

Приведенный пример также позволяет сделать вывод следующего порядка. Если гипотеза о том, что реализация интереса человека начинает осуществляться задолго до его признания и закрепления в нормативных актах, если интерес – лишь синтез тех отношений, возможностей и долженствований человека, в которых последний участвовал, пользовался или обладал ранее, и синтез не всегда полный и законченный, то также возможно утверждение о том, что некоторые свойства человека, как участника реальных общественных отношений в процессе нормативного формирования его правового статуса были сведены к позитивному праву, а некоторые, при этом, вольно или невольно утрачены. И если это так, то сущностная идентификация принадлежности таких свойств и характеристик человека может быть прослежена генетически довольно точно. Если свойства субъекта как участника публично-правовых отношений нормируются «сверху», отражаясь в представлениях о структуре власти и вертикальных властеотношениях, то характеристики субъекта как участника частно-правовых отношений несут на себе печать взаимного (сверху и снизу) воздействия. В большинстве случаев первое совпадает со вторым. Частное право, как правило, отражает закономерности соответствующих общественных отношений и интересы субъектов. Объективным исключением из этого правила являются отдельные случаи, когда фактические свойства и характеристики человека, способные оказать воздействие на возможности его участия в частных правовых отношениях, оказываются не отраженными в официальном признании. Тогда возникают предпосылки возникновения ситуации противоречия между интересами конкретного человека и фактом их официального непризнания, когда отсутствуют средства правового обеспечения интересов данного субъекта.

Библиографический список

1. *Аннерс Э.* История европейского права / Ин-т Европы. – М.: Наука, 1996.

2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. – М., 2005.

3. *Гарсиа Гарридо М.Х.* Римское частное право: Казусы, иски, институты. – М.: Статут, 2005.

4. *Гревцов Ю.И.* Проблемы теории правового отношения. – Л., 1981.

5. *Дождев Д.В.* Римское частное право. Учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: ИНФРА М – НОРМА, 1996.

6. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве // Ильин И.А. Теория права и государства. – М.: «Зерцало», 2003.

7. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Курс лекций. – Саранск, 1994.

8. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. – М., 1995.

9. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права // Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. – М., 2004.

10. *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVII века. – М.: Зерцало-М, 2005.

11. *Пухта Г.Ф.* Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010.

12. *Райнах А.* Априорные основания гражданского права // Собрание сочинений. – М., 2001.

13. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 2: Логика правового исследования. – М., 2004.

14. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. – М., 1980.

15. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. – М., 1974.

16. *Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т. Т. 2. – М., 2004.

17. *Штаерман Е.М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. – М., 1964.

УДК 347.97/99

Смирнова Елена Викторовна
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
smirnovaleno4ka@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА АДМИНИСТРАТОРА РАЙОННОГО СУДА

Статья посвящена перспективам совершенствования правового статуса администратора районного суда. Автором высказывается ряд предложений по преодолению проблем двойственного подчинения администратора и рационального распределения полномочий между ним и другими работниками суда.

Ключевые слова: *правовой статус администратора районного суда, двойственность подчинения, перераспределение полномочий.*

Основы правового статуса администратора районного суда устанавливаются в Федеральном законе «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [13], в развитие его положений разработаны и утверждены: Положение об администраторе Верховного Суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, автономного округа, районного суда [9], Типовые должностные регламенты федерального государственного гражданского служащего, замещающего должность федеральной государственной гражданской службы администратора верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, автономного округа, районного суда [10], Методические рекомендации по организации деятельности администратора верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда, гарнизонного военного суда [11].

Как отмечает Генеральный директор Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент) А.В. Гусев, уже в ходе реализации в 2000 году эксперимента по введению в суды администратора были выявлены проблемы, связанные с его статусом, к числу которых относится ярко выраженный хозяйственный уклон деятельности [4]. На заседании Совета Судей РФ в 2001 году были обозначены такие проблемы, как: неопределенность и неэффективность нахождения его в штате Судебного департамента в связи с отсутствием у него распорядительной функции в отношении работников аппарата суда и производности полномочий от части управленческих полномочий председателя суда, а также наличие сложностей решения им задач, связанных с приобретением, движением и распределением материальных ценностей из-за отсутствия права подписи финансовых документов суда [8]. Проведенный Судебным департаментом в 2009 году анализ деятельности администраторов федеральных судов общей юрисдикции позволил выявить также проблемы по вопросам процедуры назначения администратора и его иерархической соподчиненности, роли в организации непроцессуальной деятельности суда, руководству аппаратом суда в части контроля за работой структурных подразделений суда, подбору кадров администраторов и повышению их квалификации [6]. Наличие названных проблем обусловило необходимость создания при Совете судей РФ рабочей группы по вопросам совершенствования деятельности администраторов федеральных судов общей юрисдикции и мерам повышения ее эффективности.

В 2010 году на заседании Президиума Совета судей РФ были озвучены выявленные рабочей группой типичные проблемные вопросы, связанные с определением правового статуса и должностного положения администратора суда, к которым относятся:

– двойственность должностного положения;

– необходимость изменения системы отбора кандидатов на должность (изменение квалификационных требований);

– неравномерное распределение обязанностей и пределов компетенции, дублирование полномочий других работников аппарата суда;

– необходимость в подчиненном персонале;

– увеличение денежного содержания, изменение системы оплаты труда;

– повышение уровня квалификации и другие проблемные вопросы [7].

Перечисленные проблемы правового статуса администратора суда обсуждаются учеными-

 © Смирнова Е.В., 2011

юристами и практическими работниками судебной системы, однако наибольшее внимание уделяется вопросу определения места администратора и его подчиненности в судебной системе.

В юридической литературе сформировалось три основных подхода к решению названной проблемы. Первый подход предполагает передачу администратора в прямое подчинение Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, что, по мнению В.Л. Павловского, «освободит руководителей судов от решения многочисленных организационных вопросов, усилит гарантии их независимости, и создаст возможность заниматься основной деятельностью осуществлением правосудия» [5]. Второй подход заключается в передаче аппарата суда в штат Судебного департамента, где администратор суда, по мнению В.М. Зимина, должен стать руководителем аппарата суда с прямым подчинением начальнику подразделения Судебного департамента в субъекте РФ [1] (далее – подразделение Судебного департамента). Согласно третьему подходу следует перевести администратора в штат соответствующего суда и установить прямое подчинение председателю. Данной точки зрения из соображений преодоления проблем, связанных с порядком учета рабочего времени, утверждения должностного регламента, привлечения к ответственности и т.д., придерживаются В. Дробышев [2], А.Б. Абросимова [12], а также Л.С. Юнусова, считающая предпочтительным заимствовать опыт функционирования администраторов в системе арбитражных судов [14].

И.В. Михеева предложила в качестве альтернативы реализовать один из последних двух перечисленных вариантов преодоления двойного подчинения администратора суда. По ее мнению, необходимо произвести поэтапную передачу всех организационных функций от председателя суда к администратору с переводом всего аппарата суда в ведение Судебного департамента, что означает создание в его структуре судебной администрации, подконтрольной судейскому сообществу, или же вывести администратора из под контроля Судебного департамента и «закрепить» за ним полномочия, не связанные с руководством аппарата суда, а полномочия, непосредственно связанные с руководством аппарата суда, возложить на руководителя службой делопроизводства и кадров или оставить за председателем суда [3].

В 2010 году Президиум Совета судей РФ констатировал, что за введение администратора в штат суда и подчинение председателю суда высказываются большинство представителей судебной системы субъектов Российской Федерации, а именно: 87% областных и равных им судов, а также 48% подразделений Судебного департамента [7].

Следует полагать, что передача администраторов районных судов в прямое подчинение подразделения Судебного департамента не только не решит проблему его двойственного подчинения, но и породит новые проблемы его правового статуса. Думается, что отсутствие у председателя суда распорядительных полномочий в отношении администратора и отсутствие у предполагаемого непосредственного руководителя администратора возможности осуществлять ежедневный контроль за деятельностью своего подчиненного в связи с нахождением его в соответствующем суде, а не в подразделении Судебного департамента не способны обеспечить качественное выполнение им должностных обязанностей. Кроме того, ученые не поясняют, каким образом предполагается обеспечить реализацию администратором суда управленческих полномочий в отношении работников аппарата суда, не находящихся в штате подразделения Судебного департамента.

Перевод всех работников аппарата районного суда в штат подразделения Судебного департамента также не представляется возможным, поскольку некоторые работники аппарата районного суда (например, секретари судебного заседания) осуществляют не только организационные, но и процессуальные функции.

Следует согласиться с мнением ученых и практических работников судебной системы о том, что перевод администратора в штат соответствующего суда позволит преодолеть проблемы, связанные с двойственностью его подчинения. Однако подобное преобразование его правового статуса требует уточнения его полномочий как работника аппарата суда.

На основе анализа предложения рабочей группы при Совете судей РФ об исключении из функций администратора суда организации судебного делопроизводства, ведения статистики и архива и осуществлении поэтапной передачи ему функций председателя суда – сначала хозяйственной (право финансовой подписи), затем властно-распорядительной [7], и предложения И.В. Михе-

евой о перераспределении полномочий между руководителем службой делопроизводства и кадров или председателем суда и администратором суда [3], с учетов собственного видения данного вопроса представляется возможным реализовать следующую концепцию.

Осуществление полномочий по организации ведения судебной статистики, делопроизводства и работы архива суда, а также по организации информационно-правового обеспечения деятельности районного суда (совместно со специалистом по информатизации) следует возложить на начальника соответствующего структурного подразделения районного суда. Выполнение указанных полномочий не предполагает существенного изменения его правового статуса. Отнесение должности к ведущей группе должностей категории «руководители» обеспечит иерархичность подчинения соответствующих работников аппарата суда, а наличие у него высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция» позволит эффективно осуществлять свою деятельность.

За администратором районного суда следует сохранить полномочия по осуществлению контроля за соблюдением техники безопасности при эксплуатации компьютерного оборудования, пожарной безопасности в помещениях суда и осуществлению контроля за заключением и исполнением договоров на оснащение суда справочными правовыми системами (совместно со специалистом по информатизации); по обеспечению нормативными правовыми актами, юридической литературой, пособиями и справочно-информационными материалами (совместно со специалистом по справочно-кодификационной работе) и т.д. Закрепление за администратором районного суда руководства деятельностью персонала по охране и обслуживанию зданий районного суда и транспорта, которое в настоящее время осуществляется им по поручению председателя суда, и передача ему от председателя районного суда права подписи финансовых документов суда, представляется, положительно отразятся на качестве работы их обоих. С одной стороны, это определит статус администратора районного суда как должностного лица и повысит его ответственность за организацию материально-технического обеспечения деятельности суда и разработку проекта сметы расходов суда на очередной финансовый год, с другой стороны, позволит председателю суда уделять больше времени осуществлению процессуальной функции.

Подобное преобразование правового статуса администратора районного суда позволит назвать его работником аппарата районного суда и определить как должностное лицо, замещающее должность, включенную в штатное расписание соответствующего районного суда, осуществляющее организационную функцию аппарата районного суда в соответствии с возложенными на него законом организационными функциями и полномочиями.

Библиографический список

1. *Зимин В.М.* Актуальные вопросы организационного обеспечения деятельности судов общей юрисдикции // Администратор суда. – 2009. – № 4 // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

2. *Дробышев В.* Организационным обеспечением должен заниматься заместитель председателя суда // Российская юстиция. – 2000. – № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawmix.ru/comm/6545/

3. *Михеева И.В.* Администратор суда: к проблеме становления и развития // Администратор суда. – 2007. – № 1 // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

4. Настольная книга администратора суда общей юрисдикции / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Юристъ, 2004. – С. 11.

5. *Павловский В.Л.* Организация обеспечения деятельности судебной власти в Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 13.

6. Постановление Президиума Совета судей РФ от 30 ноября 2009г. № 200 «О создании рабочей группы по вопросам совершенствования деятельности администраторов федеральных судов общей юрисдикции и мерах повышения ее эффективности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=1387

7. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 250 «О ходе совершенствования деятельности администраторов федеральных судов общей юрисдикции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=6281

8. Постановление Совета судей РФ от 20 апреля 2001 г. № 51 «О проблемах должностного положения администратора суда федеральных судов общей юрисдикции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssrf.ru/ss_detale.php?id=83

9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 03 марта 2003 г. № 14 «Об утверждении Положения об администраторе Верховного Суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, автономного округа, районного суда» // Система Гарант.

10. Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 22 августа 2006 г. № 80 «Об утверждении Типовых должностных регламентов федерального государственного гражданского служащего, замещающего должность федеральной государственной гражданской службы администратора верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, автономного округа, районного суда» // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

11. Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 24 ноября 2009 г. «Об утверждении Методических рекомендаций по организации деятельности администратора верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда, гарнизонного военного суда» // Система «Гарант».

12. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: ООО ТК Велби, 2003. – С. 558.

13. Федеральный закон от 8 апреля 1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 14.01.1998. – № 6; 24.04.1998. – № 80.

14. *Юнусова Л.С.* Некоторые проблемы управления судебным учреждением // Администратор суда. – 2009. – № 3 // Справочная правовая система КонсультантПлюс.

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

УДК 330

Брагина Зинаида Васильевна
доктор технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А Некрасова
Махова Елена Александровна
кандидат экономических наук
ООО «Газпром – межрегионгаз – Кострома»

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ И СТРАТЕГИЯ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ

Энергоэффективность и энергосбережение являются стратегическими направлениями приоритетного технологического развития России. Вопреки принятой стратегии отказа от перекрестного субсидирования, с 2007 года наблюдается процесс наращивания величины субсидирования цен для населения за счет цен для промышленных потребителей. Мера заинтересованности субъектов рынка газа определяет их поведение и заинтересованность в эффективном использовании этого ресурса.

Ключевые слова: *рынок газа, конкуренция, энергоменеджмент, энергоэффективность, потребители, поведение потребителей на рынке газа.*

Структура российского рынка газа обуславливает его проблемы, основной из которых является неадекватный рост внутреннего потребления. В силу российского менталитета и обывательской уверенности в неисчерпаемости богатств нашей обширной страны высокая энергоёмкость экономики (представляется неуместным говорить о низкой энергоэффективности) во многом определяется не просто неэкономичным, но бесхозяйственным отношением к использованию ценных природных ресурсов. Ветшающая инфраструктура и недостаточное активное внедрение новых технологий в промышленность и ЖКХ усугубляют проблем у.

Энергосбережение – общенациональная задача: в процесс модернизации экономики России включены не только хозяйствующие субъекты, но и все общество в целом, общественные организации, политические партии, а вопросам энергосбережения и энергетической эффективности уделяется особое внимание.

Энергоэффективность и энергосбережение входят в пять стратегических направлений приоритетного технологического развития России, названных Президентом РФ, являются огромным резервом отечественной экономики.

В соответствии с государственной энергетической политикой необходимо оценивать эффективность деятельности любого предприятия как хозяйствующего субъекта с точки зрения его энергоэффективности и энергоемкости.

Российские специалисты-промышленники привыкли к оценке эффективности отдельных установок и аппаратов [14]. Понятие энергоменеджмента находится на стадии осознания, осмысления. Энергоменеджмент – это комплексный подход разрешения общих энергетических проблем не только предприятия, но и крупных промышленных структур, таких как холдинги, концерны, госкорпорации, а также и отраслей экономики [15].

Организация энергоменеджмента чаще рассматривается как одно из направлений менеджмента внутри отдельно взятого предприятия и, как правило, основывается на зарубежном опыте: будь то стратегическое планирование или мотивация энергосбережения [13].

Учитывая сложившуюся практику, ограничившую энергоменеджмент узкими рамками предприятия, ошибочно присваивать ему сугубо утилитарную функцию прикладного инструмента получения дополнительных прибылей.

Развивающаяся концепция энергетического менеджмента подразумевает управление потреблением энергии с целью снижения затрат путем повышения энергетической эффективности и не ограничивается производственным процессом отдельно взятого предприятия. Требования энергетической эффективности подразумевают создание действенной системы управления не только производством, но и распределением и потреблением энергетических ресурсов, включающей разработку стратегических энергетических планов, замену нормирования потребления энергии приборным учетом, мониторинг энергопотребления, рациональное использования финансовых

© Брагина З.В., Махова Е.А., 2011

средств, выделяемых на энергосбережение, информационное обеспечение, совершенствование системы мотивирования к энергосбережению (в том числе и неценовых ее факторов).

Энергия всегда была ресурсом, необходимым для производства, но сейчас она стала признаваться одним из главных видов затрат, который заслуживает особого внимания. Повышение энергоэффективности и энергосбережения не только влечет за собой ряд таких преимуществ, как увеличение прибыльности или получение дополнительных источников для развития бизнеса, но и создает условия для формирования конкурентной среды.

Поскольку вопросы энергоэффективности традиционно рассматривались как технические усовершенствования, следует признать, что внимание уделялось лишь техническим аспектам энергоэффективности, но не управлению энергоэффективностью. Понимание важности энергии как одного из видов ресурсов, который требует такого же менеджмента, как и любой другой дорогостоящий ресурс, а не накладных расходов предприятия, является первым шагом к энергоэффективности и снижению энергозатрат.

В России один из самых больших в мире технический потенциал повышения энергетической эффективности – более 40% от уровня потребления энергии в стране: в абсолютных объемах – это 403 млн. т.у.т. Газовая отрасль способна сыграть существенную роль в процессе повышения энергоэффективности российской экономики, поскольку доля газа в топливном балансе страны превышает 50%. Как отметил, выступая на международной конференции, посвященной эффективному распределению и использованию газа (Москва, 15 октября 2009г.), член Правления, начальник Департамента по транспортировке, подземному хранению и использованию газа ОАО «Газпром» Олег Аксютин, ОАО «Газпром» уделяет снижению энергоемкости производственных процессов особое внимание: только в 2008 году за счет мероприятий по энергосбережению удалось сэкономить более 2,3 млрд. куб. газа и около 251 млн. кВт/ч – электроэнергии, а суммарная экономия природного газа с 2002 по 2008 год превысила 20 млрд. куб. м. [16].

Однако, в подтверждение отмеченного выше, основное направление в работе по сокращению потребления энергоресурсов реализуется посредством исполнения ряда мероприятий, направленных на повышение герметичности газораспределительных сетей, снижение потерь при выполнении регламентных работ на газопроводах. В практике работы газораспределительных организаций оценка подобных потерь строго регламентирована и производится на основании Методики определения расходов газа на технологические нужды предприятий газового хозяйства и потерь в системах распределения газа РД 153-39.4-079-01, утвержденной приказом Министерства энергетики РФ от 01.08.2001 №231 [3].

Технологические потери, рассчитанные в соответствии с Методикой, учитываются органами государственного регулирования в расходах газораспределительных организаций и включаются в тариф газораспределительных организаций на соответствующий финансовый год.

Анализ потерь газа в газораспределительных сетях приводит к следующим выводам: при росте объема потерь в натуральном выражении на 111,3%, средняя по регионам РФ доля потерь в газораспределительных сетях в 2009 г. по сравнению с 2007 г. демонстрирует темп роста – 111,8%, что не может не настораживать.

Согласно п.4.1 названной Методики потери в газораспределительных сетях выступают составным элементом газового баланса, представленного в виде уравнения, связывающего статьи прихода и расхода газового топлива:

$$Qn = Q_{СН} + Q_{ТН} + Q_{ав} + Q_{ПТ} + Q_{пр}, \qquad (1)$$

где Qn – количество поступающего от поставщика газа; $Q_{СН}$ – количество газа, расходуемое на собственные нужды, $Q_{ТН}$ – количество газа, расходуемое на технологические нужды; $Q_{ав}$ – количество газа, расходуемое на проведение аварийных работ; $Q_{ПТ}$ – потери газа в системах газораспределения; Qпр – количество газа, реализованное газораспределительной организацией промышленным потребителям и населению.

При этом потери газа определяются по формуле:

$$Q_{ПТ} = Q_{П} - Q_{р}, \qquad (2)$$

где $Q_{П}$ – количество газа, поступающего от поставщика ежемесячно, подтвержденное 2-сторонним фактом (приема, отпуска) газа поставщиком и газораспределительной организацией; Qр – количество газа реализованное.

Количество газа реализованное (Qр) определяется по формуле:

$$Q_{р} = Q_{потр.} + Q_{насел.}, \qquad (3)$$

где Qпотр. – количество газа, реализованное промышленным потребителям ежемесячно, под-

твержденное 2-сторонним актом; Qнасел. – количество газа, реализованное населению ежемесячно; рассчитывается по действующим нормам, а при наличии счетчиков – по их показаниям.

Этот же документ классифицирует потери газа в системах газораспределения. При этом приводимая классификация дает веский повод усомниться в адекватности Методики действительному положению вещей. В соответствии с п.6 потери в системах газораспределения делятся на действительные и так называемые «мнимые».

К действительным потерям относятся эксплуатационные утечки газа в газопроводах и оборудовании, потери газа при проведении сливо-наливных операций, а также аварийные выбросы газа при повреждении газопроводов и оборудования.

К «мнимым» потерям относят количество газа, полученное и полезно используемое потребителем, но неучтенное (и потому неоплаченное) вследствие несовершенства методов контроля и учета расхода газа.

Таким образом, возникает парадокс: признавая факт существования потерь, обусловленных спецификой учета, и принимая в расчет газового баланса стоимость поставленного газа, сформированную под влиянием «мнимых» потерь, потери не признаются как самостоятельный элемент газового баланса, что требует глубокого самостоятельного исследования.

«Мнимые» потери образуются как несоответствие между суммой денежных средств, предъявляемых потребителям к оплате за газ в результате расчетно-кассового сопровождения, и объемом газа, приобретенного трейдерами – региональными газовыми компаниями для последующей реализации потребителям. Данное явление получило в профессиональном обиходе наименование «небаланс», как отклонение объемов закупленного от фактически реализованного газа. Небаланс – разница между общим объемом газа, поступившим от поставщика (по данным узлов учета газа), и объемом газа, реализованным потребителям, в том числе населению и газораспределительной организации (по данным приборов учета газа у потребителей или в случае их отсутствия или несоответствия требованиям стандартов – по установленным нормативам потребления и/или проектной мощности газоиспользующего оборудования).

Решение проблемы устранения небаланса газа рассматривается независимыми техническими специалистами научно-исследовательских институтов при установлении нормативов потребления газа населением при отсутствии приборов учета, в рамках действующей системы законодательства при выявлении фактов незаконного проживания граждан в квартирах, сдаваемых в наем с нарушением процедуры заключения договора, установлении фактов хищения и фальсификации показаний приборов учета потребителями. Все перечисленные факторы небаланса и меры экономического и внеэкономического воздействия, предпринятые в направлении устранения каждого из факторов, не приносят желаемого результата – эффективного сокращения небаланса газа.

Наиболее явные и, вместе с тем, наименее поддающиеся регулированию и устранению факторы, влияющие на формирование небаланса, – это проживание без регистрации в квартирах, сдаваемых в наем на незаконных основаниях, а также хищение газа путем самовольного подключения к газораспределительным сетям.

Фактором, усугубляющим потери, обусловленные небалансом, является перекрестное субсидирование в области цен на газ для потребителей внутреннего рынка РФ. Цены на газ для населения существенно ниже цен на газ для прочих потребителей [4–8; 10–12].

Вопреки принятой стратегии отказа от перекрестного субсидирования, с 2007 г. наблюдается процесс наращивания величины субсидирования цен для населения за счет цен для промышленных потребителей.

Учитывая курс Правительства на сглаживание перекрестного субсидирования и полный отказ от него к 2015 году, возможен значительный рост небаланса в связи с удорожанием газа, используемого для коммунально-бытовых нужд населения [9]. Данное обстоятельство повлечет существенное отклонение фактических показателей региональных компаний по реализации газа от их плановых значений, следствием чего будет являться усугубившийся дефицит собственных средств для финансирования основной деятельности.

Достоин особого внимания значимый аспект небаланса: в связи с тем, что нормы расхода газа, разрабатываемые независимой научно-исследовательской организацией и утверждаемые исполнительными органами власти субъектов РФ в установленном порядке [1; 2], не предназначены для отражения динамично изменяющихся условий

каждого хозяйствующего субъекта (домовладения), объективно возникает небаланс между нормой и условиями фактического расхода газа. Это обстоятельство не может не вызывать вопрос об адекватности и справедливости оценки показателей энергосбережения и энергоэффективности использования сетевого газа в регионе.

По сути, энергоэффективность – это оценка статусным субъектом (будь то государство, хозяйствующий субъект или домохозяйство) рациональности (продуктивности и интенсивности) использования ресурса. Мера заинтересованности этих субъектов, определяющая их поведение на конкурентном рынке в условиях признанного госпротекционизма, и определяет эффективность использования этого ресурса. Это утверждение может быть проиллюстрировано рядом примеров:

1. Так, в случае, если технические характеристики оборудования обеспечивают минимальный расход энергетического ресурса, хозяйствующий субъект не заинтересован в обновлении оборудования такого типа.

2. Пока цена ресурса доступна для потребителя, а сам ресурс дешев по сравнению с товарами и услугами потребительской корзины, у потребителя отсутствует стимул к его экономии (в силу социальной значимости ресурса, розничные цены на газ искусственно смоделированы под покупательскую способность населения за счет перекрестного субсидирования).

3. Если стоимость газа, поставляемого в регион РФ, возмещается производителю в полной мере, то он имеет основания считать, что поставка газа эффективна. То есть, в случае полноты и своевременности расчетов региона за газ, энергоэффективность поставок высокая.

Эти примеры дают основания считать, что энергоэффективность определяет стратегию (правила) поведения потребителя на конкурентном рынке. С этой позиции надо рассматривать экономические последствия конкурентной организации рынка социально значимого ресурса, который не только влияет на динамику цен всех товаров и услуг, предлагаемых производителями, но и, в конечном счете, предопределяет уровень инфляции.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 13.06.2006 № 373 «О порядке установления нормативов потребления газа населением при отсутствии приборов учета газа» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 25. – Ст. 2 733; Российская газета. – 2006. – 21 июня.

2. Правила учета газа (утв. Минтопэнерго РФ 14.10.1996) // Российские вести. – 1996. – 5 дек.; Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1996. – № 11.

3.Приказ Минэнерго России от 01.08.01 № 231 «Методика определения расходов газа на технологические нужды предприятий газового хозяйства и потерь в системах распределения газа» РД 153-39.4-079-01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.skonline.ru/doc/10267.html. Дата обращения: 04.07.2011.

4. Приказ ФСТ РФ от 03.12.2004 № 229-э/15 (ред. от 17.11.2005) «Об оптовых ценах на газ, добываемый ОАО “Газпром” и его аффилированными лицами, реализуемый потребителям Российской Федерации» // Информационный бюллетень ФСТ РФ. – 2004. – № 15; МИНТОП. – 2004. – № 12.

5. Приказ ФСТ РФ от 17.11.2005 № 524-э/1 (ред. от 19.12.2006) «Об оптовых ценах на газ, добываемый ОАО “Газпром” и его аффилированными лицами, реализуемый потребителям Российской Федерации» // Информационный бюллетень ФСТ РФ. – 2005. – № 33.

6. Приказ ФСТ РФ от 05.12.2006 № 338-э/1 (ред. от 06.07.2007) «Об оптовых ценах на газ, добываемый ОАО “Газпром” и его аффилированными лицами, реализуемый потребителям Российской Федерации» // Информационный бюллетень ФСТ РФ. – 2006. – № 46.

7. Приказ ФСТ РФ от 04.12.2007 № 403-э/1 «Об оптовых ценах на газ, добываемый ОАО “Газпром” и его аффилированными лицами, реализуемый потребителям Российской Федерации» // Информационный бюллетень ФСТ РФ. – 2007. – № 46.

8. Приказ ФСТ РФ от 24.12.2008 № 413-э/11 «Об оптовых ценах на газ, добываемый ОАО “Газпром” и его аффилированными лицами, реализуемый потребителям Российской Федерации» // Информационный бюллетень ФСТ РФ. – 2008. – № 48.

9. Приказ ФСТ РФ от 05.07.2007 № 156-э «Об утверждении Положения об определении формулы оптовой цены на газ» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 33.

10. Приказ ФСТ РФ от 17.09.2008 № 173-э/5 «Об утверждении Методических указаний по регулированию размера платы за снабженческо-сбыто-

вые услуги, оказываемые конечным потребителям поставщиками газа» // Российская газета. – 2008. – 15 окт. – № 215.

11. Постановление ФЭК РФ от 19.12.2002 № 94-э/4 (ред. от 11.06.2003) «Об оптовых ценах на газ, добываемый ОАО "Газпром" и его аффилированными лицами, реализуемый потребителям Российской Федерации» // Информационный бюллетень ФЭК РФ. – 2002. – № 24; Информационный бюллетень ФЭК РФ. – 2003. – № 3, 5 (поправка).

12. Постановление ФЭК РФ от 29.10.2003 № 89-э/6 (ред. от 11.02.2004) «Об оптовых ценах на газ, добываемый ОАО "Газпром" и его аффилированными лицами, реализуемый потребителям Российской Федерации» // Информационный бюллетень ФЭК РФ. – 2003. – № 32.

13. *Каравайков В.М.* Организация энергетического менеджмента текстильного предприятия. – Кострома: КГТУ, 2003; Теплотехнические проблемы энергосберегающей технологии в текстильной и легкой промышленности / Межвузовский сборник научных трудов МТИ. – М., 1989.

14. Энергетический менеджмент: Руководство по энергосбережению концерна Du Pont (США) / пер. А.Г. Литвак. – Н.Новгород: Чувашия, 1997.

15. http://www.gazrossii.ru/page/archive/2009/4. Дата обращения – 05.07.2011.

УДК 130.2+330.16

Кружкова Татьяна Ивановна
кандидат исторических наук
Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)
rustale@yandex.ru

Комарова Оксана Викторовна
кандидат экономических наук
Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)
okkomarova@yandex.ru

ДЕЛОВОЙ МИР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматриваются деловые связи как значимый элемент общественных отношений, рассматривается категория «делового мира» как социокультурного и социально-экономического феномена, выделяются значимые черты делового мира: традиционность, самобытность, экономическая активность и благотворительность.

Ключевые слова: *деловые связи, деловой мир, предпринимательство, исторические традиции, социокультурный феномен, социально-экономический феномен, экономическая активность.*

Роль предпринимательства в социально-экономическом развитии страны общеизвестна. Однако в современных исследованиях больше внимания уделяется анализу предпринимательства в краткосрочном периоде: его влияние на текущее производство и занятость, социально-экономическую и политическую устойчивость общества и др. При этом роль неэкономических факторов, во многом определяющих развитие бизнеса и его эффективность, остаются нерассмотренными.

Одним из важных факторов развития предпринимательства является формирование положительного образа предпринимателя, основными чертами которого являются самостоятельность и независимость в бизнесе, творческий характер предпринимательства. Использование данного фактора возможно, если государство стимулирует изменения в общественном сознании, ориентирует его на жизненные интересы и ценности среднего класса, формирует позитивное отношение различных слоев и групп населения к предпринимательской деятельности, причем не только как к источнику доходов с целью удовлетворения потребностей, но и как к возможному жизненному пути.

Образ российского предпринимателя является достаточно негативным: российский предприниматель представляется склонным к махинациям и жульничеству, движим в основном жаждой наживы, имеет низкий уровень культуры и т.д., – это показал опрос, проведенный в мае 2010 Аналитическим Центром Юрия Левады [1].

Большое значение имеет развитие позитивного самосознания предпринимателей, исходя из принципов социальной ответственности и дело-

 © Кружкова Т.И., Комарова О.В., 2011

вой этики. Представляется, что только в этом случае предприниматели могут образовать самостоятельную социально-активную группу со специфическими общими интересами, способную стать опорой государства и неотъемлемым элементом гражданского общества. Именно поэтому представляется актуальным рассмотрение сущностных черт деловой среды предпринимательства.

Основу деловой среды образуют деловые связи, которые предстают не только как единичные взаимодействия между предпринимательским сообществом и государством, гражданами страны, но они образуют и устойчивые системы связей. Поэтому, на наш взгляд, следует рассматривать не проблему развития деловых связей, а проблему формирования и развития делового мира. Однако, получив широкое распространение, само понятие «делового мира» не раскрывается.

Целью нашего исследования является рассмотрение делового мира как феномена общественного развития, при этом различные черты делового мира можно выделить на основе различных методологических позиций.

Базис исследования составляет философская концепция делового мира, которая вбирает в себя все аспекты философии хозяйства и общественно-экономического бытия. От понимания целей предпринимательства, способов обретения богатства зависят мотивационные и поведенческие направления хозяйственной деятельности человека.

Определяющим условием понимания делового мира является постижение сущности предпринимателя (делового человека), взятого в единстве и целостности природно-биологических, социокультурных и духовно-нравственных компонентов личности. Так, в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова даются следующие толкования признаков «делового человека» [7]:

– деловитый – толковый, серьезный, предприимчивый;

– деловой – знающий дело, толковый, дельный;

– дельный – серьезный, заслуживающий внимания.

Характеристики представителей делового мира позволяют лишь выявить некоторые черты, присущие такому феномену, как деловой мир.

Главной чертой является сила личности, которая характерна для большинства представителей делового мира. Она не может быть привнесена извне, а приобретается лишь собственными усилиями. Силу личности определяют четыре фактора:

1) жизненная сила, дело всей жизни. Немецкий философ К. Ясперс отмечал: человек есть то, что он есть благодаря делу, которое он сделал своим;

2) самооценка, то есть взвешивание своих сил и способностей;

3) желание преодолевать трудности;

4) нравственные ценности и принципы.

Поведение человека индивидуально, каждый мыслит по-своему, у каждого свое мнение, своя позиция. В то же время нельзя личность рассматривать вне общества. Устройство жизненной среды человека, организация успешных взаимоотношений, форм поведения в тех или иных обстоятельствах – это сущностные проблемы делового мира.

На основе такого подхода можно выделить несколько аспектов анализа делового мира: социокультурный, исторический и социально-экономический.

С точки зрения экономической деловой мир представляет собой совокупность деловых партнерских отношений, способствующих утверждению деловой репутации предпринимателя и обеспечивающих устойчивость экономической и социальной структуры общества. Важнейшие характеристики делового мира как экономического явления проявляются в экономической активности представителей делового мира, не только предпринимателей, но всех участников деловых отношений.

Деловой мир рассматривается нами как особая система формирования и развития предпринимательских качеств, способов взаимодействия с окружающей социально-экономической средой и связанный с развитием предпринимательства как явления. Значимый аспект понимания делового мира как исторического феномена представлен нами в ряде работ [2–4].

Деловой мир – особый социокультурный феномен – выступает как особая культура отношения к делу. Деловому миру присуща деловитость как способность трансформировать знания, умения, личный опыт, нравственную культуру в профессиональный и деловой успех.

В реальности деловой мир представляет собой комплексное воплощение всех обозначенных аспектов. Анализ делового мира невозможен только с помощью описания объективных закономерностей, необходимо обязательно учитывать субъективное личностное начало. Для того чтобы проявлять деловую активность, то есть заниматься эко-

номическим творчеством, человек должен обладать специфическим набором качеств.

Творчество, в том числе в сфере экономики, традиционно рассматривается как процесс индивидуальный. Если бы предпринимательство было простым делом, ни один представитель делового мира не смог бы в течение определенного времени получать прибыль, дающую возможность дальнейшего развития предприятия. Это качество предпринимателя является индивидуальным, и его трудно передать другому лицу.

В западной философской и экономической литературе существует множество различных описаний личностных качеств представителей делового мира. Ж.Б. Сэй отмечал, что деловым людям необходимы здравый ум, знание психологических особенностей личности, умение верно оценить необходимость производимого продукта, обладание талантом управления и т.д. М. Вебер связывал предпринимательский дух с религиозностью.

Значительный анализ личностных качеств представителей делового мира имеется в трудах Й. Шумпетера, который выделяет три основных мотива деловой активности [10, с. 193]. Первый – потребность в господстве, власти, влиянии. Эта цель материализуется в накоплении имущества. Второй – воля к победе, стремление к успеху, достигнутому в борьбе с соперниками и с самим собой. И, наконец, третий важный мотив – это радость творчества, которую представитель делового мира получает от самостоятельного ведения дел. Однако для идеального представителя делового мира достижение больших прибылей не должно являться основной целевой функцией. Это подчеркивает и Ф. Хайек: «Любой предприниматель, которому рынок подсказывает тот или иной конкретный способ увеличения прибыли, может одновременно действовать в собственных интересах и вносить в производство совокупного продукта… вклад больший, чем в любом другом случае, любым из других имеющихся способов» [9, с. 173]. Представители делового мира должны быть готовы, особенно на стадии становления рынка, не к максимальным, а к минимальным прибылям и даже временным (несколько лет) убыткам.

Подобное понимание деловитости выходит далеко за рамки деятельности конкретного слоя людей. Делом можно назвать любой вид деятельности, в котором человек стремится достичь успеха за счет энергии, умения, предприимчивости. Деловой человек – тот, кто серьезно относится к поставленным целям, умело мобилизует усилия для их осуществления, добивается позитивных результатов.

Удовлетворение неразумных, иррациональных потребностей людей, отрицательного или нерационального спроса вряд ли способствует развитию деловой культуры.

Сказанное выше позволяет понимать под культурой делового мира все то, что поднимает, возвышает и развивает человека, формирует в нем подлинно человеческое, расширяет возможности нравственного выбора, достойного самоопределения, раздвигает границы реальной свободы хозяйственного и социального творчества, развивает стремление человека творить добро, формирует волю, способную воспринимать совершенное и стремиться к совершенству во всех своих проявлениях.

Масштабом личности, глубиной внутреннего духовного мира и творческим созидательным потенциалом определяется и достигается действительная деловитость человека.

В философско-экономических параметрах может быть полнее и глубже представлена и осмыслена сама субстанция делового мира в его предметно-вещном наполнении, духовно-нравственном состоянии и субъективной оценке человека (отдельного представителя делового мира).

Деловой мир как социокультурный феномен на современном этапе развивается на основе традиций. Традиция детерминирует поведение представителей делового мира в том смысле, что они соблюдают определенный, установленный на протяжении длительного времени, доказавший свою жизненность, порядок. Этот порядок определяет их особое мироощущение и мировосприятие.

Традиция есть процесс передачи наследства от одних представителей делового мира другим. С этой точки зрения она выступает универсально-всеобщим основанием сохранения и развития делового мира. Традиции делового мира, рассматриваемые в этом аспекте, предстают перед нами как культурно-историческая целостность.

Традиции есть исторически сложившаяся система социокультурной самоорганизации делового мира. Сохранение опыта, его передача, восприятие и актуализация выступают основными этапами целостности самой традиции как культурно-исторического процесса, как социокуль-

турного коммуникатирования. Социокультурное содержание в деятельности делового мира продолжает определяться и обуславливаться традициями.

Мы согласны с мнением современных историков, философов, занимающихся исследованиями в области традиций, что сегодня «культурные нормы, традиции, образы, хранимые и почитаемые в народной памяти негативируются, извращаются, перетолковываются» [8, с. 40].

Несмотря на различия в содержании и смыслах конкретных традиций, традиция как обобщающее понятие, как некий философский абстракт предполагает освоение, усвоение и творческую переработку всего того позитивного, что дает всякая иная традиция. Традиционными чертами делового мира являются софийность, соборность, семейственность, артельность, кооперация.

Анализируя деловой мир, как некую особую субкультуру, следует отметить меценатство как организационную деятельность предпринимателя, направленную на развитие образования, культуры и духовной жизни населения. Меценатство в данной среде объяснялось как эгоистическими, так и альтруистическими мотивами одновременно, а также гражданским и нравственным долгом представителей делового мира. Такой подход подтверждает исследование деятельности представителей делового мира Урало-Сибирского региона [8], в котором выявлено, что:

– формирование русского делового мира в догосударственный период и после образования Киевской Руси происходило на основе традиций, обычаев, менталитета, культуры. Хозяйственные традиции и обычаи являлись духовным началом, объединяющим представителей делового мира;

– в конце XIX века в ряде купеческих династий начинает осознаваться некая кастовость своего круга, происходит кристаллизация своей социальной идентичности;

– из православия в практику деловых людей органически вливались такие свойства личности, как терпение, смирение, упорство, совестливость, добросердечие, достойность, умеренность, порядочность, опрятность, рачительность и т.п. Религиозность способствовала упрочению деловой репутации представителей делового мира;

– одной из черт русского делового мира является его самобытность.

Несомненным является факт взаимосвязи экономического сознания представителей делового мира и корпоративной психологии. Под влиянием корпоративной психологии представители делового мира начинали ощущать свою неразрывную связь с будущим народа, которое в тот период было невозможно без развития просвещения и культуры.

В отличие от делового мира Запада представители российского делового мира стремились добиться от правительства почетных званий, дававших определенные привилегии. Награды пользовались высоким авторитетом в обществе и являлись своеобразной маркой респектабельности представителей делового мира. Это подтверждает совершенно особый алгоритм развития нашего общества. Социокультурное развитие в России осуществлялось неритмично, не эволюционно. Не случайно И.А. Ильин писал о том, что «из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить; но лишь в том, чтобы как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность» [1, с. 13]. Это выработало такую черту у представителей делового мира, как постоянная готовность к действию, поступку. Они не терпели бездействия и, когда возникали проблемы, стремились решать их немедленно. Кроме того, они мгновенно реагировали на каждое изменение ситуации на рынке, в экономической политике государства. В условиях перехода к новым экономическим отношениям представители делового мира опасались предоставлять возможность приказчикам, управляющим действовать самостоятельно, отстаивать целесообразность и необходимость принятых ими решений. Подобные качества были присущи купцам и предпринимателям А. Текутьеву, Н. Мешкову, И. Любимову, Рязановым, Злоказовым и т.д.

Российский деловой мир существенно отличается от западного. Н. Бердяев постоянно отмечал поляризованность русского характера, в котором странным образом совмещаются совершенно противоположные черты: доброта и жестокость, душевная тонкость и грубость, крайнее свободолюбие и деспотизм, альтруизм и эгоизм, самоуничтожение и национальная гордыня.

Одной из черт современного делового мира России является прерванность традиций, поскольку после Октябрьской революции 1917 г. (исключая годы нэпа) купеческое сословие и предпринимательский способ хозяйствования были ликвидированы, а процесс формирования предпри-

нимательской деятельности начался лишь в «перестроечной» России.

За последние годы в нашем сознании сложился образ делового человека – предприимчивого, ориентированного на самостоятельное принятие решений и их выполнение, заинтересованного в максимальной свободе выбора, готового и умеющего рисковать, быстро оценивать ситуацию. Подобное принято связывать с вполне конкретным типом экономического поведения – предпринимательством. Речь идет о социальном слое людей, ставших в современных условиях собственниками, выдержавших рыночную конкуренцию благодаря своим деловым качествам. Конечно, деловой мир России формируют различные по масштабам деятельности предприниматели: крупный, средний и малый бизнес, индивидуальное предпринимательство.

Образ предпринимателя во многом определяет отношение общества к предпринимательству, силу или слабость бизнеса. При такой ситуации, которая сложилась в России объективно, влияние малого и среднего бизнеса на развитие страны мало, что определяется также его социально-политической и духовной силой.

В целях развития и становления предпринимательства необходимо не только регулировать его развитие экономическими методами, но и воздействовать на деловую среду, формируя деловой мир.

Современная цивилизация – цивилизация динамичная, бурно развивающаяся, которая, на первый взгляд, недостаточно дорожит традициями. Но, тем не менее, они остаются, сохраняя духовность в обществе. В условиях бурного развития новых технологий в XXI веке только человеческий ресурс является неисчерпаемым источником созидательных возможностей. Интеллектуально-информационный, социально-профессиональный, инновационный, культурно-образовательный, духовно-нравственный потенциал поистине безграничен, универсален, а главное – конструктивен.

Таким образом, масштабом личности, глубиной внутреннего духовного мира, творческим, созидательным потенциалом личности достигается дальнейшее развитие делового мира.

Библиографический список

1. *Ильин И.А.* О России. Статьи и речи. – М.: Студия «Тритэ» – «Рос. архив», 1991. – 32 с.

2. *Кружкова Т.И.* Деловой мир России как исторический и социальный феномен (ч. 1) // Российское предпринимательство. – 2003. – № 12. – С. 8–13.

3. *Кружкова Т.И.* Деловой мир России как исторический и социальный феномен (ч. 2) // Российское предпринимательство. – 2004. – № 1. – С. 52–57.

4. *Кружкова Т.И.* Деловой мир России как исторический и социальный феномен (ч. 3) // Российское предпринимательство. – 2004. – № 3. – С. 86–90.

5. *Кружкова Т.И.* Деятельность представителей делового мира Урало-Сибирского региона (во второй половине XIX – начале XX вв.). – Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2002. – 351 с.

6. Образ отечественного и западного предпринимателя в глазах россиян. Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2010060101.html#poll (дата обращения 30 апреля 2011 г.).

7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

8. *Рыбаков Н.С.* Мутации мировоззрения? // Мировоззрение и культура: сб. ст. / Урал. гос. ун-т; под общ. ред. В.В. Кима. – Екатеринбург: Банк культур. информ., 2002. – С. 39–50. (Философия образования; Вып. 27).

9. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма / пер. с англ. Е. Осиповой; под общ. ред. У.У. Бартли III. – М.: Новости, 1992. – 304 с.

10. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Воспроизведение. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 401 с.

УДК 378:001.895

Меньших Наталья Геннадьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
(филиал в г. Кировске Мурманской области)
natmen3004@rambler.ru; nuo@filkgu.ru
Цукерман Вячеслав Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
(филиал в г. Кировске Мурманской области)
tsukerman@iep.kolasc.net.ru

ОБ ОПЫТЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

В работе рассмотрены вопросы, связанные с совершенствованием инфраструктуры кадрового обеспечения инновационного развития российского Севера. В работе обозначены проблемы обеспеченности региона квалифицированными кадрами для инновационного развития.

Ключевые слова: *деятельность вузов, инновационное развитие, подготовка специалистов.*

Мурманская область – уникальный регион российского Севера с точки зрения ее геополитического и геоэкономического положения, роли в обеспечении обороноспособности страны, запасов природных ресурсов. Область располагает значительным человеческим и этнокультурным потенциалом, граничит с промышленно-развитыми странами, располагает значительными топливно-энергетическими, минеральными и биологическими ресурсами, характеризуется наличием высокообразованного населения, развитой системой подготовки кадров, значительным научно-исследовательским комплексом.

На сегодня не все высшие профессиональные учреждения Северных регионов готовят специалистов (и в том числе по управлению), способных решать проблемы перехода на инновационный путь развития.

Накоплен значительный опыт подготовки специалистов по специальностям «Менеджмент организации» и «Маркетинг» в филиале ГОУ ВПО «Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова» в г. Кировске Мурманской области (далее – Филиал).

В Филиале повышение качества образования связывается главным образом с выполнением профессорско-преподавательским составом научных исследований по преподаваемым дисциплинам. Курсы лекции по управленческим дисциплинам поручаются только преподавателям, выполняющим научно-исследовательские работы и имеющим значимые научные публикации. Основной контингент преподавателей кафедры совмещает работу в Институтах Кольского научного центра РАН (далее – КНЦ РАН) [1].

На научно-практических конференциях студенты готовят доклады главным образом по вопросам, связанным с инновационным развитием предприятий. Так, например, в апреле 2011 года два студента успешно представили доклады на международной научно-практической конференции. Темы докладов: «Разработка концептуальных основ инновационной системы предприятия» и «О технологической модернизации промышленности регионов Севера».

Учебным планом специальностей предусмотрено необходимое количество специализированных практик в течение всего процесса обучения, которые являются одними из важнейших элементов в подготовке специалистов-менеджеров. На ознакомительно-управленческой практике студенты получают необходимые данные о системах управления в различных сферах. Экономическая и управленческая практика предусматривают работу студентов непосредственно на предприятиях и в организациях. К преддипломной практике предъявляются особые требования, связанные с утвержденными темами выпускных квалификационных работ.

Часть выпускных квалификационных работ студенты выполняют по научной тематике, связанной с проблематикой Институтов КНЦ РАН, в том числе Института экономических проблем. Студенты имеют возможность знакомиться со всеми этапами производственного процесса в различных сферах, в том числе в научной. Опыт подготовки студентов показал, что качество об-

© Меньших Н.Г., Цукерман В.А., 2011

разования студентов значительно повышается при интеграции науки и образования.

Следует отметить, что исключительно важную роль играет создание базовых кафедр высшей школы и академической науки, что содействует сокращению сроков получений научных знаний в учебный процесс. Наука становится основой высшего образования и повышения его качества. Необходимость создания базовых кафедр или научно-образовательных центров диктуется необходимостью модернизации экономики и, следовательно, повышением качества подготовки кадров для управления инновационными проектами.

Для повышения квалификации менеджеров необходимо создание на Севере бизнес-школы для подготовки и переподготовки менеджеров высшей квалификации в сфере инноваций с получением слушателями дополнительной квалификации «Мастер делового администрирования» (MBA).

Разработан проект создания на базе автономного образовательного учреждения «Кольский академический университет» и Института экономических проблем Кольского научного центра РАН бизнес-школы для подготовки и переподготовки менеджеров высшей квалификации с использованием уникального научно-производственного комплекса города Апатиты Мурманской области. В его состав входят 7 научных и 12 производственных предприятий и организаций инновационной инфраструктуры.

Законодательной базой для создания бизнес-школы являются Приказ Минобразования РФ № 40 от 08.02.2008 «О Государственных требованиях к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации “Мастер делового администрирования – MBA”» и Приказ Минобразования РФ № 4323 от 20 ноября 2003 г. «О лицензировании высших учебных заведений и образовательных учреждений дополнительного профессионального образования по образовательной программе дополнительного профессионального образования “Мастер делового администрирования – Master of Business Administration (MBA)”».

Основной целью создания бизнес-школ является построение системы переподготовки кадров для инновационного развития, для овладения слушателями навыками бизнес-проектирования, оценки эффективности инновационных проектов, проведения маркетинговых исследований, формирования бизнес-команды и разработки внедренческих мероприятий по реализации проектов, учитывающих специфику работы в регионах Европейского Севера.

Бизнес-школа создается для менеджеров всех уровней и масштабов промышленных предприятий, работников учебных заведений и научных организаций, чиновников государственной и муниципальной власти.

Существующая система подготовки менеджеров слабо ориентирована на запросы реального сектора экономики и социальной сферы. По существу, отсутствует государственная система кадрового прогнозирования. В последние два года резко уменьшилось количество бюджетных мест в образовательных учреждениях Севера, а на такие необходимые для модернизации экономики специальности, как «Менеджмент организации» (инновационный менеджмент), «Государственное и муниципальное управление», «Маркетинг», практически отсутствует, что не способствует привлечению абитуриентов и отбору талантливых и подготовленных представителей молодежи.

Опыт показывает, что менеджеров целесообразнее готовить в городах, где имеются научные центры, промышленные предприятия, технопарковые структуры и т.д. Следует отметить, что в регионах Севера подготовка менеджеров происходит гораздо эффективнее, так как студенты могут обучаться и проводить практические занятия на промышленных предприятиях, которые являются более доступными, чем в крупных городах.

Можно согласиться, что в ряде случаев на территории России подготовка студентов по управленческим специальностям в филиалах университетов не всегда может быть целесообразной, однако для регионов Севера создание сети университетов (филиалов), ведущих подготовку менеджеров, следует не только приветствовать и увеличивать количество бюджетных мест, но и создавать соответствующие механизмы заинтересованности молодежи.

Необходимо совершенствование системы подготовки менеджеров для модернизации экономики непосредственно в регионах Севера.

На рынке образовательных услуг одним из основных участников уже давно является работодатель. Выпускники вузов на Севере сегодня оказались крайне востребованными, и представители различных компаний единогласно говорят, что активно привлекают на работу молодых специалистов. Это объясняется тенденциями к пере-

ходу экономики регионов Севера на инновационный путь развития, а также необходимостью компенсировать естественное выбытие опытных кадров. В последние годы молодых специалистов вузов для работы привлекают, прежде всего, промышленные компании, а также организации торговой сферы, финансовые организации и предприятия сферы услуг [2].

В этой ситуации предприятие прекрасно понимает ситуацию, и сегодня выпускников вынуждены воспринимать лишь как исходный материал для подготовки полноценного специалиста. И такая ситуация ставит перед вузами новые задачи. Собственно, полученные в вузе знания рассматриваются предприятиями лишь как отправная точка для дальнейшего обучения молодого специалиста; все более важным фактором при оценке потенциального сотрудника становится его способность и желание адаптироваться, учиться, а также профессионально развиваться.

В целом работодатели сегодня удовлетворены тем объемом базовых знаний, которые вчерашние выпускники получают в вузах. Специальные дисциплины и дисциплины национально-регионального компонента отражают всю сущность того региона, где непосредственно ведется обучение. То есть в северных вузах первый блок отражает специфику тех предприятий и компаний, которые являются ведущими в данном регионе, а в некоторых случаях и градообразующими. Например, для специалистов-менеджеров в Филиале такими дисциплинами являются «Управление региональной экономикой», «Финансово-экономический анализ горнорудных предприятий» и т.д. А дисциплинами национально-регионального компонента для данной специальности являются «История и освоение горнорудных месторождений», «История и освоения Кольского Севера» и др.

Помимо общих и специальных знаний работодатели сегодня ожидают от молодых специалистов еще и определенных профессиональных навыков – умения пользоваться компьютером, знания иностранных языков, способности работать в коллективе и эффективно представлять себя и результаты своего труда. Таким примером можно опять назвать Филиал, так как опять же в рамках дисциплин по выбору студенты различных специальностей, в т.ч. и «Менеджмент организации», изучают «Практический курс английского языка», «Навыки презентации и делового общения» и т.д.

Главная претензия работодателей к вузам – оторванность знаний, получаемых молодыми специалистами, от практики. Проявляться это может по-разному – как в неумении обращаться с современным оборудованием, так и в психологической неподготовленности к реалиям тяжелого промышленного производства, к руководству рабочими, к нормам поведения в бизнес-среде. Выходом из такой ситуации большинство работодателей считает, во-первых, увеличение сроков и углубление содержания производственной практики, которую студенты-менеджеры Филиала проходят на 4 курсе, а во-вторых, пополнение преподавательских кадров знающими современную конкретику специалистами из реального бизнеса и производства: зачастую сами преподаватели плохо знакомы с положением дел в той отрасли, специалистов для которой они готовят. Эту проблему в Филиале решили путем привлечения специалистов с самих предприятий, компаний и организаций. В Филиале работают научные сотрудники различных институтов Кольского научного центра Российской Академии наук, специалисты градообразующего предприятия ОАО «Апатит» и т.д. [3].

Большинство крупных компаний понимают актуальность данного вопроса и уже взаимодействуют с вузами в деле подготовки молодых специалистов. Наиболее массовой моделью взаимодействия является целевая подготовка специалистов, которая финансируется самим будущим работодателем; в некоторых случаях работодатели и вузы совместно разрабатывают программы, нацеленные непременно на удовлетворение потребностей конкретного предприятия.

Еще одной стороной вопроса о роли предприятий в подготовке высококвалифицированных специалистов является то, что высшие учебные заведения не могут существовать только за счет бюджетного финансирования, выделяемого для выполнения государственного заказа по подготовке специалистов.

Уже более десяти лет вузы имеют право зарабатывать средства и самостоятельно распоряжаться ими, то есть заниматься предпринимательской деятельностью, под которой понимается инициативная, самостоятельная, приносящая прибыль деятельность вуза. Но при этом главной целью является не максимизация прибыли, а получение средств на решение уставных задач и прежде всего на развитие образовательной деятельности.

Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует, что образование не может в полной мере развиваться на коммерческих началах. Существенное бремя расходов на образование должно нести государство, поскольку процесс выполнения вузом своих уставных функций обладает свойствами общественного блага, потребление которого является всеобщим. Но с каждым годом доля участия государства в финансировании высших учебных заведений снижается.

Для привлечения дополнительных финансов вузы используют интеллектуальный капитал и материальную базу. Интеллектуальный капитал обеспечивает развитие образовательной и научной деятельности, материальная база позволяет с наименьшими затратами развивать непрофильные для учебного заведения направления.

Самый органичный для вузов способ зарабатывания дополнительных средств – это расширение видов образовательных услуг и объемов их предоставления. При уменьшении государственного заказа и демографическом «провале» это не просто привлечение средств, но и вынужденная мера, направленная на сохранение кадрового преподавательского состава и обеспечение его работой. Для успешной реализации этого направления необходимо изменить структуру предоставляемых образовательных услуг, перенеся акцент на переподготовку, повышение квалификации, второе высшее образование и новые неконтактные формы обучения.

В современных условиях вуз представляет организацию, которая аккумулирует материальные, экономические, научно-технологические, финансовые, информационные, интеллектуальные ресурсы и трансформирует их в конечный продукт – знания, умения и навыки, профессиональные компетенции, сформированные у выпускников вуза; инновационные образовательные программы, результаты научно-технической и интеллектуальной деятельности.

Роль вуза в инновационном развитии экономики городов Севера неоценима, поскольку интеллектуальная составляющая вуза является одним из главных инновационных ресурсов, которыми располагает общество.

Требуется незамедлительный пересмотр системы образования и подготовки для инновационного развития менеджеров по специальности «Менеджмент организации».

Библиографический список

1. *Меньших Н.Г., Цукерман В.А.* Роль высшей школы для инновационного развития экономики Севера // Актуальные вопросы развития инновационной деятельности. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции / сост. Г.А. Штофер, И.Н. Кандагура. – Евпатория, 2011. – С. 113–117.

2. Модернизация российского образования: ресурсный потенциал и подготовка кадров / под ред. Т.Л. Клячко. – М.: ГУ ВШЭ, 2002.

3 *Цукерман В.А.* Проблемы подготовки и переподготовки инновационных менеджеров // Совершенствование системы подготовки и переподготовки менеджеров и специалистов для инновационного развития Мурманской области: материалы международной научно-практической конференции. Апатиты, 11–13 ноября 2009 года / сост. В.А. Цукерман, И.О. Волченко, Е.С. Горячевская. – Мурманск: МОИПКРОиК, 2010. – С. 274–280.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 008.001

Ваулина Лидия Николаевна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
rgc@ksu.edu.ru

КУЛЬТУРА ДИАЛОГА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье речь идет о десятой международной неделе КГУ им. Н.А. Некрасова «Диалог культур – культура диалога», которая позволила продолжить диалог специалистов разных профилей и разных стран, начатый на предыдущих международных неделях.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, международная неделя, диалог культур, культура диалога, межкультурная сенсибилизация.*

Международная деятельность Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова – это сочетание богатых традиций и новаций. Так, на протяжении последних десяти лет учебный год начинается со встречи российских и зарубежных специалистов на международной неделе (МН) «Диалог культур – культура диалога». Этот проект ориентирован на всех заинтересованных в общении с зарубежными коллегами и сверстниками и включает цикл мероприятий, позволяющий погрузиться в ситуацию аутентичной профессиональной межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация в профессиональной сфере предоставляет возможность участникам узнать о других культурах, образе жизни, культурных ценностях других народов, достижениях в профессиональной сфере. Она призвана также содействовать и повышению качества образования путем обмена опытом с зарубежными коллегами. Система образования должна учить организовывать познавательную деятельность по получению и совершенствованию знаний, умений и навыков как в профессиональной сфере, так и в области межкультурной коммуникации, в частности, диалогичному оформлению процесса коммуникации между носителями разных лингвокультур, выстраиванию стратегий конструктивного диалога. Готовность к диалогу культур предполагает сформированность культуры диалога как основополагающей категории конструктивной межкультурной коммуникации на уровне личности и в рамках общества. Международная неделя является, таким образом, средством межкультурной сенсибилизации участников образовательного процесса.

Юбилейная МН «Диалог культур – культура диалога» проводилась с 5 по 10 сентября 2011 г. Целью международной недели было предоставление возможности специалистам разных направлений и разных стран обменяться мнениями, представить результаты своих исследований и практических наработок, а также установить контакты для дальнейшего сотрудничества. На МН обсуждались и актуальные вопросы взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и культур. Метакоммуникация шла в рамках работы международной научно-исследовательской лаборатории межкультурных исследований.

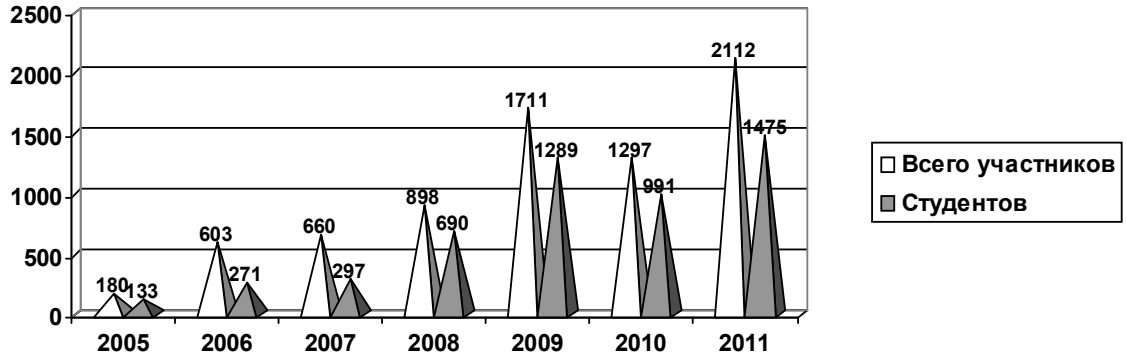
Наряду с постоянными участниками из России и стран ближнего и дальнего зарубежья, реализующими свои проекты в рамках системного подхода к организации международного сотрудничества, появляются новые участники. Ежегодно увеличивается количество партнеров университета, расширяется география сотрудничества. Так, в МН–2011 участвовали специалисты из 29 регионов России, а также Армении, Беларуси, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Польши, Сербии, США, Украины, Узбекистана, Финляндии, Франции, Чехии и Швейцарии, всего более 2 112 человек из 34 зарубежных и 51 российских вузов и организаций:

– из г. Костромы – 1 924;

– из других городов России – 78;

– из других стран – 110: Армения – 6, Беларусь – 7, Германия – 47, Испания – 1, Казахстан – 6, Молдова – 2, Польша – 19, Сербия – 5, США – 1, Узбекистан – 1, Украина – 2, Финляндия – 1, Чехия – 5, Швейцария – 7.

© Ваулина Л.Н., 2011



Изменилась структура участников: если на первых международных неделях студенты были задействованы преимущественно в олимпиадах по иностранным языкам, то в последние годы они активно посещают все мероприятия. В 2011 году из 2 112 участников 1 475 – студенты, в том числе 81 человек – иностранцы.

Для сравнения представим данные по последним семи международным неделям.

Родоначальниками проекта «Международные недели» были Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, Высшая школа г. Дармштадт (Германия), Российско-Германский Центр культурно-образовательных связей и программ, международная научно-исследовательская лаборатория межкультурных исследований. В 2011 г. соорганизаторами международной недели выступили Ванадзорский государственный педагогический институт им. Ов. Туманяна (Армения), Высшая школа г. Циттау/Гёрлитц (Германия), Московское представительство Германской службы академических обменов, Минский государственный лингвистический университет (Беларусь), Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова (Беларусь), Немецкий культурный центр им. Гёте (г. Москва), Постоянный Комитет Союзного государства Беларуси и России (г. Москва), Университет им. А. Мицкевича г. Познань (Польша), Управление федеральной миграционной службы России по Костромской области.

В международной неделе участвовал Постоянный комитет Союзного государства Беларуси и России, организовавший обсуждение актуальных вопросов оптимизации содержания социально-гуманитарного образования в вузах Беларуси и России в контексте Болонского процесса. На семинаре мнениями обменялись специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Костромы, Минска, Гомеля и Могилева. На церемонии открытия МН руководитель Департамента социальной политики и информационного обеспечения Постоянного комитета Союзного государства Т.Н. Ковалева зачитала приветственное письмо Государственного секретаря Союзного государства Павла Бородина [1]. В письме подчеркивалось, что в Концепции социального развития Союзного государства образование признано важнейшим стратегическим ресурсом развития, и целью Союзного государства является гарантия реализации одного из основополагающих прав человека – права на достойное образование.

Благодаря участию Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина стала возможна трансляция открытия международной недели в Президентскую библиотеку им. Б.Н. Ельцина (информация о пленарном заседании была размещена на портале Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина) и Кыргызский государственный университет (г. Бишкек).

МН предоставляет трибуну для презентации результатов своих исследований и практических наработок, обмена опытом, обсуждения перспективных планов профессионального сотрудничества. Традиционно в программе недели – лекции, круглые столы, тренинги, презентации, дискуссии, олимпиады, конкурсы и т.д.

Программа МН–2011 включала обсуждение актуальных вопросов:

– лингвистики (секция «Теоретические и прикладные проблемы лингвистики»; мастер-класс «Современная лексикография и фразеология: культурно-национальные особенности и региональное своеобразие»; презентация лингвистических словарей, подготовленных научно-исследовательскими лабораториями филологического факультета);

– межкультурной коммуникации (секция «Актуальные вопросы теории и практики межкультурной коммуникации», круглый стол для студентов социально ориентированных специальностей «Межкультурная коммуникация и высшее образование: диалог для студентов»);

– литературоведения (секция «Литературоведение и межкультурная коммуникация»);

– педагогики (секция «Актуальные вопросы профессионального образования», круглый стол «Волонтерское движение как образовательная инициатива», круглый стол «Становление личности будущего специалиста в условиях многоуровневой системы образования», презентация проекта «Учимся и учим культуре мира» и т.д.);

– психологии (секция «Взаимопонимание в условиях культурного многообразия», открытая лекция «Эдип – греческая мифология с психологическим значением» и т.д.);

– социальной работы (круглый стол «Перспективы сотрудничества в области подготовки бакалавров и магистров социальной работы в российских, немецких, польских и белорусских вузах», мастер-класс «Участие семьи в процессе реабилитации душевнобольных людей» и т.д.);

– политологии (круглый стол «Политическая культура и политический диалог», круглый стол «Российско-польско-германские отношения»);

– экономики (секция «Современные технологии экономического образования», цикл лекций об экономике России и Костромской области);

– юриспруденции (лекция преподавателя из Германии «Проблемы и место прокуратуры в правовой системе Германии»);

– физиологии и медицины (секция «Физиология. Медицина»);

– физики (цикл лекций «Электролитно-плазменные методы»);

– химии (секция «Актуальные вопросы химии и химической технологии в международном профессиональном диалоге») и т.д.

Профессиональное общение прошло в форме:

1) *секционных заседаний:*

– «Теоретические и прикладные проблемы лингвистики»;

– «Актуальные вопросы теории и практики межкультурной коммуникации»;

– «Литературоведение и межкультурная коммуникация»;

– «Актуальные вопросы профессионального образования»;

– «Взаимопонимание в условиях культурного многообразия»;

– «Современные технологии экономического образования»;

– «Актуальные вопросы химии и химической технологии в международном профессиональном диалоге».

– «Культурология и философия»;

– «Физиология. Медицина»;

2) *круглых столов*:

– «Становление личности будущего специалиста в условиях многоуровневой системы образования»;

– «Перспективы сотрудничества в области подготовки бакалавров и магистров социальной работы в российских, немецких, польских и белорусских вузах»;

– «Миграционные процессы: история и современность»;

– «Политическая культура и политический диалог»;

– «Волонтёрское движение как образовательная инициатива»;

– «Российско-польско-германские отношения»;

– «Международное сотрудничество в социальной сфере: из опыта работы»;

– «Межкультурная коммуникация и высшее образование: диалог студентов»;

– «Актуальные вопросы экологического образования»;

3) *открытых лекций:*

– «“Новый” правый популизм в Европе – опасность для развития либеральных демократий»;

– «Менеджмент в социальной сфере»;

– «Эдип – греческая мифология с психологическим значением»;

– «Проблемы и место прокуратуры в правовой системе Германии»;

– «Участие вместо отстранения – К вопросам о партиципации, интеграции и инклюзии в области (специальной) педагогики»;

4) *цикла лекций:*

– об экономике Костромской области, российской системе образования, студенческом самоуправлении (на немецком языке);

– по экономике России (на немецком языке);

– «Электролитно-плазменные методы»;

5) *мастер-классов*:

– «Современная лексикография и фразеология: культурно-национальные особенности и региональное своеобразие»;

– «Участие семьи в процессе реабилитации душевнобольных людей»;

– «Интернет-игры в обучении немецкому языку»;

– «Психические заболевания: распространённость, социальное влияние и лечение»;

6) *творческой мастерской*:

– «Подарок другу»;

7) *семинаров:*

– «Оптимизация содержания социально-гуманитарного образования в вузах Беларуси и России в контексте Болонского процесса»;

– «Язык молодёжи – языковой и культурный упадок?»;

8) *конкурсов*:

– на лучший студенческий реферат по теме «Толерантность в современном мире»;

– фонетического среди студентов II и III курсов немецкого отделения факультета иностранных языков;

9) *олимпиады:*

– по немецкому языку для студентов неязыковых специальностей вузов г. Костромы на призы Германской службы академических обменов и Немецкого культурного центра им. Гёте (Москва);

10) *фестиваля:*

– славянских языков и культур;

11) *спортивного праздника:*

– «Диалог в спорте»;

12) *презентаций:*

– вузов-партнеров (Высшей школы г. Оснабрюк (Германия); Высшей школы г. Циттау/Гёрлитц (Германия); Университета им. Палацкого г. Оломоуц (Чехия); Высшей школы менеджмента г. Невшатель (Швейцария); Высшей школы г. Дармштадт (Германия); Высшей школы экономики и менеджмента г. Эссен (Германия);

– Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, библиотеки КГУ им. Н.А. Некрасова;

– программ летних школ Российско-Германского Центра культурно-образовательных связей и программ;

– проекта «Учимся и учим культуре мира» (10-летие проекта);

– сборника научных трудов «Социальная работа в России и Германии: теоретические проблемы и профессиональная подготовка бакалавров»;

– проектов по профилактике социального сиротства и семейному устройству детей-сирот в замещающие семьи;

– лингвистических словарей, подготовленных научно-исследовательскими лабораториями филологического факультета.

Необходимо отметить, что в рамках международной недели был открыт международный Центр клинической психологии и психотерапии на базе ИПП (руководитель – проф., д-р Ханс-Вернер Гессманн, г. Дуйсбург, Германия), подписан договор о сотрудничестве между КГУ им. Н.А. Некрасова и Карагандинским государственным медицинским университетом (Казахстан).

К началу международной недели был приурочен выпуск сборника материалов «Диалог культур – культура диалога».

В заключение можно сказать, что проект дал возможность всем желающим посетить интересующие их мероприятия, выбрать актуальные темы, установить личные и профессиональные контакты, стать непосредственными участниками межкультурных встреч и свидетелями конструктивного профессионального межкультурного диалога. Организаторы надеются, что за 10 лет реализации проекта международные недели КГУ им. Н.А. Некрасова, проводимые на базе Российско-Германского Центра культурно-образовательных связей и программ и международной научно-исследовательской лаборатории межкультурных исследований, содействовали вхождению в систему ценностей ее участников культуры диалога. Культура диалога позволяет устанавливать и вести профессиональные и личные межкультурные контакты, что подтверждается и историей самого проекта.

Примечание

1. http://www/rg/ru/2011/09/08/diskussiya.html

НА ВАШУ КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Романовская Вера Борисовна
доктор юридических наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ТЕОРИИ ПРАВОВОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ*

Термин «правовое состояние» является в юридической науке относительно новым. В то же время понятие «правовое состояние» нередко используется для объяснения тех или иных правовых явлений не только законодателем, но и юристами: учеными и практиками. Однако его содержание, признаки, особенности или являются предметом научных споров, поскольку до настоящего времени они не определены четко, или употребляются в качестве синонимов других понятий (правовой статус, правовое положение и т.д.). В этой связи выход новой работы по данной проблематике представляет значительный интерес, заставляет по-новому взглянуть на интересующие юридическую науку темы и категории. Все это, а также отсутствие достаточных комплексных теоретических разработок в указанной области предопределило актуальность темы и позволяет говорить о своевременности монографии В.В. Груздева.

В рецензируемой работе «Правовое состояние личности: история, теория, практика» ее автором предпринята попытка теоретического исследования такого малоизученного феномена правовой действительности как правовое состояние личности. Цель работы – обоснование тех признаков правового состояния личности, которые позволяют не только обогатить, но в определенных аспектах и изменить знания о нем и его месте в механизме правового воздействия.

Автор умело пользуется современными теоретико-правовыми и методологическими концепциями, демонстрируя их высокий потенциал, что нашло свое выражение в структуре работы, которая логически выстроена, вытекает из цели и задач исследования.

Книга состоит из введения, пяти глав разбитых на пятнадцать параграфов, и заключения. После каждой главы приведены полученные автором выводы.

В первой главе «Социальная обусловленность правового состояния личности» (с. 15–70) исследуется сущность понятия «личность», ее социальная и биологическая обусловленность, место правовой подсистемы личности в многоуровневой системе, которой человек является; анализируется связь между действием как основным элементом правового поведения и комплексом биосоциальных свойств личности; рассматриваются факторы, которые обуславливают закрепление в праве свойств человека.

Необходимо заметить, что наименование данной главы, а также задачи, которые В.В. Груздев поставил, вполне закономерны. Поскольку право всегда связано с конкретным обществом, социально определено, то вопросы соответствия, адекватности права, его категорий и понятий регулируемым общественным отношениям и их участникам, способности их отражать объективные потребности общества всегда будут стоять на «передовой» юридической науки.

Задачами *второй главы* «Историко-правовые основания категории «правовое состояние личности» (с. 71–135) являются историко-правовой анализ сущностных оснований признания юридической релевантности за свойствами личности, исследование понимания правовых состояний, которое сложилось на основе законодательства и юридической доктрины в Российской империи, а также обзор существующих в науке концепций понятия «правовое состояние».

Использованный автором историко-правовой подход дал возможность не только проследить процесс формирования правовых состояний личности, но и создал предпосылки определения тенденций и перспектив развития данного правового явления. В то же время В.В. Груздев сумел избежать некритической идеализации определенных ступеней исторического развития феномена правовое состояние и присущих ему форм, что

* Рецензия на книгу *Груздев В.В.* Правовое состояние личности: история, теория, практика / под ред. С.А. Комарова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 476 с.

© Романовская В.Б., 2011

было обусловлено органическим применением других методов исследования.

В третьей главе «Понятие правового состояния личности» (с. 136–223) выделяются признаки правового состояния личности, которые характеризуют первооснову, сущность, «вещество» данного правового явления – то, из чего оно состоит как реальный факт правовой действительности; исследуется проблема отнесения правового состояния к разновидности юридических фактов, их соотношение с юридическими условиями; рассматриваются проблемы воздействия правовых состояний личности на правовую ситуацию; доказывается самостоятельность понятия «правовое состояние личности» в системе сходных понятий.

Сложность определения содержания понятия «правовое состояние личности» состоит в том, что для определения понятия необходимо знать и строго применить соответствующие правила логики. На наш взгляд, автору это удалось сделать вполне успешно. Полученное им определение понятия «правовое состояние личности» как «установленные нормами права или предусмотренные в правовых моделях юридически значимые естественные или нормативные свойства (система свойств) человека в определенной момент или период времени, обуславливающие возникновение и (или) изменение или возможность возникновения и (или) изменения правовой ситуации» позволяет уточнить и конкретизировать содержание, которое автор вкладывает в данное понятие. Это также способствует развитию юридической науки в целом, поскольку позволяет уточнить и другие понятия теории государства и права.

В четвертой главе «Классификация правовых состояний личности» (с. 224–263) определяются методологические основания классификации правовых состояний личности и выделяются группы (классы) правовых состояний личности.

Классификация позволила автору установить логический порядок, четкое разграничение правовых состояний личности, свести в единое целое те из них, которые на первый взгляд отличаются одно от другого. В итоге это облегчает их рассмотрение, анализ и толкование.

Пятая глава «Общая характеристика правовых состояний личности в механизме правового воздействия» (с. 264–380) посвящена исследованию теоретических подходов к пониманию правового воздействия, его основных элементов, механизма; рассмотрению правовых принципов, правосознания и правотворчества в соотношении с правовыми состояниями личности; изучению отдельных видов правовых состояний личности в механизме правового регулирования.

Право – есть явление многогранное, оно способно влиять на общественные отношения не только как специально-юридический механизм, но и в целом как идеологическая сила, подобно любому иному надстроечному явлению. В этой связи особый интерес представляет определение места, которое правовое состояние личности занимает в этом процессе. Вполне оправданно последовательное рассмотрение В.В. Груздевым исследуемой категории не только в механизме правового воздействия, но и в его составной части – механизме правового регулирования, что позволяет установить связи и роль правового состояния в этом сложном «ансамбле».

К недостаткам книги можно отнести сравнительно малое количество практических примеров, судебной практики. В этой связи более точно содержание монографии выражало бы название «Теория правового состояния личности», поскольку акцент в исследовании сделан именно на разработке теоретических положений указанного правового явления.

В целом же ценность монографии В.В. Груздева несомненна и состоит во многом в оригинальном подходе к феномену «правовое состояние». Оригинальность поставленных задач, комплексный характер поднимаемых вопросов, детальное изложение и обстоятельная проработка многих узловых проблем теории права, а также новизна полученных выводов – те причины, по которым книга будет интересна и полезна как ученым-юристам, так широкому кругу читателей.

SUMMARY

SYSTEM ENGINEERING

Mikhail S. Sukharev, Yuriy M. Monakhov
Vladimir State University

Functional stability estimation model for business processes

Functional stability estimation model for business processes which is subject to automation based on allocation of groups of functional stability parameters for business processes is offered in the article. To monitor current condition of functional stability for business processes, estimation of structural, organizational and legal parameters is considered.

Keywords: business process, automatization, functional stableness.

NATURAL SCIENCE

Irina P. Zaytseva
Demidov Yaroslavl State University
irisha-zip@yandex.ru
Roman A. Belyakov, Nikolay P. Arshinov, Igor' V. Kozniyenko
Yaroslavl branch of military study-scientific centre of air force «Air Force Academy»

Iron, copper and manganese balance in the organism of sportsmen of different specializations during muscular exercise and the day after in different seasons of the year

The observation made on 24 students-sportsmen of different specializations using the method of emission spectral analysis showed that during muscular exercise the loss of iron, copper and manganese with excrements considerably exceeded the receipt of these microelements with food both in autumn and summer. The day after the training there was an excess retention of the microelements from food and their excretion with faeces and urine dramatically decreased, but in spite of the positive balance of the microelements, the loss of them during the training day was not compensated during one day after that showed the possibility of deficiency of the microelements in the organism.

Keywords: sportsmen, muscular exercise, balance, microelements, iron, copper, manganese, retention, excretion.

Dmitriy N. Zontikov
Nekrasov Kostroma State University
zontikovdn@mail.ru
Svetlana A. Zontikova
Nekrasov Kostroma State University
antennaria@mail.ru

Features of micropropagation of some decorative cultivar Rosa hybrida

Micropropagation process of some decorative grades Rosa hybrida, from a stage of sterilization before rooting is shown in the article. Special attention is paid to influence of regulators of growth on processes of gemmo- and rhizogenesis.

Keywords: clonal micropropagation, regulators of growth, gemmogenesis, rhizogenesis, 6-benzylaminopurine, б-naphthylacetic acid.

Marina V. Sirotina
Nekrasov Kostroma State University
mvsirotina@gmail.com

Analysis of morpho-ecological characteristics of the populations of Rana temporaria inhabiting the area of Kostroma Region natural reserve Kologriv Forest

The article is dedicated to morphometric characteristics of the frog Rana temporaria populations inhabiting the area of Kostroma Region. To indicate ecosystems, we used asymmetric index.

Keywords: Rana temporaria, morphometric characteristics, Kostroma Region, natural reserve Kologriv Forest, asymmetric index.

Nikolay V. Sokolov
Russian Agriculture Science Academy Kostroma Agriculture Scientific-Research Institute
knicx@kosnet.ru

Elk biotopes of anthropogenic character

The first step to domestication of elks was made when people spread their activities (but not hunting) to biotopes occupied by elks. Cutting areas grown by hard wood of fellings, fields and meadows joined the forests – these are biotopes created by man.

Keywords: cutting area, grown felling, field, winter crops, cultivated forest, damage.

Il'ya N. Petukhov
Nekrasov Kostroma State University
xen8787@mail.ru
Anna V. Nemchinova
Nekrasov Kostroma State University
nemanvic@rambler.ru
Sergey A. Grozovskiy
Nekrasov Kostroma State University
sergeygrozovskiy@rambler.ru
Natal'ya V. Ivanova
Pushchino State Natural-Scientific Institute
natalya.dryomys@gmail.com

Forest phytochores disturbance character and degree on Kostroma Region mass windfall site

The work is topical for vegetative cover nature catastrophic disturbance estimation and for its state changing monitoring methods development. The approaches to satellite images interpretation regarding mass windfall sites of different degree disturbance are stated. Some factors promoting windfall of various wood species in different habitat conditions are revealed.

Keywords: windfall, phytochore, GIS-technologies, remote sensing data, forest inventory data.

Irina S. Grozovskaya
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences (IPBPSS RAS), Pushchino, Russia
irinagrozovskaya@gmail.com
Natalya V. Ivanova
Pushchino State Natural-Scientific Insitute
natalya.dryomys@gmail.com
Sergey A. Grozovskiy
Nekrasov Kostroma State University
sergeygrozovskiy@rambler.ru
Maksim P. Shashkov
Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences (IPBPSS RAS), Pushchino, Russia
max.carabus@gmail.com

The materials to the flora of rare species in the Vetluga neighbourhood (Kostroma Region)

Kostroma Region territory (Sharya and October districts) the Vetluga river basin plant and fungi species finds are presented in the article. The Vetluga neighbourhood flora investigation ratio is characterized. Rare fungus species Hericium coralloides (Scop. ex Fr.) S. F. Gray that is enlisted in the Red books of regions neighbouring to Kostroma find is described.

Keywords: biodiversity conservation, Red book, rare plant species, Vetluga river neighbourhood.

O.G. Gorkin
Kostroma State Agricultural Academy
gorkin@apk.region.kostroma.net
V.F. Pozdnyakova
Kostroma State Agricultural Academy

Morphological and biochemical blood composition of french Limousin cattle

The paper presents the results of blood tests of Limousin cattle during the adaptation to conditions of Kostroma Region. It is established that the main morphological and biochemical blood indices of animals were within the physiological norm.

Keywords: cattle, Limousin breed, blood, adaptation.

PHILOSOPHY

Ol'ga A. Pogodina
Moscow Regional Social-Humanitarian Institute (City of Kolomna)
olakolomna@yandex.ru

Pragmatic naturalism of Paul Kurtz

The work is devoted to philosophy of pragmatical naturalism of one of the leaders of modern American thought – P. Kurtz. Gnoseological researches of the scientist and the thinker, his philosophy of science, the concept of critical thinking, ethics of humanism and a paradigm of New Education are described.

Keywords: pragmatism, humanism, naturalism, antireductionism, critical thinking, scepticism, objective relativity.

Mariya A. Sevelova
Chrepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
vetroffs@list.ru

Masculinity and femininity as principal categories of gender theory

The article analyzes different approaches to the categories of 'masculinity' and 'femininity', describes social and cultural nature of these categories and its main characteristics. Modern paradigms of masculinity and femininity interpret them as dynamic, complex and multiple constructs, which form social practices of gender.

Keywords: masculinity, femininity, gender identity, social functions, gender practices.

Tat'yana V. Belousova
Kursk State University
tatyanawbd@mail.ru

Dialogue of cultures as philosophical problem

The author investigates the idea of a dialogic approach as a philosophical principle of interpretation of the world in the Russian and foreign philosophers'

works. She explores in more details the idea of a dialogue as an element of literary works and introduces a concept of a dialogue of cultures as a phenomenon of the 20th Century, when every culture communicating with certain cultural images reveals and formulates its new meanings and forms for the first time.

Keywords: dialogue, culture, artistic expression, art, V.S. Bibler, M.M. Bakhtin, M. Buber.

Raisa A. Zayakina
Novosibirsk State Technical University
raisa_varygina@mail.ru

Normative-interpretative approach to the study of students' social adaptation

This article analyzes the existing approaches to the study of students' social adaptation. Author advances comprehensive regulatory and interpretative approach based on the principle of subsidiarity. In her opinion, it can provide an effective understanding of these phenomena.

Keywords: students' social adaptation, theoretical and methodological approach, social interaction, educational environment.

CULTUROLOGY. SCIENCE OF ART

Larisa A. Akhmylovskaya
Russian Far East State Technical University, City of Vladivostok
akhmilovski@gmail.com
Andriana Yu. Barysh
Japanese Language International School, Kanagawa Prefecture, Japan
lanaveva@rambler.ru

Coordination of the cross-cultural project: methodology of translator's score developing

The article contains the theatre translator's activities description. The authors present the logic and succession of the play translator's score developing within the interpretation and production process; single out basic fazes of translator's activities; clarify functions of translator as cross-cultural theatre project coordinator.

Keywords: translator's functions, cross-cultural production optimization, meta-language of the cross-cultural project, elements and maturity criteria of the play translator's score.

Yelena Yu. Borisova, Natal'ya Yu. Pogorelova
Nekrasov Kostroma State University

M.M. Ippolitov-Ivanov as representative of bright pleiad of composers of the late 19th – early 20th century

Mikhail Mikhaylovich Ippolitov-Ivanov's name cannot be carried to number of names of the unknown or forgotten Russian composers. Nevertheless, it is impossible to assert, that his heritage is studied and objectively appreciated. In the given article, we put the problem to cover his course of life, specificity of composer's creativity, to open conductor's and pedagogical talent and as his outstanding contribution to development of musical culture of Russia makes him musical-public figure. In more details, we have stopped on spiritually-musical heritage of Ippolitov-Ivanov which is studied less of all.

Keywords: Russian classical music, cycles of children's songs, processings of folk songs, Russian sacred music, new type of concert sacred music.

Sergey K. Buldakov
Nekrasov Kostroma State University

Culturological and psychological-pedagogical aspects of education philosophy

The social-cultural nature of education is considered in the article, approaches of education philosophy to reveal in the maintenance of education culturological and psychology pedagogical discourses are analyzed.

Keywords: education, culture, mental development, pedagogical paradigm, cultural communication.

Yelena B. Vitel'
Nekrasov Kostroma State University
dacapo2008@yandex.ru

Mythical-real in the field of art culture of the 20th Century

Style plurality in the modern art culture originating from the beginning of the Boundary period (19th – 20th Centuries), randomness, presence of absurd, brutal, featureless and ironic are associated with the beginning of new rich period in the European art culture history and a change of sense reference points. The connection of mythical with real is explained as the natural phenomenon of a transition state of culture.

Keywords: art culture of the 20th century, anthropocentrism, modernism, transition period, sense, self-development.

Ye. V. Golovan'
Kostroma Regional Education Development Institute

K.N. Derunov (1866–1929): Afterword to the Jubilee

The article is devoted to the eminent Russian library scientist and bibliographer K.N. Derunov

(1866–1929). K.N. Derunov is the author of «Model library catalogue» (1906), one of the founders of the Library science society (1908), the first one who started a proposal to establish general scientific theory of bibliography. This article briefly reviews his reports «The bibliography tasks of vital importance (Russian bibliography results and lessons of the past for 200 years period)» (1913) and «Typical features of the Russian «public» library evolution» (1919). These articles were highly appreciated by his professional community.

Keywords: librarianship, library bibliography, history, bibliography, theory of bibliography, bibliographic catalogue.

Valeriy V. Dzyuban
Bryansk State Technical University
bryanskstudzuban@mail.ru

Mutual relation of Russian state and the Cossacks: cultural-historical aspect

Cossacks are an ancient ethnic group with rich historical past. They have always been faithful to their native land and to whom pledged allegiance. Where would the military fate throw a Cossack, he always returned to his native land; they are warriors aces. Since the 18th Century, Cossacks have linked their fate with Russia and have ever since been faithfully serving it.

Keywords: Cossacks, estate, state, Orthodoxy, military campaigns, emigration, World War II.

Tat'yana A. Yolshina
Kostroma State Technological University

V.S. Solovyov and F.W. Nietzsche as first culturologists of the 19th Century

The reasons of topicality of philosophical ideas of V.S. Solovyov and F.W. Nietzsche are: art consciousness of the Silver Age, unorthodoxy of philosophical discourse, christological and anthropological problemacy, use as toolkit mythologemes and archetypes, – and also presence of own poetic endowments at these philosophers.

Keywords: aestheticism, art consciousness, anthropology, christology, mythologeme, archetype.

Nataliya K. Kashina
Nekrasov Kostroma State University

V.V. Rozanov's prayer

Disputes about whether V.V. Rozanov was a believer or not, can hardly come to a unique solution. In this article, we posed another question: is his word addressed to God filled with meaning? Thinkers about the authenticity of faith of Rozanov give special expression, using new techniques for their time. Entering the prayer «silence» was experienced in the Russian poets F.I. Tyutchev and A.A. Fet. Appeal to their poems helps to understand the peculiarity of Rozanov's texts.

Keywords: prayer, akathist, ontologism, semantic text strength, graphical form, text multi-layered reality.

Irina A. Korsakova
Russian State Social University, City of Moscow
korsak.rgsu@yandex.ru

Evolution of the musical communication

The history of music is considered from the point of view of cultural-communicative format change, regularity of the musical art evolution from sources till now are traced in the article. The problem of occurrence and leaving of «opus – music» as major phenomenon of classical musical tradition is In the center of attention.

Keywords: music, communication, history of culture, work of art, space of art, virtual reality.

Aleksandr Yu. Stogniyenko
Nekrasov Kostroma State University
le_shevalier@mail.ru

The apocalyptical motifs in the art representation of the film «Offret» («The Sacrifice») by A.A. Tarkovsky

The history of the film is examined in this article, beginning with the idea in the diary of Tarkovsky and ending with the release of the film. In the course of the research, it was established that the initial idea about the fate of one man, who is sick with a deadly disease, was transformed into a film in which the hero of the survivors of the apocalypse is the ability to save the whole world, all of humanity, giving up all that he has.

Keywords: apocalypse, sacrifice, human, responsibility, witch, auto-da-fй, word, agreement, God.

Mariya K. Shemyakina
Belgorod State Institute of Culture and Arts
mary-ru2004@mail.ru

The concept «revival» in the logical development of Russian culture

Revival is considered as historical era or special perception of the world, the tendencies of development of culture in its frequency or reliance on the past guidelines. Russian culture will show examples of such renewal, return to the past pieties and values when the «revival» in its conceptual

sense will be considered as the restoration of the integral unity of the Russian nation.

Keywords: «revival» concept, Russian culture, approved values and attitudes restoration.

Tat'yana A. Yolshina
Kostroma State Technological University
cultural@kstu.edu.ru

Rhetorical poetics of texts by V. Rozanov

Vasily Rozanov's rhetorical self-presentation focused on the antique ideal of Socrates is investigated in the article, the characteristics of rhetorical figures forming poetics of V.Rozanov's texts is given.

Keywords: self-knowledge, reprezentiveness, maieutics, confutation, provocation, speech addressiveness, element of game.

LINGUISTICS

Yekaterina N. Bogatyryova
Nekrasov Kostroma State University
katyabogatyreva@mail.ru

Semantic structure of the phraseological units with elements of water basins in Russian and English (peculiarities of their inner form and actual meaning relations)

The article is dedicated to the semantic structure analysis of phraseological units with elements of water basins in Russian and English. The aim is to show the peculiarities of these fixed phrases' inner form and actual meaning relations and to elicit the equivalence degree of these phraseological units in both languages.

Keywords: phraseological units, paremias, element of phraseological unit, structure-semantic analysis, inner form, actual meaning, equivalent.

Lada Yu. Karitskaya
Murmansk State Humanitarian University
angies@yandex.ru

Political metaphor in Murmansk press

The article is about using political metaphor in the Murmansk press (2001–2008). The topical subject is conditioned by interest of scientists to verbal influence and regional facts.

Keywords: political metaphor, military metaphor, Murmansk press.

Dmitriy A. Kiselyov
Samarkand State Institute of Foreign Languages, Uzbekistan
dkisselev@inbox.ru

Anticipation of anaphoric verbs in French (syntactic aspect)

Representation of verbal anaphora is not only facultative but also very regular phenomenon. In several cases, syntactic constructions of the French language determine verbal representation. This article deals with the cases of syntactically determined verbal anaphora as well as the cases of anticipation of anaphoric verbs in French.

Keywords: verbal representation, anaphoric verbs, anticipation of anaphoric verbs, cataphora of representative.

Nataliya P. Kunavina
Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Troops of Radiational, Chemical and Biological Defense and Engineer Troops

Genre formation role of phraseological expressions in Boris Pasternak's novel «Doctor Zhivago»

The article deals with the peculiarities of phraseological units functioning in fiction; their role in the genre formation of the work of art and in the expression of its conceptual content is determined.

Keywords: genre, new genre form, characteristic symbol, synthesis of prose and poetry, author's individual phraseological expressions, genre determining elements.

Yuliya V. Mashkina
rosa972@rambler.ru
Konstantin V. Aleksandrov
Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University
alexandrov@lunn.ru

Realization of conceptual approach to computer assisted grammar learning

The article deals with the issues of using computer technologies in foreign language teaching and, precisely, with learning grammar. It highlights the importance of cultural component in achieving the main methodological goals of computer assisted grammar learning.

Keywords: grammar, CALL, foreign language teaching technologies, multimedia programs.

Alina M. Melerovich
Nekrasov Kostroma State University
meleram@mail.ru

Phraseologisms usage phraseological systematization experience in Russian poetry (tasks and principles of building dictionary «Phraseologisms in Russian poetry»)

The dictionary «Phraseologisms in Russian poetry» is the first combined 19th – 21st Centuries Russian poetry phraseological thesaurus. Its aim is to fixate phraseological unit in poetic contexts content and to explain them. Conducting phraseological units usage in the dictionary reflects their functioning specifics in poetic text.

Keywords: phraseologism, phraseological thesaurus, Russian poetry.

Oksana Ye. Prikhod'ko
Akmulla Bashkir State Pedagogic University
resurgam@list.ru

Peculiarities of death concept representation in metal lyrics discourse

The given article discloses peculiarities of metal discourse concept and differences of «death» concept verbalization in metal lyrics and in the linguistic picture of the world, which consists in using lexical units with negative connotations.

Keywords: concept, metal lyrics, verbalization, linguistic picture of the world, connotation.

Larisa V. Ukhova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
larissauchowa@mail.ru

Gender marking of advertisements: on the question of effective communication

The article raises some problems of effective communication in advertising viewed in the light of perlocutive linguistics. As a necessary condition for the effectiveness of perfume advertisements the article considers gender marking of advertising images actively influencing the consumers' choice of perfume and cosmetics.

Keywords: addressee of advertisement, archetype, gender, image in advertising, effectiveness of advertisement.

SCIENCE OF LITERATURE. FOLKLORE

Tamara P. Batalova
Moscow State Regional Social-Humanitarian Institute
slava964964@mail.ru

N.P. Ogarev's lyric poem «Humour» as express of leitmotif of this work

The author of this article opens sense of the title N.P. Ogarev's lyric poem «Humour» over comparative of images of Peter I, palace and prison. The title is expressed in this lyric poem.

Keywords: Ogarev, Peter I, image, palace, prison.

Anna Yu. Gryaznova
Voronezh State University
granu@yandex.ru

Image of the father in A.Platonov's novella «Dzhan»

In this article, the author analyzes cultural and mythological image of the father in A.P. Platonov's works. Analysis is performed in the context of «orphanage» and «fatherlessness» motives. We consider the role of an image of the father in «a returning» plot using novel «Dzhan» as example.

Keywords: A.P. Platonov, father image, orphanage, fatherlessness, novella «Dzhan».

Zukhra Kh. Guliyeva
Kabardino-Balkar State Agricultural Academy, City of Nalchik
kuksik-959@mail.ru

Gender aspect of Karachai-Balkar Epos

The author of the article undertakes an attempt to describe the gender aspect of the Karachai-Balkar epic monument on the example of female characters.

Keywords: Narts Epos, mother of Narts, goddess-mother, Satanay, Bayrymkyz, Akbilek.

Asiyat L. Kushhova
Kabardino-Balkar State, City of Nalchik
asya_kushhova@mail.ru

Vivid world of two related books by A.P. Keshokov «Summits are not asleep»

The given article is devoted to the analysis of the system of the characters of the novel «Summits are not asleep» by A.P. Keshokov. The innovation of the Kabardian writer is being considered in the article while making the vivid world of the novel.

Keywords: A.P. Keshokov as artist and psychologist, «Summits are not asleep», vivid system, problem of positive hero.

Anna G. Maslova
The Vyatka State University, City of Kirov
ag.maslova@mail.ru

The transformation of the artistic space of the Russian solemn ode in the last third of the 18th Century

The aim of the research is identification of the peculiarities of poetics of of the classic laudatory ode to reigning monarchs, consideration of changes in the system of space-time organization of ode in the last third of the 18th Century, connected with the change of the author's position, and determining of the influence of this factor on the restructuring of the poetic system of Russian lyric poetry on border of the 18th – 19th Centuries.

Keywords: Russian 18th Century poetry, solemn ode poetics, artistic space, G.R. Derzhavin.

Yelena N. Orekhova
Nekrasov Kostroma State University
elenaorekhova@rambler.ru

«The Russian Novel» by E.-M. de Vogüé as the discovery of Russian literature in France

In this article, we study the influence of French critic's book «The Russian Novel» on the process of penetration and popularization of the Russian novel in France at the end of the 19th Century. We analyze the main author's opinions and conclusions on the main characteristics and distinguishing features of the Russian novel of that period and its impact on a Western European reader.

Keywords: Russian literature, French literature, Russian novel, realism, romanticism, humanism, ethical and aesthetic views, reception.

Aleksey I. Snezhin
alekseisnegin@rambler.ru

The poetic scenario as the new genre form of the Russian film dramatic art

Motion picture arts development is frequently connected with occurrence of the new genre forms allocated with certain substantial features. «Genres always arise at the right time», sensitively responding to society pressing needs. And our newest film dramatic art worthy to volume acknowledgment. In the article, we will analyze concept «scenario», we will define its basic elements and kinds, and we will also study the new genre form – «the poetic scenario», arisen in motion picture arts more recently.

Keywords: poetic scenario, new genre form, Russian film dramatic art, substantial features.

Vladimir V. Tikhomirov
Nekrasov Kostroma State University

Literary criticism method peculiarity

The article defines the method of literary criticism, its philosophical and aesthetic foundations, its peculiarities, typological variations, its differentiation from the history of literature method.

Keywords: literary criticism, criticism method, criticism and literature history.

Islamjon A. Yoqubov
Nizami Tashkent State Pedagogic University, Uzbekistan
islam_yakubov@mail.ru

Human spirit expression in extreme situation

From the 90s of the 20th century Uzbek literature has passed to the new creative phases on understanding people and social environment through the new recourse. Efficiency and sensitive-emotions joining unique protocol, the level of social thoughts have moved to inner soul of people. In this article, such kind of special methodologic research apt to the spiritual-psychological mood has been presented basing on comparing stories and novels of the Uzbek writers O. Yoqubov, T. Murod with the story «Last Communist» by the Russian writer V.A. Zalotukha and the film «Awaara» («The Tramp») by the Indian producer Raj Kapoor.

Keywords: poetics, interpretation, extraordinary event, inner I, leitmotif, epoch ideal, modernism, conception, art mastership, recourse, novel, story, absurd, conflict.

Yekaterina S. Yas'ko
Moscow State Pedagogic University
e.s.yasko@gmail.com

The problem of the loss of ideals in Herman Melville's «The Confidence-Man: His Masquerade»

The article deals with the problem of ideals in the nineteen-century American society, reflected in Herman Melville's «The Confidence-Man: His Masquerade» (1857).

Keywords: temptation, masquerade motif, problem of trust, search for ideals.

Aleksandr K. Kotlov
Nekrasov Kostroma State University
ak_kotlov@inbox.ru

Subject organization peculiarities in Oleg Pavlov's shortstory «The Thief»

Classic and non-classic art systems is examined in the article on the material of subject organization

of the shortstory by the modern Russian traditional writer.

Keywords: text subject organization, speech subject, consciousness subject, art interaction, tradition.

HISTORY

Andrey M. Belov
Nekrasov Kostroma State University

Governors of Kostroma province (1778–1929 years)

This article is about formation process of Kostroma province, functions and powers of its heads since 1778.

Keywords: Kostroma vicegerency, province, most humbly reports, governors.

Vera L. Yeremeyeva
Nekrasov Kostroma State University
gera_wolf@mail.ru

Images of the provincial historians of Yaroslavl Provincial Statistical Committee (60s–90s years of 19th Century)

The article reveals the main activity of members of unique for its time public institutions – Provincial statistical committees. Different estates were part of the institution: students, tradesmen, peasants, priests and intellectuals. Each member was engaged in local history or historical science responsibly and diligently. Thanks to them, work has evolved not only statistics, but the local science.

Keywords: Secretary of Provincial Statistical Committee, local history, provincial researchers, scientific societies, archeology.

Il'ya N. Matvievskiy
Nekrasov Kostroma State University
matvievskayaoksana@mail.ru

Kadets in Kostroma province between February and October 1917

The aim of this work is to study the provisions of the Constitutional Democratic Party in Kostroma province in the period between the February Revolution and the Bolsheviks' seizing power in October 1917. The object of study is the local branch of the Constitutional Democratic Party. The item is social-political activities of the Kadets in the Kostroma province in this period. Topicality of the work lies in the fact that it investigates such an issue as pre-revolutionary activities of the liberal parties on the regional level.

Keywords: kadets, Kostroma province, February Revolution, Provisional Government, Kostroma province joint committee of public safety.

Nikolay A. Tyukachyov
Petrovskiy Bryansk State University
olga.tyukacheva@mail.ru

Liberal Historiography of Revolutionary Populism

This article is devoted to the populism movement. The analysis of B.N. Chicherin's, A.A. Kornilov's, B.B. Glinskiy's, V.Yu. Bogucharskiy's works is given. The author examines also certain distinctions in liberal historians positions of populism.

Keywords: populism, terrorism, historiography, liberal conception.

Tanzila S. Chabiyeva
Miklouho-Maklay Russian Academy of Sciences
Institute of Ethnology and Anthropology
chabieva06@mail.ru

Some features of the relationship between the concepts» teip «and» wyrd «in Ingush society

Article is devoted to the structure of the Ingush society in the past and the relationship of the Ingush clan – teip and religious brotherhood – wyrd on the modern stage.

Keywords: Ingushetia, Ingush society, teip, wyrd, zikrists.

Aleksandr D. Shipilov, Yevgeniy A. Fleyman
Nekrasov Kostroma State University
istclass@rambler.ru

Kostroma province scientific archive commission (1885–1917): organization and establishment

The article is dedicated to well-known in Russian scientific world of the late 19th – early 20th Centuries local historic unity. What is in the scope of the authors attention, this is the questions of organization and development of Kostroma Province scientific archive commission.

Keywords: local history, archive affairs, public unity.

PSYCHOLOGY

Tat'yana A. Kolosova
Institute of Social Pedagogy and Psychology,
City of Saint-Petersburg
mama_t@mail.ru

Psychological defense mechanisms of the mentally retarded adolescent in the context of school adaptation

Discussed ideas about adaptations possibilities retarded adolescents and presents the results of studies of the psychological defense mechanisms in adolescents with mild mental retardations. Shown that the preferential use of defense mechanisms by the type of denial and regression reduces the adaptive capacity of mentally retarded adolescents.

Keywords: adaptive capacity, mentally retarded adolescents, psychological defense mechanisms.

Anna G. Samokhvalova
Nekrasov Kostroma State University
samohvalova@kmtn.ru

Children's impeded communication psychology: ontogenic aspect

Children's impeded communication phenomenon is examined in the article; child's communicative difficulties main reasons and typology are reflected in the article; uneasy communication generalized psychological characteristics of children of different age groups: senior preschoolers, younger schoolchildren and teenagers – are revealed.

Keywords: impeded communication, subject, communicative range of means, communicative challenges.

Kirill N. Firsov
Astrakhan State University
kfirsov86@mail.ru

Aggressiveness in sports activity psychological analysis

The article deals with aggression as a factor in sports activities. Relationship of aggression and sports in various psychological theories is analyzed. Sports aggressiveness is a rational form of opposition rival, the mobilization of the functionality of an athlete to achieve a specific result. The research results suggest that the aggressiveness (violation) in team sports from a sociological and psychological points of view represents a «normal» phenomenon. The author expresses the opinion that sport on the one hand represents a form of social activity that allows one to implement the aggressive drive and does not carry the social censure and disapproval, on the other hand, the manifestation of aggression in sports – a consequence of the need for self-affirmation The cut tendency to victory in the struggle with yourself and your opponents.

Keywords: aggression, sport aggression problem, psychological aggression theories, aggression in gaming team.

PEDAGOGY

Tat'yana V. Kozhanovskaya
Bryansk State Technical University
tatyanak84@yandex.ru

Social-psychological readiness of high school pupils to enter certain higher educational institutions with different advertising policy

The research paper contains experimental data of motivational readiness of applicants for admission to various professions. It also contains conclusions about the connection of the type of organizational culture of the university and of its advertising policy with the degree of severity of motivational readiness for studying at higher educational institution.

Keywords: organizational culture, advertising information, experiment planning, motivational readiness for studying at higher educational institution.

Yelizaveta A. Pinahina
Voronezh State Pedagogic University
danil40@rambler.ru

Culture of feelings and its education in educational process

Problems of aesthetic development by means of the emotionally-shaped form of knowledge of world around are actualized in the article. As a result of process of mastering great achievements of human culture, the person gets originally human properties and abilities. In practice of educational process, ability to imagination is cultivated and the culture of human feelings develops. Great value of humanizing the essence of art and basic role of a classical heritage is here.

Keywords: value-semantic world, emotionally-shaped learning, culture of feelings, artistic-aesthetic education, spiritual development, value-semantic relations, human subjectivity.

Nataliya V. Ronzhina
Russian State Professional Pedagogic University
obrpravo@yandex.ru

Object of professional pedagogy

Professional Pedagogy is an independent branch of scientific knowledge. Professional Pedagogy has its own research subject – a man in the professional public relations. Professional relationships are understood broadly as professional socialization.

Keywords: competence, professional orientation, goal setting, projecting, modeling.

Mariya I. Tomilova
North State Medical University, City of Arkhangelsk
matomilova@mail.ru
Yelena Yu. Vasil'yeva
North State Medical University, City of Arkhangelsk
doc_vas@rambler.ru

Development of the teacher's valuation activity in the system of postgraduate education

The article describes a solution of the research problems connected with the detection of conditions of the teacher's valuation activity development. We give description of the content of the program «

The teacher's valuation activity in the conditions of transition to the educational standards of the third generation». The results of the teacher's training are presented in the article.

Keywords: assessment, evaluation activities, competence, training program, teacher, students, postgraduate education.

Aleksandr M. Treshchyov
Astrakhan State University
smkasu@aspu.ru

Benchmarking as university management tool

Application of innovative management technologies is one of effective ways aiming to improve national system of higher professional education. One of the most promising technologies of such a kind is Benchmarking. It is recommended to use «20 keys» program as a basis for benchmarking as a university management tool.

Keywords: benchmarking, university management, «20 keys» program.

Lyubov' A. Kukushkina
Nekrasov Kostroma State University
lub-kuku@mail.ru

The process model of social self-determination students specialized legal class

We describe the process model of social self-determination of pupils at specialized legal class. Identified and characterized by interrelated components of the model (concept, task, insightful, procedure).

Keywords: process of social self-determination, legal principles, model classes, functions, methods, forms, components.

SOCIOLOGY

Viktoriya N. Bakhmarova
Herzen Russian State Pedagogic University,
City of Saint-Petersburg
vik2183@yandex.ru

The specifics of management researches in modern French sociology

The article is dedicated to the particularity of French sociology, which views management from the in-company-interaction position. The specific feature of the French approach showed itself in the expansion of the management process participants: actors, agents, actants, artists. The author has analyzed and correlated statuses of the participants, pointed out the main characteristics in relation to management.

Keywords: management, actor, actant, artist, agent, social action.

Margarita N. Konygina
North-Caucasus State Technical University,
City of Stavropol
valeri@stv.runnet.ru

Russian social-helping activity structure

Social-helping activity is presented and grounded, the activity maintenance, its orientation, structure is defined, the characteristic of the subject and object is given, modern kinds and social institutes of a helping orientation are allocated.

Keywords: socially-helping activity, help subject, help object, activity structure.

Irina V. Popova
Nekrasov Kostroma State University
pivik@list.ru

Representation of the life experience in quality study

The informative possibilities of the quality sociology allow searching the responses for the important questions of the humanity: what is the truth in a sociological study? What reality do we study working with written personal documents? What does sociology give to the society? The autobiographical method of the study allows to see how the social reality is interpreted in the life of a concrete person and as a result to understand how the society goes through the social changes.

Keywords: quality sociology, autobiographical method, life plans, society institutional structure.

Irina V. Popova
Nekrasov Kostroma State University
pivik@list.ru

Autobiographical narrative "Life History" in context of cultural historical traditions

The informative possibilities of the quality sociology allow to search the responses for the important questions of the humanity: what is the truth in sociological study? What reality do we study working with written personal documents? What does the sociology give to society? The autobiographical method of the study allows to see how the social reality is interpreted in the life of a concrete person and as a result to understand how society goes through the social changes.

Keywords: quality sociology, autobiographical method, life plans, society institutional structure.

JURISPRUDENCE

Denis N. Lukouyanov
Nekrasov Kostroma State University
denis_lykoyanov@mail.ru

Perfection of legal regulation of the status of the chairman of district court

This article analyzes the current legislation regulating the legal status of the chairman of the district court. The basic problems are designated in this article and ways of their permission are offered. The questions mentioned in article represent scientific and practical interest.

Keywords: district court, court work organization, district court chairman, district court chairman legal status, appointment to post.

Ol'ga N. Petrova
Nekrasov Kostroma State University
peoln@yandex.ru

Factors that affect implementation of the legislation on local government

On the basis of the analysis of theoretical base and practice of realization of law of municipal government, the author considers conditions that influence the execution of law of municipal government.

Keywords: municipal entity authority, state authority, municipal entity independence.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Russian legality under war communism: key peculiarities

The article dwells upon a number of specific peculiarities of such phenomenon of politics and law as Russian legality within the period of radical revolutionary reformations which were connected with Soviet power establishment and were reflected in peculiarities of state political regime called military communism.

Keywords: socialist legality, revolutionary legal conscience, social-political phenomenon, proletarian dictatorship, concrete-historical conditions, war communism, Bolshevism ideology, legal nihilism.

Aleksey G. Sirotkin
Nekrasov Kostroma State University
sir_mail@mail.ru

Life estate as a variant of usufruct in the Russian pre-revolutionary law

The disposition of the Russian legislation in the 19th – early 20th Centuries concerning life estate is analyzed in the article. The granted right is examined as a variant of usufruct that takes a central place among personal servitudes in the system of proprietary interests. The special attention is focused on the justification of the importance of this institution for the privacy regulations during the specified period.

Keywords: life estate, usufruct, personal servitude, proprietary interest.

Vladimir N. Smirnov
Academy of the Office of the Prosecutor General of Russian Federation, City of Moscow

Development of the legislation regulating election and application of the preventive punishment in the form of imprisonment

Stages of development and perfection of application of a preventive punishment in the form of imprisonment are considered in the article. The situation with application of the specified norms on an extent of history of Russia is analyzed.

Keywords: Russia criminally-remedial legislation development, preventive punishment, imprisonment.

Il'shat R. Sultanov
Bashkir State University, City of Ufa
ilshatsultan@list.ru

The legal basis and the main tendencies of the international economic integration development

Considering the growing influence of the state integration process, sufficient attention must be devoted to the issues of studying the public international law organizations. The article studies the status of the international organizations. The issues of the political-legal status of the international organizations and their role in the modern integration process are covered.

Keywords: international integration organizations, international and domestic law norms approximation, interstate economic cooperation, international integration processes, European law.

Vladislav V. Gruzdev
Nekrasov Kostroma State University
bora@kmtn.ru

A person as a party to legal relationships: some aspects of the historical method

A problem of a person as a party to legal relationships is examined in the article on the basis of an extensive historical material. The conclusion about a possibility to define a legal status of a person in terms of the analysis of the legal relationships practice (legal relationships – relationships) is

drawn.

Keywords: person, personality, characteristic, law, relation, state, party.

Yelena V. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University
smirnovaleno4ka@mail.ru

Prospects for improving the legal status of the administrator of the district court

The article is about the prospects for improving the legal status of the administrator of the district court. The author expresses a number of proposals to overcome the problems of dual subordination of an administrator and the rational distribution of power between him and other employees of the court.

Keywords: district court administrator legal status, subordination duality, redistribution of powers.

ECONOMY. MANAGEMENT

Zinaida V. Bragina
Nekrasov Kostroma State University
Yelena A. Makhova
Gazprom-Inter-Regional-Gas - Kostroma

Energy efficiency and consumer behavior strategy

Despite the failure of the strategy of cross-subsidization, since 2007, there is a process of increasing values of price subsidies for the population at the expense of prices for industrial consumers. The measure of interest in the subjects of the gas market determines their behavior and interest in the effective use of this resource.

Keywords: gas market, competition, energy management, energy efficiency, consumers, consumers behavior in gas market.

Oksana V. Komarova

Business world as socio-cultural and socio-economic phenomenon

The article examines business ties as a significant element of social relation, investigates the category of «business world» as a socio-cultural and socio-economic phenomenon, singles out important features of the business world: tradition, identity, economic activity and charity.

Keywords: business ties, business world, business, historical traditions, social and cultural phenomenon, socio-economic phenomenon, economic activity.

Nataliya G. Men'shikh
Branch of Nekrasov Kostroma State University in Town of Kirovsk, Murmansk Region
natmen3004@rambler.ru
Vyacheslav A. Tsukerman
Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of Russian Academy of Sciences, Town of Apatity, Murmansk Region
nuo@filkgu.ru

On experience of preparation of experts for innovative development of economy in regions of the Russian North

The work discusses issues connected to improvement of staffing infrastructure for innovation development of the Russian North. The work describes challenges regarding lack of skilled personnel in the region for its innovation development.

Keywords: activity of higher education institutions, innovative development, preparation of experts.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Lidia N. Vaulina
Nekrasov Kostroma State University
rgc@ksu.edu.ru

Culture of dialogue as a fundamental category of intercultural communication

The article deals with the 10th international week of Nekrasov Kostroma State University «Dialogue of cultures – culture of dialogue» which gave the opportunity to the specialists in different fields and from different countries to continue the dialogue of the preceding international weeks.

Keywords: intercultural communication, international week, dialogue of cultures, culture of dialogue, intercultural sensibilization.

TO YOUR BOOKSHELF

Vera B. Romanovskaya
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

New research by personality law state theory

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 14.11.2011
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 34,4 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 35.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная